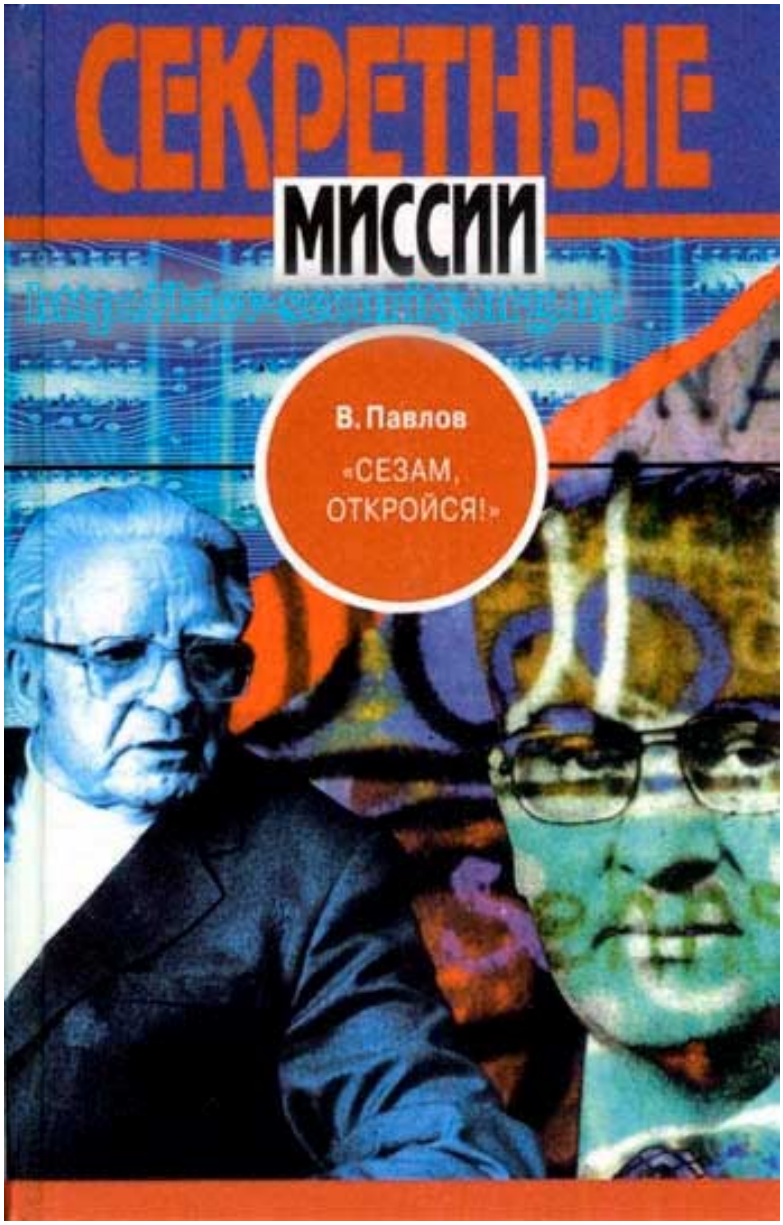
ПАВЛОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ. "СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ!"

Тайные разведывательные операции: Из воспоминаний ветерана внешней разведки.



Москва, 1999.

Автор этой книги В. Г. Павлов 50 лет проработал в КГБ. Его воспоминания посвящены до сих пор малоизвестной области разведывательной деятельности - операциям тайного физического проникновения на иностранные объекты с целью извлечения важнейшей разведывательной информации. Автор рассматривает период с довоенных лет до сегодняшнего дня, дает оценку состоянию нашей разведки после распада СССР.

#Друзьям и товарищам - разведчикам-нелегалам, - посвятившим себя опасной и самоотверженной работе, с уважением и гордостью посвящаю#

ОТ АВТОРА

Основная тема, ради которой я решился на эти воспоминания, является одной из наиболее засекреченных страниц любой специальной службы, в том числе и нашей внешней разведки, в которой я проработал полвека.

Самое строгое "табу", категорический запрет придавать гласности информацию об операциях тайных безагентурных физических проникновении (ТФП), лежало до последнего времени на этой области разведывательной деятельности.

Стремясь нагляднее продемонстрировать все особенности, сложности и, я бы сказал, разведывательную романтику операций безагентурного ТФП, я показываю наиболее характерные примеры операций тайного агентурного проникновения (ТАП) внешней разведки в иностранные спецслужбы, обычно в нашей профессиональной терминологии обозначенные как внедрение агентов, разведчиков, подстава иностранной спецслужбе наших агентов, перевербовка иностранного разведчика.

На фоне наиболее трудных и ответственных разведывательных операций легче уловить специфику операций ТФП. которые, на мой взгляд, являются наивысшим достижением любой разведывательной службы.

За свою пятидесятилетнюю разведывательную карьеру я не могу вспомнить ни одного случая предания гласности ТФП наших разведчиков в "чужие", иностранные, объекты с целью извлечения из них секретных разведывательных материалов.

Таких материалов было мало, ничтожно мало по сравнению с огромным количеством опубликованных на Западе исследовании, мемуаров и других произведений на разведывательные темы. В процессе работы над рукописью мне удалось обнаружить только одну книгу, целиком посвященную этой теме, бывшего французского разведчика Марселя Леруа-Фэнвилля, мемуары которого появились в Париже в 1980 году, в результате ссоры автора со своей службой и вопреки желанию последней (Леруа-Фэнвиль М. СДЕСЕ. Служба 7. Париж, 1980).

Отдельные эпизоды и факты, касающиеся операции ТФП других специальных служб, в том числе и наших, упоминаются в ряде мемуаров и публицистических работ весьма редко и очень скудно, как бы мимоходом.

Это явление замалчивания и ухода от предания гласности такой деликатной темы, как ТФП, явно диктуется нежеланием спецслужб посвящать общественность в особо секретную область своей деятельности. Воздерживались западные спецслужбы пока и от разоблачений фактов ТФП нашей разведки, вероятно, по той же причине, поскольку выступления на эту тему неизбежно вызвали бы интерес к аналогичной работе собственных спецслужб.

О том, что западным разведкам хорошо известно о проводившихся советскими спецслужбами операциях ТФП, сомнении не должно быть хотя бы потому, что о них знал ряд перебежавших на Запад изменников из числа сотрудников КГБ. Имели отношение к таким операциям Е Агабеков и бывшие сотрудники Второго Главного управления КГБ П. Дерябин и Ю. Носенко и работник 8-го Главного управления В. Шеймов. Ведь именно 2-е ГУ осуществляло ТФП в иностранные посольства и консульства в Москве с целью добывания шифров, которые поступали в 8-е ГУ. Наконец, совсем недавно, в 1994 году, появились "Записки контрразведчика", в которых Удилов В. Н., принимавший в свое время участие в операциях ТФП в Болгарии, впервые откровенно рассказывает о них. Признаться, появление этой книги (Удилов В.
Н. Записки контрразведчика. М., 1994) также подтолкнуло меня к осуществлению вызревавшего замысла.

Взяться за перо на тему о ТФП меня побудили два соображения. В первую очередь, убеждение в том, что все, о чем я пишу, стало известно западным спецслужбам в "принципе", в общей форме доносов изменников и предателей. Эти службы за последние годы получили доступ к практическим деталям осуществления многочисленных безагентурных операций ТФП, которые наша внешняя разведка проводила совместно со спецслужбами бывших социалистических стран Восточной Европы. Думаю, что этот мой тезис не требуется доказывать. Многочисленные примеры разоблачения Западом деятельности разведок ГДР, Чехословакии, Венгрии и других соцстран общеизвестны. Отмечу только, что специфическое положение в польских спецслужбах, создавшееся в Польше после прихода к власти оппозиции, не дает оснований для других заключений. А ведь операции ТФП проводились не только в Польше, а и в других бывших социалистических странах Восточной Европы.

В то же время, являясь ветераном внешней разведки, глубоко лояльным по отношению к своей службе, я, естественно, не собираюсь раскрывать какие-либо секреты, остающиеся неизвестными Западу, которые могли бы нанести ущерб интересам внешней разведки. С целью исключить даже малейшую возможность идентификации иностранной спецслужбой тех операций и объектов ТФП, которые могут быть неизвестны им, мною внесены необходимые изменения координат, псевдонимов, географии мест нахождения и т.д.

Второй мой мотив обусловлен стремлением не дать возможности западным спецслужбам опередить нас, представив достоверную картину осуществления внешней разведкой операций ТФП в бывшей социалистической стране, и лишить их свободы интерпретировать и

тенденциозно толковать факты ц результаты сотрудничества КГБ с польскими спецслужбами. Об актуальности этого говорит отмечающаяся последнее время на Западе тенденция публиковать то, что замалчивалось до сих пор спецслужбами. Так, появилось несколько книг, рассматривающих и операции ТФП. Помимо книги Леруа-Фэнвилля. в 1982 году американский журналист Джеймс Бамфорд опубликовал объемный труд о деятельности Агентства национальной безопасности США (АНБ), главной функцией которого является "кража чужих суперсекретов" (Бамфорд Дж. Дворец головоломок. Лондон, 1983).

Стали появляться и отдельные журнальные статьи в "Тайм", "Ньюсуик", "Пари-матч" и других периодических изданиях, в которых, в частности, сообщалось о ТФП агентов ФБР во французское посольство в Вашингтоне и изъятии оттуда французских шифров.

Можно ожидать появления на Западе публикаций о деятельности внешней разведки в этой области. При этом, как показывает опыт, такие публикации будут извращать действительные факты, искажать их для дискредитации КГБ и нашей внешней разведки. Начало этому кладет книга изменника В. Шеймова "Башня секретов", изданная в 1993 году в США.

Так следует ли нам, задавал я себе вопрос, дожидаться, когда придется либо оправдываться, либо хранить "гордое молчание", которое всегда истолковывается не в пользу обвиняемого?

Немаловажно и то, что такая искаженная информация может подаваться для нашего общественного мнения и теми нашими внутренними любителями жареного, которые с готовностью хватаются за любые порочащие КГБ и, в частности, нашу внешнюю разведку факты, от кого бы они не исходили. И будут лить воду на дезинформационную мельницу ЦРУ ч других западных разведок.

Хотя описываемые мною операции, как я указал, ничего нового для ЦРУ не добавляют, для нашего читателя, да и для широкой иностранной общественности, я надеюсь, они представляют интерес. Я показываю малоизвестную до сих пор сторону напряженной деятельности нашей разведки.

Представит эта информация, я убежден, интерес и для наших разведчиков, ибо даже внутри нашей службы об описываемой стороне разведывательной деятельности осведомлен только очень узкий круг людей.

ГЛАВА I. ВСТУПЛЕНИЕ

Вот раздвигает занавес судьба
И освещает сцены.

Джон Драйден. "Дон Себастьян"

Когда в феврале 1994 года я собирался начать писать эти мемуары, разразилось дело Эймсов в США. Действительно, для этой гордой своим могуществом разведывательной службы

- Центрального разведывательного управления - такой провал в ее безопасности явился беспрецедентным явлением. Руководящий сотрудник самой службы безопасности этой разведки оказался "кротом", агентом иностранной державы. И это после того, как Дж. Энглтон, бывший до 1974 года боссом контрразведки ЦРУ целых двадцать лет, безуспешно охотился за советским "кротом".

Целых девять лет Олдрич Эймс снабжал советскую российскую внешнюю разведку важнейшими для ее безопасности и надежности ее разведывательной деятельности сведениями о тех "кротах", которые ЦРУ удавалось завербовать из числа сотрудников советских спецслужб.

Парадокс состоит в том, что сам Эймс выдвинулся в руководящих эшелонах ЦРУ благодаря как раз вербовке агентов из числа сотрудников советских учреждений, а затем продавал их нам. Это только делало более безопасным его личное положение в службе. В самом деле, кто мог заподозрить удачливого вербовщика в том, что он сам будет сдавать плоды своей работы противнику.

Кстати, слово "противник" в сегодняшних наших условиях я употребляю вполне сознательно. Дело не в том, что я попрежнему рассматриваю ЦРУ и другие специальные службы США и Запада как нашего "врага", то есть с прежних, конфронтационных позиций. Нет, я понимаю прекрасно, что это не соответствовало бы новым условиям в мире и складывающимся отношениям добрососедского партнерства нашей страны с Западом.

Я использую этот термин в том же смысле, как мы говорим об игроках в шахматах. Ведь оба игрока во время шахматной партии являются противниками. Однако это никогда не означает, что они враги в обычной жизни.

Вот и разведки, ведущие напряженную игру друг с другом, если они в своем противостоянии строго следуют правилам соответствия этой игры общим отношениям в мире и между представляемыми ими государствами, не должны оставаться ни врагами, ни ГП - главными противниками, каким являлись США для нас долгие годы.

Их основные характеристики могут определяться только теми задачами, которые вытекают из текущего момента для разведки, и теми замыслами, которые вынашивают их государства в современной мировой ситуации. И все же не могу не оговориться.

Казалось бы, факт, что наши отношения с Соединенными Штатами теперь утрачивают конфронтационный характер, ставит на повестку дня вопрос о пересмотре наших основных установок на работу прежде всего против главного противника. Однако, исходя из сегодняшних

реалий, я полагал бы, что такой упрощенный подход является очень серьезной, стратегического характера ошибочной установкой.

Да, мы перестали быть, как нас официально заверяют американцы, "империей зла". Но ведь за этими заявлениями не последовало заметного изменения установок ЦРУ и ФБР, эти службы не снизили своего противостояния нам. Как раз наоборот, ФБР, используя разоблачения агентов "Штази" в США и таких дел, как Эймса, а в 1996 г. еще и Роберта Л. из АНБ, повышает свою активность в деле выявления сотен новых воображаемых российских агентов.

ЦРУ и другие западные разведки наращивают свою активность в вербовочной работе на территории России. Так, в 1994 году Федеральная служба безопасности РФ выявила 22 агента иностранных спецслужб из числа российских граждан и пресекла 60 попыток передачи россиянами иностранцам секретных материалов. Отозвано из России восемь иностранцев, в том числе сотрудники посольской резидентуры США, осуждено семь агентов американских и германских спецслужб. Ведется следствие в отношении двух шпионов, работавших на ФРГ и Англию (Доклад директора ФСК РФ. Правда, 1994, 12 апреля).

В США и в других странах - американских союзников по НАТО создается антироссийская атмосфера шпиономании. В то же время западные спецслужбы используют благоприятные условия, возникшие в результате развития человеческих контактов между Россией и Западом, в интересах вербовки агентуры среди российских граждан, временно выезжающих на Запад.

В условиях гласности и перестройки американские спецслужбы делают определенную ставку на использование так называемых нетрадиционных тайных источников, которые, по мнению ЦРУ, в отдельных случаях получают гораздо больший доступ к некоторым материалам, чем обычные агенты. Имеются в виду каналы расширяющегося научного, культурного, делового обмена, процесс расширения контактов.

ЦРУ якобы стало получать информацию от тех людей в России, кто имеет доступ к политическому руководству России и деловым кругам, чего не было раньше.

В связи с этим в 1988 году я обратил внимание на статью в американском журнале "Нейшн", в которой подробно описывалась технология использования американской разведкой эмигрантов из СССР - некоторых из бывших так называемых диссидентов.

С этой целью на средства ЦРУ был создан Центр в поддержку демократии, одним из основателей которого был Буковский.

Центр был задуман, как филиал ЦРУ. В основу его легла идея использовать советские организации борцов за права человека для сбора политической и военной информации в СССР.

"Советское движение за права человека, - писал один из организаторов его, Ярин-Агеев, - создало обширную внутреннюю информационную сеть и каналы доставки информации за рубеж".

Центр получал крупные правительственные субсидии (по существу - от ЦРУ), поскольку, по утверждению Ярина-Агеева, "информацию, собранную создаваемой им разведывательной системой, смогут использовать правительственные (читай: ЦРУ) и общественные организации" (За рубежом. 1988, N 13).

Думаю, яснее не скажешь о том, чьими пособниками являлись некоторые из так называемых диссидентов.

Не менее активная вербовочная работа западных спецслужб отмечается и на территории России. Иностранные разведки спешат использовать наше трудное внутриполитическое и экономическое положение.

У нас не должно быть иллюзий, что декларация об окончании "холодной войны" и переходе от конфронтации к партнерству автоматически означают окончательный отказ влиятельных на Западе и в США сил считать Россию своим главным противником.

Нам хорошо запомнилось коварство Запада еще со времен второй мировой войны. Тогда затягивание открытия союзниками второго фронта являлось результатом двойственной политики прежде всего британского правительства. Как сейчас стало известно из рассекреченных бумаг Черчилля, шеф тайного комитета по разведке при Уинстоне Черчилле Виктор Кавендиш-Бентник за год до англо-американской высадки в Нормандии в своем "циничном прогнозировании итогов войны высказывался за то, чтобы западные союзники позволили Гитлеру и Сталину обескровить свои страны, а потом спокойно и без помех войти в Европу. Вот и секрет причины задержек и откладывании сроков со вторым фронтом" (За рубежом. 1995, 10-16 февраля).

Особенно наглядно это проявилось в шумной, недружественной, порой прямо враждебной кампании в связи с арестом супругов Эймс. При этом, обвиняя нас в коварстве, выразившемся в вербовке Эймса, американская администрация лицемерно умалчивает о том, что если Эймс был завербован внешней разведкой в 1985 году, когда мы еще ходили во врагах, то ЦРУ завербовало не менее видного нашего правительственного чиновника - полковника ГРУ Баранова - уже в 1989 году, когда наши отношения с США во многом претерпели изменения к лучшему. Так кто же более коварен: Россия и ее внешняя разведка или Соединенные Штаты и ЦРУ?

Надеюсь, по ходу изложения событий я буду еще иметь возможность привести много других конкретных примеров не в пользу наших западных партнеров.

Пока же не могу себе отказать сравнить свежее дело Эймса с операциями тайного безагентурного физического проникновения (ТФП) по их важности для соответствующих разведок.

При всей значимости приобретения такого ценного агента в разведслужбе противника уже первые результаты расследования деятельности Эймса американской контрразведкой показывают, что при провале любого агента, даже такого, как Эймс, выявляются серьезные,

неблагоприятные для нас последствия. Либо разоблаченный агент начинает самым подробным образом добровольно помогать противнику в оценке причиненного им ущерба, либо его принуждают к этому. Только опытные разведчики-нелегалы выдерживают давление спецслужб противника, как это сделали Р. Абель, К. Филби или Бен и супруги Крогер в Англии, которые не выдали никаких секретов, бывших неизвестными противнику. То важное из их деятельности, что не было известно предавшим их изменникам, так и осталось за пределами осведомленности допрашивающих их следователей.

В обычной же практике контрразведкам, как правило, удается узнать у пойманного агента все подробности о сотрудничестве с иностранной разведкой.

Так случилось и с Эймсом, правда, он выторговывал за это себе определенные условия, в частности, смягчение наказания для жены.

Сравним теперь это, безусловно, выдающееся достижение внешней разведки - внедрение высокопоставленного "крота" в ЦРУ - с любой безагентурной операцией ТФП. Предположим, что мы также в течение девяти лет, как Эймс, успешно изымали из определенного важного центра противника весьма ценные разведывательные материалы и только на десятом году наша операция ТФП сорвалась. Произошел провал, и противнику стало известно о нашем тайном доступе к его секретнейшим материалам.

В отличие от провала агента, из которого можно извлечь конкретную информацию о передававшихся им разведке материалах, в случае провала операции ТФП противник может узнать лишь о технических деталях проникновения, да еще о последних материалах, которые мы могли изъять, и ничего о том, что было в течение прошедших лет и многочисленных успешных операциях ТФП. Для него остается неподдающейся конкретной оценке тайной содержание ранее полученных разведкой материалов, ибо он никогда не узнает ни о начале проведения операций, ни о их количестве, что исключает достоверный анализ. В этом состоит главное преимущество безагентурных операций ТФП перед всеми другими оперативными мероприятиями разведки, к участию в которых привлекается агентура.

Приступая к настоящим воспоминаниям об одном из наиболее сложных и волнующих направлений разведывательной деятельности, с которым я вплотную соприкоснулся уже на завершающей части своей служебной карьеры, я не могу не остановиться на оценке нашего в недалеком прошлом главного противника и, думаю, остающегося таковым на ближайшее будущее - Центрального разведывательного управления США.

Позиция американских властей и их основных специальных служб - ЦРУ, ФБР и АНБ - вне зависимости от того, кто возглавляет американскую администрацию, однозначно определяется неизменным постулатом: "наши спецслужбы всегда правы, а иностранные всегда хуже или просто плохи".

Меня удивляет не то, что этот тезис американцы применяют к нам - это понятно, особенно в тот период, когда мы в их глазах представляли "империю зла". Хотя, быть может, им следовало бы изменить свою позицию в отношении теперешних российских спецслужб.

Но удивительно, что американские спецслужбы, по их собственной оценке, превосходят во всех отношениях и такие во многом более опытные и высокопрофессиональные спецслужбы, как британские, не говоря уже о немецких (ведь БНД ЦРУ помогало создавать) и французских.

Стоит только внимательно ознакомиться с воспоминаниями бывшего британского контрразведчика Питера Райта, чтобы узнать многие примеры высокомерно-пренебрежительного отношения к МИ-5 и МИ-6 со стороны ЦРУ и ФБР (Райт П., Грингласс П Ловец шпионов. Лондон, 1986).

Много таких примеров содержится в других публикациях и исследованиях британских авторов, таких, как А. Бойл (Бойл А. Атмосфера измен. Лондон, 1990), а также американских - Ф. Эйджи, Д. Баррон, Дж. Бамфорд, Д. Мартин, Б. Вудворт и других.

Осуждая английские спецслужбы за то, что они допустили такие вопиющие провалы, как многолетняя деятельность К. Филби и его разведывательной группы, безнаказанная работа советского разведчика Д. Блейка и ряда агентов, в первую очередь Прайма, раскрывавшего суперсекреты службы дешифровки в течение 14 лет, ЦРУ и ФБР стыдливо умалчивают о не менее значительных успехах внешней разведки на территории США, таких блестящих разведывательных эпопеях, как успешная семнадцатилетняя деятельность группы Уокера, не только передавшей все, что имелось на вооружении секретной связи в американских военно-морских силах, но и обеспечивших советские дешифровальные службы знанием перспектив развития американских концепций в этой области на многие годы вперед. Что касается ущерба, нанесенного системе секретности союзников агентом Праймом, то куда больший ущерб в этом отношении нанесли бывшие сотрудники американского АНБ Пелтон, Мартин и Митчел, Ли и Бойс, Гамильтон, а также Джек Данлон, сумевшие за короткий срок снабдить советскую внешнюю разведку огромным количеством ценнейших материалов АНБ.

Что касается деятельности ЦРУ, то советские спецслужбы получили бесценную помощь от бывшего сотрудника этой службы Ховарда, позволившего надолго вывести из строя московскую резидентуру ЦРУ и разоблачить ряд ее важных агентов в нашей стране.

В этом аспекте разоблачение непомерно самонадеянного образа ЦРУ и ФБР завершает последнее, ставшее известным этим службам дело Эймсов.

В связи с этим агентом советской внешней разведки, высокопоставленным "кротом" в ЦРУ, представляется интересным и весьма уместным вспомнить о руководителе контрразведывательной службы в ЦРУ Джеймса Д. Энглтона, который все свои двадцать лет руководства службой безопасности посвятил безуспешным поискам "крота" как раз масштаба Эймса.

О том, что принесла эта "охота за кротом" как американским, так и другим западным спецслужбам, я еще буду иметь возможность высказаться подробнее.

В своих воспоминаниях о полувековой работе во внешней разведке, написанных до событий 1991 года, я тщательно избегал придавать гласности какие-либо факты или

разведывательные операции, которые строго охранялись жесткими рамками "безгласности" того времени в отношении всего, что касалось КГБ (Павлов В. Г. Операция "Снег". М.: Гея, 1996). Эти рамки определялись не столько принципом не разглашать и не писать о том, что Западу не стало известно из наших провалов либо со слов изменников и предателей, сколько требованием скрывать за плотным занавесом секретности любые события и факты, касающиеся деятельности КГБ. Думаю, что чиновники от спецслужб исходили при этом из простого соображения: чем меньше говорить и показывать то, чем занимается Комитет госбезопасности и его отдельные службы, тем больше будут уважать это ведомство.

Именно этой трусливой политике мы и обязаны возникшему в глазах нашего общества образу КГБ - страшного монстра, продолжающего творить прежние ежовско-бериевские беззаконие и произвол.

Теперь обстановка в нашем обществе кардинально изменилась. Многие "страшные" запреты пали, общественность требует раскрыть тайны КГБ. К тому же внешняя разведка выделилась в самостоятельную службу и стала сама определять, что можно и даже должно говорить о своей деятельности нашему народу.

В этих новых условиях я мог бы, кстати, во славу внешней разведки, поведать о тех прошлых делах, в которых мне довелось лично участвовать либо иметь к ним самое непосредственное отношение.

Кое-что удалось дополнить публикацией воспоминаний о Польше, написанных уже в 1994 году, правда, не столько о работе внешней разведки, которую я представлял при польских спецслужбах, сколько о польских партийных и государственных деятелях в кризисные 1973-1984 годы (Павлов В.
Г. Я был резидентом КГБ в Польше. Варшава, 1994).

Я рассказал о наблюдениях, сделанных глазами разведчика, располагавшего всей полнотой знания не только о гласной деятельности этих польских руководителей, но и об их закулисных поступках и интригах, о происходившей напряженной борьбе за власть в этой стране.

В своих воспоминаниях я стремился показать в основном свою личную работу по получению актуальной информации о положении в стране в сложное кризисное время. При этом я избегал затрагивать содержание деятельности руководимого мною представительства КГБ СССР при МВД ПНР, потому что это невольно повлекло бы необходимость показать роль и участие руководителей и оперативных сотрудников МВД ПНР в совместных операциях с соответствующей оценкой их позиции в сотрудничестве с КГБ СССР. Учитывая сложившуюся к тому времени ситуацию в польских спецслужбах и в целом по стране, это создало бы возможные неприятные последствия для их положения.

Сейчас я чувствую необходимость восполнить в известной мере этот пробел, но по-прежнему по тем же соображениям считаю себя не вправе касаться всего объема взаимодействия и сотрудничества наших специальных служб (КГБ и МВД СССР) с польскими, координацией которых я занимался почти 12 лет.

Кроме того, мое одностороннее оглашение оценок действий и мнений моих бывших польских коллег считаю неэтичным, тем более что они лишены возможности поправить меня в случае ошибочных интерпретаций их позиций. Учитываю я и то бесспорное обстоятельство, что значительная доля профессиональной деятельности польских спецслужб в те горячие времена как раз и направлялась против политической оппозиции, то есть против многих сегодняшних руководителей Польши. Уже одно это удерживает меня от конкретизации в личностном плане всего нашего сотрудничества с поляками.

Поэтому я ограничиваю свои воспоминания весьма узкой, специфичной, одной из самых закрытых, до сих пор малоизвестной областью разведывательной деятельности, в совместном осуществлении которой силами советских и польских специальных служб мне довелось участвовать. Речь идет об операциях тайного физического проникновения в иностранные объекты с целью извлечения из них важнейшей разведывательной информации и материалов, в первую очередь, шифров и других средств, засекречивающих линии коммуникаций.

Поскольку объектами, представлявшими наибольший интерес для нашей внешней разведки, являлись различные внешнеполитические представительства: посольства, консульства, торгпредства и организации, используемые иностранными разведками в качестве прикрытий (Павлов В. Г. Операция "Снег".
М. 1996), операции ТФП в них были чрезвычайно сложными и крайне рискованными. В случае провала, срыва и обнаружения попытки ТФП такая деятельность была чревата серьезными последствиями, возможными дипломатическими осложнениями и громким политическим скандалом. В то же время операции ТФП не являются какимто уникальным видом разведывательной деятельности, присущим только нашей службе. Нет, этими операциями издавна занимаются все разведки мира. Но при этом в литературе на разведывательные темы трудно найти об этом более или менее обстоятельные сообщения.

Поскольку наибольший опыт по практическому осуществлению операций ТФП я приобрел в процессе совместной работы с польскими коллегами, свой вывод об осведомленности западных спецслужб о деятельности нашей внешней разведки в этой области я и основываю на анализе сложившегося сейчас положения в Польше и ее специальных службах.

Если раньше у КГБ СССР и его внешней разведки существовало не просто партнерство, а настоящая дружба и всеобъемлющее взаимопонимание и взаимодействие как с польскими спецслужбами, так и со всеми службами стран-участниц Варшавского Договора, то теперь наши прежние союзники в области разведывательной деятельности стали нашими противниками.

В те не столь отдаленные времена, когда я координировал сотрудничество КГБ СССР с МВД ПНР, спецслужбы двух наших стран тесно сотрудничали в решении различных оперативных, оперативно-технических и кадровых проблем. Совместно нами проводились и операции по ТФП во многие западные объекты с целью добычи совершенно секретной разведывательной информации, интересовавшей нас и польских коллег. При этом, естественно, многие наши профессиональные секреты становились известны полякам. Кроме того, сами

сотрудники польских служб, особенно их руководящие кадры, проходили профессиональную подготовку в учебных заведениях КГБ, где они также приобщались к нашим тайнам.

Изменение политического режима и приход к власти в Польше бывшей оппозиции привели к коренной перестройке спецслужб в этой стране, полной замене руководящих кадров и увольнению многих оперативных работников. Новое руководство увидело теперь в нас не партнеров, а противников. Не приходится удивляться тому, что новые польские руководители сразу же поспешили заявить, что если раньше Польша совместно с Советским Союзом вела борьбу против Запада, то теперь она будет с Западом вести борьбу против нас.

О том, что новые польские спецслужбы повернулись в сторону Запада, свидетельствует и то, что теперь вместо подготовки своих кадров у нас они посылают своих сотрудников в ЦРУ, СИС, СДЕСЕ и БНД. Американский журналист Б. Нелан приводит ссылку на поляка: "До 1988 года польских агентов готовили к Москве, - отмечает Ежи Яхович, варшавский журналист, пишущий на темы разведки, - теперь они проходят подготовку в США, Франции и Англии" (Тайм. 1993. Июль).

Эта прозападная ориентация была подчеркнута в ходе официальных визитов бывшего директора ЦРУ Вулси к своим коллегам в Варшаве, Праге и Будапеште.

Естественно предположить, что западные спецслужбы получили доступ к прошлым делам польской разведки и контрразведки. И в первую очередь к тем, что проводились поляками совместно с внешней разведкой против западных объектов.

Из-за особой секретности польские коллеги по нашей просьбе весьма требовательно отбирали участников ТФП и стремились, чтобы круг лиц, осведомленных о наших совместных мероприятиях, был постоянным при неоднократно повторявшихся операциях ТФП.

Несмотря на это, по моим подсчетам, за время моего пребывания в Польше с 1973 по 1984 год, к операциям ТФП оказались причастными не менее ста человек, не считая тех ТФП, которые польские спецслужбы проводили повторно и иногда многократно в один и тот же объект уже без участия наших специалистов, то есть действовали по проложенной для них дорожке. Полагаю, что к таким операциям привлекались еще десятки новых польских специалистов.

Хотя эти воспоминания не ограничиваются только безагентурными операциями ТФП, показывая в полном объеме все виды проникновений, с которыми мне пришлось соприкасаться в разных странах, свой личный опыт по так называемым классическим безагентурным ТФП я приобрел в Польше. Поэтому основой данных воспоминаний является моя разведывательная деятельность в период работы в качестве руководителя представительства КГБ СССР при МВД ПНР с 1973 по 1984 год включительно.

Описывая свой личный опыт в Польше, я, как правило, умалчиваю о настоящих названиях объектов, их национальной принадлежности и точной дислокации. Не говорю я и о тех подробностях осуществления операций ТФП, которые, по моей оценке, остаются нашей тайной,

например, о некоторых ультрасовременных приборах и приспособлениях, которые привозили специалисты КГБ и пользовались ими только сами, строго охраняя их секреты.

В воспоминаниях приводятся различные примеры операций ТФП, ставшие известными мне за 50 лет профессиональной деятельности в различных регионах мира. Эта часть книги также является конкретизацией тех воспоминаний, которые были изложены ранее подчас схематически в книге "Полвека в разведке".

За свою полувековую службу в разведке мне довелось узнать много малых и больших секретов, которые мне не принадлежат и которые я как оперативный разведчик-офицер должен забыть и никогда не вспоминать. Это, однако, не означает, что эти порой весьма жгучие тайны совсем стерлись из моей памяти. Нет. Пожалуй, я помню их даже лучше, чем многие другие, о которых могу и хотел бы поделиться с читателем, хотя память и начинает давать сбои.

Из этих "забытых" секретов, как из сокровищницы пережитого опыта, вырастает ряд взвешенных умозаключений и выводов, переживаний и размышлений с самим собою, которые находят свое выражение в воспоминаниях.

Так что "забытое" не забыто мною совсем, но никогда не будет, да и не может быть изложено на бумаге.

Многие из проводившихся у меня на глазах операций ТФП как раз и относятся к "забытой" мною части секретов внешней разведки.

Но и то, о чем можно сейчас говорить и писать, достаточно для самых глубоких размышлений о сути нашей разведывательной профессии.

НЕМНОГО ПРЕДЫСТОРИИ

Выезжая в Польшу, я вспомнил не так давно прочитанную книгу французского писателя Андре Моруа и его тезис, импонирующий мне: "Бездействие противно человеческой натуре" (Моруа А. Вначале было дело. Париж, 1966).

Весну 1973 года я встретил на посту начальника Краснознаменного Института, высшего разведывательного учебного заведения, теперь Академии СВР им. Ю. В. Андропова. Шел тридцать пятый год моей разведывательной карьеры и третий год после возвращения из последней долгосрочной командировки в Австрию, где я был резидентом внешней разведки.

Я был полностью доволен своим положением и испытывал большое удовлетворение оттого, что мог реализовать свой опыт, готовя молодое пополнение для нашей службы.

Когда после моего возвращения из Австрии начальник внешней разведки Александр Михайлович Сахаровский предложил мне возглавить институт, я с готовностью согласился, тем более что в 1938 году я был слушателем первой школы особого назначения, из которой и вырос затем наш институт. В дальнейшем мне приходилось участвовать в работе КИ, читая там

лекции, принимая экзамены, а в период, когда я был заместителем начальника разведки, возглавлял комиссию по приему новых слушателей и распределению оканчивающих курс обучения между подразделениями службы.

Институт встретил меня приветливо. Профессорско-преподавательский состав одобрил назначение на пост начальника разведывательного учебного заведения профессионала. Тем более что мой предшественник на этом посту вовсе
не был разведчиком.

Слушатели также с интересом восприняли первые же мои выступления как на факультетах начинающих разведчиков, так и на спецфаке повышения профессионального мастерства, на котором проходили переподготовку уже понюхавшие порох кадры разведки, имеющие опыт практической работы за границей. Многие из слушателей этого факультета лично знали меня по работе в Центре. Не менее заинтересованно отнеслись ко мне на специальных факультетах для иностранных слушателей, где обучались представители спецслужб наших братских социалистических стран, среди которых оказалось также немало моих знакомых, особенно из состава руководства иностранных учебных групп.

С первых дней работы в КИ мне сразу пришлась по вкусу обстановка, царившая в слушательской среде. Молодые, жизнерадостные и весьма эрудированные, в большинстве вчерашние выпускники вузов, жаждали поскорее познать, что же такое разведка, какие жизненные сюрпризы она преподнесет им. Как хорошо понимал я их, вспоминая то далекое время, когда в 1938 году вот так же жадно вслушивался в каждое слово опытных разведчиков. Но какая огромная разница в том, как мы начинали познавать разведывательную профессию и какие условия представлены начинающему разведчику сейчас. Это вселяло уверенность в том, что если мы, неопытные новички, после трехмесячной учебы смогли со временем стать настоящими профессионалами, то эти молодые люди, многие из которых уже владеют иностранным языком, после годовой напряженной работы под руководством опытных разведчиков существенно подкрепят наши неизбежно стареющие кадры.

Радостно мне было стать непосредственно сопричастным к подготовке молодежи. С величайшей готовностью передавал я им свой опыт и знания, надеялся, что в роли начальника института мне удастся максимально приблизить весь учебно-тренировочный процесс к реально существующим условиям работы разведчиков за границей.

В этом направлении я и начал свою работу с преподавательским и тренерским коллективом КИ.

Одной из главных задач, которые я поставил себе в КИ, являлась работа по пересмотру учебно-тренировочного процесса так, чтобы он вводил слушателей в мир разведывательной деятельности как теоретически, так и, особенно, практически.

Кроме приближения тренировочной практики к действительным условиям работы разведчиков за рубежом, я стремился к тому, чтобы вся теоретическая подготовка проходила не

под знаком заучивания штампов, готовых решений и ответов, а требовала самостоятельного осмысления, приучала думать и находить свои решения в каждой конкретной ситуации.

Научить слушателя словесному определению, что такое агент - нетрудно, довести до него всю широчайшую гамму качеств, которые несет в себе это определение, понять потенциал способности агента решать различные задачи - это требовало от слушателей большой умственной работы с тем материалом, который давали им преподаватели - опытнейшие разведчики-профессионалы.

Но ведь это как раз и требовалось от будущего разведчика: способность думать и оригинально мыслить, не принимая ничего заранее на веру, без глубокого анализа сущности разведывательной работы.

Так я вместе со всем руководством учебных кафедр КИ приступил к пересмотру и переработке учебных программ. В первую очередь мы занялись программами разведывательных кафедр, а также кафедр оперативно-технической подготовки.

Я был приятно удивлен проявлением готовности и даже энтузиазма, с которым отнеслись к поставленной мной сложной и трудоемкой задаче большинство руководителей кафедр и преподавателей. Но не обошлось и без сопротивления отдельных из них, которое мне удалось быстро преодолеть при поддержке как самих кафедр, так и руководства ПГУ, куда были адресованы отдельные заявления не желавших перестраиваться. Так мы начали свою "перестройку", которую, однако, мне не довелось довести до конца.

СНОВА В БОЙ

В первые дни весны 1973 года мне поступило указание начальника внешней разведки генерала Ф. К. Мортина явиться в штаб ПГУ в Ясенево на прием к председателю КГБ СССР Ю. В. Андропову. Принимал председатель во время эпизодических приездов в Ясенево в специальном кабинете, отведенном для этой цели на втором этаже главного служебного корпуса.

Когда меня пригласили, у Юрия Владимировича уже находились Ф. К. Мортин и его первый заместитель Владимир Александрович Крючков. Председатель поздоровался и спросил, как у меня идут дела в КИ. Когда я начал отвечать, он тут же прервал меня и сказал, что учебными делами я еще успею заняться позже, а пока руководство Комитета и внешней разведки считает, что мне еще рано оседать надолго на работе в Центре и следует вернуться к активной деятельности.

"Есть потребность, - сказал Юрий Владимирович, - чтобы в качестве представителя КГБ в Польшу был направлен опытный разведчик. Мы считаем вас подходящим на эту должность".

Как ни был я ошарашен такой неожиданной перспективой, я все же попытался высказаться против этого назначения "Товарищ председатель, я, как вы знаете, недавно вернулся из долгосрочной заграничной командировки. Сейчас активно начал большую работу по

перестройке учебного процесса и программ обучения молодых разведчиков. Эта работа мне нравится, она увлекла меня, и хотелось бы закончить ее..."

Прервав мои возражения против нового назначения, Ю. В. Андропов сказал, что еще успею продолжить эту интересную работу, когда вернусь из Польши, "через несколько лет". А сейчас, добавил он, подводя черту под разговором, мне следует сдать дела в КИ новому начальнику - генералу Зайцеву и в кратчайшие сроки выехать к месту назначения. Мне не оставалось ничего другого, как поблагодарить за доверие и заверить, что сделаю все, чтобы оправдать его.

Вышел я от Андропова, обуреваемый мыслями и о делах в КИ, которые я теперь брошу неоконченными, и о туманных и смущавших меня перспективах грядущей работы в Польше.

Возник вопрос, почему начальник разведки Мортин не захотел предупредить меня о предстоявшем разговоре, не дал мне возможности во всеоружии встретить предложение, обосновать более убедительно нецелесообразность срывать меня с начатого дела.

Пришла в голову малоприятная догадка, что, вероятно, Мортину, который около года руководил КИ, показалось неприемлемым то, что я начал ломать установившиеся при нем в институте порядки и программы, которые он ранее одобрил. Ведь не случайно отдельные протесты, исходящие из КИ против моих действий, шли как раз к нему, бывшему в то время первым заместителем начальника внешней разведки Сахаровского. Подумалось, что Сахаровский обязательно поговорил бы со мной и, я уверен, смог бы меня избавить от бесполезной попытки отказаться от назначения.

Более мрачные мысли мои касались характера предстоявшей работы. Еще со времени, когда я был заместителем начальника разведки и курировал так называемый международный отдел ПГУ, я хорошо узнал, что в представительствах КГБ в бывших социалистических странах основная работа состояла в координации деятельности подразделений КГБ с соответствующими службами спецорганов этих стран. То есть пассивная с точки зрения участия в оперативных делах, по существу, административная работа. А ведь я был разведчиком с 35-летним опытом оперативной разведывательной работы. Кроме того, все долгие годы моей разведывательной карьеры мне всегда больше всего импонировала активная деятельность. Так я вел себя на любом участке, 12 лет занимаясь в Центре организацией нелегальной разведки, много выезжал по конкретным делам в разные страны мира, в том числе и нелегально, для знакомства с положением и работой разведчиковнелегалов.

Когда ты еще полон сил и энергии, чувствуешь себя способным на многое, обидно становиться только координатором чужих действий, хотя эти "чужие" представлены опытными профессионалами, в том числе и нашей внешней разведки.

Так думал я тогда, готовясь к выезду в Польшу. Уже позже я понял, что во многом ошибался в части пассивности. Но это случилось, когда я нашел возможности активного применения своего разведывательного опыта в информационной деятельности по освещению положения в Польше, пусть и не путем классической разведки.

Но главное удовлетворение от нового места работы я стал получать, принимая участие в совместных с нашими польскими коллегами операциях и ТФП в различные западные объекты. Об этом и пойдет речь в моих настоящих воспоминаниях.

Перед моим отъездом в конце апреля 1973 года председатель КГБ принял меня уже как представителя КГБ и МВД СССР при МВД и МОН ПНР и дал напутственные указания, немало меня поразившие.

"Вы должны твердо запомнить, - говорил Юрий Владимирович, - что представительству КГБ и вам лично категорически запрещается заниматься в Польше, нашем верном союзнике, разведывательной деятельностью в ее классической форме. Никаких вербовок, конспиративных встреч и других подобных действий. В то же время, - продолжил председатель, - вы должны знать все, что происходит в стране, в ее руководстве, в политике, экономике, в партийных и общественных организациях, в рабочем классе и кругах интеллигенции. Мы ждем от вас исчерпывающей информации как по внутренним делам, так и об отношениях Польши с капиталистическим миром. Вы опытный разведчик и должны найти пути решения этой важнейшей задачи, не прибегая к разведке".

Вот так просто! Занимайся разведкой, не ведя разведку, отказавшись от ее основного средства - агентов, секретных информаторов, конспиративных средств связи. Было над чем задуматься.

О том, как мне удалось успешно справиться с этим сложным заданием, я подробно описал в своих воспоминаниях о работе в Польше в книге, изданной в Польше в 1994 году (Павлов В. Г. Я был резидентом КГБ в Польше. Варшава, 1994).

Для того чтобы представить, с какой озабоченностью я отправился в Польшу, нужно напомнить состояние мировой обстановки в тот далекий, двадцатилетней давности период времени. Шла, не снижая своего накала, "холодная война" между миром социализма во главе с СССР и Западом, возглавляемым и направляемым США.

Оборонительный союз социалистических стран Восточной Европы в лице Организации Варшавского Договора - ОВД, возглавлявшийся Советским Союзом и правящей в нем единолично КПСС, претендовал на монопольное право определения политики борьбы за мир, против гонки вооружений и опасности ядерной войны. Противостоявший ему Северо-Атлантический союз западных держав - НАТО - не скрывал своих агрессивных целей бескомпромиссной борьбы с миром социализма и, в первую очередь, с его лидером - СССР. "Холодная война" того периода олицетворялась жестким противоборством нашего государства с Соединенными Штатами практически по всем направлениям жизнедеятельности: в военной, политической, дипломатической, культурной и научно-технической областях международного взаимодействия.

Это противостояние находило свое самое острое выражение в неутихающей борьбе специальных служб, проявляясь прежде всего в широкомасштабной подрывной деятельности

разведок западных государств против нашей внешней разведки и ее союзников в социалистических странах.

Все возраставший накал этой борьбы Запада против нас, нашей разведки и вообще против всего советского непрерывно поддерживался ведущей западной разведкой - ЦРУ, которая осуществляла лидерство во всех антисоветских акциях.

Мне было известно, что Польша, как важнейший союзник СССР, являлась районом особого интереса ЦРУ и союзных ему спецслужб.

Внутриполитическое положение в этой стране непрерывно подвергалось воздействию со стороны этой американской службы, выполнявшей заказ американской администрации по отрыву Польши от социалистического содружества как наиболее слабого, по западным оценкам, звена Варшавского Договора.

"Холодная война", которую сейчас многие обозреватели не без основания рассматривают не холодной, а довольно теплой, была в тот период в разгаре. Это сейчас многое в ней кажется не таким серьезным и близким к горячей схватке двух противостоящих блоков государств.

А тогда эти два мира упирались грудь в грудь, вооруженные небывалой мощью самого современного оружия.

Серьезность угрозы ядерного нападения Запада на нашу страну для меня стала наиболее ясной и реальной после того, как я лично держал в своих руках материалы, добытые в результате ТФП в диспетчерский пункт американского военного ведомства во Франции, о котором я пишу подробно, как об операции "Карфаген".

Эта сложнейшая операция и ее замечательнейшие результаты явились одним из наиболее веских для меня доводов в пользу необходимости таких операций ТФП, моим моральным оправданием участия в ТФП в Польше.

Из этого следовало, рассуждал я, что мне предстояло использовать все возможности для мобилизации наших совместных с поляками усилий для выявления и разоблачения враждебных замыслов иностранных спецслужб против народной власти и социалистического режима в Польше, а также по использованию ими территории этой страны для подрывной деятельности против Советского Союза.

Значение и сложность этих задач вырисовывались передо мною, на фоне совсем недавних, конца 1970 года, широкомасштабных политических событий, повлекших смену высшего партийного и государственного руководства Польши. Отголоски этих событий, как мертвая зыбь в океане после пронесшегося шторма, продолжали давать о себе знать и на третьем году деятельности новой руководящей команды во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП
Е. Гереком.

Из короткой прощальной беседы с Ю. В. Андроповым я понял, что председатель КГБ придавал первостепенное значение задаче как можно скорее разобраться во внутриполитическом положении Польши, предупредив меня об ошибках нашего аппарата в Венгрии в 1956 году в оценке положения в венгерском обществе и, в первую очередь, в партии, рабочем классе и кругах интеллигенции.

Зная о личном опыте председателя, который в тот период был послом СССР в Будапеште, я ясно представлял себе его высокую требовательность по этому разделу моих обязанностей, которая меня ожидала после приезда в страну.

С ПОЗИЦИЙ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Мои воспоминания по избранной мной узкой теме - о ТФП, по существу, затрагивают широкий спектр разведывательной деятельности любой специальной службы. Поэтому желательно посмотреть на эту область действий нашей советской внешней разведки в сопоставлении с действиями западных разведок с позиций сегодняшнего дня.

За прошедшее десятилетие после моего возвращения из Польши в мире, и особенно в бывшем социалистическом содружестве в Восточной Европе, произошли кардинальные изменения. Закончилась "холодная война", на протяжении долгих лет которой, как писал в американском журнале "Тайм" Брюс
О. Нелан, "США и Советский Союз боролись за каждый квадратный метр в любом месте земного шара". Обе страны сосредоточивали "друг на друге практически всю свою шпионскую деятельность и использовали большую часть выделяемых на разведку средств".

Но инерция в политическом мышлении государственных деятелей Запада уходит корнями в предыдущий этап международных отношений. Она никак не способствует быстрейшей перестройке деятельности государственных служб и, в первую очередь, западных специальных служб. Окончание "холодной войны" для многих западных политиков и правительственных чиновников "спутало представление о безопасности". Раньше, при противостоянии блоков, было ясно, где враг, где друг и союзник. Четкой была и граница между мирами. И вдруг "все перемешалось. Безопасность распалась на мозаику постоянно меняющихся размытых конфликтов и войн..." (Проэктор Д. Наследие "холодной войны" и политика безопасности. Сегодня. 1994. 12 февраля).

Наша теперешняя действительность такова, что "мертвый начинает хватать живого".

Как бы ни уверяли себя, что со старым уже все кончено и теперь все будет по-новому, мы сами в это не верим.

Да разве возможно мне, прожившему четыре пятых века, из них 65 лет при старом порядке, и верой и правдой отслужившему ему полвека, отказаться, по существу, от всей моей жизни?

Нет, тем более что подавляющая часть ее, система, в которой она протекала, была здоровой, позитивно-созидающей и исторически неопровержимой. Что же касается остальных

ее теневых сторон, минусов, издержек, ущербности и даже преступности, то в оправдание можно спросить: а есть ли хоть одна страна в мире, где история не была омрачена кровавыми страстями?

Но не негатив, а исторический позитив является строительным материалом для будущего нашей Родины. Верю, что Россия, как Феникс, воспрянет из пепла сегодняшней разрухи и будет действительно Великим государством, достойным Великого народа. Ну, а сегодня нам надо сражаться сразу на двух фронтах: против остатков старого зла, идущего к нам с Запада, и против собственной склонности создавать себе образ новых врагов.

Известный польский писатель философ-фантаст Станислав Лем говорил: "В человеческой натуре все еще глубоко сидит потребность иметь врага - злого и грозного, который соблазняет и растлевает, обольщает и так или иначе вынуждает творить зло" (Выборча. 1994. N 42. 20 февраля).

Писатель замечает, что мы особенно легко склонны к нехорошим поступкам тогда, когда можно возложить ответственность за них на других, например в толпе.

В этом аспекте индивидуальные поступки и поведение людей для меня были предпочтительнее. Не случайно я никогда не отказывался от ответственности и не уважал тех, кто избегал ее. К сожалению, у нас в службе было немало таких руководителей, которые делали все, чтобы в случае неудачи ответственность за решение возлагалась на других. Характерен в этом отношении стиль многих указаний Центра в резидентуры с оговорками типа "смотрите, мы вас предупреждаем" и т. д.

Возвращаясь к дню сегодняшнему, нельзя не сказать о позициях западных спецслужб в условиях перехода в отношениях Запада и России от конфронтации к партнерству.

Здесь прежде всего хочу отметить, что все заявления на Западе о якобы ненужности разведки звучат чистой демагогией, рассчитанной на наивных людей. Теперь, после возникновения ряда серьезных региональных конфликтов (в Югославии, на Ближнем Востоке), они замолкают, но продолжаются дискуссии о том, какая разведка требуется в современных условиях.

Это последнее направление в выступлениях публицистов не находит поддержки со стороны разведчиков-профессионалов. Думаю, что они разумно не вступают в обсуждение того, что и как может и должна делать спецслужба. Ясно что все, необходимое государству для обеспечения своих собственных интересов.

Здесь уместно сравнить разведку с пресловутым чеховским ружьем, которое если висит на стене в первом акте пьесы, то обязательно выстрелит до конца спектакля. Так и разведка - она не может зря, ни для чего, просто существовать. Ее задача "стрелять", то есть действовать там и тогда, где и когда это востребуют события и интересы ее "автора" - государства.

Ни неудачи, ни провалы и измены, которые, к сожалению, сопутствуют активно действующей спецслужбе, не могут быть аргументом в дискуссии: следует ли избавиться от этих последствий разведывательной деятельности путем устранения самой разведки?

Ведь еще не было в мировой истории государства, не имевшего разведки. Пока государство будет оставаться фактом образования человеческих популяций, разведки будут его неизбежным атрибутом, нравятся они нам или нет.

Другое дело, если разведка действует вразрез с интересами своего государства. Тогда ее нужно реформировать, ставить под более жесткий контроль. В этой связи заслуживает нашего внимания пример деятельности ЦРУ в период афганской войны.

Ни в коей мере не собираюсь оправдывать действия советской стороны, но не могу не осудить коварство и крайнюю близорукость Запада и, в первую очередь, американской администрации и ее спецслужб. В своей всеослепляющей ненависти к Советскому Союзу американские спецслужбы, и в первую очередь ЦРУ, воспользовались войной в Афганистане, чтобы наносить как можно больший ущерб и всевозможный вред нашему государству. В арсенал средств ЦРУ в этой деятельности входили, помимо снабжения афганских моджахедов (повстанцев) оружием, в том числе и таким современным, как "Стингеры", подготовка террористов и наводнение Афганистана наркотиками.

Последнее обстоятельство дало свои пагубные долголетние последствия не столько для нас, сколько для Запада и самих США в первую очередь.

Как заявил один американский эксперт, причастный к указанной политике и практике в Афганистане,#"по сути дела, мы создали чудовище. А сегодня расплачиваемся"# (За рубежом. 1994. N 3).

В чем же суть пагубных действий ЦРУ? Тысячи подготовленных и владеющих самыми совершенными средствами и способами терроризма исламских фундаменталистов-фанатиков из союзников и исполнителей замыслов ЦРУ превратились в заклятых врагов США, используя созданные с благословения американских властей центры вербовки добровольцев и их подготовки, они теперь совершают теракты против своего бывшего благодетеля. Об этом свидетельствует взрыв в международном торговом центре, стрельба из автомата перед штабом ЦРУ и их сорванные замыслы против ООН и ФБР в Нью-Йорке.

Другой эксперт США - Джек Блюм, в прошлом возглавлявший созданную конгрессом США группу по выявлению каналов финансирования наркобизнеса и терроризма, высказался предельно ясно: "По прошествии десяти лет активности в данном районе, после ослепления и пособничества мы преуспели в двух вещах

- мы превратили этот регион в один из главных мировых центров торговли наркотиками и в центр международного терроризма".

Как теперь вскрывается, бывшие агенты западных спецслужб, в частности ЦРУ, используют свои контакты с этими спецслужбами для участия в терактах против Запада же. Так, один из участников взрыва в международном центре был в прошлом агентом ЦРУ.

Интересно, что французская разведка также сыграла свою коварную роль. Это она подала американцам мысль наводнить Афганистан наркотиками, с тем чтобы превратить солдат Советской Армии в наркоманов, ослабить их здоровье и лишить мужества и стойкости.

К сожалению, сейчас мало что изменилось в позициях западных спецслужб по отношению теперь уже не к СССР, а к России.

Поднятая в связи с арестом Эймсов в США шумная антирусская политическая кампания, которую, по существу, возглавил своим заявлением сам президент Клинтон, явно была инспирирована ЦРУ и ФБР, Эти службы хотели скрыть за громкими обвинениями в адрес России провал своих утверждений, что русская внешняя разведка слаба. И вдруг Россия сумела завербовать сотрудника ЦРУ, и не просто рядового, а одного из важных ее руководителей. К тому же использовала его, надо полагать, небезуспешно аж целых 9 лет.

Спрашивается, кто же слаб: наша внешняя разведка или ЦРУ и ФБР, которым давно хором пели дифирамбы публицисты и исследователи, такие, как

Д. Баррон, Ч. Пинчер, Д. Мартин и многие другие, стремясь всячески опорочить наши спецслужбы? Никто из них при всех потугах не мог бы назвать когда-либо приобретенного западными спецслужбами "крота" во внешней разведке уровня Эймса. Стоило бы им заглянуть в историю нашей разведки и увидеть не только К. Филби, после которого, по их утверждению, новых достижений не было, но и Х. Фельфе (БНД), который так же, как и Эймс, возглавлял отдел западногерманской разведки против нас. А каков уровень таких агентов-американцев, как Уокер или Ховард (также бывший сотрудник ЦРУ), чьи сведения на долгое время вывели из строя всю московскую резидентуру ЦРУ.

Интересно отметить, что попытка американцев превратить дело Эймсов в уголовно-политическое напоролась на настоящую пощечину со стороны швейцарских властей. Как сообщало западное радио, они отказали американцам в предоставлении юридической помощи и, в частности, в замораживании счетов Эймса в швейцарских банках. "Шпионаж, - ответили швейцарцы, - не может рассматриваться как уголовное дело, это акт политический и, следовательно, не подпадает под соглашение о содействии в уголовном расследовании".

Действительно, трудно подводить разведывательную деятельность под уголовные преступления, так как она далеко выходит за их рамки.

Не случайно некоторые разоблаченные агенты предпочли бы отвечать за свои действия как за уголовное преступление, чем нести ответственность за шпионаж или измену родине в форме шпионажа, ибо наказание за первое во многих странах ниже, чем наказание за связь с иностранными спецслужбами.

Раз разведка - акт политический, то, очевидно, нельзя считать добычу разведками "чужих" секретов обычным воровством. И не следует присовокуплять к этой деятельности все те нравственные и этические следствия, что тянутся за таким обыденным нарушением законов, как воровство, хищения.

Итак, арест супругов Эймсов, Олдрича Хайзена и Марии дель Росарио Касос вызвал в США шумную кампанию против разнузданного шпионажа России. При этом пресса создавала видимость нарушения внешней разведкой какой-то договоренности (конечно же несуществующей) не вербовать видных чиновников.

В то же время американское общество не информировали, что ЦРУ вербовало и вербует в России агентов любого служебного положения. Уже упоминалось о вербовке американской разведкой в 1989 году полковника ГРУ Вячеслава Баранова, передававшего американцам информацию военного и оперативного характера.

По своему служебному положению Баранов вполне сопоставим с Эймсом, однако российская сторона не делала из этого провала шума, хотя Эймс был завербован внешней разведкой еще в то время, когда за нами числилось определение "империи зла" - в 1985 году, а Баранова ЦРУ вербовало уже в конце 1989 года. Так о каком согласии, пусть только молчаливом, может идти речь, кто его нарушает?

В своих комментариях по делу Эймса американская пресса и отдельные американские руководители договорились до абсурда: "Следить за друзьями и шпионить за соперниками - разные вещи, Россия не союзник... В лучшем случае - потенциальный партнер, но через много лет"; "Сейчас это соперник с иными, чем у нас, интересами"; "У России есть свои национальные интересы" (За рубежом. 1994, N 9) и т. д. Получается, что у Германии, Франции, Италии нет своих национальных интересов? А ведь они союзники США!

В общем, если Россия не будет послушной и не будет плясать под дудку США, то ату ее!

Шум вокруг дела Эймсов отнюдь не следует воспринимать только как претензию к нашей внешней разведке. Такие же примерно кампании сопровождали массовую высылку советских сотрудников в 1971 году из Англии, в 1983 году из Франции, позже - из США. Эти внешние действия были только предлогами для выражения недовольства по более основательным причинам.

Если же говорить об американских спецслужбах, то, упрекая Россию за активизацию разведывательной деятельности в США, они сами вели ее во все возрастающем объеме против нашего государства, и не только на его территории, но и в других независимых странах-членах СНГ.

На слушаниях комитета по разведке конгресса США в начале 1992 года представитель ЦРУ докладывал, что эта служба все больший упор в своей работе будет делать на человеческий фактор, то есть на работу с агентами. В конце того года американская газета со ссылкой на официальное лицо в руководстве США радостно сообщала, что ЦРУ ведет шпионскую

деятельность против России "с помощью стран Восточной Европы и бывших республик Прибалтики". Благодаря усилиям ЦРУ, "Вашингтон уже имеет в своем распоряжении советские баллистические ракеты и новейшие боевые самолеты" (Бостон глоб. 1992. 16 ноября).

Уже в начале 1994 года на слушании все в том же комитете по разведке конгресса США тогдашний директор ЦРУ Джеймс Вулси фактически подтвердил, что его служба ведет чрезвычайно важную для США разведку в России. ЦРУ дает американской администрации исключительно ценные, а порою и уникальные данные политического и экономического характера, добываемые в России. При этом он излагал ряд основных задач, которые ЦРУ решает в своей шпионской деятельности в России. Среди них упоминались и поддержка российских политиков, способствующих созданию благоприятных условий для обеспечения интересов США в России, наблюдение за состоянием российской армии и обороны, за отношениями России с новыми независимыми соседями - бывшими советскими республиками.

В аспекте этого заявления Вулси у меня особый интерес вызвало явно прозвучавшее у него сожаление об уходе из российского правительства "двух главных реформаторов" - Гайдара и Федорова. Не их ли имел в виду шеф ЦРУ, говоря о поддержке российских политиков?

Подытоживая размышления об активизации разведывательной деятельности ЦРУ, а также подрывной провокационной работы американской контрразведки - ФБР - на территории США против российских учреждений и граждан, хочу сказать, что не следует этим спецслужбам и их покровителям в американской администрации при каждом случае, когда они считают это выгодным, вытаскивать на передний план наших отношений какие-то эпизоды из разведывательного противостояния как аргумент в пользу прежних представлений об "империи зла", как это произошло с делом Эймса. При чем здесь государственные интересы, когда то же ЦРУ, не считаясь с государственными интересами какого бы то ни было государства, вербует его граждан, если они нужны американцам, или проникает в чужое посольство и похищает шифры, как это, например, совершили совместно ЦРУ и ФБР в посольстве Франции в Вашингтоне. Достаточно вспомнить похищение ЦРУ сотрудника КГБ В. Шеймова и вербовку советского генерала Д. Полякова.

В данном случае ЦРУ лишний раз продемонстрировало свои претензии играть главную роль в американской администрации, в результате США оказались, хорошо что только на короткое время, в плену представлений эпохи "холодной войны".

Читатель легко заметит, что, когда я начинаю писать об американцах, их спецслужбах и вообще о Соединенных Штатах, проявляется моя повышенная заинтересованность, причастность, но никак не предвзятость. И это не случайно.

Свою разведывательную службу я начинал как раз на американском направлении работы внешней разведки. В конце 1938 года я был направлен стажером в тогдашнее И НО - иностранный отдел ГУГБ НКВД, а в начале следующего года уже был назначен заместителем начальника американского отделения ИНО, ставшего потом 5-м отделом ГУГБ. На этой должности я приобщился к курированию разведывательной работы нашей службы на всем Американском континенте, от Канады до Аргентины. С тех пор англо-американская

направленность моей работы во внешней разведке продолжалась до 1966 года, когда судьба направила меня на немецко-австрийский плацдарм - резидентом в Вену. Но и там я много внимания уделял противодействию враждебной нам деятельности ЦРУ. Вот почему так ярко выражен мой интерес ко всему американскому, в самом широком смысле этого слова.

Но вернемся к Польше 1994 года. Теперь эта страна по основным политико-идеологическим, экономическим и социальным условиям уже не Польша 1973 года, когда я прибыл туда.

В стране произошла коренная ломка бывшего, называвшегося социалистическим режима власти и общественного устройства. Теперь эта страна почти капиталистическая, частная собственность и рыночные отношения все больше завладевают жизнью польского народа. В то же время тот факт, что полвека в народном сознании все связывалось с иным социально-экономическим положением, за короткие прошедшие пять лет нельзя вытравить полностью.

Хорошо зная теперь поляков, могу утверждать, что лишение их бесплатного образования и здравоохранения, появление угрозы оказаться во все возрастающем числе безработных вместо уверенности в завтрашнем дне, лишение других социальных благ недавнего прошлого не будут забыты и не так легко примирят польских трудящихся с новым порядком. Об этом говорят и многочисленные забастовки, растущая поддержка избирателями новых демократических сил и протест против политики своего лидера Леха Валенсы, нашедшие выражение в его поражении на президентских выборах 1995 года.

Исчезновение социалистического содружества стран Восточной Европы и, как следствие, прекращение взаимодействия специальных служб этих государств явились заметной потерей для внешней разведки. Что касается польской разведки, то ее сотрудничество с нашей службой было, безусловно, взаимовыгодным для обеих стран.

Но польские спецслужбы не просто исчезли для нас как верные союзники и соратники в борьбе с общим противником.

Они перешли на сторону этого противника, став его союзником. И хотя западные спецслужбы теперь утверждают, что они отказываются от борьбы с нами и переходят от конфронтации к партнерству, все говорит за то, что эти службы в действительности продолжают наращивать подрывную деятельность против нашего государства. Иллюстрацией этому являются разоблачения многочисленных агентов иностранных разведок в России за последние годы, когда Запад уже не имел оснований считать нас "империей зла". Да и реакция на арест в 1994 году в США агента нашей внешней разведки Эймса отнюдь не свидетельствует о мирных намерениях американской администрации в отношении нашей страны и ее спецслужб.

Раз польские спецслужбы перешли на диаметрально противоположные позиции и их руководители поспешили на разные голоса заверить Запад в своей лояльности ему и намерении вместо совместной с Советским Союзом в прошлом борьбы против Запада, теперь вместе с Западом бороться против СССР, логично предположить, что польская разведка не стада

сохранять в тайне от западных спецслужб те стороны прежней совместной деятельности с КГБ, которые были направлены против них.

Во всяком случае, если поляки и отказались делать это открыто, то неофициально, негласно их архивы будут, без сомнения, предоставлены в распоряжение, например, ЦРУ. Ну, а если и это не произойдет, то ЦРУ, БНД и другие западные спецслужбы имели в период польского кризиса достаточно своих людей среди оппозиции, тех, кого они поддерживали и направляли в борьбе с коммунистическим режимом. Некоторые из таких поляков, как мне было известно, ЦРУ и БНД вербовали, превращая в свои щупальца, запускавшиеся в руководящие круги польских правящих структур. Один лишь пример тому - агент ЦРУ в Генштабе Войска Польского Ришард Куклинский, который по своему положению знал почти все, что делалось в Министерстве национальной обороны Польши, и многое из того, что происходило в Министерстве внутренних дел этой страны и в его службах безопасности.

В интервью газете "Политика" министр внутренних дел ПНР Ч. Кищак сообщал, что министерство располагало материалами о фактически шпионской деятельности отдельных членов профсоюза "Солидарность". "Может быть, - говорил Кищак, - это и не было классическим шпионажем, но никто меня не убедит, что сведения о месторасположении войсковых частей, о характере производства определенной продукции некоторых заводов, состоянии использования трудовых ресурсов, служат профсоюзной деятельности. А именно такую информацию покупали за грязные деньги Пентагон и ЦРУ у известных профсоюзных деятелей.

Все сотрудничество между ячейками так называемого подполья в стране и антипольскими группировками на Западе основывалось на агентурных методах: шифры, тайнопись, современная электроника. Ведь и на Западе не делали из этого секрета, а лидеры оппозиции и послесолидарнического подполья имели полную осведомленность о том, от кого и за что брались деньги (Политика. 1984, N 124). Яснее не скажешь.

Поскольку тема моих воспоминаний довольно узка и ограничена операциями ТФП, я не собираюсь анализировать, что из нашей совместной с поляками оперативной деятельности теперь наверняка стало известно американцам. Скажу лишь об операциях ТФП. Их за мою бытность в Польше координатором деятельности спецслужб обеих стран было проведено много, не один десяток. И эта деятельность уже по своему объему и информационному значению не могла ускользнуть от внимания теперешних союзников поляков из ЦРУ и других западных служб. Сейчас, придавая особое значение тому, чтобы своими воспоминаниями не нанести какого-либо ущерба интересам внешней разведки, я подверг тщательному анализу все ситуации, сопровождавшие проведение операций ТФП.

Зная точно, представители каких подразделений МВД ПНР участвовали в многообразной подготовке и осуществлении ТФП - от оперативного состава разведки и контрразведки, сотрудников, проводивших наружное наблюдение за объектами ТФП, и их сотрудниками-иностранцами до довольно значительного технического состава: мастеров по вскрытию запоров и замков, специалистов по электронным устройствам, фотографов и так далее, - я смог определить с достаточной точностью их число.

По моим подсчетам, а также по оценке сотрудников наших служб, непосредственно участвовавших в операциях, за период с 1973 по 1984 год включительно таких участников операций ТФП, осведомленных в той или иной мере об их характере и безусловно знавших объект и его национальную принадлежность, оказалось, как я уже указывал, около ста человек. При этом приблизительно половину из них составляли оперативные сотрудники разведки и контрразведки, занимавшие не рядовые должности. Таким образом, эти 50 или около того оперативных сотрудников, как можно с уверенностью полагать, были уволены из спецслужб с приходом к их руководству представителей бывшей оппозиции, против которой эти сотрудники активно вели борьбу.

Вторая половина осведомленных об операциях ТФП сотрудников бывшего МВД представляла собой сугубо технический персонал, подбиравшийся в спецслужбу не по политическим признакам, а по опыту в своей профессии, по специальным способностям и мастерству. Такие кадры нужны любой спецслужбе, и надо полагать, что многие из них остаются на службе у новых хозяев.

Эти специалисты, не связанные идеологической верностью прежнему режиму, являются наиболее вероятным источником получения информации о ТФП. Нет сомнения, что представители ЦРУ, БНД, СИС или их агенты не прошли мимо этой возможности, тем более что общие ссылки на проводившиеся операции, без сомнения, сохранились в архивных материалах, хотя все, что касается ТФП, окружалось особой секретностью.

Исходя из того, что в польских специальных службах довольно широкому кругу лиц стало известно и о ТФП, и об участии в них специалистов КГБ, следует, по моему глубокому убеждению, предположить, что в условиях сегодняшнего дня, когда западные спецслужбы стали тесными партнерами польских служб, информация об операциях ТФП, проводившихся в Польше с участием КГБ, стала достоянием Запада.

При этом западные спецслужбы, в первую очередь ЦРУ и БНД, пришли в соприкосновение со многими сотрудниками бывшего МВД ПНР, оставшимися на работе в новых польских спецслужбах, не только через своих официальных представителей, но и через указанные агентурные возможности своих разведок, располагавших агентами, завербованными еще в период кризиса из среды оппозиции, многие из которых могли вполне легально стать сотрудниками новых спецслужб. Об этом как раз и говорил в 1984 году Ч. Кищак. Даже без учета этих агентурных возможностей информационная база на 100-110 бывших участников ТПФ для западных спецслужб, без сомнения, является вполне достаточной для выяснения интересующего Запад вопроса: какую работу вел в Польше КГБ совместно с МВД ПНР против западных спецслужб и их объектов?

Как однажды сказал один из разведчиков, вероятность утечки сведений прямо пропорциональна квадрату числа осведомленных лиц. В данном случае такое число во много раз превышает единицу. Следовательно, и по этой формуле самая детальная информация об объектах нашего ТФП в Польше давно находится в распоряжении Запада. Почему же об этом хранится глубокое молчание - об этом речь далее.

С учетом сказанного, я смело считаю, что вправе писать об этих операциях в пределах того, что наши соперники в лице ЦРУ, БНД, безусловно, могут знать о них. При этом я не намерен выходить за рамки того, что было известно почти всем участникам операций: общих сведений об объектах, "емкостях", содержавших интересовавшие нас секретные материалы (сейфах, вализах, хранилищах), но что касается содержания изымавшихся секретов, о чем знал лишь весьма узкий круг лиц, то пусть пытаются определить его сами западные хозяева. Думаю, что эта часть их расследований является самой сложной, а если учесть давность времени, то просто неразрешимой.

Итак, возникает естественный вопрос: почему американцы, если им известно о наших операциях ТФП в бывших социалистических странах и в Польше, в частности, хранят молчание об этой стороне "подрывной" деятельности нашей внешней разведки и не используют добытую ими деликатную информацию в своих пропагандистских целях против КГБ?

Ответ мне представляется простым. Это невыгодно западным спецслужбам, и в первую очередь ЦРУ.

Говорить об успешных операциях ТФП в западные объекты, в том числе американские, означало бы компрометировать себя, свои спецслужбы, отвечающие за сохранность секретов в наиболее оберегаемых ими объектах. Ведь ЦРУ и ФБР постоянно раздували свой авторитет, заявляя о своем превосходстве над КГБ, о якобы недосягаемости для нас суперсекретов их государства. В то же время они всячески дискредитировали нашу разведку, а появись такая информация, это серьезно подорвало бы их усилия оклеветать нас и способствовало бы поднятию авторитета нашей внешней разведки.

Достаточно для западных спецслужб и того, что за последние годы им невольно приходится признавать большие успехи в работе против Запада бывшей разведки ГДР, так называемой "Штази", агенты которой, оказывается, были и в НАТО, и в США, Англии, Германии, Франции.

Между прочим, Запад получил доступ к информации об операциях ТФП, осуществляющихся КГБ и советской внешней разведкой, не только в результате крушения прежних режимов в бывших социалистических странах. Такие изменники, как Георгий Агабеков, изменивший в 1930 году, Петр Дерябин и Юрий Носенко, многое знали о том, как организовывались операции ТФП в иностранные посольства в Москве, но об этом лишь мельком сообщали западные публицисты, например, Д. Баррон.

Как видим, замалчивание это удивительно лишь с первого взгляда. На самом деле молчание западных спецслужб представляется обоснованным их же интересами.

Между прочим, интересно суждение французского автора Тьерри Вольтона о причинах замалчивания фактов деятельности внешней разведки: "В различной степени все организации - от крайне левых до крайне правых - были жертвами (а иногда и пособниками) советского шпионажа. Таким образом, со всеобщего согласия этот позор скрывают, как постыдную болезнь" (Вольтон Т. КГБ во Франции. М., Гамма, 1993).

Вот я и хочу сказать правду о том, как и в каких условиях проводились операции ТПФ для обеспечения государственных интересов нашего отечества.

При этом, придавая гласности эту часть нашей совместной с польскими спецслужбами деятельности, я не хотел бы создавать неприятности тем нашим единомышленникам, которые искренне сотрудничали с нами в интересах обеспечения безопасности польского и советского народов. Я отдаю себе отчет о том сложном положении, в котором многие из них оказались после смены власти в стране.

Как ни сложны и тяжелы изменения, которые произошли в наших спецслужбах за последние годы, их нельзя сравнивать с тем тяжелейшим положением, в котором оказались наши бывшие коллеги в бывших восточноевропейских социалистических странах. Надеюсь, что мои воспоминания не причинят им дополнительных сложностей. Как раз наоборот, внесут элемент истины в их прошлую службу.

На их долю выпал настоящий террор в Германии и Чехословакии, моральная травля, материальный ущерб и судебные преследования.

Правда, в Польше ситуация для сотрудников бывших спецслужб оказалась наименее сложной.

Второй мотив опубликования настоящих воспоминаний обусловлен стремлением не дать западным спецслужбам возможности опередить нас и представить общественности достоверную картину проведения наших операций ТФП в бывшей социалистической стране. Лишить их свободы в искажении правды и тенденциозного толкования фактов и результатов сотрудничества советской внешней разведки с польскими спецслужбами.

В современных условиях полагаться на то, что замалчивание операций ТФП будет и впредь долго продолжаться, я бы не стал. Все говорит за то, что на Западе назревает тенденция предания гласности сведений о деятельности спецслужб.

Так, по сообщению из Вашингтона в октябре 1992 года в ЦРУ создана группа открытости. Ей предстоит заниматься рассмотрением прошлой деятельности этой службы для рассекречивания архивов с целью "приоткрыть занавес над некоторыми страницами своих дел". Естественно ожидать, что от внимания этой группы не ускользнет возможность с пользой для ЦРУ предать гласности то, что знает американская разведка о "подрывной" работе КГБ в бывших социалистических странах.

Хорошо известно, что западные службы, и в первую очередь ЦРУ и ФБР, заинтересованы не просто в объективной огласке разведывательной деятельности, а в неблагоприятном для нашей внешней разведки плане.

ЦРУ теперь еще в большей степени, чем раньше, мнит себя гегемоном в мире специальных служб, претендуя на то, чтобы решать мировые проблемы за правительства суверенных государств, в том числе и Российской Федерации.

Провозглашение всесильности ЦРУ и ФБР требует развенчания этого мифа и показа всех слабостей этих спецслужб на примерах успешных операций советской внешней разведки в дополнение к тому, что Запад узнал об успехах бывшей разведки ГДР "Штази", наносившей удары по ЦРУ, БНД, СДЕСЕ, СИС. В этом направлении, надеюсь, полезную службу сыграют и мои воспоминания об операциях ТФП.

О том, что в последнее время тенденция к открытости все больше проявляется в западных публикациях, говорит появление нескольких книг, затрагивающих тему ТФП. После появления в 1982 году книги Леруа-Фэнвилля американский журналист Джеймс Бамфорд опубликовал объемный труд ("Дворец головоломок") о деятельности Агентства национальной безопасности США. В 1986 году бывший английский контрразведчик Питер Райт опубликовал свои мемуары, в которых содержится целый ряд очень интересных примеров операций ТФП английской контрразведки, проводившихся против иностранных объектов, в том числе посольств бывших социалистических стран.

Можно ожидать появления на Западе публикаций о деятельности советской внешней разведки в этой области. При этом, как показывает опыт, такие публикации будут извращать действительные факты, использовать их для дискредитации КГБ и нашей внешней разведки. Начало этому кладет книга изменника В. Шеймова "Башня секретов", изданная в США в 1993 году. В этом плане определенные неприятности для нас может представить новая форма гласности, которую начали практиковать американцы.

В 1992 году они стали проводить отдельные заседания и слушания комитетов по разведке конгресса США в открытом порядке. Так, в марте 1992 г. прошло первое такое слушание комитета палаты представителей по разведке.

Если такие слушания войдут в практику, это позволит солидно "документировать", а затем распространять в США любые показания свидетелей. И будет очень трудно их опровергать, когда они станут достоянием широкого общественного мнения.

Так следует ли нам, задавал я себе вопрос, дожидаться, когда придется либо оправдываться, либо хранить гордое молчание, которое всегда истолковывается не в пользу обвиняемого?

Немаловажно и то, что такая искаженная информация может подаваться для нашего общественного мнения теми малоразборчивыми любителями жареного, которые с готовностью хватаются за любые порочащие КГБ и, в частности, внешнюю разведку факты, от кого бы они ни исходили. И льют воду на дезинформационную мельницу ЦРУ и других западных разведок.

Кстати, в мае 1994 года в США появилась книга П. А. Судоплатова с сенсационными разоблачениями советских атомных шпионов. Глубоко уважая Судоплатова, я, к сожалению, должен подтвердить появившееся в нашей прессе опровержение. Павел Анатольевич дал ложную информацию по этой проблеме, очевидно, поддавшись напору американских издателей. Это тем печальнее, что в целом Судоплатов пользуется во внешней разведке уважением, как заслуженный ветеран.

Нет сомнения в том, что, предавая гласности те или иные стороны деятельности спецслужб, непростительно нарушать принцип исключения ущерба как интересам или позициям своей спецслужбы, так и государству в целом.

Примером такой бездумной гласности, причем не на пользу государству, а в интересах противостоящей нам американской специальной службы, явилось нарушение государственной тайны бывшим председателем КГБ Вадимом Бакатиным, сделавшим в конце 1991 года американцам рождественский подарок, передавшим им все сверхсекретные материалы о системе подслушивающих устройств в новом здании американского посольства в Москве.

Для меня, как и для подавляющего большинства сотрудников наших спецслужб, а также для многих простых граждан Бакатин поступил как предатель, человек, лишенный чувства Родины. Но для ЦРУ и ФБР Бакатин явился добрым Санта-Клаусом, ничего больше не скажешь, но от суда, по крайней мере истории, он не уйдет.

Как сообщалось в американской прессе, ЦРУ рассекретило часть своих архивов периода "холодной войны" за 1954-1980 годы. Полагаю, что нам не следует ждать, когда это ведомство решится раскрыть и оставшуюся часть архивов, в которых речь идет об операциях ТФП как собственно ЦРУ, так и проводившихся нашей внешней разведкой.

Надо полагать, что негативные материалы ЦРУ будут сбалансированы успешными делами этого ведомства в прошлом.

В марте 1994 года агентство Рейтер сообщило об опубликовании британским правительством бюджета своих специальных служб МИ-5 и МИ-6 и Центра прослушивания (дешифровки) в Челтнеме на 1993-1994 годы. Интересно, что в связи с кампанией открытости внешней разведки проявилось известное беспокойство западных спецслужб. Стали раздаваться голоса о том, что "российская служба внешней разведки слишком уж поддалась "вирусу гласности". У наших корреспондентов естественно возник вопрос: что это - причина головной боли для наших коллег из ЦРУ, британских СИС, израильского "Моссад" и других?

Думаю, что вопрос попал в цель. Наша готовность раскрыть в первую очередь, естественно, успешные операции советской внешней разведки испугала многих сотрудников западных спецслужб. Ведь правда не всегда выгодна им. Вот и поспешили с появлением "гласных" материалов. Даже "Моссад" опубликовало о себе труд (Айзенберг Д., Дан Ю., Ландау Э. Моссад. М.,
1993).

Действительно, лучше опередить с трактовкой и оценками своими, а иначе наша внешняя разведка изложит правду и будет поздно ее опровергать.

Начинается своеобразная гонка в области гласности. Конечно же, прежде всего спешат сделать сенсационные разоблачения. Никак не хотел бы, чтобы мои воспоминания об операциях ТФП стали одним из этапов такого "соревнования" по сенсациям. Претендую только на скромную правду о нашей разведке.

Глубоко убежден, что нам не нужно препятствовать огласке положительного опыта внешней разведки, особенно о тех случаях, когда наносится заметный ущерб хваленой деятельности западных разведок. И конечно же, когда такая гласность не затрагивает интересов нашей службы и государства.

Призыв Запада "сказать им всю правду о деятельности КГБ, включая и внешнюю разведку" - это опасный призыв, рассчитанный на наивных людей вроде Бакатина. К сожалению, находятся у нас такие люди, готовые к безоглядному разглашению наших профессиональных тайн.

Но показывать общественности то из нашего опыта противостояния западным спецслужбам, что им стало известно, но сохраняется в тайне, нужно и поскорее. И для мировой общественности и для нашего народа. Чтобы они могли увидеть всю ложь о якобы почти сплошных провалах и поражениях, предательствах и изменах, сопутствующих деятельности внешней разведки.

Это тем более необходимо, что западные спецслужбы, предавая гласности свои старые дела, раскрывают прежде всего то, что способствует укреплению их престижа, стремятся раздувать еще больше свой и так непомерно раздутый авторитет. Их контрразведывательные службы, прежде всего ФБР, провозглашают свое превосходство и неуязвимость, создавая миф о непреодолимости преград, которые они ставят на пути к государственным секретам.

Наша внешняя разведка предала гласности и такие грязные дела прошлого, как убийство Троцкого. Есть надежда, что разумная гласность будет только способствовать авторитету нашей службы.

Важно не переходить ту грань открытости, за которой разведка может перестать существовать.

Вскрывать малоизвестные широкой общественности факты деятельности спецслужб считаю той объективной необходимостью, которая диктуется современным состоянием мира. Знать и понимать возможности таких операций, как ТФП, значит, с одной стороны, лучше хранить доверенные нам государством секреты, не относиться формально к принимаемым спецслужбами мерам, их защите и сохранности. С другой стороны, реально оценивать этот метод работы наших спецслужб как необходимый в целях обеспечения безопасности нашего отечества.

Опасности же эти, для жизненных интересов России, ее территориальной независимости, стабильности социально-экономического развития нашего общества сохраняются, несмотря на демагогию Запада. Они не ограничиваются только областью обороны и экономики, но распространяются на другие стороны жизни страны, в том числе на экологию, опасность изменения которой стала теперь сопоставимой с военной опасностью.

Способность разведки обеспечить правильную оценку и давать достоверные прогнозы всех существующих и потенциальных угроз интересам государства зависит в том числе и от

способности ее проникать в самые сокровенные секреты других держав. В этом направлении операции ТФП составляют крайне полезный арсенал возможностей.

Вот почему я считаю себя обязанным заранее очистить правду об операциях ТФП, осуществлявшихся советской внешней разведкой, от лжи и искажений. Тем более что заблуждения чрезвычайно живучи и, если западные службы успеют навязать их общественности, преодолевать их будет чрезвычайно трудно.

Мне кажется хорошей мысль, навеянная американским бестселлером "Все страхи мира", о пределах возможностей любой разведки (Клэнси Т. Все страхи мира. Мир, 1993).

Даже спецслужба, обладающая большим опытом расследования своими специфическими методами событий, происходивших в иностранной державе, не сможет разобраться в подробностях того, что совершалось не так давно. То, что казалось исключительно важным, часто решающим, для выяснения чего многие разведчики рисковали жизнью, скажем, во время второй мировой войны в Германии или в первые годы "холодной войны", теперь стало достоянием архивов и превратилось в малозначимое, ускользающее от внимания историков.

Вот почему трудно оценивать объективно действия разведки на том или ином трагичном этапе мировой истории, если не открыть секреты всех специальных служб. Одностороннее открытие секретов лишь усугубит необъективность и исказит истинную картину.

ГЛАВА II. ПРЕДПОЛЬЕ

В октябре 1980 года во время просмотра иностранных периодических издании на английском, французском и немецком языках, которые мои польские коллеги любезно предоставляли мне из числа поступивших в их цензурную службу, я натолкнулся на интересную статью во французском журнале "Пари-матч" (Пари-матч. 1980. 5 октября). В ней излагалась обширная рецензия книги бывшего сотрудника французской разведки, полковника Леруа-Фэнвилля (400 операций "Службы 7". Мемуары Леруа-Фэнвилля, агента СДЕСЕ).

Заинтересовала меня эта книга тем, что в ней впервые откровенно описывались операции ТФП французской разведки в различные иностранные объекты, из которых эта служба, судя по воспоминаниям ее бывшего сотрудника, успешно добывала весьма ценную информацию для французского правительства.

Хотя журнал довольно подробно излагал часть содержания книги Леруа-Фэнвилля, мне захотелось как можно скорее прочитать ее самому, и мои польские друзья достали ее (400 операций "Службы 7". Мемуары Леруа-Фэнвилля, агента СДЕСЕ).

Мой интерес был естественным, поскольку впервые в зарубежной печати я обнаружил какие-то конкретные сведения о тех операциях ТФП, которыми мы уже длительное время занимались совместно с польскими спецслужбами.

Эту книгу я, можно сказать, проглотил за пару дней, и она довольно прочно запечатлелась у меня в памяти. Но, к сожалению, мне не удалось держать ее в руках, когда позже я хотел более тщательно проанализировать ту интересную информацию, которую в ней излагал автор, и, судя по тому, что мне теперь известно об операциях ТФП, со знанием дела.

Сейчас могу по памяти сказать, что Леруа-Фэнвилль, сотрудник СДЕСЕ с 1953 года, вплоть до своей отставки в 1964 году в чине полковника, возглавлял "Службу 7" этой разведки. Он с большими подробностями описывает операции ТФП в иностранные дипломатические почты, посольства, в том числе американское, как во Франции, так и в других государствах.

Читая эту книгу, я удивлялся тому, с чем уже сам был знаком по тем операциям ТФП, которые проводил лично или соприкасался с ними в процессе разведывательной деятельности в Центре внешней разведки и в резидентуре в Австрии. Особенно меня поражало совпадение многих подробностей, описываемых автором, с теми обстоятельствами, с которыми сталкивались мы с польскими коллегами, проводя ТФП в условиях Польши.

Помимо упомянутой подробной статьи в "Пари-матч", я встретил ряд кратких сообщений о книге Леруа-Фэнвилля в американском (Ньюсуик, 1981, 26 января) и французских журналах (Нувель Обсерватер, 1980, 1 марта; Ле Пуэн, N 428. 1980, 1 декабря).

В них отмечалось, что книга вызвала неудовольствие французской спецслужбы. Мне была понятна отрицательная реакция с ее стороны, так как на фоне почти полного отсутствия каких-либо сообщений об операциях ТФП, проводимых другими иностранными спецслужбами, в ней раскрывались тщательно скрывавшиеся тайны СДЕСЕ. Не случайно, когда позже я попытался разыскать эту книгу, ее не оказалось ни во Франции, ни в других странах, хотя она тогда быстро стала бестселлером и не могла так просто исчезнуть из поля зрения широкой общественности.

Для меня появление этой книги на Западе является еще одним аргументом в пользу того, чтобы ознакомить нашу да и мировую общественность с тем, что осуществлялось в области ТФП внешней разведкой, так как и книга Леруа-Фэнвилля не свободна от тенденциозных намеков в адрес наших спецслужб. Но при том автор вынужден был признать, что советские дипломатические почты оказались недоступными для ТФП возглавлявшейся им "Службы 7" из-за высокопрофессиональной защиты их от таких посягательств.

Приведя это отступление и учитывая, что речь в настоящих воспоминаниях пойдет главным образом об операциях ТФП, происходивших на территории Польши, мне представляется целесообразным посвятить эту главу тем условиям, которые определяли специфическую ситуацию нашего участия в проводимых совместно с поляками операциях. Она определялась сложившимися сотрудничеством и взаимодействием КГБ со спецслужбами бывших социалистических стран Восточной Европы - членов ОВД.

Прежде всего стоит посмотреть на это взаимодействие с точки зрения динамики его развития.

Первые ростки сотрудничества между специальными органами безопасности возникли в ходе появления, как говорят поляки, "братства по оружию", в процессе оказания советским правительством помощи в создании национальных освободительных вооруженных сил и совместных боевых действий по освобождению стран Восточной Европы от гитлеровских оккупантов.

Продвижение Советской Армии по территории этих государств и создание там административных властей потребовало и организации органов безопасности.

В помощь местным властям выделялись специалисты, советники по вопросам безопасности, первоначально из состава советских армейских спецорганов, а затем стали направляться сотрудники внутренних органов и внешней разведки КГБ (тогда НКВД), предпочтительно из числа знающих соответствующий язык. Если говорить о советниках для Польши, то в кадрах наших органов безопасности нашлось значительное число лиц, знавших польский язык.

Институт советников, образовавшийся еще в ходе войны, совершенствовался и расширялся вплоть до первых послевоенных лет. В условиях сталинско-бериевского режима этот институт превратился в послушный инструмент навязывания братским органам государственной безопасности тех же методов произвола и насилия, что действовали до смерти Сталина и разоблачения Берии и у нас.

В этих условиях органам безопасности стран народной демократии диктовались условия жесткого следования указаниям КГБ в подавлении действительной и кажущейся оппозиции, беспощадного преследования любых отклонений от предписывавшейся Сталиным линии поведения внутри страны и во взаимоотношениях с Западом.

Разоблачение культа Сталина на XX съезде КПСС в 1956 году и последовавшие события в Польше и Венгрии резко изменили положение и в самих органах безопасности стран Восточной Европы. Институт советников был ликвидирован, сотрудничество и взаимодействие специальных служб этих государств с КГБ стало строиться на принципах равноправия, строгого соблюдения суверенитета и невмешательства во внутренние дела.

В основу взаимных отношений спецслужб с этого периода неизменно клались принципы взаимодействия правящих партий с КПСС, оформляемых специальными соглашениями на более или менее длительные сроки. В ходе текущего сотрудничества согласованные позиции взаимодействия оформлялись протоколами, в которых каждые четыре-пять лет подводились итоги совместных действий и намечались главные задачи на предстоящий период времени.

По мере развития международной обстановки и ситуации в каждой отдельной стране уровень сотрудничества КГБ со спецслужбами стран Восточной Европы постепенно дифференцировался. Так, после событий 1968 года в Чехословакии взаимодействие со спецслужбами Румынии резко сократилось, по линии контрразведывательных мероприятий прекратилось совсем, а сотрудничество разведывательных служб фактически свелось к

формальному периодическому обмену разведывательной информацией, к тому же не первостепенной значимости.

Сузилось сотрудничество с венгерскими службами после событий 1956 года, что было понятно и обусловливалось необходимостью очистки этих служб от кадров, замешанных в событиях, и восстановления потерянных позиций как в обществе, так и вовне, особенно на Западе, где венгерская разведка понесла большие потери из-за предательства и бегства ряда прежних ее руководителей. Постепенно взаимодействие по разведывательной линии нормализовалось, однако больше уже не было таким активным, как прежде.

Аналогичные изменения в области сотрудничества с КГБ произошли и в Чехословакии после событий 1968 года. Однако чешская разведка довольно быстро оправилась и восстановила прежний высокий уровень взаимодействия с нашей внешней разведкой.

Примерно на одном уровне откровенного сотрудничества и отсутствия особых проблем сохранялись отношения КГБ с болгарскими спецслужбами. При этом отдельные руководители болгарских спецслужб проявили склонность считать свои подразделения филиалами соответствующих служб КГБ. Естественно, эти настроения не поддерживались нашей стороной, как не соответствующие принципам, согласованным в соответствующих соглашениях, и могущие повредить нормальным взаимоотношениям наших суверенных государств.

Несколько по-иному развивались наши сотрудничество и взаимодействие с польскими спецслужбами. После событий 1956 года в Польше и прихода к руководству партией и государством В. Гомулки возник период определенного осложнения и сужения рамок взаимодействия. Потребовался ряд лет для нормализации отношений и восстановления уровня откровенности и готовности сотрудничать во всех областях.

Этот уровень был достигнут к моменту моего прибытия в страну в 1973 году, и в дальнейшем взаимовыгодное сотрудничество по всем линиям обеспечения государственной безопасности наших стран неуклонно развивалось.

Особый характер сотрудничества и взаимодействия КГБ обеспечивался со спецслужбами ГДР. Это объяснялось как самой ситуацией в этой стране, так и широкими потенциальными возможностями, которые имелись в ГДР, особенно для решения задач внешней разведки.

В силу своего положения ГДР, являясь, по существу, передовым плацдармом в отношениях с Западной Германией и бывшими союзниками, ставших противниками в "холодной войне", представляла большой интерес для взаимодействия наших контрразведок в их противодействии агентурно-подрывному проникновению враждебных разведок. Гэдэеровская разведка имела большие возможности проникать на Запад и добывать там нужную Организации Варшавского Договора, и СССР в частности, разведывательную информацию. Все годы, вплоть до воссоединения с Западной Германией, разведка ГДР являлась важным источником такой информации, внося ощутимый вклад в укрепление позиции всего социалистического содружества в его противостоянии агрессивному союзу Запада - НАТО.

Не менее важные задачи решала и сама наша внешняя разведка через ГДР, создавая на ее территории возможности проникновения и нашей агентуры и разведчиков в западные государства.

Это и использование благоприятных условий для освоения немецкого языка, для переброски разведчиков-нелегалов в Западную Германию и через нее

- в другие западные государства. Представительство КГБ в ГДР активно содействовало гэдэеровской внешней разведке в деле приобретения агентуры из числа чиновников и сотрудников правительственных органов Западной Германии и представителей США, Англии и Франции, находившихся в этой стране.

Из этой краткой картины сотрудничества КГБ с другими спецслужбами в рамках ОВД ясно, какую ощутимую потерю понесли наши специальные службы с исчезновением бывшего социалистического содружества.

Наиболее реально я представляю это на примере Польши, о чем нужно сказать подробнее.

Хочу лишний раз подчеркнуть, что все сотрудничество КГБ со спецслужбами Польши и взаимодействие их подразделений между собой осуществлялось в строгом соответствии с заключенным соглашением и регулярно, каждые несколько лет подписываемыми протоколами, в которых определялись конкретные задачи на предстоящий период.

В декларации Советского правительства от 30 октября 1956 года провозглашалось, что связи Советского Союза с социалистическими странами могут строиться лишь на принципах полного равноправия, уважения территориальной целостности, государственной независимости, невмешательства во внутренние дела. Соответственно и соглашение, подписанное КГБ СССР с МВД ПНР в 1961 году, исходило из этих основополагающих положений. В том же году был согласован протокол, в котором определялись конкретные цели взаимодействия спецслужб обеих сторон.

27 ноября 1971 г. Андропов и Шляхтиц подписали в Варшаве новое соглашение. В соглашении говорилось, что в соответствии с обязательствами сторон, предусмотренными Варшавским Договором, и в целях объединения усилий в борьбе против империалистических государств, координации разведывательных и контрразведывательных действий по обеспечению государственной безопасности СССР и ПНР, КГБ и МВД Польши договорились осуществлять обмен секретной информацией о противнике по политическим, военным, экономическим и научно-техническим вопросам, о формах и методах деятельности его разведывательных и контрразведывательных служб, эмигрантских реакционных организаций, об оперативной обстановке в капиталистических государствах, обмениваться опытом борьбы с подрывной деятельностью внутренних антисоциалистических элементов. Предусматривалось оказание взаимной помощи в проведении разведывательных мероприятий по агентурному проникновению в важные объекты противника, добыче разведывательной информации и разоблачению и срыву агрессивных намерений империалистического лагеря. Стороны взяли обязательство оказывать взаимопомощь в защите секретов, относящихся к сотрудничеству двух

стран в ОВД, СЭВ и по другим линиям. Польская сторона обещала содействие в обеспечении безопасности советских воинских частей, временно находившихся на территории ПНР.

Соглашение от 1971 г. предусматривало функционирование представительства КГБ СССР в Варшаве и представительства МВД ПНР в Москве.

К моменту моего прибытия в Польшу в 1973 году уже истекал срок действия очередного протокола о сотрудничестве. Уже в следующем, 1974 году состоялась встреча делегаций КГБ под руководством председателя комитета Ю.
В. Андропова и МВД ПНР во главе с министром С. Ковальчиком, когда были подведены итоги совместной деятельности за прошедший период и определены задачи в области взаимодействия по всем направлениям обеспечения государственной безопасности обеих стран и всего социалистического содружества. В работе делегации КГБ принимал участие и я.

Важным принципиальным пунктом соглашений по взаимодействию КГБ с бывшими братскими специальными службами являлось положение о том, что сотрудничающие службы не раскрывают друг перед другом свои конкретные агентурные возможности, то есть не обмениваются, как правило, сведениями об имеющихся агентах и источниках информации, от которых добываются разведывательные материалы, передаваемые договаривающимися сторонами друг другу. Не раскрывается по возможности и агентура, участвующая в совместных оперативных операциях и мероприятиях.

Это важное положение соглашения соответствовало фундаментальным требованиям суверенности и независимости взаимодействующих спецслужб, а также требованиям обеспечения безопасности и конспирации в их оперативной деятельности.

Важность этого положения для надежности разведывательной деятельности могу проиллюстрировать на примере из прошлой практики взаимодействия нашей внешней разведки с польской спецслужбой, когда несоблюдение этого требования привело к нашему крупному провалу в Англии.

В первые послевоенные годы наша служба проводила вербовочные мероприятия по привлечению к сотрудничеству сотрудника английского посольства в Варшаве Хьютона. При осуществлении этой сложной операции сотрудники КГБ пользовались содействием польской спецслужбы, и в силу этого произошла расконспирация сведений об объекте их вербовочных действий перед одним из технических работников польской службы.

Прошло много лет, и завербованный тогда агент оказался на работе в важном военном учреждении Великобритании. В целях обеспечения безопасности работы с ним и операции ТФП в одну из английских спецслужб (Операция "Портлендское дело", глава V) агент был передан в распоряжение нелегальной резидентуры в Англии, которой руководил опытный разведчик-нелегал Бен, он же Лонсдейл.

В 1958 году упомянутый польский технический сотрудник спецслужб

М. Голеневский, к этому времени занимавший уже пост начальника отдела оперативной техники, которому стали известны некоторые данные о нашем агенте, инициативно установил связь с ЦРУ и стал его агентом.

В результате его предательства ЦРУ в 1959 году стало известно о наличии нашего агента в одном из военных ведомств Великобритании. Это позволило английской контрразведке МИ-5 к концу года не только установить этого агента и его любовницу, но и выйти через них на резидентуру Бена. В результате провала, помимо двух этих агентов, в январе 1961 года были арестованы наши разведчики Бен, Питер и Хелен Крогеры. Потеря этой резидентуры, организация которой проходила под моим личным руководством в 1952-1955 годах, была ощутимой для советской внешней разведки.

На этом печальном примере мы убедились в важности строгого соблюдения конспирации во всех наших делах, проводимых при содействии других спецслужб из братских социалистических стран.

В то же время между сотрудничавшими спецслужбами имелось соглашение о том, что отступления от указанного положения могли иметь место, но только по инициативному предложению той стороны, которая располагает соответствующей агентурой, то есть носило бы характер волеизъявления одной из сторон, исходя из конкретной ситуации и целесообразности привлечения другой стороны к участию в использовании агентурных возможностей инициатора предложения.

Такие ситуации иногда возникали при решении согласованных разведками или контрразведками проблем. За время моей работы в Польше имел место ряд взаимных раскрытий конкретных разведчиков или агентов в тех случаях, когда обе разведки считали это целесообразным. Чаще всего такая необходимость возникала при проведении совместных оперативных игр с противником, например, при внедрении агентуры во враждебные заграничные эмигрантские структуры. Реже - в случае использования источников информации.

Мне представляются особенно характерными в последнем случае два примера сотрудничества польской и советской разведок в области решения сложных задач по добыче стратегической информации, имевшей жизненно важное значение для безопасности социалистического содружества и в интересах его военно-оборонной промышленности. Речь шла о проникновении в американские научно-исследовательские центры и фирмы, работавшие в области ракетной и авиационной военной техники.

Поскольку оба случая получили в восьмидесятые годы широкую огласку в США, не вижу препятствий ни со стороны нашей, ни польской внешней разведки к тому, чтобы рассказать о тех условиях, в которых происходило наше взаимодействие по этим делам.

Предпосылкой к объединению усилий в работе с агентами явилось зафиксированное в очередном протоколе обоюдное согласие о направлении усилий разведывательных служб на получение стратегической в военно-оборонном отношении информации по тогда главному противнику (ГП), то есть Соединенным Штатам.

Соответственно, в текущей работе представительства КГБ мы тактично активизировали польских коллег, подсказывая где, в каких американских научно-исследовательских и военных объектах следует искать такую информацию. В этом плане наше подразделение научно-технической разведки (НТР) периодически направляло польской разведке перечень американских объектов.

Действуя в указанном направлении, польские разведчики к концу восьмидесятых годов добились больших результатов по двум направлениям, приобретя в США агентов Белла и Харпера.

ДЕЛО У. Х. БЕЛЛА

Американец Уильям Холден Белл являлся сотрудником в авиационной корпорации "Хьюз Эйркрафт компани", выполнявшей совершенно секретные оборонные заказы правительства США.

Он имел доступ к современным разработкам в области ракет "воздух-воздух" и "земля-воздух" и радарных систем (Аллен, Пальмер Н. Торговцы изменой. Лондон, 1988).

Польский разведчик Захарский, работавший в торговом представительстве Польши, под соответствующим предлогом познакомился с Беллом, специально поселившись по соседству с ним. В процессе общения с ним разведчик выяснил, что американский специалист по своей работе был связан с разработкой оборонных систем в области авиации и представлял интерес как возможный перспективный кандидат в источники стратегической информации.

Доложив в Центр свои выводы, Захарский получил задание развивать отношения с Беллом, постепенно заинтересовывая его возможностью дополнительного заработка путем предоставления ему консультаций пока в общем плане, не затрагивая служебных секретов.

Захарский сумел привлечь Белла к оказанию ему таких услуг, хорошо оплачивая их. Таким образом он приучил Белла к дополнительным доходам, вызвав у него постоянную потребность в дополнительном заработке в обмен за услуги Захарскому.

Путем постепенного втягивания Белла в сотрудничество, Захарский подвел его к возможности получения более значительных вознаграждений за предоставление служебной информации. Белл пошел на это предложение, предоставив Захарскому перечень материалов, имевшихся в его фирме.

На этом этапе польские коллеги обратились к нам с просьбой оценить перечень материалов Белла, так как из-за их сугубо специфического характера самим им это сделать было затруднительно. Не раскрывая ни источника материалов, ни места его работы, они в предварительном порядке поставили перед нами вопрос, не заинтересована ли наша служба, если обещанные Беллом материалы действительно являются ценными, оплачивать их в довольно крупных размерах.

Когда мы впервые обсуждали эту проблему в 1979 году, я испытывал большие сомнения. Сможет ли наше подразделение НТР по одному перечню дать такую оценку, которая позволит согласиться на крупные расходы валютных средств, которые и у нас жестко лимитировались.

В то время я, естественно, ничего не знал ни об обстоятельствах привлечения Белла к сотрудничеству, ни о самом Белле.

Служба НТР попросила польских коллег, не раскрывая источника, дополнительно проинформировать их, назвав более определенно объект нахождения указанных в перечне материалов. Поляки охотно назвали фирму Белла. Она оказалась хорошо известной нашей НТР, и после консультации с экспертами в соответствующих ведомствах наша служба дала согласие на оплату материалов Белла.

Уже на этом этапе я почувствовал, что наших польских коллег очень заинтересовала возможность получения важных разведывательных материалов как для своего министерства национальной обороны, так и, пожалуй, главным образом, как весомый вклад в дело повышения обороноспособности всего социалистического содружества и ОВД. Выполняя таким образом согласованную задачу по добыванию стратегических материалов, польская разведка могла не тратить свои ограниченные валютные ассигнования.

В дальнейшем, по ходу развития работы Захарского с Беллом и повышения ценности его материалов, польская разведка более подробно проинформировала НТР об агенте и его возможностях, стала получать от НТР конкретные задания для агента и перевела связь с ним в Европу.

Белл соглашался сам фотографировать материалы и в непроявленных пленках доставлять их в европейские страны, в том числе иногда он доставлял их сам прямо в Варшаву.

После того как польские коллеги подробно ознакомили нашу службу НТР с характеристикой агента, его личными данными и возможностями по месту работы, никаких трудностей с оценкой доставляемых Беллом материалов и их оплатой больше не возникало, несмотря на то что суммы, запрашиваемые агентом, были немалые.

За время сотрудничества с польской разведкой Белл передал значительное количество материалов важнейшего характера. Это перспективное дело, к обоюдному сожалению обеих разведок, завершилось провалом в 1981 году.

23 июня 1981 года в самый разгар польского социальнополитического кризиса, в нью-йоркской резидентуре польской разведки изменил шифровальщик, через которого в начале вербовки Белла проходили телеграммы в центр от Захарского. Изменник выдал американским спецслужбам агента, и он был арестован контрразведкой - ФБР.

Оказавшись перед угрозой длительного тюремного заключения, Белл пошел на сотрудничество с ФБР и помог в осуществлении провокации против Захарского, который был арестован.

Захарский был осужден к пожизненному тюремному заключению, а Белл только на 8 лет, с учетом его помощи американской контрразведке в изобличении Захарского.

Польскому разведчику пришлось отсидеть в американской тюрьме почти пять лет. Наша внешняя разведка вместе с польской службой сразу же приняли меры к его вызволению, и эти усилия привели к его обмену вместе с еще несколькими арестованными в США за шпионаж представителями разведок бывших социалистических стран на 25 лиц из числа западников, задержанных в Восточной Европе.

За большие заслуги Захарского перед обеими разведками он был хорошо поощрен, а наша внешняя разведка предоставила ему с семьей длительный отдых и лечение на курортах Советского Союза.

Сейчас, спустя десять лет после освобождения из американской тюрьмы, Захарский снова появился на страницах мировой прессы, в том числе и в средствах массовой информации новой Польши, но отнюдь не как прежний активный участник совместных действий польской и советской разведок. Теперь он, судя по всему, кардинально изменил свои позиции и принял участие в антироссийской провокации, выступив свидетелем в обвинении бывшего премьера Польши Олексы в советско-российском шпионаже.

Трудно, видимо, сопротивляться обещанным наградам и генеральским званиям, хотя они и воздаются не в интересах собственного народа, а в угоду повергнутого с президентского пьедестала Леха Валенсы.

В тот период, когда в Соединенных Штатах происходил судебный процесс над Захарским и Беллом, американская пресса, а затем позже и ряд специалистов в области разведки, в своих публикациях высоко оценивали достижения наших разведок в деле Белла. Они отмечали, что приобретенная через Белла информация помогла полякам и русским сберечь сотни миллионов долларов и позволила применить в своих оборонных объектах уже проверенные американцами, испытанные ими в полевых условиях результаты длительных исследований. Это позволило ввести в короткие сроки важные оборонные системы против новых средств нападения США.

Так сотрудничество двух наших разведывательных служб внесло свой весомый вклад в укрепление безопасности наших стран (Баррон Д. КГБ сегодня. Нью-Йорк, 1983).

ДЕЛО Д. ХАРПЕРА

Примерно в тот же временной период возникло аналогичное дело второго польского агента Джеймса Харпера.

Инженер-электронщик по профессии, американский делец Джеймс Харпер имел доступ к совершенно секретным материалам по ракетной технике калифорнийской оборонной фирмы "Систем Контрол Инкорпорейтед".

Польская контрразведка вышла на этот перспективный источник получения научно-технических материалов в 1979 году. Изучение Харпера показало возможность его привлечения к сотрудничеству на коммерческой основе. Было установлено, что вышеуказанная фирма специализировалась на разработке защитных систем для американских стратегических ракет "Минитмен" и других баллистических ракет.

Харпер нуждался в деньгах и искал возможность заработать их, но в крупных размерах, что сразу стало ясно в начале работы поляков с ним. Он довольно быстро согласился на поставку разведке большого количества технических материалов указанной фирмы.

Исходя из сложности оценки его материалов, как и в случае с Беллом, а также необходимости оплачивать их еще в более значительных размерах, польская разведка обратилась к НТР нашей службы с предложением принять участие в руководстве агентом.

Получив представленный Харпером перечень доступных ему материалов фирмы "Систем Контрол Инкорпорейтед", наши специалисты подтвердили особую ценность информации Харпера и взяли на себя оплату его материалов в зависимости от их конкретной ценности.

Агент стал не просто передавать то, что имелось на фирме и попадало ему под руку. Для него был разработан нашей НТР специальный перечень тем и определен характер материалов, за которые мы готовы были платить ему. Агент подбирал их и передавал польскому разведчику, получая каждый раз крупное вознаграждение.

Харпер согласился привозить свои материалы в европейские страны, в том числе несколько раз посетил и Варшаву.

Для иллюстрации "производительности" этого источника стратегической информации особой важности приведу один пример его посещения Варшавы, свидетелем которого я был.

Так как за каждую доставку разведывательных материалов Харпер запрашивал крупные суммы в долларах, предоставлявшиеся нашей службой, каждая такая порция материалов требовала тщательной, но весьма оперативной оценки достоверности и определения ценности их. Служба НТР в этих целях направляла в Варшаву специальных высококвалифицированных экспертов из нашего оборонного ведомства. После подтверждения достоверности привезенных Харпером материалов и соответствия их нашему заказу агенту тут же вручались деньги.

Помню, как к ожидавшемуся визиту Харпера в июне 1980 года с одним таким заказом к нам прибыла команда из трех авторитетов в области стратегического вооружения.

Харпер прилетел самолетом с целым чемоданом, в котором находилось несколько десятков килограммов копий документов. Просмотр их и внимательное изучение экспертами заняло всю ночь, к утру они могли твердо сказать, что продавцу можно вручить деньги, сумма которых превосходила сотню тысяч долларов. При этом Харперу требовались деньги в мелких купюрах.

Юмористическая сторона этого очень серьезного дела состояла в том, что, получив деньги, Харпер стал рассовывать их по карманам, набил пачками долларов свою сумку и даже засунул по пачке в носки. Можно было только удивляться, как он провозил эти деньги домой, проходя таможенный досмотр.

Использование этого источника исключительно ценной информации совместно с польской разведкой было хотя и кратким (около трех лет), но очень продуктивным. Фактически все материалы указанной фирмы были переданы нам Харпером. К моменту его разоблачения в 1983 году он практически уже исчерпал свои информационные способности.

Как пишут Пальмер и Аллен, американский агент ЦРУ, полковник польского Генерального штаба Министерства национальной обороны ПНР Ришард Куклинский, имевший доступ ко всем материалам МОН, узнал о наличии у поляков ценного агента, поставлявшего информацию по ракетам. Когда Куклинский сбежал из Польши 8 ноября 1981 года, его осведомленность позволила американской контрразведке после двухлетних поисков и расследований наконец установить Харпера. Кстати, сам Харпер своим поведением ускорил свое разоблачение. В октябре 1983 года Харпер был осужден к пожизненному тюремному заключению.

По оценке американских властей, ущерб, нанесенный Харпером для американских суперсовременных военно-наступательных и оборонительных систем, во много раз превосходил ущерб от сотрудничества с польской разведкой агента Белла.

Оба эти примера, естественно, не исчерпывают всего объема взаимодействия советской и польской разведок. Но они свидетельствуют о той взаимной выгоде, пользе, которые совместные операции приносили нашим обеим службам, расширяя их разведывательные возможности, повышая их эффективность. Такое взаимодействие было в интересах не только наших двух стран, но и всего содружества, объединенного в оборонную Организацию Варшавского Договора.

Возвращаясь к вопросу о взаимной договоренности избегать, вернее, строго исключать попытки выяснения данных об имеющихся в службах агентурных возможностях в конкретной форме сведений об агентах или источниках разведывательной информации, хочу отметить, что поляки не всегда вели себя последовательно, когда дело касалось других спецслужб.

Вспоминаю, как польские коллеги возмущались действиями разведки ГДР. Полякам стало известно из западной прессы, что последняя работала с агентом - западногерманской немкой, служащей западногерманского посольства в Варшаве. "Почему, - спрашивали поляки, - немцы ничего нам не говорили, ведь они вели разведку на польской территории?"

Припомнил я и другой случай аналогичной работы разведки ГДР в Польше. Как писала уже в 1980 году западная пресса, западногерманская контрразведка в мае 1976 года арестовала Хельду Бергер, которая была завербована разведкой ГДР от имени британской разведки. Бергер с 1966 по 1970 год работала в торговой миссии ФРГ в Варшаве, когда эта миссия фактически выполняла функции и дипломатического представительства.

Агент снабжала разведку ГДР ценной разведывательной информацией о планах и действиях ФРГ в отношении ОВД и Польши. Позже Бергер два года проработала в МИДе ФРГ и снова выехала для работы в посольстве, но на этот раз во Франции. Все это время агент считала, что сотрудничает с англичанами.

Конечно же, претензия поляков к немецким коллегам была не совсем обоснованной. Ведь немецкие разведчики только встречались со своим агентом на польской территории, а агент действовала в пределах западногерманского учреждения. В то же время поляки могли быть правы в той части, что шумная кампания, проводившаяся на Западе в связи с разоблачением шпионажа ГДР в Варшаве, вредила престижу Польши.

Очевидно, немцам следовало бы в достаточно общей форме сказать о своих действиях по представительству ФРГ (как, кстати, делали мы, и это вполне удовлетворяло поляков). Тем более что в этом случае поляки могли бы попросить немецких коллег о добыче каких-либо разведывательных сведений по этому немецкому учреждению.

ОБЛАСТИ И ВИДЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Как указывалось, сотрудничество специальных служб в бывшем социалистическом содружестве строилось на основе двусторонних соглашений КГБ СССР с каждой спецслужбой в отдельности. Инструментом проверки хода исполнения соглашений являлись протоколы, составлявшиеся в результате встреч делегаций, обсуждения хода взаимодействия по отдельным конкретным направлениям оперативной деятельности и выработки новых принципиальных планов на последующий период времени, обычно на четыре-пять лет.

В соответствии с протоколом каждое подразделение спецслужб проводило свои встречи и обсуждения, намечая конкретный план взаимных действий во исполнение принципиальных положений протокола.

В планах оперативных подразделении обеих спецслужб намечались основные мероприятия по получению разведывательной информации в соответствии с целями, определенными в протоколе, намечались конкретные разведывательные оперативные мероприятия с целью противодействия подрывной деятельности противника, разоблачения шпионско-диверсионных действий иностранных разведок и их агентуры и защиты интересов во всех областях жизни обоих государств. В этих целях намечались совместные операции ТФП в разведывательные органы противника, центры враждебных организаций. При этом имелись в виду и безагентурные операции ТФП, однако они не фигурировали в таких планах и являлись объектом особых договоренностей в строго определенном узком кругу руководителей служб, которые принимали участие в таких акциях.

Для примера могу указать, что в совместных планах советской внешней разведки с польской службой, помимо пунктов чисто польской заинтересованности, фигурировали операции по проникновению в западные разведки - ЦРУ, БНД и другие; внедрение агентов в антисоветские закордонные центры украинских националистов - ОУН, подрывной

антисоветской организации НТС; проникновение в центральные органы Ватикана и его разведывательную службу.

Такие планы совместных мероприятий ежегодно обсуждались при встречах представителей соответствующих служб. Контроль за их исполнением со стороны КГБ лежал на представительстве, которое в случае каких-либо задержек сигнализировало об этом как в свой центр, так и руководству польской спецслужбы.

В целом могу отметить, что это взаимодействие было плодотворным для обеих сторон, что видно и из приведенных примеров с двумя польскими агентами по линии ГП нашего общего с поляками в то время главного противника - США.

О сотрудничестве советской внешней разведки с союзными спецслужбами бывших социалистических стран написано много небылиц, вымыслов и неприкрытой грубой лжи.

Когда ложь исходит от всевозможных предателей и изменников, для всех ясно, что их изречения вложены в их уста хозяевами из иностранных спецслужб, в услужение которых они поступили. Таковы изменники Ю. Носенко,
О. Гордиевский, А. Голицын и другие. Например, бывший сотрудник 8-го Главного управления КГБ Шеймов, неоднократно в силу служебного положения выезжавший в социалистические страны, нагло лжет о положении, которое он якобы лично наблюдал в Польше. По его словам, польские спецслужбы в 1979 году являлись простыми марионетками в руках КГБ. Завравшись, он утверждал, что встречался с генералом - руководителем представительства КГБ в Варшаве и долго с ним (то есть со мной!) беседовал. Чушь несусветная, которая лишь свидетельствовала, чего стоят все другие разоблачения этого мелкого мошенника.

Такие же примерно измышления высказывают походя публицисты, пишущие на разведывательные темы, Д. Баррон, К. Эндрю и многие другие.

Можно только удивляться, как такой маститый ученый, как К. Эндрю, согласился своей авторитетной подписью придавать видимость достоверности измышлениям изменника О. Гордиевского, в соавторы которого он был привлечен. Или француз Т. Вольтон, обстоятельно и как будто достоверно исследующий деятельность КГБ в своей книге, соскальзывает на абсурдные сентенции вроде "спецслужбы стран Восточной Европы были простыми филиалами КГБ", "их разведки выполняли поручения КГБ по вербовке агентов, которых затем КГБ забирал у них" и тому подобные нелепости (Вольтон Т. КГБ во Франции. М.: Гамма, 1993). Как могли серьезные исследователи так унижать себя, присоединяясь к хору дезинформаторов из западных спецслужб?

Например, Д. Баррон в своей книге "КГБ", описывая 11-й отдел ПГУ (отдел внешних сношений разведки), в основном давая правильную информацию об отделе, извращает его функции, приписывая представительствам КГБ в социалистических странах обязанности руководить агентами, завербованными КГБ в этих странах. Искажается также весь характер взаимоотношений КГБ со спецслужбами союзных стран. Последние представляются автором

как вспомогательные для КГБ не только внутри стран, но и вовне (Баррон Д. "КГБ". Ридерз дайджест Пресс. 1974, N 4).

Особенно широкий размах дезинформационная кампания о деятельности разведок стран Восточной Европы получила после кардинальных изменений в СССР, распада Союза и смены социалистических режимов в бывших социалистических государствах. В эту кампанию включились и отдельные бывшие руководители бывших режимов. Так, даже Эрих Хонеккер, в попытке снять с себя ответственность за прошлые дела, пытался представить себя "безвольной и послушной марионеткой в руках Кремля" (Интервью с бывшим послом СССР в ГДР П. Абросимовым. 24 часа. 1992, 2 ноября, N 40).

Развернулась охота на сотрудников органов безопасности в бывших социалистических государствах и прежде всего на агентов их внешних разведок в западных странах. Особенно сенсационными были сообщения об агентуре бывшей разведки ГДР. Одним из примеров таких сенсаций явился начавшийся в Германии в начале августа 1993 года процесс над "самым важным" агентом "Топазом" и его женой - англичанкой под псевдонимом "Турчанка". Кстати, эти два агента и их деятельность на Западе представили наглядный пример успешной операции ТФП разведки ГДР в НАТО.

На примере судебной расправы над бывшим министром госбезопасности Милке и бывшим многолетним руководителем внешней разведки ГДР М. Вольфом в Германии проявилось все лицемерие западной юрисдикции. На вопрос Вольфа:

"Какую же страну я предал?", его германские судьи не могли ответить. "Нельзя же считать, - говорил Вольф, - что я предал ГДР, гражданином которой был".

Он дал достойный ответ и измышлениям о том, что органы безопасности и, в частности, внешняя разведка якобы были орудиями в руках КГБ. "Мы считались, понятно, - говорил он, - младшими партнерами. Но работали мы совершенно независимо, в основном в ФРГ. И на этом направлении русские во многом зависели от нас" (Интервью с М. Вольфом шведского писателя Яна Гиллоу. Фолкет и бильд. 1993, октябрь).

В связи с охотой за агентами ГДР западные спецслужбы распускали слухи о якобы исчезновении 2000 досье на таких агентов, с явными намеками на изъятие их КГБ. "Теперь, - писала западная пресса, - многие сотни бывших агентов ГДР будут служить русской разведке". Однако вскоре немецкие власти признали, что информацию о таких агентах они получали от ЦРУ, сумевшего добыть многие архивные материалы бывшей разведки ГДР, в том числе на ее сотрудников, допросы которых явились источником сведений о многих агентах.

В связи с настоящим террористическим преследованием бывших сотрудников госбезопасности в Германии, Чехословакии и других странах, бывших наших союзниках, мне представляется необходимым высказать свою оценку происшедшего с нашими бывшими коллегами в этих странах.

На мой взгляд, события вокруг бывших специальных служб в этих странах, а также, хотя и в меньшей мере, в бывших прибалтийских республиках, представляются частью постыдной истории предательства нашим руководством левых сил в странах - бывших членах социалистического содружества. Всему миру ясно, что государства, которым Советский Союз навязывал свои императивы, для безопасности которого, прежде всего, работали сотни и тысячи сотрудников их специальных служб и многие тысячи агентов этих служб в капиталистических странах, были беспардонно выданы на расправу их бывшим противникам.

Преданы спецслужбы ГДР, ЧССР, ВНР. Акт передачи чешскому президенту компрометирующих секретных материалов на бывшее чехословацкое руководство компартии в нужный момент в виде "документов комиссии Суслова" для разжигания кампании против левых сил перед выборами 18 сентября 1992 года, приурочивание передачи документов Политбюро ЦК КПСС полякам в аналогичный предвыборный момент нельзя рассматривать иначе как нарочитый ущерб, наносимый российским руководством левым силам в этих странах.

Можно многое было бы сказать по этому поводу, но ограничусь замечанием, что, разворачивая кампанию по разоблачению восточноевропейских разведок, западные дезинформаторы наносили удар по своим прежним домыслам о якобы слабости этих разведывательных служб, неспособности их решать самостоятельно сложные разведывательные проблемы.

В то же время западным спецслужбам трудно опровергнуть такие выдающиеся достижения, как ТФП чехословацкого агента Френцеля в Оборонный Комитет Бундестага ФРГ в 50-е годы, позволившие чехословацкой разведке получить доступ ко всем секретам военного характера Западной Германии; проникновение агентуры ГДР во все важнейшие правительственные органы Западной Германии, а также НАТО. Они существенно пополняли информационную корзину ОВД. В этом плане Запад хорошо запомнил ТФП агента ГДР Гийома в ближайшее окружение канцлера Брандта.

Активно действовала польская разведка, как я уже показал, по США, а также в ФРГ и во Франции. При этом можно упомянуть, что количество разоблаченных дел восточноевропейских агентов в известной мере характеризует активность этих служб. Так, Т. Вольтон в своей книге приводит интересные сведения. За весь послевоенный период начиная с 1945 года из 74 выявленных случаев разведывательных операций во Франции 28 приходились на чехословацкую разведку, 17 - на польскую и 14 - на разведку ГДР. Если учесть, что, по признанию самого автора, французская контрразведка не отличалась высокой эффективностью, можно предположить, что за этими цифрами неудач скрывается значительно большее число успешных дел.

Возвращаюсь к полякам.

НАШЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Сотрудничество КГБ и, в частности, внешней разведки и контрразведки с польскими коллегами из таких же служб развивалось и углублялось по мере выявления новых

оперативных возможностей, представлявших взаимный интерес. Поляки и мы, со своей стороны, вносили предложения по совместному проведению все более сложных операций, требовавших полного доверия друг к другу.

Мы отмечали, что все больше сотрудников польских служб разведки и контрразведки проникались действительно искренними дружескими чувствами к нам, отмечая нашу искренность и откровенность с ними. Это нас радовало и увеличивало не только наше доверие к ним, но и доверие к польским спецслужбам в целом со стороны нашего Центра.

Соответственно центральные подразделения нашей разведки и контрразведки стали охотнее откликаться на просьбы поляков по оказанию им содействия в решении отдельных сложных проблем, с которыми они порою встречались в оперативной работе. Это чаще всего случалось в связи с операциями ТФП.

Несмотря на то что в наших взаимоотношениях с польскими коллегами мы действовали строго в рамках, согласованных в протоколе о сотрудничестве и взаимодействии, далеко не всегда легко удавалось найти готовность отдельных польских руководителей подразделений спецслужбы к осуществлению совместных операций.

Я отмечал у ряда польских коллег стремление прежде всего решать задачи личной заинтересованности, то есть такие, которые могли бы создать им престиж и повысить авторитет в глазах польского политического руководства. Соответственно главные, можно сказать, фундаментальные задачи, связанные с обеспечением общих для всего соцсодружества интересов, которые были и главными задачами внешней разведки, не всегда интересовали польскую сторону. Не все поляки видели в них свои национальные интересы, что порою и определяло нежелание таких руководителей вкладывать в разрешение разведывательных проблем собственные ресурсы.

Чаще всего я ощущал такую позицию со стороны директора второго департамента МВД - контрразведки Владислава Пожоги, в дальнейшем, в 1980 году, ставшего заместителем министра, взявшего под свою опеку также и разведку.

В. Пожогу отличала постоянная подозрительность и недоверие не только к нам, но и к своим коллегам - другим полякам, позиции которых не совпадали с его мнением и не соответствовали его убеждениям.

Меня интересовал этот польский руководитель в связи с тем, что он был поставлен на один из ключевых постов в МВД, был хорошо знаком с С. Каней, ставшим в 1980 г. Первым секретарем ЦК ПОРП.

Исходя из того что я знал о действительно искреннем дружественном отношении С. Кани к нашей стране и постоянно чувствовал это в моих взаимоотношениях с ним, долгое время я так же воспринимал и его протеже В. Пожогу. Но все чаще у меня стали возникать вопросы, так ли это на самом деле, и сомнение в его искренности, его действительных настроениях.

Еще до того как С. Каня выдвинул его в заместители министра, я понял, что в лице этого польского руководителя в МВД мы имеем не совсем того человека, которым он стремится представлять себя нам.

Он был не столько патриотом своей страны, сколько националистом со своеобразным представлением о себе как о почти единственном "правильном" поляке, подозревающем всех и вся в каких-то неблаговидных, с его точки зрения, делах.

Первый сигнал о его неискренности я получил, когда во время одной из ответственных операций ТФП потребовалось применение сложного аппарата нашего специального технического отдела. Аппарат этот был уникальной новинкой, специально предназначенной для использования в операциях ТФП, и усиленно охранялся сотрудниками нашего спецотдела.

По указанию Пожоги была предпринята тайная попытка скопировать устройство этого аппарата с целью его изготовления для своих нужд. Перед этим Пожога обращался в КГБ с просьбой передать им этот аппарат. Ему откровенно сказали, что он имелся у нас только в единственном экземпляре, но наш спецотдел изъявил готовность в любое время прибывать с ним в Польшу при возникновении в нем надобности у поляков.

Как видно, это разъяснение не удовлетворило Пожогу. Но он не знал, что аппарат был настолько сложен в своем устройстве и принципах действия, что полякам просто технически было бы не по силам изготовить его самостоятельно, какие бы схемы они ни приобрели тайком от нас. Кроме того, аппарат был опасно радиоактивен и пользование им требовало большой осторожности и знания его особенностей.

Пожога ошибочно полагал, что мы не узнаем о его поползновениях в отношении нашего прибора, но среди тех, кому он отдавал тайные указания, оказались много наших искренних друзей, не одобрявших лицемерия своего начальника.

Что касается его подозрительности, то мне стало ясно происхождение этой нехорошей черты его характера. Оказывается, он в прошлом долго работал в Управлении инспекции польской Беспеки, то есть в министерстве безопасности. Это управление вело наблюдение за своими собственными сотрудниками. С тех пор он перестал верить кому-либо, научившись подозревать всех своих коллег.

Как-то в беседе с Пожогой, с которым мы внешне были в хороших отношениях, я спросил его: "Владислав, веришь ли ты себе-то? Ведь кого ни возьми, ты выражаешь недоверие - и к Ярузельскому, и к Кане, хотя последний верил тебе и выдвинул, доверяя тебе полностью, на такой важный пост, как контрразведка?" Владислав лишь ухмыльнулся. Он не верил М. Милевскому, своему непосредственному начальнику в МВД. И конечно же, не верил нам, представительству КГБ, о чем я прекрасно знал.

Глядя на него, его довольно ограниченный общекультурный кругозор, я размышлял, откуда у него такое самомнение, питавшее его уверенность, что только он ведет правильную линию, знает, что и как нужно делать в МВД, лучше и Милевского, и министра Ковальчика, не говоря

уже о Е. Гереке, которого он ни во что не ставил. Помню, как он возмущался "обманом" со стороны Первого секретаря ЦК ПОРП С. Кани, который не дал ему возможности быть избранным членом ЦК на IX съезде партии. Ругал он его последними словами, не стесняясь меня.

Но пример Пожоги был исключением. Большинство сотрудников польских служб безопасности были искренними с нами, начиная от руководителей министерства и кончая рядовым составом. Нам было легко сотрудничать с ними, и часто мы сообща радовались их успехам, так же, как их радовали наши достижения. На этом фоне совершенно по-другому представляется сотрудничество и взаимодействие между собой западных специальных служб.

Если в нашем случае, после смерти Сталина и разоблачения Берии, Советский Союз и его органы безопасности стали, как выразился М. Вольф, "старшими" партнерами и КГБ строил свое сотрудничество прежде всего на оказании содействия братским органам безопасности, то система взаимодействия спецслужб Запада, как правило, определялась, да и определяется в большинстве случаев до сих пор единолично американскими спецслужбами в лице ЦРУ и ФБР.

Именно эти спецслужбы идут на сотрудничество там и тогда, где и когда это обещает им выгоду. Они, пожалуй, не менее пренебрежительно и свысока относятся к британским, французским, немецким спецслужбам, правда, при любом благоприятном для себя случае не отказываются от использования их услуг и возможностей.

Особенно активно и беспардонно ЦРУ действовало на территории ФРГ, полагая, что раз западногерманские спецслужбы были воссозданы ими, не следует особенно считаться с ними и соблюдать хотя бы правила внешнего приличия. О таком далеко не союзническом отношении немцы хорошо знают, но вынуждены подчиняться.

Время от времени они все же предают гласности отдельные эпизоды своевольной деятельности ЦРУ на их территории. Так, журнал "Шпигель" в октябре 1986 года поместил большую обзорную статью с описанием отдельных "художеств" агентов ЦРУ. В ней описывается "подготовка" в созданном ЦРУ под Мюнхеном лагере агента-боевика Махмуда, снабжение его фальшивыми западногерманскими документами без ведома БНД и т. д. При этом подчеркивается, что таких махмудов ЦРУ готовит в ФРГ много и направляет их со своими подручными с заданиями в другие государства, нисколько не беспокоясь о том, что они компрометируют союзников - западных немцев, действуя под видом граждан ФРГ.

При этом ЦРУ создало в ФРГ разветвленную сеть своих пунктов, которые вели там без согласования с немецкими властями подслушивание служебных телефонов, вскрывали почтовую корреспонденцию, поступавшую в эту страну с Американского континента, проводили операции ТФП в иностранные объекты.

Очевидно, в качестве иллюстрации "благодарности" со стороны ЦРУ немецким спецслужбам в статье не без сарказма приводится эпизод встречи, организованной директором ЦРУ Уильямом Кейси в сентябре 1984 года с руководителями западногерманских спецслужб.

Угостив их обедом в боннском ресторане "Цур Лезе", Кейси вручил им по серебряному "олимпийскому" доллару за "тесное партнерское сотрудничество".

Итак, я должен был изменить характер своей работы во внешней разведке весьма кардинально. Из разведчика, думал я, превратиться в администратора ее бюрократического аппарата.

Для того чтобы представить меня польским коллегам и получить их согласие на "аккредитацию", меня в качестве представителя КГБ, вскоре после состоявшегося разговора у председателя, начальник внешней разведки генерал Мортин лично сопроводил меня в Варшаву. Министром МВД ПНР тогда еще был Очепка, который вскоре погиб в авиакатастрофе. Мне запомнилась эта поездка не столько впечатлениями от руководителей польских спецслужб, с которыми я познакомился, сколько не очень благоприятным впечатлением, оставшимся у меня от самого Мортина. Он уже год являлся начальником внешней разведки, сменив на этом посту ушедшего в отставку Сахаровского, при котором он был первым заместителем в течение нескольких лет.

До этого Мортин долгое время был рядовым сотрудником военной контрразведки, откуда был взят в аппарат ЦК КПСС.

Несмотря на то что он был простым чиновником партаппарата, он был возвращен в органы КГБ теперь уже на высокую должность заместителя начальника внешней разведки. Таким образом, его знания и опыт в области разведывательной деятельности ограничивались опытом руководящей работы в центральном аппарате. Это был один из примеров практики "усиления" органов госбезопасности партийными кадрами, которая мало способствовала действительному усилению их эффективности. Хотя должен признать, что другой руководитель разведки - Крючков В. А., также пришедший в КГБ из аппарата ЦК КПСС, оказался более подготовленным к новой работе, показал исключительную восприимчивость к новому для него делу.

Итак, впервые мне довелось находиться в непосредственной близости с начальником разведки - мы ехали в одном купе.

Еще во время моего нахождения в загранкомандировке до меня доходили не особенно лестные отзывы о новом в то время заместителе, затем первом заместителе начальника разведки. Эти отзывы подкрепились личным впечатлением о нем, о его стиле руководства в период моей бытности начальником КИ. Кстати, Мортин также был около полугода начальником этого института, не оставив, однако, там заметного следа. Но это было понятно, ибо как мог он руководить подготовкой разведчиков, ничего сам не зная о разведывательной профессии.

За время поездки до Варшавы меня поразила излишняя словоохотливость нового начальника, который в своих высказываниях не ограничивался общими темами, часто переходя на служебные вопросы, чему я был несказанно удивлен. Хотя мы ехали в отдельном купе, но двери часто были открыты, и другие пассажиры, в том числе иностранцы, могли уловить весьма

интересные для них изречения начальника разведки. Поэтому я старался так реагировать на беседу, чтобы она носила больше бытовой характер. Не знаю, может быть, я излишне остро реагировал в силу привычки конспирации, воспитанной всей практикой работы за границей и ставшей второй натурой, но у меня остался нехороший осадок.

Но главное мое неудовольствие от действий моего начальника возникло от самого процесса представления меня как представителя КГБ министру МВД Польши.

Министр Очепка собрал всех своих заместителей и нескольких начальников главных департаментов, и Мортин представил им меня. При этом, говоря обо мне как генерале КГБ, он совершенно без нужды, а по моему убеждению, и ко вреду для моей будущей работы, назвал меня многоопытным разведчиком. Начиная с этого момента, Очепка обращался ко мне только как к разведчику, давая недвусмысленно понять, что он понимает, с какими целями я приехал в Польшу. Из представления Мортина получалось, что КГБ специально направляет в Польшу не опытного специалиста по вопросам обеспечения государственной безопасности, а разведчика, только разведчика.

Позже я убедился, что у некоторых руководителей польских спецслужб, присутствовавших при моем представлении, создалось именно такое предвзятое впечатление о моей деятельности.

На обратном пути я тактично, но ясно высказал свое неодобрение такой формой моего представления. Однако Мортин не понял моих выводов.

ГЛАВА III. ГЛАЗАМИ ПРОШЛОГО

Часы отмечают минуты,
Но где же часы для вечности?

Уолт Уитмен. "Песни о себе"

Думаю, что такими часами для вечности, которая для человеческого общества олицетворяется в его неумирающей памяти, являются передаваемые от века к веку письменные свидетельства общечеловеческой памяти. Книги, так мною любимые, книги разные, большие и малые, умные и не совсем, позволяют нам следить за этапами развития Человека разумного, видеть свое прошлое и, опираясь на него, прогнозировать будущее.

Моя личная память, составляющая мгновение для вечности, помогает мне лучше понять текущие события, опираясь на прожитый опыт, решать сегодняшние задачи. Но память эта не однозначна, она сохраняется не только в доступных в любой момент тайниках моего мозга, но и часть ее оседает в моем подсознании, скрытом для моего повседневного сознательного использования. Этот накопленный и пережитый опыт мы называем интуицией.

В разведывательной деятельности для каждого разведчика профессиональная интуиция представляет неоценимое качество.

Моя профессиональная интуиция в области ТФП опирается на разнообразный опыт пережитых мною за полувековую разведывательную карьеру операций как агентурного, так и безагентурного проникновения.

В настоящей главе я привожу некоторые примеры, которые позволят читателю яснее представить всю сложность такой специфической области разведки, как осуществление операций ТФП. Но прежде не могу умолчать о новой вспышке враждебности со стороны западных и, в первую очередь, американских спецслужб по отношению к нашей стране.

Весной 1994 года вновь зазвучали жесткие голоса из США. Ведь Россия посмела своим отважным маневром в Боснии утереть нос единственной теперь супердержаве, призванной единолично решать судьбы мира! К тому же Москва не прекратила шпионаж против Америки. И хотя ФБР, как утверждали американские газеты, еще за год до этого узнало о работе Эймса на КГБ, именно тот момент оказался удобным, чтобы придать делу исключительно важный политический смысл.

Снова посыпались не только упреки, но и прямые угрозы со стороны американских спецслужб, и ЦРУ в особенности. А в то же время в специальном комитете сената США по разведке директор ЦРУ Дж. Вулси рисовал подробную картину активизации этой службы в "четырех обширных областях разведывательной деятельности в России". Это ведомство, в новых условиях перехода США от враждебности к партнерству с Россией, видите ли, не считает для себя запретным осуществление "контроля за положением в российских вооруженных силах, добычу уникальных политических материалов по России и других активных разведывательных действий".

Вот вам и логика: Россия, ведя разведку в Соединенных Штатах проявляет вероломство, вмешивается во внутренние дела, а ЦРУ активизирует и без того широкую разведку у нас, контролирует своими агентами наше внутреннее положение и добывает самую уникальную информацию обо всех наших делах, совершая благородное дело.

Как видно, ошибаются надменные руководители американской администрации и Центрального разведывательного управления. Россия не собирается быть беззащитной перед их далеко не дружелюбными замыслами. Наша внешняя разведка вербовала, вербует и будет вербовать нужных для самозащиты агентов, в том числе и в США. И не только рядовых агентов, таких, как Ховард, Пелтон, Уоркеры и им подобных. Но и из числа тех руководящих американских чиновников, которые участвуют в планировании новых враждебных нам замыслов, готовят новые тайные операции против нашей Родины. При всем этом, внешняя разведка, я уверен, не откажется и от проведения ТФП, если ей будет представляться такая возможность. Важно лишь, чтобы в таких операциях наши противники не смогли узнать об их осуществлении в каждом конкретном случае. Другими словами, чтобы не оставалось никаких следов нашего ТФП, что является sine qua non (совершенно непременное условие - лат.) таких операций.

Напрасно на Западе делаются попытки различать разведку по признаку "низменного шпионажа" и "благородного дела". Мы придерживаемся четкой градации: разведка ведется

кадровыми сотрудниками - разведчиками и привлеченными помощниками - агентами. Запад предпочитает всех наших разведчиков да и своих именовать "шпионами", не делая различия между кадровыми профессионалами и некадровыми - агентами.

Мы разделяем "божественную" оценку нашей профессии: устами Моисея Библия высказывается за "доброкачественную разведку", которая приносит "богатые плоды".

Когда в процессе работы в Польше возникла возможность осуществления операций ТФП, в моей памяти стали возникать дела давно минувших дней.

ОПЕРАЦИЯ "ВАЛИЗА"

Вспоминая захватывающие перипетии отдельных операций ТФП, я сравнивал их с самыми острыми сюжетами детективных историй в изложении искусных авторов и приходил к заключению, что ТФП могли бы дать богатую пищу и для Ле Карре и для Грэма Грина. В своих воспоминаниях отставной полковник французской разведки Леруа-Фэнвилль подробно описывает, как его "Служба 7" вскрывала иностранные дипломатические почты, которые им удавалось перехватывать на линиях курьерской связи.

Ранее я встречал упоминание о том, что в многовековой истории разведывательных служб встречались случаи изъятия у курьеров перевозимых ими почт и тайного досмотра их.

Так, в конце XVI века французский король Генрих IV подписал с Испанией условия мира, которые сильно затрагивали интересы Англии, а посему сохранялись в строжайшей тайне.

Добыть текст мирного франко-испанского договора англичанам удалось через венецианского посла Контарино. По его поручению испанского курьера, который вез почту с подписанным договором, "опоили каким-то зельем" и усыпили. Снять копию с текста договора оказалось непросто из-за сложной упаковки документа. Он находился в запаянной металлической трубке, на запайке которой была оттиснута печать. Вскрыть трубку, не повредив печать, было нельзя. К тому же трубка-контейнер находилась внутри опечатанной сумки, к которой была прикреплена цепь, обернутая вокруг тела курьера.

Изъятие документа было осуществлено так искусно, что в Мадриде ничего не заметили.

Из этого примера видно, что любые ухищрения с защитой пересылаемых почт от проникновения в них не могли сделать их достаточно надежными. Кроме того, для их доставки требовались курьеры, которые также могли быть доступны любителям ознакомиться с содержанием доставляемых ими документов.

Вот почему наряду с курьерской связью издревле использовались для доставки сообщений птицы, в частности, почтовые голуби.

Нест Липсус, известный историк XVI века, рассказывает о сложившейся издавна практике дрессировки птиц в целях использования для связи на относительно небольшие расстояния.

Этот вид связи отличался быстротой, подчас в этом отношении он не уступал современной почте, в том числе и авиационной. Птичьей курьерской связью пользовался, в частности, Рим для получения секретных сообщений от своих агентов, находившихся в других странах.

Целый ряд преимуществ связи при помощи голубей перед курьерской связью с участием связников, особенно в условиях кризисных ситуаций и военных конфликтов, обеспечивал сохранение голубиной почты вплоть до появления такого более совершенного средства, как радио.

Так, во время первой мировой войны, антантовская разведка широко использовала голубиную почту для доставки разведывательных сообщений с оккупированных немцами территорий. Поэтому с началом войны голуби тоже были мобилизованы. Поскольку Бельгия славилась своими голубями, при отступлении союзных войск бельгийская контрразведка дала приказ уничтожить более 30 тысяч голубей, которые могли быть использованы как почтовые.

На протяжении войны союзники активно использовали голубиную почту. Голуби забрасывались к патриотам, действовавшим в тылу немецких армий самолетами, в соответственно приспособленных корзинках, подвешивавшихся к парашютам, или же на воздушных шарах. Вместе с голубями прилагались инструкции о том, как обращаться с ними, и необходимые патриотам финансовые средства. Подчас разведчик, сбрасывавшийся с парашютом в тылу противника, имел при себе в кармане почтового голубя.

Голуби, снабженные разведывательными донесениями, успешно перелетали линию фронта, хотя немцы и пытались их отстреливать. Но попасть из винтовки в летящего голубя не так легко, тем более неизвестны были их маршруты и время полета. Они преодолевали большие расстояния, оперативно доставляя союзникам сведения большой практической военной ценности.

Голуби оказались не только быстрыми, но и весьма надежными курьерами. Отмечались случаи, когда смертельно раненные неприятелем пернатые курьеры часами ползли по земле и все же успевали добраться до родной голубятни.

К концу войны одни только англичане имели на западном фронте "штат" в 6 тысяч голубей. Во Франции даже поставили памятник героям голубиной почты и многих из них наградили орденами (см. сообщения из Бонна
Е. Бовкун "Швейцарская армия простится с голубями, если позволит референдум". Известия. 1994. 5 ноября).

Вот и повод вспомнить мифический эпизод о том, как голубь сослужил неоценимую услугу аргонавтам, обманув подвижные скалы своим пролетом между ними, потеряв только несколько перьев из своего хвоста.

Но что говорить о далеком прошлом, когда оказывается, что и в настоящее время голуби остаются на вооружении как вполне надежное средство связи.

В конце 1994 года европейские СМИ живо отреагировали на сообщение из Швейцарии о предстоявшем сокращении в ее армии службы голубиной связи.

К концу 1995 года, по соображениям экономии средств, швейцарская армия наметила распустить свои "голубиные кадры", насчитывавшие 7000 штатных голубей, и отказаться от использования по контрактам еще 30 000 гражданских почтарей.

Согласно комментариям, голубиная почта до сих пор является очень удобным средством связи, особенно в горных местностях. Голуби могут в любых погодных условиях преодолевать расстояния в 800-1000 км и развивать скорость до 80 км в час.

Швейцарские голубятники сокрушались, что после 77 лет безупречной работы голубиной службы теперь опытные мастера управления голубями окажутся без работы вместе с тысячами опытных птиц-почтарей.

Если говорить о возможности ТФП в почту, пересылаемую с голубями, то очевидно, что этот архаический вид связи представляется наиболее надежным. В случае перехвата голубиного курьера факт этот неизбежно становится известным владельцам почты.

Пример операции ТФП, объектом которого была иностранная почта, оказался в поле моего внимания на самом раннем этапе моей работы в разведке, в предвоенные 1939- 1940 годы.

В то время я уже был заместителем начальника американского отделения 5-го отдела ГУГБ (бывшего ИНО) НКВД. В моем ведении была разведывательная деятельность на Американском континенте - от Канады до Аргентины. Тогда мы располагали двумя легальными резидентурами: в Вашингтоне и Нью-Йорке, нелегальной резидентурой Ахмерова, действовавшего в районе Вашингтона, и нелегальной разведывательно-диверсионной группой в Аргентине нелегала Максимова, которая еще была в процессе становления.

Тогда я был еще только начинающим разведчиком, и все, что мне доводилось узнать или услышать о деятельности нашей разведки, воспринималось мною с огромным интересом и остро врезалось в мою память.

Вот первое, тогда еще малопонятное мне событие, дошедшее до меня.

Харбинская резидентура внешней разведки в начале 30-х годов активно занималась операциями ТФП в японские дипломатические почты.

Японцы, чувствуя себя хозяевами в Маньчжурии, недооценивали возможности иностранных разведок и довольно легкомысленно относились к пересылке своей служебной и дипломатической почты.

Резидентура, заместителем руководителя которой в то время был известный советский разведчик В. М. Зарубин, умело воспользовалась этим положением. "Тщательно изучив важнейшие японские объекты в Маньчжурии, их распорядок работы, почтовые каналы на

главных пунктах следования почт, приобрела агентов и стала осуществлять операции ТФП в корреспонденцию огромной почты, которая вскрывалась, просматривалась, снимались копии и в запечатанном виде возвращалась агенту" (Меморандум Тонаки. Очерки истории внешней разведки. Т. 2, с. 283).

Всю сложность и специфику таких операций ТФП в дипломатические почты я понял позже, когда сам столкнулся с такой операцией, о чем хочу рассказать подробнее.

Как сейчас помню, наша служба получила срочное задание добыть как можно больше любой информации о том, как упаковывают свои дипломатические почты японские службы, какие при этом используются материалы, где их покупают или изготавливают, и так далее. Речь шла о писчей бумаге, конвертах и пакетах, чернилах, карандашах, канцелярском и специальном клее, сургуче, упаковочной бумаге.

Этим подробным "канцелярским" перечнем я был сильно удивлен. Но поскольку уже в то время опекавшие меня старшие коллеги-ветераны учили к каждому поручению и заданию подходить сознательно, четко понимая и представляя значение и цели даваемого мне поручения, я постарался выяснить, зачем и кому понадобились эти материалы.

Тогда я узнал, что запрос исходит из спецотдела министерства, где работал мой знакомый по краткосрочному совместному обучению в Высшей школе НКВД в 1938 году. Я связался с ним. Он охотно и подробно ввел меня в курс подготавливаемой ими операции ТФП в японские дипломатические вализы. Суть плана спецотдела сводилась к следующему.

Японский МИД доставлял свою диппочту, упакованную в вализы, во Владивосток, где они отправлялись японскими курьерами с почтовым поездом без сопровождения, а в Москве, прямо из почтового вагона диппочту принимали сотрудники японского посольства. Таким образом, создавалась возможность ознакомиться с японскими вализами в пути от Владивостока до Москвы, который в то время длился от б до 8 суток.

План спецотдела намечал организовать прямо в почтовом вагоне небольшую лабораторию, в которой и вскрывать вализы, фотографировать их содержание и вновь запечатывать так, чтобы никаких следов вскрытия на диппочте не оставалось.

"Вот для этого-то, - пояснил мой коллега, - нам и нужно иметь все те материалы, которые используют японцы при упаковке своих почт".

Та первая информация еще мало что говорила мне о всей сложности такого ТФП. Только позже, когда наше отделение получило из спецотдела совершенно секретные документы МИД Японии, касавшиеся японо-американских отношений и мне нужно было уточнить у отправителя документов источник их происхождения, так как я должен был запросить нашу вашингтонскую резидентуру по ряду возникавших из этих японских материалов вопросов, мне открылась вся удивительная картина этой операции.

Как оказалось, полученная внешней разведкой из различных резидентур, в том числе и из Японии, информация свидетельствовала об исключительной сложности ТФП в японские почтовые отправления.

Во-первых, при упаковке корреспонденции она помещалась в пакеты и заклеивалась специальным клеем и сургучными печатями. Пакеты, клей и сургуч были не обычными канцелярскими, а специально заказываемыми японским МИДом.

Во-вторых, одна из наших резидентур смогла добыть старую упаковку японской диппочты. Исследование ее выявило наиболее трудно преодолимое для спецотдела препятствие: почта помещалась в специальные пакеты, имеющие подкладку из тончайшей, легко разрушающейся рисовой бумаги. Как убедились специалисты, вскрыть такой пакет без повреждения подкладки оказалось невозможным. В связи с этим в японскую резидентуру внешней разведки было направлено задание выяснить источник поставки МИД Японии такой рисовой бумаги или новых пакетов с подкладкой из нее. Постараться приобрести эти предметы, а также специальные японские клей и сургуч, сорта и специфику которых спецотдел установил по полученной использованной упаковке.

Японская резидентура внешней разведки, к счастью, располагала агентом, знакомым с производителем указанных товаров, который смог приобрести то, что требовалось спецотделу, в вполне достаточном количестве.

Теперь началась та операция, которая для меня представлялась прямо фантастической.

Специальная бригада из нескольких специалистов, высококвалифицированных мастеров своего дела - вскрытия и закрытия особо сложно упакованных емкостей с интересующим нас содержанием, - оборудовала отсек в почтовом вагоне, курсирующем между Москвой и Владивостоком. В этом, прямо скажем, теснейшем закутке им предстояло совершать ювелирную по точности и аккуратности работу. Причем не в спокойной обстановке, а во время движения поезда, когда вагон трясется на стыках рельсов и при поворотах пути. Поэтому все наиболее деликатные операции по проникновению в дипломатические вализы бригаде пришлось производить только во время длительных остановок поезда на больших станциях. Таких остановок было 8-10, и нужно было укладываться в такой ограниченный срок, что еще больше осложняло работу бригады.

Мой знакомый коллега из спецотдела описал мне обстановку, в которой совершала свой поистине героический труд бригада.

Как только японские курьеры во Владивостоке (или японские дипломаты в Москве) сдавали под расписку свои вализы почтовому служащему вагона, их немедленно брала на свое попечение бригада спецотдела.

Прежде всего они фотографировали со всех сторон на цветную пленку внешний вид, характер упаковки, печати, пломбы и все, что можно было заметить на поверхности вализ, все их особенности и характерные детали. Пленки тут же проявлялись.

Затем тщательно исследовались под лупой печати, узлы, запоры. После чего начинался процесс вскрытия внешних упаковок вализ, мешков - в зависимости от характера почты. Если вализ было немного, бригада успевала к моменту отправления поезда провести всю подготовительную работу к их вскрытию, но к самому вскрытию она могла приступить, только когда поезд уже тронется, на случай возможного обращения японцев с просьбой о возвращении диппочты, что в принципе не исключалось и даже однажды имело место.

Самое сложное начиналось при вскрытии внутренних упаковок с подкладкой из рисовой бумаги. К этой процедуре уже были заранее подготовлены новые пакеты, сравнение внешнего вида которых с пакетами диппочты проводилось также под лупой, а отдельных их участков даже под специальным микроскопом, если появлялось подозрение о наличии какихто меток или особенностей, трудно различимых без микроскопа.

- При удачном стечении обстоятельств, - сказал мне коллега, - к середине пути бригада успевает добраться до содержимого почты, сфотографировать ее и начать обратный процесс закрытия пакетов. Это обратное действие является наиболее ответственным, так как малейшее упущение, по-иному сложенные листы, царапина или помятости могут дать японцам повод к подозрениям.

К моменту запечатывания пакетов и вализы специально выделенный член бригады уже имел сравнительные характеристики клеев, сургуча, чернил, которыми сделаны надписи на пакетах. Если пакеты заменялись на новые, то специалист по почеркам делал абсолютно идентичные надписи на новых упаковках.

Процесс завершения закрытия диппочт настолько сложен, что бригада была вынуждена работать с чрезвычайным напряжением, чтобы уложиться в срок. В качестве гарантии от провала бригадир имел право в критической ситуации потребовать от машиниста дополнительной остановки, не доезжая до Москвы. Такой случай имел место однажды, когда почта оказалась более объемной, и бригада не рассчитала время.

- В целом, - говорил мне коллега из спецотдела, - после такой поездки всему составу бригады предоставляется "отгул" для отдыха на целую неделю. Если бы ты посмотрел, в каких условиях работают эти чудо-мастера, ты бы никогда не поверил, что там можно что-то сделать даже с менее деликатными почтами, чем японские.

Вдумываясь в то, что я читал в книге Леруа-Фэнвилля уже в 1980 году, я живо представлял те условия, в которых производились операции ТФП его "Службой 7", и еще больше удивлялся мастерству наших служб в то далекое предвоенное время. Люди, которые могли совершать вскрытия вализ, защищенных особо изощренным способом, мастерами которого, безусловно, являются японцы, мне представлялись умельцами, которые не только могли бы подковать и

блоху, но даже украсть у такой подкованной блохи ее подковы так, что она и не заметила бы пропажи.

Удивительно не только их мастерство, но и то, как развита у них способность в часто возникающих экстремальных условиях решать сложнейшие, внезапно возникающие задачи, причем при остром дефиците времени и в крайне неблагоприятных условиях.

Думая об этом, я вспоминал примеры того, как человек перед возникающей смертельной опасностью вдруг проявляет чудеса силы, необыкновенной смелости и находчивости. Очевидно, именно такая способность мгновенной мобилизации всех своих умственных и физических сил присуща и тем специалистам ТФП, которым так часто приходится решать, казалось бы, неразрешимые проблемы.

Вот почему, когда ко мне в отделение стали поступать "для реализации" японские информационные материалы на американскую тематику, я уже совершенно по-другому, чем прежде, относился к ним. В моих глазах они становились бесценными, ибо я видел в них итог огромного самоотверженного труда специальных бригад, их добывших.

После того что я узнал на примере операции по ТФП в японскую диппочту, мне было особенно интересно узнать, что вскрытие почтовой корреспонденции имеет давнюю историю.

Из истории гражданской войны в США в 1861-1865 годах известен случай, когда подставленный южанам агент федералистов (северян) стал курьером мятежников и вся почта, которую он привозил, вскрывалась и прочитывалась в Вашингтоне. При этом необходимо было пользоваться бумагой и печатями подлинных пакетов, и военное министерство федералистов ввозило из Англии бумагу, тождественную той, которой пользовалась агентура южан в Канаде.

Хотя приведенный мною пример ТФП в иностранную дипломатическую почту свидетельствует о том, что еще до войны такие операции активно проводились нашими специальными службами, удивительно мало упоминаний о подобной разведывательной деятельности появилось в западных публикациях.

Одно такое мимолетное замечание встречается в книге Эндрю и Гордиевского, когда со слов последнего говорится, что советская контрразведка усыпляла иностранных дипкурьеров при их следовании с диппочтами из Ленинграда в Москву, чтобы получить доступ к содержанию почт. Более подробно, но также чисто декларативно, без ссылок на какойлибо конкретный пример, писал в книге "КГБ" американский публицист Д. Баррон. Он заявляет, что на нашем железнодорожном транспорте, в вагонах, которыми пользовались иностранные дипкурьеры, имелись скрытые каналы для поступления паров, используемых для усыпления дипломатических курьеров с тем, чтобы их почты могли быть досмотрены. Но привести какой-либо факт автор не смог, так как зафиксировать такие ТФП в почтовых вагонах не удалось. Слишком квалифицированно проводились подобные операции, если действительно они проводились нашими службами, а следовательно, противник оставался в неведении относительно того, о чем же удалось узнать КГБ из досматриваемых диппочт. В этом огромное преимущество операции ТФП.

При проведении операции ТФП в дипломатические почты да и вообще в другие малоисследованные предварительно объекты приходится считаться с возможностью мало полезного "улова", отсутствием, как правило, средств и времени на их вскрытие, проникновение в их "внутренности". Да к тому же большой риск провала.

В то же время, когда однажды ТФП в японскую диппочту не дало каких-либо стоящих материалов, один из знакомившихся с изъятыми материалами обратил внимание на письмо японского МИДа, направлявшего детальный запрос с указанием сообщить ближайшей почтой оценку положения в СССР, с указанием источников информации, на основании которых делаются те или иные выводы.

Ценность для разведки следующей операции ТФП в диппочту, которая проследует из японского посольства в МИД Японии, сразу же неизмеримо возросла. Было решено досмотреть ее во что бы то ни стало, ибо в ней могли содержаться ответы посольства с указанием имен источников, поставлявших информацию японцам.

ОПЕРАЦИЯ "ЛОТОС"

Мои впечатления от первых лет работы в разведке сосредоточивались на примерах агентурного ТФП в наиболее важные центры нашего разведывательного интереса у противника. Одним из таких героических дел предвоенного и военного периода является выдающийся подвиг военного разведчика Рихарда Зорге. Правда, в те годы, да и долго еще после окончания второй мировой войны, о нем мало что было известно нашей широкой общественности, хотя Запад живо откликнулся на его подвиг.

Деятельность Зорге в аспекте операций ТФП путем агентурного внедрения стоит в одном ряду с такими достижениями в этой области, как совместная операция советских разведок под условным названием "Красная Капелла" или проникновение группы агентов во главе с разведчиком Кимом Филби в наиболее важные центры Великобритании, в том числе в СИС и МИД этой страны.

Деятельность Рихарда Зорге осуществлялась по двум важнейшим направлениям: проникновение в германские фашистские круги и в Управленческий центр японского милитаризма. То есть решались две важнейшие для советских разведок задачи предвоенного периода по вскрытию замыслов и антисоветских планов. Эти два вектора разведывательной деятельности Р. Зорге и давали ту равнодействующую в виде жизненно важной для нашей страны информации, которая оказала существенную помощь советским вооруженным силам в отражении гитлеровской агрессии.

Дело Зорге меня тем более заинтересовало, что регион его деятельности - Япония и Дальний Восток - был связан с операцией "Снег", в которой мне довелось лично участвовать в 1941 году. Операция "Снег" была направлена на предотвращение возможной японской военной агрессии против нашей страны на Дальнем Востоке (Павлов В. Г. Операция "Снег". М., 1996).

Именно тогда я узнал о работе против Японии другого разведчика, Ивана Андреевича Чичаева, с которым позже мне не раз приходилось лично встречаться. Этот наш резидент, работая в тридцатые годы на Дальнем Востоке, добыл через свою агентуру в Японии так называемый "Меморандум Танака", в котором японский премьер и министр иностранных дел барон Гинту Танака сформулировал секретный план милитаристских кругов Японии внешнеполитической и военной экспансии против своих соседей.

Рихард Зорге до приезда в Японию в сентябре 1933 года длительное время находился в Китае, куда прибыл молодым человеком под предлогом "изучения банковского дела". Там он убедился в том, что Дальний Восток являлся регионом мощного национально-освободительного движения. Увидел он и зарождение империалистической войны, угрозу японской агрессии, нависшей над этим регионом мира.

В 1930 году в Шанхае он познакомился с Ходзумо Одзаки, являвшимся корреспондентом японской газеты "Асахи". Они стали друзьями, и Зорге сумел завоевать доверие своего японского друга. Этому способствовала и нараставшая экспансия японцев в Китае.

18 сентября 1931 года имела место совершенная японцами вооруженная провокация на КВЖД, так называемый "Мукденский инцидент" (взрыв, послуживший поводом для оккупации Квантунской армией всей Маньчжурии). Шло ускоренное наращивание японских вооруженных сил на севере, что воспринималось обоими друзьями как признак подготовки японской агрессии против Советского Союза.

Одзаки был согласен с Зорге о необходимости активного противодействия этой угрозе, что подготовило его сотрудничество с нашей разведкой в дальнейшем.

В 1932 году Одзаки был отозван в Японию, и его контакт с Зорге прервался до начала 1934 года. Эта связь была восстановлена Зорге в январе 1934 года, и сразу же Зорге провел принципиальный разговор, получив твердое согласие Одзаки сотрудничать в борьбе против японского милитаризма. К этому времени Одзаки уже был редактором газеты "Асахи симбун".

Исходя из главной задачи своей резидентуры, которая состояла в раскрытии захватнических планов японского милитаризма и германского фашизма, сбора важных сведений о готовившемся нападении на Советский Союз, Зорге определил два основных направления разведывательной деятельности.

Первое намечало ТФП в круги германского посольства в Японии. Он оставил эту задачу за собой. Второе - проникновение в руководящие круги Японии и, более конкретно, ТФП в ближайшее окружение премьер-министра страны - им отводилось для Одзаки (Одзаки Ходзуки - брат Хадзумо Одзаки. Дело Р. Зорге. Токио, 1981).

На обоих главных участках разведывательной деятельности Зорге добился выдающихся результатов.

Одзаки, который понимал разницу между помощью, которую он оказывал Зорге в Китае, и сотрудничеством в Японии, верил своему руководителю и проявил свои выдающиеся способности журналиста-аналитика и обозревателя для выполнения поставленной перед ним нелегкой задачи. В этом ему помогало глубокое убеждение в правоте Зорге.

Одзаки сумел завоевать доверие руководящих кругов Японии и получил доступ к источникам важной внутренней информации о деятельности кабинета министров Японии.

В июле 1938 года он получил пост советника правительства по китайским проблемам.

Следуя указаниям Зорге, он проникает в непосредственное окружение тогдашнего премьер-министра Японии принца Фумимаро Коноэ. В период годового отхода Коноэ от руководства кабинетом министров, Одзаки сохраняет положение неофициального советника важного Управления Южно-Маньчжурской железной дороги в Токио. С возвращением Коноэ на пост премьер-министра, Одзаки в 1940-1941 годах вновь становится советником и даже секретарем премьера. Так он проник в резиденцию премьер-министра Коноэ, получил право свободного доступа в служебные помещения секретарей кабинета министров, где у него были хорошие друзья.

С этого момента от Одзаки в группу Р. Зорге стали регулярно поступать важные сведения о намерениях и планах японского правительства и, в частности, его военного ведомства. Свое ТФП агент успешно завершил.

Сам Зорге также преуспел, осуществив свое ТФП в близкое окружение германского посла и военного атташе. Он сумел войти в доверие сначала к послу Герберту Дирксену, затем к сменившему последнего Эйгену Отту, военно-морскому и воздушному атташе Гренау и даже к представителю гестапо Мейзингеру. Германское посольство раскрыло перед ним доступ к конфиденциальным материалам. Доверие это было настолько велико, что МИД Германии предложил ему должность пресс-атташе посольства.

Военный атташе Отто, ставший в дальнейшем послом, знакомил Зорге с шифрованными телеграммами из Берлина. Так, Зорге стало известно о германо-японских переговорах об антикоминтерновском пакте. Секретные пункты этого пакта, подписанного Германией и Японией 25 ноября 1936 г., Зорге узнал сразу же. Как известно, через год, 6 ноября 1937 года, к этому пакту присоединилась и Италия.

Благодаря установленным доверительным и близким отношениям в посольстве Германии Зорге добился такого положения, что стал уверенно контролировать практически всю конфиденциальную переписку между немецким посольством в Токио и правительством Германии.

Отношения доверия, позволявшие ему получать секретную информацию, Зорге установил со спецкурьером германского МИДа Шмидтом, начальником экономического отдела германского Генштаба Томасом, со специальными представителями Берлина в Японии Штаммером и Херферхом, с послом по особым поручениям Урахом. Именно от Ураха он узнал

содержание секретного приказа прозондировать возможность вступления Японии в войну против СССР. От другого немца - полковника Нидмайера Зорге получил данные о военных планах Японии в отношении Китая и Юго-Восточной Азии.

Диапазон связей Зорге говорит и о его информационных возможностях. Они еще больше возросли, когда 14 сентября 1939 года Зорге возглавил службу информации германского посольства. В этот период бывший военный атташе Отто стал послом. От него Зорге узнал о подготовке соглашения между Берлином и Токио, направленного против Англии и США.

В мае 1939 года Зорге узнал о принятом решении немцев напасть на Польшу в сентябре этого года, перейдя границу в районе Данцига (Гданьск). Как известно, нападение Германии, и именно в Данциге, произошло 1 сентября.

Интересно, что немцы еще за несколько месяцев до подписания советско-германского пакта о ненападении уже приняли решение о войне с Польшей. Спрашивается, при чем же, как утверждают наши недруги, какое-то провоцирование этой войны Советским Союзом?

Весной 1941 года от военного атташе Кремера Зорге узнал о завершении в Берлине подготовки плана агрессии против СССР, а от специального посланника В. Мейера - о стратегических целях этого плана.

В мае 1941 года прибывший из Германии Шолль сообщил Зорге о намеченном на конец июня нападении Германии на нашу страну. Об этом же сроке начала войны Зорге получил сообщение еще 17 апреля 1941 года из телеграммы к представителю Гиммлера со ссылкой на Риббентропа. Одной только упреждающей, достоверной и скрупулезной информации о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз, добытой Зорге, достаточно, чтобы его подвиг остался навсегда в памяти нашего народа.

Помимо сведений о сроках подготовки внезапного нападения Германии на нашу Родину, кульминационным достижением Зорге следует считать крайне своевременное доведение до сведения ставки Главного командования Красной Армии в июле 1941 года достоверных разведывательных сведений о том, что Япония не собиралась нападать на Советский Союз в поддержку германской агрессии, отдавая предпочтение наступлению в южном направлении. Это позволило снять многие отборные советские дивизии с дальневосточных рубежей и перебросить их на европейский плацдарм войны. Именно сибирские дивизии помогли спасти столицу и нанести первое крупное поражение немцам, обеспечившее победу в сражении под Москвой.

Зорге погиб, выполняя свой священный долг. Могила его находится на японском кладбище Тома, вблизи Токио, где он был захоронен после казни 7 ноября 1944 года. На надгробной плите есть надпись на японском и русском языках: "Здесь покоится герой, который отдал жизнь в борьбе против войны, за мир во всем мире".

Эти слова наиболее полно характеризуют жизнь и подвиг разведчика Рихарда Зорге.

Зорге действовал в период 1933-1941 годов, то есть еще до моего становления как разведчика. Но то, что мне стало известно уже в то время о деятельности этого замечательного человека, разведчика-профессионала, практически в одиночестве возглавившего борьбу в логове злейших наших врагов, захватывало мое воображение. С самого начала моей разведывательной карьеры он стал для меня, наряду с моими двумя наставниками, ветеранами внешней разведки Ахмеровым И. А. и Зарубиным В. М., примером, образцом мужественного служения Родине.

Хотя Зорге был по отцу немцем, настоящей его родиной всегда был Советский Союз. Он верно служил ему и окончил свою короткую жизнь на боевом посту как Герой Советского Союза, хотя это высокое звание ему было присвоено лишь посмертно.

Зорге находился в распоряжении военной разведки, но начал он свою героическую деятельность в начале 30-х годов, когда эту разведывательную службу возглавлял А. Х. Артузов, являвшийся одновременно начальником ИНО НКВД. Таким образом, "дело Р. Зорге" зародилось и начало развиваться под руководством бывшего начальника нашей службы, и это позволяет считать внешнюю разведку причастной к этому выдающемуся примеру операции агентурного ТФП.

Но в дальнейшем Зорге работал под единоличным руководством Главного разведывательного управления (ГРУ), так как Артузов стал жертвой сталинских репрессий и был расстрелян в 1938 году.

Не могу не разделить возмущения жестокостью сталинско-бериевского режима, не пожелавшего принять меры к освобождению Зорге, когда 18 октября 1941 года он был арестован. Целых три года просидел в японской тюрьме легендарный разведчик, когда японцы, так и не дождавшись никаких предложений освободить его путем обмена, 7 ноября 1944 года казнили его.

Одна из версий провала Зорге, на мой взгляд, наиболее близкая к истине, состоит в следующем. При подготовке японцев к нападению на Перл-Харбор их специальные службы приняли жесткие меры к тому, чтобы перекрыть все возможные каналы утечки информации в США. Поэтому сотрудник резидентуры Зорге Мияги Йотеку, долгое время проживавший в США, был арестован, при допросах под пыткой он и выдал Зорге и других членов его группы.

Отсутствие каких-либо попыток со стороны Советского Союза освободить Зорге можно объяснить тем, что Сталин не поверил его предупреждению о готовящемся нападении Германии на СССР, поэтому разведчик и был принесен им в жертву. В этом еще раз проявилось нежелание Сталина иметь лишнего свидетеля допущенных им просчетов в оценке создавшегося накануне войны положения.

Мало того, за четыре года до ареста, в самый разгар его разведывательной деятельности, когда от Зорге одно за другим поступали достоверные сообщения по важнейшим событиям, касавшимся Германии и Японии и их агрессивных замыслов, имя этого славного советского

разведчика было заклеймено как не заслуживающее политического доверия и, вероятно, германского и японского шпиона.

И это клеймо сохранялось в то время, когда сообщения, прогнозы и анализы Зорге систематически подтверждались самой жизнью, происходившими событиями.

Еще более унизительно узнавать, что его жена, проживавшая в СССР и так и не узнавшая о печальной участи мужа, была арестована осенью 1942 года и направлена в ссылку, где в июле 1943 года скончалась (Одзаки Ходзуки
- брат Хадзумо Одзаки. Дело Р. Зорге. Изд-во "Тго Корокся", Токио, 1981, яп. язык).

Это произошло в то время, когда Зорге томился в японской тюрьме, ничего не зная о судьбе жены. Хоть от этой дополнительной позорной обиды он оказался избавленным, умирая за честь своей родины с убеждением, что о семье его позаботятся.

В наше время нам не дано забывать о величественных делах этого героя, оставившего значительный след в истории советской разведки.

Рассказав об этой исключительно сложной, но и необычайно успешной операции агентурного ТФП, хочется отметить, что и менее значительные операции приносят подчас хотя и ограниченные по своему масштабу, но тем не менее весьма полезные существенные результаты. В каждой такой операции есть свои особенности, свои профессиональные секреты, знание которых обогащает опыт разведчика, помогает ему находить выход из неожиданных ситуаций. Отдельные примеры известных мне операций я привожу, надеясь, что они помогут читателю лучше понять многообразность и сложность ТФП.

ДЕЛО "КИТО"

Одним из наиболее трудных, но и важных объектов для обеспечения надежности и безопасности работы внешней разведки в США явилась защита от коварных и изощренных методов и мер, принимавшихся со стороны главного контрразведывательного ведомства этой страны - ФБР. Поэтому, когда в сороковых годах внешней разведке удалось осуществить агентурное ТФП в Министерство юстиции, в подразделение, курирующее деятельность ФБР, это было большим успехом.

Эта операция ТФП развивалась следующим образом. В 1943 году резидентура внешней разведки в Нью-Йорке завербовала агента - американку "Кито". Эта женщина под руководством разведчика стала искать пути подхода к ФБР, заводя соответствующие знакомства и устанавливая связи, которые могли бы рекомендовать ее на работу в Минюст США. Одновременно агента готовили в оперативном плане к возможной тщательной проверке ее личности со стороны ФБР.

Терпеливая и настойчивая работа с агентом принесла успех: в начале 1948 года Кито поступила на должность клерка в министерство. Ей удалось устроиться в подразделение,

ведающее наблюдением за работой крупнейшего филиала ФБР в Нью-Йорке. Этот филиал вел наиболее активную работу по советским учреждениям в США и советским сотрудникам ООН.

Начиная с этого момента мы получили возможность знакомиться с совершенно секретными документами ФБР, находившимися в Министерстве юстиции. При этом Кито фактически действовала втемную, то есть не отбирала документы по нашему запросу, к чему она не была готова, а изымала по очереди картотеки и досье, складывала их в чемоданчик и передавала для фотографирования, после чего утром на следующий день возвращала их на место.

Мне вспоминается, как в Центре мы изучали эти фотокопии, а также и настоящие учетные карточки на агентов ФБР из среды членов американской компартии и других прогрессивных организаций, дублированные экземпляры которых находила в архивах министерства Кито.

Успешная работа с этим агентом, к сожалению, была прервана через год, когда наш разведчик при очередной передаче Кито материалов был арестован вместе с нею.

Кито вела себя в процессе следствия и суда достойно. Она была осуждена первоначально на 15 лет тюрьмы, а затем по апелляции срок был сокращен до 10 лет. При последующем пересмотре дела ее умелое поведение, поддержанное опытным адвокатом, нанятым не без нашего участия, вынудило ФБР отказаться от обвинения Кито из-за нежелания раскрывать свои секреты о характере материалов, которые изымала обвиняемая. Ведь тогда пришлось бы демонстрировать донесения агентов ФБР в компартии.

Ущерб от провала агента, помимо потери доступа к архивам ФБР, был минимальным, так как Кито не могла помочь контрразведке установить фактически те материалы, которые стали известны с помощью агента нашей разведке. Агент сама не знала, что именно передавалось нам, да к тому же Кито отказалась сообщать следователям какие-либо подробности о своем сотрудничестве с нами.

Как ни кратким было сотрудничество Кито с нашей внешней разведкой, но указанная операция ТФП принесла ощутимые результаты в области повышения безопасности нашей разведывательной работы не только в Нью-Йорке, но и в целом в Соединенных Штатах. Благодаря информации, полученной через Кито и других наших источников, был выявлен ряд агентов ФБР, подставлявшихся американской контрразведкой в качестве провокаторов к советским людям, в том числе и сотрудникам резидентуры внешней разведки. Узнали мы и ряд методов, применявшихся ФБР в подрывной работе против нас.

Аналогичные операции ТФП осуществлялись внешней разведкой и против ЦРУ и сотрудников этой американской разведки, действовавших в иностранных государствах. С одной такой хотя и не удавшейся до конца операцией ТФП я хочу познакомить читателя.

ОПЕРАЦИЯ "ПРОХИНДЕЙ"

В шестидесятые годы я являлся заместителем начальника внешней разведки КГБ и курировал подразделение внешней контрразведки, тогда я вплотную соприкоснулся с

операцией ТФП нашей разведки в одну из резидентур ЦРУ на Ближнем Востоке. Операция осуществлялась с целью внедрения микрофона для прослушивания бесед, которые вел со своей агентурой резидент ЦРУ "Прохиндей".

В качестве конечной цели этого ТФП была попытка вербовки Прохиндея.

Обстоятельства операции были таковы.

Резидентура внешней разведки в одной из ближневосточных стран вела активную разработку сотрудника американского посольства в этой стране. Он был установлен нашими разведчиками как резидент ЦРУ. Были собраны подробные сведения о его образе жизни, выяснено, что он проживал на частной квартире в многоэтажном доме, изучено его поведение по месту жительства.

С целью наблюдения за Прохиндеем во внеслужебное время наш разведчик снял квартиру по соседству.

Вскоре были получены сведения о том, что Прохиндей принимает на своей квартире многочисленных посетителей, среди которых были сотрудники не только американского посольства, но и местных правительственных организаций. Последние, как правило, приходили к Прохиндею после наступления темноты.

Среди посетителей квартиры был замечен один из ранее выявленных нашей резидентурой агентов ЦРУ, член правительства страны, а также известные нам сотрудники резидентуры ЦРУ из числа американских дипломатов. Были среди посетителей и люди, пытавшиеся внедриться в агентурную сеть нашей резидентуры.

Эти обстоятельства навели резидентуру на мысль попытаться внедрить в квартиру Прохиндея подслушивающую технику с тем, чтобы узнать характер бесед американского резидента с его гостями. При этом наша резидентура предположила, что Прохиндей принимает на квартире свою агентуру. Возникло также мнение, что он может вести дома беседы на служебные темы со своими подчиненными, что еще больше делало заманчивым прослушивание его бесед.

Направленное в центр предложение нашей резидентуры было одобрено с целевой установкой: собирать компрометирующие Прохиндея перед ЦРУ конкретные данные для последующего вербовочного похода к нему.

Тщательное изучение режима и поведения Прохиндея позволило резидентуре осуществить ТФП в его квартиру в утренние часы, когда он, как правило, находился на службе в посольстве.

Замок на его входной двери наш специалист вскрыл без особого труда, не оставив каких-либо следов наших действий. Для гарантии резидентура приобрела идентичный замок и провела над ним необходимые эксперименты.

Приемное устройство от внедряемых к Прохиндею микрофонов решено было разместить в соседней квартире, ранее снятой нашим разведчиком для наблюдения за ним. Прежде чем разместить микрофоны в квартире Прохиндея, было осуществлено пробное вскрытие ее, которое прошло успешно и не повлекло за собой какой-либо настороженности ее жильца. Ознакомление с внутренним расположением комнат и обстановкой, а также внешнее наблюдение за окнами во время нахождения там посетителей позволило точно определить те места, где Прохиндей принимал гостей.

Из первых же материалов резидентуре стало ясно, что Прохиндей как резидент ЦРУ превратил свою квартиру в явочную для своей довольно многочисленной агентуры. При этом он, будучи, вероятно, уверен в полной безопасности, вел с агентами откровенные беседы, называя их по именам, упоминая места их службы и т. д.

Эти материалы в сочетании с внешним наблюдением за его посетителями позволили за несколько месяцев собрать достаточные сведения для расшифровки всей его личной агентурной сети.

Эти сведения вместе с записями его разговоров с агентами позволяли предъявить их ему в качестве полностью компрометирующих его перед ЦРУ грубейших нарушений конспирации в агентурной работе, не говоря уже о том, что компрометация его агентов перед местными властями грозила большими неприятностями для США. Эти улики могли уничтожить Прохиндея не только как резидента ЦРУ, но и просто как американца, нарушившего государственную тайну.

Его вина усугублялась и тем, что подчиненные докладывали ему об отдельных разведывательных операциях, расшифровываясь таким образом перед нами и расшифровывая свою агентуру.

Таким образом, завершающий этап операции по вербовке Прохиндея, по мнению резидентуры, был обеспечен. Теперь важно было решить, кто будет его вербовать.

При решении этого вопроса и была допущена ошибка, непростительная для нашего резидента. Но это стало ясно уже позже.

На предложение резидентуры осуществить вербовочный подход к Прохиндею самим, несмотря на готовность центра направить к ним специального вербовщика, имеющего большой опыт работы с американцами, Центр вынужден был согласиться.

В качестве такого вербовщика выступал заместитель резидента по контрразведке Павел. Собрав все компрометирующие материалы: список агентов Прохиндея, перечень нескольких американских разведчиков, подчиненных Прохиндея, и, главное, пленки с записью его бесед, в один из вечеров, когда Прохиндей находился дома один, Павел позвонил в его дверь.

Ход беседы, которая протекала драматически, не буду описывать, как не имеющий отношения к теме моих воспоминаний. Факт, что ТФП, в данном случае с целями

вспомогательными, оказалось успешным для получения обширной конкретной разведывательной информации о ЦРУ и его разведчиках, методах и целях их деятельности в этом регионе мира.

Чтобы завершить описание этой интересной разведывательной операции нашей службы, скажу, что длительная беседа нашего в общем очень квалифицированного контрразведчика, хорошо знающего особенности сотрудников ЦРУ, завершилась, казалось бы, вполне успешно. Однако Прохиндей, давший принципиальное согласие на сотрудничество с советской внешней разведкой, вдруг попросил дать ему время до следующего вечера обдумать ситуацию. И тут наш вербовщик попался на эту уловку, неосмотрительно потерял бдительность и, учитывая обманувшее его согласие Прохиндея, не стал возражать против отсрочки.

Вместо того чтобы ковать железо пока горячо, он отложил важную завершающую стадию вербовки: закрепление согласия конкретными сведениями, которые закрыли бы Прохиндею путь к отступлению. Как минимум, он мог взять у него какието важные документы резидентуры ЦРУ, явно имевшиеся в портфеле Прохиндея, с которым он не расставался.

Именно об этой серьезной ошибке и сказал Павлу резидент, еще не дожидаясь результатов "обдумывания ситуации" Прохиндеем. Он был явно обеспокоен возможным срывом вербовки, так как знал, что в ЦРУ действовала инструкция о снятии с разведчиков ответственности за допущенные ими ошибки в случае искреннего и своевременного признания.

Опасения резидента оправдались. В середине следующего дня резидентура узнала, что Прохиндей срочно вылетел на родину.

Так успешная операция ТФП в своей завершающей стадии закончилась обидным срывом. Этим она и запечатлелась в моей памяти.

Коль скоро последний мой пример имел отношение к противостоянию советской внешней разведки американской службе ЦРУ, остановлюсь поподробнее на этой теме.

Нашей внешней разведке пришлось вести трудные как оборонительные, так и наступательные бои с западными разведками.

До 1945 года, до возникновения так называемого "социалистического лагеря" или содружества стран народной демократии Восточной Европы, советская внешняя разведка в одиночестве противостояла блоку таких опытных и мощных, умудренных многолетним опытом успешной разведывательной деятельности службам, как британская СИС, французская, немецкая, японская спецслужбы и, в то время в меньшей степени, американская (военная разведка и спецслужба министерства финансов).

История свидетельствует, что довоенный период был успешным для внешней разведки (тогда И НО НКВД), так же, как и для РУ Генштаба Красной Армии. Об этом говорят их героические дела, такие, как операция "Трест", деятельность Р. Зорге, организация разветвленной агентурной группы в Европе, разведывательная деятельность "Группы 5-ти" под

руководством К. Филби, деятельность Ш. Радо и многие другие разведывательные операции. Исключительно успешной была деятельность советской внешней разведки в период второй мировой войны. В историю этого периода прочно вошли имена разведчиков-героев Н. Кузнецова, Лягана, опять же Зорге и многих других, деятельность которых способствовала победе над гитлеровской коалицией.

Но речь в настоящих воспоминаниях пойдет о том периоде, когда я сам либо участвовал или был сопричастен операциям нашей внешней разведки.

После окончания второй мировой войны, когда я, можно сказать, вступал в пору зрелого разведывательного мастерства, и до самой моей отставки в конце 80-х годов, то есть на всем протяжении "холодной войны", шла неустанная борьба нашей внешней разведки с противостоявшими ей ЦРУ, СИС, БНД, СДЕСЕ, не говоря о многих десятках спецслужб более малых западных государств.

При этом во главе грозного войска западных спецслужб стояло Центральное разведывательное управление - ЦРУ США, служба, обладавшая самым современным научно-техническим оборудованием и огромными материальными средствами.

На нашей стороне тоже появились союзники, помощники в лице молодых спецслужб стран народной демократии. Но из них только разведка ГДР, появившаяся с образованием этого немецкого государства в 1949 году и быстро набиравшая силу, могла рассматриваться как полноценный помощник нашей внешней разведки. Она уже в 50-х годах превратилась в реального противника западногерманской разведки БНД, отвлекая на себя значительную часть этой сильной спецслужбы и ослабляя в известной мере ее давление на нас. И это была существенная помощь. Кроме того, разведка ГДР активизировалась и в других направлениях, в том числе и против нашего общего главного противника
- США. Это расширяло наши информационные возможности на наиболее трудном для внешней разведки участке ее деятельности.

Что касается других разведок стран народной демократии, то они долгое время требовали от нас кадровой, материальной, технической и прочей помощи, вместо того чтобы содействовать советской внешней разведке в решении задач по защите государственных интересов всего социалистического содружества.

Но постепенно и они становились в ряд с нами, правда, на второстепенных участках фронта борьбы в "холодной войне". Прежде всего это были разведки ЧССР, ПНР, затем ВНР и, в меньшей мере, НРБ.

Итак, мы могли наблюдать две противоборствующие силы: во главе с внешней разведкой СССР содружество разведок бывших социалистических стран и сплоченный тесным взаимным союзом блок западных спецслужб, настоящую армаду во главе с ЦРУ, состоявшую из СИС, БНД, СДЕСЕ, каждая из которых в отдельности уже являлась достойным противником для нас.

Если посмотреть на это противостояние двух армий спецслужб в условиях напряженной "холодной войны", часто переходившей в острые схватки, то итоги не столь уж малы у нашей стороны. Но я не намерен вновь перечислять примеры успешных операций, они не раз упоминались в многочисленных изданиях, появлявшихся на Западе на тему о деятельности советской внешней разведки и отдельных сокрушительных поражениях западных служб в войне с нею. Сошлюсь только на американского автора Б. Вудворта, основной вывод которого сводился к тому, что ЦРУ терпело тяжелые поражения в этой войне (Вудворт Б. Завеса: секретные войны ЦРУ 1981-1987 гг. Нью-Йорк. 1987).

Не могу не согласиться с Вудвортом. Ведь ЦРУ по сравнению с нашей внешней разведкой имело ряд преимуществ. Это и, безусловно, во многом превосходившие финансовые ресурсы. И более мощная передовая технологическая, техническая и научно-исследовательская база. Наконец, являясь ведущей спецслужбой западного мира, ЦРУ, по существу, командовало во всех государствах третьего мира спецслужбами, которым оно оказывало советническую, материальную и техническую помощь. Следовательно, оно могло максимально использовать их возможности в борьбе с советской внешней разведкой.

Чем же большим могло располагать ЦРУ по сравнению с нашей внешней разведкой?

Одним из существенных, на мой взгляд, преимуществ ЦРУ в жестокой борьбе с миром, который эта служба считала "империей зла", являлась неразборчивость в средствах и методах достижения намеченных целей. Не буду повторять, что после разоблачения сталинского режима насилия и беззакония внешняя разведка отказалась от навязанных ей бериевских методов в разведывательной работе. Такие акции, как провокация, были полностью исключены из арсенала разведки. Правда, шантаж в виде вербовки на компрометирующей основе остался, но только в отношении кандидатов на вербовку из числа резко враждебных идеологических противников нашего государства.

Иначе обстояло дело в ЦРУ. Разведчики этой службы считали правомерным применение против советской внешней разведки и ее союзников из стран соцсодружества любых мер воздействия, от насилия, похищения и воздействия психотропными средствами вплоть до убийства. Об этом писал, наряду со многими другими авторами, и американский журналист Томас Пауэрс в своей книге о ЦРУ (Пауэрс Т. ЦРУ. Гамбург, 1980).

Он пишет, что ЦРУ не только убивало своих агентов, которые становились на путь предательства, но и осуществляло политические убийства, такие, как убийство южновьетнамского диктатора Нго Дин Дьена, вышедшего из-под контроля американцев, в ноябре 1963 года; покушение на жизнь Патриса Лумумбы, убить которого ЦРУ не успело, его опередили политические противники Лумумбы; ЦРУ планировало и предпринимало многочисленные попытки убийства Ф. Кастро. С этой целью ЦРУ нанимало и гангстеров.

Можно представить себе, что если ЦРУ замахивалось на такие видные политические фигуры, то как в этом ведомстве решались вопросы о применении самых жестких мер против представителей "империи зла". Об этом говорят и попытки похищения советских разведчиков,

стоит вспомнить случай с Юрченко в 1985 году и ряд других насильственных акций, осуществлявшихся ЦРУ.

В свою очередь, советская внешняя разведка всегда была стеснена в валютных средствах. Основную свою агентурную работу наша служба строила на идеологической основе. Этому благоприятствовали до последнего времени ряд факторов, в том числе борьба СССР за разоружение и мир.

Но капиталистическое общество, где велась основная борьба с ЦРУ, базировалось на материальной заинтересованности. Это особенно относилось к сотрудникам спецслужб, в том числе ЦРУ, без привлечения которых к сотрудничеству трудно было бы рассчитывать на успех в этой борьбе. При условии ограниченных средств это обстоятельство также представляло для нашей внешней разведки определенные сложности.

Располагая очень крупными финансовыми ассигнованиями, ЦРУ могло привлекать к участию в своей деятельности лучшие научные силы: аналитиков информации и специалистов по отдельным странам и по СССР, крупных психологов и целые институты для разработки возникающих в разведывательной работе проблем.

К тому же в Соединенных Штатах сосредоточивались лучшие научные силы в тех областях, которые могли интересовать ЦРУ - в области электроники, связи. ЦРУ привлекало к использованию в разведывательной деятельности самые совершенные достижения компьютерной техники, всевозможные оперативно-технические средства.

Другие западные разведки также пользовались всевозможными современными научно-техническими достижениями, однако в меньшей мере, чем ЦРУ.

Несмотря на эти объективные преимущества, баланс противоборства между советской внешней разведкой и западными оппонентами, по моим оценкам, был не в их пользу.

Рискну взять только один аспект: перетягивание на свою сторону соперников путем перевербовки, привлечения к сотрудничеству или просто открытого предательства, измены своим хозяевам, как мы трактуем уход на Запад наших отдельных сотрудников.

Не буду да и не могу оперировать цифрами, претендующими на включение всех, тайно перешедших на другую сторону. Их никто не знает, и такие случаи не оглашаются.

Но если говорить о фактах, ставших известными, гласными, то баланс оказывается в нашу пользу. Правда, если подходить к оценке не по шумным кампаниям в западных средствах информации, сопровождавших каждый факт предательства в нашей службе. По фактическому же значению совершавшегося "перехода через фронт", то есть по ценности перебежчика, по ущербу для бывшей разведывательной службы, против которой он тайно продолжал работать, неравноценность очень заметна.

Стоит только посмотреть на такие приобретения внешней разведки, как Ким Филби с его коллегами Э. Блантом, Маклейном, Кэрнкроссом и Берджесом, Джордж Блейк, Прайм, Дж. Уокер, О. Ховард, Р. Пелтон, Х. Фельфе и ряд таких же значительных фигур, бывших далеко не рядовыми сотрудниками западных спецслужб, чтобы подтвердить мой аргумент. Незначительность перешедших на Запад бывших сотрудников советской внешней разведки, таких, как Вик, супружеская пара Петровых, П. Дерябин, и десятка подобных им изменников видна сразу. Но были и более значительные фигуры, такие, как Гордиевский, "Фарвелл", но они едва ли могут выдержать сравнение с упомянутыми выше американскими, английскими или немецкими разведчиками. А были еще не менее значительные сотрудники других западных разведок, в частности французской, чьи имена не оглашались ни нами, ни западной стороной.

Хочу оговориться, что я сознательно не касаюсь военной разведки, ибо не в курсе того, кто переходил на сторону ГРУ, а также знаю только несколько более громких имен западных "кротов" в ГРУ, таких, как О. Пеньковский, Д. Поляков или совсем недавний - полковник В. Баранов.

В приложении N 1 я привожу те сведения по "кротам", которые стали мне известны из различных наших и иностранных публикаций.

Итак, за период после нашей победы в Великой Отечественной войне по 1995 год включительно, то есть за пятьдесят послевоенных лет, по моим подсчетам, Запад приобрел двенадцать "кротов" из числа сотрудников советской внешней разведки, в подавляющем своем большинстве рядовые от разведки, разные лялины, южины, полищуки. За этот же период на сторону нашей внешней разведки перешли и стали ее "кротами" полтора десятка сотрудников западных спецслужб, среди которых было немало видных фигур в своих службах.

При этом многие из перешедших к нам стали активными сотрудниками внешней разведки как на разведывательной работе за границей, так и в центральном аппарате. Такие разведчики, как Ким Филби или Джордж Блейк, продолжали вносить свой вклад в деятельность нашей службы. Что касается западных спецслужб, то я не помню аналогичных примеров, не считая использования в качестве консультанта по антироссийским делам О. Гордиевского. Полагаю, что значительный, прежде всего политический ущерб нашему государству за этот полувековой период наносили перебежчики-изменники из числа рядовых сотрудников внешней разведки, которых было значительно больше. По сведениям, фигурировавшим в средствах массовой информации, их было около трех десятков.

Если считать, что примерно в среднем каждые два года имел место один случай предательства во внешней разведке, то эти жертвы в неутихавшей битве между спецслужбами не покажутся уже такими серьезными, как это пытаются представить западные пропагандисты, чтобы опорочить нашу службу.

Следует учитывать, что разведка, являясь наиболее чувствительным отрядом своего общества, зависит от его состояния и тех событий и перемен, которые оно претерпевает. Вот почему в период перестройки, а затем настоящего развала нашего государства резко возросло количество предательств в виде перехода на сторону противника. Неудивительно, что в период

с 1985 по 1992 год включительно произошло, как подсчитали наши противники, более семи таких измен, то есть по одной в год. Но ведь и в 1954 году, например, после разоблачения Берии, из внешней разведки сбежали сразу пять сотрудников: Петров с женой, Дерябин, Растворов и Хохолов. После того как эти крысы, почуявшие опасность на их корабле, сбежали, число таких измен вернулось к своему среднему значению.

Поэтому я полагаю, что, когда наше смутное, суматошное время и неизбежно сопровождающее его состояние неуверенности в перспективах внешней разведки улягутся, наша служба очистится от всех сомневающихся и неустойчивых людей, случайно попавших в ее ряды, и будет нормально и, главное, надежно продолжать свое патриотическое служение отечеству.

Жалко только, что целому ряду ничтожных изменников удается сейчас напяливать на себя одежду героев-борцов против прежнего режима. Но уверен, что наш народ сбросит с них их лохмотья и обнажит предательство в его голом, отвратительном виде.

В заключение моих размышлений о ЦРУ не могу не вернуться еще раз к делу Эймса. Разве этот случай перехода видного руководящего сотрудника этого чванливого разведывательного органа американцев не доказывает убедительно превосходство в чисто оперативном отношении нашей внешней разведки, сумевшей не только завербовать, но и успешно использовать его в течение девяти лет в интересах безопасности нашей страны?

Вспоминая обо всем, что имело отношение к операциям ТФП, нельзя не отметить особую роль оперативной техники в этой сложнейшей разведывательной деятельности.

На Западе принято подразделять разведки на разведку агентурную (Human Intelligence), электронную (Electronic) и, наконец, разведку через перехват радио и иных сигналов (Signals Intelligence). Я бы теперь добавил еще как особый, специфический вид разведки, о которой и идет речь в операциях ТФП, разведку проникновением (Penetration Intelligence). Хотя этот последний вид разведки и уступает электронной по насыщенности оперативно-технических средств, но и в этом виде разведывательной деятельности без технических средств, как говорят, и шагу не сделаешь. Даю краткое представление об используемых средствах оперативной техники в операциях ТФП.

ОПЕРАТИВНАЯ ТЕХНИКА И РАЗВЕДКА ПРОНИКНОВЕНИЕМ

Как я уже подчеркивал, главным, основополагающим требованием к операциям ТФП всех видов, но особенно категорически обязательным для безагентурных операций является отсутствие следов проникновения. Это требование диктуется не только необходимостью предотвращения провала, раскрытия противником факта имевшего место ТФП, но и задачей обеспечения максимальной ценности изымаемых материалов.

Если противник не подозревает о возможности ознакомления с его секретами посторонних лиц, он не принимает и соответствующих мер как по внесению необходимых изменений в свои планы, так и по дополнительной защите своих тайн. Это особенно важно, когда операции ТФП

проводятся с целью получения шифроматериалов, используемых противником, сведений о его кодирующих и шифрующих машинах.

Но вскрыть сложно защищенное и тщательно охраняемое хранилище таких секретов, как, например, помещение секретно-шифровального отдела иностранного посольства без соответствующих приспособлений невозможно. Также бесполезно пытаться осуществить даже простейшую безагентурную операцию ТФП без помощи высококлассных мастеров, имеющих опыт проникновения в какой-либо специальный защищенный объект без оставления следов.

Средства оперативной техники, использовавшиеся внешней разведкой в мое время, уже являлись достаточно сложными, особенно электронные. Можно предположить, как они были усовершенствованы за последнее десятилетие, когда наука и техника сделали огромный скачок вперед во всех областях, и особенно опять же в области электронной аппаратуры, и не только средства, предназначенные для проникновения, но еще в большей степени для повышения надежности защиты особо охраняемых секретов. Например, теперь пересылать документы особой важности можно не в обыкновенных дипломатических вализах, а просто записанными на электронной дискете, помещенной в кармане курьера. Еще более изощренно могут оборудоваться скрытой защитой хранилища спецархивов и секретных документов. А сами документы, самую важную информацию можно печатать на спецбумаге, не поддающейся фотографированию, и упаковывать в фоточувствительные материалы.

Думая о путях совершенствования и активной защиты пассивной техники и новых методах и материалах, которые могут находить применение в операциях ТФП, я пришел к интересному выводу. Сравнивая то, чем располагали западные спецслужбы, с имевшимся в нашем распоряжении арсеналом технических средств, я вспомнил интересную мысль, высказанную англичанкой Барбарой Уорд в книге "Космический корабль "Земля": "Внутренняя логика использования новейших технических достижений ведет к удивительно схожим организациям и практике в обществах, которые считают себя в значительной мере или целиком противоположными" (Барбара Уорд. Космический корабль "Земля". Лондон, 1966, с. 16).

Если это так, то технические средства и технологии, применяемые, например, ЦРУ в разведке, в значительной мере похожи на такие же средства, используемые во внешней разведке. Конечно, если не считать возможного нашего отставания в научно-технической области. Но последнее, хотя я и не замечал особого опережения нас западными разведками, за исключением, может быть, в области электроники, вполне компенсируется далеко опережающим западных специалистов мастерством тех чудо-мастеров, которые, как я показал, еще в далекое довоенное время совершали настоящие подвиги, вскрывая иностранные дипломатические почты.

В многовековой истории разведок фигурируют различные виды связи с засылавшимися во вражеские тылы агентами.

Когда правитель Сиракуз засылал своего курьера с тайным посланием, он записал его текст на бритой голове посланца. Когда волосы отросли, они скрыли секретный текст. Такая древняя форма конспирации пересылаемых сообщений давала известную гарантию надежности связи.

Но если говорить о проникновении в такую линию связи, то она остается уязвимой, как и любая другая связь, основанная на живом носителе - человеке, который может выдать ее противнику.

Упомянутая выше электронная дискета может быть временно изъята у "задремавшего" курьера и скопирована ультрасовременными средствами. Есть способы копирования документов, защищенных от фотографирования, не говоря уже о преодолении светочувствительных упаковок. Как говорят, дело мастера боится.

Можно представить себе, на что способен человек, захотевший проникнуть в чужие тайны. Например, еще десять лет назад в США впервые были выявлены случаи вторжения, настоящего ТФП простых любителей в сверхсовременную систему электронных данных военного ведомства. В районе Милуоки они проникли в электронную систему военной лаборатории в Лос-Аламосе. Такие электронные воры стали за последнее десятилетие настоящим бедствием не только в США, где потребовалось принимать специальные законодательные меры, а контрразведывательной службе ФБР изыскивать способы защиты от этого нового вида проникновения в чужие секреты.

Как явствует из книги Леруа-Фэнвилля, во французской разведке существует специальная лаборатория, занимающаяся операциями ТФП. Такие же подразделения, где концентрируются мастера ТФП и разрабатываются необходимые для таких операций инструменты и приборы, имеются во всех крупных спецслужбах. Имелся такой специализированный отдел и в контрразведывательной службе КГБ, о чем изменник Носенко подробно доложил ЦРУ.

Своеобразным прообразом таких служб являлось в XIX веке в Англии Секретное бюро, официально именовавшееся Иностранной службой МИД. Это бюро занималось обработкой перехватываемой корреспонденции. С расширением Секретного бюро в нем был создан особый отдел, включавший эксперта по шифрам, переводчиков, специалистов по вскрытию корреспонденции без повреждения пакетов, граверов, умевших подделывать печати, химиков, знакомых с невидимыми чернилами, и различных мастеров по подделке писем и документов.

Кстати, вскрывать запечатанные конверты так, чтобы получатель не догадывался, что они побывали в чужих руках, научились уже во второй половине XVI века.

Представители специальных технических служб включаются в бригады, каждый раз формируемые под соответствующую операцию ТФП. Отдел технической поддержки Второго Главного управления КГБ, как его именует Д. Баррон со слов Ю.Носенко, выделял соответствующих специалистов, когда такая бригада выезжала в Польшу для проведения операций ТФП. Каждый раз я удивлялся не только приезжавшим специалистам и мастерам проникновения, но и разнообразным инструментам, которые они привозили с собой.

Теперь это были уже не те "королевские ключи", которые использовали в XIX веке в Шотландии королевские слуги, вламываясь в закрытые помещения и вскрывая чужие сундуки. На языке юристов того времени так назывались ломы и молоты, служившие достаточным инструментом для вскрытия дверей и замков во исполнение королевских указов.

В современной криминогенной ситуации даже гражданские службы и частные лица используют такие совершенные технические средства сигнализации и защиты, для преодоления которых требуются уже иные "королевские ключи". И все равно преступники не отступают, а, наоборот, расширяют диапазон своих противоправных действий, порою опережая своими средствами любые суперсовременные средства защиты.

В конце 1993 года обратило на себя внимание сообщение из Польши о таком своеобразном состязании. Польские торговцы средствами защиты и охраны (замки, сигнальные системы) в своей деловой деятельности вынуждены постоянно соревноваться с жуликами: только введут в охранные системы новые секреты, как взломщики и воры быстро разгадывают их. Тогда дельцы изобретают новые ухищрения.

Примерно такое же соревнование умов и изобретательской мысли идет и между спецслужбами, но на значительно более высоком научно-техническом уровне.

Любопытное сообщение появилось в ноябре 1994 года в английском журнале "Экономист" об изобретении тайваньским профессором Су миниатюрного аппарата автоматического опознания посетителей любого защищенного им помещения.

Автоматический дактилоскопический детектор размером меньше коробки для обуви действует практически моментально. Стоит поместить палец на небольшое отверстие в крышке аппарата, как внутренняя миниатюрная видеокамера, просканировав поверхность пальца, отбирает самое оптимальное изображение его. Далее, специальная электронная схема сжимает информацию до краткого цифрового кода, который передается на компьютер, контролирующий допуск. Сравнение с записанными в памяти компьютера эталонами отпечатков пальцев лиц, допущенных в помещение (или к другим охраняемым объектам), завершает проверку. Аппарат удобен для идентификации личностей и предотвращения несанкционированного доступа (Экономист. Лондон. 1994, ноябрь. 3а рубежом. 1994, 18-24 ноября).

В польских газетных сообщениях содержался любопытный материал о том, как защищаются почтальоны от воров, посягающих на их почтовые сумки, содержащие почтовые переводы и пенсии. Почтовые власти запланировали оборудовать почтовые сумки устройством, "кричащим благим матом" в случае поползновения на их содержимое посторонних лиц. При нажатии кнопки дистанционного управления почтальоном раздается сигнал тревоги, мощностью превышающий 140 децибел, то есть сильнее, чем звук, производимый сверхзвуковым самолетом "Конкорд" при взлете.

Вот я и представил, что произошло бы, если такие "устройства" охраняли почту, вскрываемую спецслужбой, конечно же, в более совершенном виде?

Но еще до введения в практическое применение подобных средств охраны спецслужбы уже знали бы об этом и еще быстрее, чем воры-одиночки, нашли бы способ их нейтрализации.

Однако такие мощные спецслужбы, как американское Агентство национальной безопасности - АНБ, применяют особо изощренные средства для защиты своих секретов. Так,

например, АНБ предусмотрело особый метод изготовления микросхем, применяемых в электронных шифрмашинах. В этих целях на микросхемы по новой технологии электронного напыления наносится специальный защитный слой. При попытке удаления покрытия для изучения структуры происходит надежное уничтожение интегральной схемы.

С точки зрения возможности проведения ТФП наибольшие затруднения представляют не столько различные системы сигнализации, сколько возможное размещение вблизи или внутри вскрываемого объекта скрытых датчиков, которые могут посылать сигналы тревоги неслышно и невидимо. Такие датчики или микрофоны становятся все более миниатюрными и действуют на значительные расстояния. Не менее неприятны в этом плане и миниатюрные видеокамеры, которые уже достигли размеров менее спичечной коробки и позволяют надежно маскировать их под любой предмет.

По сообщению американской печати, подслушивающая техника добилась еще больших успехов в миниатюризации передающих информацию "жучков" (Дуг Стюарт, журнал "Дискавери", 1989). Автор статьи приводит пример передающего устройства размером с почтовую марку. В качестве питания используется батарейка на 1,3 вольта для слуховых аппаратов. Этот микрофон настолько мал, что его при необходимости можно проглотить. В то же время устройство способно передавать информацию в течение суток в пределах расстояния до одного квартала.

Кстати говоря, около тридцати лет тому назад мне довелось пользоваться куда менее удобной подслушивающей техникой, осуществляя операции ТФП в одно из служебных помещений американского посольства в Австрии.

ОПЕРАЦИЯ "СИРЕНА"

Будучи инженером-автомехаником по образованию, хотя и без диплома (меня мобилизовали в органы госбезопасности с пятого курса института, не дав возможности защитить диплом), я сохранил постоянный интерес к технике, ко всему новому, что появлялось в различных ее областях. В разведке этот мой интерес концентрировался на оперативной технике, на тех разделах технических наук, которые могли применяться в разведывательной работе. Область применения моих знаний оказалась широчайшей: от простых слесарно-токарных и других поделочных навыков при изготовлении различных камуфляжей и контейнеров для скрытой доставки и передачи секретных разведывательных материалов до самых современных радиоэлектронных средств связи с агентурой.

Зная все те удачные решения в области радиосвязи, которыми располагали наши специальные подразделения, я стремился внедрять их в практику разведывательной деятельности.

Прибыв в марте 1966 года в Австрию в качестве резидента советской внешней разведки в Вене, я сразу же ориентировал подчиненных разведчиков на критическое изучение возможностей решать какие-то разведывательные задачи путем применения техники вместо использования в качестве источников информации людей, внедрение или вербовка которых в

интересующие нас объекты подчас требует очень длительного времени и не всегда гарантирует успех.

В резидентуре имелись оперативные возможности следить за положением в американском посольстве и за деятельностью некоторых дипломатов, в частности имевших отношение к службе безопасности этого посольства. Учитывая эти возможности в плане проведения ТФП, я взял их на личный учет, имея в виду операцию по внедрению оперативной техники подслушивания. В этом направлении ориентировал сотрудника резидентуры Илью, в ведении которого находились указанные оперативные возможности.

В один из дней 1967 года Илья доложил мне, что американское посольство начало готовиться к проведению в Вене регионального совещания руководителей пропагандистских и информационных служб американских посольств в европейских странах. Этому совещанию в посольстве придавалось важное значение, на него должны были прибыть представители из посольств США во всех социалистических странах Восточной Европы, а также из ФРГ, Франции, Италии и ряда других стран. Из США ожидалось прибытие руководителей американской службы информации ЮСИС, в том числе ее директора Маркса, а также кого-то из ЦРУ.

Из этой информации резидентура сделала вывод, что, учитывая напряженную обстановку в мире и в Европе, особенно в связи с обострением положения в Чехословакии, тема совещания в таком составе может представить большой разведывательный интерес для нашей внешней разведки.

Нами было принято решение попытаться осуществить через возможности, имевшиеся у Ильи, операцию ТФП с целью внедрения подслушивающей техники в помещение, где будут происходить совещания "пропагандистов". Соответствующее задание по подробному изучению обстановки в таком помещении и вокруг него было дано Илье.

Пока Илья уточнял ситуацию в американском посольстве, резидентура готовила технику и занималась оборудованием приемного пункта.

Через пару дней Илья доложил, что для совещания готовится конференц-зал и что имеются оперативные возможности для доступа туда перед совещанием в период подготовки помещения. Ему стало известно также, что вместо старой мебели из США прибыли металлические столики и стулья. В конференц-зале на окнах висят тяжелые шторы, которые сейчас отданы в чистку.

Из опыта прошлых подобных ситуаций Илье было известно, что перед каждым мероприятием служба безопасности посольства проводит тщательный осмотр помещения, из которого предварительно убирается вся мебель, при этом проверяющие пользуются какими-то аппаратами, очевидно, для обнаружения возможных микрофонов подслушивания.

После возвращения проверенной мебели помещение закрывается и около него постоянно дежурит офицер безопасности.

По мнению Ильи, наиболее удобное место для размещения радиозакладки с микрофоном - на гардине на ближайшем к президиуму окне или же на одном из впереди находящихся металлических столов, для чего закладка имела магнитный фиксатор. По сведениям Ильи, офицеры безопасности до сих пор довольно небрежно относились к подготовке помещения, полагая, что они недоступны для ТФП извне. Это создавало благоприятную для нас обстановку.

В целях отработки операции была проведена пробная закладка с размещением микрофона на гардине, пока помещение еще не охранялось, прием звуковых сигналов из конференц-зала показал хорошую слышимость на приемном пункте, размещенном на автомобиле, находившемся на запланированном нами расстоянии от здания посольства.

В качестве пункта для приема информации во время совещания был оборудован специально арендованный нами полугрузовичок с удобным закрытым кузовом и с городским номером. В нем наш радист-специалист Глеб поместил все необходимое для работы и отдыха в расчете на длительное многочасовое пребывание в полной изоляции от внешнего мира. "Как космонавт", - замечали мы шутя. Однако наша шутка содержала немало правды, судя по физическим трудностям, которые пришлось претерпеть внутри этого пункта Глубу.

Для обеспечения качества приема информации мы подобрали место недалеко от посольства и за пару дней до начала совещания разместили в подобранном месте другую автомашину с тем, чтобы в нужный день вместо нее поставить наш грузовичок.

Илья своевременно узнал дату совещания, а также то, что руководитель ЮСИС уже прибыл в Вену и осмотрел конференц-зал вместе с резидентом ЦРУ, который также будет участвовать в работе совещания. Последнее давало нам подтверждение вероятной связи темы совещания с событиями в соседней с Австрией Чехословакии, сбором разведывательной информации о которых, как нам было хорошо известно, активно занималась американская разведка. Можно было ожидать выступления на совещании резидента ЦРУ.

В день операции рано утром Илья передал закладку исполнителю операции и дал ему последние инструкции. Еще до рассвета пункт приема с Глебом был помещен на свое рабочее место.

Теперь нам оставалось терпеливо ждать окончания совещания и доклада исполнителя о том, как проходила операция.

Этот период томительного ожидания оказался самым трудным. В голове возникали возможные варианты неудачи ТФП в конференц-зал. При этом любые возможные ошибки или непредвиденные обстоятельства, которые могли сорвать операцию, не волновали меня особенно, если они не повлекли бы расшифровку наших оперативных возможностей или обнаружение нашей закладки. Последнее было бы серьезным поражением для нас, так как эта операция являлась проверкой способности резидентуры к проведению других, еще более серьезных операций ТФП.

Наши страхи оказались напрасными. Операция "Сирена" прошла и завершилась успешно. Вот как она протекала внутри американского посольства со слов исполнителя. Прибыв на встречу поздно вечером, он вернул Илье закладку в целости и сохранности, каким явился перед разведчиком и сам. Видно было, что и он пережил немалую стрессовую нагрузку и теперь чувствовал себя героем. Естественно, разведчик выразил ему благодарность и выдал повышенное материальное вознаграждение. Получив подробный пока устный отчет исполнителя, Илья поспешил в резидентуру, зная, с каким нетерпением я ожидал результатов встречи.

Исполнитель сообщил, что перед началом совещания два офицера безопасности поручили ему вынести из зала все столы, которые они подвергли тщательному осмотру в подсобном помещении, где, по словам исполнителя, имелся какой-то аппарат, похожий на рентгеновский.

В процессе выноса столов исполнитель изловчился и прикрепил закладку к намеченной гардине. По завершении операции со столами американцы вдруг дали указание снять гардины. Вот тут-то исполнитель и пережил внутренний страх - ведь было похоже, что шторы также будут тщательно осматриваться. Нужно было быстро вернуть закладку, поэтому он начал снимать первой именно ту гардину, где находилась закладка. Незаметно ему удалось отцепить ее и спрятать в карман. Как позже оказалось, гардины были сняты по указанию Маркса, которому они при знакомстве с помещением почему-то не понравились.

Теперь исполнителю нужно было решить вопрос нового размещения закладки по второму варианту, то есть прикрепить ее к столу. Учитывая, что столы были металлические, закладка имела на этот случай магнитный держатель.

Пока исполнитель снимал гардины, ряд столов, а именно первый их ряд был уже расставлен самими американцами. Ему оставалось попытаться прикрепить закладку к одному из более удаленных от президиума столов, а следовательно, и от выступающих ораторов, что ухудшало режим фиксации звуковой информации закладкой. Это обстоятельство заметно сказалось на качестве записанного содержания выступлений.

Поскольку офицеры безопасности предпочли физическую работу по завершению расстановки столов и стульев предоставить исполнителю, он смог без труда прикрепить закладку под крышку стола во втором ряду.

После размещения мебели офицеры закрыли конференцзал, и один из них остался при входе. Зная намеченное время окончания совещания, он вовремя появился, как было ему сказано офицером безопасности, для того чтобы привести помещение в порядок. Теперь он остался один и без особых предосторожностей смог вернуть закладку, еще раз почувствовав огромное облегчение оттого, что она надежно спрятана в его кармане.

Как же обстояли дела с приемом информации? Как оказалось, не все было просто у Глеба.

Конспирация требовала, чтобы "замурованный" в грузовичке Глеб был предельно осторожным в своих движениях и не производил подозрительных звуков, которые могли бы

вызвать подозрения у проходящих мимо машины пешеходов. Это было особенно опасно, учитывая развитое у австрийцев чувство наблюдательности и подозрительности. Такое стеснение в поведении создавало для Глеба немалые неудобства.

Глеб испытывал трудности с освещением и вентиляцией, жара становилась нестерпимой по мере того, как время приближалось к полуденному в тот летний безоблачный день.

Первое размещение закладки в гардине показалось Глебу очень удачным, хорошо прослушивалось все, что происходило в конференц-зале. Затем, после изменения ее месторасположения, слышимость ухудшилась из-за каких-то постоянных звуков, очевидно, от шарканья ног и стука участников совещания по крышке стола. К концу совещания, то есть после примерно 10-12-часового одиночного заключения, Глеб был измотан физически и психически до предела, и даже пришлось ему помогать выбраться из машины.

Долго еще потом он вспоминал свою "современную" технику и готовился к другим подобным операциям уже с позиций этого первого, весьма трудного опыта. Нужда заставила его искать новые решения, и, как говорится у нас, "голь на выдумку хитра". Даже не имея более современных средств, он значительно усовершенствовал процесс приема передаваемой информации при подобных операциях ТФП.

Его красочные описания нахождения внутри грузовичка послужили тому, что в резидентуре закрепилось за ним прозвище Космонавт, который познал если и не невесомость, то одиночество в условиях крайнего стеснения. И надо сказать, что, хотя был Глеб не из интеллигентов с повышенной чувствительностью к физическим трудностям и личным неудобствам, а имел в прошлом опыт физической производственной работы, испытание в действительности было более трудным, чем это может казаться.

Глеб рассказывал, что был момент, когда казалось, что он не сможет больше выдержать и прервет работу. Но чувство служебной дисциплины и ответственности перед товарищами заставило преодолеть слабость.

Вот, кажется, второстепенный технический участок
разведывательной работе, но и он несет в себе порою значительные испытания
воли.

Проведенная операция, которая для меня была первым личным опытом в области ТФП, позволила проверить в деле имевшуюся у нас закладку, которую мы с Глебом ласково именовали "бабочкой", сумевшей с легкостью перепорхнуть с гардины на стол. Кроме того, мы получили весьма интересную и важную актуальную информацию о планах, замыслах и методах антисоветской диверсионно-подрывной деятельности американских органов при всех европейских посольствах США.

Хотя расшифровка записей совещания отняла у резидентуры много времени и потребовала больших усилий, оценка ее Центром была высокой, как весьма своевременной и важной и для нашей страны, и для информирования союзников в странах Восточной Европы. Из этой

информации была ясна роль американского агентства ЮСИС в дезинформационной деятельности нашего тогдашнего главного противника. Мы убедились в тесном взаимодействии этого правительственного органа с ЦРУ во всех мероприятиях, направленных против стран социалистического содружества.

Возможность проведения операции ТФП против американского посольства показала также, что нам следовало считаться с аналогичными попытками, направленными против нас со стороны как ЦРУ, так и других западных разведслужб, еще более актуальной являлась задача повышения бдительности и дополнительных мер защиты наших секретов.

Вспоминая эту операцию, я лишний раз убедился, что события трудно беспристрастно зафиксировать в момент их совершения. В тот период эмоции захлестывают их участника и не легко бывает отличить кажущееся от действительного, состояние напряженности и поток сведений затемняют картину. Только позже, издалека, через много лет порою эта картина начинает проступать четче, ее подробности восстанавливаются, личные сиюминутные настроения и мысли отступают. Сейчас я более беспристрастно смог оценить свой первый опыт ТФП. Тем более что мне предстояло еще много других, более сложных операций.

ГЛАВА IV. ВЗГЛЯД В ЗАЗЕРКАЛЬЕ РАЗВЕДКИ

Как ни была б вершина высока,
Тропинка есть и к ней наверняка.

Восточная поговорка

Когда ранней весной 1966 года я прибыл в Австрию, я уже многое знал о столице этого государства - Вене, где мне предстояло руководить резидентурой внешней разведки.

Начиная с 1949 года, с момента моего назначения на работу в нелегальной разведке ПГУ, я неоднократно бывал в Вене по делам, связанным с документацией разведчиков-нелегалов, организацией их переброски на Запад и по другим разведывательным заданиям.

Город мне нравился как один из красивейших в Европе. Несмотря на то что прошло еще немного времени с окончания войны, которая изрядно потрепала столицу и неизбежно оставила следы своего разрушительного воздействия, заметных признаков проходивших здесь жесточайших сражений было не так много. Величие и красота архитектурных творений прошлого оказались не затронутыми молохом войны. Казалось, что столица былой Австро-Венгерской империи не только полностью сохранила свой исторический облик, но и заслонила собой, своими великолепными дворцовыми ансамблями и парками малозаметную Австрийскую республику. Так и воспринимал я Вену как центр прошлого многонационального государственного образования, долгие годы являвшегося то основным союзником дореволюционной России, то ее заклятым врагом, империей продажных Габсбургов, легко заключавших союзы дружбы и еще легче предававших их, если это обещало выгоды жадным до чужой собственности австро-венгерским монархам.

Мои первые визиты в Вену совпали с первыми послевоенными годами нахождения Австрии под союзным четырехсторонним контролем. Тогда мы вели в Австрии активную разведывательную работу сразу по трем основным направлениям: против США, уже успевших превратиться из союзника по антигитлеровской коалиции в коварного противника; против Западной Германии, в свою очередь совершившей метаморфозу из злейшего врага наших бывших союзников в их лояльнейшего союзника; и, наконец, по решению всевозможных разведывательных задач по западному миру, от добычи актуальной для нашего государства информации до организации нелегальной разведывательной сети в капиталистических странах путем снабжения нелегалов иностранными документами и превращения простых наших парней в австрийцев, западных немцев, американцев, канадцев и т. д., и их переброски из Советского Союза на Запад и обратно.

Кстати, путь этот был хорошо известен мне не только по делам многих нелегалов, которых я курировал, работая почти двенадцать лет в нелегальной разведке. На переломе 1953-го и 1954 годов я сам воспользовался этим маршрутом, выезжая нелегально под видом американца в поездку по Европе для инспекционной проверки и ознакомления с положением разведчиков, которых я готовил и направлял в европейские страны на длительный срок.

Тогда я смог посмотреть Вену, ощутить ее в новом ракурсе - изнутри, увидеть многое, что далеко не всегда легко заметить с позиций советского гражданина. Иным было не только мое восприятие, в силу необходимости чувствовать себя американцем, но и меня австрийское окружение воспринимало по-иному, как своего, западника, а не за чужого советского оккупанта.

Многообразие разведывательных задач венской резидентуры фокусировалось на противоборстве с активно действовавшими в Австрии западными специальными службами, прежде всего с ЦРУ и БНД.

Сейчас не собираюсь описывать всю деятельность руководимой мною резидентуры, которая считалась в то время одной из крупнейших, - это не входит в тему моих воспоминаний. Рассказ мой будет главным образом об одной из наиболее сложных разведывательных операций ТФП, которую мне довелось впервые проводить самостоятельно, полагаясь только на свой опыт.

Повседневное соприкосновение в Вене с выступавшим на первый план, так хорошо известным по исторической литературе прошлым Австро-Венгерской империи возвращало меня к тем временам, когда российская разведка успешно противоборствовала австрийской имперской специальной службе. Среди этих исторических эпизодов вспоминалась и всемирно известная эпопея вербовки русской разведкой начальника отдела контрразведки Генштаба Австро-Венгрии полковника Альфреда Редля.

Как хорошо известно, Редль был завербован в 1903 году и в течение девяти лет снабжал русскую разведку ценнейшими материалами об австро-венгерских агентах, действовавших в России, копиями совершенно секретных документов Генштаба австрийской армии, кодами и шифрами, использовавшимися в дипломатической и военной переписке, стратегическими

картами, копиями секретных приказов по армии и, наконец, мобилизационными планами. Последнее было особенно важно в канун развернувшейся подготовки Австро-Венгрии к первой мировой войне на стороне Германии.

Сейчас эти девять лет успешного сотрудничества Редля с российской разведкой невольно связываются у меня с не менее выдающимся успехом нашей внешней разведки уже в современных условиях в противоборстве с самой мощной разведывательной службой Запада - ЦРУ, с вербовкой и успешным сотрудничеством с внешней разведкой американского полковника Олдриджа Эймса. Эймс так же, как и Редль, целых девять лет работал на пользу нашего государства, так же, как и австрийский полковник, раскрывал подрывные планы агентуры противника, действовавшей внутри нашей страны.

И хотя историческая панорама в мире сейчас, в конце века, иная, чем та, когда действовал Редль, иные и основные действующие в современном мире государства и их коалиции, тон в международных отношениях задают сейчас Соединенные Штаты, и разведывательный "вес" Эймса вполне сопоставим с ролью Редля в то далекое время. Ведь и Редль сначала вербовал для австрийцев агентов среди русских, создавая для себя высокий служебный авторитет, а затем выдавал наиболее опасных агентов российской контрразведке. Точно так же, как действовал и Эймс. К тому же оба эти агента российских разведок занимали в своих спецслужбах одинаковые контрразведывательные посты. Историки, которые занимались исследованием дела Редля, без сомнения, найдут много общего между этими двумя агентами. И не только в том, что оба были полковниками-контрразведчиками.

В то время когда я вспоминал Редля, прогуливаясь по замечательным венским паркам, любовался дворцами Шенбрунна и наслаждался свежим воздухом Венского леса, я не мог знать о том, чего удастся достичь советской внешней разведке в борьбе с ЦРУ через два десятилетия. Но мне было хорошо известно об аналогичном успехе в не менее остром противостоянии нашей внешней разведки и ее союзников с набиравшей силу западногерманской службой БНД. Речь идет об успешном внедрении в самое сердце этой разведки, опять же на должность начальника контрразведывательной секции Х. Фельфе, который к 1958 году уже достиг поставленной цели. На этом важнейшем для обеспечения безопасности разведывательной деятельности нашей внешней разведки и разведки ГДР в Западной Германии посту агент пробыл по 1961 год включительно. В этот период наши разведки уверенно действовали на территории Западной Германии, и не только против БНД, а также и американских спецслужб, проводивших с этой территории свои враждебные акции против стран Варшавского Договора. Многие подрывные акции ЦРУ против ГДР и нашего государства, провокационные замыслы против советских разведчиков становились своевременно известными нам через Фельфе и нейтрализовались, американская агентура, забрасывавшаяся в ГДР, арестовывалась.

Конечно же, я сожалел, что к моему приезду в Австрию, где мне предстояло противостоять БНД, я не мог уже рассчитывать на такую эффективную помощь Фельфе. Но то, что этот агент помог нам узнать БНД, существенно облегчало решение венской резидентурой задач по приобретению агентов из числа западногерманских граждан, в том числе сотрудников и агентов БНД, действовавших как с территории ФРГ, так и в самой Австрии против СССР и его внешней разведки.

Выйдя из тюрьмы, Фельфе написал воспоминания "В тылу врага" (Фельфе Х. В тылу врага. Берлин, 1986), в которых описал свою деятельность в БНД, поэтому не буду более подробно останавливаться на этом примере агентурного ТФП.

Но коротко следует подчеркнуть, что этот разведчик своими славными делами поставил себя в ряд с такими прославленными советскими разведчиками, как К. Филби, Д. Блейк, наконец, агент О. Эймс. За короткое время он не только проник в западногерманскую разведку, но сумел в 1958 году занять важную руководящую должность - начальника контрразведки.

Став нашим "кротом" в БНД, он сообщал советской и восточногерманской внешней разведке о каждой операции, которую затевала БНД против СССР и ГДР и их спецслужб, а также о провокациях ЦРУ с территории ФРГ. Эта его неоценимая деятельность проходила в самые острые, 50-е и 60-е годы, разгоревшейся "холодной войны" Запада против социалистического содружества.

О том, что Фельфе, немец по национальности, сознательно отдавал свои силы и способности делу защиты нашей страны, он четко говорит в своей книге: "К началу 50-х годов я сделал свой выбор, связал свою судьбу с СССР".

Уже теперь, после объединения ГДР с ФРГ стало известно о другом, не менее ценном агенте Хансе Тидге, сумевшем, по существу, принять разведывательную эстафету у Фельфе, успешно проникнув в контрразведку БНД. Этот пример другого агентурного ТФП в западногерманскую спецслужбу не был так широко известен у нас и представляет интерес в плане характеристики таких разведывательных операций.

В августе 1990 года с территории бывшей ГДР в Москву прибыл в качестве политического беженца бывший до 1985 года начальником контрразведки БНД Ханс-Йохим Тидге с женой. История умалчивает, на какую спецслужбу - разведку ГДР или советскую внешнюю разведку - работал Тидге. Об этом пока не стало известно не только германской общественности, но и самой БНД.

С моей точки зрения, это несущественно. Важно то, что БНД, проводившая тщательное расследование после бегства Тидге со своего поста в 1985 году, пришла к заключению, что он был связан с восточной разведкой. По ее убеждению, именно Тидге смог предупредить, как минимум, трех восточногерманских агентов о грозившей им опасности.

Кто были эти агенты? Секретарша министра экономики ФРГ Бангемана Соня Люнеберг и бухгалтер в боннской группе Ассоциации беженцев из Польши, Чехословакии и Советского Союза Урсула Ветцинг. Третьим был близкий друг Урсулы Рихтер, работавший посыльным в западногерманской армейской администрации в Бонне, он имел доступ к материалам специального убежища руководства страны на случай чрезвычайного положения в ФРГ.

Все три агента исчезли из ФРГ перед бегством Тидге. БНД докопалась, что они проживали в ФРГ под чужими именами.

С точки зрения ТФП к источникам важных секретов, помимо самого Тидге, представляет интерес С. Люнеберг. Как установила БНД, настоящая немка Соня Люнеберг, парикмахерша из Западного Берлина, в 1966 году выехала во Францию, откуда якобы вернулась вскоре в Германию, на деле же, по всем данным, в ГДР. По ее документам и осела, легализовалась в ФРГ агент разведки ГДР, которой удалось проникнуть в важное министерство ФРГ и, пользуясь полным доверием министра Бангемана, снабжать свою службу ценной информацией в течение почти двух десятков лег.

Сам Тидге, как писала западная пресса (Тайм. 1985, 2 сентября), был #"одним из высших западногерманских руководителей контрразведки. Он с 1981 г. отвечал за контрразведывательные операции против ГДР и ее разведки, был в курсе всего, что было известно БНД о деятельности в ФРГ агентов ГДР. В его управлении, под его руководством работали несколько сот сотрудников, которые являлись самыми ценными и квалифицированными профессионалами в службе. По своему положению он имел возможность обеспечивать безопасность восточных агентов, действовавших в ФРГ"#.

Через свои связи Тидге мог легко узнавать разведывательные секреты ФРГ и ее союзников по НАТО. Поэтому руководство БНД вынуждено было признать, что измена Тидге могла нанести ущерб как агентам ФРГ, так и союзным агентам, действовавшим с территории ФРГ против государств Восточной Европы. По ее заключению Тидге мог выдать Востоку их агентов там.

Кстати, Тидге после окончания берлинского Свободного университета, с 1966 года начал работать в Управлении защиты конституции, где к 1981 году уже возглавил IV Управление (контрразведку). Таков еще один пример успешного агентурного ТФП в самое сердце спецслужбы противника, аналогичный примерам Х. Фельфе и О. Эймса.

Интересно, что БНД в 1985 году гадало, когда именно Тидге начал свое сотрудничество с восточной разведкой. С какой из них: разведкой ГДР или нашей? Но так как это не делало ущерб от его деятельности меньшим или большим, БНД закономерно посчитало, что правительство ФРГ оказалось перед лицом самого крупного шпионажа с 1974 года, когда был разоблачен Гюнтер Гийом, доверенный помощник канцлера Вилли Брандта.

Полагаю, что после объединения ГДР и ФРГ БНД сможет наконец установить, кто же руководил Тидге. Так как теперь ей открыт доступ ко многим делам бывшей разведки ГДР.

Показательно, Тидге избрал местом проживания Россию и быстро получил убежище у нас. В отличие от многих других, начиная с Хонеккера. Мне это говорит о многом.

В то же время, находясь в Вене, я чувствовал, что, несмотря на потерю Фельфе, наша разведка в ФРГ продолжала оставаться хорошо осведомленной о текущих делах БНД.

На этом фоне я и приступил к решению поставленных перед резидентурой задач, включая и осуществление операций ТФП в наиболее интересовавшие нас иностранные объекты. Первой, наиболее простой операцией, которая, по существу, еще не являлась проникновением, а лишь

содержала один элемент его, являлась описанная в предыдущей главе операция "Сирена". Но для того чтобы читатель представлял себе имевшийся уже у меня опыт в области операций ТФП, расскажу о блестящей эпопее внешней разведки из области ТФП с участием агента.

ОПЕРАЦИЯ "КАРФАГЕН"

Хотя многие наши разведчики рассматривают свою работу на разведывательной стезе как исключительно профессиональную деятельность, не видя в ней романтичной стороны, я за свои полвека службы во внешней разведке всегда искал и находил романтику в любой ситуации, даже порой весьма драматичной.

Это помогало мне преодолевать неизбежные периоды неудач и огорчений, сохранять веру в свою профессию и уверенность в своих силах и способностях.

Едва ли, думал я, есть еще какая-нибудь профессия, сулящая так много неожиданностей, которые невозможно предвидеть, заранее рассчитать и быть готовым к встрече с ними. А ведь в этом и состоит романтика - оказаться в незнакомом и непознанном еще на практике мире, да еще в новых, неизведанных до того условиях и обстоятельствах.

К этой неизведанности прибавьте положительные результаты ваших действий, приятные ожидаемые итоги и сопутствующие им эмоции - и романтика налицо. Разве можно сравнить романтику туризма или профессии моряка, когда пополняются впечатления и знания новых мест, народов, исторических и художественных памятников, однако, без конкретного результата, как в разведке, который к тому же так жизненно необходим твоему народу. В чем-то наша разведывательная романтика сопоставима с романтикой первых географических открытий или научной творческой деятельности, когда достигаются прорывы к новому. Но, в моем понимании, разведка охватывает значительно больший диапазон человеческой деятельности, соприкасается с огромным многообразием человеческих характеров, неисчислимым количеством ситуаций, от простейших до самых сложных и запутанных до невозможности.

Распутывание их, разгадка возникающих загадок, нахождение неожиданного, порою единственного решения - вот в чем я нахожу романтику разведывательной работы, которая не оставляет меня и сейчас, когда я уже отошел от оперативной деятельности, но остаюсь в ее сфере хотя бы в этих моих воспоминаниях.

В основе своей наше занятие сурово и, как правило, довольно редко сопровождается положительными эмоциями. Оно требует тебя всего, поглощает все твое время и все твои способности, мыслительные и физические. Поэтому, наверно, и говорят многие наши разведчики о романтике, когда вспоминают о былом, для осмысления которого не хватало времени. Однако это никак не может исключить романтику из факторов, сопутствующих работе разведчика, особенно активного, постоянно ищущего нового, достигающего положительных результатов. И конечно же, оптимистически настроенного, строящего свою жизнь на реалистической основе разумного оптимизма.

Разведка имеет возможность реализации поставленных перед ней задач в постоянном поиске. Но ее поиск ни в коем случае не является стихийным, он подчинен четко сформулированным для нее заданием. Но практическое решение задач многоообразно и часто оказывается неожиданным. Поиск путей к этому ложится на плечи разведчиков, зависит от каждого бойца разведывательного фронта. От оперативного сотрудника - офицера разведывательной службы, в недалеком прошлом КГБ СССР, а теперь внешней разведки Российской Федерации.

Об одном разительном примере такого поиска и его успешной реализации хочу поведать читателю. Речь пойдет об операции ТФП в диспетчерский центр военного ведомства США в Европе.

Когда я впервые соприкоснулся с таким видом разведывательной деятельности, как добыча секретной информации путем тайного проникновения в тщательно укрываемые, специально защищенные контейнеры, вализы или упаковки, находящиеся под постоянным контролем, я был поражен. Естественно, я многое знал о возможностях проникновения и изъятия содержимого из любых сейфов и других хранилищ ценностей. Но то были взломы или проникновения, следы которых были явными и практически неустранимыми. Хозяева таких похищенных ценностей или документов сразу же узнавали о свершившемся, а полицейские и сыскные службы включались в активный розыск преступников.

Тут же, во внешней разведке, основным принципом и категорическим требованием было такое проникновение, о факте которого никто, кроме совершивших его, не должен ни знать, ни догадываться. В этом состоит главное отличие разведывательного проникновения от всех прочих видов изъятий чужой собственности.

Второй особенностью ТФП является то, что проникновение совершается, как правило, не в личную собственность, а в государственную, хотя иногда и находящуюся временно в распоряжении отдельных лиц: охранников, курьеров, перевозчиков.

Как я уже отмечал на примере операции с японской дипломатической почтой, меня в те годы моей профессиональной юности поражало многое. Как сотрудники спецотдела НКВД вскрывали, казалось бы, совершенно не поддающиеся вскрытию, сложно опечатанные и прошитые тонкими шелковыми нитями пакеты; как копировали разнообразные подписи и тексты на новых упаковках, которыми заменялись поврежденные при вскрытии; как умело и с ювелирной точностью раскрывались самые замысловатые запоры и замки, развязывались и распутывались узлы на вализах, один вид которых создавал уверенность, что проникнуть в них никому, кто не уполномочен на это, трудно, а без оставления следов - невозможно.

Но вот я знакомился с копиями совершенно секретных документов японского правительства или МИД Японии, касавшихся японо-американских отношений, и понимал, откуда эти копии добыты. И добыли их так, что хозяева так и не узнали о вскрытии их дипломатических вализ нашей спецслужбой.

Но это был только один вид проникновения. Позже мне довелось узнать о том, как не только на нашей территории, а и за границей, в условиях постоянной угрозы быть замеченными местными спецслужбами наши разведчики совершали дерзкие по замыслу, необыкновенные по исполнению и немыслимые по сложности операции ТФП в самые сверхсекретные хранилища важнейших документов иностранных государств.

Одним из таких выдающихся разведывательных подвигов и было проникновение в начале 60-х годов во Франции в диспетчерский центр американской армии. Эта операция кратко описана мною в мемуарах (Павлов В.
Г. Операция "Снег". М., 1996). Но тогда, рассказывая о своей разведывательной карьере, я привел эту операцию наряду с другими разнообразными делами внешней разведки, с которыми мне пришлось сталкиваться, либо лично участвовать, не анализируя детальное развитие этой сложнейшей акции, обеспечившей советской внешней разведке доступ к самым важнейшим в тот период "холодной войны" материалам американских вооруженных сил.

Поэтому сейчас, рассматривая узкую тему о ТФП, изложу более подробно все стадии осуществления этой операции, выскажу свои оценки, суждения.

Дело это начиналось весьма прозаически, совершенно для разведки обыденно.

Прежде чем перейти к описанию самой операции, приведшей к замечательному финалу, кратко об одном обстоятельстве моего знакомства с этой операцией, которой я лично не занимался. Оговариваюсь, что излагать эту удивительную историю буду частично на основе того, что мне лично стало известно в силу моего должностного положения во внешней разведке, частично на основе рассказов нашего резидента в Париже Лазарева А. И., главным образом, по материалам западных источников и публиковавшимся сообщениям о судебном процессе в США над агентом-участником исполнения замысла нашей службы. Поскольку эта операция как одна из самых засекреченных во внешней разведке была мне в момент начала ее осуществления неизвестна, мое соприкосновение с нею произошло в начале 1963 года в силу, можно сказать, стечения обстоятельств.

В один из обычных дней начальник ПГУ (внешней разведки) генерал Сахаровский А. М. пригласил меня к себе и поручил исполнять его обязанности во время его недельного отсутствия. Уже более двух лет я был одним из его заместителей. Он неоднократно оставлял по очереди своих заместителей с такими поручениями на время его отпуска, командировки либо кратковременной болезни. Для меня это было не в новинку, так как я уже несколько раз оставался на короткое время за него. На этот раз Александр Михайлович особо подчеркнул, что в его отсутствие из парижской резидентуры может поступить почта с очень важными материалами особой секретности. Их нужно сразу же обработать, доложить председателю КГБ для подписи и направить в адрес только первого лица в государстве, то есть на имя лично Хрущева Н. С. Обработку этой почты нужно было поручить только тем нескольким лицам, которые этим уже занимались, в том числе лично начальнику информационной службы и двум переводчикам с английского языка.

Действительно, через несколько дней после отъезда начальника ПГУ, кажется, в конце февраля 1963 года, на мой стол легла толстая пачка документов на английском языке и перевод их на русский, вместе с препроводительной запиской на двух-трех листах на имя Хрущева Н. С. Мне надлежало завизировать эту записку, удостоверяя тем самым правильность изложенного в ней.

Взглянув на первый же документ, я был изумлен: мобилизационный план американского главного командования на случай подготовки и начала военных действий Запада против стран Варшавского Договора. В документе излагалось распределение задач и целей атомных ударов по базам, промышленным центрам и крупным городам Советского Союза и его союзников по ОВД. Определялись средства и подразделения американских ядерных сил в Европе, военные корабли и подводные лодки флота США, цели и объекты ядерных ударов, отведенные союзникам по НАТО.

В документах предусматривалось, что время ядерного нападения на нашу страну и ее союзников определится в зависимости от возникающей угрозы советского нападения, с упреждающим ударом со стороны НАТО.

Далее, что меня поразило еще больше, предусматривались, в случае продвижения советских армий в Западную Европу или еще только угрозы такого советского наступления, определенные конкретные цели ядерных ударов на территориях европейских стран - союзников США, для "создания там условий невозможности дальнейшего продвижения советских вооруженных сил". То есть, другими словами, просто уничтожение этих территорий вместе с их населением. Были в почте и другие сверхсекретные документы американского министерства обороны, адресованные как командующим подразделениям американской армии и флота в Европе, так и в НАТО.

В моем представлении это должен был быть какой-то необычный источник, способный собрать такой букет жизненно важной информации для нашего государства как военно-стратегического и оперативного значения, так и политической сверхзначимости в тот острейший период напряженной "холодной войны". Как будто все эти документы специально предназначались нам из самых сокровенных недр нашего в то время главного противника - Соединенных Штатов.

Читая внимательно, чтобы не пропустить опечатки или смысловые ошибки при переводе, сверяясь с английским текстом, я с трудом сохранял хладнокровие. Ведь то, что я до тех пор знал о бушующей в мире "холодной войне", во многом до этого момента я относил к "мобилизующим" заявлениям нашего руководства. Во всяком случае я сомневался в наличии в действительности у наших западных противников таких зверских человеконенавистнических планов, как уничтожение наших городов вместе с миллионами жителей. Когда наша внешняя разведка получала сведения о подготовке американскими милитаристами оперативных планов ядерных ударов с уничтожением сначала 10 наших городов, а затем все больше, доведя число таких целей до ста, я полагал, что это могло быть только устрашающим пропагандистским актом как со стороны американцев, так и преувеличением нашей пропаганды.

Теперь же на меня со страниц настоящих американских серьезных документов пахнуло настоящим холодом, реальностью их угроз развязать атомную войну, чтобы сжечь в ее пламени не только нашу страну, но и весь мир. Я ничего не знал об источнике получения документов внешней разведкой, но искренне поздравлял парижскую резидентуру и ее резидента, в то время еще полковника Лазарева Анатолия Ивановича, с таким серьезным разведывательным успехом.

Вместе с докладной на имя руководителя ЦК КПСС мне положили и письмо руководителю специального подразделения КГБ, занимавшегося криптографическими делами - 8-го Главного управления, с приложением материалов по шифрсистемам, применявшимся в армии США и НАТО. В письме подчеркивалась особая секретность источника получения этих материалов и необходимость сокращения до минимума круга лиц, допускаемых к работе с ними.

Как я убедился, не только об источнике указанных разведывательных материалов, но и о самом факте их получения во внешней разведке знали немногие. Во всяком случае, я, будучи заместителем начальника ПГУ, узнал об этом впервые и только однажды, а больше, пока действовал этот источник, ни разу не слышал о его существовании. Таков был строгий закон конспирации у нас. В дальнейшем я узнал, что и в самой парижской резидентуре об описываемой мною операции знали весьма ограниченное число лиц. Я не привожу многих подробностей обо всех обстоятельствах осуществления этого ТФП, так как не являлся участником операции да и не имел возможности обсуждать ее с теми, кто в ней участвовал. Довольно кратко вспомнили мы об этой операции в разговоре с Лазаревым, который, кстати, не особенно распространялся о деталях, поделившись со мной лишь основными моментами проводившихся резидентурой мероприятий и своими переживаниями в процессе их осуществления. Сейчас я очень сожалею, что не расспросил его подробнее, а теперь, когда его не стало в 1993 году, никто уже не сможет восполнить мой рассказ. И все же его оценки и чувства того времени, как главного ответственного лица за все: за успех и за возможные неудачи в этой уникальной акции внешней разведки, я постараюсь донести до читателя.

Во время беседы с Анатолием Ивановичем уже в 1992 году, когда я знал из западных источников многие подробности об этой операции, я живо представил себе весь драматизм каждого этапа этого проникновения в американский центр. Сейчас, когда я пишу об этом, ясно вижу, сколько больших и малых барьеров и барьерчиков стояло на пути наших разведчиков в то время. Одно то, что операция была направлена против нашего главного противника того времени, да еще в самый разгар "холодной войны", свидетельствует о чрезвычайных сложностях обеспечения ее безопасности. Но кроме того, действовали наши разведчики в обстановке активного противодействия нашей резидентуры такого опытного союзника американцев, как французская спецслужба. Эта последняя постоянно вела мощное наблюдение за деятельностью парижской резидентуры.

Каждый выход или выезд разведчиков на оперативные мероприятия приходилось тщательно обставлять значительным числом ложных выходов и выездов с тем, чтобы "занять" французскую контрразведку, рассеять ее силы и внимание, отвлечь их от действительно важного выхода разведчика на дело.

Целая серия специальных операций обеспечивала безопасность того разведчика, который шел на встречу с агентом-исполнителем операции "Карфаген". Но при этом никто, кроме резидента Лазарева и оперативного работника резидентуры Иванова Ф. А., не знал ни об агенте, ни тем более о содержании и характере операции.

Конечно же, скрыть повышенную активность резидентуры и большое количество привлекавшихся сотрудников было трудно, но эта активность тщательно легендировалась другими операциями. Благо, парижская резидентура в тот период вела весьма активную разведку и была постоянно занята и без операции "Карфаген". Насколько я знал, в 60-е годы из этой резидентуры поступала ценная разведывательная информация по НАТО, а также о деятельности самой французской спецслужбы.

Вспомнил я эпизод с документами позднее, во второй половине 1965 года, когда узнал из американских газет о судебном процессе над сержантом американской армии Джонсоном Робертом Ли, который, являясь клерком диспетчерского пункта американской армии во Франции, выдавал секреты советской внешней разведке, за что был осужден на 25 лет тюрьмы. Еще позже, уже работая в Австрии, в конце 1969 года в западногерманских журналах "Штерн" и "Шпигель" я увидел опубликованными знакомые мне копии некоторых из тех документов, которые держал в своих руках шестью годами раньше, с сенсационными заголовками о том, что американцы планируют принесение в жертву в ядерной войне своих союзников. Тогда я не был удивлен появлением в прессе таких острых материалов, ибо они затрагивали жизненные интересы европейских союзников США. Было ясно, что спецслужбы американских союзников смогли добыть часть тех документов, которыми располагали американские командующие в Европе и руководство НАТО. Естественным был и шаг по опубликованию их в целях воздействия на американское правительство, тем более что это можно было свалить на советскую внешнюю разведку, поскольку сами американцы уже ранее рассказали о содержании добытых нами через Джонсона американских планах. Теперь пресса могла развернуть кампанию протеста против "зверских планов уничтожения европейских народов во имя победы над СССР".

О том, что такие безжалостные замыслы у англо-американских союзников действительно были, а не выдуманы нашей внешней разведкой сейчас, подтвердили поступившие в СМИ документальные материалы из британских архивов.

В рассекреченных в 1997 году государственным архивом документах Министерства обороны Великобритании, а также в служебной переписке премьера с военным руководством страны содержатся сенсационные разоблачения о намечавшихся британскими военными планах, подобных планам Вооруженных сил США, фигурировавших в документах, добытых внешней разведкой в операции "Карфаген".

Так, в середине 60-х годов Великобритания готовилась нанести массированный удар с помощью бактериологического и химического оружия по Китаю в качестве "меры профилактической угрозы полнометражной ядерной войны". Одновременно правительство Гарольда Макмиллана с 1963 года рассматривало своих европейских союзников по НАТО в качестве потенциальных объектов применения британских наступательных химических и

бактериологических ракет (Новости разведки и контрразведки. 1997. N 5). Вот так американцы планировали сбрасывать на своих союзников атомные бомбы, а англичане посыпать их разрушенные города химическими отравляющими веществами и вирусами.

После возвращения из Австрии в конце 1970 года я проявил интерес к операции "Карфаген" и был захвачен ее романтизмом, не говоря уже о беспрецедентных результатах, не превзойденных, по моему убеждению, ни одной другой операцией внешней разведки послевоенного периода.

Разработка внешней разведкой американского центра диспетчерской связи в Европе, операция, которую я называю именем укрепленной крепости Древнего Египта, является классическим примером ТФП с привлечением агента в качестве исполнителя самого изъятия. Поэтому считаю заслуживающим интереса читателей самое внимательное рассмотрение всего процесса ее осуществления. Операция содержит три важных аспекта разведывательной работы:

- выбор объекта ТФП;

- подбор и подготовка агента для операции;

- процесс изъятия документов.

Рассмотрим их соответственно.

ОБЪЕКТ ТФП

Парижская резидентура КГБ, возглавлявшаяся полковником Лазаревым А. И., работавшим во Франции уже второй срок с 1959 года, имела, как и другие резидентуры внешней разведки, задачи по линии главного противника, то есть по добыванию разведывательной информации по Соединенным Штатам и по вербовке агентов из числа американцев. Этим направлением работы в резидентуре занималась группа разведчиков, имевших опыт и знания по американцам.

В процессе решения поставленных задач резидентура, выявляя американские объекты своего разведывательного интереса, помимо посольства США и американских консульств во Франции, наткнулась в окрестностях Парижа на весьма таинственное, постоянно охраняемое американскими военнослужащими небольшое, угрюмого вида строение. Прослеживая маршруты прибывающих из США курьеров, резидентура обратила внимание на оживленное движение американских военнослужащих с сумками между аэропортом Орли и этим загадочным пунктом и от него - в направлении американских военных баз и учреждений в Европе. Вскоре резидентура убедилась, что в этом изолированном помещении находился тщательно законспирированный центр диспетчерской связи американского военного ведомства. Из различных агентурных источников были получены сведения, что в указанный диспетчерский центр поступала вся военная почта из США, предназначенная для американского командования в Европе, для военно-морских сил США в Средиземном море и для руководства НАТО. Из центра поступавшая почта направлялась также со специальными

курьерами - американскими военнослужащими - по адресам. В свою очередь, почта от европейских корреспондентов также поступала в центр и оттуда по военной курьерской связи направлялась адресатам в США.

Агентурные источники резидентуры в НАТО и на американских базах во Франции подтвердили, что вся секретная, особой важности переписка по линии американского военного командования между Европой и США шла только через указанный диспетчерский пункт. Резидентура решала заняться тщательной оперативной разработкой центра.

Осторожное наблюдение за ним показало, что регулярно, раз в неделю центр посещают прибывающие из США самолетами в аэропорт Орли курьеры с сумками, прикрепленными специальными замками к запястью руки. Объем сумок по внешнему виду позволял сделать заключение, что они каждый раз привозили значительное количество корреспонденции, не менее нескольких десятков отдельных пакетов. Иногда наблюдение отмечало вероятное нахождение в сумках каких-то крупных предметов, возможно, аппаратуры, дисков или компьютерных дискет. Это предположение получило косвенное подтверждение сообщением одного из агентов о том, что в американскую часть, где он служил, через центр поступило из АНБ какое-то криптографическое оборудование.

В целях уточнения функций центра по просьбе парижской резидентуры внешняя разведка через агентурные возможности в других европейских странах-членах НАТО провела проверку линий военной связи между американскими военными подразделениями в США. Из Западной Германии и Италии, в частности, от одного агента, имевшего отношение к шифрсвязи поступили подтверждения о том, что его подразделение снабжалось шифрдокументами, кодами и шифровальными ключами через парижский центр диспетчерской связи. Боннская резидентура сообщила, что, по их сведениям, связь американских подразделений в ФРГ с военным командованием в США осуществлялась через центр. Эти подтверждения дали основание для парижской резидентуры приступить к основательному изучению центра с целью выяснения возможности осуществления операций ТФП в него для изъятия поступающих в него секретных материалов американского военного командования.

Внешнее наблюдение за строением, в котором размещался диспетчерский центр, дало представление о почти стопроцентной недоступности его для ТФП. Это было бетонное здание, по всей видимости, специально построенное для центра. В него вела единственная массивная дверь, постоянно охраняемая снаружи американским солдатом. Каких-либо других доступов внутрь не было, тщательное изучение внешнего облика не обнаружило каких-либо следов специальной сигнализации, но она могла быть внутри помещения.

Резидентура пришла к выводу, что, даже если совершить внезапный налет на центр с нейтрализацией охранника, не было известно, с чем можно столкнуться внутри, какие там имеются хранилища и можно ли будет их быстро вскрыть.

Следовательно, требовалась помощь агента, который смог бы изучить внутреннюю обстановку в центре. На этом первый этап операции ТФП в центр пришлось завершить.

Резидентура приступила к работе по второму этапу - агентурного проникновения.

ПОДБОР И ПОДГОТОВКА АГЕНТА

Парижской резидентуре, можно сказать, повезло, а на самом деле, в результате ее целенаправленного поиска, она обратила внимание на нашего агента Джонсона, сержанта американской армии.

Поскольку было ясно, что проникнуть в центр можно только американскому военнослужащему, поиски резидентуры сосредоточились на агентах или кандидатах на вербовку из числа американских солдат, служивших на базах США во Франции. Одновременно резидентура обратилась через руководство внешней разведки за помощью в подборе нужного агента к другим резидентурам. В частности, резидент Лазарев вспомнил, что в парижской резидентуре в 1955 году имелся агент Джонсон - американский военнослужащий на военной базе США в Рошфоре, вернувшийся в 1956 году на родину. По просьбе резидентуры Джонсон был разыскан в США, где он по указанию нью-йоркской резидентуры вновь поступил на военную службу, но был направлен в Техас. Будучи ориентирован на принятие мер к переводу в американские войска в Европу, он к концу 1959 года добился перевода на службу на американскую базу во Франции, в Орлеане. Так с ним и была восстановлена связь парижской резидентуры, которая приступила к поиску возможностей устроить Джонсона на службу в центре. Настойчивые поиски привели к успеху.

Прежде чем говорить о том, как это удалось агенту, для полноты картины о нем самом, а также особенностях и сложностях задачи, за решение которой с его участием взялась резидентура, посмотрим, что из себя представлял Джонсон, каков был его путь сотрудничества с советской внешней разведкой. История эта длинная и, я бы сказал, весьма показательная с точки зрения методов и путей решения внешней разведкой задач создания перспективных агентурных возможностей.

В начале 50-х годов, в один из февральских дней в нашу военную комендатуру в Восточном Берлине обратился сержант американской армии Джонсон Р. Л. с просьбой предоставить ему и сопровождавшей его любовнице, австрийке Хеди, политическое убежище в Советском Союзе. Разговор с ним провел сотрудник внешней разведки, который выяснил, что Джонсон проходил службу в Западной. Германии и был незаслуженно обижен своим непосредственным командиром. Мотивом его просьбы об убежище было стремление отомстить за обиду. Он был готов выполнять у нас любую работу, однако оба не имели никаких конкретных предложений о том. чем они могли быть полезны нашей стране.

Принимавший Джонсона разведчик подробно опросил его о месте службы и предложил ему заслужить право на политическое убежище, оставаясь на прежней службе и выполняя наши поручения. Упоминание при этом хорошего дополнительного заработка заметно заинтересовало Джонсона.

С этого момента началась кропотливая и, казалось бы, малоперспективная работа с ним, как с агентом внешней разведки. Но советский разведчик знал, что и "в малой капле может

засверкать солнце", незначительные и малозаметные люди подчас начинают играть важную роль.

Конечно же, он не мог тогда, почти за десять лет до операции "Карфаген", даже представить, что этому малообразованному, с весьма ограниченными способностями американскому негру суждено будет играть решающую роль в успешном ТФП к глубоко упрятанным от нас, наиболее жизненно важным для США секретам.

Действительно, глядя на Джонсона 1953 года, да и на его поздний, 1962 года, образ, трудно было бы допустить, что с его помощью наша разведывательная служба добьется своего звездного часа, добыв то, ради чего и существует разведка. Получит в свое распоряжение такие документы, доступ к которым имели далеко не все высшие военачальники США и тем более НАТО.

Но вернемся к Джонсону. Умело руководя им, обучая искусству получения нужных нашей службе секретов, рядовой советский разведчик терпеливо вел вновь обретенного агента по пути превращения в профессионально опытного исполнителя его воли.

Джонсон передавал в распоряжение внешней разведки все, что могло интересовать ее на военных объектах в ФРГ, где нес службу агент. За два года его службы в Западной Германии он многому научился, стал соблюдать конспирацию, понимать требования оперативной дисциплины, но так и не смог подняться до уровня самостоятельного агента.

Весной 1955 года его перевели на службу во Францию, где он довольно быстро истощил свои информационные возможности, передав резидентуре в Париже все сведения об американской военной базе в Рошфоре, все действовавшие там инструкции и приказы, информацию о вооружении и, главное, о служивших там американских офицерах и солдатах.

Кстати, эти сведения оказались весьма полезными для парижской резидентуры при подборе дублера для Джонсона, о чем кратко скажу позже.

К середине 1956 года контракт Джонсона с американской армией закончился, и он отбыл в США. Там связь с ним была восстановлена в начале следующего года, и после выполнения им отдельных заданий резидентуры ему предложили вновь поступить на армейскую службу и постараться попасть на одну из интересовавших нашу разведку американских ракетных баз. Служить его направили в Техас.

В соответствии с просьбой парижской резидентуры, в течение 1959 года агента настойчиво направляли на то, чтобы он заключил новый контракт на службу в Европе. В результате к концу года Джонсон появился в Орлеане, где начался новый этап его сотрудничества с советской внешней разведкой, достигший своего апогея уже в следующем, 1962 году.

Бывшая любовница Джонсона, австрийка Хеди, еще в 1953 году стала его женой. К несчастью агента, уже к началу 1960 году появились признаки ее психического заболевания, приведшие в конце концов к печальному финалу самого Джонсона, но об этом позже.

Итак, у парижской резидентуры появился потенциальный исполнитель для проникновения в диспетчерский центр.

Резидентура начинает направлять Джонсона на устройство в этот центр. Он легендирует заботу о больной жене Хеди, которая должна лечиться в парижской клинике, ищет, кто может помочь ему перевестись из Орлеана в Париж. Но делает это по рекомендации нашего разведчика осмотрительно, чтобы не получить нежелательное назначение. В процессе этих поисков, на которые ушел почти целый год, в марте 1961 года Джонсон случайно наткнулся на человека, подсказавшего ему возможность поступить охранником в центр.

Агент немедленно воспользовался этой возможностью и был переведен на службу в охрану этого объекта.

Начался процесс тщательного изучения центра с близкого расстояния. Оставаясь в нерабочее время в одиночестве у объекта, Джонсон исследовал задание центра, выясняя, нет ли какой-либо скрытой системы сигнализации. Подробно узнал порядок охраны, время и процесс сдачи привозимых почт и выдачи сумок европейским курьерам, познакомился со всеми военнослужащими, работавшими в центре.

От последних узнал, что работающие внутри военнослужащие в нерабочие дни, когда не было внешнего охранного поста, по очереди круглосуточно дежурили внутри помещения.

Резидентура поставила перед агентом задачу устроиться на работу внутри центра. Заручившись хорошим мнением о себе старшего офицера, Джонсон к концу 1961 года успешно решил и эту задачу. Теперь агент стал глазами и ушами советской внешней разведки по наблюдению за жизнью центра во всем ее объеме. Резидентура узнала внутреннее устройство хранилища, порядок приема и выдачи пакетов, поступающих из США для Европы и из европейских адресатов
- для направления в США.

По описанию Джонсона, центр был настоящей бетонной крепостью, похожей на гигантский дзот, рассчитанный на любой артобстрел. Правда, подумал я, если бы материализовывались те адские планы атомной войны, что хранились в мирных с виду пакетах, проходивших через центр, то в ядерном пламени и от самого центра не осталось бы следов. Но пока внешняя разведка еще ничего не знала о содержании этих пакетов.

Вся почта в виде сложно опечатанных пакетов хранилась в специальном массивном сейфе, запиравшемся на ключ сложной конфигурации. Доступ к сейфу преграждала массивная стальная дверь, запиравшаяся стальной же перекладиной, имеющей на концах комбинационные шифрзамки. Открывался доступ к пакетам в сейфе специально приходившим офицером, знавшим комбинации замков на перекладине и имевшим ключ от сейфа. Он выдавал клеркам пакеты, те их сортировали, регистрировали и помещали в специальные курьерские сумки. Последние выдавались курьерам под расписку офицером, который закрывал на ключ на запястье курьера наручник, прикрепленный к сумке. Таким же образом осуществлялся процесс

приема офицером привозимых в центр сумок для сортировки и отправки корреспонденции по назначению.

Изучая возможность оставаться на дежурстве в центре в нерабочие дни, Джонсон узнал, что большинство клерков относились к обязанности периодически дежурить с большим неудовольствием. Узнав, что Джонсон женат и очень нуждается в деньгах - об этом он по совету разведчика сразу же дал понять своим коллегам-клеркам, - они стали предлагать уступить ему свою очередь с дополнительным заработком в виде оплаты за такое дежурство. Желающих вместо дежурства погулять со своими дамами было достаточно, и резидентура могла рассчитывать на одиночные дежурства Джонсона, чтобы использовать их в своих целях.

Наступил решающий, заключительный этап операции ТФП, который потребовал от резидентуры и ее агента максимального напряжения сил и способностей.

ТФП И ИЗЪЯТИЕ ДОКУМЕНТОВ

Дальнейший план резидентуры состоял в том, чтобы добыть секреты двух комбинационных замков; получить слепок с ключа сейфа и изготовить по нему ключ; в ночное дежурство опробовать полученные результаты, проведя проверочное вскрытие двери и сейфа.

После завершения этих операций решить вопрос о проведении ТФП либо силами резидентуры, либо поручить это агенту.

На этом этапе операции "Карфаген" в резидентуре были приняты меры к полной конспирации проводимых оперативных мероприятий, повышены меры обеспечения безопасности в работе с агентом. Центр внешней разведки постоянно информировался о ходе подготовки к ТФП. Там была подготовлена специальная бригада мастеров по вскрытию корреспонденции особой сложности, которая ждала сигнала для прибытия в резидентуру.

Джонсон, успешно решив задачу обеспечения условий для осуществления ТФП в ночное дежурство, занялся внимательным наблюдением за процессом вскрытия офицером хранилища. От него не ускользнула небольшая заминка с одним из комбинационных замков. Очевидно, шифр комбинации был заменен и прибывший офицер, открыв один замок, забыл вторую комбинацию. Он вынужден был позвонить по телефону и, слушая, сделал заметки на листке бумаги, который после успешного открытия замка, скомкав, бросил в корзину для мусора.

Джонсон выбрал удобный момент и незаметно подобрал этот клочок бумаги. Как оказалось, это была вторая шифркомбинация, которую агент проверил в первое же ночное дежурство. Замок открывался. Так одна из труднейших задач наполовину была решена.

Наблюдая за использованием ключа, агент установил, что офицер, как правило, не выпускает его из рук. Но однажды ключ некоторое время оказался лежащим на столе в то время, как офицер сверял выдаваемые клеркам пакеты. Изловчившись, Джонсон сумел сделать слепок, но он спешил, боясь обратить на себя внимание других клерков или офицера, и, как

оказалось, слепок получился некачественным. Пришлось поручать Джонсону ловить новую возможность завладеть хотя бы на короткое время ключом.

Совершенно внезапно эта задача максимально упростилась. Джонсон заметил, что офицер однажды воспользовался вторым, очевидно, запасным ключом, взяв его из стоявшей вблизи сейфа тумбочки, и после закрытия сейфа опять вернул ключ на место.

Теперь в ночное дежурство Джонсон спокойно смог сделать добротный слепок. Вскоре изготовленный в спецотделе ключ уже находился в резидентуре. Цель, к которой так упорно стремилась резидентура, приблизилась еще на один важный шаг.

Оставалась последняя преграда. После консультации с Центром резидентура согласилась поручить агенту получить комбинацию второго замка на перекладине путем просвечивания замка специальным портативным рентгеновским устройством.

После тщательного инструктажа агента в октябре 1962 года в ночь с субботы на воскресенье ему был вручен аппарат, с помощью которого он успешно записал вторую комбинацию. Эта ночь для резидента Лазарева и разведчика, поддерживавшего связь с Джонсоном, запомнилась надолго. Пока агент не вернул к утру аппарат, оба они находились в крайнем напряжении. Ведь аппарат был уникальным изобретением спецотдела КГБ, изготовлен в единственном экземпляре, и им пользовались во всех операциях ТФП, где встречались подобные секретные замки. Потеря его, помимо срыва такой многообещающей операции по диспетчерскому центру, была бы трудно восполнимой утратой.

Естественный вздох облегчения для резидента принесла телеграмма из Москвы с сообщением второй комбинации замка перекладины.

Кстати, вторично мне довелось "встретиться" с этим хитроумным приспособлением уже в Польше, когда им пришлось воспользоваться в одной из очередных операций ТФП, уже в конце семидесятых годов. Я уже знал о том, что на судебном процессе над Джонсоном в 1965 году он подробно рассказал американцам об этом "рентгене". Поэтому был крайне удивлен, что за прошедшие десять лет американские специалисты так и не удосужились найти защиту против применения нашего аппарата. Об этом свидетельствовало успешное его использование при ТФП в американские объекты.

Наступал самый ответственный момент в операции "Карфаген". На 30 ноября 1962 года было намечено пробное проникновение агента в сейф. Джонсон успешно открыл все три замка и, посмотрев в сейф, увидел там много тщательно опечатанных пакетов, один из которых он осмелился даже подержать в руках. Закрыв замки, агент утром условным сигналом сообщил в резидентуру о положительном результате своих действий. Уверенные действия и пунктуальность в исполнении инструкций позволили резидентуре принять решение продолжать операцию только силами Джонсона. Первое изъятие документов было по согласованию с Москвой назначено на ночь с 14 на 15 декабря 1962 г. К этому сроку была вызвана бригада специалистов для работы по вскрытию пакетов, для которой было заранее подготовлено удобное помещение в посольстве, обеспечивавшее безопасность и полную конспирацию. При

этом учитывалось, что время для обработки изымаемых пакетов, которых по оценке Джонсона могло быть до тридцати, было весьма ограничено, не больше двух-трех часов.

В резидентуре был разработан четкий план, по которому Джонсон должен был к одиннадцати часам ночи изъять пакеты из сейфа и, поместив их в авиационную сумку, доставить на место встречи, расположенное в пяти минутах езды на автомобиле от диспетчерского центра. Разведчик к этому времени после тщательной многочасовой проверки прибывает на встречу, обменивается с ним такой же авиационной сумкой, в которой для агента привозится ужин, и спешит доставить документы в резидентуру, на что потребуется не более получаса.

Бригада должна закончить обработку за полтора, максимум два часа, и разведчик по заранее отработанному маршруту должен доставить сумку с документами агенту самое позднее к полтретьему утра, когда Джонсон подъедет на своей машине, но уже на другое место встречи, в двадцати минутах от места его работы.

Я могу ошибаться в отдельных деталях, вспоминая о том, что мне рассказывал Лазарев и что сообщал об этих операциях сам Джонсон на суде. Но в целом ясно, что времени в распоряжении резидентуры было чрезвычайно мало, зато много трудностей в обеспечении безопасной доставки документов как от Джонсона, так и особенно обратно к нему.

Представляя себе обстановку работы бригады над документами, я вспомнил о наших специалистах, вынужденных вскрывать японскую дипломатическую почту в трясущемся вагоне. Они все же не были так жестко лимитированы во времени. И еще мне припомнилась сейчас книга Леруа-Фэнвилля, где он очень образно обрисовал накаленную до предела атмосферу, в которой из-за лимита времени работали французские специалисты, вскрывая чужие дипломатические вализы. Но и французы работали у себя дома, где, как говорят, и стены помогают, нашим же разведчикам приходилось остерегаться и французских контрразведчиков, и американских спецслужб.

Помню, как Анатолий Иванович, рассказывая об этой первой выемке документов из сейфа диспетчерского центра, вновь переживал предельное напряжение сил. Было заметно, что одна такая ночь стоила для него многих если не лет, то уж месяцев его разведывательной карьеры. Не случайно еще довольно молодым он ушел из жизни.

О том, что не в меньшем напряжении находился наш разведчик участник этой необыкновенной операции ТФП, я уж не говорю. Хотя на личном опыте знаю, что исполнителю легче совершать ответственные дела, чем его руководителю ожидать завершения операции и благополучного возвращения исполнителя. Последний уже прошел пик напряжения и может расслабиться на обратном пути, а руководитель продолжает оставаться в пиковом напряженном ожидании.

У нашего разведчика была сложная задача. Он должен был уложиться в график заранее рассчитанного по времени маршрута, безопасно доставить документы, а затем вернуть их

агенту. И все это в условиях возможных непредвиденных осложнений на парижских улицах с их интенсивным ночным движением.

Представь, читатель, на минуту, что где-то на его пути возник затор или кто-то нарушил правила движения и его останавливает полицейский как свидетеля или участника этого нарушения. И тысячи других случайностей, а разведчик вопреки всему не имеет права подвести под смертельную опасность агента, не вернув ему вовремя документы.

Зато какое огромное удовлетворение испытываешь, когда все позади и ты можешь доложить, что задание выполнил!

Вот и тогда, в разговоре с Лазаревым, я почувствовал в его голосе пережитое волнение, когда наш разведчик благополучно возвратился от агента, а еще позже, когда резидентура получила условный сигнал от агента, что у него все благополучно.

Но это было только первое изъятие документов. А в период с декабря 1962 года по конец апреля 1963 года Джонсон регулярно дважды в месяц дежурил и почти в каждое свое дежурство вскрывал сейф и передавал очередную порцию пакетов, содержавших архисекретнейшую информацию американского военного ведомства. Казалось, так будет продолжаться долго, но внезапно, в апреле 1963 года, резидентуре пришлось сделать перерыв.

Резидентура стала отмечать ошибки, которые начал допускать агент. Вероятно, сильное напряжение сказывалось на нем, и потребовалось дать ему передышку для отдыха. Так, однажды Джонсон забыл поставить сигнал о благополучном возвращении документов в хранилище. Можно только догадываться, что пережили наши разведчики, подозревая худшее, пока агент все же не опомнился и не выставил сигнал.

Во второй раз произошло более серьезное чрезвычайное событие, чуть не поставившее всю операцию "Карфаген" под удар. Такая вероятность по своим последствиям была бы чревата таким серьезным осложнением, как раскрытие американцами не только факта ТФП к их секретам, сколько позволила бы значительно сократить ценность всех добытых сверхсекретов... Уже одно то, что американцы немедленно изменили бы свои мобилизационные планы и заменили шифровальные машины и ключи, ставшие известными нам. То есть огромное преимущество операции тайного проникновения было бы потеряно.

Произошло же следующее.

Во время последней операции изъятия документов в апреле, когда наш разведчик около трех часов утра привез на встречу с агентом документы, Джонсона там не оказалось. Нервничая, наш разведчик непозволительно долго, до получаса, оставался на обусловленном месте, имитируя поломку машины. Когда дальше ждать было уже нельзя, так как в четыре часа агента на его посту должен был сменить другой дежурный, разведчик решился на отчаянный шаг: он подъехал к диспетчерскому центру, увидел стоявшую там автомашину агента, положил в нее сумку с документами и уехал докладывать резиденту такое неприятное осложнение.

Утром проверка сигнала показала, что агент все же успел вернуть документы на место. Как оказалось, вернувшись с первой встречи с нашим разведчиком, агент хорошо закусил и заснул. Когда он очнулся, до смены оставалось всего 15 минут. Он выскочил из центра, чтобы ехать за документами и с облегчением увидел их в машине. Едва он успел поместить документы в сейф и закрыть последний замок, как появился его сменщик. От провала его отделяли считанные минуты.

Резидентуре стало ясно, что дальше продолжать операцию "Карфаген" через Джонсона становится опасно. Имея опыт ТФП в этот объект и располагая секретами открытия замков, резидентура стала планировать замену Джонсона на подобранного к этому времени "дублера". Но об этом я уже не могу ничего "вспомнить", так как такая возможность остается тайной и для американцев, считающих, что доступ советской внешней разведки к их хранилищу во Франции прекратился с прекращением работы там Джонсона.

Сам же агент к маю 1964 года был направлен на работу в Пентагон, а в июле следующего года уже состоялся громкий судебный процесс над ним в результате предательства его жены Хеды, доложившей в психическом припадке американской контрразведке о его сотрудничестве с КГБ.

Что же добавить к вопросу о дальнейшей судьбе операции "Карфаген" и о том, как проходила дальнейшая разработка этих богатейших копей царя Соломона? Судя по ряду известных мне примеров, показывающих, что наша служба не любит отказываться от раз достигнутого, думаю, что и в случае с операцией "Карфаген" не все так завершилось, как это описывается в американской прессе и как думают спецслужбы, понесшие поражение в этом деле.

Мне остается вспомнить о том, что же писали в Европе о документах диспетчерского центра, и высказать некоторые появившиеся у меня в связи с операцией "Карфаген" мысли.

Как я упоминал, в конце 1969 года, а точнее в сентябрьских номерах западногерманских журналов "Штерн" и "Шпигель" одновременно появились публикации отдельных американских документов, которые проходили через диспетчерский центр еще в начале шестидесятых годов. Вторичная публикация в "Штерне" была в феврале 1970 года. В документах фигурировали те самые, показавшиеся мне в 1963 году страшными цели американских ударов по Европе, включавшие и территории союзников США по НАТО. Естественно, эти документы вызвали сенсацию и новую волну публикаций в других странах. Как пишет французский историк Т. Вольтон (Вольтон Т. КГБ во Франции. М.: Прогресс. 1993, с. 112), на эти документы ссылались в различных изданиях около 20 раз. Сам он ссылается на эти, как он утверждает под влиянием американских опровержений, псевдодокументы, как на продукт дезинформационной службы советской внешней разведки. Кто же поверит этим опровержениям?! Ведь документы те были абсолютно достоверными, в чем, думаю, перед публикацией редакторы таких авторитетных журналов удостоверились. Можно добавить, что уже в 1981 году статьи на тему документов, по сообщению того же Вольтона, появились в Голландии, Норвегии, Бельгии, Греции, Великобритании, Франции и на Мальте. А в 1982 году появилась обширная статья в Финляндии.

Хотя я уверен, что документы стали известны самим европейским спецслужбам, допускаю и возможность передачи, повторяю, передачи, а не подделки некоторых из добытых нашей внешней разведкой в 1963 году из диспетчерского центра документов по своим каналам для опубликования в прессе. Это было бы естественным в плане активных мероприятий по воздействию на европейскую общественность. Такими циничными, страшными были эти американские планы, что не требовалось никаких добавлений к ним.

На судебном процессе над Джонсоном и в связи с раскрытием им операции ТФП в диспетчерский центр высказывалось много интересных, заслуживающих внимания оценок этой операции внешней разведки.

Министерство обороны США заявило, что можно охарактеризовать потери как огромные, некоторые являются непоправимыми и не поддающимися оценке и определению. Невозможно оценить в долларах стоимость восстановления и исправления того, что поддается этому. Главное в оценке этого министерства сводилось к констатации: #"Если бы потери не были обнаружены и началась бы война, ущерб этот мог стать фатальным"#.

Кажется, сильнее не скажешь.

Различные эксперты и специалисты США высказывались в том плане, что материалы центра дали Советскому Союзу детальное знание оборонной системы НАТО и, кроме того, информацию о том, что Соединенные Штаты намеревались делать при различных вариантах мировых событий. КГБ "обнаружило скрытые разногласия среди партнеров НАТО, которые СССР мог усилить и обострить. Советская разведка узнала, какие слабости Советского Союза Запад секретно обнаружил. Определить весь ущерб от потери этих секретов невозможно. Непоправимым оказалось многое. Например, нельзя нейтрализовать советское проникновение в западные системы криптологии. Однако многое из ценности того, что КГБ "украло", остается неведомым для США, так как невозможно точно узнать, какие же материалы оказались в руках советских разведчиков.

Не менее интересны и описания публицистами диспетчерского центра. Например, Д. Баррон в своей книге "КГБ" (Баррон Д. КГБ. Секретная работа советских секретных агентов. Нью-Йорк, 1974, с. 199, 214) пишет: "Ни одно другое учреждение в Европе не было таким жизненно важным для Соединенных Штатов, и вооруженная охрана защищала его днем и ночью... Это был курьерский центр вооруженных сил США. Поток секретов, проходивших через него, мог раскрыть фундаментальные оборонные планы Запада, наиболее сильные и слабые стороны США, шифровальные системы, при помощи которых передавались сверхчувствительные, важнейшие сообщения. Это были секреты, за которые Советский Союз заплатил бы любую цену". И далее, центр "был европейской крепостью многих наиболее важных военных и дипломатических секретов, принадлежавших США... Все жизненно важные документы, шифровальные системы и криптологическое оборудование, направлявшееся Вашингтоном в НАТО, американскому командованию в Европе, а также Шестому флоту в Средиземном море, поступало прежде всего в диспетчерский центр... Все материалы с грифом сверхсекретно и более высоким засекречивающим обозначением, исходящие из подразделений в Европе, также поступали в центр по пути в Вашингтон".

Об интересе внешней разведки к центру, который, судя по всему, был известен Западу:

"КГБ давно наблюдало за центром. Но он оставался подобно влекущему и обманчивому миражу за пределами достижения... КГБ знало так же, как и США, что центр и его сейф были недоступными. И все же КГБ искало хотя бы один шанс из миллиона, который позволил бы войти и добыть сокровища сейфа".

Как видит читатель, советская внешняя разведка нашла этот миллионный шанс.

Завершая описание эпопеи "Карфаген", не могу удержаться, чтобы не поделиться размышлениями, навеянными этой операцией.

Читая об операции в западных источниках, слушая рассказ Анатолия Ивановича Лазарева, я мысленно был с моими коллегами-разведчиками, которые решали сложнейшую разведывательную задачу в парижской резидентуре. Ведь им пришлось не только преодолеть многочисленные барьеры на пути к исключительно важной для нашего государства, актуальнейшей в условиях "холодной войны" информации.

Когда, наконец, они прорвались туда, к заветному сейфу, где складывались документы стратегического значения, они отнюдь не избавили от постоянного риска ни себя, ни своего агента.

Джонсон рисковал, когда ночью, оставаясь временно в одиночестве, вскрывал замки на хранилище. Лихорадочно укладывая в сумку находившиеся там пакеты, он знал, что в любой момент может внезапно появиться проверяющий его пост офицер. Вынося сумку с документами и оставляя центр без охраны, он вновь рисковал был уличенным, по крайней мере, в дезертирстве с важного поста, не считая большой вероятности обнаружения при этом отсутствия в сейфе документов. Затем он отвозил сумку с документами нашему разведчику и, отдав ее, возвращался на свой пост. И вновь несколько часов напряженного ожидания, когда документы вернутся и он сможет успокоиться, положив их на место, затем риск оставления центра без охраны, вновь беспокойство о том, чтобы кто-то из американцев, хотя бы его сменщик, почемулибо решивший явиться на дежурство пораньше, не обнаружил его отсутствия. Могли у него возникать и мысли о том, все ли будет благополучно с временно отсутствовавшими пакетами, не будет ли замечено их вскрытие нами. Ведь он понимал, для чего они были нужны советской разведке.

Велики были психологические переживания и нашего разведчика и его начальника резидента Лазарева. Поездка к агенту за документами, как и любой выход разведчика на встречу с особо ценным агентом, требовала сложного проверочного маршрута и большого нервного напряжения. А в данном случае нужно было ночью, в сложных условиях парижского оживленного дорожного движения не пропустить ни одного подозрительного признака, в точно назначенное время быть на месте встречи. И особенно усложнялась эта задача при возвращении документов агенту из-за острого дефицита времени.

При этом еще раз хочу напомнить, что мы имели очень квалифицированного противника в лице французской контрразведки.

А переживания самого резидента, отвечающего за все и перед всеми. Операция "Карфаген" была настолько неординарной по содержанию добывавшейся информации, что о ней, не в конкретной форме, но достаточно много знали не только руководство внешней разведки и КГБ, но и глава государства. Любой успех или провал ее несли бы за собой самые серьезные последствия, в первую очередь для резидента. Успешное проведение операции, какими бы наградами оно не вознаграждалось, не могло компенсировать и доли нервных и психических издержек ее исполнителей.

Переживания оперработника и Лазарева длились до самого утра, пока не появлялся сигнал агента о возвращении документов в сейф. И так два-три раза в месяц с декабря 1962 года по май 1963 года. Тяжелый выдался тот зимне-весенний сезон для парижской резидентуры. А если учесть, что резидентура не прекращала работы с рядом других ценных агентов - в том числе с Паком, начавшим как раз в тот период работать в НАТО и достигшим максимума своих информационных возможностей, то напряженность оперативной деятельности в период осуществления ТФП в центр становится ясной.

После появления признаков опасности срыва агента внешняя разведка поступила весьма разумно, приостановив дальнейшее использование Джонсона в операции.

Резидентура и руководство внешней разведки, оценивая особую важность добытой из центра информации, решили больше не рисковать. При этом учитывался тот важнейший фактор, что, пока американцы не знали о факте изъятия их документов, ценность их возрастала. Это позволяло сравнивать ставшие известными нашему командованию мобилизационные планы США с конкретными действиями американских вооруженных сил в Европе и руководства НАТО в условиях возникавших обострений международной обстановки. Шифровальные материалы позволяли читать особо важную переписку США и их союзников по НАТО.

Когда же Джонсон был изобличен в сотрудничестве с советской внешней разведкой, то американскому командованию нелегко было установить, какие конкретные документы оказались в нашем распоряжении. Так как Джонсон не знал, что он передавал нам, пришлось им исходить из того, что все документы, проследовавшие через центр в обоих направлениях в период с декабря 1962 по май 1963 года необходимо считать раскрытыми перед нами. Следовательно, все их необходимо переделывать, изменять и разрабатывать заново.

Пример операции "Карфаген" в ее комплексном рассмотрении ясно свидетельствует о том, что работа разведчика требует не только профессионального опыта, но и особого терпения, способности терпеливо идти намеченным путем и уметь дожидаться благоприятных условий для успешного решения своих задач.

Опыт многих дел, успешно завершенных советской внешней разведкой, показывает, что иногда, как, например, в случае с агентом Джонсоном, требуется долголетняя терпеливая и

тщательная работа для того, чтобы на каком-то этапе представился вдруг шанс совершить "королевский ход", достичь поражающего воображение успеха. Вот пример деятельности германской разведки, который приводит бывший ее руководитель В. Шелленберг в своих воспоминаниях (Шелленберг В. Лабиринт. Нью-Йорк, 1956). Он описывает потопление немцами в 1939 году английского линейного корабля "Ройял Оук": "Потопление этого линкора заняло менее пятнадцати минут, но потребовалось пятнадцать лет терпеливой и усиленной работы... чтобы заложить необходимые основания для этой операции".

Два слова о роли в разведке человеческого фактора. Агент советской внешней разведки Джонсон смог преодолеть все чрезвычайно сложные меры безопасности, которые соблюдались в центре в целом очень строго. Однако и на той, американской стороне действовали люди со всеми свойственными им слабостями. Так, Роберт Конквист в предисловии к упоминавшейся мною книге Д. Баррона о КГБ пишет: "Даже такие удары, как то, что произошло в Орли (то есть в диспетчерском центре, находившемся в отдаленном уголке аэропорта Орли. - прим. авт.), как бы квалифицированно они ни были организованы, не преуспели бы, если бы не американские просчеты в бдительности и непринятии даже в таких сверхсекретных объектах тех предписанных мер, которые необходимы при всех обстоятельствах".

Читатель помнит о просчетах американского офицера с секретной комбинацией к шифрзамку, с ключом. Все это были те маленькие слабости человеческие, которые в конечном счете могут играть роковую роль.

Но Конквист забывает, что и наша внешняя разведка учитывала все это. Уверен, нет таких обстоятельств в мире, абсолютно надежных мер, которые в принципе не могут быть преодолены. То, что человек установит, другой человек найдет способ убрать со своей дороги. Так в центре и произошло.

Если бы не оказалось Джонсона, то внешняя разведка могла бы завербовать другого, например, американского офицера, который имел доступ к хранилищу. Но простой, малозаметный клерк оказался более удобным, он смог с нашей помощью не только получить доступ к сейфу, но еще, что немаловажно, выносить его содержимое и затем незаметно возвращать на место.

Ведь над всеми этими деталями намеченной операции ТФП парижская резидентура думала и работала больше года и готовила все необходимые условия.

Например, возьмем один вопрос: вскрытие замков сейфа. Если бы агенту не удалось из-за оплошности офицера получить шифр для одного замка, он все равно узнал бы его таким же способом, как это сделал со вторым замком. Если бы не удалось снять слепок с ключа, агент мог бы в ночное дежурство впустить в центр высококвалифицированного специалиста внешней разведки по сейфовым замкам, и последний решил бы эту проблему.

Так, в каждом отдельно взятом элементе, составлявшем всю операцию, могла успешно решаться проблема ТФП. Операция "Карфаген" наглядно иллюстрирует роль человеческого фактора в разведке. До тех пор пока люди поддаются вербовке, будет существовать

возможность реального доступа к любым секретам. Даже там, где вся охрана доверена бездушным роботам, изощренным системам электронных запоров, преград и ловушек. Потому что эти запоры создают люди, ими управляющие. Следовательно, стоит завербовать того, кто ими управляет или их создавал, чтобы найти путь к охраняемым секретам. Все дело будет сводиться к срокам и средствам для достижения желаемого,

В заключение могу сказать, что более ста добытых через Джонсона и вскрытых специалистами внешней разведки пакетов имели грифы секретности наивысшего значения в американском военном ведомстве, разведывательных военных службах США и государственном департаменте. Они принесли внешней разведке такое информационное богатство, которое на многие годы создало нашей службе высокий авторитет как внутри КГБ, так и в правительственных кругах Советского Союза.

Эта операция ТФП с помощью агента является немеркнущим примером возможностей разведки, когда ее разведчики проявляют настойчивость и целеустремленность, смелость и мужество, изобретательность и способность безошибочно прогнозировать ход развития событий.

ОПЕРАЦИЯ "ПРЕЛАТ"

Большинство операций агентурного ТФП внешней разведки осуществлялось агентами-иностранцами, внедрение которых в интересующие нас объекты представлялось более доступным для спецслужбы делом. Однако были отдельные успешные примеры проникновения к закрытым источникам информации и агентов-нелегалов. Одной из таких операций, блестяще осуществленной нелегалом внешней разведки Максимовым, было ТФП в Ватикан с целью внедрения во всемирно разветвленную разведывательную сеть этого католического центра. Но прежде чем достичь Рима, разведчик прошел долгий путь, исключительно богатый событиями и успешными делами.

Я знал Максимова с 1939 года, сначала заочно, по его делам, а в 1950 году и лично, вплоть до его кончины в 1988 году. Его жизненный путь в разведке и сама его неординарная личность оставили неизгладимый след в моей памяти.

Трижды судьба Максимова приобретала трагический характер, и трижды он достойно выходил из выпавших на его долю испытаний. Эти переломные в жизни разведчика моменты если и нашли отражение в его архивном досье, то чисто формальное, они не могли быть зафиксированы со всем драматизмом создававшихся ситуаций.

В этой связи вспоминаю мысль, навеянную американским писателем Т. Клэнси и его уже упомянутым романом "Все страхи мира", об архивах, которые в лучшем случае фиксируют конкретные факты, но в них упускается сложное переплетение этих отдельных фактов как между собой, так и с теми порою архисложными конкретными ситуациями, в которых появились записанные в архивах факты.

Проследим, читатель, за развитием дел у Максимова, и убедимся в бедности и однобокости образа этого богато одаренного человека, представленного в нескольких газетных статьях, основанных на архивных записях его оперативного дела.

Мое первое заочное знакомство с Максимовым состоялось заочно в 1939 году, когда в мои руки попало его досье, из которого явствовало, что этот разведчик находится в Мексике, где выполняет какое-то важное специальное задание руководства. Другими словами, он был временно изъят из нашего ведения, и мне оставалось только ждать, когда Максимов снова вернется в американское отделение, заместителем начальника которого я был только что назначен. Такое возвращение в наше распоряжение состоялось в следующем, 1940 году.

Как значительно позже я узнал от самого Максимова, он был направлен в Мексику в конце 1938 года с задачей тщательного изучения обстановки в стране и вокруг Л. Троцкого. С этим заданием он хорошо справился, и его влили в оперативную группу, готовившую покушение на этого политического эмигранта из нашей страны.

В дальнейшем изложении перипетий судьбы Максимова буду основываться как на тех сведениях, которые я почерпнул из его дела, так, главным образом, и на том, что мне стало известно от него самого в процессе многочисленных встреч и задушевных бесед с ним.

Прежде всего хочу отметить, что Максимов был человеком, наделенным многими ценными для разведчика качествами. Он обладал большой проницательностью, быстро ориентировался в любой внезапно создавшейся ситуации, был исключительно коммуникабельным, легко устанавливал доверительные связи и знакомства, отличался обширной эрудицией, чему способствовало знание им в совершенстве нескольких иностранных языков.

После выполнения основного задания в Мексике он быстро сориентировался, к чему шло дело, и попытался получить разрешение от своего мексиканского руководителя Эйтингтона выехать на юг латиноамериканского континента для выполнения там задач, ранее поставленных перед ним нашим американским отделением. Однако он не только получил отрицательный ответ, но и указание войти в группу мексиканского художника Сикейроса, готовившего теракт против Троцкого.

Оказавшись невольным участником дела, от чего он хотел во что бы то ни стало избавиться, Максимов своим поведением вызвал негативную реакцию в группе террористов. Но все же ему удалось уклониться от непосредственного участия в неудавшемся покушении, организованном Сикейросом, и остаться лишь на наружном сторожевом посту на подступах к вилле Троцкого.

После срыва первого покушения, поняв, что началась сразу же подготовка к новой попытке совершить теракт, Максимов сумел убедить своего непосредственного руководителя отпустить его из Мексики. Как позднее я узнал, его отъезд был расценен Берией как дезертирство и над ним нависла серьезная угроза. Понимал это и Максимов и надеялся лишь на то, что своей дальнейшей практической работой он сможет снять или хотя бы смягчить эту реальную

опасность. Мексиканский этап в его карьере разведчика стал первым переломным моментом в его судьбе.

Прибыв в Аргентину, где он успешно легализовался по добытым им самостоятельно документам гражданина одной из латиноамериканских республик, Максимов приступил к созданию разведывательно-диверсионной организации. Его главной задачей было проведение диверсионных актов на немецких судах, доставлявших в Германию стратегическое сырье, и на складах в портовых городах, где хранились предназначенные для немцев грузы.

С начала второй мировой войны Германия начала получать стратегическое сырье из Латинской Америки, в частности, селитру и другие, которые были необходимы для производства взрывчатых веществ. Оно поступало из Чили, Боливии, Уругвая в порты Аргентины. Туда же шли грузы из Мексики, в частности нефть. Вот там-то и создал свою диверсионную организацию Максимов.

К моменту вероломного нападения Германии на Советский Союз у Максимова уже действовало более десятка диверсионных групп, были организованы подпольные мастерские для изготовления взрывчатых и зажигательных устройств. Были уже проведены первые диверсионные акты, сожжено несколько немецких складов и потоплен ряд судов на их пути в Германию.

С начала Великой Отечественной войны Максимов развернул такую активную деятельность, что она обратила на себя внимание не только немцев, но и американской разведки. Последнее мы узнали из сообщения нашего агента "29", сотрудника латиноамеркианского отдела государственного департамента США. Кстати, этот агент регулярно снабжал нас поступавшей в государственный департамент информацией из американских посольств в Южной Америке о деятельности там немецких спецслужб. Вся эта информация проходила через мои руки, и мы без промедления соответственно ориентировали Максимова.

Курируя из центра деятельность разведывательно-диверсионной организации Максимова в 1941-1942 годах, я удивлялся его энергии и неутомимости. В разгар войны в его распоряжении насчитывалось уже до 200 исполнителей-антифашистов, многими из которых он руководил лично.

Латиноамериканский период разведывательной деятельности Максимова явился вторым переломным моментом в его судьбе. Правда, на этот раз преобладали положительные моменты, хотя были и сугубо трагические. Например, когда он терял своих помощников. Один из них был изувечен во время взрыва при изготовлении диверсионной бомбы в самодельной мастерской.

К сожалению, любители газетных сенсаций пишут о Максимове, представляя его как участника убийства Троцкого, пользуясь архивными документами, в которых оказалось и его имя, а о его героической борьбе против гитлеровских захватчиков, стыдливо или, вернее, бесстыдно умалчивают. В Мексике большое количество хорошо организованных боевиков,

среди которых он был только винтиком, к тому же невольным, были мобилизованы Сталиным для мести одному человеку, тогда как в Аргентине фактически в одиночестве он противостоял многим нацистским агентам, брошенным для охраны германских портовых объектов и судов от его смелых действий.

По окончании войны за самоотверженную работу Максимов был награжден прощением за его "дезертирство" в Мексике.

Максимов укрепил свое положение не только в Аргентине, но и во многих других латиноамериканских странах. У него появилось много хороших друзей среди руководителей правительств, с ним охотно встречались президенты республик, он заимел обширные связи среди высших католических деятелей. Последнее и натолкнуло советскую внешнюю разведку на постановку перед этим разведчиком задания о личном ТФП в Ватикан и его разведывательные службы.

Мне довелось снова услышать о деятельности Максимова, когда я в 1949 году перешел на участок нелегальной разведки. Наш американо-английский отдел курировал его работу в Америке и готовил его перемещение в Европу.

Учитывая способности Максимова и его широкие возможности в Латинской Америке, ему было поставлено задание попытаться получить дипломатическое прикрытие при государстве Ватикан. При этом мы далеки были от мысли о высшей дипломатической должности. Но разведчик подготовил нам сюрприз.

В очередном докладе в Центр Максимов сообщил, что назначен полномочным послом одной из латиноамериканских республик и выезжает в Рим для вручения в Ватикане верительных грамот. Это было настоящим чрезвычайным событием, ибо еще никогда в истории внешней разведки ни одному нелегалу не удавалось заполучить такой высокий пост. Только Зорге смог стать неофициальным пресс-атташе германского посольства в Японии. И хотя нельзя сравнивать страны, но посол есть посол. Прежде чем докладывать руководству НКВД, то есть самому Берии, об этом факте, мы запросили Максимова об обстоятельствах его успеха. Он просто ответил, что в свое время оказал услуги одному видному латиноамериканскому эмигранту, а теперь этот эмигрант, вернувшись на Родину и став президентом, с готовностью согласился отплатить за ту прежнюю услугу.

При докладе Берии об успехе Максимова тот, на нашу и разведчика беду, хорошо запомнил это, что привело к третьему, наиболее неприятному своими последствиями переломному периоду в жизни Максимова.

По прибытии в Ватикан Максимов был приятно удивлен, встретив там ряд своих американских знакомых. При их дружелюбном содействии он быстро завел интересные связи в дипломатическом корпусе. Они же ввели его в высшие ватиканские круги, в том числе у него появились первые знакомства среди лиц, имевших отношение к разведывательной службе Ватикана. У Максимова появились реальные возможности приблизиться к цели своего пребывания в католическом центре. Но шел 1952 год, Максимов получил указание Центра

получить аккредитацию послом также и в Югославии. Как оказалось, это не представило каких-либо трудностей для разведчика.

На очередной встрече с ним ему по указанию Берии поручили тщательно изучить окружение Тито и обстановку около президента во время различных приемов.

Это последнее поручение, исходившее от самого министра, страшно насторожило нас. Имею в виду как себя, так особенно и Максимова. Он почувствовал неблагоприятное направление, которое приобретает его "югославская миссия". Но мне временно пришлось расстаться с Максимовым. Он вновь был изъят из моего ведома, так же, как и его досье, которые забрал себе мой начальник А. Коротков. При этом он кратко бросил: "По указанию Берии".

Последняя телефамма, которую я посылал в Вену, содержала указание нашему представителю в венской резидентуре вызвать на встречу Максимова и передать ему задание, которое было зашифровано его личным шифром, поэтому о содержании этого поручения я смог узнать только по возвращении разведчика от него самого, причем уже после разоблачения Берии.

Как рассказывал мне сугубо доверительно Максимов, в телеграмме ему задавался вопрос, показавшийся ему смертельно опасным: может ли он, судя по обстановке вокруг Тито, выполнить важное, но и опасное поручение. Имея мексиканский опыт, Максимову не составило труда домыслить, о каком опасном поручении могла идти речь. Одновременно тот же прошлый опыт подсказал ему, что отказ от такого задания для него мог означать только одно - конец не только его разведывательной карьеры, но и жизни.

Поэтому он мобилизовал все свое красноречие, чтобы привести убедительные доводы не в пользу, а в опровержение такой возможности, ссылаясь на якобы отсутствие у него условий для выполнения задания. В результате получения от него такого явно уклончивого ответа через пару недель последовал приказ Короткова дать телеграмму Максимову о срочном выезде домой, без какой-либо подготовки его загадочного исчезновения сразу из двух дипкорпусов - ватиканского и югославского. Короче, бросить все, забрать жену и ребенка и быть в самое кратчайшее время в Центре.

Читатель легко может представить себе, в каком положении оказался разведчик. Но дисциплина прежде всего.

Хотя я пытался убедить Короткова в том, что так мы теряем блестящего, одного из наших лучших разведчиков, не говоря уже о не менее блестящем прикрытии для ведения разведки против Ватикана, он отрезал: "Приказ самого Берии".

Когда вскоре у нас появился крайне удрученный случившимся Максимов, он был без промедления направлен к Короткову. У них состоялась длительная беседа с глазу на глаз. Из ее содержания Максимов, как он строго конфиденциально сообщил мне, понял, что устанавливался факт, насколько Максимов мог понять характер готовившегося для него

задания. Почувствовав в этом главную опасность, он сделал все, чтобы убедить Короткова, что даже не размышлял над этой проблемой, ожидая какого-то разведывательного поручения. Причиной его отказа были состояние здоровья его самого, жены и ребенка.

Как позже мне стало известно со слов Короткова, уже после казни Берии, последним ему было приказано выяснить, не понял ли Максимов, что речь могла идти о каком-то акте, направленном против жизни Тито. Коротков, в свою очередь, доложил о результате беседы с Максимовым так, чтобы снять с последнего подозрения. В итоге Берия приказал немедленно уволить Максимова со службы в разведке.

Так печально закончился третий переломный момент в судьбе одного из уникальных наших разведчиков. Но Максимов не сдался. Он проявил необыкновенную волю и смог в новых, незнакомых условиях нашей гражданской действительности пробить себе дорогу в научных кругах. Действуя совершенно самостоятельно, без какой-либо помощи со стороны КГБ, он весьма продуктивно использовал запас своих знаний латиноамериканских проблем и католицизма, выдвинулся в сложной научной среде, добился докторской степени, а затем и приема в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Своей деятельностью он оставил глубокий след в истории советской внешней разведки. Максимов доказал возможность агентурного ТФП даже в такой чрезвычайно закрытый объект, как Ватикан и его разведслужбы. И не его вина, что эта операция не была успешно завершена.

И вот уже после того, как Максимов ушел из жизни, появился ревнитель справедливости, стремящийся разоблачить образ Сталина, которого он сам в прошлом, взбираясь по научной лестнице, не раз украшал в своих трудах званием великого полководца. Не гнушаясь стремлением заодно опорочить других, не в пример ему невольных исполнителей злой воли вождя, он вытаскивает из партийных архивов документы и сразу же публикует очередное сенсационное открытие, при этом даже не делая попыток справиться, все ли он правильно понимает в разысканном им документе (Волкогонов Д. Несостоявшееся покушение. Известия, N 100. 1993, 11 июня).

Ведь так, на основе скупых записей в архивных бумагах, можно ненароком опорочить доброе имя невинных людей. Но нет. Раз в рапорте из КГБ на имя Сталина упоминается фамилия Максимова, он считает, что вышеупомянутый, причем под настоящей фамилией - Григулевич И. Р., сам такой же негодяй, как Сталин. А ведь Максимов-Григулевич ничего не знал и не мог знать, о чем пишется в рапорте. Если же знал бы, то, наверное, давно бы не жил и никогда не смог бы стать членом-корреспондентом Академии наук, ибо был бы уничтожен, как опасный свидетель бериевских интриг и мрачных замыслов.

Спрашивается, почему такой числящийся маститым ученый мог так легко отнестись к использованию архивных материалов? Что он, зарабатывал в новых условиях новую репутацию у новых руководителей?

Был бы жив Максимов, он подал бы на автора публикации в суд за оскорбление его личности.

Нет. Григулевич И. Р. ценой большого риска для жизни не позволил замарать свое имя возможным соучастием в новом преступлении Берии. И это у меня вызывает еще большее уважение к разведчику-профессионалу высшей пробы Максимову.

ТФП АГЕНТУРЫ В НАТО

После того как наша первая попытка в операции "Сирена" "похозяйничать" в американском посольстве завершилась успешно, я стал нацеливать резидентуру на поиски возможностей проведения операции ТФП в другие дипломатические представительства в Австрии.

Пока же наше основное внимание сосредоточивалось на агентурных мероприятиях, подборе и подготовке агентов для внедрения в интересовавшие нас объекты в ФРГ. Все больше внимания внешней разведки направлялось также на НАТО, задачи по агентурному ТФП в эту организацию все настойчивее ставились Центром перед нашей резидентурой. Учитывая, что Западная Германия, являвшаяся для венской резидентуры основным направлением разведывательной деятельности, играла все большую роль в НАТО, создавались реальные возможности решить и эту задачу.

В этой работе нами учитывался небезуспешный опыт советской внешней разведки и союзных разведок стран-участниц Варшавского Договора, и среди них наиболее успешно действовавшей разведки ГДР. Для читателей интересно познакомиться с некоторыми примерами, которые получили известность на Западе.

Для того чтобы у читателя не создавалось ложного впечатления, что я отдаю предпочтение ТФП в их безагентурном варианте и считаю их чуть ли не главной формой или видом разведывательной деятельности, хочу подчеркнуть, что самым универсальным видом решения разведывательных задач, безусловно, является агентурная работа, агентурное проникновение в интересующие разведку объекты.

Классический же вид ТФП без участия агентуры имеет не только свои важные преимущества, но и большие сложности. В текущей практике любой спецслужбы, так же, как и внешней разведки, повседневная деятельность сосредоточивается на агентурном проникновении в любого вида объекты. Даже такая выдающаяся операция ТФП, как "Карфаген", оказалась возможной благодаря использованию агента. И даже таких смешанного вида ТФП у нашей внешней разведки было немного, а агентурных проникновений большого калибра и исключительного успеха только на моей памяти было несколько десятков.

Значение НАТО как центра сосредоточения замыслов наших западных противников периода "холодной войны" подчеркивать, очевидно, не требуется. Это определяло и самые жесткие меры безопасности, принимавшиеся западными спецслужбами для защиты секретов НАТО, разрабатывавшихся там военных и политических планов, направленных против ОВД.

Оговорюсь, что разведка по НАТО не входила в мою компетенцию в период нахождения на посту заместителя начальника ПГУ, но явилась объектом первостепенного разведывательного интереса венской резидентуры, когда я руководил ею в 60-е годы. Однако из того, что делалось

по этому объекту во внешней разведке, многое мне было известно. В этой области были впечатляющие примеры успешных операций. Среди них наиболее характерными явились упомянутое мною внедрение парижской резидентурой агентов Жоржа Пака, Х. Д. Хамблетона, а также ряда агентов разведок ГДР, Чехословакии и других стран Восточной Европы.

Сотрудничество Ж. Пака с внешней разведкой началось еще в период второй мировой войны. Он был завербован в 1943 году, когда являлся сотрудником военной администрации де Голля. В основе его сотрудничества с внешней разведкой лежали не идеологические и не материальные интересы, а тщеславное желание агента играть заметную роль в мировых событиях.

Под руководством советских разведчиков, используя близость к де Голлю, Пак быстро продвигался по служебной лестнице, работая в аппаратах министров послевоенной Франции, являлся советником и директором правительственных кабинетов.

С возвращением к руководству страной де Голля в 1958 году Пак получил пост в Генштабе Франции, в 1962 году по рекомендации нашей разведки перешел в НАТО и стал передавать важнейшую разведывательную информацию. От него пошел поток главным образом военных материалов особой важности: планы НАТО в отношении СССР и стран социалистического содружества оборонного и политического характера, концепции войны, замыслы по Западному Берлину, материалы западных спецслужб, мобилизационные планы НАТО по Западной Европе и другие.

Когда в 1963 году Пак был арестован в результате предательства Голицына, западные спецслужбы назвали его "самым крупным советским шпионом, когда-либо разоблаченным во Франции" (Вольтон Т. КГБ во Франции. М.: Прогресс, 1993, с. 212).

При описании операции "Карфаген" я упоминал о совпадении по времени ее осуществления с наиболее интенсивным периодом работы парижской резидентуры с агентом Паком. Именно тогда, в 1963 году, двадцатилетнее сотрудничество Пака с советской внешней разведкой достигло своего апогея, он снабжал ее огромным количеством ценных разведывательных материалов из этой весьма агрессивной в отношении нашего государства в разгар "холодной войны" организации Запада.

Конечно же, информация Пака по НАТО не могла сравниться с той, что добывалась в результате операции "Карфаген" как по военным проблемам, так и по НАТО.

Однако здесь уместно отметить, что ценность материалов из американского диспетчерского центра при всей их исключительной важности, в свою очередь, не могла сравниться с разведывательной информацией, которую предоставлял по аналогичным проблемам живой человек, агент Пак, сопровождая материалы своими сообщениями, комментариями и оценками.

Ведь в изложенных документах и планах, замыслах их авторов еще не вскрывалось то, как эти намерения реализуются, как к ним относились европейские военные и политические союзники США, какие возникали при этом коллизии, особые мнения, возражения и прочее. То

есть человеческий фактор в разведывательной деятельности является важным, и никакие "мертвые" материалы в виде документов, планов, переписки еще не являются достаточными для вскрытия всей глубины их содержания и знания реальности претворения их в жизнь главными участниками излагаемых событий.

Так, в период берлинского кризиса 1961 года именно Жорж Пак передал советской внешней разведке план западных властей на случай обострения обстановки вокруг Берлина. Из переданных Паком материалов была ясна та граница действий советских и гэдээровских властей, включая возведение Берлинской стены, до которой Запад не будет готов пойти на обострение.

Из этого следует, что такая комплексная разведка, которую вела парижская резидентура по НАТО, была максимально эффективной и исчерпывающе достоверной.

Хотя Пак к концу 1963 года прекратил свою работу, у нас оставались иные агентурные возможности, как у самой парижской резидентуры, так и других резидентур советской внешней разведки и разведок союзных государств, в первую очередь, гэдээровской разведки, чехословацкой и других.

Добавлю, что начало работы в НАТО Ж. Пака в 1962 году явилось как бы продолжением не менее эффективной работы по этой организации другого агента внешней разведки Хью Дж. Хэмбелтона, проникновение которого в НАТО было успешно осуществлено в 1956 году и продолжалось целых пять лет по 1961 год включительно.

Хэмбелтон был завербован в начале 50-х годов, под руководством парижской резидентуры он завершил свое образование, защитил докторскую диссертацию по экономике в Париже и смог внедриться в НАТО. Поступив туда на работу и руководствуясь указаниями разведчиков, он уже через полгода получил доступ к секретным материалам НАТО и начал поставлять большое количество важной разведывательной информации. Передав в общей сложности за пять лет более тысячи документов первейшей важности, он ознакомил советскую внешнюю разведку с важнейшими секретами НАТО в тот период острой "холодной войны".

Немаловажным моментом повышения ценности разведывательной информации, добытой через Хэмбелтона, было то, что о его сотрудничестве с внешней разведкой узнали на Западе только спустя 18 лет после его ухода из НАТО, когда в 1979 году он был арестован англичанами. Поэтому, естественно, для западных спецслужб все это время было неизвестно, что конкретно из секретов НАТО оказалось в распоряжении советского правительства.

Невозможным оказалось для Запада точно установить это и после ареста агента, даже с его помощью, из-за давности лет. Ущерб для себя Запад смог оценить только в общей форме. Так что в этом отношении агентурная операция ТФП Хэмбелтона в НАТО оказалась равноценной безагентурной.

Интенсивность работы Хэмбелтона по передаче парижской резидентуре материалов НАТО видна на том, что, как сейчас стало известно англичанам от самого агента, для ускорения

обработки и возвращения передававшихся агентом материалов, парижская резидентура организовала передвижную, на автомашине, фотолабораторию, которая подъезжала поближе к месту работы Хэмбелтона. В ней разведчик, можно сказать, "на месте" снимал фотокопии с объемистых документов и быстро возвращал их агенту для скорейшего водворения на место их хранения, сокращая возможность случайного обнаружения их отсутствия.

Союзнические нам разведки также интенсивно работали по агентурному ТФП в НАТО. В этом направлении им удавалось достигать успехов, в результате увеличились информационные возможности и у нашей внешней разведки, осуществлявшей с ними взаимный обмен разведывательными материалами.

Наибольшего успеха в этой области добилась разведывательная служба ГДР.

Помню, как в западногерманской прессе в 1980 году сообщалось о так называемой "агентуре любви", об агентах-секретаршах, работавших в различных западноевропейских учреждениях, завербованных восточногерманскими вербовщиками в результате любовной связи.

Так, например, в феврале 1979 года в Бонне была арестована Ингрид Гарбе, секретарь политического советника западногерманской делегации в НАТО, как агент разведки ГДР. Это вызвало большое волнение и опасения в Бонне, тем более что за три недели до этого другая немка, Урсула Лоренцен, помощник директора по операциям Совета НАТО, агент разведки ГДР под псевдонимом "Мозель", убежала из Брюсселя в Восточный Берлин, увезя с собой большое количество сверхсекретных документов. Этому "любовному" направлению деятельности разведки ГДР я уделю отдельный раздел в дальнейшем.

Уже после того как ГДР перестала существовать в качестве самостоятельного государства в 1990 году, появилось много других сообщений об успешном проникновении агентов ГДР в важные учреждения и центры Запада. В том числе упоминался агент Топаз - Рейнер Рупп - и его жена-англичанка Кристин-Анн под псевдонимом Тюркис, арестованные в Брюсселе 31 июля 1993 года.

Топаз и Тюркис оба совершили успешную операцию ТФП в НАТО. Топаз, начав работать в экономическом отделе политического департамента НАТО, стал регулярно поставлять сверхсекретную и суперценную разведывательную информацию. В свою очередь, Тюркис работала в Комитете военного планирования НАТО. Добываемая супругами информация сверялась и перепроверялась на семейном совете и затем направлялась в ГДР. Кроме того, Тюркис работала затем в отделе по проверке благонадежности сотрудников НАТО, что использовалось спецслужбами ГДР для обеспечения безопасности других агентов восточных разведок, проникавших в НАТО.

ТФП в НАТО этого семейного дуэта было большим успехом разведки ГДР и существенно дополняло информационные возможности по НАТО нашей внешней разведки.

За 12 лет активной разведывательной работы, с 1977 по 1989 год, эта супружеская пара "кротов" ГДР в НАТО переправила в Центр десять тысяч совершенно секретных документов по вопросам экономического, политического и военного характера. Интересно отметить успешную последовательность работы агентов ГДР в НАТО: до 1979 г. в течение десяти лет там действовала агент Мозель; сразу после нее включились в полноценную информационную работу Топаз и Тюркис. Причем как Мозель, так и Топаз, по оценке БНД, были блестящими примерами успешного ТФП разведки ГДР в НАТО, нанесшего огромный ущерб безопасности этой организации.

В 1994 году Топаз был приговорен к 12 годам тюремного заключения, а Тюркис к 22 месяцам тюрьмы условно (Ланский В. Агента "Штази" по кличке "Топаз" помогло раскрыть ЦРУ. Известия. 1993, 4 и 21 августа).

Эти примеры рождали у меня "добрую зависть", профессиональное желание и здесь, в Вене, найти возможность организовать ТФП, достойное подражания.

Бродя по венским улицам, я порою проходил мимо знакомых мне по адресному справочнику зданий иностранных дипломатических представительств, невольно прикидывая в уме, как можно было бы осуществить ТФП в одно из них.

Может быть, под влиянием слов нашего замечательного поэта Ф. Тютчева: "Есть некий час, в ночи, всемирного молчания" - мне нравилось рассматривать город в ночную пору, когда с улиц исчезала вечная дневная суета, прекращалось шумное движение транспорта. В такие часы "всемирного молчания" здания как бы выступали во весь свой рост и можно было без помех и не спеша рассмотреть их во всех подробностях. Многие архитектурные детали выступали на казавшихся днем гладкими и серыми стенах, задерживали на себе изумленный взор. Многие из них, особенно старинной постройки, являли собой какое-то спокойное достоинство, подчеркивая незыблемость своих крепко вросших в землю фундаментов, свое презрение к нашей человеческой суетливости.

Я неизменно любил проходить мимо Карлскирхе, расположенного недалеко от посольства, любуясь на вычурный силуэт этого собора на фоне темного неба. Перед его горделиво вознесшимся куполом, как бдительные часовые, возвышаются две монументальные колонны, почти у подножья которых красуется украшенный рядом малых колонн главный портал.

Эти две колоннады, обвитые винтообразно поднимающимися от основания к вершинам полосами, живо напоминал мне Рим. Там, стоя среди древних руин, я с немым восхищением разглядывал великолепную троянскую колонну-памятник, вокруг корпуса которого также винтообразно устремлялась вверх нескончаемая панорама с изображениями событий римской истории.

Да и купол Карлскирхе напоминал мне собор Святого Петра в Ватикане. Глядя на этот собор, я вспоминал древнейшие памятники римской архитектуры, на которые я не уставал смотреть, думая о судьбе тех римских цезарей и императоров, которые пару тысячелетий тому

назад жили среди дворцов, от которых теперь остались лишь руины. А величественное творение безымянных мастеров - римских рабов - продолжает возвышаться над руинами.

Так же и в Вене, правители бывшей Австро-Венгерской империи оставили память о своей эпохе. И хотя их памятники не столь исторически значимы, как римские, но они не безымянны, и человечество сохраняет имена их творцов.

Восхищаясь собором Святого Стефания, куда мы заглядывали с женой послушать органную музыку, наблюдая в вечернее время очертания собора Святого Фотия, освещенные прожекторами, их остроконечные шпили на фоне ночного неба, мы часто размышляли об авторах этих творений, выражавших в них не только идеи церковных заказчиков, но и свои собственные думы и замыслы.

Думалось мне в эти моменты и об участниках, а подчас и авторах событий прошлого, попавших во всемирную историю. Дела их казались мне более значимыми, а события куда более величественными, чем наша современная действительность.

Мое сегодняшнее стремление добывать чужие секреты, также являющиеся порождением сегодняшнего дня, казалось никчемным, малозначимым элементом общей истории, о котором не принято петь гимны. Вот и тогда, в прошлом, и в Римской, и в Австро-Венгерской империях была разведка, которая порою совершала чудеса, выполняя задачи, поставленные ее хозяевами. А как мало мы знаем об этом!

Но разве так уж незначительна в жизни народов и для их истории роль разведки? Добывать правдивую информацию о текущих и грядущих событиях, помогать своему государству крепить оборону, вскрывая враждебные замыслы, опасные для блага твоего народа, - разве не является это активным участием в историческом процессе, достойным народной памяти?

Пусть об этом не сохранится конкретной памяти, зафиксированного историей следа, но общество должно знать, что в фундамент, на котором будет и далее развиваться мир, закладывается и наш кирпичик.

Облик ночной Вены, молчаливые камни зданий, которые излучают из своих затвердевших форм немеркнущие мысли прошлого, вливали в меня еще большую решимость преуспеть в намеченных планах и операциях.

Одна из таких операций зрела в моей голове и была нацелена на один мало заметный особняк, построенный еще в прошлом столетии, в царствование Марии-Терезии. Вернее. не на сам особняк, а на те тайны, которые в нем скрывались.

ОПЕРАЦИЯ "ОЛИМП"

Вскоре после вступления в должность руководителя венской резидентуры советской внешней разведки очередной почтой я получил только "для личного сведения" резидента ориентировку о том, каких государств шифрдокументы требовались для нашей

криптографической службы. Документ был кратким, в нем в порядке важности перечислены капиталистические страны. При этом предлагалось в дальнейшем всю шифрованную переписку по теме шифров вести без упоминания национальной принадлежности, указывая только номера в соответствии с указанным перечнем.

Зная, какое первостепенное значение во внешней разведке придавалось добыче иностранных шифрдокументов и информации об используемых западными государствами криптографических аппаратах и электронном оборудовании, я наметил рабочий план предварительных мероприятий по изучению венского дипломатического корпуса. В нем намечалось тщательно изучить те иностранные объекты, посольства, консульства и торговые представительства, которые относились к государствам, указанным в ориентировке Центра.

При этом, зная об операции "Карфаген", а также имея опыт операции "Сирена", я наметил изучение возможности ТФП в любом из вариантов: классическом и без участия агентов; смешанной операции с изъятием документов при помощи агентуры, по типу операции "Карфаген"; и, наконец, ТФП в хранилища шифров только через агентуру.

В указанных целях, исходя из требования максимальной конспирации, пока не привлекая других разведчиков, я лично просмотрел весь агентурный и оперативный аппарат резидентуры. Выяснил, что имевшийся у нас надежный агент Эн, работавший в австрийской госполиции, имел естественный доступ к служебным архивам, относившимся к иностранным объектам. Через него представлялась возможность собрать подробную информацию об интересовавших резидентуру в указанном плане иностранных посольствах.

В целях зашифровки перед агентом нашего конкретного интереса, через разведчика, руководившего агентом Эн, было поручено собрать все возможные сведения об обстановке вокруг двух десятков иностранных дипломатических представительств, включая и те шесть-восемь, фигурировавших в указаниях Центра.

Через ряд других агентов, вращавшихся в дипломатических кругах или работавших на технических, подсобных должностях в отдельных посольствах, таких, как наш агент Амур, участвовавший в операции "Сирена", резидентура приступила к изучению работы интересовавших нас представительств. При этом уделялось внимание тому, как ведут себя главы этих учреждений в выходные и праздничные дни, кто в нерабочее время остается в служебных помещениях, когда послы и другие ответственные дипломаты выезжают на более или менее длительное время из страны, например, в отпуска.

Одновременно ряду разведчиков, в первую очередь, имевших опыт наружного наблюдения, я поручил провести наблюдение за зданиями интересовавших меня посольств, установить обстановку в их ближайшем географическом окружении, посты полицейских, режим дорожного движения и прочее.

В результате такого подготовительного изучения я смог отобрать три объекта, значившиеся в ориентировке под номерами 2, 4 и 5, которые представлялись наиболее оптимальными с точки зрения возможности осуществления операции ТФП первого или второго вида.

Одновременно резидентура работала по подбору кандидатов для возможного агентурного ТФП в указанные объекты по третьему варианту.

Понимая все особые трудности ТФП без какого-либо участия агентуры, в центр была направлена просьба выяснить через другие резидентуры внешней разведки, в первую очередь в странах, обозначенных номерами 2, 4 и 5, о том, нет ли у них агентурных возможностей в МИД этих стран для получения интересовавших нас сведений о кадрах, работавших в Австрии в их представительствах. Нас интересовали возможные наводки на кого-либо в объектах 2, 4 и 5, об оценке послов, руководителей секретно-шифровальных отделов посольств (СШО) и т. д.

Совершенно неожиданно из Центра поступило сообщение, что резидентура внешней разведки в стране N 2 имеет проверенного агента - технического сотрудника министерства иностранных дел Гермеса. Агент однажды сообщал резидентуре, что его уговаривали выехать на работу техническим работником в какое-нибудь посольство. Гермес по специальности электротехник и освоил электронное оборудование дипломатических представительств, в том числе и используемые ими сигнальные и защитные устройства.

Естественно, мы доложили Центру, что посольство N 2 по проведенной нами проверке может явиться объектом нашего ТФП. Поэтому настоятельно просили поручить резидентуре в стране N 2 принять меры к тому, чтобы Гермес постарался выехать в Австрию.

Мы продолжили поиск подходящих кандидатов для привлечения к участию в ТФП. А через несколько месяцев на столе у меня появилась телеграмма из Центра, зашифрованная личным шифром резидента. Через полчаса я читал: "Гермес направляется МИД N 2 в Австрию. Условия связи с ним высылаем почтой. Продолжайте тщательное изучение объекта N 2 с известной вам целью. Шеф".

Лучшего сообщения из Центра я давно не получал. Начинался напряженный процесс подготовки и затем осуществления ТФП в посольство N 2, которое мы будем именовать "Олимпом". Со сложностями этого процесса я познакомился на операции ТФП "Карфаген". Операция "Олимп" оказалась для меня первой проверкой на практике накопленного до этого теоретического опыта в этой захватывающей области разведывательной деятельности. Предстояло держать сложный экзамен.

Агент Гермес, как показало его участие в операции "Олимп", не зря носил этот псевдоним. Его ловкость, сообразительность и способности были под стать его греческому мифическому предшественнику.

По ориентировке Центра Гермес был проверенным в сложных заданиях агентом. Резидентура N 2 прочила продвинуть его на дипломатическую должность. Шансы такого продвижения Гермеса были довольно реальными благодаря тому, что он являлся родственником одного из руководителей ведомства иностранных дел, протекцией которого агент как раз и воспользовался для получения назначения в посольство в Австрии. Это обстоятельство было нами использовано в интересах ускорения операции ТФП.

Гермес имел высшее техническое образование, но тяготел к дипломатии. Был холост, так как не желал осложнять семейными заботами свое положение до получения перспективной службы.

Учитывая сложность руководства агентом в процессе подготовки и осуществления операции "Олимп", я решил поручить эту задачу одному из наиболее опытных разведчиков контрразведывательного направления в резидентуре Петру. Предупредил Петра, что он должен решать все вопросы работы с Гермесом только лично со мной и делать это максимально самостоятельно, без привлечения других сотрудников резидентуры. Петр стал готовиться к установлению связи с Гермесом.

Для того чтобы Петр понимал важность работы с Гермесом и ответственно подходил к обеспечению безопасности встреч с этим агентом, я раскрыл ему замысел проведения с помощью Гермеса операции ТФП с целью изъятия шифров из "Олимпа". При этом указал ему на два возможных варианта: первый, после тщательного изучения обстановки внутри "Олимпа" и получения максимально достоверных сведений о системе охраны СШО посольства помочь физическому проникновению туда нашим спецагентам с тем, чтобы произвести вскрытие сейфов и копирование содержащихся там шифрдокументов; второй, произвести все эти операции с помощью Гермеса, тщательно инструктируя его, то есть примерно по схеме использования агента в операции "Карфаген".

Второй вариант, естественно, был для нас предпочтительнее, но значительно сложнее, так как совершенно неизвестным оставалось, сможет ли Гермес приблизиться к СШО, причем настолько близко, чтобы изучить действующие там охранные и защитные преграды, начиная с системы сигнализации, замков и запоров на входных дверях и кончая системой сейфов, в которых хранятся шифры.

Окончательное решение, какой вариант станет для нас рабочим, мы оставляли до знакомства с Гермесом, а через него - с внутрипосольской обстановкой в "Олимпе".

Место встречи с Гермесом было сообщено нами ранее в Центр вместе с условиями явки, поэтому Петр смог заранее разработать маршрут выхода на встречу, включающий особые меры безопасности, перепроверки на предмет выявления возможного наружного наблюдения со стороны противника.

По условиям встречи Гермес через месяц после приезда в Австрию должен был начать появляться в обусловленном пункте каждую вторую субботу месяца. По нашим расчетам, первая встреча с ним Петра должна состояться в начале мая, но агента на встрече не оказалось. Тот же результат ожидал нас в июне. Петр стал беспокоиться и предложил осторожно проверить в госполиции через агента Эн факт приезда Гермеса в страну. Однако я решил воздержаться, чтобы не подвергать опасности расшифровки наш интерес к агенту и к "Олимпу" даже перед таким проверенным агентом, как Эн. Решение оказалось правильным, Гермес вышел на встречу в июле, и наша работа с ним началась в форсированном темпе.

К этому времени мы уже обстоятельно разобрались во внешнем облике "Олимпа". В общих чертах это было трехэтажное здание старинной постройки не без претензий на архитектурное мастерство. К "Олимпу" примыкал тенистый сад, доступ в который мимо въездных ворот перед парадным подъездом "Олимпа" был довольно простым. Через невысокую металлическую ограду с боковой улочки можно было под покровом ночи без особых трудностей оказаться в саду, в тени старинных ветвистых каштанов, создающих плотную тень.

Основной подъезд выходил на довольно оживленную улицу, рядом находился постоянный полицейский пост. Помимо главного, парадного входа, в здании имелась одна дверь, постоянно запертая и не освещенная в ночное время. По нашему предположению, это был запасной выход. Рядом с дверью на уровне второго этажа имелось небольшое окно, постоянно занавешенное изнутри шторой. Заметить, была ли там решетка, снаружи не удалось. Все окна первого этажа имели прочные с виду металлические решетки. На окнах второго и третьего этажей их не было видно, однако наличие решеток не исключалось, особенно если где-то там размещалось СШО.

Уже на первой встрече Гермес обрадовал нас сообщением, что в "Олимпе" он встретил знакомого шифровальщика, который знал о его родстве с шефом в МИДе на родине и встретил его приветливо. Это счастливое для нас обстоятельство создавало реальные предпосылки приближения агента к помещению СШО. "Гермес информировал, что, как он и ожидал, ему поручили обеспечивать все электронное хозяйство "Олимпа", включая охранную сигнализацию, освещение, работу телетайпа и телевизоров. Кроме того, советник посла предупредил его, что он будет пару раз в месяц дежурить в СШО в дневное время, во время отсутствия там шифровальщика.

Поскольку в дальнейшем развитии операции ТФП шифровальщик будет часто фигурировать в моем рассказе, назовем его для удобства Бахусом, чтобы он органично вписывался в обитель мифических богов и посла - Зевсом, как хозяина Олимпа.

Гермес проинформировал Петра, что в "Олимпе" на третьем этаже постоянно проживает только посол. Дежурство возле парадного входа в дневное время постоянно несет специальный швейцар-охранник. После его ухода включается сигнализация, за включение и выключение которой отвечает дежурный вахтер, который постоянно находится в небольшом помещении вблизи главного входа в здание. Действующая охранная сигнализация СШО, а также на всех окнах первого и второго этажей находится под его контролем. Включать и выключать ее в СШО имеет право только Бахус.

Имеющийся в "Олимпе" выход в сад постоянно закрыт изнутри на засов со специальным замком, ключ от которого хранится в СШО у Бахуса.

Петр поручил Гермесу составить детальный план "Олимпа" с указанием всех мест размещения его сотрудников, наиболее подробно описать СШО и расположение там предметов мебели, сейфов, наличие каких-либо аппаратов (шифрмашин, телетайпа, телефонов), схему охранной сигнализации.

Агенту было поручено идти на максимальное сближение с Бахусом, выяснить режим его работы, поведение вне службы, увлечения и хобби, слабости характера.

Некоторое время спустя Гермес уже мог доложить, что он близко сошелся с Бахусом, которого привлекала возможность пользоваться автомашиной Гермеса, на которой агент прибыл в Австрию. Гермес установил, что Бахус любит итальянское вино, охотно принимает приглашения агента на чашку кофе с рюмкой вина и вообще делится с ним своими интересами и проблемами. Так, он жаловался, что, являясь единственным шифровальщиком, лишен возможности воспользоваться отпуском даже во время отсутствия посла. При этом сообщил, что посол все праздники проводит в Швейцарии, где у него есть хорошие друзья. Там он иногда проводит до двух недель.

Сообщая эти сведения, Гермес отметил, что было бы целесообразно попробовать подсказать Бахусу, что он - Гермес - в свое время на специальных курсах знакомился с техникой шифрования и даже имел предложение стать кадровым шифровальщиком, но отказался. Он мог бы под руководством Бахуса быстро освоить шифровальное дело, чтобы на короткое время, пока не будет посла, подменить Бахуса и дать ему возможность передохнуть после тяжелой работы.

"Петр одобрил идею агента, добавив, что можно предложить Бахусу воспользоваться во время отпуска его машиной, если Бахус согласится съездить на ней в Италию, и привезти "беспошлинно", как дипломат, вина себе и для Гермеса. Агент подтвердил, что он убежден в согласии Бахуса на такую сделку.

Одобрив действия Петра, я предложил ему готовить в случае положительной реакции Бахуса и посла осуществление ТФП по второму варианту.

В течение сентября-октября наш план получил определенные очертания. Агент преуспел в укреплении своих отношений с Бахусом. К концу октября в ответ на предложение Бахуса посол "Олимпа" направил в свою столицу запрос на согласие временно использовать Гермеса в качестве шифровальщика по совместительству, то есть без дополнительных расходов МИДа. Согласие было получено без задержки, чему способствовало письмо Гермеса своему родственнику с просьбой помочь ему хоть немного приобщиться таким образом к "дипломатической" деятельности.

В течение первой половины ноября Гермес не только успешно освоил уроки, данные ему Бахусом, но под его наблюдением самостоятельно зашифровал и расшифровал ряд телеграмм посла, присовокупив к своим обычным сообщениям и их содержание, которое оказалось интересным в информативном плане.

Теперь Гермес уже смог описать подробно содержимое сейфов Бахуса, их замков, сообщил, что и где хранится. Бахус показал ему и содержимое второго сейфа, где находились резервные шифрдокументы и новые шифрключи к ним в специальных упаковках. Гермес подробно описал, как выглядели эти упаковки.

На одной из ноябрьских встреч Гермес передал фотографии внешнего и внутреннего вида первого сейфа, которые он сделал во время "тренировочного" сеанса работы, отпустив Бахуса выпить кофе и вина в ближайшее кафе.

Теперь мы имели все необходимое, чтобы с помощью агента наши специалисты смогли беспрепятственно войти в "Олимп" во время ночного дежурства Гермеса. В Центр были направлены материалы для изготовления ключа к замку на засове двери запасного выхода, образцы упаковок резервных шифров, секреты электронных замков сейфов. Когда Бахус под давлением Гермеса попросил посла о недельном отпуске, приуроченном к отъезду посла из страны, то получил согласие при условии, что в его отсутствие Гермес обеспечит все необходимые шифровальные работы; разрешил посол и кратковременную поездку Бахуса в Италию.

Так мы узнали дату отъезда посла-последняя декада декабря-и на этот период запросили прислать в Австрию двух специалистов по вскрытию и закрытию специальных упаковок с шифрдокументами.

Приближался день, вернее, ночь "Х", по завершении которой мы могли либо быть со щитом, либо на щите... Мы с Петром разработали до мельчайших подробностей план доставки специалистов через сад, их проникновение через запасной вход в "Олимп" и в СШО, где Гермес должен предоставить в их распоряжение все имеющиеся в СШО документы и секреты. Но мы имели в виду не только одну операцию ТФП в "Олимп", а обеспечение такой возможности на будущее, когда в "Олимпе" уже не будет работать наш агент Гермес. То есть проведение операции ТФП без участия агента.

В этих целях специалисты из Центра должны ознакомиться с системой охранной сигнализации и предусмотреть возможность ее отключения без помощи Гермеса. Надлежало им исследовать и небольшое зашторенное окно на первом этаже вблизи СШО с точки зрения использования его для проникновения в "Олимп" с целью открытия имеющимся ключом запасного входа.

В дни, предшествующие операции, я часто прогуливался с женой по улицам ночной Вены и лично издалека осмотрел "Олимп". Невольно мне показалось, что наш "Олимп" также неприступен для простых смертных, как и греческий. Но ведь и мы, думал я, не простые смертные, и нам положено дерзать не менее, чем греческим богам. Вот только о наших, нет, не подвигах, а деяниях едва ли кто когда-либо узнает. На этом в то давнее время я и остановил свои размышления, которые сейчас уже можно продолжить. И совсем по-другому.

Много тайных дел советской внешней разведки сегодня преданы гласности. Одни из них, постыдные, такие, как террористические акты, о которых недавно отважился громогласно заявить бывший исполнитель грязных замыслов Берии Судоплатов П. А. Исполнителями других - безусловно, великих

- были беззаветно служившие интересам Отечества разведчики-нелегалы Абель, Бен и многие другие, чьи имена с гордостью ныне произносим. Вот мне и подумалось, что наша операция ТФП в "Олимп" тоже создавалась и осуществлялась во имя укрепления оборонной

мощи Родины в ее противостоянии с противником в "холодной войне", во имя разоблачения антисоветской деятельности, к которой причастен был и "Олимп". Ведь даже еще не читая шифртелеграмм, исходящих из "Олимпа", мы знали многое об активной подрывной деятельности государства, которое представлял "Олимп", против нашей страны и всего социалистического содружества.

Когда же наше правительство узнало, благодаря добытым нами шифрам, о сокровенных секретах "Олимпа" и его конкретных делах и делишках в Австрии и с ее территории против стран Восточной Европы, ему стало легче противопоставить этим враждебным деяниям свои внешнеполитические акции. В этом и состоял наш служебный и патриотический долг перед Отечеством, это и помогало нам выдерживать немыслимое нервное напряжение, ведь любая случайность, не поддающаяся никакому учету, могла сорвать все наши усилия. Либо еще хуже, взорваться бурным дипломатическим скандалом, последствия которого для всех нас легко было предвидеть.

На последней перед операцией встрече Гермес сообщил, что Бахус с необыкновенной готовностью согласился на поездку в Италию за вином для Гермеса и перед отъездом подробно рассказал о содержимом обоих сейфов. Показал тщательно опечатанную упаковку с секретом замка от второго сейфа с резервными шифрдокументами, подчеркнув, что вскрывать эту упаковку он может только с разрешения посла или советника "Олимпа", показал, где хранится ключ от закрытого выхода в сад. Дал ряд советов, как Гермесу следует вести себя с советником, который проявляет излишнюю подозрительность.

С Гермесом был согласован график действий его и наших специалистов, точное время отключения сигнализации, открытия резервного выхода в сад и всех последующих действий наших специалистов. Были обусловлены сигналы "опасности", "начала операции", "благополучного ее исхода". Все сигналы Гермес должен подавать, включая и выключая свет в СШО.

Учитывая ранние декабрьские сумерки, начало операции было назначено на 11 часов ночи. К этому времени два наших исполнителя будут находиться в переулке у изгороди сада. По сигналу Гермеса они быстро окажутся в саду и через пять минут подойдут к запасному выходу. Точно в этот момент Гермес откроет дверь и впустит их внутрь "Олимпа". Далее специалисты действуют по своему плану: один обрабатывает первый сейф, открытый Гермесом, второй вскрывает пакет с секретом второго сейфа. Через 15 минут второй сейф должен быть открыт, и оба переключаются на обработку всего, что там хранится. На это должно уйти не более двух-трех часов. К двум часам ночи второй сейф должен быть уже закрыт, секрет его замка и замок - опечатаны. С ключа сделан слепок.

На обработку первого сейфа по плану отводился еще час и к трем часам утра при благополучном течении операции все должно быть завершено.

Еще один час остается на изучение системы сигнализации с участием Гермеса и проработку возможности ТФП через небольшое окно в соседней с СШО туалетной комнате. Завершение операции - не позже четырех часов утра.

Когда Петр, забрав обоих специалистов с собой, отбыл по маршруту выхода к объекту, мы обусловили оперативную сигнализацию о ходе операции и сигналы по рации для Петра от нас на случай опасности или каких-либо непредвиденных обстоятельств. Мне оставалось терпеливо ожидать первых сообщений о том, что операция "Олимп" началась благополучно.

Как докладывал Петр, примерно за пять минут до появления ожидавшегося сигнала Гермеса о готовности встретить и впустить наших людей в "Олимп", от него внезапно поступил сигнал, предупреждавший о том, что он не готов к этому.

Немедленно, как было обусловлено с Гермесом, Петр ретировался с исходной позиции вместе со специалистами и направился по резервному маршруту, о чем и сообщил мне условным сигналом. Оставалось ждать до двенадцати часов, когда будет предпринята вторая попытка входа в "Олимп".

В этот часовой промежуток вынужденного дополнительного ожидания я еще лучше понял переживания Анатолия Ивановича Лазарева, когда он, не зная, что произошло у агента при проведении операции "Карфаген", мучительно Дожидался утреннего сигнала от него. Такие ожидания, когда решается судьба твоих подчиненных и тщательно подготовленных операций, когда на карту поставлена твоя репутация, необычайно мучительны. Легче самому участвовать в деле, чем находиться в неведении о происходящем. Такие ситуации мне доводилось переживать не однажды, с каким же огромным облегчением в четверть первого часа ночи получил я лаконичное сообщение Петра, что все в порядке. Это означало, что наши люди вошли в "Олимп" и приступили к работе.

С этого момента выделенные мною разведчики вели усиленное наблюдение за окружающей "Олимп" обстановкой, готовые дать сигнал опасности в случае появления каких-либо признаков ее.

Эти ночные часы тянулись для нас страшно медленно. Но я не переставал мысленно следить за тем, как напряженно, экономя каждое мгновение, уверенно работают там, внутри "Олимпа", два наших мастера вскрытия, "олимпийских" секретов, привычными движениями многоопытных рук распахивая заветные для каждого разведчика шифрдокументы, которые скоро окажутся в распоряжении других, не менее опытных рук наших криптологов. Сознание, что наш общий труд будет многие месяцы помогать вскрывать тайны коммуникационных линий противника и давать важную информацию нашему руководству, было наградой за наши ночные бдения, нервное напряжение и переживания.

Уже под утро, когда стрелки часов показывали шестой час утра, Петр появился и доложил, что операция завершилась и всем можно отдыхать. Специалисты подтвердили Петру, что Гермес действовал четко по согласованному с нами плану и существенно облегчил им работу по вскрытию сейфов и их содержимого.

"Петру предстояла встреча с Гермесом вечером наступающего дня. Важно было выяснить причины отсрочки входа в "Олимп" и обстановку в СШО после операции. Тем более что через пару дней должен был вернуться из поездки в Италию Бахус и было важно дополнительно

проинструктировать агента о поведении с ним. Нельзя было допустить малейшего шанса обнаружения Бахусом каких-либо следов проведенной операции.

Дальнейшая работа с Гермесом показала, что его положение не только оставалось прежним, но еще больше укрепилось. Бахус остался чрезвычайно доволен своим отдыхом и выразил агенту благодарность, обещая положительно рекомендовать его послу "Олимпа".

Как проинформировал нас Гермес, он был вынужден на час отложить начало операции в связи с неожиданным телефонным звонком советника посла, тот был намерен заглянуть в посольство и послать краткую телеграмму по важному вопросу. К одиннадцати часам он еще находился в "Олимпе", хотя уже ушел из США, где Гермес заканчивал зашифрование его телеграммы. Она действительно содержала важную для нас информацию о беседе советника на прошедшем приеме в другом натовском посольстве. Петр одобрил действия Гермеса и выдал ему крупное денежное вознаграждение.

Когда посол "Олимпа" возвратился и узнал от Бахуса о четком исполнении Гермесом обязанностей шифровальщика, он обещал направить в МИД рекомендации зачислить его на дипломатическую службу. Как мне стало известно, уже после возвращения из Австрии Гермес успешно сдал экзамены и был аттестован как дипломатический сотрудник, пока низшего ранга, но с зачетом стажа его работы в Австрии. Не менее успешно он продолжал сотрудничать и с нашей внешней разведкой.

Прочное положение Гермеса имело важное значение и для нас. Еще до его перевода из Австрии, операция "Олимп" с его участием проводилась еще раз, но сделанный ею задел обеспечил нашей резидентуре уверенное ТФП в "Олимп" уже в его отсутствие, в безагентурном варианте.

В результате успешного решения задачи по добыче шифрдокументов страны N 2 резидент и участвовавшие в операции "Олимп" разведчики, в первую очередь Петр, были удостоены высоких государственных наград.

Опыт проведения этой операции ТФП дополнил мое теоретическое представление о специфике такой деятельности практическими знаниями о том, как может проводиться ТФП в условиях капиталистической страны. Это было существенным дополнением того опыта, что я приобрел, изучая операцию "Карфаген". Операция "Олимп" помогла мне в дальнейшем при решении аналогичных ТФП во время работы в Польше, облегчила получение у Центра согласия на совместное проведение с поляками таких операций.

Слушая доклад Петра о встрече с Гермесом после завершения операции "Олимп", когда, по его словам, агент с энтузиазмом рассказывал о выполнении наших поручений, я задумался об этом психологическом феномене. С нескрываемой гордостью докладывал Гермес о том, как с его участием, по его подсказке проходила операция, и можно было подумать, что агент убежден: без него мы ничего бы не сделали. Ясно, что он считал свою роль если не решающей, то главной.

Видя это, Петр, как опытный агентурист, поддержал это настроение Гермеса, хвалил его за сообразительность и четкие действия, закладывая в его сознание еще большую готовность исполнять наши задания в будущем. Это был правильный психологический подход, подтвержденный длительной работой разведчика с агентами.

Вспомнился мне агент Жорж Пак, двадцать лет самым активным образом сотрудничавший с внешней разведкой не за деньги, не из идеологических убеждений, а лишь из собственного тщеславия. Он хотел играть заметную роль в исторических событиях, свидетелем которых был. В 1943 году, когда Пак был завербован советским разведчиком, будучи сотрудником администрации де Голля, передавая нам информацию о своем патроне и его действиях, он считал, что в известной мере своим сотрудничеством воздействовал сразу на двух влиятельных фигурантов международных событий - на Сталина и де Голля. Затем позже стал оказывать влияние на политику Хрущева в отношении Запада в период разгоравшейся "холодной войны", справедливо полагая, что предоставление исчерпывающей информации по НАТО способствовало воздействию на позиции как Советского Союза, так и Запада.

В чем лежали истоки этого тщеславия: в невозможности самому продвинуться на высокие посты и открыто влиять на события или во врожденном стремлении управлять из-за ширмы, оставаясь невидимым? Это не играло роли.

Я думал, какие чувства, кроме естественного служения Отечеству, патриотической гордости за свою Родину, вызывают такую глубокую заинтересованность, увлечение разведывательной деятельностью у меня, моих коллег. Ведь они, как правило, мало говорят о долге, обязанностях. Но подчас с каким энтузиазмом докладывают о достижении положительных результатов своих разведывательных действий.

Какие чувства рождаются в душе разведчика, когда он добывает самые-самые сокровенные секреты того или иного западного государства?

Раздумывая над этим, анализируя свои чувства в аналогичных ситуациях, я приходил к выводу, что они, эти чувства, были сродни тем же переживаниям и представлениям о своей роли, что имелись и у агента Пака.

Ведь читая переданные нам Гермесом шифртелеграммы посла "Олимпа", мы как бы приобщались к тем событиям, о которых докладывал посол своему министру иностранных дел. Невольно разведчик становился рядом с послом и его натовским собеседником, который теперь, по существу, сообщал свои важные сведения о действиях НАТО не только послу, но и разведчику. А когда передо мною лежали материалы о глобальных военно-агрессивных замыслах американского командования, добытые из американского диспетчерского центра во Франции в результате операции "Карфаген", разве рядом со мною мысленно не маячили фигуры американского президента, его государственного секретаря, других министров, толпа европейских союзников США в лице глав правительств, для которых предназначались указания и директивы главных заправил в НАТО.

Опять же вспомнилось мне, что я чувствовал, когда, будучи еще малоопытным разведчиком, в 1947-1948 годах являлся начальником англо-американского отделения в информационном управлении ПГУ. Тогда почти каждую неделю ко мне поступали из лондонской резидентуры материалы так называемой "замечательной пятерки". Читая протоколы заседания британского кабинета, состоявшегося еще только накануне, я не просто вчитывался в слова и содержание высказываний премьера и его министров, а воображал, что сам слушал их, как бы присутствовал на заседании. Ведь я невольно приобщался к сильным мира сего и, более того, мог позволить себе критическое отношение к их мыслям и оценкам с тем, чтобы свои критические замечания изложить в сопроводительной записке для нашего правительства. Как гордился я в тот момент, что принадлежу к разведке, способной добывать такую информацию.

Вот так невольно рождается чувство, что я не простой смертный, а что-то вроде настоящего греческого Гермеса, готового обвести вокруг пальца и самого хозяина Олимпа, как это нам удалось сделать с нашим земным "Олимпом". И мы, разведчики, оказываемся способными обмануть не только британского премьера, но и американского президента, и их спецслужбы. Разве не этого результата добились сотрудники советской внешней разведки, завербовав Эймса, оставив с носом и Рейгана с Бушем, и нынешнего президента Клинтона, и директоров ЦРУ Гейтса и Вулси.

Делясь с читателями этими мыслями, я далек от того, чтобы преувеличивать роль разведки. Нет, главным ее качеством, которое считаю очень важным, является ее общественная скромность. Дело разведки добывать сырье, фактические сведения, а политические выводы остаются за вершителями государственной политики. Это не исключает обязанность разведчика делать свои выводы, оценки и прогнозы, высказываемые для политического руководства. Но только в форме соображений и возможных предложений, а не о том, какие политические военно-экономические или иные решения следует принять.

Не могу не согласиться со словами английского писателя Джона Ле Карре (Ньюсуик. 1983. 7 марта. с. 45): "Довольно плохо иметь неэффективную разведку, но совсем не иметь никакой было бы катастрофично для государства".

Для принятия решений разведка не имеет ни полномочий, ни возможностей, да и никогда не должна иметь их.

В этом убеждает лишний раз опыт ежовско-бериевских попыток поставить разведку и спецслужбы над государством.

Пример Андропова, пятнадцать лет успешно руководившего КГБ и, казалось бы, аккумулировавшего в своих руках огромные властные возможности, особенно характерен. Он ни разу не дал повода ревнивому к своей властной монополии Брежневу заподозрить его в чем-то, подобном действиям предыдущих председателей КГБ - Серова И. А., когда он помог приходу к власти Хрущева, Шелепина А. Н. и Семичастного В. Е., замышлявших попытаться спихнуть "стариков". Ведь за эти действия и Серов, и Шелепин с Семичастным были "награждены" смещением со своих постов.

Более того, Андропов, став Генсеком, полностью доверился своему бывшему заместителю Чебрикову В. М., не пытаясь устанавливать над ним свой личный контроль путем окружения своими соглядатаями, как это делал Брежнев, приставив к Андропову двух своих доверенных - Цинева Г. К. и Цвигуна С. К. в качестве первых заместителей председателя. В этом сказалось еще одно позитивное качество Андропова: его доверие к своим подчиненным, основанное на уверенности в себе и своих способностях.

Уезжая из Австрии в октябре 1970 года, я увозил с собой новый опыт работы по немцам, против БНД, которая слыла одной из опытнейших специальных служб Запада и опасным противником, практический опыт борьбы с агентурой ЦРУ и, главное, опыт операций ТФП "Сирена" с ограниченной целью прослушивания и "Олимп". Последняя оказалась наиболее профессионально сложной, но опыт ее осуществления помог мне проводить классические безагентурные ТФП в течение длительного периода работы в Польше.

ГЛАВА V. ПОКЕР СО СПЕЦСЛУЖБАМИ

Опыт - это черновик будущего. Иной раз будущее требует сотни черновиков.

Жюль Ренар

Я пишу эти строки по прошествии более десяти лет с того момента, как я покинул Польшу со всеми ее тревогами, экономическими и политическими бурями, с повседневными встречами с польскими коллегами, обсуждениями с ними конкретных оперативных дел и возникающих проблем государственной безопасности. Покинул атмосферу постоянных сообщений в Центр нашей внешней разведки, устных и письменных, с предложениями и отчетами, атмосферу поступающих из Центра указаний и запросов к нам, в представительство, и к польским спецслужбам. И все это касалось глубоко засекреченных дел и мероприятий, которыми занималось возглавлявшееся мною представительство КГБ СССР совместно с польскими специальными службами.

Казалось, тот мир горячих обсуждений агентурных разработок, операций ТФП, проблем, возникавших у польских коллег, с обеспечением безопасности страны на различных участках, в том числе и затрагивавших безопасность нашего государства, в частности советского воинского контингента, находившегося на территории Польши, и т. д. - все это ушло для меня в прошлое.

Теперь, уйдя на отдых, в отставку, после полувековой работы во внешней разведке, я мог бы и успокоиться. Пришло новое поколение разведчиков, и не одно. Они разрабатывают свои подходы, создают новые традиции, хорошо, если не отбрасывая из старых те, которые были так основательно проверены и утверждены многолетней практикой и многими выдающимися разведчиками-профессионалами. Им и двигать дальше дела разведывательные. Тем более что и внешние условия кардинально изменились за последние годы. Да и внутренняя ситуация для деятельности российских спецслужб теперь совершенно иная в России, нежели была в Советском Союзе.

Но, как любого человека, кто оказался в спецслужбе, приобщился к ее сокровенным делам, можно сказать, сросся с ее специфическими методами и атмосферой тотальной секретности, меня не покидает мысль о том, что все, что мне довелось решать и делать как за долгую разведывательную карьеру, так, особенно, за двенадцатилетнее пребывание в Польше, может быть интересным и поучительным для работающих сегодня во внешней разведке сотрудников. И в первую очередь операции ТФП. Какие ошибки допускались нами и каких успехов все же мы добивались - все это не должно кануть в Лету, следует довести до сведения тех, кто будет решать такие же задачи в будущем, хотя и в других условиях.

Такая разведывательная деятельность, которую я обозначил, как "проникновение", присутствует в любых операциях разведки в разной мере и объеме. Но имеются дела, где все начинается и заканчивается только проникновением, когда это действие является основным и решающим содержанием разведывательной операции. Проникновение на объект или в объект главного разведывательного интереса спецслужбы - от его успеха зависит все. А сама проблема безагентурного физического проникновения составляет особую и наиболее засекреченную часть деятельности разведки.

Вот таким операциям ТФП, которые я называю условно классическими, главным образом посвящены мои воспоминания о работе в Польше. Но прежде чем перейти к ним, мне представляется полезным подытожить мой предыдущий опыт, связанный с операциями агентурного ТФП, о которых я еще не успел рассказать в предыдущих главах.

Анализируя свой предыдущий опыт, который базировался на работе в капиталистическом мире, я понимал, что в дружественной, союзной стране мне придется искать новые пути подступа к новым объектам разведывательного интереса. Но как трудно оказалось ломать сложившиеся стереотипы мышления, рассматривать привычные задачи по-новому, с иных позиций и в иных условиях, а именно, с участием спецслужбы другого государства.

Как верно подметил эту трудность видный британский историк Арнольд Тайноби. Еще в 1966 году, оценивая будущее человечества как неизбежное общемировое объединение, уничтожение государств, ведущих к соперничеству и войнам, необходимость преодоления национализма и отказа от всех дурных привычек, он писал: "Голова все время застает сердце врасплох, ставя перед ним новые, революционные ситуации, которые сердце не готово воспринять" (Тайноби А. Изменения и привычки. Вызов нашего времени. Лондон, Оксфорд Университи Пресс, 1966).

Исходя из того неоспоримого положения, что даже при отмирании государств и других национальных образований их разведывательные службы отомрут последними, сойдут, так сказать, с государственного корабля по примеру капитанов - последними, я и решил ряд глав, предшествующих воспоминаниям о польском периоде моей деятельности, посвятить главным образом операциям агентурного ТФП в иностранные специальные службы, а также рассмотреть такие операции иностранных спецслужб против нашей внешней разведки.

Деятельность спецслужб и разведки, их противостояние, столкновения и борьбу вполне можно представить, как боевое сражение, но проводимое с использованием специфических средств. Недаром разведку называют невидимым фронтом.

В этих столкновениях соперничающих служб их агентов можно уподобить бойцам, действующим, как правило, индивидуально. Их руководителей

- разведчиков - полевым командирам, а центры разведслужб - штабам, определяющим стратегию сражений.

Все тактическое руководство действиями на невидимом фронте в разведываемой стране осуществляется либо легальными резидентурами, либо самостоятельно действующими нелегальными резидентурами.

Такие сражения спецслужб достигали наивысшего накала в периоды острой "холодной войны", с участием таких ударных сил капиталистического Запада, как американское ЦРУ, британская СИС, западногерманская БНД, французская СДЕСЕ. Все они нацеливали свои основные силы и ресурсы против советской внешней разведки и ГРУ, причем главные удары доставались внешней разведке. Некоторая поддержка этой последней оказывалась разведками бывших социалистических государств, причем наиболее существенный вклад в борьбу против западных спецслужб вносила разведка ГДР.

История предвоенного и военного периода советской внешней разведки оставила богатейшее наследство в виде исключительно эффективных "кротов" в спецслужбах Британии, США, Франции и Германии. В британских спецслужбах этот ряд выдающихся "кротов" возглавляет Ким Филби, завербованный советскими разведчиками-нелегалами А. Орловым и А. Дейчем, и члены его "пятерки", привлеченные Дейчем с помощью Филби. Дейч, согласно архивам КГБ, всего завербовал в Англии для внешней разведки 17 агентов. Но об остальных 12 архивы КГБ пока хранят тайну (Царев О., Костелло Д. Роковые иллюзии. М.: Международные отношения, 1995).

Согласно этому же источнику (архивы КГБ), Орлов, а под его руководством и талантливый разведчик А. Коротков до отъезда Орлова из Франции в Англию работали там также по проникновению во французские спецслужбы. Но кого они там завербовали, архивы внешней разведки также молчат.

Работал в Европе и Дейч и другие опытные разведчики-нелегалы. Не случайно изменник Голицын назвал мифическую группу "кротов" "Сапфир", внедренных внешней разведкой во французские спецслужбы.

Не знаю, так ли она называлась и кто в нее входил, но ясно, что под этим весьма, к счастью, общим названием скрываются не менее эффективные "кроты", отголоски деятельности которых доходили и до ушей изменников. Но вскрыть их западным контрразведкам не удалось.

Не менее успешно советская внешняя и военная разведки, как показывает пример так называемой "Красной капеллы", действовали в Германии. Активно осуществлял операции ТФП

в американские спецслужбы разведчик-нелегал Ахмеров И. А., работавший в США с 1934 по 1945 год с перерывом в 1940-1941 годах.

Кроме того, во всех этих странах действовали и легальные резидентуры во главе с такими опытными разведчиками, как Журавлев, Кукин, Горский, Лысенков, Зарубин.

Сейчас положение на разведывательном фронте изменилось кардинально. Теперь появилась возможность направить объединенные усилия внешней разведки и западных спецслужб против общих противников в виде международного терроризма, наркобизнеса, незаконных торговцев оружием и на другие цели, стоящие на пути сохранения спокойствия в мире.

На прежнем фронте противостояния разведок для российской внешней разведки произошли существенные негативные изменения. Ее лагерь покинули бывшие союзные спецслужбы, перешедшие теперь на сторону бывших наших противников. Спецслужбы во вновь возникших независимых государствах, входящих сейчас в СНГ, еще крайне слабы и прежде всего требуют от внешней разведки содействия, не давая со своей стороны какой-либо ощутимой помощи в противостоянии западным спецслужбам.

Эти изменения оказывают заметное влияние на осложнение условий для деятельности внешней разведки. Российская внешняя разведка теперь выполняет функции "заградительного" отряда против поползновений на государственные секреты в области обороны, научно-технических исследований и экономики, ведь бывшие наши противники отнюдь не собираются прекращать разведку против России. Хотя, конечно же, их разведывательная деятельность приняла более спокойный, можно сказать, цивилизованный вид.

Но еще не так давно упорная и напряженная борьба между внешней разведкой и ее западными соперниками, в первую очередь, ЦРУ шла не ослабевая. В том числе и в бывших социалистических государствах - союзниках СССР. Там, совместно с местными спецслужбами, внешняя разведка осуществляла многие разведывательные операции, в том числе и такие дерзкие, как безагентурные ТФП, о которых речь пойдет в дальнейших главах.

ОПЕРАЦИИ ТФП В СПЕЦСЛУЖБЫ

Создание возможностей для получения информации о деятельности противостоящих иностранных специальных служб является для любой разведывательной службы жизненно важной задачей. Завербовать сотрудника "чужой" спецслужбы либо внедрить в нее своего агента - высоко престижное достижение для разведчиков.

Имея своих "кротов" в СИС и БНД - К. Филби, Д. Блейка, Х. Фельфе
- советская внешняя разведка обеспечивала безопасность и надежность своей работы в Великобритании и ФРГ. Такую же роль долгие годы выполняла во Франции группа, называемая на Западе именем "Сапфир", созданная внешней разведкой в СДЕСЕ, и агент Эймс, действовавший как один из активнейших "кротов" внутри ЦРУ.

Но эта же задача, решаемая с не меньшей энергией и настойчивостью другими разведками по отношению к внешней разведке и ГРУ, несет в себе и чрезвычайную опасность для наших спецслужб. Защищаться против нее наиболее эффективно можно только с помощью своих "кротов" в недрах той службы, которая внедряет своих агентов в внешнюю разведку. Лучшим подтверждением этому является пример Эймса, вскрывшего, как утверждают руководители ЦРУ, не менее десяти их "кротов" в наших службах. И напрасно некоторые американские аналитики, занимавшиеся расследованием деятельности ЦРУ в связи с арестом Эймса, пытаются всячески принизить значение вербовки его внешней разведкой, ссылаясь на оценку его коллегами как слабого работника. Если он был так слаб, то как же его продвигали вплоть до одной из самых важных в службе должностей руководителя контрразведки? (Уоллкотт Д., Даффи

Б. Сокровенные тайны ЦРУ. Ю.С. Ньюс энд Уорлд Рипорт". 1994, сентябрь).

В той же публикации делается попытка дискредитации внешней разведки путем своеобразного сваливания вины за слабую работу ЦРУ на "коммунистические секретные службы". Видите ли, ЦРУ "заразилась" от этих служб и их "болезнями". И это утверждается в то время, когда большинство американских серьезных авторов как раз и считают, что внешняя разведка активнее, оперативнее и смелее решала свои задачи по противодействию ЦРУ, но действует осмотрительнее, чем американская разведка.

Не об этом ли говорит деятельность Филби, Абеля, Фельфе и других, операция "Карфаген", вербовка Прайма, Ховарда, Уокеров и, наконец, Эймса?

Сами же авторы подтверждают, как ЦРУ позорно провалилось в противостоянии спецслужбам ГДР и Кубы. Уже в 1990 году группа сотрудников ЦРУ отправилась в Берлин для ознакомления с архивами бывшей восточногерманской разведки.

ЦРУ обнаружило, к своему изумлению, что их восточногерманские агенты, за небольшим исключением, были перевербованы контрразведкой ГДР и превратились в агентов-двойников. Стало ясно, как заключают авторы, что "самой большой ошибкой ЦРУ была колоссальная недооценка брошенного вызова". То же самое на кубинском направлении: "Все агенты, которых ЦРУ завербовало на Кубе, на самом деле работали на кубинцев, а американцам передавали дезинформацию". Таким образом, пишут авторы, "целое подразделение оперативного управления ЦРУ в течение 20 лет руководило абсолютно бесполезной сетью агентов и ничего при этом не обнаружило". И ЦРУ тратило на "своих" кубинских агентов миллионы долларов (Уоллкотт Д., Даффи Б. Сокровенные тайны ЦРУ. Ю.С. Ньюс энд Уорлд Рипорт". 1994, сентябрь).

Эти оба примера показывают значение проникновения в агентурную сеть разведслужбы противника, хотя оно и не решает всех тех задач, которые достигаются операциями ТФП в саму разведывательную службу.

История советской внешней разведки содержит много примеров, ряд из которых уже был приведен в первых главах. Можно добавить, что и в далекой истории российских разведывательных служб таких примеров было немало, хотя не всегда при этом речь шла об

агентах, служивших в разведке, а о лицах, либо лично исполнявших разведывательные функции, либо пользовавшихся результатами деятельности таких служб.

Думаю, не всем читателям известно, что сам император Александр I в 1805 году пользовался услугами начальника разведки Австрии Карла Шульмайстера в качестве своего платного информатора. Еще более красочной фигурой был другой его информатор - французский князь Талейран, имевший для конспирации смешную кличку Анна Ивановна. Правда, никто из историков не удивляется этому факту. Анна Ивановна, бывший министром иностранных дел Французской республики, предал эту республику Наполеону, затем предал самого Наполеона Бурбонам, а через полтора десятилетия предал и Бурбонов, перейдя на службу к королю Луи Филиппу Орлеанскому.

Когда князь умер, шутники гадали: "Талейран умер? Интересно узнать, зачем ему это понадобилось?"

Из приведенных мною более поздних операций агентурного ТФП в спецслужбы наиболее интересными, не говоря о блестящем примере К. Филби, являются дело Редля, Д. Блейка, Х. Фельфе и конечно же операция "Карфаген". Сравнимой с внедрением в СИС группы Кима Филби, безусловно, является оставшаяся за кадром история внедрения во французские спецслужбы группы "Сапфир", участники которой избежали раскрытия, оставив свою многообразную деятельность неизвестной Западу. Более того, ее руководитель оставил после ухода с активной разведывательной работы хороших наследников во французских спецслужбах, которые еще многие годы успешно продолжали исполнять его роль "ангела-хранителя" советских разведчиков и их агентов во Франции. Об этом свидетельствует, например, беспрепятственная работа в течение двадцати лет агента Пака. Такое же наследие осталось внешней разведке и в США как результат нераскрытой американской контрразведкой деятельности нелегальной резидентуры Билла (псевдоним разведчика Ахмерова) и, конечно же, от Кима Филби также по США, а более конкретно, по ЦРУ и ФБР. И пусть не смущает тебя, читатель, что я вновь возвращаюсь к имени Филби, о котором так много написано. То, о чем я рассказываю, не нашло должного освещения ни у нас, ни в публикациях за рубежом. Но начать нужно с операции ТФП в британские службы еще в довоенное время, блестяще начатое под руководством разведчика-нелегала Александра Орлова, имевшего во внешней разведке (тогда ИНО НКВД) псевдоним Швед.

ОПЕРАЦИЯ "ШВЕД"

Хорошо помню, как в самом начале моей работы во внешней разведке, в 1939 году, в нашем коллективе мы обсуждали дело "изменника" Александра Орлова, который, являясь представителем НКВД в Испании, перебежал летом 1938 года на Запад. Так он и числился предателем-изменником до начала 1950-х годов, да и многие последующие годы.

В 1939 году мы знали, что Швед при бегстве оставил письмо-предостережение на имя Сталина, в котором сообщал, что если его родственники, оставшиеся в СССР, не подвергнутся репрессиям, а против него НКВД не будет пытаться предпринимать террористических акций, то он, обладая большим количеством государственных секретов, будет соблюдать молчание. К

письму Швед приложил перечень, как об этом пишут сейчас, "сталинских преступлений". Действительно, об Орлове в течение долгого времени ничего не было слышно на Западе, пока в 1953 году американский журнал "Лайф" не начал публиковать его книгу "Тайная история сталинских преступлений". В этом отношении Орлов сдержал свое слово до смерти Сталина.

Но самое удивительное касалось тех профессиональных тайн, в том числе и тайны "пятерки Филби", которые знал Швед как руководящий сотрудник внешней разведки. И в целом до конца своих дней Швед не выдал тайн внешней разведки противнику.

Сама исключительная ценность для внешней разведки и СССР в целом этой "пятерки" свидетельствует о том, что Швед никогда не был ни предателем, ни изменником своей родины и своему служебному долгу. Помимо "пятерки Филби", Швед владел многими другими профессиональными разведывательными секретами, которые сохранил и не выдал, несмотря на усилия ЦРУ и ФБР. В том числе он скрыл от американских спецслужб, что знает Абеля, когда тот был арестован в США в 1957 году, и хорошо ему известного Морриса Коэна, которого он завербовал в Испании, когда тот был арестован в Англии как наш разведчик под именем Питер Крогер в 1961 году.

Вся трагическая судьба Шведа изложена в совместном российско-американском аналитическом труде, созданном в 1995 году по материалам архивных дел внешней разведки и американских спецслужб (Царев
О., Костелло Д. Роковые иллюзии. М.: Международные отношения, 1995).

Какова же была его роль в деле "пятерки"?

Швед стоял у самых истоков ее зарождения. Начав работать во внешней разведке в 1926 году (тогда ИНО ОГПУ), он в 1934 году был направлен в Англию в качестве руководителя нелегальной резидентуры, поработав до этого разведчиком-нелегалом во Франции. Главной задачей резидентуры являлось проникновение в британские спецслужбы. Заместителем Орлова был другой замечательный разведчик-нелегал А. Дейч, который уже имел большой опыт вербовочной работы. Достаточно сказать, что за несколько лет пребывания в Англии он успешно завербовал 17 агентов, в том числе активно участвовал вместе со Шведом в вербовке Филби, затем с помощью Филби до отъезда Шведа в октябре 1935 г. завербовал второго члена пятерки - Дональда Маклина.

Затем Швед продолжал руководить деятельностью нелегальной резидентуры из Центра. Под его руководством Дейч через Маклина в конце 1935 года привлек к сотрудничеству с внешней разведкой Г. Ф. Берджеса - третьего участника "пятерки".

В дальнейшем Швед руководил действиями Дейча по формированию группы Филби и активно поддерживал его предложения в Центре. Так, Берджес привлек к сотрудничеству с советской внешней разведкой четвертого члена группы - Энтони Бланта, сотрудника британской контрразведки МИ-5. Последний по просьбе Берджеса свел его с сотрудником МИД Англии Джоном Кернкроссом, которого после обработки Берджес передал в начале 1937 г. на связь Дейчу как пятого участника группы.

Приобретение Бланта явилось первым конкретным результатом ТФП группы в английскую СИС, ее контрразведывательный аппарат МИ-5. Блант, как старший офицер МИ-5, имел доступ к совершенно секретным материалам проекта "Ультра" (перехват иностранных коммуникаций), передавая разведывательную информацию, получаемую по этой линии.

С началом войны, в свою очередь, Кернкросс стал сотрудником сверхсекретного Штаба правительственной связи (ШПС) в Блечли-парке, и через него пошел поток совершенно секретных разведывательных материалов из ШПС, в том числе и по "Ультра". В частности, Кернкросс сообщил в 1943 г. чрезвычайно важную актуальную информацию о германских планах подготовки к Курской битве.

Сам Филби при содействии Берджеса через его связи в МИ-6 связался с британской разведкой, начав работать летом 1940 года в отделе особых операций (подготовка диверсантов для засылки в тылы немцев), после ликвидации которого в 1941 году был переведен на работу в МИ-6. Не прошло и трех лет, как в 1944 году Филби был назначен начальником секции СИС по борьбе против СССР.

Таким образом, начатая Шведом вместе с Дейчем операция по ТФП в английские спецслужбы к началу Великой Отечественной войны была успешно завершена. Два члена группы - Филби и Блант - стали сотрудниками СИС, третий член группы - Кэрнкросс - сотрудником самой засекреченной британской службы ШПС, а два остальные - Маклин и Берджес - сотрудниками МИДа Англии, являющемся прикрытием МИ-6.

О дальнейшей работе замечательной "пятерки" во славу внешней разведки написано много серьезных исследований. Но поскольку главные члены группы - Филби, Берджес, Маклин - своевременно вышли из-под контроля британских спецслужб и стали для них недосягаемы, думаю, что до главного противнику так и не удалось докопаться. Правда, признание Бланта в сотрудничестве с советской внешней разведкой кое-что дополнительно раскрыло британской контрразведке.

Последняя работа об Орлове, как резиденте Шведе позволила англичанам и американцам узнать правду о начальной стадии организации этой удивительной разведывательной группой Филби.

ОПЕРАЦИЯ "ТРИ КАРТЫ"

Название операции навеяно моей любимой оперой Чайковского "Пиковая дама". В качестве карт подразумеваются три разведывательные службы: внешняя разведка, британская СИС и американское ЦРУ. Причем козырной является наша служба, единственная из трех вышедшая победительницей из совместной игры с важным выигрышем. Эту аллегорию я позволил себе, так как, в противовес герою оперы Герману, потерпевшему жестокое поражение, Ким Филби, несмотря на неблагоприятно сложившиеся обстоятельства из-за угрозы провала его сотрудника Маклина, вышел из противостояния со своими мощными соперниками победителем, внеся существенный вклад в работу советской внешней разведки.

Таким образом, главным действующим лицом этой операции был Ким Филби и, хотя этот эпизод касается только краткого, менее трех лет, периода из почти тридцатилетней разведывательной деятельности ставшего всемирно известным советского разведчика, результаты его заслуживают особого внимания. Тем более что ни со стороны СИС, ни ЦРУ и ФБР этому периоду в жизни Кима Филби не придали того серьезного внимания, которого заслуживала его роль хотя бы потому, что он свободно действовал как высокопрофессиональный разведчик в самой гуще сотрудников ЦРУ и ФБР, включая руководителей этих служб. Мне даже показалось, что такая реакция со стороны американских спецслужб явилась защитной, чтобы не поставить себя в крайне уязвимое положение наивной простушки, которую обвел вокруг пальца один советский разведчик.

Поскольку в оценке работы Филби имеется указанный выше незаполненный просвет, остановлюсь подробнее на этой стороне его деятельности. Но сначала не могу не высказать некоторые мысли относительно предшествующей жизни.

Отмечу тот важнейший факт, что как сам Филби, так и все члены его знаменитой пятерки, как видно из сказанного о Шведе, появились во внешней разведке в результате целенаправленной работы по приобретению так называемой "перспективной агентуры". Что же это такое?

Под этим определением имеются в виду такие кандидаты на вербовку, которые на момент их приобщения к сотрудничеству не имеют каких-либо заслуживающих внимания разведки информационных или оперативных возможностей. Но они по своим способностям, социальному и общественному положению своих родителей, по профессии, связям и знакомствам потенциально могут получить серьезные возможности для продвижения на интересующие разведку позиции.

Чаще всего таких кандидатов разведка находит среди студентов, особенно престижных учебных заведений, либо из числа молодых сотрудников государственных учреждений, начинающих журналистов, специалистов в области перспективных профессий.

Одним из таких перспективных молодых людей, попавших в поле зрения нелегальной резидентуры Шведа в 1934 году, и оказался Ким Филби, а затем и его товарищи по Кембриджу.

В дальнейшем упорная работа советских разведчиков с этими молодыми студентами после всесторонней проверки их личных качеств и способностей и привела к успешному выполнению поставленной в самом начале сотрудничества с внешней разведкой сложной задачи - проникновения в британские важные государственные учреждения. Среди целей ТФП на первом месте были СИС, Штаб правительственной связи, министерство иностранных дел.

Удачный выбор кандидатов в перспективные агенты, сделанный в 1934 году высокопрофессиональными разведчикаминелегалами Шведом и Дейчем, нашел подтверждение в том, что Ким Филби не только сам к 1940 году проник в СИС и в дальнейшем превратился из агента - источника информации в активно действующего советского разведчика, но и его

четыре товарища оказались на важных постах - три в британских спецслужбах: Бреджес, Блант и Кернкросс, и один - Маклин - в Форин Офисе.

На этом примере успешного превращения перспективных молодых агентов в чрезвычайно ценных источников самой важной и актуальной информации из государственного аппарата убедительно доказывается обоснованность больших затрат энергии, средств и времени опытнейших разведчиков по воспитанию и подготовке таких кандидатов. Ведь всем членам "пятерки", в том числе и самому Киму Филби, потребовалось около восьми лет для достижения поставленных целей. А сколько опытных разведчиков выезжали за кордон для работы с ними, пока они не набрались профессионального опыта и не смогли уже самостоятельно решать разведывательные задачи.

Итак, Ким Филби, о котором написано немало, к концу 40-х годов достигает в СИС такого авторитета, что его кандидатура начинает считаться наиболее вероятной на пост начальника британской разведки МИ-6. Именно тогда, как достойного представителя СИС, в 1949 году, его командируют в Вашингтон для связи с ЦРУ и ФБР. Этот пост по своему значению являлся не ниже, чем заместитель начальника СИС.

Так началось еще одно агентурное ТФП, причем в самую опасную для советской внешней разведки спецслужбу - в ЦРУ. Этот эпизод в жизни Филби оказался для меня связанным с Польшей и относился к периоду моей работы в подразделении нелегальной разведки ПГУ (внешней разведки). Тогда я только начинал работу по созданию нелегальной разведывательной резидентуры в Соединенных Штатах.

В 1949 году как раз завершал свою подготовку в Польше молодой разведчик Гарри. Мы перебрасывали его в США под видом американца польского происхождения. В качестве подтверждения права на американское гражданство ему было дано свидетельство о рождении в США и сообщены сведения о родителях-поляках, в свое время эмигрировавших из Польши в США. После рождения сына семья вернулась на родину, где все члены ее, в том числе и настоящий сын, погибли во время немецкой оккупации.

Гарри, проявив находчивость и смелость, заручился согласием американцев на его "возвращение" на родину, нелегально бежал в Скандинавию, откуда в начале 1950 года сразу же перебрался в США.

К этому времени во внешней разведке решалась проблема организации надежной и безопасной связи с Филби в США. Учитывая положение Филби в качестве представителя британской СИС при ЦРУ и ФБР, с руководством которых он постоянно общался, наша связь с ним должна была исключать малейшую возможность обратить на себя внимание этих спецслужб.

Мое предложение использовать Гарри в качестве посредника между Кимом Филби и нашей резидентурой в Нью-Йорке было принято, и такая схема связи функционировала безотказно до отъезда Филби из США в середине 1951 года.

Хотя сама по себе история продвижения Гарри в США представляет интерес, но поскольку о ней я уже рассказал в своих воспоминаниях и она не имеет прямого отношения к теме о ТФП в спецслужбы, остановлюсь еще раз подробнее на роли Филби.

Оказавшись в Вашингтоне в качестве представителя СИС, Филби, советский разведчик, пришел в непосредственное соприкосновение со многими представителями не только ЦРУ, но и ФБР. Он оказался в центре совпадения интересов сразу трех важнейших в мире спецслужб, причем о его принадлежности к советской внешней разведке две западные разведки пока не подозревали. В этом было его огромное преимущество в игре в своеобразный разведывательный покер, в которой у нашего игрока были скрытые козырные карты.

Разведывательная деятельность Филби на протяжении более чем двух лет пребывания в роли представителя СИС нашла выражение прежде всего в подробнейшей оперативной информации о совместных действиях СИС и ЦРУ, и в первую очередь об их антисоветских замыслах, планах и конкретных операциях. При этом Филби не только информировал Центр, но и высказывал свои квалифицированные рекомендации о том, как эффективнее противодействовать враждебным и провокационным акциям Запада. Информация Филби о деятельности ЦРУ и, частично, ФБР была уникальной и бесценной.

Но главная цель, подсказанная внешней разведке самим Филби и умело им претворявшаяся в жизнь, состояла в другом: в закладке фундамента на будущее, в изучении кандидатов из числа сотрудников американских спецслужб на предмет привлечения их к сотрудничеству. При этом Филби исходил не только и, пожалуй, не столько из осуществления вербовки от имени советской внешней разведки, сколько, главным образом, от имени британской разведки. Тем более что такую "легенду" ему лично было легче и естественнее поддерживать. В этом отношении на руку Филби играло прочно завоеванное им доверие контрразведчика Джеймса Энглтона, позже ставшего руководителем всей контрразведки ЦРУ.

Филби правильно оценил этого главного "борца с КГБ", который уже тогда пользовался неограниченным авторитетом в ЦРУ и ФБР, зарекомендовав себя самым активным из инициаторов и организаторов поисков в ЦРУ "коммунистических агентов".

Дружба Филби и Энглтона, стремление последнего советоваться с нашим разведчиком, в том числе по проблемам безопасности в ЦРУ, были лучшей рекомендацией для всех остальных сотрудников этой службы дружить с представителем британской разведки.

Как пишет Брук-Шеферд: "Некоторые ведущие сотрудники, вроде Джеймса Энглтона, сидели, восхищаясь, у ног Филби... Их доверие к нему было полнейшим, что позволяло сообщать о всех американских операциях против советского блока" (Брук-Шеферд, Гордон. Штормовые птицы. Нью-Йорк, 1990).

В начале 50-х годов Энглтон еще не был главой контрразведывательной службы ЦРУ, но уже успешно шел к этому, по существу, второму по власти и значению посту в этой спецслужбе, который он занял в 1954 году.

Но уже тогда Энглтон, еще в 1944 году повстречавшийся в Англии с Филби, во всем ему подражал.

Когда Филби в 1949 году прибыл в Вашингтон, они стали встречаться регулярно раз в неделю, чтобы "за виски" обсуждать свои проблемы. Лучшей характеристикой искусства Филби завладевать доверием интересующих его людей и оказывать влияние на них могут быть слова Арнульфа Конради:

"Энглтон доверял Филби почти все, что знал сам, не получая от него взамен ничего. Сведения о ЦРУ, которые Филби, без сомнения, передал Советам, были настолько всеобъемлющими, что его биографы на полном серьезе считают, что после его разоблачения ЦРУ следовало бы распустить и создать заново" (Конради А. Жизнь и смерть Джеймса Хесуса Энглтона, который боролся с КГБ. Франкфуртер Алльгемайне Магазин. 1992, март).

О степени откровенности Энглтона перед Филби свидетельствуют другие слова этой же статьи. Автор справедливо отмечает, что вера Энглтона в Филби была настолько сильна, что после бегства в Советский Союз Гая Берджеса и Дональда Маклина и отзыва Филби в Лондон, где началось расследование его причастности к этому событию, Энглтон, бывший уже начальником службы контрразведки ЦРУ и развернувший небывалую охоту за "кротом", то есть агентами КГБ в самом ЦРУ, продолжал по-прежнему верить в невиновность Филби.

"Энглтон твердо верил в невиновность своего друга, - пишет А. Конради, - а когда двенадцать лет спустя, в 1963 году, тот сбежал в Москву и тем самым открыто заявил о себе как советском шпионе, это явилось для Энглтона страшным ударом. Он сжег все записи своих бесед с Филби, чтобы замаскировать масштабы утечки информации".

Читатель может представить себе, каковы могли быть результаты воздействия нашего легендарного разведчика на рядовых сотрудников ЦРУ, а также ФБР, если настоящий зубр американских спецслужб Энглтон, начавший свою разведывательную карьеру еще во время второй мировой войны в Управлении стратегических служб (УСС), не мог избавиться от навязанного ему Филби влияния в течение целых двенадцати лет, на протяжении которых не только британская, но и американская контрразведки вели безуспешное расследование с целью разоблачения Филби.

Позволю себе небольшое отступление для оценки этого необыкновенного психологического воздействия Филби на своих собеседников, партнеров и коллег из среды разведчиков.

С точки зрения психологии, взаимоотношение сотрудников противостоящих спецслужб относится к области конфликтной деятельности, которая характеризуется противодействием людей друг другу. В ней сталкиваются цели, интересы и стремления людей (Крогиус Н. В. К. психологии конфликтной деятельности. М.: Наука, 1976).

Внутренняя сторона такой деятельности является своеобразным психологическим взаимодействием ее участников, когда им приходится мыслить за другого, угадывать, как

соперник рассуждает и принимает решения, и, предвосхищая его действия, определять свое поведение. При этом важную роль играет способность маскировать свои истинные цели и целенаправленно дезинформировать противника.

В разведке такая конфликтная деятельность относится к виду строгого соперничества, при котором ее участники преследуют диаметрально противоположные цели, а победа одного из них означает поражение другого.

Для достижения такой победы необходимо обладать способностью к максимально достоверному анализу ситуации и учету данных о противнике и собственном состоянии в каждый конкретный момент. Психологи отмечают, что в условиях ситуаций многих неопределенностей, когда чистый анализ их не может дать однозначного ответа, решающее значение в принятии решений приобретает человеческий фактор.

Вот такой фактор и присутствовал всегда у Филби. Он проявился необыкновенным образом в его скрытом противостоянии Энглтону и обеспечил поразительную для всех победу и полное поражение такого сильного в профессиональном плане соперника.

Не меньшую аналитическую проницательность и настоящие бойцовские качества Филби проявил в наиболее трудный и сложный период его отношений с СИС после бегства Маклина и Берджеса в Москву. Начались допросы Филби с целью вынудить его признаться в сотрудничестве с советской внешней разведкой. Дополнительные трудности для него создали показания изменника Петрова, перебежавшего на Запад в Австралии в 1954 г. и сообщившего о "кембриджской пятерке" советских агентов в Англии.

Огромная выдержка Филби и категорический отказ хоть в чем-то подтвердить свою причастность к бегству указанных двух советских агентов и к их деятельности заставили СИС оставить его в покое, уволив из спецслужбы. Вследствие правильного поведения Филби в создавшихся условиях и влияния его друзей в СИС его официально реабилитировали в 1955 году и даже использовали на разведывательной работе в Ливане.

Не располагая ни конкретными данными, ни желанием раскрывать что-либо по делу Филби, оставшееся неизвестным, могу лишь высказать свое мнение: не мог такой опытный разведчик не оставить надежное наследие своей двухлетней упорной оперативной разработки ЦРУ и ФБР. Тем более что многие из молодых сотрудников ЦРУ не могли не видеть в Филби образец сильного человека и, будучи привлечены заманчивыми посулами от имени СИС, верно служить ему, не догадываясь, кому на самом деле они служили. Вот в чем состояла реальная возможность агентурного проникновения в ЦРУ. Она нашла подтверждение и в деле Эймса, вербовка которого произошла уже после того, как Энглтон в 1974 году покинул ЦРУ, расписавшись в неспособности найти агентов КГБ, якобы внедренных в эту американскую спецслужбу.

Так что лично остаюсь убежденным в том, что потеря Эймса еще не означает потерю других наших агентурных возможностей в ЦРУ. Пусть новые энглтоны пытаются их искать.

Если их усилия приведут к тому же гибельному для ЦРУ результату, что и действия Энглтона с помощью изменника Голицына, то буду только удовлетворен.

Коль скоро речь у меня шла о ТФП Филби в ЦРУ, несколько слов о его агентурном проникновении в британские спецслужбы, как о примере уникальной и успешной операции проникновения во все области практической работы всех британских специальных служб. Действительно, не только сам Филби достиг высоких позиций в британской разведке МИ-6, став, как я уже отмечал, фактически первым кандидатом на пост начальника разведки, но и члены его группы проникли в сверхсекретные службы: в криптографическую, Штаб правительственной связи - Кернкросс, в СИС - Блант и Берджес, на дипломатическую - Маклин.

Перед этим исключительным успехом советской внешней разведки бледнеют все другие достижения разведывательных служб как наших, так и западных. Исключительного успеха добился Зорге, но и его ТФП в японские руководящие центры было лишь частичным, а в немецкую спецслужбу - только периферийным.

Западные специалисты от разведки пытаются ставить рядом с Филби своих агентов, изменников Пеньковского и Гордиевского, но тщетно, даже сами они вынуждены признать, что такой результативности, как у Филби, не имела ни одна разведка в мире.

Отдельные разведчики и агенты внешней разведки добивались исключительных успехов. Такие, как Х. Фельфе в Германии, агентурная группа Уокеров в США, агент Прайм в Англии, но их деятельность ограничивалась какой-либо одной областью, не нашла такого масштабного и комплексного характера, как у Филби.

В моем понимании только еще один советский разведчик - Ахмеров И.
А. (условно "Билл"), нелегально работавший в США девять лет, приближается по размаху и многообразию своей деятельности к Филби. О нем пойдет речь далее.

Как раз, когда я писал эти строки о Филби, в ноябре 1994 года, по телевизору показали передачу об этом выдающемся разведчике, подготовленную писателем Боровиком. В целом было видно, что автор много поработал над темой, ему посчастливилось встречаться с Кимом, который даже немного приоткрыл перед ним свой внутренний мир, правда, совсем чуть-чуть, будучи очень сдержанным человеком.

И вот передача, которая могла бы выглядеть объективным изложением и оценкой жизни неординарной личности Филби, была испорчена объективным стремлением автора приспособиться к нашей теперешней ситуации.

Бросая реплики о "разочарованиях и сомнениях", которые якобы сопровождали жизненный путь Филби, автор в заключение упоминает предсмертное завещание, в котором Филби просил похоронить его в Москве и никогда, от кого бы ни исходили инициатива и просьбы о перезахоронении его праха в другой стране, не трогать его, оставив в стране, народу которой он беззаветно служил всю свою жизнь. Стоило автору сделать упор на слове "страна" и добавить от себя: "страна, которая спустя несколько лет перестала существовать", как вся жизнь и

героическая деятельность Филби были сведены к нулю, к пустоте. Но разве от изменения названия страны российский наш народ перестал существовать, народ, духовным богатством которого так восхищался Ким Филби? Даже в самые тяжелые минуты своей жизни, а у кого их не бывает, он ни в мыслях, ни в поступках не изменял делу, которому служил, видя его олицетворение в сущности народных чаяний и стремлений к социализму, которые не исчезли с распадом географического образования Советский Союз и не исчезнут из души российских народов.

ОПЕРАЦИЯ "АНТИФАШИСТЫ"

Поразительный пример агентурного проникновения в целый ряд правительственных учреждения США, в том числе и в американские спецслужбы, являет собой деятельность разведчика-нелегала Ахмерова И. А. (в дальнейшем Билл). Ни сам он, ни выдающиеся результаты его деятельности не стали достоянием гласности вполне закономерно, поскольку, несмотря на масштабы длительности, они остались неизвестными и американской контрразведке, и довольно многочисленным изменникам, бывшим сотрудникам советской внешней разведки, перебежавшим на Запад. Только один из них, изменник Гордиевский, пытается что-то говорить о Билле, одну из лекций которого он якобы прослушал в Центре. Но его измышления не имеют ничего общего с действительной жизнью и делами Билла. Первая попытка написать правду о Билле - это мои воспоминания. Мне довелось очень близко соприкоснуться с этим замечательным человеком, опытнейшим разведчиком и моим долголетним коллегой по работе. В предвоенные годы я курировал в Центре работу Билла как руководителя нелегальной резидентуры в США, с началом Великой Отечественной войны провожал его снова на работу в США, а после войны мы вместе работали в подразделении нелегальной разведки ПГУ до самой его отставки.

Наиболее тесно мне довелось общаться с Биллом в период разработки нашей совместной антияпонской операции "Снег", которую я подробно описал в своих воспоминаниях.

Билл был настолько же неординарным разведчиком, насколько скромным человеком. Его обширный опыт работы в США и всестороннее знание обстановки в этой стране оставили глубокий след в моей душе и повлияли на всю мою последущую полувековую службу в разведке. Образ Билла-разведчика явился для меня примером, которому я стремился подражать в своих делах и жизни. Билл рассказывал мне много подробностей о своей разведывательной деятельности в США, особенно об интересовавших меня специфических условиях нелегальной разведки. Из общения с ним я вынес уверенность, что залогом его успехов было то, что так четко выразил любимый мой французский поэт и писатель В. Гюго:

Упорно верь в священные слова:
Честь, разум, совесть, долг,
Ответственность, права.

Да, эти слова можно считать девизом, которого придерживался Билл всю свою жизнь.

К сожалению, а быть может, лучше сказать, к счастью, я не могу подробно рассказывать обо всех разведывательных операциях, которые осуществил Билл за девять лет высокопродуктивной деятельности в США.

Скажу в общем плане, чтобы не причинить вреда интересам нашей внешней разведки и ущерба тем американским друзьям, которые сами или их родственники еще живы и которые имели какое-то отношение к делам Билла.

Первый период работы Билла в США охватывает предвоенные 1934-1939 годы. В этот промежуток Биллу удалось заложить хороший фундамент своей будущей работы, создав агентурный аппарат из ряда перспективных агентов. Это были прежде всего молодые американцы-антифашисты, работавшие в правительственных учреждениях: в государственном департаменте, в министерстве финансов, в службе гражданских чиновников (Civil Service), в военных министерствах. Уже тогда в США имелись различные информационные и разведывательные подразделения, например, в министерстве финансов, в госдепартаменте, в военных службах, Билл сумел организовать ТФП в них своих агентов. Вернувшись в США после начала Великой Отечественной войны, в конце 1941 года, Билл успешно решил задачу агентурного проникновения в созданное в 1942 году Управление стратегических служб (УСС). Опираясь на свой агентурный аппарат, работая только со своей женой, как единственным помощником, он стал получать и направлять в Центр обширную разведывательную информацию, поступавшую в правительственные органы США из различных стран, в том числе из воевавших против нас Германии и Италии, от имевшихся там американских разведчиков.

Кстати, операция ТФП в УСС заложила основы будущего успешного проникновения агентов советской внешней разведки в созданное в 1947 году (уже после отъезда Билла домой) ЦРУ, куда перешел ряд наиболее способных агентов Билла в УСС, заранее им ориентированных, поскольку он знал о предстоявшем расформировании УСС после войны.

Вот то, что сегодня можно сказать о деятельности Билла по операциям ТФП в американские спецслужбы. Следует добавить к этому еще то, что многие агенты военного времени из числа американцев-антифашистов, после войны расставшиеся с нашей разведкой в связи с победой и разгромом фашизма, вскоре, в результате развернутой американским милитаризмом "холодной войны", сами возобновили свое сотрудничество с нами. В этом сказались как настоящий патриотизм этих агентов, так и та большая воспитательная работа, которую проводил с ними Билл.

В заключение хочу подчеркнуть особую специфику операций по агентурному проникновению в спецслужбы, проводимых нелегалами. Одно дело, когда такие разведчики, как К. Филби или Д. Блейк, сами проникают в спецслужбы. Совсем по-другому складываются задачи организации таких операций с использованием агентов. Относительно легко было готовить Фельфе, он мог свободно приезжать в ГДР для тщательного инструктажа и подготовки, и совсем другое, когда агентов должен был готовить сам Билл в условиях строжайшей конспирации и обеспечения безопасности как лично своей, так и внедряемого агента. Малейшая ошибка могла привести к разоблачению агента, что создавало угрозу расшифровки и самого Билла и всей его резидентуры.

Но Билл успешно преодолел эти трудности, хотя они и вызывали чрезмерную нервную и физическую нагрузку. Он понимал, что это нужно было в интересах победы в жестокой войне его народа с фашизмом, и достойно выполнял свой долг. Я мог бы добавить, что во многом Биллу помогала вера в себя. Можно отнести к нему слова великого немецкого поэта:

Кто верить сам себе умеет,
Тот и других доверьем овладеет.
И вот - ему успехи суждены!

Так говорил Мефистофель Гёте.

ОПЕРАЦИИ ТФП В АМЕРИКЕ

Помимо двух указанных операций, на Американском континенте советской внешней разведке удавалось проникать, главным образом агентурно, с легальных и нелегальных позиций в такие засекреченные службы, как Агентство национальной безопасности и ЦРУ. О том, что это не голословные утверждения, свидетельствуют нижеприводимые краткие описания таких дел, как операция в области атомного шпионажа, проводившаяся двумя американскими агентами внешней разведки Моррисом и Лайонелой Коэн. Они стали всемирно известными как Питер и Хелен Крогеры, а работали в США под руководством не менее известного нелегала Р. Абеля. Упомяну также операцию проникновения в ЦРУ через ее бывшего сотрудника Ховарда в 1983 году и, конечно же, сотрудничество с внешней разведкой О. Эймса с 1985 по 1994 год.

Не говоря о делах, оставшихся для американцев неизвестными, наибольшее количество операций ТФП внешняя разведка осуществила в АНБ: это дела Бернера Ф. Митчела и Вильяма Х. Мартина в 1958-1960 гг. и Кристофера

Д. Бойса и его напарника Эндрю Д. Ли в 1973-1977 годах. Кроме того, военная разведка также преуспела, два ее дела, ставшие известными, представляют интерес с точки зрения успешных операций ТФП. Это дело криптоаналитика Виктора М. Гамильтона, в 1963 году объявившегося в Москве с сенсационными разоблачениями по АНБ и шумевшее в том же году дело о самоубийстве Джека Е. Данлопа, также сотрудника АНБ, умершего так и не разоблаченным агентом советской разведки. Это дело представляется наиболее интересным для характеристики успешных агентурных ТФП, поэтому я остановлюсь и на нем.

Как видно, "гордость" американской администрации, недоступное, сверхзасекреченное АНБ, уже только отдельными из указанных дел, например, Данлопом, была потрясена до основания. И напрасно ЦРУ и ФБР упрекали британские службы безопасности, допустившие безнаказанную деятельность агентов советской внешней разведки в Штабе правительственной связи, являющемся аналогом АНБ, в котором почти 14 лет действовал агент внешней разведки Прайм.

То, что Прайм вскрыл много общих англо-американских криптографических секретов, передав их внешней разведке, соответствует действительности. Но ведь и указанные выше агенты советских разведслужб раскрыли не меньше, а скорее больше, чем один агент Прайм. А

какой ущерб нанес всем криптографическим секретам АНБ агент Уокер, группа которого совершенно безнаказанно действовала в военно-морском флоте США?

ДЕЛО Р. АБЕЛЯ

Не успел разведчик-нелегал Абель, выехавший в США в 1949 году, прибыть в Нью-Йорк, как мы поставили перед ним вопрос о необходимости взять под свое руководство пару агентов внешней разведки, участвовавших во время войны в так называемом "атомном шпионаже", связанном с очень сложной операцией агентурного проникновения в особо засекреченный объект - центр атомных исследований в Лос-Аламосе. Супруги Коэн - Лайонела и Моррис - осуществляли тогда связь с рядом агентов внешней разведки, работавших в этом центре, в том числе с одним из самых ценных из них - Перси. Именно он, а не Клаус Фукс, скончавшийся в 1988 году, предоставлял самую важную информацию по атомной бомбе. На связь с ним в особо режимный район, созданный американскими службами безопасности, выезжала Лайонела или, короче, Лона Коэн. Преодолевая многочисленные преграды, благодаря мужеству, хладнокровию и находчивости, она выходила из возникавших при этих поездках опасных ситуаций и благополучно доставляла бесценную информацию Перси. На более позднем этапе в работу группы "атомных шпионов", насчитывавшей до десяти агентов, включился и ее супруг Моррис Коэн, вернувшийся из американской армии в Европе, где он принимал участие в войне с гитлеровской коалицией и был ранен (Эггерт К. Агент Перси продолжает действовать. Куранты. 1991, 21 ноября).

В связи с возникшими осложнениями в положении ряда агентов, группа была временно законсервирована, в том числе и супруги Коэн.

В начале 1950 года связь с ними восстановил Абель и продолжил работу с теми из агентов их группы, положение которых оставалось надежным. Однако примерно через 10 месяцев работы по этой линии, в связи с арестом одного из агентов, знавших в прошлом Коэнов, в целях их безопасности и исключения возможного провала, оба агента были вывезены нами в Советский Союз. Абель сам продолжал работу с теми из агентов, кому не грозила опасность провала. Кстати, агента Перси, являвшегося основным источником информации по атомной проблематике, не затронули ни провалы других агентов, ни арест в 1957 году и осуждение Абеля. Он, как утверждал бывший его руководитель полковник Анатолий Яцков, а также связник-курьер Лона Коэн, скончавшаяся в Москве в январе 1992 года, продолжал благополучно работать и до сих пор жив и здоров. Но кто он - остается секретом архивов внешней разведки. Его жизнь и деятельность на пользу мира являет пример одной из самых успешных операций ТФП.

Супруги Коэн продолжили свою разведывательную карьеру, выехав вновь, теперь уже в Англию, в качестве разведчиков-нелегалов, чтобы принять участие в другой операции ТФП, получившей название "Портлендского дела", и стали всемирно известны, как супруги Хелен и Питер Крогер. Об этой операции пишу кратко ниже, а подробнее было изложено в моих воспоминаниях (Павлов В.

Г. Операция "Снег". М., 1996).

Хочется добавить, что когда в 1963 году состоялся обмен Абеля на Гарри Пауэрса, ответственный работник ЦРУ выразил возмущение тем, что американцы "неоценимую ценность променяли на тарелку плохой чечевичной похлебки".

Действительно, Абель был не рядовым разведчиком. Он обладал огромный опытом разведывательной работы. Еще в довоенное время он нелегально работал в Европе. Во время Великой Отечественной войны он участвовал в подготовке кадров для работы в тылу немцев. Кстати, он принимал непосредственное участие в проводившейся НКВД масштабной агентурной операции "Прострел", сыгравшей важную роль в борьбе с немцами на Белорусском фронте (Решин Л. Без грифа секретно. Красная звезда. 1995, 23 сентября).

В заключение мне хочется сказать о той стороне талантов этого человека, которая не имеет, казалось бы, прямого отношения к профессии разведчика.

Самые яркие впечатления от личности советского разведчика Р. Абеля остались после встреч с ним у американского адвоката Донована, обязанного к нему с пристрастием присматриваться в силу профессиональной необходимости. Донована поразил интеллект подзащитного. Рудольф Абель обладал аналитическим складом мышления, увлекался решением математических задач, свободно владел несколькими иностранными языками, знал и ценил музыку. При всем богатстве его духовного мира, одну страсть и привязанность следует отметить в нем особенно - живопись. Он оставил целую коллекцию рисунков и картин, пейзажей и портретов. Этому увлечению он отдавал все свое свободное время. Находясь в американской тюрьме в Атланте, он овладел искусством шелкографии. Просматривая подготовленный к выпуску альбом, в котором собраны работы разведчика-художника, озаглавленный "О России и Америке", поражаешься широте и глубине восприятия мира и многообразию интересов художника-любителя.

ДЕЛО Б. МИТЧЕЛА И В. МАРТИНА

Специалисты-криптологи, работавшие в АНБ с 1957 года, были завербованы внешней разведкой в конце 1959 года. Примерно через год, 6 сентября I960 года, они оказались в Москве, где в Доме журналистов состоялась пресс-конференция с их участием. Они разоблачили подрывную деятельность АНБ, рассказали, как эта американская спецслужба перехватывала и читала зашифрованную корреспонденцию и сообщения не только противников, но и союзников США. Среди последних они называли Италию, Францию, Турцию, Югославию, Индонезию, Уругвай, Объединенную Арабскую Республику. Они утверждали, что АНБ регулярно читало секретную корреспонденцию более чем сорока государств.

Естественно, что еще до прибытия в Москву Митчел и Мартин передали внешней разведке ценную информацию о деятельности этой американской специальной службы в качестве подтверждения наличия в их распоряжении важных сведений для дела борьбы за мир, против грубого вмешательства американцев в дела суверенных государств. Они обоснованно опасались, что американские самолеты, выполнявшие задания АНБ по перехвату коммуникаций Советского Союза и с этой целью нарушавшие границы СССР, могли

спровоцировать военный конфликт. Находясь в Москве, они передали очень важную, особо ценную информацию о работах АНБ в области криптографии.

Как оценивал один из руководителей Министерства обороны США, ущерб для безопасности самых важных секретов АНБ был огромен. Он был #"наибольшим со времени, когда Клаус Фукс передал русским секрет атомной бомбы"#. Хотя здесь и преувеличивается роль К. Фукса, но слова эти свидетельствуют о том, как оценивали американцы это ТФП двух советских агентов в АНБ.

По свидетельству Д. Бамфорда (Бамфорд Д. Дворец головоломок. Лондон, Сигвик и Дженексон, 1982, с. 144-145), в конфиденциальном докладе конгрессу США этот провал американских спецслужб характеризовался так: "Соединенным Штатам на самом деле нанесли одно из самых худших нарушений безопасности во всей их истории".

ДЕЛО К. БОЙСА И Э. ЛИ

Эти два агента - сотрудники АНБ - напомнили мне в какой-то мере пример партнерской деятельности Митчела и Мартина, правда, если те оба были носителями ценнейшей информации и являлись равноценными специалистами-криптологами, то в данной агентурной паре только Бойс был источником информации, а его напарник Ли выполнял роль курьера-связника, доставлявшего советской внешней разведке добытые разведывательные материалы.

Сотрудничество этой пары американцев началось в апреле 1975 года, когда они были завербованы внешней разведкой.

Вербовка началась с контакта, установленного нашим разведчиком с Ли в Мексике. Через него был привлечен к работе и сам Бойс, вызвавший интерес из-за его службы в АНБ.

Отец Бойса, бывший сотрудник ФБР, рекомендовал сына для работы в Агентстве национальной безопасности, куда он и был принят клерком в так называемый "Черный кабинет", чрезвычайно засекреченное даже в системе самого АНБ шифровально-кодовое помещение, откуда по специальным зашифрованным линиям связи направлялась сверхсекретная информация в ЦРУ и другие ведомства и спецслужбы США.

С точки зрения оценки возможного ТФП в "Черный кабинет" заслуживает интереса описание его устройства, сообщенное Бойсом. Все помещение "ЧК" было заключено в сплошную бетонную оболочку. Чтобы попасть в него, нужно было прежде всего войти в здание и проследовать через три контрольные пункта с десятком охранников. После этого нужно было пройти мимо серии телевизионных камер, при помощи которых велось наблюдение с центрального контрольного пункта. Вход в сам "ЧК" преграждала специальная толстая стальная дверь, такая же, какие применяются в банках перед хранилищами индивидуальных сейфов. Эта дверь открывалась набором шифркомбинации из трех цифр, знали которую только несколько лиц.

За этой внешней дверью находилась еще одна стальная дверь, которая открывалась ключом.

Данное агентом описание "ЧК" напомнило мне другое специальное хранилище, описанное в операции "Карфаген". Там ведь тоже, с точки зрения технической защиты, американцы считали хранилище неприступным, однако внешняя разведка проникла в него. Думаю, что с помощью агента Бойса задача ТФП могла бы быть решена и по "ЧК".

Как сообщал Бойс, из "ЧК" шел поток особо засекречиваемой там информации из перехваченных через спутники и наземные станции источников. Эта информация зашифровывалась в "ЧК" на специальных машинах, ключи к которым и шифры менялись каждый день. Это как раз и входило в обязанность Бойса.

Через "Ч К" зашифрованная информация направлялась в ЦРУ и из ЦРУ
- в другие подразделения спецслужб. Сообщения, проходившие через "ЧК", были многообразны, содержали секретные сведения, перехваченные спутниками-шпионами, обсуждения конструкций спутников и их изменений, обмен мнениями по системам и методам перехвата и тому подобные сведения.

Внешняя разведка получала от Бойса пленки с фотокопиями карт-ключей для шифрмашин на месяц вперед и массу конкретной информации, касающейся всей системы спутниковой разведки США и другой деятельности АНБ.

Успешная работа с этими агентами продолжалась до середины 1977 года, когда после двухлетнего сотрудничества произошел провал из-за оплошности курьера Ли и агенты были арестованы.

В июле 1977 г. Ли был осужден к пожизненному заключению, а в сентябре 1977 г. Бойса приговорили к сорока годам тюрьмы.

Информация, представленная агентом Бойсом, в значительной мере раскрыла многие стороны деятельности АНБ и способствовала принятию мер по более надежной защите линий связи Советского Союза. Одновременно сведения, поступавшие от агента, помогали внешней разведке более эффективно направлять свои усилия по дальнейшей разработке этого важного объекта США.

ДЕЛО ПЕЛТОНА

Эта операция ТФП в АНБ не является собственно проникновением, а сводилась к извлечению чрезвычайно ценной разведывательной информации постфактум.

Дело в том, что завербованный внешней разведкой в январе 1980 года Рональд Уильям Пелтон уже к этому времени уволился из АНБ, где он проработал четырнадцать лет, с 1965 по 1979 год. Но он обладал не просто хорошей памятью и огромным опытом криптоаналитика, а необычной способностью точно воспроизвести почти все документы, которые прошли через его

руки за эти годы. В его феноменальной фотографической памяти сотрудники внешней разведки смогли воочию убедиться, когда он за время шестилетнего сотрудничества с нашей службой почти непрерывно восстанавливал по памяти огромное количество информации, включая такие данные, как параметры линий связи, проводной - телеграфной и телефонной, электронной и точные координаты мест перехвата линий связи иностранных государств, которыми занималось в те годы АНБ. Внешняя разведка организовывала встречи с Пелтоном специалистов из 8-го Главного управления КГБ, аналога американского АНБ, которые неделями записывали сообщения агента. Он сообщал им детально сведения об использовавшихся АНБ системах перехвата и дешифровки и другие всевозможные подробности американской электронной разведки. Именно он вскрыл еще действовавшую операцию под кодовым названием "Айви Беллз", в ходе которой американцы осуществляли съем информации с советского подводного кабеля, проходившего по дну Охотского моря.

Поскольку Пелтон был высококвалифицированным специалистом электронной разведки, а вся его информация излагалась им устно, включая и содержание самых секретных инструкций и других служебных документов, сотрудники 8-го ГУ поражались его способности воспроизводить содержание документов с указанием точных дат их выпуска в АНБ, в том числе и чисто технические материалы с массой цифровых данных. Проводившаяся ими проверка этих данных на практике ни разу не обнаружила каких-либо ошибок Пелтона. Примечательной особенностью сотрудничества Пелтона с внешней разведкой было то, что АНБ и другие американские спецслужбы, получая отдельные сигналы об утечке секретов, в течение шести лет не могли даже подумать, что источником является уже не работающий в АНБ человек.

Когда в один прекрасный день космическая разведка донесла им о замеченном скоплении советских судов над местом установки аппаратуры "Айви Беллз", американцы поняли, что это не было случайным, что к советским спецслужбам просочилась информация об их операции. Но как это произошло, американцы не знали, им оставалось только гадать, вплоть до ноября 1986 года, когда Пелтон был арестован.

Сотрудничество Пелтона существенно дополнило арсенал сведений внешней разведки об АНБ и создало новые импульсы по проведению операции ТФП в эту спецслужбу. Как резюмировал изложение этой вербовки, основываясь на оценках сотрудников АНБ, писатель Боб Вудворт, #"если бы КГБ сам выбирал для себя агента в АНБ из числа тысяч сотрудников, он не мог бы выбрать лучшего сотрудника"# (Вудворт Б. Завеса: секретные войны ЦРУ 1981-1987. Нью-Йорк,
1987).

Поскольку у американской контрразведки не было больше случая узнать о возможных других операциях ТФП внешней разведки в АНБ, предоставляю американцам возможность гадать на эту тему, тем более что и приведенных примеров вполне достаточно, чтобы оценить масштабы проникновения нашей разведки в эту службу.

В то же время хочу отметить, что и наша военная разведка не упускала из виду этот объект, содержащий много важных для обороны нашего государства секретов. Об этом свидетельствуют два известных американцам случая действия агентов ГРУ в АНБ. При этом

один них, а именно Данлоп, являлся уникальным в своем роде, и его агентурная деятельность в АНБ характерна с точки зрения возможностей ТФП в эту спецслужбу. Ниже привожу эти примеры.

ДЕЛО "КУРЬЕРА АНБ"

Это весьма поучительная история о том, как маленький человек, занимающий самую незначительную должность, может получить доступ к самым важным секретам учреждения, где он работает. Это особенно характерно для таких сверхсекретных организаций, как АНБ и ЦРУ. Как заметил автор книги об АНБ Д. Бамфорд (Бамфорд Д. Дворец головоломок. Лондон, 1982), доступ к самым важным секретам в таких организациях "тем больший, чем ниже находится чиновник". Сотрудники с наибольшим допуском из числа руководителей занимаются, как правило, только областью своей компетенции, в то время как нижестоящим приходится заниматься многим из того, что им поручают разные руководители.

Вот одним из таких маленьких людей в АНБ и оказался сержант Джек Данлоп, завербованный ГРУ.

Данлоп начал работать в АНБ в качестве шофера генералмайора Кловердэйля, помощника директора, начальника штаба АНБ.

В этот период Данлоп мог вывозить беспрепятственно, без досмотра автомашины на контрольных пунктах все, что хотел. Естественно, этой возможностью воспользовалась военная разведка.

Вскоре сержант был повышен и занял должность клерка, курьера-посыльного. В новом качестве курьера, доставлявшего особо важные материалы по различным адресам как внутри АНБ, так и вне, Данлоп имел доступ в различные подразделения и отделы, строго отделенные друг от друга. Теперь он оказался как раз таким человеком, обладающим "допуском повсюду".

Агент успешно сотрудничал с ГРУ около трех лет. Какие документы и сверхсекретные материалы, проходившие через его руки, оказались в распоряжении военной разведки, можно только представить. Наиболее вероятно, что военные разведчики проводили ТФП в ту секретную почту, которую Данлоп доставлял из АНБ в ЦРУ, министерство обороны, госдепартамент США. А пакетов с такими адресами ему доверялось перевозить множество, и не представляло особого труда проводить их "досмотр" и фотографирование.

Американской контрразведке не удалось получить каких-либо конкретных сведений о сотрудничестве с ГРУ от самого агента, который, попав под расследование из-за наличия трудно объяснимых больших расходов, в июне 1963 года покончил с собой. Не узнали бы американцы вообще о факте сотрудничества Данлопа с иностранной разведкой, если бы случайно, уже месяц спустя после его самоубийства, его вдова не обнаружила в доме тайник с хранящимися в нем секретными материалами АНБ. Значительно позже о факте сотрудничества Данлопа с ГРУ их проинформировал "крот" Поляков. Естественно, что расследование постфактум не могло много дать американцам. Единственным выводом, к которому они

пришли, был тот, что #ущерб, нанесенный АНБ этим сержантом, превосходит ущерб, вызванный бегством двух специалистов Митчела и Мартина, в их оценке, раз в 30-40#.

ДЕЛО ВИКТОРА М. ГАМИЛЬТОНА

Кратко вербовка бывшего сотрудника АНБ В. Гамильтона, как об этом стало известно мировой общественности, сводится к следующим фактам.

В середине 1963 года в Москве объявился и выступил на страницах газеты "Известия" бывший криптоаналитик АНБ Виктор Гамильтон, проработавший два года в этом ведомстве на арабском направлении.

Являясь опытным арабистом, он занимался с материалами АНБ по Объединенной Арабской Республике, Ираку, Ливану, Иордании, Сирии, Южной Аравии, Йемену, Ливии, Марокко, Тунису, Ирану, Эфиопии и Греции. Вся шифрованная переписка, например, Египта с египетскими посольствами во всех странах, по утверждению Гамильтона, расшифровывалась в АНБ и направлялась в государственный департамент.

Эти разоблачения вызвали всеобщее негодование общественности в указанных странах и протесты официальных властей.

Опыт работы Гамильтона в АНБ, хотя и краткий, пополнил сведения о деятельности этого американского ведомства, уже имевшиеся у наших спецслужб.

Приведенные примеры показывают только те операции агентурного ТФП внешней разведки и ГРУ, которые получили огласку и хорошо известны американским спецслужбам. Даже поверхностный анализ приведенных дел, не говоря уже о других, оставшихся за пределами гласности, начисто лишает американские спецслужбы возможности утверждать о "неприступности" их пресловутого "Дворца головоломок". Да, загадки в деятельности АНБ остаются, только вот вопрос: для кого? Для американского народа, наверное, да, а что касается российской внешней разведки, то сильно сомневаюсь в этом.

В заключение знакомства с деятельностью внешней разведки на Американском континенте приведу малоизвестную в нашей стране, но преданную огласке в США операцию агентурного ТФП в ЦРУ, которая, я убежден, еще раз покажет, что дело Эймса не является какой-то случайностью, а лишь продолжением аналогичных операций внешней разведки.

ДЕЛО ЛИ ХОВАРДА

В начале 80-х годов оперативный сотрудник ЦРУ Ли Ховард приступил к практической подготовке к работе в резидентуре ЦРУ в Москве. В этот же период он был завербован американской резидентурой советской внешней разведки в результате энергичных усилий по созданию надежных условий для работы в обстановке жесткого контрразведывательного режима, созданного американскими спецслужбами вокруг советских учреждений в США.

Приобретение в ЦРУ источника, который мог информировать о планах и замыслах нашего главного в то время противника да к тому же обещал в перспективе помочь вскрыть шпионско-диверсионные дела ЦРУ в Москве, явилось настоящей крупной победой в противостоянии внешней разведки и ЦРУ.

Сегодня, в свете дела Эймса, разоблаченного руководящего работника ЦРУ, дело Ли Ховарда представляется менее значительным успехом. Но я склонен сравнивать эту вербовку, как не менее важную. Разоблачения Ли Ховардом подрывной деятельности ЦРУ у нас в стране оказались не менее значимы, чем раскрытие Эймсом изменников, завербованных ЦРУ в нашей службе.

Кроме того, факт, что Ли Ховард будет рядовым сотрудником московской резидентуры ЦРУ, означал, что в распоряжение наших специальных органов придет источник, способный предупреждать о готовящихся этой важнейшей в системе ЦРУ заграничной точкой разведывательно-подрывных акциях.

Но сложившиеся обстоятельства превзошли все наши ожидания. Возникшее в то время положение в заграничном аппарате ЦРУ создало благоприятные условия для ознакомления Ли Ховарда еще в Центре почти со всеми оперативными делами резидентуры.

Дело в том, что с приходом на пост директора ЦРУ в январе 1981 года Уильяма Кейси, "зацикленного" на антикоммунизме, усилились требования ко всем заграничным пунктам ЦРУ и, в первую очередь, к московской резидентуре по активизации вербовочной работы и добыче важной секретной информации по всем областям жизни нашей страны.

В то же время численный состав резидентур был небольшим, а нагрузка на каждого работника значительна. В этой связи оперативные сотрудники работали по принципу взаимозаменяемости во всех операциях, вне зависимости от "своего" направления в работе. В результате всем оперативным сотрудникам становились известны почти все операции, проводимые резидентурой.

Соответственно и в Центре при подготовке новых сотрудников резидентур их знакомили со многими делами. Так, наш агент Ли Ховард смог ознакомиться со всеми делами московской резидентуры. Естественно, вся информация через него стала известна КГБ.

К моменту завершения оперативной подготовки Ли Ховарда заканчивалась и положенная специальная проверка его пригодности к выезду. При последнем испытании на "детекторе лжи" операторы усомнились в полной искренности Ховарда, возникло подозрение, что он скрывает какие-то пороки из своего прошлого. Хотя при этом не была вскрыта его связь с внешней разведкой, руководство ЦРУ решило отказаться от его использования, и он был уволен "по состоянию здоровья".

Оказавшись вне ЦРУ, Ли Ховард активизировал передачу советской внешней разведке всех ставших ему известными сведений о деятельности ЦРУ и особенно московской резидентуры.

Ховард не только вскрыл всю разведывательно-подрывную работу ЦРУ, которая велась против Советского Союза через московскую резидентуру, но и оказался бесценным для нашей контрразведки консультантом по методам, приемам и оперативной технике, которые использовала американская разведка.

Привлечение Ли Ховарда к сотрудничеству способствовало тому, что вся разведывательная работа ЦРУ на территории Советского Союза была парализована, был разоблачен и арестован ценнейший американский агент, изменник Толкачев, снабжавший ЦРУ "достоверной документальной информацией, планами, спецификациями и данными испытаний оперативных советских систем вооружения и других новых систем, над которыми продолжали работу в СССР" (Вудворт Б. Завеса: секретные войны ЦРУ 1981-1987. Нью-Йорк, 1987). Из СССР были выдворены американские разведчики Стомбоу и еще четыре сотрудника резидентуры, которая фактически была таким образом ликвидирована.

Одно разоблачение шпиона Толкачева, нанесшего большой ущерб нашей авиационной промышленности, сберегло нашему государству огромные средства, затрата которых была бы пустой потерей. Была пресечена деятельность ЦРУ по использованию ряда ценных источников информации на территории Советского Союза.

Писатель Ч. Пинчер констатирует, что "удар, нанесенный бывшим сотрудником ЦРУ Эдвардом Ли Ховардом, превзошел по своим последствиям для ЦРУ ущерб, нанесенный "английскими предателями" Кимом Филби и Джорджем Блейком" (Пинчер Ч. Предатели. Анатомия измены. Нью-Йорк, 1987).

Конечно же, это очевидное преувеличение, но автор прав в том, что ущерб для ЦРУ от сотрудничества Ховарда с внешней разведкой был огромен, особенно если учесть краткость срока его деятельности в качестве агента.

После увольнения Ховарда из ЦРУ из Москвы в эту службу стали поступать тревожные сигналы: в резидентуре ЦРУ происходило что-то странное, ее агенты проваливались, операции срывались.

После ареста Толкачева и выдворения Стамбоу после долгих гаданий ФБР установило Ли Ховарда в Нью-Мексико и взяло его под непрерывное наблюдение. Но Ховард под руководством советского разведчика сумел обмануть агентов ФБР и выехал в СССР, где ему было предоставлено политическое убежище.

Для того чтобы подчеркнуть большое значение обезвреживания такого шпиона ЦРУ, как Толкачев, значившегося среди источников важной информации ЦРУ по Советскому Союзу по его ценности под номером 1, приведу обнаруженную при его аресте записку ЦРУ: "Дорогой друг. Сердечно вас благодарим за сугубо важную информацию. Потеря такой информации была бы тяжелым ударом для нашего правительства и серьезно отразилась бы на нашем государственном положении как сейчас, так и многие годы спустя".

И действительно, через этого агента семь долгих лет за рубеж уходили сведения об одной из основ боеспособности наших вооруженных сил. И пресек этот канал Ли Ховард, наш "крот" в ЦРУ.

Ховард, находясь в России, написал книгу "Убежище", которая была подготовлена к выходу в печать в 1995 году. В связи с этим он в серии интервью агентству Ассошиэйтед Пресс сделал заявление, что "никогда не раскрывал перед внешней разведкой информации, которая могла бы повредить Америке или американцам, и что его борьба была направлена исключительно против ЦРУ" (Новости разведки и контрразведки. 1995, N 9-10).

В заключение раздела о деятельности советской внешней разведки в США нельзя не остановиться максимально подробно на ее позднейшем достижении вербовке Эймса и всех обстоятельствах, сопутствующих этому делу.

Этот пример привлечения к сотрудничеству разведчика ЦРУ лишний раз показывает ту большую эффективность, которую приносят операции ТФП во вражеские спецслужбы.

ОПЕРАЦИЯ ТФП В ЦРУ "КИНЖАЛ"

Так называлась оперативная группа, созданная в ЦРУ для выявления "крота", которым оказался, согласно сообщениям американской прессы, агент советской внешней разведки Олдрич Эймс.

Все, что касается фактических данных об этой операции, почерпнуто из официальных и неофициальных сообщений руководителей ЦРУ и американского правительства, а также обширных комментариев СМИ США и не было ни подтверждено, ни опровергнуто российской стороной. Поэтому оценки и рассуждения автора имеют частный характер и основываются только на личном опыте.

Итак, успешное проникновение в святая святых американских спецслужб - в ЦРУ. Как такое тяжелое поражение американской разведки, а заодно и контрразведки могло свершиться?

На всем протяжении послевоенного периода, вплоть до кардинальных изменений в государственной системе и ее международных позициях советская внешняя разведка действовала под лозунгом непримиримой борьбы с так называвшимся главным противником (ГП) в лице лидера капиталистического мира
- США. Установка на ГП требовала от всех звеньев внешней разведки непрестанных поисков возможностей приобретения агентов и источников информации из среды американцев или иностранцев, имеющих разведывательные сведения по США.

Исторически эта преимущественная ориентация возникла сразу после победы над Германией, с момента развязывания по инициативе президента Трумэна и премьера Англии Черчилля "холодной войны". До этого момента для внешней разведки США являлись одной из главных целей, наряду с Англией и, конечно же, Германией, которая во время войны являлась

главным противником и первостепенной целью всей разведывательной деятельности советских спецслужб.

Но еще перед войной и во время ее внешняя разведка, исходя из общеизвестной англофобии Сталина, совершенно ни в чем не доверявшего британскому правительству, активизировала свою работу на Британских островах. Как следствие и был достигнут блестящий результат: приобретение "замечательной пятерки" агентов во главе с Кимом Филби. Это обеспечило на первые послевоенные пятилетия поступление во внешнюю разведку непрерывного потока ценнейшей документальной разведывательной информации. И не только по Англии, но и по ее ближайшим союзникам, в первую очередь по США, проводившим в тесном взаимодействии с британским правительством все важнейшие послевоенные международные акции Запада.

К началу пятидесятых годов группа Кима Филби исчерпала себя, но вскоре появился Д. Блейк, тоже наш "крот" внутри британской МИ-6, другой "крот" внутри БНД Х. Фельфе, которые давали внешней разведке надежную информацию о подрывных действиях ЦРУ и его союзников против СССР и его спецслужб.

Значительного успеха внешняя разведка добилась в начале 60-х годов в операции ТФП "Карфаген", затем на долгие годы эстафета была передана агентурной группе Уокеров в США и агенту Прайму в Англии, действовавшим вплоть до начала 80-х годов.

Наряду с собственными агентурными возможностями в НАТО в лице агентов Пака и Хэмбелтона, внешняя разведка получает солидное подкрепление разведывательной информацией по главному противнику от разведывательной службы ГДР и по отдельным аспектам стратегической военно-оборонной информации от других союзных служб: польской, чехословацкой, венгерской.

Начало 80-х годов также принесло серьезные успехи в виде вербовки сотрудника ЦРУ Ли Ховарда и сотрудника АНБ Д. Пелтона.

Эта настойчивая, напряженная работа сотрудников внешней разведки, постепенно приближавшихся к своей заветной цели - ЦРУ, не могла не привести к закономерному успеху. И он был достигнут вербовкой в 1985 г. руководящего работника ЦРУ - Олдрича Эймса.

Одна из американских газет, комментируя дело Эймса в связи с его арестом, писала, что до этого создавалось впечатление, что после эпохи Кима Филби и его знаменитых кембриджских коллег, составивших славу НКВД-КГБ, все лучшее у советской разведки позади.

И вот в 1985 году советские разведчики сделали прорыв к источникам огромной ценности, завербовав О. Эймса и его жену. Можно согласиться с таким комментарием, хотя и до Эймса, как видно, внешняя разведка отнюдь не бездействовала и не работала впустую.

Интересно отметить, что внешняя разведка на этой вербовке продемонстрировала большую напористость и боевитость советских разведчиков по сравнению с ЦРУ и ФБР. Дело в том, что

именно эти две американские спецслужбы предприняли наступательную программу по вербовке сотрудников КГБ в Вашингтоне, назвав ее "Кортшип" (в переводе на русский "Ухаживание"). В составе специальной группы по КГБ в ЦРУ и выступал Эймс. В процессе его контактов с сотрудником КГБ, то есть внешней разведки, которого, по идее американцев, он разрабатывал с целью вербовки, он и был сам завербован в апреле 1985 года, о чем американцы узнали лишь через 9 лет, в 1994 году.

РЕАКЦИЯ НА АРЕСТ ЭЙМСА

Эймс и его жена были арестованы 21 февраля 1994 г. Сообщение об аресте было опубликовано в США на другой день, а у нас в России об этом стало известно 23 февраля одновременно с дипломатическим демаршем американцев и первыми высказываниями президента Б. Клинтона и госсекретаря Кристофера. Оба они назвали дело "весьма серьезным".

Клинтон на пресс-конференции вновь повторил, что он считает этот случай очень серьезным. Особенность этого дела, по словам президента, в том, что речь идет не об "обычном шпионаже", а о ветеране ЦРУ с 31-летним стажем. Якобы вербовка высокого должностного лица является нарушением каких-то договоренностей. Есть две причины, сказал президент, требовать от России надлежащих действий. Первая, вербовка высокого должностного лица. Вторую он пока воздержался назвать, обещал сказать, когда придет время.

Вторя Клинтону, госсекретарь Кристофер заявил в необычной для него резкой манере, что США никогда не смогут примириться с "таким образом действий России".

Вот и обнаруживается в этих утверждениях все двуличие американцев. Ведь совсем недавно, только в 1993 году военная коллегия Верховного Суда России осудила полковника ГРУ Вячеслава Баранова как американского шпиона, завербованного значительно позже О. Эймса, в 1989 году. Правы оказываются те американские газеты, которые в связи с делом Эймса и декларациями Клинтона задавали законные вопросы: почему американцы возмущаются Россией, грозят прекращением помощи, если сами делают то же самое против них?

Возникает вопрос, почему нужно было подключать к делу Эймса самого президента. Ведь никогда раньше, даже в случае куда большего ущерба национальным интересам США со стороны других агентов Советского Союза, американская администрация не шумела так беспардонно. Например, даже президент Рональд Рейган, автор определения "империя зла", не упускавший возможности пройтись по поводу "советских происков", не принял участия в публичном обсуждении разоблачения и осуждения группы советских агентов Уокеров.

Комментаторы расценивают такую реакцию президентской администрации на арест Эймса как ответ на недавнее разоблачение действий в России американской разведки и арест "некоего" российского гражданина, который нанес нашим интересам ущерб почти такой же, какой нанес Советскому Союзу в свое время шпион Пеньковский. Это может относиться и к полковнику Баранову, и к осужденному в 1988 году изменнику генерал-майору Д. Полякову, оба бывшие сотрудники ГРУ. Но не только и,

пожалуй, не столько, как какой-то ответный шаг. Это явно была попытка отомстить за смелость, проявленную Москвой в югославском регионе, где Россия выдвинулась вперед Соединенных Штатов. Вот нам и дали понять, чтобы мы знали свое место в сегодняшнем мире, где есть только один главный распорядитель!

Хочу еще раз оговорить, что российские спецслужбы не признают и не отрицают факт работы Эймсов на Москву и их реакция носит характер условный. Однако для меня лично никаких сомнений не остается относительно того, что в лице Эймса внешняя разведка имела действительно выдающегося агента по его информационным возможностям.

Для того чтобы ясно представить ценность такого агента - многолетнего "крота" внутри спецслужбы противника, посмотрим на его служебную карьеру, как она представлена в СМИ США.

КАРЬЕРА О. ЭЙМСА

Прежде всего хочу отметить, что Эймс - потомственный разведчик, его отец также работал в ЦРУ и также был разведчиком, но, как отмечают сейчас црувцы, в отличие от Олдрича был "хорошим парнем". Надо полагать, что именно по рекомендации отца Эймс и поступил в ЦРУ.

В июне 1962 года Эймс завершил оформление в качестве сотрудника ЦРУ и приступил к работе в разведке в качестве аналитика подразделения Управления операций. Здесь он работал с документами, касающимися тайных (то есть подрывных) операций ЦРУ против восточноевропейских стран. Здесь он проработал пять лет, накопив в памяти огромное количество конкретной информации, представлявшей несомненный интерес для советской внешней разведки.

Одновременно в эти годы Эймс учился в университете, по окончании которого осенью 1967 года перешел на оперативную работу, начав в декабре спецподготовку, после окончания которой через год был направлен в советско-восточноевропейский отдел.

В 1969 году его направляют в первую заграничную командировку в Турцию, где он пробыл до 1972 года. После не очень удачной работы в Турции с 1972 по 1976 год Эймс все время работал в советско-восточноевропейском отделе, где на штабной работе показал себя с наилучшей стороны.

Интересно, что как раз в этом отделе, являвшемся, по существу, главным организатором оперативных дел ЦРУ против Советского Союза, в 1974 году Эймс получил доступ к материалам о самих ценных агентах ЦРУ. Эти знания явились важным "багажом" агента для внешней разведки.

С 1976 по 1981 год Эймс работал на так называемой базе ЦРУ в Нью-Йорке, где он, как отмечается в докладе генерального инспектора ЦРУ Фредерика Хитца о расследовании "дела О. Эймса", добился наибольших успехов за всю свою разведывательную карьеру. За этот период он получил целый ряд повышений по службе. Как промелькнуло в одном из газетных

сообщений, Эймс якобы вербовал и изменника А. Шевченко. Не знаю, соответствует ли это действительности, но если правда, то вербовка заместителя генерального секретаря ООН - по существу, наивысший ранг советского представителя в этой международной организации - дело исключительно большого успеха, что оправдывает дальнейшее продвижение Эймса по служебной лестнице ЦРУ.

После этого состоялась вторая загранкомандировка Эймса - в Мексику, где он пробыл с 1981 по 1983 год, однако вновь без особых успехов. Там он и познакомился со своей будущей женой - атташе по культуре колумбийского посольства Марией дель Росарио Касос.

В штаб-квартиру Лэнгли Эймс вернулся с повышением в должности. Он становится начальником отделения советско-восточноевропейского отдела. Это была очень важная для внешней разведки позиция, дававшая Эймсу доступ к советским операциям ЦРУ по всему миру.

Успешный служебный рост Эймса выразился и в том, что именно ему доверили проведение допросов перебежчика Виталия Юрченко с августа по сентябрь 1985 года.

В 1986 году Эймс выезжает в третью командировку - в Италию, по возвращении из которой в 1989 году вновь назначается начальником отделения советско-восточноевропейского отдела и опять получает доступ ко многим важным документам. Здесь он работает до конца 1990 года, по существу, контролируя все операции, замышляемые и осуществляемые ЦРУ против Советского Союза.

Наконец, в октябре 1990 года Эймс переводится в наиболее важный для интересов внешней разведки контрразведывательный центр ЦРУ, где проработал до августа 1991 года.

Как следует из сообщений американских СМИ, Эймс активно использовал в подготовке разведывательной информации для внешней разведки свой персональный компьютер. Если учесть, что он имел доступ к электронным банкам самой секретной информации ЦРУ, то можно представить, как он, работая дома и используя известные ему ключи и пароли, черпал из этих банков интересовавшую нашу службу информацию.

Работая в контрразведывательном центре над аналитическими документами по КГБ и связанным с ним проблемам, Эймс имел доступ к любому делу и документу, касавшемуся КГБ и вообще советских спецслужб, и другой важной информации, поступавшей в ЦРУ. В этот период агент пользовался значительным авторитетом, о чем свидетельствует то, что на два месяца его приглашали руководить рабочей группой по КГБ, созданной в советско-восточноевропейском отделе. Это совпало с августовско-сентябрьскими событиями 1991 года в СССР.

С декабря 1991 года Эймс фактически отодвигается от оперативных разведывательных операций ЦРУ с переводом в Центр по борьбе с наркотиками, где он работал вплоть до ареста. Но и здесь, отвечая за организацию обмена разведывательной информацией с союзными США

странами в области наркотиков, он сохранял значительные информационные возможности для внешней разведки.

Судя по приведенной служебной карьере Эймса, трудно считать его каким-то "неудачником в ЦРУ", как пытались после ареста характеризовать его представители этого ведомства. Очевидно, можно согласиться, что вербовщик новой агентуры для ЦРУ из него не получился, хотя если версия о вербовке им Шевченко правда, то едва ли можно так говорить. Но он оказался, безусловно, ценным агентом для нашей службы, как исключительно способный аналитик.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЕЛА ЭЙМСА ДЛЯ ЦРУ

Вербовки внешней разведкой такого "высокопоставленного должностного лица", как определял Эймса президент Клинтон, руководящего сотрудника ЦРУ, естественно, вызывала серьезные последствия не только для американской разведки и всех спецслужб США, но и для других американских правительственных ведомств и специальных служб союзников США. Так, например, после ареста Эймса канадская служба контрразведки (КСИС) установила, что он мог быть в курсе проводившихся КСИС совместно с ЦРУ операций против СССР.

Курируя подразделение внешней контрразведки ПГУ КГБ в 1960-1966 годы, то есть в самый разгар деятельности бывшего тогда начальником контрразведки ЦРУ Дж. Энглтона, я довольно исчерпывающе представлял практически неограниченные оперативные возможности этого контрразведывательного подразделения ЦРУ. Всевластие Энглтона и его контрразведывательного подразделения было полностью подтверждено исследованием Д. Уайза "Охота на кротов", появившимся в США в 1992 году. Как следует из этого авторитетного источника информации о действительном положении в ЦРУ, контрразведывательный отдел ЦРУ не только имел полный доступ к личному досье на любого сотрудника этого ведомства, а также всем архивным материалам, включая особо важного характера, но и мог запрашивать интересовавшую его информацию из ФБР, РУМО и других правительственных органов США.

Хотя начало сотрудничества Эймса с советской разведкой относится к середине 80-х годов, когда полномочия и сфера деятельности контрразведывательной службы ЦРУ были значительно сужены, этот орган, отвечавший за безопасность деятельности американской разведки, безусловно сохранил большинство своих функций, и приобретение агента - сотрудника отдела, ведущего работу против СССР, практически делало для внешней разведки доступными многие сокровенные секреты ЦРУ.

Работа начальником отделения советско-восточноевропейского отдела с 1984 года и вплоть до октября 1990 года совпадает с началом активного сотрудничества Эймса с внешней разведкой. Ясно, что для агента в этот период нет секретов из области деятельности ЦРУ против Советского Союза и его восточноевропейских союзников. Поэтому не вызывают удивления сообщения американских средств массовой информации о том, что он якобы выдал внешней разведке всех агентов ЦРУ, завербованных в Советском Союзе, в том числе и в первую очередь "кротов", действовавших в советских спецслужбах.

Так, из сообщения из Вашингтона от июня 1995 г. следует, что #Эймс выдал 13 агентов ЦРУ, среди них таких важных "кротов", как Поляков Дмитрий Федорович в ГРУ, Мартынов В., Моторин С., Варенник Г., Пигузов В., Полещук

Л., Южин Б. - все сотрудники внешней разведки# (Кого выдал Эймс. Новости разведки и контрразведки. 1995. N 17-18, со ссылками на три новых книги об

О. Эймсе: Уайз Д. Идущий в ночи; Маас П. Шпион-убийца; Дженстон Д., Смит Н. и Уйнер Т. Измена).

Не ставя под сомнение эти пока односторонние американские сообщения об изменниках-сотрудниках внешней разведки, не могу не заметить, что упоминание в этом списке изменника Полякова едва ли соответствует действительности, во всяком случае в отношении "выдачи" его Эймсом.

Если сопоставить возникшие в ГРУ уже в начале 80-х годов подозрения о предательстве генерал-майора ГРУ, о чем рассказано в разделе об операции ТФП ЦРУ в ГРУ, то могу предположить, что Эймс мог дополнить своим сообщением уже имевшиеся подозрения. Разоблачен же этот "крот" был советской военной контрразведкой, хотя и с неоправданной задержкой.

Американцы гневаются за потерю агентов и "жестокое" наказание за измену, и это, вероятно, справедливо, но свидетельствует также о лицемерности этого "гнева". Ведь Россия имеет не меньше прав на секретную деятельность в США, чем Соединенные Штаты - на шпионаж в России. Кстати, Эймс выдавал не своих соплеменников-американцев, а тех российских изменников, которые и отвечали за творимое ими для Родины зло.

А вот американский шпион Поляков выдавал американцам своих сограждан, обрекая российских разведчиков на американские тюрьмы. Почему же американцы считают это закономерным?

Говоря о деятельности Эймса, как агента внешней разведки, полагаю, что не только разоблачением американских агентов в Советском Союзе был ценен его вклад в решение разведывательных задач по США. Он должен был давать много ценной информации не только по ЦРУ, но и по другим политическим органам американского правительства.

Являясь прежде всего политической разведкой, ЦРУ неизбежно находится в курсе всех важнейших внешнеполитических акций США, как самостоятельных, так и во взаимодействии с союзниками по НАТО. Полагаю, что сам Эймс мог не отдавать отчета в значении той информации, которую передавал внешней разведке. Поэтому следователи ЦРУ и ФБР не могут достоверно определить ущерб для США, который смог причинить этот агент внешней разведки, даже при самом добросовестном выполнении Эймсом договоренности с ЦРУ.

В американской прессе много писалось и продолжают появляться сообщения о трудностях, с которыми встречалась специальная команда из следователей ЦРУ и детективов ФБР, представителей Пентагона и некоторых других американских ведомств, перед которыми была поставлена задача определить ущерб, нанесенный Эймсом безопасности США. Работая больше

года, проведя сотни допросов Эймса и бесчисленного количества сотрудников спецслужб, имевших отношение к деятельности Эймса, команда так и не смогла сказать, что ею учтен весь ущерб, нанесенный нашим "кротом" в ЦРУ. Причин этому оказалось много. Вот некоторые из них:

- за почти девятилетнее сотрудничество Эймса с внешней разведкой он просто не помнит все, что передавал нашим;

- многое, что он брал из архивов и действующих дел ЦРУ, он сам не читал и не знает содержания переданных им материалов;

- поскольку Эймс любил выпить и часто уже не совсем трезвым передавал материалы и устные сообщения, он не мог сохранить их в памяти, затуманенной алкоголем;

- многие материалы, в том числе и об агентах ЦРУ в России, не содержали конкретных имен, и сам Эймс не знал, о ком в них сообщалось. Только внешняя разведка после анализа могла выходить на имена изменников;

- одной из сложнейших для ЦРУ задач оказалось определить, кого из источников информации в СССР мог выявить или помочь внешней разведке выявить Эймс, которые могли быть перевербованы КГБ и стали дезинформаторами. #По мнению экспертов ЦРУ, целый ряд таких дезинформационных сообщений, которые ЦРУ считало достоверными и передавало в другие американские ведомства, в том числе в Пентагон, привели к бессмысленным расходам многих десятков миллионов долларов# (Стуруа М. ЦРУ до сих пор не знает, сколько секретов продал Москве Олдрич Эймс. Известия. 1995, 31 августа).

Последствия дела Эймса для ЦРУ оказались двоякими: внешними и внутренними.

Внешние последствия вылились в резкую критику деятельности ЦРУ и ее расследование как по служебной линии, так и по правительственной - со стороны конгресса, а также расследование со стороны СМИ.

Начавшаяся острая атака американского конгресса на ЦРУ в связи с полным провалом американской разведки в деле Эймса привела к отставке директора ЦРУ Джеймса Вулси, не проработавшего на этом посту и года.

Пришел новый директор Джон Дейч, и, естественно, начался процесс "чистки" всей службы, прежде всего на руководящем уровне. Как такие события болезненно сказываются на всей деятельности разведки, мы, сотрудники внешней разведки, пережившие в прошлом не одну такую "чистку" у себя, хорошо знаем.

Наряду со сменой руководства конгресс США предпринял ряд слушаний состояния дел в спецслужбах, по существу, вылившихся в расследования, что понятно, ибо республиканское большинство законодательного органа стремится набрать как можно больше очков против демократической администрации.

Расследование, предпринятое генеральным инспектором ЦРУ, призванное нейтрализовать негативные для разведки последствия дела Эймса, выявило много серьезных проколов в этой службе и нарушений правил обеспечения безопасности, в том числе в области проверки лояльности сотрудников. Проверка на детекторе лжи (случай с Эймсом был на таком низком уровне, что явные признаки настораживающего порядка не были приняты во внимание, хотя Эймс трижды проходил такую проверку и каждый раз результаты оказывались неудовлетворительными.

Доклад главного инспектора ЦРУ показал, что в течение всех лет сотрудничества Эймса с внешней" разведкой существовали подозрения на проникновение в службу советского "крота". Кстати, по оценке Эймса, высказанной им уже после ареста в интервью из тюрьмы, и по мнению ряда сотрудников ЦРУ, атмосфера всеобщей подозрительности времен Энглтона вызвала реакцию обратного порядка, когда в ЦРУ стали проходить мимо явных признаков ненормального поведения отдельных сотрудников. Так, систематические пьянки Эймса считались его коллегами обычным явлением, тем более что такое же поведение отмечалось у многих сотрудников. Долгое время, практически до самого ареста Эймса, его неосторожное обращение с крупными суммами денег, которые он получал от внешней разведки, не вызывало недоуменных вопросов. Были с его стороны и другие проступки: неаккуратность в обращении с секретными документами, с их хранением. Но, как отмечалось в СМИ, после эры всеобщей подозрительности в ЦРУ проявление простой естественной бдительности считалось явно нежелательным рецидивом заклейменного прошлого. Все это позволяло Эймсу пренебрегать мерами безопасности, способствовало ускорению его расшифровки.

Как отмечает главный инспектор, Эймс стал считать, что правила для других на него не распространяются. То есть, говоря по-русски, был убежден, что он "сам с усам".

С момента вербовки в 1985 году Эймс, боясь, что ЦРУ может стать известно о его сотрудничестве с внешней разведкой через завербованных ЦРУ "кротов" в КГБ, стал из чувства самосохранения выдавать всех известных ему американских агентов в СССР (Мзаречлов М. Охота за "кротом". Новости разведки и контрразведки. 1995. N 1-2).

После ареста Эймса свое расследование положения в ЦРУ провел журнал "Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт", о результатах которого на страницах этого авторитетного издания доложили Д. Уоллкотт и Б. Даффи. В нем раскрывается обширная в своей неприглядности картина внутреннего положения в ЦРУ. Это расследование лишний раз показывает, что эта самая мощная из западных разведок, располагая огромными финансовыми и материально-техническими средствами, совершала и совершает столько грубых политических и профессиональных ошибок и просчетов, что дело Эймса на фоне их не может считаться чем-то особо исключительным (За рубежом. 1994, 2-8 сентября).

Один из авторов журналистского расследования Б. Даффи в апрельском номере той же газеты опубликовал обширную статью о версии разоблачения Эймса под заголовком "Последний шпион "холодной войны". Из этой статьи следует, что долгое время ЦРУ считало провал своей агентуры делом рук не одного "крота", а нескольких агентов. Лишь в мае 1993 года подозрения сконцентрировались на Эймсе, когда было заведено по нему следственное

дело под кодовым названием "Полуночник". Сама же охота за "кротом" была названа "Кинжал", и началась она еще до вербовки Эймса внешней разведкой.

Интересна версия провала Эймса, высказанная П. Маасом в его книге "Шпион-убийца".

Решающие сведения, которые заставили сотрудников ЦРУ и ФБР, занятых поисками "крота", сосредоточить внимание на Эймсе в начале 1993 года, поступили из источника, имеющего доступ к досье бывшего КГБ. Этот источник не назвал имени Эймса, однако сообщил его псевдоним Колокол, известный ЦРУ, а также, что Колокол встречался со своим связником в Боготе (Колумбия) и Риме, где Эймс действительно бывал.

Приводятся интересные подробности. Осенью 1985 года ФБР и ЦРУ разработали программу под кодовым названием "Ухаживание" с целью вербовки агентов из состава сотрудников посольства СССР. Когда объявили о начале операции "Ухаживание", Эймс вызвался участвовать в ней. Полагаю, не без подсказки внешней разведки.

"В то время, как группа "Кинжал" копалась в пыльных личных делах, Эймс разъезжал по Вашингтону, встречаясь вполне легально с Юрием Чувайкиным, который официально числился экспертом по ядерному оружию. На самом же деле его задачею было поддержание связи с Эймсом" (Даффи Б. Последний шпион холодной войны. Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт. 1994, сентябрь).

В статье приводится много других обстоятельств и деталей оперативной разработки Эймса ЦРУ с активным участием с апреля 1991 года ФБР, завершившейся арестом Эймса и его жены 21 февраля 1994 года. Перипетии этой разработки поучительны с точки зрения методов работы контрразведывательных служб США, и их полезно учитывать в работе внешней разведки.

Рассуждая о деле Эймса, должен признаться, мне до боли жаль его самого и его семью. Мои чувства, когда я узнал об аресте этих агентов внешней разведки, были двойственными:

чувство радости, что и сегодня, в годы смутной перестройки, моя родная служба добилась такого успеха, проникнув в ЦРУ, и чувство искреннего сочувствия этой супружеской паре в постигшем их несчастье. Я всегда был склонен реально смотреть на мир и философски учитывать возможность провала. Ведь разведка - это постоянный риск, возможность осечки, срыва, провала. Жаль только, что очень часто эти провалы происходят из-за предательств, измен или в результате того, что мы и наша агентура подчас забываем об этой позорной слабости человека к предательству.

И получается, что успешная деятельность Кима Филби была сорвана предательством целого ряда изменников, многолетнее сотрудничество с советской разведкой Прайма и агентурной группы Уокера было провалено из-за предательства, так же был разоблачен агент Джонсон, участвовавший в операции "Карфаген". Правда, три последних провала были результатом излишней откровенности агентов перед женами, предавшими их.

В то же время, думал я, рассматривая историю советской внешней разведки, наличие ее "кротов" в иностранных спецслужбах не раз помогало избегать серьезных провалов. Так, сведения, своевременно полученные из ФБР о предательстве агента Е. Бентли, позволили внешней разведке принять профилактические меры и уберечь ряд ее ценных агентов. Информация, полученная из недр американской контрразведки, предоставила возможность благополучно отвести угрозу от супружеской пары Коэнов, которые после отдыха и подготовки в СССР более 5 лет успешно работали на Британских островах, теперь уже не как агенты, а разведчики Крогеры под руководством резидента нелегала Бена. И опять-таки успешная работа этих трех советских разведчиков была прервана предательством поляка М. Голеневского.

Своевременное получение внешней разведкой информации об измене "Гарта" в Канаде позволило не только нейтрализовать неизбежные негативные последствия этого предательства, в том числе и избежать захвата канадской контрразведкой другого советского разведчика-нелегала Филина, но и выманить изменника в Советский Союз и наказать его, одновременно продолжая начатую с канадской контрразведкой оперативную игру, заставляя ее в течение целого года тратить усилия впустую.

Все это так, но жаль, безмерно жаль семью Эймсов, которые были ценными агентами, представлявшими ценную информацию, позволявшую нейтрализовать деятельность целого ряда изменников - "кротов" ЦРУ в советских, затем российских специальных службах.

Они в глазах советских разведчиков всегда были людьми со всеми их сильными и слабыми сторонами. И никогда наша служба не рассматривала их так цинично, как часто делают по отношению к своим агентам западные спецслужбы
- ЦРУ, МИ-6, СДЕСЕ, БНД. Особенно, когда агенты проваливаются или чем-то не удовлетворяют своих хозяев.

Об этом не стесняются говорить и писать в своих мемуарах бывшие сотрудники, а также бывшие агенты этих служб.

Не случайно Эймс уже из тюрьмы высказывался только положительно о работавших с ним советских разведчиках, подчеркивая, что ни разу его человеческое достоинство не было ими унижено, всегда к его нуждам и чувствам относились с уважением и внимательно.

Вот на этой мажорной ноте мне и хочется завершить пока свои рассуждения о весьма неприятной, но, к сожалению, постоянно напоминающей о себе проблеме предательства в разведке.

ОПЕРАЦИЯ "ФЕНИКС"

На операции "Кинжал" совсем собрался завершить раздел по США, считая ее не только самой выдающейся операцией за последнее десятилетие, венчающей достижения внешней разведки на Американском континенте, но и последней по времени. Но я ошибся.

15 ноября 1996 года поступило сообщение из Вашингтона об аресте там "нового шпиона" российской внешней разведки из числа все тех же сотрудников ЦРУ - Гарольда Никольсона.

Но этому сообщению предшествовала шумная пропагандистская кампания в американских СМИ, прозвучавшая и в других западных странах, в связи с арестом 29 октября в США российского бизнесмена Владимира Галкина.

Предлогом для его ареста явился надуманный факт, что он, будучи сотрудником внешней разведки, где-то за границей что-то делал против американцев. То, что это была продуманная провокация Вашингтона против российской внешней разведки, стало ясно для всего мира.

Обращаясь к американцам за въездной визой, Галкин не скрывал, что до 1992 года служил во внешней разведке. После его задержания агенты ФБР прилагали усилия к тому, чтобы склонить его к предательству, прельщая его всевозможными посулами, а при отказе угрожая многолетним тюремным заключением.

Полковник в отставке с негодованием отверг все подобные предложения.

Решительная позиция России и, в частности, предупреждение российских спецслужб предпринять ответные меры против американских бизнесменов, находящихся в России, заставили Вашингтон отказаться от дальнейших провокаций, а госдепартамент принести извинения за "ошибку".

Не прошло и двух дней после освобождения Галкина, как ФБР и ЦРУ совместно объявили об аресте российского шпиона.

Как же представляется это дело по сообщению американских СМИ.

Прежде всего бросалась в глаза поспешность, с которой американцы выступили с новым антироссийским делом, явно пытаясь сгладить негативное впечатление об авантюре ФБР новым успехом этого контрразведывательного ведомства. Прослеживается аналогия с делом Эймса, когда за его разоблачением последовали подробности успехов ЦРУ и ФБР в деле "Януса".

Поспешность ФБР видна уже в том, что дело Г. Никольсона не было представлено общественности в достаточно убедительной форме, хотя его подозревали чуть ли не с 1994 года. Он сразу же заявил, что отказывается признавать себя в чем-либо виновным.

На фоне дела Галкина, которое имело все признаки продуманной политической провокации, как считают американские эксперты, ФБР опять не подготовило согласованной с ЦРУ и госдепартаментом позиции.

Итак, снова ветеран ЦРУ с шестнадцатилетним стажем руководящей работы Гарольд Никольсон, согласно единогласным заявлениям директоров ФБР
Л. Фри и ЦРУ Джона Дейча, оказался агентом внешней разведки РФ.

Как легендарная птица Феникс, из неостывшего еще пепла провала Эймса возник новый "крот" в этой "непобедимой" разведслужбе.

Согласно сообщениям американских газет, сорокашестилетний ветеран успел побывать в зарубежных резидентурах ЦРУ в Маниле, Бангкоке, Токио и Бухаресте, в том числе заместителем резидента и резидентом. Был назначен инструктором на секретную базу по подготовке разведчиков, называемую в ЦРУ "Фермой". Там он готовил сотрудников ЦРУ для работы в резидентурах, в частности в России.

Завербован он был внешней разведкой якобы в 1991 году, а попал под первичное подозрение в 1994 году, то есть в год ареста Эймса.

По словам директора ФБР Фри, Никольсон передавал внешней разведке "информацию, критически важную для национальной безопасности США". По оценке одного из руководителей ЦРУ, "главный вред от деятельности Никольсона состоит в том, что будет трудно, если не невозможно, для ЦРУ использовать некоторых из недавно подготовленных офицеров на важных должностях за рубежом в течение всей их дальнейшей карьеры, в связи с тем что они стали известны через Никольсона внешней разведке" (Надеин В. Новый виток в войне разведок. Известия. 1996, 20 ноября).

В связи с этим сообщением из США, если оно соответствует действительности, мне невольно вспоминается дело бывшего сотрудника внешней разведки, изменника Пигузова, завербованного ЦРУ и занимавшего аналогичный пост в институте по подготовке сотрудников внешней разведки. Тогда можно считать вербовку Феникса нашим реваншем, мы рассчитались с ЦРУ.

И еще хочется думать, что, как и после провала Эймса, разоблачение Феникса не оставит это место вакантным. Можно предположить, что уход Феникса с "поста" в ЦРУ не будет означать потерю внешней разведкой "своего всевидящего глаза" внутри этой разведслужбы.

Видимо, наши "кроты" обладают чудесными свойствами возрождаться. Могу только пожелать, чтобы так было и дальше.

Как бы в подтверждение этого звучат слова передовой статьи в американской газете "Вашингтон Пост": "Хотя ЦРУ и ФБР представили арест Никольсона как доказательства того, что они извлекли урок из унизительной истории с Эймсом, некоторые бывшие представители разведки предупреждают, что пока еще слишком рано радоваться", и далее: "дело Никольсона свидетельствует о том, что таких людей больше, чем мы полагали" (Вашингтон Пост, ноябрь 1996).

И еще одно важное обстоятельство. В процессе обсуждения дела Никольсона с прессой директор ЦРУ Джон Дейч (теперь уже бывший) признал, что #за последние 20 лет из пятидесятилетней истории ЦРУ имели место 70 случаев предательства в рядах этой организации# (Николаев В. Новый гол в ворота ЦРУ. Новости разведки и контрразведки. 1996, N 23).

Вот так-то. Нашу разведку попрекают все кому не лень за якобы неимоверное количество измен, которых всего было за полвека 36 (см. Приложение N 6), а в ЦРУ всего за 20 лет предателей оказалось в два раза больше.

ОПЕРАЦИЯ "МОГИКАН"

Не могу сказать, становится ли со временем писать мемуары сложнее или легче, но на своем опыте убеждаюсь, что во всяком случае интереснее.

Судите сами, когда описывал пятидесятилетней давности операцию ТФП внешней разведки в ФБР, мне казалось, что эта американская контрразведывательная крепость действительно неприступна для нас. Ведь не вспоминается мне какая-либо аналогичная успешная операция против этого бюро. И вот не успело начаться дело "Феникса", как 18 декабря 1996 года грянуло новое обвинение в адрес российской внешней разведки о вербовке на этот раз американского контрразведчика из ФБР - Эрла Питтса. Вот и дождался я повторения ТФП в эту неприступную крепость.

Согласно опубликованному в СМИ обвинительному заключению, Питтс (пусть далее будет "Могикан") был завербован внешней разведкой в 1987 году, когда он служил в наиболее мощном отделении американской контрразведки - нью-йоркском.

В деле Питтса прослеживается аналогия с делами Эймса и Никольсона. Оба они были завербованы, когда пришли в контакт с советскими разведчиками, которых им поручалось разрабатывать с целью вербовки.

Так и "Могикан" был завербован, когда в его обязанность входило следить за "советскими дипломатами-шпионами" из представительства СССР при ООН.

Получается, что сотрудники американских спецслужб не выдерживают личного соприкосновения с нашими разведчиками.

И еще одна аналогия дела "Могикана" с делом "Феникса":

Питтс тоже после активной работы был переведен в школу по подготовке агентов ФБР в Куантико.

В течение пяти, а быть может, и больше лет "Могикан" передавал сначала советской, а затем российской разведке секретную и конфиденциальную информацию о ФБР.

По словам директора ФБР Фри, деятельность "Могикана" нанесла серьезный ущерб национальной безопасности США. По его оценке, меньший, чем Эймс, но больший, чем Никольсон.

Провал "Могикана" произошел в результате получения ФБР сигналов из двух источников от его жены, также работавшей в ФБР, и якобы от бывшего советского дипломата. Получив эти

сигналы, ФБР провело провокационный подход к "Могикану" якобы от внешней разведки, на который "Могикан" откликнулся и дал в руки ФБР конкретные доказательства своей вины (Стуруа
М. Предан за право жить в Америке. Известия. 1996, 20 декабря).

Если это действительно так и "Могикан" позволил подловить себя на такую дешевую наживку, то, очевидно, в работе с ним разведчики допустили какие-то просчеты, не обеспечив проявление с его стороны большой осторожности и бдительности. Он же как контрразведчик проявил непонятную непрофессиональную наивность.

В заключение одно соображение, вытекающее из урока провалов "Кинжала" и "Феникса", коль скоро, как сообщала пресса, подозрения в неискренности этих сотрудников перед руководством ЦРУ возникли в результате испытаний на детекторе лжи, очевидно, следует обратить особое внимание при подготовке агентов, участвующих в операциях ТФП в иностранные спецслужбы, к прохождению таких проверок.

Американские СМИ на разные лады объясняют обстоятельства разоблачений Эймса, Никольсона и Питтса и сходятся на вероятности того, что их выдал законспирированный "крот" ЦРУ, остающийся в недрах российской внешней разведки.

Иначе трудно понять, пишут американские газеты, почему, например, в деле Питтса ФБР потребовались двухлетние усилия и затраты в полтора миллиона долларов, чтобы "разбудить" ушедшего на дно российского шпиона и спровоцировать его на якобы возобновление шпионской деятельности в пользу России. Чтобы целых два года долбить в одну точку, требовалось иметь невероятную уверенность в точности полученной наводки на него.

Никольсон, который собирался утверждать о своей невиновности, вдруг согласился с обвинением, очевидно поняв, полагают газетные комментаторы, что в распоряжение следствия могли поступить новые улики, скорее всего из Москвы.

На вероятное наличие глубоко законспирированного источника в Москве намекает Питтс в своей книге "Признание шпиона: истинная история Олдрича Эймса". Он делает такой вывод, анализируя в ней многие несуразности и нестыковки официальных версий о положении и действиях Эймса в ЦРУ (Николаев В. Новый гол в ворота ЦРУ. Новости разведки и контрразведки.
1996. N 23).

После того как за последние пару лет последовали крупные провалы американской разведки (дела Эймса, Никольсона) и ФБР (дело Питтса), спецслужбы США, явно в целях своей реабилитации, начали очередную "охоту на ведьм". В этом отношении дело Эрла Питтса является показательным: последние годы он находился вне всякой связи с российской внешней разведкой, но был подключен ФБР с использованием провокационных методов к фиктивной разведывательной работе якобы на русскую разведку. Эти методы, успешно сработавшие против американских конгрессменов, спровоцированных агентами ФБР на получение взяток, ФБР цинично использовало при разоблачении как агента внешней разведки бывшего 30 лет

тому рядовым вспомогательным сотрудником АНБ Роберта Липки. Этот "агент", по существу, выданный американцам О. Калугиным, описавшим в своей книге эпизод его кратковременного контакта с советской внешней разведкой, более 28 лет мирно занимался своими обыденными делами, пока специальные агенты ФБР не вычислили его имя по информации Калугина и спровоцировали на якобы возобновление сотрудничества с внешней разведкой.

Провалы ЦРУ отразились и на положении в других западных спецслужбах. Прежде всего, серьезные поражения самой мощной западной разведки объективно повысили престиж российской внешней разведки в мировом разведывательном сообществе. Теперь, думаю, будет труднее продолжать ставшие нередкими выступления разного рода "специалистов от разведки" с негативными оценками нашей разведслужбы, якобы сильно уступающей в профессиональном отношении западным службам.

Другим следствием дел Эймса и Никольсона является тревога западных руководителей за способность своих спецслужб противостоять деятельности внешней разведки, которая уже начинает вызывать панические настроения.

Так, британские спецслужбы, называя угрозу со стороны внешней разведки главной, идут на принятие прямо анекдотических мер. Выявив у отдельных своих сотрудников личное финансовое неблагополучие или просто материальные затруднения, руководители этих служб просто избавляются от таких лиц, увольняя их с работы. В тех же целях проводят проверки банковских счетов всех своих сотрудников, устраивают личные обыски при выходе их с работы.

Таковы практические выводы, которые делают эти службы из провалов ЦРУ.

Надо полагать, что такие меры не повысят моральный дух британских разведчиков, что также будет играть на руку российской внешней разведке.

ОПЕРАЦИИ В ТУМАННОМ АЛЬБИОНЕ

О ряде агентурных операций ТФП, в том числе и о тех, что проводились внешней разведкой на Британских островах или в связи с деятельностью английских спецслужб, я уже рассказал. Но в послевоенной истории советской внешней разведки не один К. Филби или Д. Блейк вызывали восхищение наших друзей, ненависть наших врагов и нескрываемую зависть многих западных спецслужб. Такие советские разведчики, как Р. Абель, Бен (Лонсдейл), несмотря на их провал, последовавший не по их вине, получили широкую известность.

Что же касается реакции западных спецслужб, то их не могла не поразить полнейшая беспомощность западных контрразведок как американской в деле Абеля, так и британской в отношении Бена и двух его сотрудников - супругов Крогер. Ведь они не смогли вскрыть конкретную разведывательную деятельность, проводившуюся ими до ареста, помимо того, что контрразведкам стало известно от изменников Вика и М. Голеневского.

Высокая бдительность и профессионализм в работе, стойкость и мужество после ареста, проявленные этими разведчиками, предотвратили превращение судебных процессов и сопутствовавших им антисоветских кампаний в нечто большее, чем обвинение против них лично. Более того, процесс над Абелем, например, способствовал повышению престижа советской внешней разведки.

В Англии суд над группой Бена сопровождался осуждением и еще двух его агентов, также выданных Голеневским. Ни один другой сотрудник внешней разведки, причастный к деятельности Бена, несмотря на все потуги британской контрразведки, не был обнаружен ею, так же, как и другая агентура его резидентуры.

Поведение этих разведчиков представляло яркий контраст с поведением изменников-перебежчиков. Они не только выкладывают все, что им стало известно за время работы во внешней разведке или ГРУ, но и соревнуются в домыслах и клевете, на которую оказываются необычно способными. Правда, в этом им помогают их новые хозяева в спецслужбах.

Так же, как правило, ведут себя западные разведчики, оказавшиеся в наших руках.

Действительно, мне не известен ни один западный разведчик, который бы не выкладывал при аресте и осуждении все, что он знал. Особой стойкостью ни сотрудники ЦРУ, ни СИС не отличаются. И тем более агенты этих служб.

Однако должен признать, что большинство агентов внешней разведки из числа иностранцев ведут себя таким же образом.

Поскольку, несмотря на провал самих разведчиков, их главные профессиональные секреты остались неизвестными Западу, я не собираюсь при описании операции их ТФП в спецслужбы приводить те факты и подробности, которые остаются за кадром.

Поскольку, как я уже упоминал, руководство американских спецслужб бросало в прошлом упреки британским службам безопасности за просчеты в борьбе с советской внешней разведкой, в частности в связи с делом агента Прайма, очевидно, целесообразно показать историю этого агента, чтобы читатель сам соразмерил ущерб, нанесенный им "союзным секретам", сопоставив его с тем, что раскрыли внешней разведке и ГРУ те американские агенты, истории которых я уже рассказал. Могу сразу согласиться с ЦРУ, что, действительно, вербовка и работа с агентом Праймом, внедренным в самую секретную британскую службу ШПС (Штаб правительственной связи) в течение 14 лет, является выдающимся достижением внешней разведки.

Но ведь и в США точно такое же продолжительное время и в аналогичной области вскрытия криптологических секретов действовала агентурная группа Уокера. О ней я буду говорить в другой главе, а сейчас, коль скоро Прайм уже фигурирует в операциях ТФП в спецслужбы, расскажу о нем более подробно.

Но прежде хочу рассказать об операции агентурного ТФП в спецслужбу Британского военно-морского ведомства в Портленде, руководил этой операцией разведчик-нелегал Бен. А таким славным бойцам невидимого фронта, которых я называю рыцарями разведки, я отдаю предпочтение, испытывая к ним глубочайшее уважение, восхищаясь их мужеством, стойкостью и скромностью. Примером тому являются уже описанные мною дела Зорге, Филби, Ахмерова и Абеля.

ОПЕРАЦИЯ "ПОРТЛЕНДСКОЕ ДЕЛО"

Эта операция для меня имеет особое значение, поскольку руководил ею мой воспитанник нелегал Бен, а помогали ему бывшие американские агенты супруги Л. и М. Козны, также близкие мне люди.

Поскольку речь идет о деятельности нелегальной резидентуры в Англии, создававшейся под моим непосредственным руководством в то время, когда я работал в подразделении нелегальной разведки ПГУ, хочу подробнее остановиться на истории создания этой резидентуры, хотя уже описал ее в своих воспоминаниях (Павлов В. Г. Операция "Снег". М., 1996).

Эта операция во многом связана с сотрудничеством внешней разведки с польскими спецслужбами и с моим пребыванием в Польше.

Как я уже упоминал в связи с участием разведчика Гарри в операции Кима Филби "Три карты" в США, во время работы в нелегальной разведке мы проводили ряд успешных дел через территорию Польши. Помимо Гарри, мы перебрасывали на Запад ряд разведчиков-нелегалов под видом иностранцев, якобы длительное время проживавших в этой республике.

Но в операции "Портлендское дело" возникла как бы двойная связь с Польшей, и в одном, к несчастью, предательство сотрудника польских спецслужб М. Голеневского (см. операция "Снайпер").

Суть операции "Портлендское дело" состояла в следующем.

В начале 50-х годов в Польше при взаимодействии и некоторой помощи польских органов безопасности советская внешняя разведка завербовала сотрудника военно-морского атташата посольства Англии в Варшаве "Шаха". Как выяснилось, к сожалению, уже значительно позже, лет через десять, один из польских сотрудников - М. Голеневский, принимавший участие в оказании нам помощи при вербовке "Шаха", выросший за это время до руководителя оперативно-технического подразделения польской спецслужбы, в 1958 году встал на путь измены, установив контакт с ЦРУ. Американская разведка присвоила ему псевдоним "Снайпер".

Итак, не зная об осведомленности "Снайпера" об агенте "Шахе", внешняя разведка наметила план использования его для внедрения в интересовавший нас британский объект: в секретный военно-морской исследовательский центр подводного флота в Портленде, где

проводились научно-исследовательские работы по защите подводных лодок от их обнаружения. Эта задача была поручена разведчику-нелегалу Бену, под руководством которого мы создавали нелегальную резидентуру в Лондоне.

В связи с формированием личного состава резидентуры и возникла идея использовать "польские связи". Описывая операцию ТФП с участием разведчика Абеля, я упоминал его агентов - супругов Коэн, Морриса и Лону. Так вот, Лона была американкой польского происхождения, ее девичья фамилия Петке. Парадокс ее жизни оказался в том, что ее, польку по происхождению, выдал поляк-изменник. А выручали мы ее вместе с мужем из британской тюрьмы, опираясь на легенду их "польского гражданства". Хотя, как я уже упоминал, подробно эпопея резидентуры изложена мною в основных воспоминаниях, хочу еще раз представить это дело в свете рассмотрения операций агентурного ТФП.

Действуя по указаниям внешней разведки, "Шах" устроился по линии британского Адмиралтейства на базу в Портленде и стал искать пути к проникновению в хранилище научноисследовательских документов, туда, где сосредоточивались все результаты исследовательских и опытно-конструкторских работ. Решить эту задачу он смог через знакомство с работавшей в хранилище "Джи", ставшей его любовницей. Последняя имела полный доступ ко всем материалам архивов, и с ее помощью "Шах" стал поставлять Бену исключительно ценные материалы по самым современным средствам защиты, которыми оснащались не только британские, но и американские подводные лодки. Руководитель резидентуры, успешно разработавший операцию ТФП в такой важный объект, являлся еще молодым по стажу разведывательной работы сотрудником внешней разведки, приход которого в нашу службу представлял интерес. Его становление в качестве разведчика проходило у меня на глазах.

Бен - Конон Трофимович Молодый - происходил из семьи научных работников. Мы обратили на него внимание в связи с его знанием в совершенстве английского языка, когда он заканчивал Академию внешней торговли в Москве.

Как выяснилось, родители, которым некогда было заниматься воспитанием сына, еще дошкольником отправили его к тетке в Калифорнию. Там он окончил среднюю школу и вернулся в Союз перед началом Великой Отечественной войны. По мобилизации Бен всю войну служил в артиллерийских войсках. После войны поступил в Академию.

Познакомился я с Беном в 1951 году, когда, будучи руководителем англо-американского отдела нелегальной разведки, пригласил его на беседу.

Тогда этот молодой человек, уже прошедший суровую школу войны, сразу завоевал мое доверие и симпатию. Трудные военные дороги, по которым он прошел в качестве рядового артиллериста, не лишили его чувства юмора. Его оптимизм был не наигран, происходил из его уверенности в себе.

На мой вопрос, готов ли он сделать еще один крутой поворот в жизни и ступить на стезю разведчика, причем не легального, работающего под прикрытием официального сотрудника

советских учреждений за границей, а нелегального, под личиной иностранца. Бен с усмешкой сказал, что после всего испытанного им во время войны, его уже больше ничто не может напугать. Он дал согласие и с того самого весеннего дня 1951 года был приобщен к нашим делам как кадровый офицер.

Приступив к его интенсивной подготовке, мы уже через пару лет имели в его лице разведчика, готового к работе руководителем резидентуры в Англии.

В качестве сотрудников резидентуры Бена мы остановили свой выбор на супругах Коэн, вывезенных в 1950 году из США вследствие неминуемого ареста и уже успевших обжиться в нашей стране.

В 1952-1958 годах они прошли полную разведывательную подготовку и были готовы к новой практической работе теперь уже не как агенты, а в качестве штатных сотрудников внешней разведки. Этому способствовал их большой опыт разведывательной деятельности в условиях сложного контрразведывательного режима в США. Операция, в которой они участвовали в качестве агентов, давала нам уверенность в том, что как разведчики они тоже окажутся на высоте.

В целях завершения подготовки и личного знакомства Бена с его будущими помощниками в 1954 году Бену было поручено поработать с ними в плане оперативной подготовки к предстоящей работе, а им, пока не раскрывая Бена как будущего их руководителя, поручалось "потренировать" Бена в английском языке, чтобы оживить и сам язык и знания об американском образе жизни. Это действительно было необходимо Бену, поскольку он должен был выехать в Англию в качестве канадского гражданина.

Задачу снабжения Бена канадскими документами мы решили довольно легко, подобрав свидетельство о рождении в Канаде его "двойника" Лонсдейла, умершего в детском возрасте. Бену оставалось только появиться в Канаде. С этой целью он был переброшен туда нелегально, где ознакомился с местными условиями, местами своего легендируемого проживания и работы и получил все необходимые дополнительные документы, в том числе и настоящий канадский паспорт для въезда в Англию. В начале 1955 года он уже прочно осел там как канадский бизнесмен.

Сложнее оказалась задача подыскать документы Коэнам. Было решено использовать в этих целях имевшийся у нас новозеландский семейный паспорт супругов Крогер.

Для решения проблемы я вместе с Кознами выехал в Австрию, где они сняли дачный домик в курортном предместье Вены Зимеренге. Найдя адвоката, с его помощью обратились в парижское посольство Новой Зеландии с просьбой выдать им, на основании семейного, самостоятельные паспорта. Вскоре новенькие новозеландские паспорта на имя Питера и Хелен Крогер уже были у них на руках, и мы вернулись в Москву для завершения дел до их отъезда в Англию.

В конце 1954 года мы тепло проводили "супругов Крогер" в Лондон, где в июне 1955 года они поступили в распоряжение Бена, приятно удивившись, что он будет впредь их руководителем.

Поскольку Хелен была поручена задача быть радисткой, используя быстродействующую рацию, Крогеры занялись организацией нелегального пункта радиосвязи. До конца года они успешно решили эту задачу, и резидентура Бена получила надежно действовавшую все четыре последующих года двустороннюю радиосвязь с Москвой. Бен за это время завершил операцию по агентурному ТФП в Портленде и приступил к направлению в Центр важной научно-технической информации оборонного значения. Наряду с работой с агентами "Шахом" и "Джи", Бен руководил другими агентами и вел активную разведывательную работу. Так продолжалась успешная деятельность нелегальной резидентуры Бена до тех пор, пока изменник "Снайпер" не сообщил ЦРУ известные ему сведения о "Шахе". Получив от американцев эти данные, английская контрразведка сумела установить агента и его любовницу "Джи", а затем выйти через них и на Бена с Крогерами.

В январе 1961 года все они были арестованы. Агенты "Шах" и "Джи", как это обычно случается в подобных обстоятельствах, полностью сознались, дали контрразведке показания о тех значительных объемах разведывательной информации, которую они в течение ряда лет поставляли Бену. Других каких-либо доказательств против Бена у судивших его британских судей не было.

Несмотря на предшествующее аресту длительное, больше года, тщательное наблюдение за резидентурой Бена, британским службам безопасности не удалось выявить другой деятельности резидентуры, благодаря высокой бдительности и профессионализму нашего разведчика и опытности его помощников.

Все они вели себя на суде исключительно достойно и не выдали противнику ни одного известного им секрета. Приговор был необычно суров: Бена осудили на 25 лет тюремного заключения, Крогеров - на 20 лет. Они были выручены из британских темниц: Бен в апреле 1964 года, а Крогеры - в 1969 году.

ДЕЛО ПРАЙМА ("РОУЛАНДС")

Операция агентурного ТФП внешней разведки через Прайма в самое засекреченное звено британских спецслужб - Штаб правительственной связи (по-английски Government Communication Headquarters) - явилась эпохальным, знаменательным успехом советской внешней разведки, дававшим богатейшие результаты в течение целых 14 лет с момента вербовки агента в 1968 году и до его ареста в 1982 году.

Расскажу историю привлечения Прайма к сотрудничеству с внешней разведкой и осуществления с его помощью ТФП в ШПС. Этот пример подтверждает целесообразность длительной, тщательной подготовки к достижению поставленных перспективных целей, таких, как в известной операции ТФП "Карфаген".

Прайм Джоффей Артур был завербован внешней разведкой в начале 1968 года в Восточном Берлине. В то время он являлся военнослужащим британских вооруженных сил в звании капрала и работал в Западном Берлине на станции перехвата советских коммуникаций. До этого он окончил специальные курсы русского языка в Шотландии по линии спецслужбы ВВС Англии.

После вербовки, во время работы агента на пункте перехвата он был тщательно подготовлен к выполнению разведывательных задач и получил задание внедриться в криптологические центры Великобритании.

При этом внешняя разведка исходила из того, что Прайм имел благоприятные для этого данные: в то время ему было 30 лет, он уже считался в британской спецслужбе специалистом в русском языке, изучал немецкий, а главное, прошел первую специальную проверку в службе безопасности.

Целью для внедрения Прайма внешняя разведка определила ШПС, и агент начал успешно работать в Объединенной технической языковой службе (ОТЯС) этого штаба. Как раз после полугодовой подготовки его советскими разведчиками в Восточном Берлине Прайм в июле 1968 года получил подтверждение о приеме его на службу ОТЯС при ШПС в Лондоне.

Снабженный всеми аксессуарами разведывательной работы, необходимыми для оперативной и надежной передачи внешней разведке добываемой информации (копиркой для тайнописи, фотоаппаратом "Минокс", программой связи по радио), агент выехал в Лондон.

Вскоре началась регулярная двусторонняя связь с Праймом. По радио он получал указания и инструкции, а собранную им информацию, в том числе о перехватах телефонных разговоров посольства СССР и его сотрудников как в служебных помещениях наших учреждений в Англии, так и всех внешних линий связи, включая и шифрованную переписку посольства с Москвой, он направлял в тайнописи по почте или передавал через тайники.

Началась продуктивная деятельность агента, позволившая внешней разведке не только своевременно устранять все выявлявшиеся британскими спецслужбами слабости в жизни и деятельности наших учреждений и граждан в Лондоне, но и поставлять этим службам целенаправленную дезинформацию.

Уже первые итоги успешного внедрения Прайма пока еще в предполье самой важной и наиболее труднодоступной части британской спецслужбы ШПС могли радовать тех сотрудников внешней разведки, которые начинали работу с ним в Восточном Берлине. Тщательная, добротная подготовка агента к практической разведывательной деятельности начала приносить плоды. Начало предвещало дальнейшее успешное продвижение Прайма к поставленной цели.

Но настоящая победа была одержана спустя почти семь лет с момента его вербовки - к весне 1975 года. Его, теперь уже признанного в ШПС специалиста в русском языке, направили на работу по космическому перехвату всех линий связи Советского Союза.

К сентябрю 1975 года Прайм доставил в Вену большое количество заснятых им на фотопленку сверхсекретных материалов ШПС. С этого момента поток таких материалов все увеличивался.

Наконец, в марте 1976 года главная цель, поставленная перед агентом, была достигнута. Прайм перешел на работу в самое сердце ШПС, святая святых этой спецслужбы - в центр в Челтнэме. Далее его информация стала состоять из криптологических материалов, области, о которой я пишу в отдельной главе.

В ноябре 1982 года разведывательная деятельность этого агента закончилась арестом и осуждением его на целых 38 лет тюремного заключения. Большой срок говорит о том огромном ущербе для безопасности британских секретных линий связи, который нанесло сотрудничество Прайма с внешней разведкой. И не только им, а и другим западным спецслужбам, и в первую очередь - АНБ и ЦРУ.

Провалился агент только из-за его собственных слабостей, не имевших ничего общего с разведывательной деятельностью. Не расскажи он о своей причастности к внешней разведке второй жене и не попадись на своих ненормальных сексуальных похождениях, факт его сотрудничества с нашей службой продолжал бы оставаться тайной для британских властей.

Успешное проникновение внешней разведки в криптологический центр британских секретных служб в критические годы "холодной войны" был повторением достижений группы Кима Филби, проникшего туда в период второй мировой войны, когда там действовал мало известный мировой общественности агент Кернкросс, поставлявший во время войны важнейшие материалы по Германии.

Операция ТФП Прайма в Челтнэм имела тем большее значение, что после окончания второй мировой войны между американским АНБ и британским ШПС установилось тесное сотрудничество и взаимодействие. Поэтому, с точки зрения разведывательных задач, деятельность внешней разведки как по АНБ, так и по ШПС как бы объединялась в одну общую задачу.

В одной из следующих глав я расскажу о ТФП внешней разведки в МИ-6 через разведчика Блейка.

Поскольку примеров операций агентурного ТФП в спецслужбы набралось много, а кроме деятельности внешней разведки в этой области нельзя не показать и отдельные успешные примеры работы других союзных нам в прошлом специальных служб, продолжу эту тему в следующих главах, тем более что требуется рассмотреть и операции, не удавшиеся как у внешней разведки, так и у западных спецслужб.

ГЛАВА VI. ОПЕРАЦИИ В ДРУГИХ РЕГИОНАХ

Кому-то яму роет кто-то -
И сам себе плетет тенета.

Д. Руми

В других географических районах мира, помимо Соединенных Штатов и Великобритании, внешняя разведка и ее союзники имели не менее разительные успехи в операциях агентурного проникновения в западные специальные службы. Это и уже описанные операции ТФП в БНД Х. Фельфе и Х. Тидге, операция "Лотос" в гестапо, "Прелат" в разведку Ватикана и, конечно же, целый ряд не менее успешных, а порой откровенно дерзновенных операций, не получивших огласки ни на Западе, ни у нас. Тот же "Сапфир" во Франции.

Для продолжения этого раздела расскажу о некоторых из менее известных операциях внешней разведки и союзных ей разведок, а также тех, что проводились нашими "соседями" - военной разведкой ГРУ.

ОПЕРАЦИЯ "САПФИР"

Об этой операции внешней разведки почти ничего не известно на Западе. Только один из изменников указал, что операция имеет кодовое название "Сапфир" и что ее агенты действуют длительное время в качестве "кротов" во французских спецслужбах. Скажу сразу, что эта важная агентурная группа, прочно обосновавшаяся во французских спецслужбах, наверняка фигурирует во внешней разведке под других именем. Поскольку деятельность агентов группы "Сапфир", внедренных в наиболее важные участки французских спецслужб, осталась неведомой для Запада, выскажу лишь свое предположение, что эта группа, очевидно, являет собой классический пример ТФП в иностранную спецслужбу, подобный во многом примеру внедрения и деятельности группы Кима Филби, параллельной ему Оксфордской группы в Англии и резидентуры "Билла" в США. Пожалуй, только в одном немаловажном отношении неизвестная история группы "Сапфир" может отличаться от истории "пятерки Филби". Ее руководитель и ряд других, наиболее ценных для внешней разведки членов группы после многолетней успешной работы благополучно ушли в отставку, и внешняя разведка смогла обеспечить им условия для заслуженного отдыха. Но при этом не могу не добавить, что, уходя, они позаботились о том, чтобы оставить в спецслужбах надежных наследников, ибо логика разведывательных достижений на поприще ТФП в спецслужбы требует именно такого завершения деятельности наиболее талантливых разведчиков. Примером тому был и Ким Филби.

Подтверждением успешной работы группы "Сапфир" является тот неоспоримый факт, что парижская резидентура внешней разведки смогла долгие годы без серьезных срывов работать с наиболее ценными агентами, такими, как

Ж. Пак, успешно сотрудничавшим с нами в течение двадцати лет, или операция "Карфаген", проводившаяся при надежном прикрытии этой группы.

Уже два эти примера подчеркивают важность и целесообразность затрат времени и усилий на организацию агентурного ТФП в спецслужбы. А сколько других не менее важных разведывательных операций, проводившихся парижской резидентурой, остались нераскрытыми благодаря деятельности группы "Сапфир".

Вообще деятельность группы "Сапфир" была полна драматических моментов. Помню, как мы получили в Центре срочное сообщение о подготовленной французской спецслужбой провокации, о которой знал только руководитель этой группы и еще один сотрудник французской спецслужбы. Что делать? Если мы примем меры по срыву провокации, можем провалить руководителя группы, если нет, то нашему государству и внешней разведке будет нанесен очень серьезный урон. Приходилось искать решение, которое мы находили, но с каким трудом. Таких разведывательных ребусов группа "Сапфир" и другие "кроты" в иностранных спецслужбах нам подкидывали много, но совместно с этими "кротами" мы находили выход, не подрывавший их безопасности. Но каких порою мучительных переживаний стоило это нам. Вот когда я убедился, что наличие хорошо осведомленных "кротов" внутри спецслужбы противника способно доставлять "неприятности" тем сотрудникам в Центре, кто отвечает за их безопасность.

ДЕЛО "РЮРИКА"

В шестидесятых годах в Австрии в госполиции у нас имелся проверенный агент "Рюрик". В течение многих послевоенных лет он добросовестно информировал нас о том, что творилось в контрразведывательной "кухне", своевременно предупреждал нас о готовившихся против нас операциях, о назревавших провалах наших агентов, что помогало нам эффективно нейтрализовать эти угрозы.

Но "Рюрик" уже исчерпал свои возможности на том посту, что он занимал в госполиции. Но его надежность, высокая квалификация как сотрудника спецслужбы, его контрразведывательная профессиональная полезность подталкивали нас к поиску новых возможностей его активизации.

Мы учитывали, что Австрия была верным союзником ФРГ, а ее спецслужбы плотно помогали БНД в ее подрывных акциях против нашей разведки. Мы многое знали о деятельности БНД, но главным образом на территории Германии, где наша разведка проводила много важных разведывательных операций.

Но также западная спецслужба активно мешала нам в Австрии, постоянно создавая опасные ситуации, чреватые серьезными неприятностями. Требовалось своевременно знать о замыслах и конкретных действиях БНД на территории Австрии. С этой целью мы и поручили "Рюрику" завербоваться в БНД, представители которой, по сообщениям "Рюрика", хорошо знали его, поскольку привлекали на временной или постоянной основе сотрудников австрийской контрразведки для помощи в их операциях.

При очередном посещении госполиции оперативной группой БНД, прибывшей в Австрию, "Рюрик" проявил инициативу в оказании им эффективного содействия, смог понравиться руководителю этой группы.

В следующий приезд этот сотрудник БНД провел с "Рюриком" целенаправленную беседу и сделал ему определенные предложения, на которые наш агент откликнулся благожелательно. Их отношения были оформлены соответствующим контрактом, и "Рюрика" сразу стали

ориентировать в операциях БНД, вводить в курс дела давать конкретные задания. Так была решена нужная нам задача.

Будучи хорошо информированными о стратегических целях и направлениях деятельности БНД против нас, через "Рюрика" мы получали необходимую информацию тактического, конкретного характера. "Рюрик" работал на БНД в полном соответствии с нашими инструкциями, помогая создавать "политические" трудности для БНД, как вмешивающейся во внутренние дела своего союзного, но нейтрального государства, грубо нарушая его интересы. Делалось это нами весьма осмотрительно, чтобы не повредить положению агента в местной спецслужбе и не расшифровать его перед БНД.

Надо признаться, что задания БНД "Рюрику", частично инициированные нами, создавали опасность расшифровки агента, но он успокаивал нас тем, что это помогает ему проникать глубже в секреты местной спецслужбы. В случае же провала он всегда сможет прикрыться связью с БНД.

Таким образом, с технической помощью БНД "Рюрик" проникал в сейфы госполиции, информацию о содержании которых он передавал нам, а БНД - только то, что мы считали целесообразным. Но, как говорят, всему приходит конец. Во время одной такой операции "Рюрик" попался.

Понимая, что у него нет другого выхода, кроме "чистосердечного" признания, он сообщил, что выполнял просьбу "союзника", то есть БНД, однако отказался говорить что-либо конкретно об этой спецслужбе, сославшись на обязательства и на то, что оглашение факта интереса БНД к делам госполиции может нанести ущерб отношениям Австрии и ФРГ. Состоялось устное соглашение о том, что его будут судить только за "нарушение правил секретного делопроизводства", за что он и был осужден на один год тюрьмы. БНД было своевременно проинформировано госполицией об обстоятельствах дела "Рюрика" и одобрило мягкое отношение к его проступку, объявив его частной инициативой "Рюрика", конечно же, недопустимой между союзниками. БНД было удовлетворено поведением Рюрика, исключившим компрометацию этой спецслужбы перед госполицией и австрийской общественностью.

"Рюрик" отсидел в тюрьме не весь срок, который ему снизили на несколько месяцев. По освобождении с ним сразу же встретился руководивший им сотрудник БНД. Эта спецслужба выдала ему вознаграждение в сумме 25 тысяч марок ФРГ, попросив подписать "прощальное" согласие, в котором он заявлял, что не имеет никаких претензий к БНД.

Так подстава нами "Рюрика" к БНД способствовала не только получению нужной информации, но и финансированию западногерманской спецслужбой деятельности нашего агента в наших интересах. А когда дело дошло до провала, то БНД обеспечило для агента надежную возможность скрыть свое сотрудничество с советской внешней разведкой. Случай этот на моей памяти был уникальным.

Можно добавить, что доверие БНД к "Рюрику" помогало нам во многих других делах, в которых мы выходили на эту службу и нам требовалось что-то проверить или подтвердить.

Помню, как один из наших агентов - "Сириус", еврей по национальности, - был "выведен" из Советского Союза по линии репатриации в Австрию. Как все репатрианты, он был помещен в репатриационный лагерь, но буквально с ходу, на первом же собеседовании, проводившемся представителем БНД, был завербован в агенты этой службы. Объяснялось это тем, что "Сириус" был военным специалистом и очень интересовал БНД.

Начавшаяся работа "Сириуса" по заданиям БНД давала нам много интересной информации, но сам агент не пользовался у нас полным доверием. Поэтому вся эта интересная информация воспринималась нами с сомнением.

На каком-то этапе "Сириус" исчез из поля нашего зрения, перестал являться на встречи. Опасаясь его предательства, мы поручили "Рюрику" осторожно, под соответствующим предлогом навести о нем справки в БНД.

На очередной встрече "Рюрик" сообщил, что БНД доверяло "Сириусу", но, к несчастью, во время одной из поездок по стране он попал в автокатастрофу и погиб.

Такой финал лишал нас возможности активно использовать сведения о сотрудниках БНД, полученные от "Сириуса", поскольку сомнения в достоверности их оставались и теперь казались уже неразрешимыми. Особенно нам было жаль отказаться от использования сведений о ряде сотрудников БНД и агентов этой службы, позволявших их вербовочные разработки.

Однако неисповедимы пути твои, сказал бы я Господу Богу. Однажды в наше консульство в Вене явилась монашка, которая привезла золотые часы, в свое время врученные "Сириусу" от нашего ведомства за добросовестную работу, которые, как сообщила монашка, перед смертью "Сириус" просил ее передать советскому послу. Она добавила, что "Сириус" скончался у нее на руках и она выполнила его предсмертную волю, что считала своим христианским долгом.

Так мы поняли, что "Сириус" до конца дней своих верно выполнял свой патриотический долг, и его жест в последний час жизни снял все наши сомнения.

Это счастливое для нас событие открыло перед нами дополнительные возможности "продлить" трагически прерванное участие "Сириуса" в нашей деятельности. Его наводки на ряд сотрудников БНД вывели нас на весьма перспективных кандидатов на привлечение к сотрудничеству.

В практической деятельности этих вновь завербованных агентов и продолжал жить дух "Сириуса". В этом была и существенная доля труда "Рюрика".

ОПЕРАЦИЯ "КУРТ"

Эта операция ТФП в западногерманские спецслужбы была задумана с использованием разведчика-нелегала из числа немцев, подобранного и подготовленного советской внешней разведкой в ГДР.

Как показывал опыт таких разведчиков-нелегалов, как Зорге, Филби, Ахмеров, Абель и Бен, в тех случаях, когда они организуют проникновение через агентуру, риск их провала, в том числе и в результате предательства агента, минимален, во всяком случае, в части вовлечения в негативные последствия внешней разведки и расшифровки ее национальной принадлежности.

Иное происходит при провале в результате предательства самого разведчика. В этом случае последствия для внешней разведки могут быть более серьезными.

Именно учитывая это обстоятельство, внешняя разведка уделяла внимание подготовке разведчиков из числа иностранцев. К тому же их вывод за кордон и обоснование там значительно облегчаются.

Опыт показал, что из иностранного контингента вырастают способные разведчики, особенно вербовщики. Такими были Дейч и Зорге, супруги Крогеры. Тот же многолетний опыт подбора и подготовки разведывательных кадров из числа немцев в ГДР свидетельствовал о высокой их надежности при условии тщательной проверки их личных и деловых качеств на конкретных заданиях в качестве агентов. Это подтверждала и широкая практика разведки ГДР в этой области.

Хотя "Курт" направлялся в ФРГ с целью проникновения в БНД, первоначально ему было поручено руководство двумя другими нашими агентами из числа немцев - вербовщиком Хайнцем Сутерлэном и завербованной им сотрудницей МИД ФРГ Леонорой Хайнц.

Сам "Курт" - Евгений Рунге - был зачислен в кадры внешней разведки и имел звание подполковника.

Перед отъездом он был обстоятельно подготовлен в профессиональном плане, ему были даны условия связи, шифры, средства тайнописи.

Вербовщик Сутерлэн был также подготовлен внешней разведкой еще в 1960 году и переброшен в ФРГ. Там он успешно завербовал Леонору, женившись на ней, и она стала передавать через него различные материалы МИД ФРГ, в том числе совершенно секретные документы.

Через Леонору проходили и шифртелеграммы по пути в шифровальный отдел, а также дипломатические доклады, привозимые в МИД дипкурьерами.

В связи с тем что у "Курта" что-то не ладилось со связью с нашим Центром, в 1967 году он был вызван на личную встречу в Австрию, где мне было поручено разобраться с ним. На встрече в Зальцбурге я подробно обсудил с ним действия по выполнению поставленной задачи ТФП в БНД, обратил его внимание на срывы им связи, нерегулярность поступления от него

отчетов и задержку с пересылкой в Центр добываемых Леонорой срочных информационных материалов. Уже тогда он вызвал у меня какую-то интуитивную настороженность и даже подозрение в неискренности, о чем я вынужден был сообщить в Москву.

В 1968 году, через год после нашей встречи, "Курт" перебежал к ЦРУ и выдал БНД Сутерлэна и Леонору, в связи с чем в СМИ была поднята очередная шумная кампания.

Этот случай измены заставил внешнюю разведку тщательно проанализировать все другие дела агентов-нелегалов из числа немцев, хотя в целом они оказывались надежными и предательство Курта было одним из немногих.

В то же время можно сказать, что внешняя разведка традиционно успешно привлекала к сотрудничеству иностранцев немецкой и австрийской национальности, которые показывали образцы вербовочной работы и решения других ответственных задач. В качестве примеров можно назвать Зорге, Дейча, Харнака. О последнем хочется сказать несколько слов, тем более что он наряду с Зорге, но уже из самой Германии, неоднократно сигнализировал о подготовке и сроках намечавшегося немецкого нападения на СССР.

ДЕЛО А. ХАРНАКА ("КОРСИКАНЕЦ")

Агент внешней разведки Арвик Харнак, псевдоним "Корсиканец", доктор юридических наук и философии, в 1940 - 1942 гг. занимал пост государственного советника министерства хозяйства Германии. Стал сотрудничать с советской внешней разведкой в 1935 году, связь с ним поддерживал резидент берлинской резидентуры Б. Гордон.

"Корсиканец" был женат на американке, которая помогала ему в антифашистской деятельности. Судя по сообщению одной американской газеты, она могла быть связана с американским посольством в Берлине, которое информировало о положении в фашистской Германии и деятельности антифашистов.

В сентябре 1940 года связь с "Корсиканцем", прерванную в связи с отзывом в Центр Гордона, который был репрессирован, восстановил заместитель резидента НКВД в Берлине А. Коротков, поддерживавший ее до самого начала Великой Отечественной войны.

Попытка внешней разведки восстановить связь с группой "Корсиканца" увенчалась успехом только в августе 1942 года, но было уже поздно, так как немецкая контрразведка вышла на участников разведывательной организации ГРУ, возглавлявшейся резидентом Л. Треппером и ошибочно названной в послевоенных публикациях "Красной капеллой".

Антифашистская группа "Корсиканца" оказалась скомпрометированной в связи с тем, что с началом войны в целях быстрейшего восстановления связи с "Корсиканцем" внешняя разведка прибегла к помощи ГРУ, по линии которого и было направлено указание резиденту А. Трепперу разыскать "Корсиканца" через одного из членов его группы старшего лейтенанта штаба Люфтваффе Харро Шульце-Бейзена ("Старшина"). Это задание выполнил заместитель резидента "Кент", но вскоре он был арестован гестапо.

Как оказалось, немцы захватили радиста-шифровальщика резидентуры ГРУ, который под пытками выдал шифры, в результате гестапо прочитало шифртелеграмму Центра, в которой давалось поручение о восстановлении связи с группой "Корсиканца".

Последовали аресты не только среди сотрудников резидентуры ГРУ, но и антифашистской группы "Корсиканца", в том числе был арестован он сам и его жена. "Корсиканец" был осужден и казнен, а годом позже была казнена и его жена. Они оба, как и другие члены разведывательной группы, погибли, сотрудничая с внешней разведкой не за деньги, а во имя общих интересов борьбы с фашизмом.

ОПЕРАЦИЯ ТФП В СПЕЦСЛУЖБЫ ИЗРАИЛЯ

Не осталась без внимания советской разведки и израильская спецслужба. Дело это сравнительно недавнее, в 1983 году в Таиланде был завербован бывший израильский военнослужащий полковник Ш. Левинсон. В то время, уволившись из армии, он работал по линии ООН. Во время службы в израильской армии Левинсон выполнял особо важные задания, участвовал в работе комиссии по наблюдению за прекращением огня между Израилем и Иорданией в период до войны 1967 года и, что особенно интересовало нашу разведку, некоторое время работал в службе безопасности премьер-министра Израиля. По этой линии он способствовал организации операций ТФП в эту службу.

В 1991 году после почти восьмилетнего сотрудничества с советскими спецслужбами Левинсон был арестован, израильское радио сообщило о суде над ним в октябре 1993 года.

Левинсон представлял имевшиеся в его распоряжении важные сведения об израильских спецслужбах, встречаясь с их представителями в Москве и на территории других стран. Он был приговорен к 12 годам тюрьмы. В приговоре не уточнялось, с какой из советских разведок - военной или внешней - он сотрудничал.

Этот пример интересен тем, что он иллюстрирует возможность использовать для организации ТФП в спецслужбы агентов - бывших сотрудников этих спецслужб, как это имело место с агентами Ховардом, Пелтоном и Гамильтоном.

ОПЕРАЦИИ ТФП РАЗВЕДКИ ГДР

После объединения двух Германий на Западе появилось много публикаций о деятельности восточногерманских спецслужб, авторы которых были едины в том, что внешняя разведка ГДР, как показали попавшие к западным экспертам архивные документы и признания бывших ее сотрудников, была высоко эффективной в ее противостоянии западным разведкам.

В апреле 1993 года американский журнал "Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт" опубликовал большую статью о деятельности разведки ГДР, давая очень высокую оценку успехам этой службы и особенно ее 9-му отделу. Главной задачей этого отдела являлась нейтрализация подрывных действий разведок Запада путем внедрения своей агентуры в эти службы.

В этом направлении, по оценке западных аналитиков, 9-й отдел добивался поразительных успехов, и в первую очередь в операциях ТФП в ЦРУ и БНД.

Так, по признанию высокопоставленного сотрудника ЦРУ, в течение 80-х годов, вплоть до падения Берлинской стены в 1989 году, внешняя разведка ГДР выявила, разоблачила или иным образом скомпрометировала всех агентов ЦРУ, которых эта служба пыталась внедрить в Восточной Германии. Итог многолетней и дорогостоящей работы ЦРУ "был равен нулю", заявил он (За рубежом. N 17, 1993, 30 апреля - 6 мая).

В апреле 1995 года немецкие газеты в связи со смертью в возрасте 68 лет Гюнтера Гийома вспомнили прозвучавшее на весь мир в 1974 году дело Гийома, агента разведки ГДР, внедренного в аппарат западногерманского канцлера и ставшего личным помощником канцлера ФРГ Вилли Брандта. Это было действительно выдающимся успехом. Гийом был осужден к 13 годам тюрьмы, из которых отсидел 7 лет, после чего был в 1981 году передан ГДР.

Были у разведки ГДР и внедренные в ЦРУ и БНД агенты-"кроты", а также, вероятно, и в спецслужбах других западных государств, судя по тому, что эта разведка в порядке сотрудничества и взаимного обмена разведывательными материалами передавала нашей внешней разведке конкретную информацию о подрывной деятельности этих иностранных служб против советского блока. Но поскольку об этом умалчивают руководители разведки ГДР, а показания отдельных бывших сотрудников этой службы противоречивы и не заслуживают доверия, говорить об этом пока преждевременно.

В главе IV, говоря об операциях ТФП в органы НАТО, кратко упоминалось и о некоторых операциях разведки ГДР. Представляется интересным более подробно посмотреть на ту масштабную деятельность, которую эта союзная разведка осуществляла в области почти тотального проникновения в основные учреждения ФРГ, а также НАТО. Тем более что благодаря этим успешным операциям советская внешняя разведка получала богатые плоды в виде ценнейшей разведывательной информации.

ОПЕРАЦИЯ П. КРАНИКА

Эта операция была предпринята разведкой ГДР не для внедрения агента, а для организации слухового контроля за деятельностью французской спецслужбы в Западном Берлине.

Агент Петер Краник, завербованный в 1955 году, житель Западного Берлина, работал в пресс-службе французской администрации в этом городе. Ему было поручено внедрить технику подслушивания в политический отдел французской военной администрации, проводившей разведку против ГДР и СССР.

Пользуясь тем, что по соседству с пресс-бюро находилось помещение политического отдела, Краник установил микрофон в зале служебных совещаний французских офицеров. Это позволило ГДР в течение пяти лет, с 1957 по 1962 год, знать фактически все позиции французской военной администрации по Берлину, взаимоотношения ее с английской и

американской администрациями, отношение к ГДР и политике и мерах советского правительства. Эта информация оказалась очень важной во время кризисных 1957-го и 1961 годов. Одновременно Краник добывал по этому каналу ценные сведения о деятельности и отдельных операциях французской разведслужбы в Берлине.

После 1962 года, в связи с переездом политического отдела в другое помещение, этот канал получения разведывательной информации прекратил существование.

Поскольку агент Краник был проверен на конкретной разведывательной работе и надежно закреплен, разведка ГДР направила его во Францию с задачей внедриться в НАТО. С этим заданием агент справился блестяще.

Краник оформил брак со своей любовницей, немкой Рене Левин, и устроил ее секретарем отдела информации, который возглавлял директор главного секретариата НАТО граф Рене Адельман.

С этого момента от супружеской пары Краник стало поступать так много разведывательной информации, что разведка ГДР для обработки материалов на месте направила к ним разведчика-нелегала Ганса Баммлера с женой Марианной. Эта супружеская пара имела все необходимое оборудование, в том числе для изготовления микропленок, с помощью которого оперативно пересылала информацию четы Краников в Центр.

За успехи в работе Петер Краник был зачислен в штатные сотрудники разведки ГДР и получил звание подполковника. В течение двух лет он и его жена успешно работали, за что были удостоены высших наград ГДР.

В мае 1966 года супруги Краник вместе с их связниками супругами Баммлер были арестованы французской контрразведкой и осуждены на длительные сроки тюремного заключения.

ОПЕРАЦИЯ "ЭРОС"

Не могу удержаться от того, чтобы не привести ряд примеров весьма эффективного проникновения разведки ГДР в западные секретные объекты, начиная с НАТО и включая Министерства обороны и иностранных дел Федеративной Республики Германии. Оригинальность этих операций состояла в использовании самого распространенного явления в человеческом обществе - любви. При обнаружении этого широко распространенного метода привлечения к сотрудничеству молодых немецких секретарш молодыми же немецкими разведчиками западногерманские спецслужбы не удержались от банальных выдумок о якобы существовавшей в Восточном Берлине специальной школе разведки ГДР по подготовке донжуанов.

Прежде чем проиллюстрировать этот метод решения разведывательных задач разведкой ГДР, уточняю, что говорить о нем, как оригинальном, не совсем точно. Оказывается, автором "метода Эроса" в разведке скорее следует считать бывшего британского премьера Уинстона

Черчилля. Правда, узнав об этом из книги одного из близких друзей семьи Черчилля Сэлли Б. Смит под названием "Судьба Памелы Черчилль-Гарриман", я был несказанно поражен как фактом использования Черчиллем собственной невестки в своих разведывательно-политических планах, так и откровенным рассказом писательницы, судя по всему, не только хорошо изучившей жизнь Памелы, но и использовавшей в книге ее доверительные рассказы о самой себе.

Как явствует из биографии Памелы, ее высокопоставленный свекор Черчилль не столько ценил ее как "любимую невестку", сколько как "бесценное сокровище и благословение для Англии".

Как пишет автор, Черчилль лично проследил за тем, чтобы жена его сына Рандольфа "случайно перехлестнулась" с личным другом президента США Рузвельта - Авереллем Гарриманом во время визитов последнего в Уайтхолл. Следуя настойчивым советам своего свекра "давать почаще волю чувствам" и "сделать что-нибудь для страны", Памела стала любовницей Гарримана. С этого момента она "стала выуживать у любовника американские секреты и передавать их Черчиллю".

Как заявил один из близких друзей Памелы, он знал о том, что Черчилль свел Гарримана и свою невестку и покровительствовал их любовной связи. Это его не удивило. "Ведь "амурный способ" добычи секретов стар как мир", им активно пользовались короли еще в XVII-XVIII веках. Черчилль же был "безжалостным политиком, которого какие-то моральные предрассудки не смогли бы остановить на пути к интересующей информации".

Сын премьера Рандольф знал о роли отца и измене жены. Он развелся с нею в 1946 году, и Памела стала женой А. Гарримана, который в том же году был послом США в Англии, а позже занимал другие важные посты в США. Сама Памела после смерти мужа и избрания Клинтона президентом была назначена послом в Париж (Смит Сэлли Б. Судьба Памелы Черчилль-Гарриман. Лондон,
1996).

Думаю, что и после кончины Черчилля в 1965 году она оставалась если не ценным осведомителем, то, по крайней мере, важным союзником своей прежней родины.

Вот, оказывается, какой показательный пример преподнес разведке ГДР британский премьер Черчилль. Правда, не с донжуанами, а с мастерицами "амурных дел", которые не хуже мужчин способны решать различные разведывательные задачи, в чем читатель может убедиться на приводимых ниже примерах.

СЛУЧАЙ "ПЯТИ ЖЕРТВ АМУРА"

В начале 1979 года руководство НАТО было крайне взволновано арестом в Бонне западногерманской контрразведкой немки Ингрид Гарбер, секретаря политического советника западногерманской делегации в НАТО, изобличенной как многолетний агент разведки ГДР. Не прошло и трех недель, как в Восточный Берлин сбежала другая сотрудница НАТО, Урсула

Лоренце, ассистентка директора по операциям Совета этой организации. При бегстве она прихватила с собой целую кучу информации сверхсекретного характера. Сразу два агента ГДР, проникшие в НАТО и действовавшие там как очень эффективные "кроты" и источники ценнейшей информации для стран ОВД. При этом, как позже выяснилось, Урсула Лоренце, имевшая псевдоним "Мозель", в течение десяти лет снабжала ГДР важнейшими сведениями и копиями документов политического, экономического и военного характера. Работала она под руководством партнера-руководителя разведывательной сети в органах НАТО Дитера Виллена. "Мозель" считалась в ГДР одной из самых блестящих агентов всех времен, а в НАТО ее бегство называли #"самым тяжелым предательством в истории НАТО"#.

За этим последовал еще один арест: немки Урсулы Хефс, работавшей секретарем одного из управлений Христианско-демократической партии, и позже исчезновение другой немки - Инги Голиас - секретаря депутата этой партии, за ней последовало бегство Кристель Бросзей; помощницы бывшего генерального секретаря той же партии.

Как установила контрразведка ФРГ, все пять молодых и красивых женщин-агентов ГДР были завербованы офицерами этой разведслужбы на любовной основе.

Западноевропейская пресса летом 1980 года приводила другие примеры аналогичных вербовок, принесших разведке ГДР исключительно плодотворные результаты, такие, как и следует ожидать от "игр Амура".

ДЕЛО "НОВА" - ТФП В МИД ФРГ

В октябре 1965 года в МИД ФРГ по помещенному в газете объявлению обратилась молодая двадцатичетырехлетняя немка Хельга Бергер, которая и была принята на должность секретаря министра иностранных дел. Через полгода с Хельгой знакомится высокий, атлетически сложенный и весьма симпатичный немец, представившийся как Петер Краузе. С этого момента начинается страстная любовь, а затем и предложение о замужестве. Но родители Хельги подозрительны, жених не кажется им солидным, не имеет положения, и отец нанимает частного детектива для проверки его.

В результате - замешательство в семье Хельги, жених, оказывается, живет под фальшивым именем. Хельга требует объяснений.

Петер "признается", что он является агентом СИС, в его задачу входит подтверждение того, может ли Запад полагаться на западных немцев и ведет ли Бонн честную игру с ними. Петер предлагает Хельге либо расстаться, либо работать вместе, с ее помощью.

В отчаянии от одной мысли, что ей придется расстаться с любимым человеком, она принимает решение помогать ему и подтверждает свое согласие подписью "контракта с СИС", сформулированного в ГДР. Ей присваивается псевдоним "Нова".

Так завершается полным успехом вербовка "под чужим флагом", как принято именовать такие действия от имени другой спецслужбы.

В дальнейшем, после того как "Нова" представила разведке ГДР значительное количество ценной информации, ей был сообщен адрес в Восточном Берлине "на случай опасности, для укрытия там". В целях подкрепления легенды британского "флага" вербовки и устранения возможных сомнений, разведка ГДР организовала инсценировку встречи с ней во Франкфурте "шефа Краузе в СИС". "Нове" была выражена благодарность СИС": "Лондон очень доволен вами", и вручена "золотая ручка" в знак признательности.

Наступил 1968 год. "Нова" была командирована в Варшаву в качестве секретаря главы торговой миссии доктора Генриха Вёкса. При отсутствии посольства ФРГ, Вёкс фактически выполнял функции посла. "Нова" устанавливает с ним интимные отношения, и сейф шефа миссии становится доступным для разведки ГДР.

Ее "любовник" Петер Краузе поселяется в Варшаве, и связь с "Новой" действует безотказно все два года пребывания агента в Польше.

В этот период для Востока не остается тайн в области восточной политики Бонна.

В сентябре 1970 г. по возвращении в Германию "Нова" занимает неинтересный для разведки ГДР пост в МИД ФРГ и временно ее "консервируют". Через два года ей удается выехать в посольство ФРГ во Франции на пост секретаря посла. Немедленно около нее появляется Петер, теперь проживающий в Париже под именем Клауса Вёлера. Но здесь через руки "Новы" проходят сравнительно малозначимые копии телеграмм посла в МИД и к нему. Ее значение снова резко возрастает, когда она, вновь успешно пройдя очередную проверку службой безопасности, получает назначение шефа секретариата МИД ФРГ. Теперь она получила доступ к большому количеству секретных досье, содержащих информацию, представлявшую исключительный интерес. Петер располагается в Дортмунде, куда "Нова" регулярно привозит ему документы МИД. Последнее свидание Петера с "Нова" состоялось б марта 1976 года, когда Петер заподозрил наличие наблюдения за агентом.

Действительно, к этому моменту немецкая контрразведка вела наблюдение за "Новой" уже три месяца. Петер, не дожидаясь неизбежной развязки, уехал в Восточный Берлин, откуда по телефону предупредил агента об опасности.

Через два месяца, 5 мая 1976 года, ее арестовали. До самого конца она верила, что работала на СИС. Ее приговорили в ноябре 1977 года к пяти годам тюрьмы. Так завершилось это очень показательное для действий разведки "под чужим флагом" дело, позволившее безопасно вести разведку в течение десяти лет.

ОПЕРАЦИЯ ТФП С ИЗМЕНОЙ В ФИНАЛЕ

Речь пойдет также о ТФП разведки ГДР в МИД ФРГ. В течение восьми лет завербованная также на "любовной" основе Герда Остенридер успешно добывала секреты МИД ФРГ, работая в период с 1965 по 1973 год секретарем посла ФРГ в Вашингтоне, затем министра иностранных дел в Бонне. Она передала ГДР более трех с половиной тысяч секретных документов, которые ее "муж", сотрудник разведки ГДР, выступавший под именем Герберт Шротер, фотографировал

и пересылал в Восточный Берлин. Он сумел "влюбить" ее в себя и завербовать в качестве агента.

Арест в 1967 году коллеги Герды, также секретарши МИД Лоры Сютерлин, как агента ГДР, находившейся на связи советского нелегала "Курта", изменившего нам, сильно подействовал на нее и испугал. Но пока документы МИД килограммами следовали в чемоданах с двойным дном в ГДР. Среди этих документов западногерманская контрразведка выявила сто тридцать шесть, содержавших государственные секреты.

Однажды, в 1973 году, Герда "сломалась". Она предупредила своего "мужа", а затем пошла в полицию и рассказала о своем сотрудничестве с ГДР. За добровольное признание она была осуждена всего на три года тюрьмы. Благодаря ее предупреждению Герберт Шротер благополучно сбежал.

ВТОРИЧНАЯ "СВАДЬБА"

Герберт Шротер отделался легким испугом в деле с явкой с повинной Герды Остенридер, но не испугался. Он продолжил свою вербовочную работу в том же духе, появившись через три года на побережье Черного моря в Болгарии. Здесь он встретился с сотрудницей аппарата канцлера ФРГ, красивой тридцатилетней немкой Дагмар Калиг-Шеффлер, и вновь вспыхнул любовный роман. Дагмар работала секретарем "Службы 211" в канцлерстве, через ее руки проходили дела, касающиеся проблем внешней безопасности ФРГ.

Перед принятием на работу Дагмар в течение трех месяцев тщательно проверяла служба контрразведки и уголовная полиция. В результате она получила "категорию 2" допуска к секретам, открывавшую ей доступ к секретным документам.

Вскоре состоялась свадьба Дагмар с Гербертом, причем в квартире в Восточном Берлине, а затем свадебный отдых на одной из предоставленных им в ГДР вилл.

Вернувшись в Бонн, Дагмар сняла квартиру с бассейном и сауной и приступила к работе в интересах разведки ГДР. Герберт, "погоревший" в ФРГ, не мог присоединиться к ней. Они встречались за границей, в Австрии или Швейцарии.

Для связи с Дагмар и пересылки в Восточный Берлин добывавшихся ею документов разведка ГДР поселила в Дюссельдорфе своих агентов - супружескую пару Роже, которой в течение года, вплоть до мая 1977 г., Дагмар передала большое количество документов. В том числе материалы о новом французско-немецком самолете "Альфа-джет", досье с материалами по подготовке к конференции в Белграде, об отношениях канцлера Шмидта с президентом США Картером и другие.

Однако ни разведка ГДР, радовавшаяся очередному успеху Герберта Шротера, ни сама Дагмар не подозревали о приближающейся опасности. Супруги Роже уже в течение некоторого времени находились под наблюдением контрразведки как сомнительные "репатрианты", выделенные вновь установленным компьютером "Надис" для специальной проверки.

Как раз в период этой проверки в апреле 1977 г. супруги Роже готовились вылететь самолетом в Берлин, но вмешалась полиция, обнаружившая при них секретные материалы. Среди них оказалась копия секретного доклада о подготовке к предстоявшей международной экономической встрече. Поскольку этот документ мог исходить только из бюро, где работала Дагмар, она в свою очередь была арестована 4 мая 1977 г. Она была осуждена на 3 года тюрьмы, а по прокурорскому протесту, на вторичном процессе - к четырем годам и трем месяцам. Так Герберту Шротеру вновь не повезло из-за любовницы.

ОПЕРАЦИЯ ТФП В МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ ФРГ

Это тройное ТФП в Министерство обороны ФРГ в разгар "холодной войны" являет удивительный пример существовавших в ФРГ нравов и беспечности.

Вновь вся операция опирается на личные отношения, установленные разведчиком ГДР Лутцем с Ренатой - специальной секретаршей министерского директора Герберта Лаабса, являвшегося личным доверенным канцлера Шмидта в министерстве обороны. Благодаря этому ему были доступны все наиболее секретные дела обороны ФРГ, хотя он и был начальником только социальной службы армии.

Оформив брак с Ренатой, Лутц привлек ее к сотрудничеству с разведкой ГДР. Рената проявила исключительные способности. Во-первых, она фактически подчинила своему влиянию своего начальника Лаабса, добившись его неограниченного доверия так, что знала комбинацию замка его личного сейфа, в котором хранились секретные документы. В течение целых четырех лет она фотографировала эти документы. Для облегчения этого процесса, по ее просьбе, в бюро был установлен фотоаппарат, именно на нем она сняла фотокопии более чем тысячи сверхсекретных документов министерства обороны.

Во-вторых, с помощью Лаабса она смогла устроить своего мужа в службу вооружения и провианта и другого агента ГДР также в одну из служб министерства.

Когда, опять же с помощью проверочных программ компьютера "Надис", Рената Лютце была разоблачена как агент ГДР, в министерстве возникла настолько щекотливая ситуация для министра Георга Левера, что дело замалчивалось в течение ряда месяцев, пока не разразился громкий скандал после публикации в прессе, вызвавший отставку министра.

Размах ТФП разведки ГДР в Министерство обороны ФРГ через Ренату Лютце был таков, что НАТО вынуждено было пересматривать многие планы обороны. Осведомленность ОВД о мероприятиях НАТО по Германии была такова, что, как писала западная пресса, если бы Варшавский Договор вздумал напасть на НАТО, то ФРГ и военные объекты на ее территории быстро оказались бы в руках восточных армий.

Вот таковы "любовные" операции ТФП, которые и вызвали появление во всех помещениях министерств ФРГ следующих плакатов: "Остерегайтесь донжуанов. Слова любви могут открывать сейфы".

Но были случаи, когда женщины выступали самостоятельно, решая ответственные разведывательные задачи. Вот одна такая операция ТФП в БНД.

ДЕЛО ГАБРИЕЛЫ ГАСТ

Эта сотрудница разведки ГДР сделала блестящую карьеру в западногерманской секретной службе. Защитив докторскую диссертацию о политической роли женщины в ГДР, она сотрудничала со сторонниками ХДС и добилась принятия на работу в БНД, где занимала руководящую должность. Ее часто привлекали к участию в работе 6-го отдела ведомства федерального канцлера. Она работала над анализом секретных документов БНД и военной разведки - МАД и ведомства по охране конституций. Ее считали в БНД экспертом по Востоку, характеризовали как добросовестную и аккуратную сотрудницу.

За свою раэведработу Гаст была награждена государственным орденом ГДР (Новости разведки и контрразведки. 1996, N 5).

ДЕЛО ПЬЕРА КАРДО

Это пример блестяще осуществленной чехословацкой разведкой агентурной операции ТФП с нелегальных позиций во французскую специальную службу, но сорванной в самом начале ее практической реализации из-за провала шаблонного решения по аналогичному варианту другой подобной операции в другом западном государстве.

Суть дела такова.

Опытный чехословацкий разведчик, используя факт проживания в прошлом в Чехословакии некой французской гражданки, выдал себя за ее незаконнорожденного сына. Сложный вариант документации преуспел, и Кардо получил полное признание как французский гражданин и прибыл во Францию 5 мая 1958 года. В апреле 1961 года его призывают во французскую армию, где он оказался в центре радиотехнического подслушивания передач из Восточной Европы, заработал очень положительную оценку и рекомендацию в службу разведки и контрразведки.

15 сентября 1962 года он уже работает в этой службе в качестве эксперта-аналитика. Через полтора месяца, в октябре, он подписывает контракт о работе в Главном управлении национальной безопасности. Таким образом за необыкновенно короткое время - всего четыре года - Кардо смог превратиться из чеха в полноправного француза и проникнуть в настоящую крепость противника - французскую главную спецслужбу. Но, увы, это блестящее достижение чехословацкой разведки было обречено на провал только потому, что какой-то близорукий чиновник в ее Центре решил по совершенно аналогичному варианту документации направить другого нелегала в Швейцарию. Там этот разведчик потерпел провал, был разоблачен и подробная ориентировка по его делу швейцарской спецслужбой направлена другим западным спецслужбам.

Как результат, не начав по существу карьеру "крота", Кардо в ноябре 1962 года был арестован.

Несмотря на то что он не успел еще нанести какого-либо ущерба Франции и ее спецслужбам, он был осужден на пожизненное тюремное заключение.

Знакомясь с историей злополучного финала Кардо, я невольно вспомнил неувядаемое произведение Ильфа и Петрова "Золотой теленок". Там Остап Бендер благополучно вышел из положения, узнав о наличии еще нескольких "детей лейтенанта Шмидта". Кардо даже не ведал о наличии другого "незаконнорожденного" двойника хотя и не француженки, а на этот раз "швейцарки". Как говорится, если в жизни и удаются такие мистификации, то в разведке они обречены на неизбежный провал. Жаль, что руководители чехословацкой разведки не читали этот роман, а если читали, то не сделали нужных выводов.

Поскольку операции ТФП, осуществленные Краником и Кардо, очень интересны с профессиональной точки зрения, отсылаю за подробностями к книге
Т. Вольтона (Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993).

В заключение этого короткого отступления об операциях братских бывших союзных разведслужб расскажу еще о нескольких операциях агентурного проникновения нашей соседской разведки - ГРУ. Должен сразу же оговориться, что мой выбор примеров определен тем, что стало известно всему миру, а следовательно и мне. Уверен, что таких операций военная разведка, наверное, проводила много, о чем, между прочим, говорят и рассмотренные мною ранее операции Данлопа и Гамильтона. Но то, что осталось у наших военных коллег за кадром, остается тайной и для меня.

ДЕЛО "ВАРЯГА"

Дело это интересно с точки зрения нескольких аспектов. Во-первых, как пример успешной операции ТФП в спецслужбу.

В момент вербовки в 1967 году Берглинг Стиг (в дальнейшем буду называть его "Варягом") был обычным полицейским, но под руководством советского разведчика он сумел перейти в службу безопасности Швеции СЕПО, которая входила в состав полицейского управления, и даже занять там пост офицера по связи с министерством обороны и другими военными ведомствами страны. Таким образом, "Варяг" получил доступ к так называемому "оборонному регистру", то есть к схеме размещения секретных объектов на случай войны - военных штабов и командования вооруженными силами.

После разоблачения "Варяга" шведским властям пришлось затратить миллиарды крон на то, чтобы заново построить многочисленные защитные бункеры в новых, неизвестных нам пунктах страны.

По оценке шведов, положение "Варяга" в СЕПО было уникальным. В этой службе и в военных организациях страны он мог свободно знакомиться с любыми секретными

документами. Ему также была хорошо известна система слежки контрразведкой за иностранными агентами. Всю эту информацию "Варяг" беспрепятственно передавал ГРУ в течение десяти лет.

В 1977 году он был арестован в Тель-Авиве и приговорен к пожизненному тюремному заключению.

Во-вторых, ему, можно сказать, по примеру нашего разведчика Джорджа Блейка, осужденного в Англии на 42 года, удалось в 1987 году, отсидев в тюрьме всего 10 лет, бежать и оказаться в Москве.

Третий аспект истории этого агента, представляющий интерес для разведчика, состоит в том, что, по утверждению шведских властей, после осуждения и бегства "Варяг" якобы вновь был использован ГРУ на активной разведывательной работе сначала в Венгрии, а затем, пройдя специальную подготовку в Москве, на Ближнем Востоке. Именно оттуда, из Ливана, он и вернулся в августе 1994 года в Швецию, сдался властям и был вновь препровожден в тюрьму.

Четвертый аспект этого дела состоит в том, что разоблачен "Варяг" был не шведской, а израильской контрразведкой, которая арестовала его в Тель-Авиве в 1977 году и выдала шведам. Как писали шведские газеты после возвращения "Варяга" в Швецию, он подтвердил сообщение занимавшего в 70-е годы пост начальника шведской государственной полиции Карла Персона о том, что "Варяг" предупредил ГРУ о подготовке к побегу на Запад военного атташе Георгия Федосова. Шведы, по словам Персона, тщательно подготовились к приему Федосова, ожидая, что это будет "крупнейшей добычей" в истории Швеции. Однако "Варяг" сорвал это дело (Новости разведки и контрразведки.
1996. N 2). Представляет также особый интерес тот факт, что в связи с признанием "Варяга" после его возвращения "из побега", шведские власти заявили российскому МИД протест, обвинив российские власти в том, что они якобы помогли "Варягу" бежать из тюрьмы в 1987 году и затем использовали его на разведывательной работе.

Это дело, по утверждениям шведской прессы, даже "вызвало дипломатический кризис в шведско-российских отношениях". МИД Швеции выразило удивление, что ГРУ использовало "Варяга" уже в интересах России, что свидетельствует о том, что "и в новой России продолжает действовать старый подход и стиль мышления".

В ответ на шведскую ноту, к удовлетворению Швеции, Москва признала факт помощи в бегстве "Варяга" со стороны бывшего СССР, но отметила, что это было сделано "из гуманных соображений". Что касается проживания "Варяга" и его супруги в СССР, то они пребывали там только на положении частных лиц. В свою очередь, премьер-министр Швеции Карл Бильдт подтвердил, что и Швеция вела разведывательную работу против СССР в годы "холодной войны". Он сказал, что в то время шведская разведка заслала в Прибалтику 14 своих агентов, но они все были пойманы советскими органами безопасности.

Это признание было оценено шведской прессой как беспрецедентное. Но одновременно отмечалось, что после разоблачения в Советском Союзе шведских агентов шведы отклонили

протест Советского правительства, не признав принадлежности этих агентов к шведской разведке, то есть, как писала пресса, лгали без зазрения совести (Шальнев А. Папа работал на советскую разведку, сын - на английскую. Известия, 1995, 15 августа).

Таковы интересные аспекты дела "Варяга", выявленные только через пятнадцать лет после его ареста, в 1994 году.

ОПЕРАЦИЯ "ФЕЛИКС"

В 1992 году в нашей печати появилось сообщение об удивительной операции проникновения ГРУ в главную военноморскую базу ЮАР в Саймонстауне (Пиляцкий Б. Феликс и Лина. Они были агентами Москвы. Известия, 1992, 14, 15, 16 января). История двух агентов ГРУ, о которых сообщалось, явилась примером блестящей операции ТФП в спецслужбы далекой Южно-Африканской республики и одновременно того, какой огромный ущерб приносит предательство. Изменник "Фарвелл" выдал двух замечательных агентов и просто людей, самоотверженно помогавших нашему государству в противостоянии Западу в непримиримой "холодной войне". Объявление об аресте "Феликса" и "Лины" было сделано 26 января 1983 года.

Западная пресса очень скупо сообщала об этом деле, тем более что эта операция ГРУ была серьезным поражением для спецслужб не только ЮАР, но и ряда других западных государств - Англии, США и НАТО в целом.

Поэтому комментирую дело "Феликса" и его помощницы "Лины" по указанным сообщениям нашей газеты. "Феликс" - Дитер Герхард - был блестящим старшим военно-морским офицером, командором, служил на крупнейшей военно-морской базе в Южном полушарии - в Саймонстауне. Под его началом находились 2700 человек, он отвечал за обеспечение и боеспособность военно-морского флота ЮАР.

Но секреты, которыми владел "Феликс", далеко выходили за пределы его служебных обязанностей. Он был своим человеком в святая святых - подземных лабиринтах "Сильвермайн", электронном чуде XX века, наиболее охраняемом и самом секретном объекте ЮАР. Это электронная база, оборудованная самой современной техникой для наблюдения за самолетами и судами на просторах Южной Атлантики и Индийского океана. Кроме доступа к сверхсекретам, прикрытым холмом "Серебряной шахты" (так переводится с английского "Сильвермайн"), "Феликс" обладал богатыми информационными возможностями из-за близости к руководству страны.

Премьер-министра ЮАР Питера Боту связывало с "Феликсом" длительное знакомство домами. Бота привлекал "Феликса" к участию в обсуждениях в самом узком кругу лиц важных проблем страны. Близким другом считал "Феликса" и командующий военно-морским флотом ЮАР Бирманн. Перед самым арестом "Феликса" у Бирманна был с визитом министр обороны ФРГ Манфред Вернер, который вел конфиденциальные переговоры с "Феликсом".

Одним словом, "Феликс" находился в зените славы, ожидалось скорое присвоение ему звания контр-адмирала.

Его жена "Лина" - швейцарка Рут Йор - пользовалась уважением среди офицерских жен, их семейство было популярным на базе, и дом славился гостеприимством. Поэтому арест этой супружеской пары явился шоком для всего высшего общества ЮАР.

Дело "Феликса" расследовали контрразведывательные службы сразу нескольких стран на трех континентах: в Америке, Европе и Африке.

Южноафриканские газеты писали, что "Феликс" передавал в ГРУ такую информацию, которая "явилась одним из самых чувствительных ударов по Западу со времен начала "холодной войны". Он выдал Советскому Союзу "ряд самых важных военных и стратегических секретов ЮАР, Англии и НАТО".

В бестселлере Генри Пайка "История коммунизма в Южной Африке" сказано, что сведения, которые он передавал СССР, касались "НАТО, британских морских вооружений, включая ракетные, французской ракетной системы "Экзосет", не говоря уже о всей военной структуре базы в Саймонстауне", где он служил.

Во время суда над "Феликсом" и "Линой" в августе 1983 года "шпионские" улики считались настолько секретными, что их даже не давали в руки судье. Прессе же было запрещено освещать подробности этого дела. Суд длился четыре месяца, были допрошены 124 свидетеля, из которых ни один не сказал о них худого слова. "Феликс" взял всю вину на себя, "Лина", по его заявлению, была лишь исполнителем его воли.

Его приговорили к пожизненному заключению, "Лину" - к десяти годам тюрьмы.

Из допросов во время следствия "Феликс" по отдельным намекам понял, что его досье в Москве стало каким-то образом известно ЦРУ. Сейчас стало известно, что его выдал изменник "Фарвелл", который по своему положению мог иметь доступ к поступавшим от него во внешнюю разведку материалам.

Из опубликованных материалов остается неизвестной дата вербовки "Феликса". В своей книге Т. Вольтон (Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993) утверждает, что "Феликс" с 1964 по 1983 год передавал ГРУ информацию относительно противовоздушных ракет западного производства и был нейтрализован благодаря "Фарвеллу".

Известно, что "Лина" была привлечена к участию в сотрудничестве с ГРУ только через год после ее замужества, состоявшегося в 1968 году. Таким образом, она добросовестно помогала в течение долгих 13 лет. За это время она дважды побывала в СССР, где прошла соответствующую подготовку для выполнения обязанностей курьера-связника и радиста-шифровальщика по приему односторонних радиопередач из Центра.

Для доставки разведывательных материалов "Феликса" в Европу "Лина" выезжала туда несколько раз в году под предлогом посещения родных в Швейцарии. В разных европейских странах она встречалась с курьером из Москвы и передавала заснятые на пленку материалы.

Несмотря на перенесенные ею испытания при расследовании, суде и длительном тюремном заключении, "Лина" сохранила теплые воспоминания о поездках с "Феликсом" в СССР, о работавших там с нею сотрудниках ГРУ и вообще не жалеет, что помогала мужу выполнять свои обязательства перед ГРУ. Свое согласие участвовать в этом она дала "Феликсу" без колебания, безгранично веря ему и его делу. Ее любовь и доверие к нему были ее философской позицией, определявшей ее жизнь.

Теперь, с падением режима апартеида, в чем, несомненно, есть и их заслуга, появилась надежда, что срок тюремного заключения "Феликса" может быть сокращен и супруги смогут обрести заслуженное семейное счастье.

ОПЕРАЦИЯ "ОРЕЛ"

В 1949 году нашей военной разведке удалось успешно завербовать шведского полковника Стига Веннерстрена, кандидатуру которого ГРУ начало изучать после того, как он попал в поле ее зрения в 1933 году, и внимательно следило за его продвижением по служебной лестнице.

При оформлении вербовки ему было присвоено кодовое имя "Орел".

Полковник авиации, "Орел" работал в отделе разведки Генерального штаба Швеции. В течение многих лет он передавал секретную информацию о вооруженных силах Швеции, о взаимоотношениях этой страны с западными союзниками и, в частности, с НАТО. Находясь в начале 50-х годов в США в качестве военно-воздушного атташе шведского министерства обороны, он активно добывал для ГРУ информацию о новейших ракетах и американской оборонной технике, которая становилась ему известной в результате полного доверия к шведским представителям со стороны военных США.

"Орел" был арестован в июне 1963 года после успешного сотрудничества с ГРУ в течение почти пятнадцати лет. Приговорен к пожизненному тюремному заключению, но вышел из тюрьмы через 11 лет, в 1974 г. Шведские спецслужбы назвали "Орла" #"самым опасным для Швеции шпионом за все времена"#.

ГЛАВА VII. ОПЕРАЦИИ ТФП ЗАПАДНЫХ СПЕЦСЛУЖБ В СОВЕТСКИЕ И РОССИЙСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ

Вчера ты был герой, гордящийся собою,
Теперь ты бледный трус, подавленный стыдом.

Надсон. "Жизнь"

В послевоенный период наиболее характерным и опасным методом использования спецслужбами противника своей агентуры стало проникновение в наши заграничные резидентуры. Рассматривая приобретение "кротов" как острый и эффективный способ решения серьезных оперативных задач, противник стремился вести эту работу на высоком профессиональном уровне. В инструкциях и рекомендациях, разработанных основными спецслужбами Запада, предусматривалась большая работа по вербовке, проверке и подготовке таких агентов, а также всестороннее изучение условий и путей их продвижения и закрепления в центральных аппаратах наших разведок.

"Кроты" западных спецслужб представляют чрезвычайную опасность, примером тому Гордиевский, безнаказанно вредивший внешней разведке в течение более 10 лет; "Фарвелл", сумевший меньше чем за год нанести огромный ущерб нашей научно-технической разведке; Пигузов, раскрывший перед ЦРУ большое количество сотрудников внешней разведки, в том числе и тех, кто еще только готовился в разведывательном вузе стать разведчиком, и ряд других.

Не меньший, если не более значительный ущерб нанесли западные "кроты" военной разведке. Среди них беспрецедентной является изменническая деятельность в течение более четверти века "крота" Полякова; кратковременной, но исключительно вредоносной оказалась подрывная работа "крота" Пеньковского; большой ущерб для деятельности ГРУ нанесли "кроты" Чернов и Попов.

Полагаю, что список "кротов" западных спецслужб в советских службах в Приложениях 1 и 2 не является исчерпывающим. Во-первых, не все разоблаченные "кроты" известны автору. Во-вторых, среди перебежчиков могли быть такие "кроты", которые решили открыто перейти на другую сторону по различным причинам: например, Гордиевский, Носенко, Сахаров и Ощенко из страха быть разоблаченными.

Наконец, в-третьих, реально предполагать, что, исходя из соотношения между количеством "кротов" и перебежчиков не-кротов, равное примерно 30-40%, имеется ряд неразоблаченных "кротов", кто встал на путь предательства за последнее десятилетие, когда увеличилось число измен, но решил продолжать изменническую деятельность в качестве "крота". Поэтому разоблачение "кротов" западных спецслужб в российской разведке становится еще более важной, я бы сказал, жизненно необходимой и особенно острой проблемой после 1990 года.

Известно, что число изменников из числа сотрудников внешней разведки в эти последние годы заметно увеличилось. Как сообщало пресс-бюро внешней разведки в конце 1992 года, за полтора предшествующих года таких изменников было семь (Чародеев Г. Продолжается "утечка" российских суперагентов. Известия, 1992, 28 октября). Полагаю, что в 1991-1995 годах их могло быть, если считать только открытых перебежчиков, таких, как Ощенко во Франции, Коноплев в Бельгии и Фоменко в Германии, около десяти. Поэтому западные спецслужбы могли приобрести некоторых из них в качестве "кротов".

Если это предположение верно, то положение для российских разведок создалось угрожающее.

С раскрытием ЦРУ "крота" внешней разведки Эймса осложнилась и возможность разоблачения иностранных "кротов" этой службы. По сообщению западной прессы, именно этот "крот" в ЦРУ помог разоблачить десяток западных "кротов" в российских разведках. В частности, вероятно, его последним разоблачением уже в 1989 году был "крот" в ГРУ В. Баранов.

Теперь, наряду с повышением бдительности внутри самих российских спецслужб, необходимо делать ставку на приобретение новых агентов, способных заменить, например, Эймса. В этом, по мнению автора, состоит одна из актуальных задач внешней разведки. В создавшихся условиях, когда обстановка для деятельности внешней разведки из-за серии измен, а также неизбежного сокращения поля осведомленности за неимением таких хорошо информированных союзных спецслужб, как, например, бывшая разведка ГДР, приходится считаться с тем, что ряд провалов наших ценных агентов мог явиться результатом деятельности западных "кротов" во внешней разведке.

На фоне деятельности иностранных спецслужб против советских и теперь российских служб выразительно выглядит положительный опыт внедрения наших "кротов" в западные службы.

За полувековой период, по моим самым скромным подсчетам, внешняя разведка располагала в западных спецслужбах, как минимум, 21 "кротом", начиная с таких выдающихся разведчиков, как Ким Филби, агент Прайм в британской разведке, агентурная группа "Сапфир" во французских спецслужбах, Фельфе в БНД, Уокер, Ховард - в американских и кончая Эймсом в ЦРУ (Приложение 3).

Значительно менее выгодно в части взаимного проникновения с западными спецслужбами выглядит наша военная разведка - ГРУ, хотя наличие только ставших мне известными тринадцати ее изменников за полвека свидетельствует в численном отношении о значительно меньшем ущербе по сравнению с внешней разведкой. Но тот факт, что в этой службе работали пять матерых западных "кротов", свидетельствует о том, что ущерб, нанесенный ГРУ, значительно превосходит потери внешней разведки. Достаточно вспомнить, что бывший генерал-майор ГРУ Поляков, помимо огромного политического ущерба СССР, нанес сокрушающий удар по нелегальной службе ГРУ, выдав американцам всех известных ему военных разведчиков-нелегалов, забрасывавшихся ГРУ в США.

Судя по тому, что удалось отыскать в публикациях о "кротах" ГРУ в западных спецслужбах, военной разведке есть также чем похвалиться. Так, "крот" ГРУ в Швеции "Орел" явился крупнейшим и, как свидетельствовала западная пресса, самым опасным иностранным агентом в этой стране. Сержант Данлоп - "крот" ГРУ в АНБ, по заявлению американских контрразведчиков, нанес непоправимый ущерб этому "Дворцу головоломок", как пишет об этом Д. Бамфорд (Бамфорд Д. Дворец головоломок. Лондон, 1983) (Приложение 4).

Оговорюсь сразу, что могу говорить только о тех операциях, которые либо были сорваны нами, как, например, в деле "Гарта", Пеньковского, Баранова, Ветрова и Полякова, либо стали известны по другим причинам, как в случае измены Гордиевского, Шеймова, Куклинского.

Поскольку я подхожу к рассмотрению операций ТФП прежде всего с профессиональной точки зрения, пока не углубляясь в оценку их результатов, я стремлюсь в приводимых примерах прежде всего определять ту роль, которую в их осуществлении играли соответствующие спецслужбы. Тем более что оценки, например, политических результатов этих операций настолько могут быть различными у нас и на Западе, что трудно их сравнивать из-за спорности исходных позиций. Так, например, английский "специалист" по вопросам измен, предательств и бегству на Запад сотрудников советских спецслужб Брук-Шеферд в своем последнем труде (Брук-Шеферд Г. Штормовые птицы. Нью-Йорк, 1990) преподносит оценку западных "кротов" в советских спецслужбах преимущественно с точки зрения их "влияния" на позиции Запада, стыдливо умалчивая о роли западных спецслужб в приобретении этих "кротов" или весьма поверхностно констатируя их "огромный успех", не определяя конкретно, в чем он заключался. Именно исходя из такого одностороннего подхода, Брук-Шеферд и говорит о "трех гигантах" в области измен в послевоенное время, а именно о Пеньковском, Ветрове и Гордиевском, выстраивая их в таком порядке по значению для Запада.

Но только в случае с Гордиевским может идти речь о каких-то усилиях и профессиональном успехе британских спецслужб, о роли же англо-американской разведки в вербовке Пеньковского и французской в вербовке Ветрова вообще ничего положительного сказать нельзя. Роль этих разведслужб, как увидит читатель, сводилась лишь к чисто техническому оформлению их "самовербовки" и последующему обслуживанию связи с ними.

Дела Пеньковского и Гордиевского получили наибольшую огласку, а Ветрову было уделено значительно меньше внимания, хотя именно этот "крот", по моей оценке, нанес наибольший за всю послевоенную историю ущерб внешней разведке, прежде всего, в области практической ее деятельности по решению народнохозяйственных и оборонных задач. Поэтому, в отличие от Брук-Шеферда, я ставлю его на первое место, впереди Пеньковского, роль предательства которого во всех отношениях сильно преувеличена на фоне - Карибского кризиса, в разрешении которого он играл якобы большую роль.

Хочу сразу же предупредить читателя не пугаться кажущегося "изобилия" "кротов" иностранных разведок, которым удалось действовать внутри советских, а затем российских специальных служб. Ведь собранные здесь примеры относятся ко всему послевоенному времени и их враждебная деятельность распределяется более или менее равномерно на все годы "холодной войны". Если учесть, что советская внешняя разведка в те годы являлась мишенью для внедрения "кротов" таких мощных западных разведок, как ЦРУ, СИС, БНД и СДЕСЕ, а количество успешных операций ТФП уступает результатам, достигнутым внешней разведкой, то можно с достаточной степенью обоснованности распространить на все эти службы заключение американского исследователя деятельности ЦРУ в 1981-1987 годы Боба Вудворда о том, что ЦРУ в тайной войне с КГБ потерпело поражение. Причем это будет правильно не только для указанного периода, а для всего послевоенного времени.

Картина эта и отражена в Приложениях 1-6.

ДЕЛО "ФАРВЕЛЛА"

Из всех когда-либо осуществленных западными спецслужбами операций агентурного проникновения в советскую внешнюю разведку самой необыкновенной, я бы сказал, фантастической является эта операция ТФП - удача французских специальных служб.

Необыкновенна она тем, что осуществлена не по замыслу французской службы, а целиком и полностью по воле и инициативе самого изменника, которому французы присвоили кодовое имя "Фарвелл", что означает по-английски "Прощай".

По своим результатам эта операция оказалась непревзойденной, а свалившаяся на французскую контрразведку удача - фактически единственной в своем роде.

В то же время эту операцию в буквальном смысле слова нельзя называть "проникновением", сам характер которого обычно предполагает активные действия со стороны "проникающей" спецслужбы. В данном случае операция была начисто лишена каких-либо усилий с французской стороны, пока "Фарвелл" не определился как уже находящийся на месте "крот", подготовивший все условия для успешного сотрудничества с этой службой. При этом "Фарвелл" уже имел такое служебное положение, которое обеспечивало ему условия для передачи французской спецслужбе максимального количества сверхценных документов и материалов.

Создавалось впечатление, что "Фарвелл" давно принял решение об измене и методично готовился к этому практическому шагу, добиваясь занятия оптимальных позиций.

Итак, изложу то из истории этой измены, что стало мне известно из пары западных публикаций, а также что дошло до меня в нашей службе.

Надо сказать, что особой огласки это дело не получило. У нас умалчивалось о любых провалах наших спецслужб по соображениям нежелательности информировать общественное мнение о "невыгодных" для нас делах. На Западе - из-за ограниченной осведомленности о дальнейшей судьбе изменника, а также нежелания французских спецслужб обнародовать факт сотрудничества фактически с уголовным преступником.

Итак, суть операции.

Сотрудник Управления научно-технической разведки ПГУ (НТР) подполковник Ветров Владимир Ипполитович, 1928 года рождения, инженер-автомеханик, в качестве оперативного работника находился в командировке в Париже, где решал задачи НТР с 1965 по 1970 год. За это время не добился каких-либо ощутимых результатов, однажды в нетрезвом состоянии попал в автомобильную аварию, серьезно повредив служебную автомашину. Факт скрыл, устранив следы аварии с помощью одного французского друга. Друг-француз был бизнесменом, часто навещавшим нашу страну, но ранее якобы никак не был связан с французской спецслужбой. Случай с аварией стал известен спецслужбе, которая взяла его на учет на будущее.

Французский друг, приезжая изредка в Москву, звонил ему, и они поддерживали контакт на чисто личной основе. Прошло десять лет, в течение которых "Фарвелл" работал в центральном аппарате Управления "Т" и занял уже пост, где концентрировалась вся информация о деятельности Управления и его резидентур и сосредоточивались оценки различных государственных ведомств-заказчиков и потребителей разведывательной информации. У него же находилась картотека кадрового состава и данные на заграничную агентуру. То есть практически почти все секреты по линии НТР.

Весной 1981 года "Фарвелл" направил своему другу - французскому бизнесмену - письмо с просьбой "срочно приехать". Не совсем понимая "срочность" просьбы, француз сообщил о письме в спецслужбу - УОТ (Управление по охране территории).

Поскольку друг "Фарвелла" не мог срочно приехать, а УОТ почувствовало скрытый интерес, было решено от имени друга поручить установить контакт постоянному представителю его фирмы в Москве. С этой целью представителя срочно вызвали в Париж и, получив согласие, в течение недели готовили к выполнению задания.

Как оказалось, выполнение задания было облегчено самим "Фарвеллом", который уже все подготовил, назвав место встречи и необходимые ее условия. На этой встрече он передал сразу большое количество сверхсекретных документов управления "Т". Часть их была уже сфотографирована на пленку, а другие требовалось переснять и сразу же вернуть ему.

Ознакомление с полученными от "Фарвелла" материалами показало их особую ценность, и дальнейшая работа с ним приобрела исключительную важность. Было решено не передавать "Фарвелла" на связь СДЕСЕ - французской разведке, остро соперничавшей с УОТ. Для связи с "Фарвеллом" выделили одного из офицеров военного атташата посольства Франции в Москве, не разведчика, но профессионала, защищенного дипломатическим паспортом.

После нескольких первых встреч "Фарвелла" с любителем от разведки, бизнесменом, специально подготовленный офицер продолжил связь с ним. Вся работа "Фарвелла" продолжалась восемь месяцев, но за этот короткий срок она дала исключительно богатые для Запада результаты. "Фарвелл" успел передать УОТ около трех тысяч сверхсекретных документов. Кроме того, он передал французам два списка на 250 сотрудников НТР, находившихся в резидентурах, сообщил не менее 100 случаев контактов с иностранцами, которые могли считаться агентами внешней разведки, действовавшими в 16 странах НАТО или нейтральных государствах. Некоторые из этих лиц были позже арестованы и осуждены, другие напуганы и стали безвредными. Отдельные стали объектами контрразведки с целью дезинформации.

Французский писатель Т. Вольтон, анализируя дело "Фарвелла" в своей книге (Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993), указывает, что переданная "Фарвеллом" информация делает из него "шпиона номер один, когда-либо завербованного западными спецслужбами из сотрудников советской разведки".

Не могу не согласиться в принципе с Брук-Шефердом по существу его заявления о том, что разоблачения "Фарвеллом" деятельности внешней разведки в области научно-технического шпионажа сыграли важную роль в деле вскрытия "истинных целей, преследуемых СССР на Западе" и означали существенный успех западных спецслужб в противостоянии обширной программе научного и технического "ограбления", проводившегося Советским Союзом.

Вполне справедливой считаю и оценку, данную руководством УОТ, работы с "Фарвеллом", именно работы, а не вербовки и внедрения во внешнюю разведку, ибо этих элементов в отношении него и не требовалось проводить (Брук-Шеферд Г. Штормовые птицы. Нью-Йорк, 1990). Это действительно, как считает автор, была "самая крупная операция французских спецслужб, связанная с "кротом" во внешней разведке за всю историю этих служб". Можно добавить, и не только французской, но и других западных разведок.

Успех УОТ тем более выглядит убедительным, что эта контрразведывательная, а не разведывательная служба смогла обеспечить надежную связь с "Фарвеллом" в малознакомых для нее заграничных условиях, несмотря на то что ее осуществляли не профессионалы спецслужбы. Правда, главную роль при этом играл сам "Фарвелл". Он решал, какие документы следует передать, сам их фотографировал на пленку, назначал место и время встречи, то есть всю профессиональную часть связи с иностранной спецслужбой этот изменник оказался способным достаточно квалифицированно обеспечивать сам.

Помимо чисто профессионального ущерба внешней разведке, измена "Фарвелла" нанесла ощутимый политический вред советско-французским отношениям, а также способствовала резкому осложнению политического климата во взаимоотношениях СССР с другими западными государствами и, в первую очередь, с Соединенными Штатами.

Что касается Франции, то первым итогом измены "Фарвелла" явилось выдворение из этой страны в 1983 году 47 сотрудников советских учреждений, а также арест агента Пьера Бурдволя в декабре того же года.

Всего по материалам "Фарвелла" в 1983-1998 годах были выдворены около 150 сотрудников НТР из различных западных стран и арестованы несколько агентов. В ФРГ был арестован главный инженер Управления планирования в фирме "Мессершмитт-Бёлков-Блом", сотрудничавший с внешней разведкой в течение 17 лет. Немецкая контрразведка считала этого агента наиболее опасным со времен разоблачения Гюнтера Гийома в апреле 1974 года.

По материалам "Фарвелла" был арестован и агент ГРУ военно-морской офицер южноафриканского флота Дитер Герхардт (см. Операция "Феликс").

Каким же был этот изменник "Фарвелл", что за личность представлял из себя и какие мотивы подвигли его на это преступление? Финал его измены и жизни убедительно отвечает на эти вопросы, да, кстати, и на вопрос, почему французские спецслужбы не особенно заинтересованы в широкой огласке подробностей об этом человеке.

"Фарвелл", как бы его ни расхваливали Волтон и Брук-Шеферд, оказался прежде всего самым обыкновенным, до крайности дерзким уголовником-убийцей. А изменником-шпионом сделали его изначальные порочные наклонности, свойственные убийцам по природе.

"Фарвелл" по характеристике его коллег по работе в Париже, а затем в Центре не проявил себя как разведчик. За пять лет работы во Франции он так и не добился никаких конкретных результатов, кроме приобретения личного "друга", впоследствии сыгравшего роль контакта с французской спецслужбой.

В Центре он был переведен, по существу, в категорию неперспективных в разведывательном плане, и фактически его повторный выезд в загранкомандировку исключался. Вот, кстати, почему волею стечения обстоятельств он оказался на очень уязвимом с точки зрения безопасности участке работы. По описаниям западных авторов, "Фарвелл" якобы являл собой сильного человека, ибо иначе он не смог бы выдержать огромное психологическое напряжение, которому постоянно подвергаются "кроты" в спецслужбе. Но, во-первых, "кротом"-то он был всего восемь месяцев, которые никак не сравнимы с многими годами работы наших "кротов" Филби, Блейка, Эймса и других.

Во-вторых, он как раз и не выдержал этого напряжения, совершив уголовное преступление. Брук-Шеферд или Вольтон, выставляющие его сильной личностью, противоречат себе, когда описывают сцену аварии в Париже. Ведь тогда он, по их описанию, "стоял на коленях" и со слезами на глазах умолял своего друга - французского бизнесмена - спасти его. Разве мог бы человек с мало-мальски сильной волей так поступить? Нет, он был таким же "сильным" человеком, как и любой убийца, из страха быть изобличенным в совершенном преступлении убивающий всех свидетелей своего деяния.

Как же завершилась его преступная жизнь?

В начале 1982 года "Фарвелл", которого, кстати, Запад рисует как хорошего семьянина, выбрался на своей автомашине с любовницей - переводчицей Управления "Т" - на прогулку в уединенный парк в Москве, где и забавлялся с нею. Внезапно появившегося около автомашины человека он со страха принял за одного из своих коллег по работе, испугался до смерти грядущего разоблачения как шпиона и, выхватив нож, убил незнакомца. Его подруга, увидев кровь и искаженное яростью лицо своего любовника, бросилась бежать. Но убийца, не желая оставлять свидетельницу, догнал ее и также сразил ударом ножа. После этого сел в машину и уехал.

Но ведь недаром считается, что преступника всегда влечет на место свершения убийства. Так произошло и с "Фарвеллом". Примерно через час он вернулся в парк, где совершил, как он полагал, двойное убийство. Там уже находилась милиция, а его любовница, оказавшаяся только раненой, сразу же назвала убийцу. Возникает вопрос: похож ли "Фарвелл" в этом страшном эпизоде хоть в какой-то мере на личность с сильным характером? Что двигало им: испуг, потеря самообладания, ярость обезумевшего от страха человека? Последовал суд, осуждение за убийство, затем закономерное разоблачение как шпиона-изменника и исключительная мера

наказания. Таким образом еще при жизни он был изобличен в измене и все его шпионские деяния были подробно раскрыты.

Финал жизни этого, по определению Брук-Шеферда, "гиганта" от шпионажа, показал все его "величие" матерого уголовника. Вот почему французские спецслужбы, восхваляя свои "успехи" в этом деле, избегают лишний раз хвалиться их настоящим источником. Все-таки стыдновато, что не их разведчики, а "чужой" убийца доставлял им то, чем они гордятся перед другими спецслужбами.

Основным мотивом, двигавшим изменником в этом случае, как в большинстве других, была низкая зависть к коллегам по работе, которые превосходили его способностями, уязвляя его непомерно раздутое самолюбие и тщеславие. Месть им и всему, что связано с их успехами, Управлению "Т", всей внешней разведке и государству, которому она служит, заглушила все, родных и близких, Родину и чувство патриотизма и гордости за свою землю, присущие нормальному человеку, не обуреваемому злобными страстями карьеризма. Можно предположить, что эти негативные стороны его характера крепли и обострялись по мере того, как он знакомился с материалами об итогах коллективной деятельности его коллег по Управлению, оказавшимися доступными ему на новом участке его работы. Сорвать эти успехи, нанести как можно больший ущерб всем и вся - вот те мелкие чувства, которые двигали им, а отнюдь не какие-то высокие политические мотивы, какие пытаются приписать "Фарвеллу" на Западе.

И все же в одном могу согласиться с западными оценками результатов деятельности этого "крота" внутри внешней разведки: он нанес нам наибольший ущерб за всю послевоенную историю внешней разведки.

Раздумывая над этим делом, подробности которого стали известными из западных источников, я думал об убийце "Фарвелле" и сравнивал его измену с другими предательствами. Ведь все изменники в какой-то мере тоже убийцы. Они, идя на измену Родине, неизбежно убивают в себе все святое, а заодно и веру в себя, как в личность, если она была таковой. Убивая себя духовно, а заодно и всех своих близких, родных и товарищей, они совершают не меньшее преступление, чем убийство физическое. Ведь не случайно за измену издревле карали смертью.

ОПЕРАЦИЯ ТФП "КРОТА" О. ГОРДИЕВСКОГО

Когда в мае 1985 года был разоблачен этот "крот" СИС во внешней разведке, мы еще многого не знали о нем. В тот период Олег Гордиевский был уже полковником, кандидатом в резиденты внешней разведки в Лондоне, втором по значению разведывательном пункте нашей службы. Подозрение о его измене и сотрудничестве с западной спецслужбой возникло, как считает сам Гордиевский, в результате информации, полученной от "крота" внешней разведки в ЦРУ Эймса.

Гордиевский родился в октябре 1938 года в семье сотрудника НКВД. После окончания ИМО в 1962 году принят на работу во внешнюю разведку, в подразделение нелегальной

разведки ПГУ. В 1966 году выехал в свою первую заграничную командировку в Копенгаген, где продолжал исполнять поручения по нелегальной линии до 1970 года. Как он пытается теперь утверждать, события 1968 года в Чехословакии "окончательно его перевоспитали", то есть вернулся он в Советский Союз уже "изменником в душе".

В Центре ухитрился перебраться из нелегальной разведки в географический отдел, проводивший работу по Великобритании и Скандинавским странам. Осенью 1972 года снова оказался в Копенгагене, будучи уже готовым сделать первый шаг на пути к измене. Его поиски контактов с западными спецслужбами встретились с начатой британской разведкой МИ-6 разработкой его с целью вербовки. Их "желания" материализовались в 1974 году, когда началось регулярное сотрудничество Гордиевского с МИ-6.

Поскольку об измене Гордиевского на Западе и у нас писалось много, а сам он даже стал соавтором большой книги (Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешних политических операций от Ленина до Горбачева. М.,
1990), остановлюсь лишь на тех моментах этого предательства, которые не нашли достаточного отражения в публикациях и представляются мне существенными с точки зрения операций ТФП в нашу службу. Этот изменник также значится в числе "трех гигантов" у Брук-Шеферда, но в данном случае британская разведка приложила определенные усилия по привлечению его к сотрудничеству. Главное же в успехе МИ-6 в работе с этим "кротом" состояло в том, что она обеспечила надежную связь с ним в течение более десяти лет и способствовала продвижению его по служебной лестнице внутри внешней разведки. И если бы не сигнал Эймса, как считает Гордиевский, то можно с уверенностью ожидать, что он мог бы стать первым в истории нашей службы резидентом-изменником.

Этот "крот", безусловно, явился большим и, пожалуй, беспрецедентным успехом западных спецслужб в области агентурного ТФП в нашу разведку. Более длительные сроки и более высокого ранга "кроты" имели место только в ГРУ, где ЦРУ удалось в течение долгих двадцати лет (по 1988 год) беспрепятственно пользоваться услугами "крота" - генерал-майора Полякова. По продолжительности деятельности в качестве "крота" этот грувский изменник превзошел Гордиевского в два раза. По званию Гордиевский почти "дотянулся" до него, но по "продуктивности" он уступал и "Фарвеллу", и Полякову, как бы ни стремилось МИ-6 показать его предательский "гигантизм". На самом деле в профессиональном отношении как разведчик Гордиевский скорее был пигмеем. Все его значение для МИ-6 прежде всего заключалось в том, что у этой хваленой службы еще никогда до этого не было "крота" в советской внешней разведке. Кроме того, он стоял на их "страже" в нашей лондонской резидентуре, что обеспечивало почти полную информированность ее о намерениях и практических разведывательных операциях.

Если говорить о наиболее ощутимом ущербе для нашей службы и вообще страны, который принесла измена Гордиевского, то, на мой взгляд, два основных момента определяют его. Во-первых, участие Гордиевского, хотя и в качестве "примкнувшего" к видному ученому К. Эндрю, в упомянутом труде. Книга, полная, наряду с верными фактами, клеветнических измышлений об истории КГБ и его внешней разведки, получила видимость правдивой из-за

участия в соавторстве "живого полковника КГБ". В этом труде рука изменника проступает всякий раз, когда речь заходит о самой омерзительной клевете на внешнюю разведку.

Могу лишь удивляться, как такой, казалось бы, солидный ученый, как Эндрю Кристофер, согласился на соавторство такого низкого пошиба и не вызывающего ни у кого доверия компаньона. Полагаю, что сыграла роль поддержка и содействие МИ-6. Кстати, удивляет и "оперативное" появление этой книги на русском языке на нашем российском рынке, выпущенной издательством "Нота Бене". Наверное, не обошлось без материальной поддержки той же разведслужбы МИ-6. Что это, поощрение измен и предательств?

Во-вторых, тяжелый урон престижу органов безопасности и внешней разведки нашего государства нанесло успешное бегство изменника из-под наблюдения. Когда я писал об успехе внешней разведки в операции ТФП в ЦРУ через Ховарда, я с удовольствием отмечал, что нам удалось помочь его бегству из США, также из-под тщательного наблюдения ФБР. Теперь мне понятно удовлетворение МИ-6, организовавшей успешное бегство Гордиевского из СССР.

Наряду с указанными моментами конечно же наличие "крота" Гордиевского создавало большую опасность для всей нашей разведывательной деятельности. Впрочем, британско-скандинавское направление, на котором работал "крот", в деятельности внешней разведки в течение долгого времени имело мало конкретных успехов. Исключение составлял агент Прайм, но о нем изменник ничего не знал, да к тому же к моменту появления Гордиевского в Лондоне он уже исчерпал свои возможности. Именно поэтому Гордиевский за десять лет его сотрудничества с МИ-6 смог выдать этой службе всего трех агентов, в том числе одного агента ГРУ, а именно шведского полковника Берглинга и двух норвежцев - Г. Хаавик и Арне Трехолта. Последний был арестован с помощью информации Гордиевского только в 1984 году.

Конечно же он выдал Западу имена многих сотрудников внешней разведки, затруднив их дальнейшую деятельность. Но особо ценной разведывательной информацией этот "крот" не обладал и за все время, по его же словам, смог передать МИ-6 всего около ста секретных документов, в основном копии указаний в резидентуру из Центра и отчеты о работе резидентуры в Центр.

МИ-6 всячески стремилась помочь служебному продвижению Гордиевского. В 1983 году, "расчищая" путь для него, британские власти выдворили из страны заместителя резидента Ю. Титова. Вскоре заместителем был назначен Гордиевский. В следующем году была состряпана провокация против резидента Аркадия Гука - с таким же исходом. Оставшись в руководстве резидентурой в одиночестве, Гордиевский был назначен исполняющим обязанности резидента. Этому движению "крота" вверх был поставлен конец, когда он, под предлогом утверждения на должность резидента, в мае 1985 года был вызван в Центр, где его попытались уличить в предательстве.

Поняв нависшую угрозу разоблачения, Гордиевский с помощью резидентуры МИ-6 и ЦРУ смог обмануть наблюдение и в сентябре 1985 года бежать. Вскоре он объявился в Англии, предоставившей ему политическое убежище.

За этим последовало второе, с момента измены Лялина в 1971 году, массовое выдворение советских граждан из Англии, 31 сотрудник советских учреждений в Лондоне были объявлены персонами нон грата на основании показания Гордиевского об их принадлежности к внешней разведке и ГРУ.

На Западе пытались создать образ Гордиевского как человека большой души, чисто по политическим соображениям перешедшего на сторону демократии.

Не только для российского читателя, отвергающего наличие человеческого образа у любого предателя, но и для западной общественности Гордиевский никак не может показаться личностью, заслуживающей уважения или хотя бы доверия. Это он во всеуслышание добивался воссоединения его семьи, разрешения на выезд из Советского Союза "любимых" жены и двух дочерей. Шумел по этому поводу на каждом перекрестке при громкой поддержке британской прессы, пока в 1991 году жена и дети не прибыли к нему в Англию. И что же? Он тут же нашел предлог и бросил "любимых", выгнав их в чуждый для них мир и отделавшись крошечной материальной помощью, отказался от своей "любви", поскольку отпала необходимость спекулировать на обвинениях московских правителей в жестокости и негуманности.

Похоже ли это на поведение человека большой души, судите сами.

Но время шло и, как совершенно правильно отмечает британская пресса, начал срабатывать "синдром изменника". Не миновал он и Гордиевского: интерес к его персоне начал угасать, несмотря на былую ценность для МИ-6. Он оказался ненужным и, по его словам, уже пять лет якобы не связан с МИ-6 и живет вполне самостоятельно. Если, конечно, не считать небольшой, по его оценке, материальной помощи, полученной за предательство. Выразилась она в кругленькой сумме в 180 тысяч фунтов стерлингов, или, по тем старым масштабам, около 2 миллионов инвалютных рублей, когда одна наша "Волга" стоила дешевле тысячи таких инвалютных рублей. Действительно, бедный человек, всеми силами стремящийся зарабатывать на измене!

Теперь Гордиевский подвизается в качестве лектора по советской тематике, выступает свидетелем и экспертом, когда судят разоблаченных им или другими изменниками наших агентов.

Ну, а можно ли изменникам вообще верить на слово?

Спекулируя на вынесенном ему советским судом приговоре как изменнику Родины, он афиширует себя как смертника и в то же время осмеливается поучать российское руководство. Принимая позу эксперта по международным делам, он советует нашему государству, как завоевать доверие западных держав. Для этого, оказывается, прежде всего нужно отменить смертный приговор, вынесенный ему судом, как "серьезный шаг по пути нашего правительства к демократии" (Шальнев А. Список Гордиевского. Известия. 1994, 18 ноября). При этом Гордиевский цинично заявляет, что "звание смертника" помогает ему поддерживать интерес к себе и привлекать незадачливых слушателей на его лекции о внешней разведке. Гордиевский стремится использовать любую возможность где-нибудь выступить. Так, на международном

симпозиуме по теме "Разведка и "холодная война", состоявшемся в ноябре 1994 года в Германии, он хотел даже пробраться в президиум, но получил от ворот поворот и вынужден был довольствоваться местом в зрительном зале, откуда пытался подавать голос.

Несмотря на то что этого изменника непомерно восхваляли на Западе и выдавали его вербовку британской разведкой за ее выдающийся успех, трудно найти в действиях МИ-6 по работе с Гордиевским какие-либо доказательства, что это действительно выдающаяся операция ТФП. Поэтому никак не могу согласиться с выдвижением его кандидатуры автором книги "Штормовые птицы" в число "гигантов" среди советских перебежчиков.

Думаю, что для развенчания этого дутого авторитета привести достаточно некоторые факты из последнего по времени скандала, развернувшегося вокруг имени Гордиевского в Англии, в том числе и в связи с его соавторством в написании книги "КГБ: взгляд изнутри". Вызывает большие сомнения утверждение Брук-Шеферда о том, что Гордиевский помогал Западу знать и понимать "образ мыслей и действий Кремля", что, по оценке этого автора, способствовало предотвращению опасной конфронтации Запада с СССР в условиях "холодной войны" и перерастания ее в "горячую". Опять знакомый тезис: пеньковские и гордиевские являются спасителями мира от ядерной катастрофы.

В то, что Гордиевский мог подняться до уровня советника английского руководства, едва ли теперь кто в Англии может поверить. И доказательством тому шумный скандал, поднявшийся вокруг имени Гордиевского и его новых и старых измышлений. Об этом хочется сказать немного подробнее, так как это лучшим образом характеризует всю лживость и никчемность одного из "трех гигантов" среди перебежчиков.

Всякий изменник на первых порах испытывает повышенный интерес к своей особе, в первую очередь со стороны той службы, которая приняла его, вскоре он погружается в забвение. Кончает же большинство из них тем, что, после того как спецслужбы получают от изменника все, что их интересует, выжмут его как лимон, они становятся обузой. Чтобы не оказаться в таком положении, очевидно, при содействии МИ-6 Гордиевский нашел себе соавтора в лице историка Кристофера Эндрю и засел за книгу, забрасывая своего партнера всякими небылицами. О том, что он навыдумывал (Известия. 1994, 18 ноября) немало о внешней разведке, сказал не только я или критики из нашей среды. Об этом достаточно ясно высказались авторитетные на Западе специалисты. А поводом высказаться о Гордиевском послужил шум вокруг его новой книги "Следующая остановка - экзекуция".

Хочу напомнить, что интерес к имени Гордиевского стал угасать вскоре после его появления в Англии. И вот в феврале 1992 года, незадолго до парламентских выборов с его подачи газета "Санди Таймс" преподносит как крупную сенсацию вымысел о тайных связях с Кремлем тогдашнего лидера лейбористов Пила Киннока. Опять всплеск внимания к изменнику.

Затем Гордиевский начинает играть роль свадебного генерала на судебных процессах, если британские спецслужбы не имеют более надежных свидетелей или экспертов. Так он "подкрепляет" показания другого российского изменника Виктора Ощенко, выдавшего британской контрразведке своего, британского инженера Майкла Смита, которого судили в

Англии в 1993 году. В следующем году он клевещет на популярного английского журналиста и обозревателя Готша, вынуждая его уйти в отставку.

И вот в 1995 году он объявляет о грядущем появлении "сенсационного списка", состоящего из 24 имен британских деятелей, якобы сотрудничавших с советской внешней разведкой, пускает в ход всю свою изворотливость, дает многочисленные интервью, не заботясь о том, что они противоречивы и вызывают только недоумение. Его ветер саморекламы не замедлил посеять бурю резко критических и негодующих выступлений. Тон их сводился к тому, что Гордиевский зарвался и заврался, преувеличивая свою былую значимость в советской разведке.

Интересно проследить эту реакцию в британской и другой западной прессе за март 1995 года.

Газета "Индепендент" писала, что "товар, которым Гордиевский может торговать, - это ложь и обман", он лучше всего умеет "выдумывать разные истории". Гордиевский создает сенсации, говоря о связях видных политических деятелей, таких, как бывший лидер лейбористов Киннок, его предшественник на этом посту Майкл Фут.

Газета "Дейли Телеграф" сообщает, что Майкл Фут намерен подать в суд за клевету на газету "Санди Таймс", поместившую интервью Гордиевского с измышлениями о нем.

Газета пишет, что "верить на слово таким шпионам, особенно "двойникам", как Гордиевский, - рискованная затея. Слабость Гордиевского в том, что он наивен, интеллектуально ограничен, а теперь к тому же, после развода с женой, потребовавшей от него больших денег, испытывает серьезные финансовые осложнения".

В том же духе пишет "Гардиан": "Все, что исходит от Гордиевского, нужно воспринимать очень осторожно. Одни его утверждения служат для саморекламы, другие бывают частично достоверными, третьи - чистая ложь. В конце концов, шпионам платят за то, чтобы они врали, притворялись, поливали грязью кого-то, изворачивались, вынюхивали, маневрировали и манипулировали. Гордиевский занимается всем этим всю его жизнь".

#"Ложь и клевета - это те виды деятельности, в которых он отлично преуспел"#.

На волне этой справедливой оценки сущности изменника Гордиевского развернулась критика и книги "КГБ: взгляд изнутри", в написании которой он принимал участие.

Известный английский военный историк Майкл Ховард пишет: "Для серьезного ученого использование таких источников, как слухи и воспоминания, равносильно хождению по тонкому льду". Он спрашивает: "Насколько беспристрастным и надежным может быть агент-перевертыш?"

Джеймс Бамфорд, автор научного труда об АНБ, также высказался скептически в адрес К. Эндрю: "Господин Эндрю, похоже, ни разу не удосужился усомниться в том, что ему говорил Гордиевский".

Наиболее острой и саркастической критике подверг книгу один из самых известных американских историков Артур Шлессинджер-младший, выступивший с большой статьей в журнале "Атлантик Мансли": "Поражает доверчивость Эндрю, - пишет Шлессинджер. - Похоже, он слепо верит во все то, что говорит ему Гордиевский... и прочие экс-коммунисты". Особенно возмутила его клевета на американского патриота Гарри Гопкинса.

Резко критиковали измышления Гордиевского, вложенные в уста Эндрю, и в Англии. Наиболее авторитетный в Британии эксперт по вопросам разведки и автор основательной биографии Кима Филби - Филипп Найтли - в журнале "Спектейтор" подверг яростной критике книгу, выразив свое крайнее неудовольствие "бесстыдным очернительством", тем, как был оклеветан Гарри Гопкинс и как надругались над его памятью.

Думаю, достаточно для характеристики и всесторонней оценки того, как низко пал этот изменник не только на преданной им родине, но и там, в том западном мире, который он избрал для себя уж никак не из "идейных" побуждений. Его корысть и жажда заработать на лжи вызвали отвращение и там.

Поднимая свою значимость в мире разведки, утверждая, что его выдал Эймс, Гордиевский изворачивается как угорь, только бы его имя не было забыто на Западе.

На самом деле Гордиевский был вызван в Москву отнюдь не потому, что возникли подозрения, а для утверждения его на должность резидента, что является обычной практикой во внешней разведке. И лишь в Москве сумели разобраться в том, что в его действиях, поведении были элементы сильно настораживающие, потребовавшие тщательной проверки.

Жаль, что этих подозрений не хватило для принятия оперативных мер для его разоблачения.

ДЕЛО "СПАСИТЕЛЯ МИРА" О. ПЕНЬКОВСКОГО

В самый разгар "холодной войны" западным специальным службам сильно повезло. Начало 60-х годов ознаменовалось рядом крупных провалов ценных агентов и разведчиков советской внешней разведки, явившихся результатом предательств и измен. В Англии были арестованы резидент-нелегал Бен и его два сотрудника - Крогеры, выданные ЦРУ польским изменником Голеневским (см. Операцию "Портлендское дело"); затем последовал арест разведчика Блейка; в 1961 году в Германии был арестован агентнелегал Фельфе. В этом же году переметнулись на Запад сотрудники внешней разведки

А. Голицин и нелегал Ю. Логинов, бежали в ФРГ спецагенты Сташинский и Инга. В 1962 году изменил Ю. Носенко.

Эти провалы в работе внешней разведки, особенно потеря опытнейших разведчиков Бена и Блейка, ценного агента-нелегала Фельфе и измены Голицина и Носенко причинили серьезный ущерб нашей службе, однако они не вызвали особых политических последствий. Профессиональный же ущерб в известной мере компенсировался такими успешными делами, как операция "Карфаген", переход от американцев двух сотрудников АНБ Митчела и Мартина,

принесших важные секреты американской криптологической службы, и, наконец, начало активной работы в НАТО агента Пака.

Хуже оказалось положение в военной разведке. Ее потрясла измена Пеньковского и, как стало известно значительно позднее, еще более серьезная по своим последствиям для ГРУ измена Полякова. Лишь в какой-то мере эта служба могла противопоставить этим серьезным поражениям успех агента Данлопа, завербованного в 1961 году, да приобретение в 1964 г. ценного агента в ЮАР "Феликса".

Поскольку, по оценке западных специалистов, изменник Пеньковский из числа сотрудников ГРУ стоит на первом месте (тем более что о втором крупном военном разведчике, изменившем практически одновременно с Пеньковским, стало известно лишь недавно), рассмотрим обстоятельства, сопутствовавшие измене Пеньковского.

Пеньковский, по его собственным словам, готовился задолго до практического ее совершения.

Будучи карьеристом, он начал осуществлять свое продвижение на верх, втеревшись во время воины в доверие к генерал-полковнику, впоследствии маршалу артиллерии С. Варенцову. Оказывая ему и его семье различные услуги в течение последующих 20 лет, Пеньковский использовал его покровительство и содействие в продвижении по службе. От Варенцова, который ему полностью доверял и часто делился служебными новостями, Пеньковский получал разведывательные сведения, представлявшие интерес для западных спецслужб. В частности, о том, что происходило в высшем военном руководстве страны. Не без содействия и протекции Варенцова в 1944 году Пеньковский уже командовал артиллерийским полком.

На самой ранней стадии его работы в ГРУ, в 1955 году, Пеньковский был впервые послан за границу в качестве помощника военного атташе в Турции. Тогда же он впервые, пока анонимно, сообщил по телефону турецкой контрразведке о том, что военный атташе является резидентом военной разведки. С тех пор быстро созревая как изменник, он мечтал о западной роскоши и возможности вести свободную развратную жизнь на Западе.

Даже историк Брук-Шеферд, превозносящий Пеньковского как "гиганта" среди других перебежчиков, характеризует его как "бешеного развратника", которому нужен целый гарем (Брук-Шеферд Г. Штормовые птицы. Нью-Йорк, 1990).

Служебная характеристика Пеньковского за период его работы в Турции звучит пророчески: "Мстительный, злобный человек, беспримерный карьерист, способен на любую подлость" (Батуринский В. Д. Шпион, который хотел взорвать мир. Правда, 1994, 11 марта).

Эта озлобленность, недовольство тем, что, несмотря на протекцию маршала Варенцова, не удалось получить звание генерала, сама его предательская натура и привели Пеньковского к совершению измены, к использованию своей осведомленности во вред ГРУ, армии, собственному народу и родине.

Уже к 1959 году, через четыре года после первого предательского шага в Турции, он принял решение об измене и начал целенаправленно собирать секретную информацию с намерением передать ее западным специальным службам. Одновременно он приступил к настойчивым поискам связи с иностранными разведчиками.

С этой целью в I960 году он трижды предпринял попытки подхода к иностранцам: канадцам, американцам и англичанам. К концу года ему наконец удалось установить связь с британской разведкой МИ-6 через английского бизнесмена Гревилла Винна. Предложение пользоваться услугами Пеньковского было принято сразу двумя разведками - МИ-6 и ЦРУ.

Хотя шпионская деятельность Пеньковского продол
жалась относительно недолго - около полутора лет, - вред, нанесенный им нашему государству и спецслужбам, в первую очередь ГРУ, был огромным. Уже тот факт, что у иностранных спецслужб состоялось за это время 35 длительных бесед с Пеньковским общей продолжительностью 112 часов, когда он выезжал за границу и выкладывал им все, что знал, узнал или украл в Генштабе, говорит сам за себя. По предъявленным ему ЦРУ и СИС нескольким тысячам фотографий он опознал около 500 сотрудников ГРУ и КГБ, чем серьезно осложнил кадровую проблему наших спецслужб.

Но был ли Пеньковский тем "гигантом" среди советских перебежчиков, каким его рисует Брук-Шеферд в своей книге?

Если исходить из его крайней амбициозности и тщеславия, степени его озлобленности против собственного народа, его исключительной развращенности, то можно было бы по этим характеристикам поместить его имя в книгу рекордов Гиннесса. Его настойчивые просьбы об аудиенции у английской королевы достаточно прекрасно характеризуют его тщеславие. Можно добавить, как свидетельствует Шехтер (Шехтер Д., Дерябин П. Шпион, который спас мир. М., 1995), что Пеньковский неоднократно заявлял, что он хотел войти в историю шпионажа как "величайший шпион всех времен".

Но он был действительно чрезвычайным злодеем-гигантом, намеревавшимся уничтожить как можно больше наших людей, в первую очередь, советских военачальников, включая, очевидно, и своего благодетеля маршала Варенцова.

Для того чтобы эти слова не звучали как голословные обвинения, привожу собственные высказывания Пеньковского. Вот что он заявлял своим западным хозяевам в одной из бесед: "Как стратег, выпускник двух военных академий, я знаю многие слабые места и убежден в том, что в случае будущей войны в час "Х" такие важнейшие цели, как Генеральный штаб, КГБ на площади Дзержинского, Центральный комитет партии, должны быть взорваны заранее установленными атомными устройствами с часовыми механизмами... Я укажу наиболее удобные места для установки небольших атомных зарядов, чтобы в необходимое время взорвать цели... Вот чем я займусь, когда приеду в Москву. Первое - разработаю все, что мы

обсуждали о стратегических целях. Я сделаю схемы с расчетами... Я возьму на себя решение вопроса об определении целей в Москве и начале всей операции".

Снова и снова Пеньковский возвращается к этим чудовищным планам. "В случае начала войны в Москве необходимо уничтожить 50 тысяч высокопоставленных лиц, от которых многое зависит... А если учесть военные штабы в других городах, то, согласно представленным мною планам, в СССР необходимо будет уничтожить 150 тысяч опытных генералов, офицеров и штабных работников... Пожалуйста, обсудите мой план... Готов принять любое задание, взорву в Москве все, что смогу" (из бесед в Лондоне, апрель-май 1961 года).

При этом Пеньковский вносит предельную ясность в свои злобные предложения: "Западу нужно наносить удар первым, сокрушительный удар. Тогда мы победим". Говоря "мы", "наши", он явно причисляет себя к своим западным хозяевам.

Его воинственные соображения вызвали удивление даже у американских представителей, несмотря на то что это происходило в разгар "холодной войны". Так, известный уже нам как ярый антикоммунист и наш активный враг Дж. Энглтон, ознакомившись с записями бесед сотрудников ЦРУ с Пеньковским, пришел к обоснованному выводу, что Пеньковский хотел войны между США и СССР (Шехтер Д., Дерябин П. Шпион, который спас мир. М., 1995).

Так о какой же роли "спасителя мира от ядерной катастрофы", как пишут вслед за Шехтером некоторые авторы и наши бездумные публицисты, может идти речь? В каком же направлении хотел полковник Пеньковский изменить курс "холодной войны"? Судя по его же собственным планам, он явно жаждал поскорее перевести "холодную войну" в самую "горячую".

Западные авторы связывают особую роль Пеньковского как "спасителя мира" с карибским кризисом, однако к моменту его начала, 22 октября 1962 года, Пеньковский уже сидел в Лефортовской тюрьме и давал показания о своей измене.

Сами американские аналитики опровергают версию о Пеньковском как "спасителе мира от ядерной войны".

Один из них, "въедливый аналитик" Рей Гартхоф пишет: "Роль Пеньковского была сильно преувеличена и искажена... В действительности... он не знал, или не был в состоянии передать ничего, что касалось ракет на Кубе" (Совершенно секретно. 1997, N 4).

Можно добавить, что западные спецслужбы не были в восторге от каких-либо способностей Пеньковского как военного специалиста. Они не смогли получить от него даже самой ограниченной оценки "военных позиций Кремля". Слаб был он и в оценке стратегических проблем, обсуждавшихся в ГРУ и Министерстве обороны СССР, хотя и имел два специальных высших военных образования.

Едва ли такой "стратег" мог претендовать на звание "спасителя мира от ядерной катастрофы".

И в заключение несколько слов о профессиональной стороне дела Пеньковского. Западные исследователи проблем разведки почти в один голос распинаются о каком-то особом, выдающемся разведывательном успехе западных спецслужб в деле Пеньковского.

Но о каком успехе в этом деле может идти речь, кроме успешного получения информации, которую совершенно добровольно и инициативно давал им Пеньковский?

О такой важной части разведывательной работы, как вербовка, в этом случае даже не пахло. Не было и усилий разведки по развитию разведывательных возможностей Пеньковского. Все, что требовалось от двух самых мощных западных разведок в работе с Пеньковским, так это четкая и надежная организация связи с ним. И как раз в этом сугубо профессиональном деле они и допустили грубейшие ошибки, приведшие к провалу их агента. И эти ошибки тем более непонятны и непростительны, что служебное положение Пеньковского позволяло ему вполне легально общаться с иностранцами, посещать иностранные посольства, выезжать за границу. В этих условиях связь с ним облегчалась максимально, несмотря на обострение отношений СССР с Западом в обстановке "холодной войны". В то же время эти обстоятельства усложнили задачу контрразведывательной службы по разоблачению шпионской работы Пеньковского. К чести наших контрразведчиков, они не упустили ошибок западных спецслужб.

Стоило им только подключить на связь с Пеньковским в Москве Дженет Чисхолм - жену уже расшифрованного нашей контрразведкой английского разведчика Ролангера Чисхолма, как связь Пеньковского с иностранной спецслужбой была зафиксирована, и этим был положен конец его шпионской карьере. Эту ошибку английской разведки ЦРУ, в свою очередь, усугубило своей. Получив от Носенко в 1962 году информацию о том, что Второе главное управление КГБ (контрразведка) засекло тайник западных спецслужб на Арбате, как раз, как позже выяснилось, включенный в линию безличной связи с Пеньковским, оно не информировало об этом ни свою резидентуру в Москве, ни англичан. В результате наша контрразведка зафиксировала использование этого тайника Пеньковским, уже взятым под контроль из-за моментальных встреч с Дженет Чисхолм (Уайз Д. Охота на "кротов". М., 1995).

Вот и получается, что, говоря о Пеньковском, следует не надрываться напрасно о "величии" этого шпиона, о каком-то превосходстве его даже над Кимом Филби, до чего договариваются некоторые исследователи, а давать правдивый анализ действиям западных разведок, оказавшихся беспомощными в обеспечении связи со своим общим агентом. Правильно гласит русская поговорка: "У семи нянек дитя без глазу".

Итак, предательство Пеньковского не содержит в себе ни крупицы идейности, за которую западные спецслужбы превозносят его. Чистая корысть, доведенная до крайности, полная нравственная и моральная деградация.

Однако нельзя отнять профессиональную изощренность и разведывательную подготовленность Пеньковского, что способствовало увеличению ущерба от его шпионской деятельности внутри ГРУ. Во всяком случае, западным спецслужбам необыкновенно повезло.

Явное преувеличение значения этого "крота" для Запада, в том числе в политическом плане, обусловливалось, с одной стороны, действительно большим объемом важной военной информации, переданной Пеньковским на Запад за 18 месяцев его предательской деятельности.

С другой стороны, несомненно то, что американцы в преддверии карибского кризиса узнали многое о состоянии ядерного вооружения нашего государства и вынуждены были считаться с фактическим положением и готовностью нашей стороны дать им решительный отпор.

И, наконец, третье и, пожалуй, самое существенное для преувеличения значения измены Пеньковского состояло в том, что он фактически превратился в агента сразу двух самых мощных западных разведок, одинаково заинтересованных в повышении своего престижа через восхваление их общего агента. Но как раз этот последний факт, как мы убедились, и явился серьезной слабостью.

ОПЕРАЦИЯ "ЯНУС"

В том же 1961 году, когда начал действовать "крот" Пеньковский, у ЦРУ появился другой "крот" в ГРУ. Причем на этот раз, впервые в истории ЦРУ, этот "крот" в 1974 году стал наивысшим по воинскому рангу шпионом, получив звание генерал-майора.

Поскольку об этом исключительном "кроте" в наших средствах массовой информации сообщалось скупо, история его излагается в основном по сообщениям иностранной прессы.

Этот "крот" - генерал-майор Поляков Дмитрий Филиппович (в дальнейшем "Янус") - был всего на два года моложе Пеньковского, он также прошел войну артиллеристом, отличался храбростью и, как достойный кандидат, после окончания военной академии был взят в ГРУ.

Но в отличие от Пеньковского, изменив одновременно с ним, он сумел безнаказанно действовать как весьма эффективный "крот" ЦРУ целых двадцать с лишним лет. Только с началом 1980-х годов на него пала тень подозрения, приведшая через несколько лет к его разоблачению.

В 1988 году он был осужден и расстрелян.

По сообщениям американских средств массовой информации, "Янус" был завербован американской спецслужбой в 1961 году во время его пребывания в загранкомандировке в США.

По заявлению бывшего директора ЦРУ Джеймса Вулси, "Янус" был наиболее ценным "кротом" этой службы в ГРУ. Он, по словам Вулси, не только помог Западу выиграть "холодную войну", но и сделал все, чтобы на земле не разразилась "горячая война" (сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс от августа 1994 г.).

По оценкам многих экспертов ЦРУ, "Янус" был, как агент, ценнее Пеньковского. Кроме того, он был более подготовленным "экспертом по вопросам стратегии и, в целом, по Советскому Союзу".

Другой бывший директор ЦРУ Гейтс говорил, что "Янус" позволил им заглянуть в нутро советской военной организации и увидеть, как советские стратеги оценивают проблемы ядерной войны".

В профессиональном плане, как разведчик, "Янус" оценивался ЦРУ самым высоким образом. Он не только четко обеспечивал связь со спецслужбами, но и сам вносил современные усовершенствования в нее; по его заказам ЦРУ изготовило специальную электронную аппаратуру для быстродействующей связи "Януса" по радио с посольством США в Москве, исключающей перехват ее нашей контрразведкой.

В 1980 году "Янус" был отозван из заграничной командировки и якобы исчез из поля зрения ЦРУ. В 1988 году в СССР появилось краткое сообщение о его осуждении и казни. Известие об этом, как сообщалось в американской прессе, "явилось неожиданным ударом для ЦРУ". Американская разведка гадала, кто мог выдать "Януса".

Появление необычного для скрытного ЦРУ пространного сообщения об истории этого "крота", безусловно, явилось попыткой в какой-то мере уравновесить дело Олдрича Эймса. Дескать, и у нас был не менее, если не более (ведь "Янус" - генерал) важный высокопоставленный "крот" в советской (российской) спецслужбе.

Но вот сравнения с Эймсом объективно "Янус" не выдерживает. Вероятнее всего, последнюю точку в разоблачении "Януса" поставил именно Эймс, пригвоздив этого псевдопатриота к позорному столбу изменника.

Кстати, и с точки зрения патриотизма Эймс выглядит достойнее: он не выдавал своих сограждан, тогда как "Янус" цинично сдавал их в американские тюрьмы.

Да, "Янус" прошел Великую Отечественную войну, сражался за свой народ, защищал Родину. Являлся хорошим семьянином, заботясь о благополучии своих близких.

И что же далее? Человек военный, хорошо на практике познавший роль артиллерии в войне, передает американцам секреты самого современного противотанкового оружия. Кого видел перед собой "Янус" в это время: не своих ли сыновей, которые могли стать танкистами, и в случае войны их расстреливали бы американцы из этого самого оружия? Вот и судите, был ли он патриотом, да еще "хорошим семьянином".

Эймс не предавал своей Родины, он выдавал только наших изменников, но не снабжал нас какими-либо средствами борьбы с американским народом. Недаром он, находясь в тюрьме, осужденным пожизненно, в интервью телекомпании Си-эн-эн (CNN) в декабре 1994 года тепло отзывался о сотрудниках внешней разведки, работавших с ним. Коль скоро опять зашла речь об этом действительно крупнейшем "кроте" нашей внешней разведки в ЦРУ, обращает на себя

внимание тот факт, что американские средства массовой информации в связи с делом Эймса подняли большой шум вокруг деятельности ЦРУ. Американские газеты утверждали, что эта американская спецслужба не оправдывает себя, а ее руководство является некомпетентным. В результате этой кампании директор ЦРУ Джеймс Вулси 29 декабря 1994 года вынужден был подать в отставку. В интервью телекомпании CNN в декабре Эймс твердо заявил, что "в ЦРУ были и остаются другие сотрудники, работавшие на КГБ". Он знал, что некоторые из них "выполняли те или иные поручения внешней разведки". Одновременно он давал отзывы о наших разведчиках, работавших с ним, как о профессионалах высокого класса.

Вот и получается, что финал кампании против ЦРУ, завершившейся уходом Вулси в отставку, является результатом еще одного акта борьбы Эймса, уже из тюремной камеры, со своей спецслужбой в пользу внешней разведки.

Но измена "Януса" заслуживает более подробного расследования, поскольку она, по существу, является беспрецедентной, действительно особо опасной для ГРУ, так как позволила американским спецслужбам в течение длительного времени нейтрализовать усилия нашей военной разведки в США. Целый ряд особенностей этой измены делает ее действительно уникальной в истории разведывательной деятельности. Думаю, что если бы огласка дела Полякова американцами произошла раньше, то в своем анализе дел перебежчиков из Советского Союза на Запад Брук-Шеферд поставил бы случай измены Полякова на первое место, впереди выделенных им "трех гигантов".

Полагаю также, что ЦРУ не пошло бы на подробное изложение сотрудничества с "Янусом", если бы не потребовалось срочно противопоставить что-то действительно серьезное их провалу в деле Эймса. И, пожалуй, им удалось сгладить горечь поражения представлением мировой общественности убедительной картины успешной деятельности американской разведки против Советского Союза и наших спецслужб на примере Полякова. Тем более что это был единственный советский генерал-разведчик, когда-либо завербованный ЦРУ (Тайм. 1994, август).

Но в своей статье в "Тайм" бывший директор ЦРУ Вулси умалчивает о том, что этот матерый изменник выдавал американцам одного за другим многих советских разведчиков-нелегалов по мере их выезда в США и другие западные государства. Там их с помощью информации Полякова быстро находили и арестовывали. Не исключено, что отдельных и перевербовывали (Литовский В. Преступление генерала Полякова. Известия. 1991, 25 января).

Сообщать об этих советских разведчиках, обреченных Поляковым, как минимум, на длительное тюремное заключение, ЦРУ было невыгодно, ибо это делало бы смешным рассчитанное на общественное мнение обвинение советских и российских властей, приговаривавших изменников к заслуженному наказанию. Но об этом скажу еще подробнее в связи с историей разоблачения Полякова.

Что касается "идейности" Полякова, как мотива его измены, то, помимо высказанных ранее соображений, следует добавить ряд существенных моментов.

В упомянутой статье журнала "Тайм" Поляков рисуется как человек "идейный", а не "продажный". Он был "отменным семьянином", считал себя русским патриотом, разочаровавшимся в советской системе. По утверждению Вулси, он не только помог американцам выиграть "холодную войну", но и сделал все возможное, чтобы на земле не разгорелась "горячая война". То есть нашелся второй, после Пеньковского, "спаситель" земли нашей!

Причем, дескать, здесь предательство, когда он выполнял великую миссию? Но Поляков, выращенный и образованный народом, предал все народные ценности, святость которых зависит не только от строя, изменил своему долгу, предав родных и близких, товарищей и друзей, историю и культуру, свой народ, Родину. В оправдание этому гнусному деянию никакие красивые наряды семьянина и патриота не годятся. Подлость была, есть и останется подлостью.

Даже внешне хладнокровное предательство Поляковым своих коллег-разведчиков, выданных им американцам, не выдерживает сравнения с выдачей Эймсом советских изменников советским же властям. Скорее Эймс заслуживает общечеловеческого признания, способствуя торжеству возмездия со стороны преданного этими изменниками народа.

Ясно, что у Полякова, хотя он и запутался в мотивах своего падения, как он их представлял советскому следователю, прослеживалось политическое и идейное перерождение в результате его болезненного самолюбия, тщеславия, большой самонадеянности и себялюбия (Чертков В. В эфир не вышел. Правда. 1990, 14 января).

Поляков изменил в 1961 году, установив связь с американской контрразведкой ФБР в Нью-Йорке, во время второй командировки в США. Сразу же стал выдавать американцам своих коллег-разведчиков, работавших в его подчинении. Сообщал ФБР все, что интересовало американцев, а диапазон их интересов весьма обширен.

К концу 1962 года, когда Поляков завершал свою вторую командировку в США, он возвращался в Москву, уже нагруженный различными инструкциями, снабженный условиями поддержания связи с ЦРУ.

Вскоре Поляков выехал в новую командировку в Бирму, где также активно снабжал американцев шпионской информацией.

После Бирмы последовали два срока работы в Индии, из последней командировки оттуда в 1980 году он был срочно отозван.

В промежутках между командировками за границу и после возвращения из последней Поляков передал американцам огромное количество секретных материалов, раскрыл перед ними почти все, чем занималось ГРУ.

С 1961 по 1980 год Поляков переправил ЦРУ 25 упаковок с копиями ценнейших досье, в том числе передал список изделий высокой технологии, являвшихся предметом охоты

советской разведки на Западе. Этот перечень якобы был принят администрацией президента Рейгана за основу при введении более жесткого контроля над экспортом американских технологий.

"Янус" выдал ЦРУ двух ценных агентов ГРУ - Фрэнка Боссарда в Англии и Джека Данлопа в АНБ, правда, последнего уже после его смерти. Передавал американцам важную, по их оценкам, информацию по различным аспектам международных отношений СССР. В частности, он своевременно доложил информацию о разногласиях Советского Союза с Китаем, которая способствовала визиту в Китай госсекретаря Генри Киссинджера и президента Никсона в 1972 году и урегулированию американо-китайских отношений (Известия. 1991, 25 января).

"Янус", правда, сообщил следствию в 1987 году об изменнике Чернове, о вербовке которого американцами ему стало известно в 1980 году в Индии от сотрудников ЦРУ, чем в ничтожной доле смягчил свои преступные дела во вред ГРУ, да и то сделал это вынужденно.

Многое можно было бы сказать о его долгой шпионской деятельности в пользу ЦРУ, но пусть об этом теперь пишут западные защитники ЦРУ. Одно ясно, Вулси и другие сотрудники ЦРУ правы, считая "Януса" самым ценным агентом за всю историю этой разведки. И "крот" Пеньковский по сравнению с "кротом" "Янусом" вовсе не "гигант".

Показательно отличное профессиональное мастерство "Януса", которое он демонстрировал при осуществлении связи с американцами. Не случайно так долго не удавалось нашей контрразведывательной службе зафиксировать его контакты. Полагаю, что для читателя будет интересно узнать о некоторых аспектах такой шпионской связи, осуществлявшейся на весьма высоком оперативно-техническом уровне.

СВЯЗЬ "ЯНУСА" С АМЕРИКАНЦАМИ

В условиях очень жесткого контрразведывательного режима вокруг западных дипломатических представительств "Янус" пользовался почти совершенно неуязвимыми средствами бесконтактной связи - по радио и через разовые тайники.

По характеристике "Тайм", "Янус" был смелым человеком, любил риск. Он добывал из сейфов ГРУ специальные саморазрушающиеся пленки, фотографировал на них секретные материалы и затем помещал в изготовленные им полые камни или в магнитные контейнеры, которые и закладывал в обусловленных местах. Более короткие оперативные сообщения он передавал через импульсную радиосвязь прямо на американское посольство в Москве. Делал он это так. На специально сконструированном ЦРУ по его заказу устройстве записывал свои зашифрованные сообщения, которые помещал в миниатюрный передатчик, умещавшийся в кармане. Садился в городской транспорт, следующий мимо здания посольства США. Проезжая мимо здания посольства, нажатием кнопки приводил в действие передатчик, который импульсом продолжительностью всего 2,5 секунды передавал сообщение в несколько страниц. Пользовался радиосвязью "Янус" и за границей. Под предлогом выезда на рыбалку он и ведущий его американский разведчик располагались на каком-либо водоеме на значительном расстоянии друг от друга. "Янус" говорил "сам с собою" в запрятанный в одежде микрофон,

соединенный с миниатюрным передатчиком, а американский разведчик, делая вид, что ловит рыбу, принимал на специальное устройство шпионское сообщение.

Существовала также условная связь через помещение объявлений в американских изданиях, которые были доступны "Янусу". Для этого использовался раздел "Объявления частных лиц" в газете "Нью-Йорк Таймс" (Чертков В. В эфир не вышел. Правда. 1990. 14 января).

После ареста Эймса американские СМИ пытались свалить вину за разоблачение "Януса" на этого "крота" внешней разведки. На самом деле раскрытие его шпионской работы произошло, по всем данным, без участия Эймса. Во всяком случае, началось оно задолго до вербовки Эймса, в 1980 году. Вот как представляется мне история этого разоблачения.

Когда в газете "Правда" в январе 1990 года появилась статья Черткова об изменнике "Дональде", бывшем сотруднике ГРУ, я узнал, что под этим именем скрывался генерал Поляков. Тогда же один мой знакомый из числа бывших сотрудников военной контрразведки КГБ поведал удивительную историю о том, как корпоративные интересы бывших партийных чиновников не позволили раньше разоблачить этого "Дональда" и дали ему возможность еще несколько лет безнаказанно наносить ущерб нашему государству и ГРУ.

Суть истории состояла в следующем. В 70-е годы ГРУ стало нести необъяснимые потери разведчиков-нелегалов, засылавшихся в США, причем не успевали эти нелегалы после проникновения в страну как следует обосноваться и начать разведывательную работу, как один за другим арестовывались американской контрразведкой. Объяснимых причин провалов не было видно, и ГРУ терялось в догадках, продолжая терять свои самые ценные кадры.

Один из руководящих работников ГРУ, назовем его ИКС, сделал правильный вывод о том, что, очевидно, имела место утечка из службы информации. Такая информация должна быть вполне конкретной, содержать сведения о документальных данных нелегалов, именах, под которыми они намеревались оседать в стране, биографии, возрасте и предполагавшемся месте проживания. То есть источник утечки должен иметь доступ к лично-оперативным делам (досье) этих нелегалов.

Тогда ИКС засел в архив и стал анализировать досье всех провалившихся разведчиков, выписывая имена тех сотрудников ГРУ, кто имел доступ к этим досье. Когда после многомесячной работы ИКС изучил получившийся у него список более сотни имен сотрудников ГРУ, он с удивлением увидел, что только один из них, генерал-майор Поляков, знакомился с каждым досье. Естественно, подозрение ИКСа было сконцентрировано на нем одном. Происходило это в 1980 году. ИКС немедленно доложил о результатах расследования начальнику ГРУ генералу П. И. Ивашутину, тот дал указание ИКСу доложить об этом начальнику кадров ГРУ.

Последний, имя которого мне неизвестно, пришедший в ГРУ из аппарата ЦК КПСС на укрепление, сразу же встретил подозрения ИКСа в штыки и, не слушая никаких доводов,

высказался против каких-либо выводов из сомнительного расследования ИКСа, заподозрившего генерала, пользовавшегося доверием ЦК КПСС.

Но ИКС не отступал и убедил Ивашутина в необходимости отзыва "Януса" из заграничной командировки в Индии, что и было сделано в 1980 году. Кстати, сам "Янус" был несколько озадачен таким срочным отзывом, хотя он и был обоснован заботой о здоровье генерала.

"Янус" говорил следователю: "Я спинным мозгом почувствовал, что КГБ сел мне на пятки. Однако анализ моего положения в ГРУ опровергал мои опасения". В силу своей чрезмерной самонадеянности он не верил в возможность провала, думая, что его никто не уличит до гробовой доски, настолько продуманным был каждый его шаг (Правда. 1990, 14 января).

К сожалению, КГБ не мог действительно "сесть ему на пятки", так как он не знал о возникших в ГРУ подозрениях.

После возвращения из Индии "Янус" продолжал свою шпионскую работу, но ИКС не мог успокоиться на таком половинчатом решении. У него был близкий товарищ еще со студенческих лет, работавший в КГБ, в Управлении военной контрразведки. К нему ИКС и обратился за советом, рассказав о своих подозрениях. Последний обещал доложить об этом деле своему руководству.

В отделе, где работал товарищ ИКСа, отнеслись весьма серьезно к полученному сигналу, и начальник отдела доложил об этом начальнику управления. Тот также был в свое время сотрудником административного отдела ЦК КПСС и работал там вместе с начальником кадров ГРУ. Он доложил мнение начальника отдела первому заместителю председателя КГБ Г. К. Циневу, в ведении которого находилось Главное управление военной контрразведки. При докладе начальник управления поддержал мнение начальника кадров ГРУ, явно исходя из корпоративной солидарности бывших партийных чиновников, а не из интересов безопасности ГРУ, требовавших, как минимум, квалифицированной контрразведывательной перепроверки этого сигнала. Цинев согласился с мнением начальника военной контрразведки, сказав при этом: "На кого же мы будем опираться, если начнем подозревать наших генералов?" Так три чиновника - один из ГРУ и два из КГБ сыграли на руку ЦРУ, проявив возмутительную беспечность и проигнорировав свой долг в угоду ложной солидарности. Проведи КГБ глубокую оперативную проверку "Януса" еще тогда, этот матерый изменник был бы обезврежен и не смог бы еще пять лишних лет оставаться активным "кротом", выдавая ЦРУ новых разведчиков.

"Янус" был разоблачен только в 1986 году, когда поступил ряд дополнительных сигналов о наличии изменника в рядах ГРУ, в том числе и информация из внешней разведки, возможно, и от Эймса.

Вероятно, может заинтересовать читателя ссылка Д. Уайза на то, что "Янус" в начальный период его сотрудничества с американскими спецслужбами имел у них два псевдонима: в ФБР "Топхэт" (то есть "Цилиндр") и "Бурбон" в ЦРУ, которое головному убору предпочло спиртной напиток (Уайз
Д. Охота на "кротов". М., 1995).

ОПЕРАЦИЯ ТФП ЦРУ В ГРУ "ФОТОГРАФ"

Эта операция агентурного проникновения ЦРУ в советскую военную разведку имеет ряд особенностей, выделяющих ее из всех других успешных внедрений "кротов" этой американской спецслужбы.

Прежде всего, ЦРУ провело вербовку сотрудника ГРУ Чернова Николая Дмитриевича (в дальнейшем "Фотограф"), собственно, не военного разведчика, а технического работника, специалиста-фотографа, обеспечивавшего фототехническую обработку разведывательных материалов, добывавшихся другими оперативными сотрудниками ГРУ.

Казалось бы, рядовой технический работник не мог представлять большого интереса для ЦРУ. Но на деле "Фотограф" оказался очень ценным источником для ЦРУ, его материалы, в ценности которых сам он не разбирался, позволили американским спецслужбам разоблачить целый ряд ценных агентов ГРУ в США, а по переданным американцами сведениям, извлеченным из материалов "Фотографа", другим западным контрразведкам выявить и арестовать действовавших у них агентов ГРУ. Так, например, в результате изучения материалов, полученных через "Фотографа", во Франции была провалена почти вся агентурная сеть ГРУ (Удилов В. Н. Записки контрразведчика. М.: Ягуар,
1994. с. 78-79).

Операция "Фотограф" опровергает тезис, как-то высказанный писателем Ле Карре, о том, что "ЦРУ хотело бы завербовать Андропова, а французская разведка предпочитает агента из числа его технических секретарей".

Кстати, тезис о большей практической эффективности агентов из числа исполнителей по сравнению с руководителями действительно в большинстве случаев оправдывает себя, если, конечно, речь не идет об агентах влияния, для которых их положение в обществе или в каких-то влиятельных организациях или учреждениях является важным.

Второй особенностью "крота" "Фотографа" явилась его способность "пассивно" накапливать материалы, фотообработкой которых он занимался. Такие материалы поступали из различных резидентур ГРУ в целом ряде стран и содержали конкретные сведения о проводившейся там разведывательной деятельности и добывавшейся информации. Переданные "Фотографом" в виде фотокопий, они позволяли ЦРУ эффективно контролировать большой спектр деятельности ГРУ и выявлять источники получения таких материалов. А поскольку "Фотограф" фотографировал также и исходящую из ГРУ в резидентуры почту, ЦРУ получало представление о направлении разведывательных усилий ГРУ и их конкретных целях.

Тот факт, что эти материалы поступали в ЦРУ значительно позже их появления в ГРУ, при очередных выездах "Фотографа" за границу, не снижал их ценности, но затруднял для ГРУ выявление причин неудач и провалов.

Наконец, последняя особенность истории этого "крота" ЦРУ касается непонятно чем продиктованных, исключительно мягких последствий его изменнической деятельности. Это

обстоятельство можно объяснить только конъюнктурной тенденцией больше миловать, чем наказывать предателей и изменников, ставшей модной на современном этапе развития событий в нашей стране. В результате, получив за свое черное предательство всего восемь лет тюрьмы, "Фотограф" пробыл в заключении всего несколько лет и был в 1992 году помилован. За что? За то, что выданные им агенты были брошены в тюрьмы на многие годы, разрушены их карьеры, семьи обречены на нужду? Труд многих десятков самоотверженных военных разведчиков был зачеркнут, а престижу нашей страны нанес огромный ущерб.

Для того чтобы тем, у кого поднимается рука защищать изменников, была ясна вся глубина их преступлений, хочу подробнее показать историю падения "Фотографа".

Выехав в служебную командировку в США в качестве оперативного техника резидентуры ГРУ в 1960 году, "Фотограф" был завербован американской контрразведкой в 1962 году. С этого момента по май 1963 года, когда он выехал домой, американские спецслужбы получили через него доступ ко всем документам и материалам, проходившим через резидентуру ГРУ. Так, "Фотограф" обрабатывал секретный "Альбом управляемых ракетных снарядов ВМС США", добытый ценным агентом ГРУ "Дроном". Через несколько месяцев американская контрразведка установила источник, и в сентябре 1962 года "Дрон" был арестован и осужден на пожизненное тюремное заключение (Бурбыга Н. Предательство - нелегкая работа. Известия, 1992, 6 марта). В Англии был арестован другой ценный агент ГРУ "Бард" и осужден на двадцать один год тюремного заключения.

На время пребывания в Москве "Фотограф" получил задание собирать все материалы, которые будет обрабатывать в Центре. Он усердно копировал все, что проходило через его руки с грифом "совершенно секретно", не вникая в содержание обрабатываемых материалов, тем более что был просто неспособен понять их ценность.

В 1972 году он вновь выезжал в США дипкурьером, привез туда для американцев копии более трех тысяч документов, которые передал на двух встречах. В том числе в переданных им материалах содержались документы о действовавших агентах и других лицах, представлявших интерес для ГРУ, материалы, по которым можно было установить источники их получения, и много другой информации (Горленко С. О бедном шпионе замолвите слово. Правда. 1993, 16 мая).

После получения от "Фотографа" в 1972 году новой порции материалов западным спецслужбам удалось раскрыть в 1977 году двух агентов ГРУ - супружескую пару "Мур" и "Мэри", сотрудничавших с ГРУ с 1962 года. "Мур" - командующий войсками ПВО Швейцарии генерал Жан-Луи Жанмэр - был осужден вместе с женой.

На основе полученной через "Фотографа" информации, как уже упоминалось, французскими спецслужбами была выявлена и ликвидирована во Франции практически вся агентура ГРУ, действовавшая с середины 60-х годов.

Такова цена "слепого" предательства этого изменника, помилованного как "инакомыслящего" президентом.

Одно в какой-то мере смягчает горечь от такой "президентской милости" - помилование не является оправданием, изменник обречен доживать свой век не в каком-то новом качестве, а как предатель, и никак иначе. Да еще тот факт, что почти тридцать лет до разоблачения в 1989 году он не жил, а существовал в постоянном страхе разоблачения.

ОПЕРАЦИЯ ЦРУ "ГУСТО"

Наряду с "кротами" в легальных аппаратах советских разведок, иностранные спецслужбы стремились внедрить свою агентуру в аппараты нелегальных служб внешней разведки и ГРУ. Об этом свидетельствуют операции "Гарт" и "Фигляр", а также ряд перевербовок советских нелегалов, в том числе агентов-нелегалов иностранцев, впоследствии разоблаченных. Можно с достаточной степенью достоверности предполагать перевербовку кого-то из разведчиков-нелегалов ГРУ, выданных им изменником "Янусом".

Одним из примеров деятельности ЦРУ в этой области является операция "Густо", проводившаяся этой разведкой с бывшим нелегалом внешней разведки Логиновым Юрием Николаевичем. Это дело получило настолько своеобразное и неповторимое развитие, что заслуживает внимания не только с точки зрения большой опасности для внешней разведки, но и как иллюстрация абсурдности действий ЦРУ в период двадцатилетнего правления Энглтона, о чем еще будет в следующей главе подробный разговор.

"Густо", молодой кандидат в разведчики-нелегалы с почти совершенным знанием английского языка, сын одного из руководящих партийных деятелей, был взят на подготовку в конце 50-х годов. В конце 1961 года он был направлен в первую пробную загранкомандировку в Финляндию под видом американского туриста. Как это ни парадоксально, еще не успев оглядеться в заграничных условиях и не поняв многих особенностей своего нового положения, он сразу же прибежал к американцам и заявил, что хочет перейти на Запад и уехать в США. Однако каких-либо веских причин привести не мог. Интересны обстоятельства этой немотивированной измены, как их излагает Д. Уайз в своем исследовании истории пресловутой охоты на "кротов" в ЦРУ (Уайз
Д. Охота на "кротов". М., 1995).

Признаться, несмотря на то что мне довелось более 11 лет работать в подразделении нелегальной разведки ПГУ, руководя им в течение ряда лет вплоть до 1961 года, многие факты, сообщаемые в этом исследовании о "Густо", были мне не известны. Да и вспомнил я его лишь тогда, когда он был арестован в ЮАР в 1967 году.

Измена "Густо" совпала с предательством А. Голицина. Последний, перед самым бегством на Запад в декабре 1961 года, еще встречался с "Густо" по поручению легального резидента внешней разведки в Хельсинки в то время, когда "Густо" уже успел встать на путь измены.

Тот же американский разведчик Ковач, который несколько позже принимал Голицина, первым встречался с "Густо", а затем вел его дело в течение ряда лет, встречаясь в различных европейских странах. Ковач без особого труда убедил "Густо" оставаться на своем месте во

внешней разведке, то есть стать "кротом" ЦРУ, обещая в будущем обеспечить его переезд в США.

Первая самостоятельная загранкомандировка привела "Густо" в Италию, затем он вернулся в Москву. Перед отъездом из Хельсинки Ковач обусловил с ним связь на будущее и присвоил псевдоним "Густо". Уже на первых встречах с Ковачем "Густо" передал всю информацию, которой располагал о спецподразделении нелегальной службы внешней разведки.

В свои последующие разовые командировки "Густо" посещал Бельгию, Австрию, ФРГ, побывал в Бейруте и Каире. Так как он был завербован Ковачем, который в результате анализа его личного дела А. Голициным сам стал основным подозреваемым как советский "крот" в ЦРУ, это подозрение сразу же пало и на "Густо".

В четвертую поездку за границу "Густо" выехал в январе 1967 г. с канадским паспортом на имя Эммануила Тринки; после посещения европейских стран, в частности Бельгии, с задачей подготовки выезда в США, он в конце января оказался в ЮАР. В марте 1967 года он выехал в Кению, где встречался с сотрудником ЦРУ.

Поскольку ЦРУ не могло понять столь долгую "стажировку" "Густо" без каких-либо разведывательных результатов, отсутствие у него объяснений и вразумительного обоснования его готовности служить американцам, возникшее ранее подозрение, что он специально подставлен ЦРУ, к 1965 году укрепилось. К моменту встречи с ним в 1967 году в Кении руководство ЦРУ под воздействием Энглтона приняло беспрецедентное решение выдать его как советского агента властям ЮАР, "чтобы они разоблачили его", применяя крайние меры. При этом ЦРУ информировало, что они "работали" с ним как с двойником КГБ. В июле 1967 года "Густо" был арестован в ЮАР. По этому поводу руководство ЦРУ считало, что оно "било КГБ его же собственным оружием", выводя агента из игры.

Контрразведке ЮАР было сообщено, что ЦРУ завербовало "Густо", но не смогло удостовериться в его честности.

9 сентября 1967 года власти ЮАР объявили, что "Густо" сознался в проведении шпионажа в этой стране и еще в 22 странах, назвал имена советских дипломатов, кто с ним встречался.

По совету и с согласия ЦРУ власти ЮАР обменяли "Густо" на западногерманских шпионов, арестованных в ГДР. Как отмечает Уайз, ключевой фигурой, принявшей решение об этой операции, был Энглтон. При этом не "Густо" назвал советских дипломатов - сотрудников внешней разведки, а ЦРУ предоставило эти сведения контрразведке ЮАР. Американцы хотели этим "очернить" "Густо" перед КГБ.

Как утверждает Уайз, "Густо", доставленный в ФРГ, не хотел возвращаться в СССР, и его фактически насильно передали советским властям. По сведениям ЦРУ, в Советском Союзе "Густо" был разоблачен и понес наказание. Таким образом ЦРУ совершило одно из наиболее позорных дел, как считали сотрудники этой службы, погубив ни в чем не повинного действительного "крота" во внешней разведке.

Что касается меня, то до прочтения труда Уайза я был уверен, что "Густо" после отчета обо всех обстоятельствах своего ареста и нахождения в тюрьме в ЮАР был конечно же уволен из разведки, но сведениями о его измене наша служба не располагала.

Мне представлялось, что в данном случае ЦРУ еще раз потерпело поражение на фронте приобретения "кротов" во внешней разведке, своими руками наказав изменника.

Однако совсем недавно автору стали известны некоторые весьма пикантные подробности завершения дела "Густо" в СССР.

Как мне представляется, факт ареста и поведения "Густо" в тюрьме требовал следственного расследования, тем более было сомнительно, что молодой и неопытный разведчик устоял на протяжении непрестанных трехмесячных допросов контрразведывательных спецслужб ЮАР. К тому же получивших от ЦРУ достоверную информацию о его принадлежности к внешней разведке заклятого врага расистского режима в этой стране. Правда, об этом во внешней разведке не ведали, так как даже, как сейчас выясняется, четверть века спустя об этом стало известно лишь из книги Уайза, хотя в ЦРУ считалось установленным фактом.

Однако председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов, которому докладывали "дело "Густо", хорошо знал его отца, бывшего секретаря одного из обкомов КПСС. Поэтому он дал указание ограничиться тщательным опросом "Густо" в аппарате внешней разведки и, если не будет обнаружено что-либо серьезное, подготовить Указ Верховного Совета об освобождении его от ответственности за допущенные ошибки, что и было сделано, так как "Густо" утверждал, что ничего существенного не выдал властям ЮАР, а о своей измене и сотрудничестве с ЦРУ он, естественно, умолчал.

Когда указ был уже подписан, внешняя разведка получила из ЮАР сообщение о том, что перед обменом "Густо" в интервью одной журналистке подтвердил, что все выдал о советских спецслужбах. Сообщение требовало проверки, поскольку противоречило утверждениям "Густо".

Попытки руководства внешней разведки вновь расследовать дело, однако, были безуспешными, и "Густо" был отпущен без какого-либо дальнейшего расследования.

Так, ирония судьбы освободила изменника не только от ответственности за свои деяния, но даже от малейших неприятных для него последствий. Он прожил следующие четверть века без клейма предателя, измена осталась скрытой от посторонних глаз.

Однако не думаю, что угроза разоблачения не висела над ним постоянно.

А быть может, материалы о "Густо", представленные Уайзу ЦРУ, просто еще одна ошибка со стороны этой службы? Ведь "Густо", как бывший "крот", мог продолжать использоваться этой разведкой в качестве своего агента, о чем могли не подозревать "информаторы" из ЦРУ, сообщавшие Уайзу детали его "дела как "крота"? Тогда российская контрразведка должна

"открыть" его дело в связи с вновь появившимися обстоятельствами и провести следствие. Ведь нельзя же прощать измену.

Рассматривая замысел ЦРУ в отношении "Густо" вне зависимости от фактического результата, действия американского руководства по сдаче этого "крота" сначала южноафриканской контрразведке, а затем КГБ нельзя расценивать иначе, как своеобразное заказное убийство. Так и считали сотрудники ЦРУ, имевшие отношение к этому делу, оценившие "разрешение" возникших у ЦРУ подозрений в отношении "Густо", как самое грязное дело за всю историю этой разведки.

ОПЕРАЦИЯ "АВСТРИЕЦ"

Полковник ГРУ Петр Попов был, пожалуй, первым "кротом", завербованным ЦРУ. Произошло это в 1953 году в Вене, где он работал в резидентуре военной разведки. В течение шести лет он снабжал ЦРУ информацией, пока в 1959 году не был разоблачен советской контрразведкой в результате оперативной ошибки резидентуры ЦРУ в Москве, направившей ему письмо с вызовом на встречу обычной почтой. Письмо было перехвачено, и 16 октября 1959 г. агент вместе с сотрудником ЦРУ Ланжелоном при осуществлении моментальной встречи в московском автобусе были арестованы (Уайз Д. Охота на "кротов". М., 1995).

ДЕЛО "ТОНИ"

Одной из последних, ставших известными операций ТФП ЦРУ в ГРУ явилась измена подполковника Вячеслава Баранова, получившего в ЦРУ кодовое имя "Тони".

Он был завербован ЦРУ уже в период пресловутой "перестройки" в нашей стране. Подробности наша пресса не сообщала, но известно, что желание спасти свою карьеру, высокое самомнение и корыстолюбие, стремление к быстрому обогащению - все эти пагубные черты его характера были использованы ЦРУ, когда "Тони" выехал в 1985 году в заграничную командировку.

Разоблаченный в 1993 году, "Тони" был приговорен к шести годам тюремного заключения. Мягкость приговора, несмотря на тяжесть его преступления, может свидетельствовать о том, что "Тони" активно содействовал выявлению подрывных действий ЦРУ.

ДЕЛО В. ПИГУЗОВА

Сотрудник внешней разведки Владимир Пигузов попал в поле зрения ЦРУ во время его первой заграничной командировки в Индонезию. Тогда же был сделан первый вербовочный подход разведчиков ЦРУ к нему. Пигузов категорически и решительно отверг домогательства ЦРУ, сообщив об этом руководству внешней разведки.

Но ЦРУ не отказалось от своих намерений и при участии ФБР подловило его во время второй загранкомандировки в США, подставив ему своего агента-женщину, зная его слабость к женскому полу.

Будучи обиженным на Центр за негативное отношение к нему из-за первой попытки вербовки в Индонезии и под угрозой разоблачения его аморального поведения, Пигузов согласился стать "кротом" ЦРУ. После возвращения из США он был направлен на работу в разведывательный вуз внешней разведки - Институт имени Ю. В. Андропова, где был определен в отдел кадров.

Таким образом "крот" ЦРУ получил доступ ко всем досье на молодых сотрудников - слушателей института и смог снабжать ЦРУ этими важными сведениями.

Его изменническая деятельность была прервана благодаря, как сообщала американская пресса, Эймсу, который назвал его имя как "крота" ЦРУ.

ДЕЛО "АФРИКАНЕЦ"

Сотрудник внешней разведки Леонид Полещук, находившийся в загранкомандировке в Африке, был завербован в 80-х годах ЦРУ и согласился стать "кротом" этой разведки.

После возвращения в СССР он стал поддерживать связь с московской резидентурой ЦРУ. В 1983 году разведчик ЦРУ при закладке тайника для "Африканца" был зафиксирован КГБ, что предопределило провал агента. Кроме того, Эймс якобы также назвал его имя среди известных ему "кротов" ЦРУ. В результате "Африканец" был разоблачен и осужден.

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ "КРОТЫ"

Помимо перечисленных "кротов", которым удалось, хотя порою и весьма кратковременно, как, например, "Африканцу", внедриться в центральный аппарат внешней разведки или ГРУ, в процессе непрестанной работы по линии операций агентурного ТФП в советские и российские спецслужбы западным спецслужбам удавалось внедрять своих "кротов" в периферийные аппараты наших разведок.

Поскольку такие "периферийные кроты" не только опасны для деятельности отдельных резидентур, но и являются "кадровой" базой для иностранных спецслужб в плане их возможного продвижения в центральные аппараты наших спецслужб, как, например, это произошло с Пигузовым, "Фотографом" и другими, рассмотрение их случаев представляет интерес и в ракурсе операций ТФП в сами спецслужбы.

ОПЕРАЦИЯ "ГЕДЕОН"

Эти события развертывались в первой половине 50-х годов вокруг нашего разведчика радиста "Гарта", в создававшейся нами на Американском континенте разведывательной нелегальной резидентуре.

"Гарт" был молодым человеком, опытным радиоспециалистом, которого мы успешно подготовили в профессиональном и языковом отношении. К 1954 году он уже был на Американском континенте, первоначально обосновавшись в Канаде. Оттуда он должен был

переехать в США, где намечалось использовать его радистом в резидентуре Абеля. Однако в Канаде он не проявил способности к самостоятельному переезду в Соединенные Штаты, и Центр принял решение оставить его в качестве радиста создававшейся там резидентуры Филина с задачей обеспечения двусторонней радиосвязи с центром.

В середине 1955 года при выезде на одну из разведывательных операций резидент внешней разведки в Оттаве оказался под плотным наружным наблюдением, от которого не стал пытаться оторваться и, отказавшись от намеченного мероприятия, решил возвратиться в посольство. При подходе резидента к своему дому сотрудник канадской контрразведки, который вел наблюдение, приблизился к нему вплотную и сказал примерно следующее: "Могу сообщить очень важную информацию о предательстве вашего агента-радиста, проживающего в Монреале. За подробную информацию прошу 5 тысяч долларов. Жду ответа завтра вечером".

Резидент немедленно срочной телеграммой доложил в Центр полученное предложение, упомянув, что канадский контрразведчик произвел на него впечатление человека, говорившего правду. К середине дня телеграмма лежала у меня на столе. Будучи почти уверенным, что речь шла о "Гарте", который действительно проживал в Монреале, я доложил о телеграмме руководству внешней разведки и предложил немедленно подтвердить разрешение выдать информатору просимые им 5 тысяч долларов. По указанию начальника ПГУ Сахаровского я представил составленный мною ответ в канадскую резидентуру исполнявшему обязанности председателя КГБ Ивашутину и получил разрешение отослать его.

Все это время я испытывал большое внутреннее волнение. В памяти вставали события десятилетней давности, когда, в бытность мою резидентом в Оттаве, изменил шифровальщик резидентуры ГРУ Игорь Гузенко. Начавшаяся тогда шумная антисоветская кампания так захлестнула Канаду и свела почти на нет так хорошо развивавшиеся советско-канадские отношения. Призрак возможного повторения того, что произошло в результате измены Гузенко, стоял перед моими глазами.

Теперь, отправив телеграмму, я с нетерпением ждал ответа, заранее мобилизуя себя на то, что нужно так нейтрализовать изменника " Гарта", чтобы исключить огласку и неизбежность новой шумной кампании в средствах массовой информации Запада, с новым перемыванием давно прошедших событий 1945 года.

Для меня это была сейчас главная задача. Поздно вечером следующего дня поступило сообщение из Оттавы, и все сомнения исчезли. Как явствовало из сообщения Морриссона (так звали сотрудника канадской контрразведки), "Гарт" попался на связи с женщиной. Установив близкие отношения с замужней дамой, он вызвал подозрения у ее мужа, который и донес на него контрразведке. После первого же допроса "Гарт" сознался в принадлежности к внешней разведке и дал согласие на измену и сотрудничество с противником.

Все встало на свои места. Канадские спецслужбы присвоили "Гарту" кодовое имя "Гедеон", а английские, с которыми канадцы немедленно проконсультировались, назвали его "Краеугольным камнем". По замыслу этих двух западных спецслужб началась оперативная игра с нами. Теперь нашей задачей стало "переиграть" их.

В результате обсуждения создавшейся ситуации было намечено:

- вести дело в переписке с "Гартом" к тому, чтобы он приехал на короткое время "на переподготовку" домой. Заинтересовать в этом западные спецслужбы;

- вывести из-под возможной опасности резидента Филина, о котором "Гарт", а следовательно, и западные спецслужбы знали, что он находится в Бразилии и будет обращаться к канадцам за въездной визой в Рио-де-Жанейро.

С этой целью мы в течение двух месяцев одобряли действия "Гарта" и готовили его к предстоящему приглашению, сообщая о намерении дать ему для связи новую, самую совершенную нашу радиостанцию. Мы полагали и не ошиблись, что западные спецслужбы пожелают заполучить эту нашу "новинку".

Одновременно мы смогли предупредить Филина в Бразилии ни в коем случае не обращаться за визой к канадцам, отменили его перебазирование в Канаду и предложили ему заняться разведкой в странах Латинской Америки, оставаясь в Бразилии.

Наша легенда о необходимости обучения "Гарта" работе на новой радиоаппаратуре возымела действие на спецслужбы, и на наш вопрос, сможет ли он совершить поездку домой на пару недель, был получен положительный ответ.

Как мне стало известно позже из мемуаров британского контрразведчика П. Райта (Райт П., Грингласс П. Ловец шпионов. Берлин, 1988),
сам "Гарт" не хотел ехать в Москву, но спецслужбы убедили его в полной безопасности такого визита. Кстати, Райт сообщает, что канадцы и англичане строили далеко идущие планы использования "Гарта" в качестве своего "крота" в нашей службе нелегальной разведки. Об этом можно догадаться и по тем кодовым названиям, которые они присвоили "Гарту":

"Гедеон" - библейский герой, полководец, отразивший вторжение в Израиль нумедийских племен;

"Кейстоун" - очевидно, предназначал "Гарта" стать краеугольным камнем системы дезинформации и оперативной игры с внешней разведкой.

Финал был прост. Из аэропорта, куда прибыл "Гарт", его доставили прямо в тюремную камеру. Не успел начаться допрос, как "Гарт" во всем сознался. Все произошло, по его показаниям, так, как сообщал Морриссон.

Но для канадско-британских спецслужб дело на этом не закончилось. Мы решили продлить им "удовольствие" нетерпеливого ожидания возвращения "Гарта" в Канаду "с новой рацией". Через некоторое время были возобновлены наши радиопередачи для "Гарта", при которых передавались указания в его шифре.

Как пишет в своих воспоминаниях английский контрразведчик Райт, британская и канадская спецслужбы в течение года искали "Гарта" по всей Америке, стараясь найти своего сбежавшего "крота".

Так, несмотря на поражение в результате измены "Гарта", нам удалось с выигрышем выйти из создавшейся ситуации, сорвав замысел ТФП в наши ряды "крота" западных служб. Конечно же нам помог случай. Не объявись Морриссон, неизвестно, как могли бы обернуться наши усилия по созданию новой резидентуры. Не исключено, что они могли бы захватить и другого нашего разведчика Филина, и тогда могли быть проведены новые шумные процессы. Хотя у нас не принято заниматься гаданием. Ведь "Гарт", как долго считали западные службы, мог и сам "сломаться", признаться в измене. Долго - потому что только в 1982 году Морриссон, уже будучи на пенсии, разболтал о своем поступке и был осужден за него. Но, что интересно, на суде он в свое оправдание заявил, что #"только стремился спустить этого гаденыша в канализационную трубу". Значит, не только деньги двигали этим человеком, а присущая всем честным людям ненависть к предателям (Сегодня. 1994, 14 сентября)#.

Но игра с западными спецслужбами была непростой. Вести ее нужно было тонко, терпеливо и со знанием образа мышления противника. Ведь нам противостояла не только малоопытная канадская спецслужба, но и МИ-6, изощренная в оперативных играх. Эта игра потребовала от нас куда больших аккуратности и осмотрительности, чем любая другая из агентурных оперативных игр, ранее проводившихся нами. Но она нам удалась, и, несмотря на горечь от измены "Гарта", я мог только радоваться этой оперативной победе.

ОПЕРАЦИЯ "ФИГЛЯР"

Изучая все появлявшиеся сообщения об операциях иностранных спецслужб по ТФП с целью приобретения "кротов" в советских спецслужбах, автор обратил внимание на то, что меньше всего успехов на этом поприще добились западные спецслужбы по проникновению в советские нелегальные службы. И отнюдь не только потому, что изменников среди нелегалов было относительно меньше, чем среди сотрудников легальных разведок.

Собственно, "кроты" из числа нелегалов - это "Гарт" и "Густо". Еще одна попытка, предпринятая ЦРУ в отношении изменника Михаила Федорова, окончилась безуспешно, так же, как и дело Логинова, но значительно быстрее, благодаря бдительности ГРУ. Суть этой попытки ТФП в нелегальную службу ГРУ, которую назовем операцией "Фигляр", кратко сводилась к следующему, согласно информации Уайза.

"Фигляр" был нелегалом ГРУ, которого в 1957 году направили в Швейцарию с мексиканским паспортом и задачей осесть во Франции. Считаясь мексиканцем по паспорту и фотографом по профессии, он открыл в Париже фотостудию. Почти сразу же он вышел на американское посольство в Париже и предложил свои услуги ЦРУ. Оперативный сотрудник резидентуры ЦРУ Ковач завербовал его и работал с ним как агентом почти два года, встречаясь

в различных городах Европы. ЦРУ придавало большое значение возможности ТФП с его помощью в службу нелегальной разведки ГРУ.

Об этом свидетельствует тот факт, что в 1958 году, в ответ на просьбу "Фигляра" устроить ему встречу с директором ЦРУ, его нелегально перебрасывали в США, где его принимал генерал Чарльз Кейбелл, заместитель директора ЦРУ Аллена Даллеса. "Фигляр" заявил американцам, что он только хотел перейти на Запад, и ЦРУ пришлось приложить много усилий, чтобы он согласился стать "кротом".

После возвращения в Европу у Ковача состоялась с ним еще только одна встреча, в октябре 1958 года в Берлине, когда его вызвали в Москву, и с тех пор ЦРУ потеряло с ним связь.

Пытаясь восстановить контакт, ЦРУ пошло на грубое нарушение требований безопасности, как считает Уайз, направив по его московскому адресу письмо по почте, которое было перехвачено советской контрразведкой. "Фигляр" был разоблачен и понес наказание как офицер-изменник.

Так завершилась провалом очередная попытка ЦРУ приобрести своего "крота" в ГРУ.

ОПЕРАЦИЯ "СКОРПИОН"

Это проникновение ЦРУ в одну из ближневосточных резидентур внешней разведки необычно уже тем, что эта американская разведслужба приобрела "крота" в закордонном аппарате внешней разведки не из числа офицеров, а, формально говоря, из так называемых "привлеченных" лиц из числа советских дипломатов. Но фактически Владимир Николаевич Сахаров (далее "Скорпион") после окончания МГИМО в 1968 году уже был оформлен почти полностью как кадровый сотрудник КГБ, на что он дал согласие, но затем, не завершив оформления, выехал в загранкомандировку в Египет. Еще во время его шестимесячной практики в Йемене он был привлечен резидентурой внешней разведки к активной работе по выполнению разведывательных заданий.

Судя по тому, на что намекает Д. Баррон, посвятивший "Скорпиону" целых 33 страницы в своей книге о КГБ (Баррон Д. КГБ. Нью-Йорк, 1974), этот молодой "дипломат" мог быть завербован ЦРУ еще в свое первое появление за границей в качестве стажера в 1967 году. Именно этим можно объяснить, почему, невзирая на рекомендацию отца - сотрудника МИД - как можно дальше держаться от КГБ, "Скорпион" стремился вступить в ряды его кадровых сотрудников. Проступает явное желание ЦРУ внедрить его во внешнюю разведку в качестве "крота".

По прибытии в Египет "Скорпион" был включен в активную разведывательную работу представителем резидентуры в Александрии, где начал свою работу младшим атташе консульства. "Скорпион" пользовался полным доверием резидентуры внешней разведки в Каире и посла СССР, часто встречался с разведчиками и знал многие секреты, которыми с ним делились сотрудники резидентуры. В мае 1970 года резидент внешней разведки в Каире

попросил посла С. Виноградова перевести "Скорпиона" из Александрии в Каир. Это свидетельствовало о слепом доверии к нему резидентуры.

Но опять вмешались родители, и вместо Каира, куда "Скорпион" стремился, вероятно, и по рекомендации ЦРУ, ему пришлось ехать в Кувейт. Резидент внешней разведки в Кувейте сразу же доверил "Скорпиону" обработку и перевод всех добываемых разведывательных материалов с арабского, которого сам не знал. Здесь "Скорпион" так же, как и в Александрии, быстро добился полнейшего доверия резидента и смог теперь снабжать ЦРУ информацией о деятельности внешней разведки в этом регионе.

22 мая 1971 года он намеревался обратиться к резиденту с просьбой о зачислении его в кадры КГБ, но произошли события в Египте, когда Садат резко изменил свое отношение к СССР.

10 июля 1971 г. "Скорпион" получил от ЦРУ сигнал об опасности и бежал.

Как пишет Баррон, обстоятельства вербовки и деятельности "Скорпиона", по требованию его самого, ни он, ни ЦРУ не разглашали. Поэтому трудно сказать, что он мог выдать этой службе. Остается загадкой и то, почему ЦРУ в срочном порядке "эвакуировало" своего "крота".

Одно можно сказать точно: за несколько лет своего сотрудничества с ЦРУ "Скорпион" нанес существенный вред деятельности нашей разведки в ближневосточном регионе.

Вновь имя "Скорпиона" всплыло в 1987 году на слушаниях о перебежчиках в конгрессе (Материалы слушании подкомиссии по расследованию по вопросам об отношении правительства США к перебежчикам из СССР и других социалистических стран, 1987 г.). Там, почти 20 лет спустя, "Скорпион" плакался перед сенаторами, говоря, что после того, как ЦРУ использовало его, появился сотрудник Управления и объявил, "что мое имя теперь Уильям Стиллер, по происхождению немец и т. д. Даже не спросив моего согласия, сделали меня немцем, которых я ненавидел". Далее он рассказывал, как вынужден был объявить о своем банкротстве.

"Скорпион" жаловался, что его "переквалифицировали с дипломата на администратора мотеля", и заявил, что "они выжали из меня всю информацию, которую могли. Но не подумали об одной простой вещи, что мне надо как-то прожить остаток жизни".

Он отмечал, что его пособие, назначенное ЦРУ, было очень небольшим, ему приходилось работать дополнительно как полный, так и неполный рабочий день: водителем такси, мойщиком машин и ночным сторожем.

По словам "Скорпиона", прозвучавшим в комиссии конгресса, ЦРУ делает из перебежчиков обезличенных роботов.

Он убедился, что в глазах сотрудников ЦРУ такой поступок, как переход на Запад, "является неэтичным и даже безнравственным". Предатель всегда предатель - так можно резюмировать их отношение к перебежчикам.

Как можно понять из жалоб "Скорпиона" американским сенаторам, не только простым изменникам-перебежчикам, но и активным "кротам", после того как они стали бесполезными спецслужбе, живется весьма несладко.

ОПЕРАЦИЯ "ФАРИСЕЙ"

Британские спецслужбы, еще до успешного приобретения в качестве своего "крота" в КГБ Олега Гордиевского в 1974 году, настойчиво искали кандидатов в "кроты" из числа сотрудников советских спецслужб.

Одним из таких кандидатов оказался Олег Лялин (далее "Фарисей"), которого британской контрразведке МИ-5 удалось завербовать.

Это произошло в феврале 1971 года, когда МИ-5 через ранее завербованную ею секретаршу советского торгпредства Ирину Теплякову установила контакт с "Фарисеем". До этого Теплякова, действуя по указаниям МИ-5, влюбила "Фарисея" в себя, и под ее воздействием он согласился на измену и превращение в "крота" в обмен на обещание предоставить в будущем им обоим политическое убежище в Англии.

Однако сотрудничество "Фарисея" с МИ-5 в качестве ее "крота" продолжалось всего полгода.

Британская спецслужба вскоре убедилась, что в лице "Фарисея" она имела человека слабохарактерного, труса и пьяницу, морально крайне неустойчивого. Поэтому едва ли можно было рассчитывать на превращение его в настоящего "крота" с перспективой в будущем продвижения в центральный аппарат внешней разведки. Кроме того, информационные возможности "Фарисея" в лондонской резидентуре были весьма ограниченными, так как он работал под прикрытием торгпредства СССР и в основное помещение резидентуры, находившееся в посольстве, приходил редко, к тому же его участок разведывательной работы был второстепенным.

В конце августа 1971 года "Фарисей", увлекавшийся употреблением алкоголя, был задержан британской полицией за управление автомобилем в нетрезвом состоянии. Потребовалось вмешательство посольства, так как по британским законам он, не имея дипломатического прикрытия, подлежал судебному преследованию.

"Фарисей", понимая, что ему грозит срочный отъезд из страны с малоприятными последствиями, потребовал от МИ-5 выполнения обещания о предоставлении убежища ему и его любовнице. Оба они бросили свои семьи, находившиеся в СССР: он - жену, Теплякова - мужа.

Поскольку надежда на "Фарисея" как будущего "крота" лопнула, МИ-5 согласилась выполнить обязательства, и его измена стала явной после их бегства в начале сентября 1971 года.

Британская спецслужба использовала бегство "Фарисея" как удобный предлог для нанесения удара по деятельности советских спецслужб в Англии путем массового выдворения из страны сотрудников советских учреждений, которые, по заявлению британских властей, якобы занимались "недозволенной" деятельностью. Выдворение в сентябре 1971 года из Англии 105 советских сотрудников явилось крупнейшим за всю историю англо-советских отношений.

Помимо того что "Фарисей" выдал британским спецслужбам трех своих агентов, осужденных после его бегства, он раскрыл перед англичанами имена многих советских разведчиков и передал все, что он знал о работе лондонской резидентуры внешней разведки в Англии и специального направления, задачи которого он решал.

Хотя британской спецслужбе не удалось в лице "Фарисея" заполучить "крота" во внешней разведке, значение его перехода к ним состояло в том, что он оказался первым с момента войны перебежчиком из числа сотрудников советской разведки, а также первым советским разведчиком, завербованным английской контрразведкой МИ-5.

Как известно, за ним последовали Гордиевский в 1974 году, Резун - в 1978-м, Кузичкин - в 1982-м, затем другие изменники (в том числе Ощенко в 1992 г.).

О предательстве "Фарисея" на Западе появилось много сообщений, оценок и анализов. Наиболее полно в информационном отношении его случай описан в книге Брук-Шеферда.

РАЗОБЛАЧЕНИЕ Б. Н. ЮЖИНА

После 1985 года, то есть когда я уже отошел от активных дел в разведке, но еще продолжал оставаться пару лет консультантом при ее начальнике, обстановка в нашей службе (в ГРУ также) резко изменилась. У нас появился собственный "крот" в ЦРУ, положение которого в этой службе позволяло ему знать и своевременно информировать нас о "кротах" ЦРУ.

Этим "кротом" стал Олдрич Эймс, которому внешняя разведка обязана существенным очищением от западных "кротов". Одним из таких и был Южин, которого арестовали в декабре 1986 года. Хотя он пробыл агентом ФБР значительное время, американской спецслужбе так и не удалось сделать его настоящим "кротом" во внешней разведке ввиду его отказа от связи с нею во время его пребывания в СССР. Вот некоторые подробности этого дела.

История и обстоятельства измены Южина предельно просты. Прибыв впервые в США на десятимесячную стажировку в июне 1975 года, Южин вскоре стал подозреваться местной контрразведкой как советский разведчик. Однако он внутренне давно созрел для предательства и сразу же стал готовиться к практической измене. Усилий со стороны ФБР для обработки

Южина не потребовалось, поскольку он сам предложил свои услуги представителю местного отдела контрразведки в Сан-Франциско, где он находился как стажер.

Хотя Южин стал активно предавать своих коллег по резидентуре внешней разведки и воровать некоторые секретные документы, много он для ФБР еще не мог сделать, ибо оставался стажером и доступ его к делам резидентуры был ограничен.

Пробыв первый раз в США десять месяцев, он вернулся в Центр, но от сотрудничества с американцами в СССР отказался. Поэтому никакой деятельностью как "крот" не занимался.

Через два года, в июле 1978-го, он вновь прибыл в СанФранциско, теперь уже в качестве оперативного работника резидентуры, и пробыл там целых четыре года. Теперь он стал фактически "кротом" местного значения, освещал для ФБР внутреннюю жизнь и деятельность резидентуры и советской колонии в Сан-Франциско. Объем его предательства хотя и был ограниченным, но фактически он нанес огромный вред внешней разведке, усложнив условия разведывательной деятельности не только в этом районе, но и на всей территории Соединенных Штатов.

Хотя Южин за этот период "вырос" от капитана до подполковника, в профессиональном отношении он был слабым разведчиком и, выполняя задания американской спецслужбы, допускал грубые ошибки, ставившие его на грань разоблачения.

В 1982 году он был отозван в Союз, где продолжал работать на одном из второстепенных участков. На этот раз он также отказался продолжить сотрудничество с американцами в СССР.

В декабре 1986 года он был арестован. Следствие подтвердило, что на территории нашей страны он не проводил никакой враждебной деятельности. Учитывая это, он был приговорен не к исключительной мере наказания, а только к 15 годам тюремного заключения.

Этому изменнику повезло. В феврале 1992 года он был амнистирован и через пару лет выехал с женой и дочерью в США, где и проживает сейчас.

Ему повезло потому, что у нас нашлись защитники изменников среди тех, кто готов все прощать любому, кто, пусть только на словах, выдавал свои подлые дела за якобы борьбу со старым режимом. А у руководства страны не хватило не только мудрости, но просто здравого смысла понять, что отказ служить Отечеству, измена грозят безопасности самого Отечества.

ОПЕРАЦИЯ "ФЕДОРА"

ЦРУ и ФБР считали своим "кротом" в нью-йоркской резидентуре внешней разведки сотрудника этой службы Алексея Федоровича Кулака, которому ФБР присвоило псевдоним "Федора", а ЦРУ - "Скотч". По утверждению Уайза, "Федора" начал снабжать ФБР информацией вскоре после прибытия в США, 23 ноября 1961 года. Главным образом, он сообщал американцам о том, кто есть кто в резидентуре внешней разведки в Нью-Йорке. Работал в резидентуре по линии научнотехнической разведки, раскрыл перед противником

задания по этой линии. Сотрудничал с американскими спецслужбами в течение двух служебных командировок в США, в общей сложности 12 лет. Вернулся в СССР в 1977 году и якобы оставался вне подозрений, так как являлся героем Советского Союза.

КРАТКОВРЕМЕННЫЕ "КРОТЫ"

Другими, как пишет американская пресса, "кротами" американских спецслужб в заграничных резидентурах внешней разведки, выданными Эймсом, были майор Сергей Моторин, подполковник Валерий Мартынов, оба в вашингтонской резидентуре, Варенник - в западногерманской и Варенцов - в итальянской. Все они действительно были разоблачены в СССР как изменники и понесли заслуженное наказание. Вот некоторые особенности этих "периферийных кротов".

Моторин был завербован ФБР в 1983 году на элементарной жадности. Американская контрразведка подловила его на попытке обойти местные законы при покупке дорогой видеоаппаратуры. В качестве дополнительного компрометирующего его перед нами материала был использован задокументированный факт любовных встреч Моторина в одной из вашингтонских гостиниц. Из-за краткости пребывания в резидентуре (менее года после его вербовки) он не успел нанести большого ущерба, но его сообщения о деятельности вашингтонской резидентуры и об ее личном составе и внутренней обстановке способствовали активизации подрывной работы ФБР и созданию предпосылок для вербовки других разведчиков. Отозван в Москву в 1984 году, разоблачен и осужден в 1986 году.

Валерий Мартынов изменил, работая в вашингтонской резидентуре, вскоре после прибытия туда в 1982 году.

Начатое сразу по прибытии Мартынова наблюдение и изучение его сотрудниками ФБР быстро выявило его корыстную заинтересованность в увеличении заработка. Встречи с работниками ФБР к концу года завершились его вербовкой, и он сразу начал поставлять американцам секретную информацию. До 1985 года он являлся полноценным "кротом" ФБР в вашингтонской резидентуре.

В 1985 году он вернулся в Москву и вскоре был арестован, изобличен в измене и осужден.

До ареста Эймса ФБР терялось в догадках о причинах провала Мартынова. После осуждения Эймса это было отнесено на его счет (Даффи Б. Последний шпион "холодной войны". Вашингтон, 1993).

И еще два изменника фигурируют в моем списке: рядовой сотрудник боннской резидентуры Варенник, выданный Эймсом, по сообщению американской прессы. Он был отозван из загранкомандировки в марте 1986 года, разоблачен и осужден. Второй случай был освещен в средствах массовой информации широко и касался полковника Виктора Ощенко, он заслуживает более подробного рассмотрения.

ДЕЛО В. ОЩЕНКО

В июле 1992 года советник посольства России во Франции Виктор Ощенко изменил и вместе с семьей бежал в Англию. Ощенко являлся полковником, сотрудником парижской резидентуры внешней разведки. В Англии, судя по всему, он был уже хорошо известен, в первую очередь, британской разведке МИ-6. В начале 70-х годов Ощенко работал в лондонской резидентуре внешней разведки под прикрытием второго секретаря посольства СССР в Англии. Можно предполагать, что он был не только хорошо изучен, но и подготовлен, с участием "крота" МИ-6 Гордиевского, к вербовке. Если эта операция МИ-6 не была произведена еще тогда, в Англии, то она, вероятнее всего, была завершена по прибытии Ощенко во Францию и превратила его в "крота" этой службы.

О том, что Ощенко к моменту бегства уже являлся агентом МИ-6, говорит ряд обстоятельств, типичное для "крота" поведение.

Так, до самого последнего дня Ощенко ничем не проявил подготовку к бегству. Наоборот, его действия свидетельствовали о сборах домой. Его разговоры по телефону со старшей дочерью, отправка вещей и автомашины в Союз и другие подобные "заботы" выглядят как нарочитая демонстрация.

В среде сотрудников посольства и в резидентуре Ощенко всегда занимал ортодоксальные позиции, не упуская ни одной возможности подчеркнуть свою глубокую лояльность и партийную верность. Например, он энергично возражал против департизации посольства.

Вызов Ощенко в Москву "в порядке сокращения штатов резидентуры" был, судя по заявлению представителя внешней разведки, связан с возникшими подозрениями о двойной игре Ощенко, то есть для него и его хозяев в МИ-6 стало ясно, что возникла угроза разоблачения его как "крота" этой службы.

Последующие события в Англии, в которых принимал участие Ощенко, также подтверждают данные о том, что он был давним "кротом" МИ-6. Так, он стал принимать участие в разоблачении своих бывших "агентов", выступая в суде в качестве основного свидетеля обвинения, причем при поддержке другого изменника - Гордиевского. То, о чем он свидетельствовал, было явно известно МИ-6 уже давно, что эта служба и не скрывала (Известия. 1993, 23 сентября). То есть эту информацию Ощенко уже раньше сообщал МИ-6, будучи "кротом" этой службы.

В свете этих и ряда других признаков двойной игры Ощенко, которая могла длиться не один год, смешно предполагать, как это делали некоторые комментаторы, что якобы он серьезно собирался домой, но в последний момент у него произошел какой-то срыв (Большаков В. Разведчик уходит через Ла-Манш. Правда. 1992, 22 августа). Единственное, что могло способствовать внезапному бегству Ощенко, так это реальная боязнь быть уличенным. В этом также он повторил путь знакомого ему Гордиевского.

Помимо других агентов во Франции и Англии, Ощенко выдал завербованного им еще в 1976 году Майкла Смита, о котором знал и Гордиевский, но МИ-6 оставляла его на свободе,

вероятно, в целях безопасносги своего "крота" В. Ощенко. Поэтому и судили Смита уже после бегства Ощенко.

Можно полагать, что другие специальные службы, по примеру ЦРУ и СИС, также ведут активную работу против внешней разведки путем ТФП в ее ряды. Об этом, в частности, свидетельствует разоблачение в 1995 году "крота" БНД в российской службе контрразведки майора Вл. Лаврентьева, сотрудничавшего с германской разведкой с 1991 по 1994 год и осужденного на 15 лет тюрьмы.

ОБИЖЕННЫЙ "КРОТ" МИ-6 В КГБ

Совершенно неожиданно для автора в российской прессе появилось сообщение из Лондона о том, что бывший кратковременный "крот" британской разведки в КГБ подал в суд иск на руководство МИ-6. Как явствует из сообщения, Виктор Макаров, в прошлом лейтенант КГБ, до 1987 года являлся сотрудником, очевидно, 8-го Главного управления КГБ, так как занимался дешифровкой телеграмм греческого посольства. Тогда он и был завербован МИ-6, которой предложил "продать" известные ему секреты не только о греческом шифре, но и о германском и канадском, их, как он знал, читало в то время КГБ.

Осужденный в 1987 году на 10 лет лагерей, он был освобожден по амнистии через 5 лет, и МИ-6 переправила его в Англию, где обещала "хорошую" жизнь.

Однако он теперь явно недоволен установленной ему МИ-6 пенсией, считая ее меньше обещанного безбедного содержания (Известия. 1997, 3 апреля).

Вот, оказывается, какие случаются оказии с предателями.

ЕЩЕ ОДИН "ГОРЕМЫКА"

На этот раз обидчиком оказалось ЦРУ. Как значится в сообщении из Еревана, там объявился бывший офицер КГБ Армении Норайр Григорян жаждущий справедливости от ЦРУ. Это еще один предатель, "крот" ЦРУ, который был разоблачен в 1975 году и осужден на 12 лет тюрьмы. Отсидев, Григорян уже в наступившее постперестроечное время отбыл в США. Там он стал домогаться "компенсации" за свою иудину службу от ЦРУ, но последнее вместо бесплатного вознаграждения предложило ему работать теперь против суверенной Армении, от чего он якобы отказался. В ответ на его отказ ЦРУ отплатило обвинением в вымогательстве, и пришлось Григоряну отсидеть теперь в американской тюрьме.

Отбыв наказание в США, он вернулся в Армению и сейчас пытается добиться возмещения за свою службу от ЦРУ через американский суд (Баблумян
С. ЦРУ, Главбуху. Прошу оплатить.... Известия. 1997, 12 марта).

Читал я об этом курьезном случае с двойным чувством. С одной стороны, с удовлетворением, что наши изменники-"кроты" терпят "несправедливости" от своих бывших хозяев в иностранных спецслужбах. С другой, еще раз убеждаясь, что иностранные

спецслужбы, лицемерно и лживо приписывая внешней разведке плохое отношение к своим "кротам" в иностранных спецслужбах, вернувшихся после их провалов за кордоном, таких, как Филби, Ховард, сами как раз и действуют именно так.

В заключение этого раздела хочу сказать, что иностранные разведки не оставляли в покое и специальные службы наших бывших социалистических стран. Вот два примера, ставших известными автору по Польше.

"КРОТЫ" В ПОЛЬСКИХ СПЕЦСЛУЖБАХ

За время работы в Польше автор столкнулся с двумя случаями успешного внедрения "кротов" в польские спецслужбы. Первый случай - внедрение "крота" "Снайпера" нанесло внешней разведке серьезный ущерб, который привел к провалу нелегальной резидентуры Бена в Англии (см. "Портлендское дело") и потере ценной позиции в МИ-6, которую занимал разведчик Дж. Блейк, осужденный в Англии к 42 годам тюрьмы и сумевший сбежать, отсидев всего несколько лет.

Внедрение "крота" - полковника Р. Куклинского - в польский генеральный штаб также представляет, безусловно, крупный успех американской разведки.

Эти два примера заслуживают краткого анализа в этом разделе воспоминаний.

ОПЕРАЦИЯ "СНАЙПЕР"

О приобретении этого "крота" ЦРУ известно немного. "Снайпер" - псевдоним, присвоенный ЦРУ инициативно установившему с этой разведкой связь сотруднику польской спецслужбы Михаилу Голеневскому в 1959 году. В то время "Снайпер" занимал руководящий пост в оперативно-техническом подразделении польской спецслужбы и в силу своего служебного положения общался со всеми другими оперативными подразделениями этой службы. Благодаря этому ему становились известны многие конкретные оперативные дела и секреты.

После установления первичного контакта со "Снайпером" ЦРУ вручило ему почтовый адрес в Берне и средства тайнописи. По этому каналу связи "Снайпер" направил в общей сложности 14 предательских сообщений до того, как в декабре 1960 года испугался назревавшего разоблачения и бежал в США.

Пример изменнической деятельности этого "крота" показывает, как агент; находясь даже не на оперативном посту в спецслужбе, может наносить ей весьма серьезный ущерб.

Именно "Снайперу" стали известны многие детали взаимодействия польской разведки с советской внешней разведкой, позволившие на основе его информации западным контрразведкам выявить ряд таких ценных агентов и разведчиков, как Бена, Блейк и Фельфе.

Сотрудники советской внешней разведки лишний раз убедились, как опасно отступать от строгих мер конспирации при осуществлении взаимодействия с союзными спецслужбами.

ОПЕРАЦИЯ "ШТАБИСТ"

В 1981 году, работая в Польше представителем КГБ, в начале ноября, практически в самый канун введения военного положения, я узнал от моих коллег в польской военной контрразведке, что в министерстве национальной обороны и, в частности, в Генеральном штабе Войска Польского произошло чрезвычайное событие, повергнувшее все руководство министерства в смятение. Исчез полковник Генерального штаба Ришард Куклинский (далее "Штабист") вместе со всей семьей. В то время, несмотря на чрезвычайность этого события, руководители министерства и даже начальник органов безопасности генерал Ч. Кищак заняли весьма сдержанную позицию и неохотно говорили с нами об этом происшествии.

"Штабист" являлся одним из самых доверенных лиц лично министра В. Ярузельского и начальника Генерального штаба Ф. Сивицкого. Он постоянно сопровождал их на всех конференциях и совещаниях представителей стран Варшавского Договора, выезжал в Советский Союз и участвовал в переговорах польского военного руководства с советским верховным командованием. Был в курсе абсолютно всех дел, которые в какой-либо мере касались Польши как члена ОВД. Практически в министерстве обороны и генштабе от него не было секретов.

Соответственно он имел доступ ко всей разведывательной информации второго отдела генштаба (военной разведки), а также информации, поступившей из польской внешней разведки и из ГРУ в порядке взаимного обмена. Таким образом, его позиция "крота" в польских спецслужбах была идеальной. Внедрение "Штабиста" являлось иллюстрацией необычного успеха ЦРУ, получившего через него доступ фактически к любой государственного значения информации, тем более в момент наибольшей напряженности внутренней обстановки в стране.

Как позже стало известно, "Штабист" был завербован ЦРУ, когда в 1971 году при выезде в Западную Германию явился к американскому военному атташе с предложением своих услуг. С этого момента он стремительно продвигался по служебной лестнице, не без поддержки в этом советами и другими средствами со стороны опытных в военном деле офицеров ЦРУ.

Он смог стать безотказным и квалифицированным исполнителем указаний руководства, вошел в доверие руководителя второго отдела генштаба, всячески поддерживал его перед начальником генштаба.

В то ноябрьское утро, кажется, это было 8 или 9 числа, когда я узнал о бегстве "Штабиста" вместе с женой и двумя сыновьями, мне сразу же пришла мысль, что теперь все польские планы по введению военного положения, безусловно, известны американцам. То, что о них мог узнать "Штабист", не вызывало сомнения (Вудворт Б. Завеса: секретные войны ЦРУ 1981-1987 гг. Нью-Йорк, 1987).

Но тогда мы еще не знали то, о чем в 1992 году было впервые опубликовано в газете "Вашингтон Пост". Из сообщения газеты следовало, что он успешно действовал как "крот" ЦРУ в интересах Запада в течение 11 лет. За это время он переправил на Запад около 35 тысяч страниц машинописного текста с информацией стратегического характера, в том числе о военных планах Советского Союза и ОВД.

Наряду с содержанием пятилетних стратегических планов 1971, 1976, 1981 годов, в 1975 году он передал американцам подробное сообщение о сверхсекретной операции "Альбатрос" по строительству особо засекреченных командных пунктов ОВД на территории СССР, Польши и Болгарии для нужд европейского театра военных действий в случае войны (Правда. 1992. 14 октября).

Этот американский "крот" так же, как и другие - О. Гордиевский,
О. Пеньковский, Д. Поляков, пытался представить свои действия как патриотические. Не случайно в его поддержку и за отмену справедливо вынесенного ему смертного приговора подняли голоса все черные силы в Польше и на Западе. Бывший советник американского президента по вопросам национальной безопасности 3. Бжезинский уже неоднократно обращался к бывшему президенту Польши Леху Валенсе с просьбой отменить решение суда и наградить "Штабиста" правительственной наградой как национального героя.

Но новый прозападный министр польской обороны Януш Онышкевич не счел возможным в то время пересматривать дело изменника.

Бывший президент Польши и министр национальной обороны Ярузельский в период, когда действовал этот "крот", справедливо считал, что, если признать действия "Штабиста" правильными, тогда следует распустить армию, потому что ее офицеры, которые оставались верными прежнему режиму, почувствовали бы себя предателями.

Как верно это не только для данного случая измены, но и для всех наших изменников типа Гордиевского, за реабилитацию которых начали уже раздаваться голоса.

Оправдание изменников равнозначно обвинению всего народа страны, которой он служил.

"КРОТ" В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКЕ

Сотрудник чехословацкой военной разведки, прошедший подготовку на краткосрочных курсах в школе КГБ в Москве, майор Франтишек Войташек, в середине 1968 года прибыл в Париж в качестве помощника военного атташе при посольстве Чехословакии. К этому времени он уже внутренне готов был изменить своему государству.

Когда произошел ввод советских войск в ЧССР в августе 1968 г., он обратился с письмом в СДЕСЕ с предложением своих услуг. Не получив ответа, на дипломатическом приеме Ф. Войташек (назовем его "Атташе") устанавливает связь с французским офицером Робертом С., отвечающим за контакты с военными атташе стран Восточной Европы. На конспиративных встречах он высказывает намерение не перебегать на Запад, а стать "кротом". На этот раз с ним

начинает работать не СДЕСЕ, как полагал "Атташе", а ДСТ, сотрудничество продолжается до 1976 года, целых 12 лет. "Атташе" оказался ценным приобретением для французской спецслужбы. Через него ДСТ узнает практически все о текущих и намечаемых действиях чехословацкой военной разведки: агентурные сети во Франции, явки, шифры, задачи. Передавал он и содержание документов о задачах, которые ставило перед его спецслужбой ГРУ.

Когда "Атташе" переводят в центральный аппарат, ценность его возрастает, но он боится поддерживать связь с ДСТ в Чехословакии.

Для оправдания его поездок за границу ДСТ помогает "завербовать" для чехов агента "Пьера".

В октябре 1976 года "Атташе" присваивают звание подполковника и назначают военным атташе в Париж. Однако через два месяца отзывают и полтора года обрабатывают, после чего арестовывают 3 февраля 1978 г. и осуждают. Отсидев в тюрьме, в 1990 г. он был освобожден (За рубежом. 1996. N 37).

В следующей главе мне остается рассмотреть еще несколько агентурных операций западных спецслужб с целью внедрения своих "кротов", неудавшихся по различным причинам. Должен при этом оговориться: я умалчиваю о том, что, помимо приведенных успешных операций ТФП внешней разведки в резидентуры западных спецслужб, были и у нас другие "кроты" на их периферии.

Например, в 1980 году бывший сотрудник ЦРУ Дэвид Бернетт признал себя виновным в шпионаже в пользу Советского Союза. В период своего пребывания в Индонезии в 1976-1979 годах он выдал 10 американских агентов, которые на основании его информации были разоблачены (Сегодня. 1994, 1 марта).

Естественно, были и другие "кроты" и, без сомнения, остаются и сейчас нераскрытыми и весьма полезными для внешней разведки.

ГЛАВА VIII. ЛИХОИМЦЫ

И много Понтийских Пилатов,
И много лукавых Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего предают.

Толстой А. К. "Богатырь"

Эта глава - продолжение темы ТФП в наши спецслужбы, все о тех же предателях и изменниках, деятельность которых стала почти каждодневной темой в публикациях и полемиках в средствах массовой информации как на Западе, так и у нас.

Почему я вообще решил включить эту тему о "кротах" в воспоминания, касающиеся операции ТФП? Причин несколько.

Во-первых, провалов самых грандиозных и успешных операций агентурного ТФП в советские и иностранные спецслужбы непосредственно связан с изменами. Так, Кима Филби пытался выдать изменник К. П. Волков, затем приложили руку предатели А. Голицин, Ю. Носенко и другие; Д. Блейк был выдан польским "кротом" Голеневским, так же, как Х. Фельфе и агент Хоутон, его же предательство привело к провалу советских разведчиков Бена и супружеской пары Коэнов; Абель был выдан американцам изменником Виком; изменник "Гарт" поставил под угрозу провала супружескую пару разведчиков Филиных; изменники из числа сотрудников ГРУ, "кроты" Д. Поляков и Н. Чернов, выдали американцам многих военных разведчиков и агентов, успешно внедрившихся в западные спецслужбы.

Во-вторых, наиболее чувствительные для внешней разведки и ГРУ операции ТФП западных специальных служб, как показано в предыдущих главах, были совершены ими через изменников - "кротов" Полякова, Пеньковского и Баранова - в ГРУ и "кротов" Гордиевского, "Фарвелла" и Пигузова - во внешней разведке.

В свою очередь, самые продуктивные операции ТФП внешней разведки в западные спецслужбы были осуществлены с помощью сотрудников этих служб, которых последние клеймят как предателей. А именно с участием К. Филби, Г. Берджеса, Э. Бланта, Кернкросса, Д. Прайма и Д. Блейка - в британские спецслужбы; Д. Уокера, В. Мартина и Б. Митчела, Д. Бойса, Ли Ховарда и О. Эймса - в американские; Х. Фельфе - в БНД.

Анализируя случаи измен сотрудников внешней разведки КГБ, связанных с операциями ТФП, могу с удовлетворением констатировать, что, насколько мне известно, пока не было ни одного факта измен сотрудников советских и российских специальных служб, непосредственно участвовавших в какихлибо безагентурных операциях ТФП. То, что сообщалось о таких операциях отдельными изменниками, например, Г. Агабековым, П. Дерябиным, Ю. Носенко, содержало лишь поверхностную информацию, ставшую им известной от третьих лиц.

Опубликованные же подробные сообщения о таких безагентурных операциях, а именно известные мне две публикации: Марселя Леруа-Фэнвилля и
В. М. Удилова, исходят не от изменников, а посему вызывают больше доверия.

Другой побудительной причиной для написания этих трех глав явился тот факт, что подавляющее большинство западных публикаций извращает роль и характер многих выдающихся участников операций ТФП, сотрудников и агентов внешней разведки и ГРУ, они систематически и настойчиво наделяются западными спецслужбами клеймами предателей и всячески дискредитируются, представляя внешнюю разведку в глазах мировой общественности как службу, использующую фактически отбросы, изгоев цивилизованного общества.

Абсурдность таких утверждений, противоречащих всем серьезным определениям понятия предательства, наглядно иллюстрируют жизнь и деятельность таких выдающихся советских разведчиков, как Зорге, Филби, Берджес и Маклин, Блейк, Фельфе, и многих других,

вступивших на разведывательную стезю как идейные борцы за свои убеждения еще задолго до того, как они заняли важные позиции в лагере противника.

Разве можно их сравнивать с изменниками своему долгу и присяге гордиевскими, резунами, пеньковскими и им подобными.

Даже чисто внешне своим поведением и действиями уже после их раскрытия противником они не унижают себя, как поступают все изменники, играющие роль жалких прислужников своих новых хозяев, выполняя их пропагандистские задания по дискредитации своих прежних служб и клевете на народ, который они предали. Только бездумные писаки могут легкомысленно наделять этих легендарных разведчиков, которые продолжают оставаться настоящими патриотами, ярлыками предателей.

Наряду с этими легковесными публикациями, рассчитанными на сенсацию, и разнообразными мемуарами изменников и предателей, инспирированных или прямо написанных за авторов специалистами спецслужб, за последнюю пару десятилетий на Западе появился ряд серьезных исследований на тему о предательстве. Эти последние хотя и не свободны от тенденциозности в отношении бывших социалистических восточных спецслужб, но вольно или невольно вскрывают действительную природу большинства изменников, дают обоснованную оценку их характеров, истинных мотивов предательства и корыстных целей, преследуемых подавляющим большинством из них.

В этом плане, помимо знакомства с наиболее серьезными книгами, перечисленными в Приложении 7, автор с особым интересом прочитал, нет, можно сказать, изучил два обстоятельных труда: английского историка Брук-Шеферда "Штормовые птицы" и Д. Уайза "Охота на "кротов". Автор первой книги подробно анализирует проблему перебежчиков из бывшего СССР из числа сотрудников советских спецслужб в послевоенный период, а второй - проблему "кротов", то есть советских агентов, внедренных в западные спецслужбы, как она возникла в ЦРУ и к каким пагубным последствиям привела.

Естественно, хотя я и ссылаюсь на этих авторов наиболее часто, я не могу принять их концепции, оценки и заключения без принципиальной критики. Особенно вызывают возражения хвалебные панегирики Брук-Шеферда в адрес "трех гигантов" среди предателей, возвышающихся, по его оценкам, среди всей массы советских перебежчиков: Пеньковского, Гордиевского и "Фарвелла", тем более что собственные характеристики автора свидетельствуют об обратном. Свое отношение к этим изменникам я уже высказал, рассматривая операции ТФП западных спецслужб, проводившиеся с помощью этих "гигантов".

Наряду с этим Брук-Шеферд огульно обзывает всех перебежчиков с Запада на нашу сторону жалкими, жадными и аморальными людьми. Он радуется, что взамен этим изгоям западной цивилизации "лучшие русские" стали переходить на их сторону "из лучших побуждений".

Думаю, что читатель, ознакомившись с представленной мною информацией об этих "героях"-изменниках, согласится со мною, что нельзя оставлять без ответа усилия западных

авторов, да и некоторых наших собственных апологетов предательства, героизирующих как "идейных борцов" против социализма таких изменников, как Пеньковский, Гордиевский, на деле являвшихся карьеристами до мозга костей, предельно извращенными развратниками и чрезвычайно амбициозными личностями; сверхтщеславных клеветников Голицина, Левченко, Резуна; алкоголиков Кузичкина, Носенко, Лялина; преступника-убийцу "Фарвелла" или патологических трусов Гузенко, "Вика", Дерябина, Петрова и др.

Прежде чем дальше говорить о проблеме предательства, его побудительных причинах, мотивах и других обстоятельствах, небезынтересно для лучшего понимания этой проблемы применительно к внешней разведке посмотреть на положение в этой области за 50 послевоенных лет: с окончания второй мировой войны в 1945 году по 1995 год включительно.

Исходя из тех сведений, которые попали в прессу, приводились в различных изданиях и публикациях на Западе и у нас или как-то иначе получили огласку, автор насчитал 55 случаев измен сотрудников советских и затем российских спецслужб (см. Приложение 6). Из этого количества совершили измену 35 бывших сотрудников внешней разведки, 15 - сотрудников ГРУ, 5 - бывших сотрудников различных подразделений КГБ.

Таким образом, в среднем за прошедшие полвека ежегодно совершалась измена одним из сотрудников советских спецслужб. Применительно к внешней разведке примерно одно такое крайне неприятное событие в среднем происходило раз в полтора года. Однако в действительности измены распределялись по годам крайне неравномерно. Достаточно отметить, что, например, в 1954 году после разоблачения Берии произошло сразу шесть измен, в 1991-м - пять, в 1961 и 1971 годах - по четыре, в 1972-м - три. Если учесть эти "вспышки" предательств в количестве 22, приходящиеся на 5 лет, то на остающиеся 45 лет приходится всего 33 измены, то есть по одной в полтора года, в том числе и во ВР - раз в два года.

В условиях жесткой борьбы разведок в период "холодной войны", полагаю, можно считать допустимыми такие потери. Тем более учитывая, что внешней разведке как главному объекту подрывных действий со стороны всех западных спецслужб приходилось противостоять объединенному фронту таких мощных и опытнейших противников, как спецслужбы США (ЦРУ, РУМО и ФБР), британские (МИ-5, МИ-6), немецкие (БНД), французские (СДЕСЕ, УОТ). Из них львиная доля советских изменников досталась американским спецслужбам - 30 и британским - 9.

Естественно, что этот поток перебежчиков-изменников и тех, кто оставался на своих прежних постах в советских спецслужбах, так называемых "кротов", приносил западным спецслужбам важнейшую информацию о деятельности внешней разведки и раскрывал перед ними наши агентурные и профессиональные кадры так же, как и перебежчики с Запада вносили свой существенный вклад в нашу осведомленность о деятельности западных спецслужб.

Наиболее опасную подрывную работу против советских спецслужб проводили "кроты" западных спецслужб, из числа 55 изменников "кротов" оказалось 23, в том числе 12 - бывшие сотрудники внешней разведки и 8 - бывшие сотрудники ГРУ.

Думаю, что из приведенных выше операций ТФП в спецслужбы читателю ясно, какую ценность для любой специальной службы представляет возможность заиметь своего "крота", особенно в таких сверхзасекреченных службах, как американское АНБ, британский ШПС, советский КГБ, а также в центральных аппаратах разведок.

Поэтому во всех случаях, когда потенциальный перебежчик из числа сотрудников указанных советских или российских служб обращается к иностранным спецслужбам с просьбой о политическом убежище, эти службы прилагают максимальные усилия к тому, чтобы получить согласие такого потенциального перебежчика стать их "кротом" в службе, из которой он готов бежать на Запад.

Насколько мне известно, такие неудавшиеся операции иностранные разведки предпринимали в отношении десяти предателей (Приложение 5). Из них заслуживают более подробного рассмотрения три изменника, а именно В. Шеймов

- бывший сотрудник 8-го Главного управления КГБ; В. Резун - бывший сотрудник ГРУ и Ю. Носенко - сотрудник 2-го ГУ КГБ.

Если рассматривать деятельность изменников после совершения ими акта предательства, то скорпионово их племя довольно отчетливо подразделяется на две категории: те, кто, едва оказавшись за пределами действия наших законов, немедленно рвутся в "писатели", независимо от того, могут ли они связно изложить хотя бы одну стоящую мысль или, в отдельных, весьма редких случаях, имеют способности к писательству. Это Гордиевский, Дерябин, Левченко и еще одиндва изменника. Среди военных разведчиков пока что известен один Резун, но зато такой плодовитый. Однако его пером явно водит британская разведка МИ-6, снабжающая предателя тезисами, которые она распространяла по своим тайным каналам еще до войны.

Другая категория - молчуны, в основном из-за полной неспособности связно что-либо излагать на бумаге либо насмерть напуганные мифом неизбежного возмездия со стороны всемогущей "руки КГБ". Это подавляющее большинство изменников, но среди них имеются те, кого спецслужбы волейневолей привлекают к сотворению хотя бы одного "труда", аккумулируя в таких творениях всю клевету и измышления о внешней разведке и КГБ, которые можно как-то привязать к имени такого подневольного "писателя". Это и мой знакомый по Канаде И. Гузенко и В. Петров по Австралии, П. Дерябин, В. Кузичкин, сбежавший в Иране, из которого между очередными запоями английским спецслужбам удалось выдавить кое-что и заставить поставить свою подпись под состряпанными ими "воспоминаниями" о внешней разведке; это и А. Голицин, разразившийся единственной "книгой", полной абсурдных "идей" о якобы "всемирно-масштабных" дезинформациях Советского Союза, вызвавших своей политической безграмотностью краску стыда даже у его "спонсоров" из ЦРУ.

Среди этой категории изменников имеются, однако, такие "писатели", которые хотели бы "творить" как можно больше, но их новые хозяева не заинтересованы в этом, ибо стремятся сохранить в строжайшей тайне то, что эти изменники смогли им передать из секретов КГБ особого характера.

К ним я отношу бывшего сотрудника 8-го Главного управления КГБ Виктора Шеймова, который промолчал после измены в 1980 году более десяти лет, но вот наконец разразился книгой "Башня секретов", на которую ему удалось за десять лет набрать разные свои бытовые "воспоминания" и домыслы, не раскрывая ничего из того, что он выдал ЦРУ в профессиональном плане.

Книга Шеймова пустая, несмотря на дорогое издание, но полна "идейных" рассуждений о какой-то борьбе, к которой якобы так страстно стремился автор, однако крепко замолк, как только оказался "на воле" в США (Шеймов В. Башня секретов. США, 1993).

Создав антисоветские, я бы сказал, злобно антирусские "шедевры", Шеймов и Резун оказались связаны одной веревочкой. О них и пойдет далее речь прежде всего.

Почему выбор пал на этих изменников? Во-первых, из обоих ЦРУ и МИ-6, каждый по-своему, безуспешно попытались сделать "кротов". Оба отказались по общей для них причине: страх быть изобличенными КГБ.

Во-вторых, оба изменника претендуют на сенсации: Шеймов - как автор книги, впервые за всю историю Советского государства описывающей "внутреннюю кухню" такого малоизвестного и "страшно засекреченного" органа КГБ, как 8 ГУ.

В свою очередь, МИ-6 под псевдонимом Резуна выдвигает свою трактовку прошлых исторических событий, связанных с Советским Союзом и второй мировой войной.

Поскольку в предыдущих главах об операциях ТФП в специальные службы уже подробно рассмотрены примеры разведывательной деятельности "кротов" как советских, так и некоторых иностранных спецслужб, стоит рассмотреть некоторые случаи измен, когда усилия спецслужб не увенчались желаемыми результатами.

Просматривается характерная особенность роли этих служб в приобретении "кротов". В подавляющем большинстве "кротами" стали изменники, инициативно предложившие свои услуги западным службам. Это "Фарвелл", Пеньковский, Поляков, Попов, Баранов, Голеневский, Куклинский. Но есть, конечно, и такие, кто стал "кротами" под давлением, по принуждению. Это Пигузов, Мартынов, Моторин, Варенник, Чернов, в определенной мере Гордиевский и другие.

Можно предполагать, что западные службы имели значительно больше неудачных операций по превращению изменников-перебежчиков в своих "кротов", ибо основной движущей силой предателей, наряду с другими мотивами, является панический страх разоблачения, безграничная трусость, проявленная большинством из них. Такими были изменники Гузенко, "Вик", "Гарт", Петров, Лялин, Левченко, Кузичкин и многие другие. В этом ряду особняком стоят изменники Шеймов, Резун, Носенко и Голицин. Поэтому представляется интересным подробно рассмотреть операции западных спецслужб по этим четырем матерым изменникам.

ОПЕРАЦИЯ "ПОЗОР"

В мае 1980 года в 8-м Главном управлении КГБ СССР исчез оперативный сотрудник майор Виктор Шеймов. Вместе с ним пропали его жена и пятилетняя дочь.

Все предпринятые поиски исчезнувшей семьи результатов не дали, и версия гибели ее где-то "в дачной местности" казалась наиболее вероятной.

Каких-либо осложнений на участке работы Шеймова в 8-м ГУ отмечено не было.

В 1993 году его имя вдруг всплыло на поверхность в США в связи с опубликованием его книги "Башня секретов". При этом статья о его книге в газете "Нью-Йорк Таймс" была озаглавлена: "Позор тебе, Шеймов", поскольку его фамилия по-английски означает "позор" ("шейм").

Хочу воспользоваться этим намеком американской газеты, так точно обозначившим весь смысл жизни и действий этого матерого не по годам изменника, для названия этой операции ЦРУ.

Виктор Шеймов родился в 1946 году в Москве, окончил Московский политехнический институт, в 1971 году был взят на работу в 8 Главное управление КГБ, являющееся аналогом американского АНБ. Если судить о его жизни по книге, то протекала она довольно банально, он и его жена, привилегированные по своему материальному положению люди, ничего за душой святого, никакой привязанности к Родине и своему народу, воспитавшему их, к русской культуре и ее морали, не имели. А ведь жена его - художница, музейный работник, но хотя бы слово прозвучало о нашем великом искусстве, богатой русской истории. Все крутится вокруг хулы на все советское, как будто мы читаем о какой-то чужой, иностранной семье, которая только и думает, как сбежать.

Но самое поразительное, что Шеймов в своей книге сам разоблачает свои низкие замыслы. Заявляя на каждом шагу о стремлении, якобы по идейным соображениям, активно бороться с режимом, ради чего и намерен бежать из Советского Союза, он после бегства в 1980 году хранит полное молчание аж до 1993 года. Где обещанная активная борьба, где его "боевая" позиция? А не в том ли она состояла, чтобы, получив свое иудово вознаграждение в долларах, забыть об этих громких словах об идейной борьбе? Да за что мог бороться этот духовно пустой человек? Его пустота, ничтожество его личности так и пронизывают всю книгу. Единственные ценные факты - описание его нелегального бегства. Видимо, ЦРУ решило не делать более тайны из этого пути, ибо он теперь потерял всякую свою ценность для этой спецслужбы.

Из пространного изложения истории его бегства из СССР стало известно, что совершил он измену в 1979 году, стал сотрудничать с ЦРУ и, "заработав" доверие этой американской разведки за переданные ей важные государственные секреты, выторговал нелегальную переброску его с семьей в США.

В своей книге, помимо никчемных подробностей о жизни своей семьи и антисоветских, по сути, разглагольствований, он, естественно, никаких подробностей о своей изменнической деятельности в течение полугода, с октября 1979 по май 1980 г., не сообщает.

Но вместо этого не скупится на то, чтобы показать себя умнее и ЦРУ, и КГБ, способным лучше этих спецслужб "организовать свое бегство". То, что с помощью ЦРУ Шеймову удалось обмануть КГБ, остается, к сожалению, фактом. Но то, что автор рисует представителей ЦРУ как простых исполнителей его замыслов, не смогла не отметить и американская пресса (Известия. 1993, 14 апреля).

Поскольку ни в советской, ни в российской прессе до появления этой книги о Шеймове ничего не писалось, опираюсь в своей оценке этого акта измены на те конкретные данные, которые фигурируют в книге, а также на тот скрытый смысл ее содержания, который легко угадывается.

Действия изменника, как он описывает их, сопровождаются его размышлениями о якобы "идейной" основе его предательства, которые опровергаются начисто самими его поступками и поведением в процессе совершения акта предательства.

Шеймов не просто "стремится к борьбе" с коммунизмом, он пытается подвести и "теоретическую основу" под эту борьбу. Это ему нужно для оправдания мотивов измены. Эти обоснования более или менее укладывались в теорию "империи зла" рейгановского периода, но никак не соответствуют времени появления этого опуса на свет в 1993 году. Здесь американские спецслужбы, патронировавшие его "творчество", допускают грубый промах. Несоответствие деклараций о партнерстве Запада с нашим, теперь демократическим государством с практическими их делами вылазит повсюду.

Шеймов принял окончательное решение об измене в начале 1979 года, получив согласие жены стать соучастницей. К середине 1979 года он исчерпал возможности установить безопасную связь с представителями одной из избранных им разведок - СИС или ЦРУ - на территории Советского Союза. Боясь быть разоблаченным в своих дальнейших попытках связаться с американской разведкой в Москве, он использует служебную командировку в Польшу, где в Варшаве, соблюдая максимальные меры конспирации, устанавливает свой первый контакт с резидентурой ЦРУ в этой столице.

По возвращении в Москву, во время нескольких конспиративных встреч Шеймов выторговывает у американцев помощь в нелегальном бегстве его с семьей в США за предоставление сверхсекретной информации, доступ к которой он имел в 8 ГУ КГБ.

ЦРУ, понимая всю ценность внедрения "крота" в самое недоступное управление КГБ, использует каждую встречу с изменником для того, чтобы добиться у него согласия стать "кротом". Но патологическая трусость Шеймова, несмотря на его браваду в книжном изложении, заставляет ЦРУ ограничиться на этом этапе сотрудничества с Шеймовым получением от него максимальной информации, оправдывая риск его нелегальной переброски.

Судя по всему, ЦРУ это удалось, и с помощью американской разведки он вместе с женой и пятилетней дочерью был нелегально вывезен из СССР.

Учитывая, что первая встреча Шеймова с американским разведчиком в Варшаве состоялась в октябре 1979 года, полгода - до момента бегства в мае 1980-го - он являлся одним из важнейших "кротов" ЦРУ в КГБ.

Хотя сам Шеймов не распространяется о содержании секретов КГБ, проданных им ЦРУ, учитывая тот факт, что незадолго до измены он был назначен в 8-е ГУ начальником отделения, отвечавшего за безопасность всех заграничных шифровальных служб внешних учреждений СССР, а также знание им всей аппаратуры, используемой для защиты линий коммуникаций, по которым осуществлялась зашифрованная связь, можно смело предполагать особую ценность для американских спецслужб и, в первую очередь, для АНБ выданный им информации.

И вот потребовалось более 10 лет для того, чтобы ЦРУ и АНБ согласились "выпустить в свет" этого матерого предателя, чтобы в объемистом труде под заголовком "Башня секретов" представить его также "борцом за идею".

#Говорить много о его книге просто не хочется, это в основном пустое, невыразительное, в стиле мелодрамы изложение его биографии изменника#.

Об этой книге довольно выразительно сделали свое заключение американские рецензенты. Они отметили "глубину и искренность того уважения, которое автор испытывает к самому себе. Он придумал план бегства. Он его осуществил вопреки всем препятствиям. Он показал обеим разведкам (ЦРУ и КГБ), как следует работать" (Известия. 1993, 14 апреля).

Действительно, даже американцы не могли не оценить иначе личность изменника, рекламирующего себя в книге человеком особо одаренным, чуть ли не творцом советской космонавтики или ракетной обороны, убежденного противника советской системы, жаждущего на словах возможности приложить свои "мощные" интеллектуальные способности к ее свержению.

Задним числом Шеймов бахвалится широким кругом московских связей: от различных диссидентов до представителей московского криминального мира, в том числе даже из числа мафиозных авторитетов. По его описанию, само нелегальное бегство из Советского Союза явилось якобы для него чуть ли не детской игрой. А то, что переправляла его американская разведка, так это некоторое содействие ему, а не главное, что решал и делал он сам, "просто герой", о котором правильно и хорошо отозвалась американская газета: "Виктор, позор тебе".

Могу добавить свое мнение: едва ли стоит сожалеть, что Шеймов сбежал тогда, в мае 1980 года. Ведь если бы американцам удалось уговорить его остаться "кротом" в КГБ, то можно представить, какой значительно больший ущерб мог бы он нанести 8-му ГУ, КГБ в целом и всей системе засекреченных линий коммуникаций СССР. Можно представить, каким бы опасным для КГБ и, в частности, для внешней разведки оказался этот изменник, если бы он согласился стать "кротом" ЦРУ.

Но и сам по себе, как источник информации, которой он обладал лично в результате почти девятилетней работы в сверхсекретном подразделении КГБ, Шеймов представлял ценное приобретение для американских спецслужб и, в первую очередь, для АНБ и ЦРУ.

Его измена нанесла тем больший ущерб безопасности линий секретных коммуникаций Советского Союза и всей его криптологической службе, что американским службам удалось скрыть бегство Шеймова под легендой возможной гибели всей его семьи внутри страны. Это на долгое время задержало принятие необходимых защитных мер.

ОПЕРАЦИЯ "САМОЗВАНЕЦ"

Другая попытка превращения изменника в "крота" имела место у другой разведки - британской МИ-6 - и касалась бывшего сотрудника военной разведки Советской Армии Владимира Богдановича Резуна, взявшего себе писательский псевдоним "Суворов". Уже этот факт подчеркивает нескромную претензию этого "писателя" на приобщение к славе великого русского полководца. Поэтому буду называть его "Самозванцем".

Сначала об обстоятельствах безуспешных усилий британской разведки сделать из "Самозванца" своего "крота" в советской военной разведке.

"Самозванец" родился в 1947 году. После окончания Суворовского училища в 1965 году три года учился в Общевойсковом контрразведывательном училище, после чего был направлен в Военно-дипломатическую академию как кандидат ГРУ.

После успешного окончания академии был командирован в 1973 году на работу в швейцарскую резидентуру ГРУ в Женеве. К этому времени, как признает он сам, "Самозванец" внутренне готов был стать изменником.

Сразу по прибытии в Женеву он стал искать контакты с западными спецслужбами, сначала пытаясь выйти на американцев, затем на англичан. Однако "прощупывания" различных представителей США и Англии долго не давали результатов. Только на третьем году его работы в резидентуре в июле 1977 года ему удалось познакомиться с британским разведчиком. С этого момента "Самозванец" стал сотрудничать с британской разведкой, превратившись в усердного "крота" этой службы пока что только в швейцарской резидентуре ГРУ. Причем без малейших усилий со стороны МИ-6, полностью по инициативе "Самозванца".

Видя блестящие перспективы по служебному продвижению "Самозванца" в ГРУ, вспоминая с ностальгией дело Пеньковского пятнадцатилетней давности, МИ-6 приступила к настойчивой подготовке "Самозванца" на роль своего "крота" в ГРУ.

Действительно, биография этого изменника давала основания для таких надежд. "Самозванец" происходил из традиционно военной семьи, оба его родителя долгое время служили в армии, прошли войну. Даже многочисленные дяди и деды его также были военнослужащими.

Сам "Самозванец", окончив Суворовское училище, служил в армии, ему пришлось участвовать в событиях в ЧССР в 1968 году в качестве военнослужащего.

Каких-либо сведений об изменнической деятельности "Самозванца" в советской прессе не было, поэтому могу судить о вероятном ущербе для ГРУ, нанесенном его предательством, только по иностранным источникам. Наиболее подробно о нем пишет Брук-Шеферд, который лично беседовал с "Самозванцем" и дал свою оценку его действиям (Брук-Шеферд Г. Штормовые птицы. Нью-Йорк,
1992).

На основе приведенных автором сведений можно с уверенностью предполагать, что подрывные замыслы британской спецслужбы против ГРУ с участием "Самозванца" развивались успешно. Изменник, без сомнения, за одиннадцать месяцев активной работы выдал им все "швейцарские" секреты военной разведки, передал, вероятно, не только то, что эта разведка имела в самой Швейцарии, а учитывая, что Женева являлась в то время удобным местом для проведения разведывательной деятельности, мог выдать и многое другое из деятельности ГРУ в этом регионе мира.

Можно полагать также, что, судя по оценкам руководством ГРУ деятельности "Самозванца" в Швейцарии, он мог рассчитывать по возвращении из командировки на продвижение по службе.

Так что резидентура МИ-6 в Швейцарии, ее руководители в Центре уже предвкушали этот успех, когда произошел срыв их долговременных планов.

"Самозванец", по истечении трехгодичного срока пребывания в командировке, не без воздействия МИ-6 ходатайствовал о продлении своей работы в Швейцарии еще на год, что было удовлетворено. Шел четвертый год его пребывания в Швейцарии, жизнь в которой ему очень нравилась, когда он, продолжая активное сотрудничество с британской разведкой в качестве ее "крота" в резидентуре ГРУ, с ее согласия стал готовить продление командировки еще и на пятый год. И тут в апреле 1978 года в США совершил измену дипломатический представитель СССР в ООН Аркадий Шевченко.

Его сын Геннадий, служивший дипломатом в представительстве СССР в Женеве, был "под конвоем" на глазах "Самозванца" срочно отправлен домой. Это событие так смертельно напугало "смелого спецназовца", что он категорически отказался от продолжения сотрудничества с МИ-6 в Советском Союзе и настаивал на его немедленной отправке с семьей в Англию.

Так 6 июня 1978 года рухнули надежды британской спецслужбы на нового "крота" в ГРУ.

Раздумывая над словами Брук-Шеферда об этом изменнике, невольно возникает мысль; не испугайся "Самозванец", британская разведка могла бы заиметь очень эффективного "крота".

Завершая эту очередную историю из жизни одного из советских изменников, ставшего небезызвестным нашей широкой общественности под именем писателя Виктора Суворова, не берусь судить о литературных достоинствах его многочисленных писательских трудов. Видимо, раз их читают с интересом, они имеются. Но что касается его нового "творческого" замысла: попытки переписать в литературной форме историю на свой убогий "исторический" манер, замахнувшись на святую память нашего народа о его великом подвиге в битве с немецким фашизмом, то не могу не сказать свое категорическое мнение. Совершив одно подлое предательство, "Самозванец" совершает второе, еще более подлое.

Судя по сообщениям нашей прессы, "Самозванец" стремится доказать недоказуемое, что войну с Германией начал Советский Союз, а совсем не Гитлер, а следовательно, не Германия совершила агрессию, напав на нашу страну, а СССР спровоцировал ее на это. И это кощунственное заявление он делает с наших же трибун в канун 50-летия Победы в Великой Отечественной войне (Правда. 1994, 30 апреля).

Такие грязные идеи могут вызвать только падение престижа писателя
В. Суворова, уже снискавшего интерес читателя (три из семи написанных им книг "Аквариум", "Ледокол" и "День М" были опубликованы в России).

Его "дикую версию" опроверг израильский историк М. Городецкий; наш народ, испытавший, в отличие от самого "Самозванца", всю чудовищную правду жестокой гитлеровской агрессии, все честные люди не удостоят эту версию своим вниманием.

Что не может не удивить, так то, что и у нас в России находятся любители поиздеваться над исторической правдой.

То, что в Германии псевдоисторики Й. Хофман, В. Поста, В. Мазер и их единомышленники стараются доказать, что "Гитлер лишь упредил на пару недель Сталина, который готовился развязать войну против Германии", неудивительно. Правда, они получают достойный ответ от своих же соотечественников. Даже издатель журнала "Шпигель", известный публицист Рудольф Аугштайн, выступил с сокрушительной критикой этой версии.

Но Й. Хофман и Ко не раскрывают своих целей искажения истории, а вот Резун-Суворов с подачи МИ-6 говорит открыто с целью "разрушить единственную святыню", которая, по его словам, "осталась" в советской истории - память о войне и победе над нацистской Германией (За рубежом. 1996, 5-11 апреля, N 14).

Вот и попал "Самозванец" в классики, его цитирует "сам" Хофман. Со ссылкой на Суворова, Йоахим Хофман утверждает, что "Гитлер, начав военные действия, лишь ненамного опередил Сталина, готовившего нападение на Германию" (За рубежом. 1996, N 13).

Оказывается, и среди российских "историков" имеются сторонники Й. Хофмана - это некто В. Данилов, Б. Соколов, а также любители сенсаций, такие, как "кинотворцы" из "Студии 123" в Санкт-Петербурге, взявшиеся за сотворение "автобиографической" версии книги Суворова

"Ледокол" в виде многосерийного фильма под условным названием "Последний миф", в котором "Самозванец" и стремится доказать свою версию войны.

Поражает, что наших "оправдателей" изменников нисколько не смущает наглое признание автора "Ледокола", высказанное им в интервью, где он снова повторяет в предисловии к этой повести: "Да, я изменник Родины и предатель, таких положено убивать еще до того, как они убежали".

Для нас, не только профессионалов-разведчиков, но и просто всех патриотов своей земли и населяющего ее народа, все ясно. Мы не намерены марать руки о такую мразь, в какие бы заманчивые литературно-кинематографические наряды они ни облачались. А вот как поступят те, кто дает деньги на подобные киноагитки в пользу иуд-предателей, и какие уважающие себя артисты согласятся играть в таком отвратительном фарсе?

Но "Самозванцу" этого мало. От тщится выйти на широкую арену радиовещания, обращаясь со своими иудовыми идеями к нашему народу, наивно рассчитывая, что ему поверят. Что удивляет, так то, что британское государственное вещание предоставляет ему для его оскорбительной лжи свои возможности. Так, 8 декабря 1996 года русская служба Би-би-си организовала целую часовую передачу, посвященную столетию со дня рождения выдающегося советского полководца маршала Г. К. Жукова. Руководители этой службы, вешающей на русском языке для России, не нашли лучшего эксперта по Советской Армии и ее героическим подвигам в Великой Отечественной войне, как изменника "Самозванца", превратив всю передачу в настоящий шабаш, полный оскорбительных выпадов против нашего народа, миллионов советских воинов, отдавших свои жизни, в том числе и защищая Англию от угрозы гитлеровской агрессии. Целый час из эфира слышались похабные издевательства "Самозванца" над светлой памятью Г. К. Жукова, сдабриваемые ехидными, не менее оскорбительными репликами и одобрительными добавлениями русскоговорящих участников передачи, судя по всему, приглашенных Би-би-си для того, чтобы таким образом "крепить" дружбу английского и русского народов.

Нет слов, чтобы выразить возмущение наших радиослушателей тем, как руководители Би-би-си, пользовавшейся заслуженной репутацией за достоверность информации и уважительное отношение к национальным ценностям других народов, позволили кучке злобных хулителей во главе с изменником "Самозванцем" использовать свое имя и возможности для обливания грязью нашего народа и его национальных героев. Считаю этот случай беспрецедентным.

Нужны ли еще аргументы, что "Самозванец" Суворов, избравший этот псевдоним, чтобы испачкать имя славного полководца, хотя и сбежал не по идейным убеждениям, превратился в настоящего идейного врага нашего народа, нашей культуры и истории. Иудины деньги он старательно отрабатывает, присоединившись к хору русофобов. И напрасно публицисты называют его экс-чекистом. Не был он никогда чекистом, а случайно попав в ряды нашей военной разведки, тщится опозорить ее имя, не хуже самого архипредателя Андрея Власова.

ОПЕРАЦИЯ "ЛЖЕКРОТ"

Эта операция была одной из самых поразительных среди попыток ЦРУ заиметь "крота" в КГБ и обернулась и для самого изменника, как пишет Уайз, "кошмаром, который продолжался не месяцы, а годы", а для ЦРУ - длительными и дорогостоящими не только в экономическом, но больше в политическом плане попытками "расколоть" его как подозреваемую подставу КГБ (Уайз Д. Охота на "кротов". М., 1995).

В результате, вместо того, как планировало ЦРУ, чтобы получить потенциального "крота" в КГБ, эта служба сотворила из него, не без помощи другого изменника - Голицина, настоящего многолетнего "лжекрота" в своей разведке.

Итак, в начале июня 1962 года в резидентуру ЦРУ в Швейцарии явился Юрий Иванович Носенко, сотрудник 2-го Главного управления КГБ СССР, находившийся в Женеве в служебной командировке как член делегации СССР по разоружению.

Носенко заявил принимавшему его американскому разведчику Питу Бэгли о том, что готов сотрудничать с ЦРУ. Для работы с ним в Швейцарию сразу же прибыл руководящий сотрудник ЦРУ, специалист по работе с советскими перебежчиками Джордж Кайзвальтер, работавший ранее с изменником ГРУ Петром Поповым и участвовавший в операциях с Пеньковским.

В ЦРУ в это время развертывалась эпопея всеобщей подозрительности, начавшаяся в связи с другим изменником, А. Голициным, уже шесть месяцев мутившим головы контрразведчиков ЦРУ идеями о якобы внедренных в эту службу "кротах" КГБ.

Принимавший Носенко первым разведчик Бэгли ранее 4 года работал в резидентуре ЦРУ в Австрии и в 1954 году сопровождал изменника Дерябина в США.

Ю. И. Носенко родился в 1927 году в семье инженера, ставшего в 1939 году министром судостроения СССР и пробывшего им до 1956 года, до его кончины.

После окончания ИМО Носенко три года служил в военно-морской разведке ГРУ, после чего с 1953 года работал во 2-м Главном управлении КГБ СССР. С 1957 года, когда он впервые выехал в краткосрочную командировку в Лондон, он уже стал искать контакты с иностранными разведчиками. Попытка продать американцам в Женеве информацию о КГБ, а затем вернуться домой была третьей по счету.

В течение двухнедельной работы двух указанных американских разведчиков с Носенко он передал им значительное количество информации о деятельности КГБ против американцев в Москве, об известных ему сотрудниках внешней разведки в Швейцарии, но никаких намеков о желании бежать на Запад не высказывал, подчеркивая, что намерен вернуться в СССР. При этом согласился на повторные встречи с представителями ЦРУ при последующих выездах за границу. Соответственно с ним были обусловлены средства связи.

Уже на первых встречах Носенко выдал ЦРУ агента 2-го ГУ Белецкого, как подставу КГБ, с которым американская спецслужба работала, не подозревая в нем агента-двойника. Он сообщил также о наличии в американском посольстве в Москве 42 микрофонов подслушивания и

предупредил, что КГБ известен тайник "на Петровке", которым, как позже выяснилось, пользовался Пеньковский. Кстати, как указывалось, ЦРУ не предупредило об этом ни англичан, ни свою московскую резидентуру, и через месяц у этого тайника был задержан американский разведчик, пришедший изъять из него закладку Пеньковского (Брук-Шеферд Г. Штормовые птицы. Нью-Йорк, 1992).

В результате измены Носенко ЦРУ уже предвкушало успех в работе с вновь приобретенным "кротом" в КГБ, ожидая последующих встреч с ним в январе 1963 года. Однако он прибыл позже.

В конце января 1964 г. Носенко вновь приехал в Женеву и сразу же связался с американцами. Снова в течение двух недель те же американские разведчики вели с ним работу, получая обширную информацию и готовя его на роль "крота". Казалось, все шло в этом направлении хорошо, когда на последней встрече Носенко вдруг заявил, что он не хочет возвращаться в СССР, боится разоблачения и что им якобы получена телеграмма о его отзыве. Попросил политического убежища.

Поскольку в этот приезд он сообщил, что вел в КГБ дело Освальда, хотя ЦРУ не хотело бы отказываться от него, как "крота", в связи с расследованием убийства Кеннеди комиссией Уоррена, Центр ЦРУ дал команду доставить Носенко в США, как ни обидно было терять "крота" в его лице.

К моменту прибытия Носенко в США 11 февраля 1964 года вокруг него уже сложилась атмосфера сильного подозрения как специальной подставы КГБ, чему способствовали два обстоятельства: во-первых, категорическое утверждение изменника Голицина о том, что Носенко направлен с целью отвлечь внимание ЦРУ от поиска "кротов" КГБ, якобы уже внедренных в эту службу. Об этом упрямо твердил Голицин, и ему полностью поверил руководитель службы контрразведки ЦРУ Д. Энглтон. Во-вторых, увеличивало эти подозрения против Носенко и его заявление о том, что Освальд не имел никакого отношения к КГБ.

Это утверждение Носенко вызывало подозрение, что КГБ направило его специально, чтобы опровергнуть домыслы о возможной связи КГБ с убийцей американского президента.

Все дальнейшие допросы его и действия ЦРУ были направлены на то, чтобы внести ясность в отношении действительных целей перехода Носенко на Запад. Для конспирации ему присвоили псевдоним "Фокстрот".

Помимо информации по американцам в Москве, Носенко дал сведения об агенте внешней разведки в английском Адмиралтействе, в результате через 3 месяца, в 1962 году, в Англии был арестован Уильям Джон Вэссал, клерк Адмиралтейства. Руководители ЦРУ и особенно контрразведывательного отдела этой службы считали, что Носенко "был, есть и будет считаться подставой КГБ". Соответственно уже через два месяца после его прибытия в США ЦРУ приступило к так называемым "враждебным допросам" и держало его в заточении в течение следующих четырех лет и восьми месяцев, в том числе более двух лет в полной изоляции в

бетонном каземате без окон в нечеловеческих условиях. Этот каземат-камеру специально построили для содержания в ней Носенко в учебном центре ЦРУ.

После почти пятилетних безуспешных усилий добиться от Носенко признания, руководство ЦРУ оказалось перед угрозой скандала из-за несанкционированного судом заточения и вынуждено было принять решение о его освобождении.

Прежде чем пойти на это, тот же Бэгли, ставший заместителем Д. Энглтона, рассматривал даже возможность навсегда "закрыть рот" Носенко путем обработки его психотропными средствами, чтобы сделать невменяемым и поместить в сумасшедший дом.

Только в конце 1968 года Носенко был реабилитирован. По его заявлению на слушаниях в комиссии конгресса США, "он прошел через ад". Можно добавить, что это заслуженная награда за его измену.

Дело Носенко широко комментировалось в заграничных публикациях и стало известно миру.

Судьба этого изменника характерна для судеб многих других изменников. Об этом они сами красноречиво свидетельствовали на слушаниях перед американскими конгрессменами в 1987 г. О жизненном пути Носенко до измены подробно рассказал в своей книге Брук-Шеферд.

ОПЕРАЦИЯ "МУТАНТ"

Любая разведка, внедряя своих "кротов" в иностранные спецслужбы, преследует цель прежде всего защиты своих разведчиков, обеспечения безопасности их деятельности.

Одновременно, как можно было убедиться на приведенных в предыдущих главах примерах, "кроты" помогают вскрывать замыслы, конкретные планы, агентуру и подрывные операции противника, способствуют ослаблению эффективности его мер защиты, помогают разоблачать кадры разведчиков, вносить в их среду элементы неуверенности, сеять неверие в успех предпринимаемых операций, вызывать недоверие к отдельным разведчикам и агентам. Одним словом, решают комплексную задачу защиты своей разведки и ослабления разведки противника.

Итак, эти цели преследуют "кроты", внедренные разведкой.

Но вот уникальный случай, когда не "крот", специально засылаемый внешней разведкой в ряды противника, а наш изменник, перебежчик оказался орудием достижения указанных целей, причем значительно более эффективным, масштабным и действовавшим исключительно долгое время.

Для этого потребовалось только, чтобы изменник Голицин, несущий в себе необыкновенный заряд ненависти, амбициозности и крайней подозрительности, встретился в ЦРУ с не менее маниакально подозрительным американцемконтрразведчиком Дж. Энглтоном,

в лице которого Голицин обрел энергичного единомышленника, подхватившего его абсурдные "идеи" о внедренных в западные спецслужбы "кротах" КГБ.

Используя термин генетики, изменник Голицин, столкнувшись с Дж. Энглтоном, "смутировал", стал своеобразным "кротом"-мутантом.

Итак, "Мутант" - бывший сотрудник внешней разведки подполковник Анатолий Михайлович Голицин, работавший в хельсинкской резидентуре внешней разведки, 22 декабря 1961 года бежал к американцам.

Сам по себе этот изменник нанес относительно не столь существенный ущерб внешней разведке и в целом нашему государству. С чисто профессиональных разведывательных позиций он знал мало о конкретной деятельности внешней разведки, так как в основном за свой недолгий стаж работы в органах безопасности на собственно разведывательном участке находился менее трех лет. Все остальное время он либо учился, либо занимался контрразведывательным обеспечением по линии так называемой работы "по советской колонии", в том числе два года из трех лет в ПГУ.

Лишь короткое время, менее года, перед выездом в Финляндию в 1960 году он имел дело с особо секретными документами в информационной службе внешней разведки и благодаря хорошей зрительной памяти помог западным спецслужбам раскрыть очень ценного агента в НАТО Ж. Пака и дать наводящие сведения на другого ценного агента в той же организации - Хэмбелтона. Последний агент, правда, был полностью раскрыт много лет спустя. Оба эти агента, выданные "Мутантом", описаны в разделе операции ТФП в НАТО.

Других существенных сведений для передачи американцам у "Мутанта" просто не было. Но были огромная, непомерная амбиция играть "большую" роль и пожирающий его страх возмездия со стороны КГБ плюс тщеславная самоуверенность, что только он один понимает значение советской угрозы для Запада, от которой он призван его спасти.

Его параноическое убеждение превратилось в настоящую бомбу замедленного действия, приведшую к настоящему внутреннему разгрому опытных кадров ЦРУ и срыву операций этой разведки против Советского Союза и его специальных служб.

Его идефикс о повсеместном проникновении советских "кротов" в западные спецслужбы вызвали хаос и настоящую панику не только в ЦРУ, но захватили, хотя и в меньшей мере, также британскую СИС, французскую СДЕСЕ, отчасти канадские и скандинавские службы безопасности.

О роли Голицина-разрушителя если не всей оперативной деятельности, то, по меньшей мере, уверенности в штабах этих западных служб в течение полутора десятилетий довольно откровенно писали западные специалисты и мемуаристы из числа бывших сотрудников разведок, такие, как Чапмэн Пинчер, и многие другие (Пинчер Чапмэн. Предатели. Анатомия измены. Нью-Йорк, 1987; Их ремесло - предательство. Нью-Йорк, 1981) (Приложение 7).

Очень обстоятельно раскрыл этот период внутреннего разброда, неуверенности и всеобщей подозрительности в ЦРУ Арнульф Конради в статье о Дж. Энглтоне (Конради А. Жизнь и смерть Джеймса Хесиса Энглтона, который боролся с КГБ. Франкфуртер Альгемайне магазин. 1992, март).

Много внимания уделили положению в ЦРУ и роли "Мутанта" Брук-Шеферд в упоминавшейся уже книге о перебежчиках (Брук-Шеферд Г. Штормовые птицы. Нью-Йорк, 1992), а также Тьерри Волтон (Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993).

На всю широту и глубину последствий сотрудничества начальника контрразведки ЦРУ Дж. Энглтона с "Мутантом" показал в своем, я бы сказал, исчерпывающем анализе этой ситуации опытный американский специалист по ЦРУ Дэвид Уайз в книге "Охота на кротов".

Будучи знаком со всеми основными источниками, посвященными на западном книжном рынке "Мутанту", я раскрыл для себя много новых сторон "проблемы этого перебежчика", чья измена обернулась не столько для нас, сколько для десятков американских опытнейших разведчиков настоящей трагедией.

Были выведены из строя многие из тех, кто долгие годы боролся против внешней разведки, их карьеры были поломаны, у многих разрушены семьи, а сами они уволены из ЦРУ.

В этом была, как это ни парадоксально, исключительно большая польза, которую для советских специальных служб принесла измена "Мутанта".

Именно поэтому, несмотря на крайне негативное отношение к самому факту совершенной "Мутантом" измены, с большим удовлетворением рассказываю о его "деяниях" в лоне западных спецслужб, которые он, не ведая и помимо своей воли, совершил на пользу советских спецслужб и нашего государства. И, добавлю, совершить которые не смог бы ни один наш настоящий "крот", будь он хоть семи пядей во лбу.

ЧЕРНОЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЕ ЦРУ

Начальник контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон работал в этой службе с момента ее создания в 1947 году, когда он перешел в нее из расформированного после окончания войны Управления стратегических служб (УСС). Во время войны, в 1944 году, Энглтон возглавлял контрразведывательные операции УСС в Италии.

В ЦРУ всего за шесть лет Энглтон достиг поста главного контрразведчика этой службы и с 1954 года в течение двадцати лет бессменно руководил всеми контрразведывательными операциями и обеспечением безопасности ЦРУ.

По своему характеру и воспитанию, как пишет о нем А. Конради, он отличался конспиративностью и "безмерной подозрительностью", которая соответствовала его вере во всемогущество КГБ.

К 1954 году, "тридцати трех лет от роду, он стал, по существу, вторым, а во многих отношениях - первым человеком в ЦРУ".

Развернувшаяся в те годы в США "охота на ведьм", возглавленная сенатором Маккарти, полностью соответствовала настроениям Энглтона.

С назначением директором ЦРУ Аллена Даллеса между ним и Энглтоном быстро установились доверительные отношения, открывающие дверь директора для Энглтона в любое время. Приход в ЦРУ в 1966 году последователя Даллеса, директора Ричарда Холмса, возглавлявшего ЦРУ до 1974 года, дружба с которым была продолжением дружеских отношении Энглтона с А. Даллесом, дал ему почти неограниченные возможности для расширения службы контрразведки и усиления его власти в аппарате ЦРУ. Энглтон практически вышел изпод всякого контроля. В 60-е годы его авторитет был так велик, что он свободно распоряжался гигантскими денежными средствами ЦРУ.

Как отмечает Д. Уайз, Энглтон имел большую власть над пятью директорами ЦРУ - Уолтером Беделлом Смитом,

Алленом Даллесом, Джоном Маккоуном, Уильямом Рэйборном и Ричардом Холмсом.

Но всех этих обстоятельств было еще недостаточно для проведения в жизнь "доктрины Энглтона" о вездесущем КГБ, которой еще предстояло ввергнуть не только само ЦРУ, но и секретные службы важнейших стран Запада в смятение и саморазрушительную охоту за вражескими агентами (Конради А. Жизнь и смерть Джеймса Хесиса Энглтона, который боролся с КГБ/Франкфуртер Алльгемайне магазин. 1992, март). И своеобразным катализатором этого процесса явился изменник "Мутант", представший перед Энглтоном в начале 1962 года со всеми своими не менее параноическими идеями.

"Мутант" поступил в распоряжение советского отдела ЦРУ, но несколько месяцев работы с ним мало что ценного могли дать ЦРУ о конкретной деятельности внешней разведки. Сам "Мутант" был крайне недоволен такой "рутинной" работой, засыпал руководство ЦРУ всевозможными жалобами, претендовал на прием его лично директором ЦРУ. Так он мог бы и остаться на положении рядового перебежчика.

После допросов в ЦРУ, затем в ФБР "Мутант" забеспокоился, что его могут забыть. Он выдвинул тезис о наличии "кротов" КГБ в британских спецслужбах и попросил направить его к ним для дачи сведений. Там он сумел в течение четырех месяцев водить СИС от одного подозреваемого в качестве "крота" к другому, помог бросить тень на руководителей МИ-5, сначала заместителя начальника этой службы Грэма Митчелла, затем на самого начальника сэра Роджера Холлиса. Эти подозрения долгие годы сопровождали их вместе с неоднократными допросами, установкой за ними наблюдения и другими малоприятными последствиями.

После возвращения "Мутанта" из Англии, как только он заговорил о "кротах", внедренных КГБ в ЦРУ, которых он страшно боялся, Энглтон почувствовал в нем родственную душу.

Так, по словам Конради, "союз" спекулятивной фантазии "Мутанта" с антишпионской паранойей Энглтона во многом предопределил начало "охоты на ведьм" в ЦРУ и дружественных разведках.

Могу повторить то, что говорил об операции "трех карт" в связи с
К. Филби и его отношениями с Энглтоном. Факт измены Западу такого человека, являвшегося кумиром для Энглтона со времени войны, когда он впервые, в 1944 году, познакомился с ним, мог только утвердить Энглтона в том, что КГБ и его внешняя разведка проникли во все поры не только ЦРУ, а всего государственного аппарата США.

Об этом твердил ему и один из его помощников, бывший сотрудник ФБР Билл Харви, который в 1945 году допрашивал Элизабет Бентли, оклеветавшую перед ФБР более 100 служащих американских государственных учреждений.

Итак, "Мутант" вернулся в США, где Энглтон широко раскрыл ему свои объятия, и с этого момента началось самое тесное сотрудничество "двух рыцарей "холодной войны". К чему это привело ЦРУ - очень детально и с богатыми фактологическими подробностями представил Уайз в своем труде "Охота на "кротов".

Обращаю внимание читателя на основные "достижения" "Мутанта", пользовавшегося необычайно действенным влиянием на образ мыслей Энглтона.

Во-первых, "Мутант" безостановочно выдумывал подробности якобы виденных им в КГБ документов, которые могли исходить только "из высших сфер ЦРУ", углублял страхи, уже существовавшие в ЦРУ, в первую очередь у Энглтона.

Для реализации идей, постоянно возникавших у "Мутанта", Энглтон создал в контрразведывательном отделе Группу специальных расследований, то есть, попросту говоря, группу "охотников за кротами".

Размах "охоты на "кротов", инспирируемой "Мутантом", достиг таких масштабов, что охватил "специальным расследованием" и связанной с ним тщательной всеобъемлющей проверкой всей жизни и служебной деятельности более 120 сотрудников ЦРУ (Уайз Д. Охота на "кротов". М., 1994).

По свидетельству Уайза, "охота на "кротов" разрушила карьеру многих сотрудников, разбила жизни и семьи, а также парализовала Управление, приостановив операции против Советского Союза в разгар "холодной войны", в период, когда они являлись смыслом существования ЦРУ.

Были также серьезно подпорчены отношения с союзными разведками.

Ну какой настоящий "крот" смог бы добиться такого результата, да еще почти на целых полтора десятилетия?

Во-вторых, "Мутант" "добился", можно сказать, умопомрачения Энглтона, и тот, невзирая на реальные заслуги, в том числе в борьбе против нашей страны, поочередно причислял к подозреваемым лучших офицеров ЦРУ и, даже не находя конкретных доказательств в поддержку своих подозрений, добивался их ухода из ЦРУ.

Приведу в качестве примеров дела начальника советского отдела ЦРУ Дэвида Мэрфи и бывшего первого резидента ЦРУ в Москве Пола Гарблера. Оба эти примера мне представляются настолько абсурдными, что с трудом верится в их реальность.

Дэвид Мэрфи был одним из ведущих сотрудников ЦРУ, в 1959 году он короткое время возглавлял резидентуру ("базу") ЦРУ в Берлине, в 1963 году получил назначение начальником советского отдела, являвшегося по существу и значению задач главным участком деятельности американской разведки.

Но на этой должности ему не повезло, он стал свидетелем почти полного замораживания операций отдела из-за убежденности Энглтона в наличии "кротов" КГБ в ЦРУ, в первую очередь, в советском отделе. Считалось, что все, что будет делать отдел, заранее известно КГБ, и нельзя верить ни одному агенту, завербованному на участке работы против Советского Союза. Да нельзя доверять и самим сотрудникам отдела.

Что касается Д. Мэрфи, то Энглтон с "Мутантом" пришли к выводу, что он являлся вероятным кандидатом в такие "кроты" КГБ. Соответственно он стал объектом активной разработки. Энглтон добился замены его на посту начальника советского отдела. Мэрфи вынужден был отправиться резидентом ЦРУ в Париж. В основу подозрений против Мэрфи был положен и такой смехотворный довод, что он работал в Берлине, когда там представителем СИС был Д. Блейк, а жена Мэрфи была выходцем из среды белоэмигрантов.

Но самое необычайное произошло, когда Мэрфи прибыл в Париж. Энглтон предупредил французские спецслужбы, что Мэрфи - агент КГБ. Это было сказано лично им шефу французской контрразведки де Мараншу. У последнего возник естественный вопрос: если это так, то почему ЦРУ направляет к нему в качестве резидента и своего доверенного представителя советского агента (Уайз Д. Охота на "кротов". М., 1994)?

Действительно, может ли себе представить читатель, чтобы председатель КГБ Андропов, направив меня представлять КГБ при польских спецслужбах, предупредил их, что в моем лице они должны видеть агента ЦРУ?

Умопомрачительнее ничего не придумаешь. Для характеристики Мэрфи интересно отметить, что именно он дважды был участником, а вероятно, и организатором грубых провокаций против советских разведчиков: сорвавшейся попытки вербовки и применения насилия против сотрудника внешней разведки Б.

Я. Наливайко в Вене в 1962 году и неудавшейся попытки похищения резидента внешней разведки в Японии Г. П. Покровского в 1966 году, причем если первая провокация не получила огласки, то вторая прозвучала на весь мир как пощечина, полученная ЦРУ от внешней разведки.

"Охота на "кротов" в советском отделе привела к тому, что отдел был длительное время парализован и в конце концов фактически разогнан, сотни его сотрудников, говоривших порусски, были частично переведены в другие отделы, частично уволены, а в отделе из 300 человек оставлена лишь небольшая часть, в основном малоопытных сотрудников. Так что, к моменту ухода Энглтона в отставку в 1974 году, отдел должен был начинать работу практически с нуля.

Второй пример разрушения карьеры заслуженного руководящего работника ЦРУ представляет судьба Пола Гарблера.

Бывший пилот американского бомбардировщика, участник второй мировой войны, в разгар "холодной войны" являлся резидентом ЦРУ в Берлине, затем первым резидентом ЦРУ в Москве, как раз в период, когда там развивалась работа с изменником Пеньковским.

"Мутант", получивший с помощью Энглтона доступ к личным делам всех сотрудников ЦРУ, просматривая досье Гарблера, ухватился за то, что он, будучи в Берлине, работал с агентом ЦРУ "Сашей", по утверждениям "Мутанта", подставой КГБ. Кроме того, в Корее он находился одновременно с Дж. Блейком и даже играл с ним в теннис.

Этого хватило, чтобы Энглтон заклеймил Гарблера как одного из главных подозреваемых.

После возвращения из Москвы Гарблеру сулили повышение по службе, а вместо этого заслали резидентом на Тринидад, где продержали 4 года. Вернувшись оттуда, Гарблер продолжал бороться за свою реабилитацию, но безуспешно. Все, что ему удалось, - получить письмо от директора Тэрнера, который сообщал, что находит гнусными и необоснованными обвинения, выдвинутые против него. При этом, писал Тэрнер, он ничем не может помочь (Уайз Д. Охота на "кротов". М., 1994).

Гарблер покинул ЦРУ, уйдя в отставку в 1977 году, после того как "девять лет было вычеркнуто из его жизни".

Для характеристики низкой эффективности работы советского отдела в период действия тандема "Мутант"-Энглтон, показательно, что с 1963 по 1974 год этот отдел приобрел всего пять, причем слабых, малозначительных перебежчиков, в том числе из внешней разведки только двоих (В. Н. Сахарова в 1971 г. и Органисяна в Турции). В тот же период в британских спецслужбах, где практическая работа против советских спецслужб не была так ослаблена, результаты были успешнее - три перебежчика, вербовка Гордиевского.

Для сравнения, в последующие 12 лет, с 1975 по 1987 год к ЦРУ перешли, как минимум, пять перебежчиков и изменников, все из внешней разведки, в том числе такие, как Левченко в 1979 г., Шеймов в 1980 г., что явилось свидетельством заметной активизации работы советского отдела после ухода из ЦРУ Энглтона.

В-третьих, с момента появления "Мутанта" в ЦРУ, под влиянием его утверждения, что никому из перебежчиков нельзя верить, принятого Энглтоном за аксиому, они сразу же

попадали в категорию "двойников", засылавшихся КГБ для того, чтобы стать "кротами" в ЦРУ. По свидетельству специалистов, исследовавших период Энглтона-"Мутанта" в ЦРУ, за 1963-1974 годы, пострадали 22 перебежчика. Как известно, первой жертвой этих утверждений "Мутанта" был Носенко. Вторым явился нелегал внешней разведки Ю. Логинов (см. Операция "Густо"), который числился "кротом" ЦРУ в нелегальной службе внешней разведки и которого ЦРУ постоянно проверяло, пока не выдало контрразведчикам ЮАР. Как и в случае с Носенко, ЦРУ считало, что оно "наказало" Логинова и, таким образом, на самом деле помогло внешней разведке избавиться от весьма опасного "крота" в своей нелегальной сети.

В-четвертых, сверхподозрительность "Мутанта" и Энглтона далеко вышла за рамки ЦРУ и территории США. В первую очередь, как указывалось, от нее пострадали британские спецслужбы. Хотя они сравнительно быстро оправились от навеянного "Мутантом" тумана сомнений и недоверия к своим собственным кадрам, им пришлось пережить неприятные времена подозрений, что ряд британских политиков, как, например, премьер Вильсон, были якобы агентами КГБ. Более серьезные подозрения пали на самих руководителей британской разведки и контрразведки - Г. Митчелла, Р. Холлиса. Причем эти подозрения, как уже упоминалось, вылились в слежку, неоднократные допросы, от которых их не избавил и уход в отставку. Например, обвинения с Холлиса были сняты лишь в 1981 году, когда он был посмертно публично реабилитирован.

В связи с показаниями "Мутанта" в СИС был создан специальный "Комитет беглости" для расследования деятельности тех сотрудников, в ком подозревали "кротов" внешней разведки.

Когда Холлис в 1965 году ушел в отставку, расследование по его делу только завертелось полным ходом. Его и Митчелла неоднократно вызывали в МИ-5 для допросов, о результатах которых информировались ЦРУ и ФБР.

Холлис умер в 1973 году все еще подозреваемый, а Митчелл - в 1984 году в таком же качестве. О снятии подозрений с них было заявлено позже.

Можно представить, как болезненно это отражалось на уровне руководства британской разведки и на всей ее деятельности.

Не оставили Энглтон и "Мутант" без своего разрушительного внимания и младшего американского партнера в соседней Канаде. По наводке "Мутанта" канадские службы безопасности взяли в разработку начальника советского отдела своей службы Лесли Джеймса Бенетте и вели слежку за ним пару лет. К 1970 году он стал главным объектом канадской "охоты на ведьм", в его разработке применялись сложные оперативные комбинации. В 1972 году его подвергли тяжелому многочасовому допросу и испытанию на детекторе лжи, и хотя никаких доказательств так и не было получено, его уволили после 18 лет безупречной службы.

Можно сказать, неплохой результат деятельности изменника "Мутанта" на пользу внешней разведке. Ведь это явно ослабляло противодействие канадских спецслужб разведывательной деятельности внешней разведки и на этом участке. Ложная информация "Мутанта" о наличии "кротов" КГБ в других союзных американских спецслужбах приводила к скандальным делам.

Так, в Норвегии была арестована сотрудница МИД Лингрен, которая после нескольких месяцев тюрьмы была освобождена за отсутствием доказательств ее вины.

Когда "Мутант" так же голословно заявил, что во Франции действует целая сеть советских "кротов", а ЦРУ довело об этом до сведения французов, это серьезно отразилось на взаимоотношениях ЦРУ с французскими спецслужбами. Более того, французские правительственные круги расценили это ничем не подтвердившееся сообщение как попытку подрыва доверия к себе. После таких "шуток" ЦРУ, как заявление Энглтона, что резидентом ЦРУ в Париже является "агент КГБ" Мэрфи, эти отношения были крепко подпорчены.

Думаю, что и за это "Мутанту" можно, как писал об этом один из западных авторов, "вместо пули, положенной изменнику, выдать медаль".

Во всяком случае, ясно, что ослабление взаимодействия западных спецслужб в их борьбе против советских служб было только на руку внешней разведке.

Наконец, в-пятых, в "заслугу" "Мутанту" можно поставить то, что созданная с его помощью Энглтоном атмосфера всеобщей подозрительности в ЦРУ привела к тому, что Энглтон поочередно подозревал в принадлежности к агентуре КГБ почти всех руководителей этого ведомства, в том числе и самих директоров ЦРУ. Даже Колби значился как возможный "крот" КГБ.

Но в конце концов и сам Энглтон стал жертвой своей двадцатилетней кампании "охоты за "кротами". Один из его помощников Клар Петти, после ухода Энглтона из ЦРУ, занялся анализом всего происходившего при нем в ЦРУ и пришел к выводу, что "Мутант" "вовсе не перебежчик, а заброшен к нам КГБ, а внутренний агент Москвы - не кто иной, как сам Энглтон, ибо за все время существования ЦРУ никто не причинил ведомству большего вреда, чем эти двое".

В результате за самим Энглтоном в течение нескольких месяцев велась слежка.

Только из числа высокопоставленных сотрудников ЦРУ под подозрение попали более сорока, причем фактически никому из них не удалось выйти после "специальных расследований" без ущерба для своей карьеры.

Все, что случилось в ЦРУ и в контрразведывательной службе этого ведомства в 60-е и 70-е годы, когда вся контрразведывательная работа свелась к бессмысленной "охоте на "кротов", было характерно для положения в стране и в ее главном контрразведывательном органе - ФБР.

Разгул маккартизма в 50-е годы в США составил одну из наиболее мрачных картин внутриполитической жизни США.

В феврале 1950 года мало кому до этого известный сенатор из штата Висконсин выступил с речью, в основу которой легли сфабрикованные ФБР материалы, и зловещая тень маккартизма нависла над политическим горизонтом страны.

Методы "расследования" так называемой "антиамериканской деятельности" стали основываться на шантаже и угрозах, лжесвидетельстве и фабрикации фальшивок. Эти методы неизбежно нашли свое применение и в ЦРУ, где лжесвидетельства изменника "Мутанта" пришлись по сердцу Энглтону, так как соответствовали установкам Маккарти. И хотя в 1954 году вице-президент Никсон был вынужден изза протестов американской общественности назначить расследование деятельности Маккарти, в результате которого сенатор был судим и наказан, заложенные им принципы расследований остались на вооружении спецслужб США, в первую очередь, ФБР и ЦРУ.

Просчеты ФБР в 70-е и 80-е годы - это также результат "охоты на "кротов". Это нашло отражение в длительной безнаказанной деятельности агентурной группы Уокеров, Рональда Пелтона, успешном бегстве бывшего сотрудника ЦРУ Эдварда Ли Ховарда и других успешных операций советских разведок.

В свою очередь, "охота на "кротов" в ЦРУ, как заметил один из руководящих сотрудников этой разведки, "вероятно, все же больше способствовала защите советского агента, если таковой был внедрен в ЦРУ, чем его разоблачению" (Уайз Д. Охота на "кротов". М., 1994).

Эта история "мутантного" периода в ЦРУ перекликается с той ситуацией, которая возникла в ЦРУ после ареста Олдрича Эймса.

Судя по сообщениям, поступавшим из США, в ЦРУ вновь стала разворачиваться кампания "охоты на ведьм", тем более что это не в новинку для этой разведки. Убийственная память от двадцатилетней "охоты на "кротов" осталась у многих американских разведчиков.

Вот и теперь в ЦРУ ищут агентов, но сейчас не советских, а российских.

Что удивительно, внешней разведке удалось приобрести агента как раз в том подразделении ЦРУ, на которое возложена задача обеспечения безопасности службы.

Но, как справедливо считают американские специалисты (и сам Эймс, высказавшийся в интервью французской газете в тюремной камере), как раз болезненная память об энглтоновской эпохе сплошной подозрительности и способствовала безнаказанной девятилетней работе Эймса с внешней разведкой.

Проявление бдительности и подозрений в отношении друг к другу в ЦРУ считалось сотрудниками этой службы неприемлемым пережитком той мрачной страницы жизни ЦРУ.

История об "охоте на "кротов" в ЦРУ хорошо подтверждает слова древнего китайского философа Конфуция о значении доверия. На вопрос к философу, на чем зиждется государственное управление, мудрец ответил: "Верность войска и благополучие граждан, конечно, важны, но ими можно и пренебречь, тогда как без доверия государство не просуществует и дня" (Известия. 1994, 6 августа).

Проиллюстрировав на примере "охоты на "кротов" пагубность атмосферы недоверия и подозрительности, независимо от ее первоисточника, пережив аналогичную ситуацию в период ежовско-бериевского руководства внешней разведкой, я с глубоким удовлетворением думаю, что нашей службе повезло избежать возникновения подобных ситуаций, несмотря на то, что предатели и изменники пытались столкнуть ее на путь подозрительности и недоверия.

В этом как раз и оказался залог успехов внешней разведки при неизбежных отдельных неудачах.

В случае измены "Мутанта" такая явная неудача обернулась большой удачей, принесшей главному ее противнику - Центральному разведывательному управлению США - серьезный ущерб.

ГЛАВА IX. ИГРЫ ОПЕРАТИВНЫЕ

Здесь будет все: пережитое
В предвиденье и наяву.

Б. Пастернак

Солнечным весенним утром 28 апреля 1973 года мы с Клавдией Ивановной подъезжали к Варшаве. Начинался новый этап в моей профессиональной жизни разведчика.

Вступал я в него с двойственным чувством. Меня радовала предстоявшая возможность лично обстоятельно познакомиться и узнать этот славянский народ, о многострадальной тысячелетней истории которого я много читал и отдельные этапы наблюдал воспроизведенными в кино. Правда, мои познания о польском народе были не систематическими, разрозненными и отрывочными, основанными не на академическом изучении и не на научных трудах, а в большей мере на литературных и других творческих произведениях.

Еще в юношеском возрасте я зачитывался историческими повестями Генрика Сенкевича, получил представление о польской музыке, читая о Шопене и слушая его музыку и, конечно же, полонез Огиньского, чья музыка была такой волнующей. Разглядывая фотографии художественных творений Я. Матейко, мечтал увидеть когда-либо в натуре его грандиозное полотно "Битва под Грюнвальдом". Увлекаясь поэзией, с интересом знакомился с польскими поэтами, читая в переводах поэму "Пан Тадеуш" Адама Мицкевича и поэму "Бенёвский" Юлиуша Словацкого. Тогда я не надеялся когдалибо прочитать их произведения в оригинале, понимая, что самые лучшие переводы не могут передать всю гамму чувств и нюансов, которые вкладывает поэт в свои творения.

Знал я и то, что территория Польши на протяжении столетий была ареной исторических битв и не только армий европейских держав, но и религиозных завоевателей, прежде всего католических иерархов с миссионерами других церквей, в первую очередь православной, которая стремилась проложить путь русскому самодержавию.

Мне было известно, что католицизм, пришедший на польские земли раньше других религий, стремясь прочно закрепиться на этой земле, искусно связал себя с защитой польского языка и культуры и сумел удовлетворить исконные чаяния польского народа.

Совсем недавно, в 1961-1965 годах, Польша отмечала свое тысячелетие как тысячелетие польской государственности, культуры и конечно же польской католической церкви.

Вспоминая наших национальных художников, писателей и поэтов, кто писал о Польше, в том числе великого Пушкина, друга Адама Мицкевича, Гоголя с его "Тарасом Бульбой" и многих других, мы предвкушали удовольствие увидеть в польских музеях, услышать и увидеть в польских театрах, насладиться в польской опере замечательными творениями этого талантливого народа.

Знали мы по рассказам тех, кто побывал в Польше, о гостеприимстве поляков, их близких нам нравах и обычаях. Заранее сближала нас с ними та боевая дружба и единство в освободительной борьбе против немецких оккупантов, которая нашла выражение в словах "Братство по оружию".

Эти наши мысли, наши ожидания рождали положительные эмоции, вдохновляли и радовали нас.

Но меня обуревали и другие, противоположные мысли. Что меня ожидает, задавал я себе вопрос, в профессиональном плане? Имея за плечами 35 лет разведывательной практики, я, получив, как холодный душ, предостережение Ю. В. Андропова: "никакой разведки", мрачнел в своих думах о той "канцелярской", как я ее определил, перспективе, которую сулила мне обязанность "координатора".

В ближайшие годы, думал я, придется мне заниматься административной, в значительной мере бюрократической деятельностью. Вести переписку с подразделениями КГБ, согласовывать с польскими службами-коллегами в МВД и МОН (по линии военной контрразведки) предложения КГБ, передавать польским службам нашу разведывательную и оперативную информацию и пересылать в Центр получаемую от поляков. И так далее, пассивно пропуская через себя труды наших и польских разведчиков и контрразведчиков.

Конечно же в согласованных с поляками совместных планах и операциях имелись и элементы активного взаимодействия, осуществления отдельных разведывательных и контрразведывательных решений. Но эта часть моих обязанностей, как я в то время представлял их, была крайне ограниченной, основное решение таких задач осуществлялось, как правило, раздельно: наши органы делали свою часть, польские коллеги - свою долю намеченных операций.

Мобилизуя всю свою фантазию, я смягчал свои мрачные ожидания, убеждая себя, что найду удовлетворение своим разведывательным устремлениям на информационном поприще. Однако как решать информационные задачи, так грандиозно очерченные мне председателем КГБ, я пока не знал.

Вот так мне представлялись перспективы предстоящих, как сказал Юрий Владимирович, "нескольких лет" пребывания в Польше, вылившихся в долгий, почти двенадцатилетний период напряженной работы. Сейчас могу признаться, что действительность оказалась куда более интересной, чем я ожидал, хотя и весьма острой, порою грозной.

Тогда же, в 1973 году, учитывая, что в жизни моей служебные задачи всегда находились на первом плане и определяли общее мое настроение, то понятно, преобладало отнюдь не светлое, а скорее пасмурное состояние моего духа.

Вскоре началась довольно напряженная деятельность по знакомству с личным составом представительства КГБ, которым мне предстояло руководить, а также встречи с польскими коллегами, министром внутренних дел Станиславом Ковальчиком и министром национальной обороны Войцехом Ярузельским, с их заместителями, руководителями главных подразделений МВД и с начальником Управления военной контрразведки МОН генералом Теодором Куфелем. Так прошел первый месяц моего пребывания в Польше.

Могу добавить, что одновременно с вхождением в курс своих обязанностей по представительству КГБ я приступил к решению информационных задач "неразведывательным путем", закладывая основу своих будущих успехов в этом сложном деле. Подробно об этой части своей деятельности я рассказал в своих воспоминаниях, опубликованных в Польше (Павлов В. Я был резидентом КГБ в Польше. Варшава, 1994). Поэтому не буду больше останавливаться на этой части своей деятельности, требовавшей от меня больших усилий и отнимавшей много времени. О том, как я решал эту задачу, расскажу в отдельной главе.

Войдя в курс дел по представительству, я вернулся к своим первоначальным мыслям о разведке. Ведь так не хотелось мне расставаться с делом, вошедшим в кровь и плоть, терять свою разведывательную форму, что сулило, после возвращения через несколько лет, как я думал, новые трудности для меня по восстановлению быстро утрачиваемого чутья и образа мыслей разведчика.

Но выход нашелся и, теперь могу сказать, настолько удачный, что вместо утрат, которых я так опасался, я приобрел новый разведывательный опыт, который значительно обогатил мое представление о широте диапазона деятельности разведчика. Но сначала немного о той оперативной обстановке, в условиях которой я начинал свой польский период деятельности.

ОБСТАНОВКА В ПОЛЬШЕ И ВОКРУГ НЕЕ

Хотя, казалось бы, в международных отношениях в начале 70-х годов наметилось некоторое смягчение напряженности после первого визита в СССР в 1972 году президента США Р. Никсона и подписания договора ОСВ-1, в действительности "холодная война" между капиталистическим миром, возглавляемым США, и социалистическим во главе с СССР шла не прекращаясь и не снижая своего накала.

Антисоветская и антикоммунистическая пропагандистская кампания, инспирируемая и направляемая администрацией США, после событий 1968 года в Чехословакии развернулась по

всему фронту против стран социалистического содружества. Смена в 1969 году Дубчека на посту первого секретаря компартии ЧССР и приход к руководству страной Г. Гусака дали новый импульс антисоциалистической психологической войне Запада против СССР и его союзников. При этом Запад концентрировал свои подрывные действия, помимо Чехословакии, на Польше, которую западные стратеги считали наиболее уязвимым, слабым звеном оборонительного союза Варшавского Договора.

Происшедшие в Польше широкие волнения трудящихся в декабре 1970 года создавали благоприятную почву для оживления в стране всех антисоциалистических сил, враждебных народному строю.

На внутренней обстановке в польской республике отрицательно сказывались и международные конфликты, возникавшие у Советского Союза не только с западными государствами. Так, в 1969 году обострились отношения с КНР, приведшие к острым вооруженным конфликтам, в частности на острове Даманском.

В 1971 году высылка из Англии 105 сотрудников советских учреждений осложнила советско-английские отношения. За англичанами последовали бельгийцы, выдворившие из страны девять наших сотрудников, что также не способствовало нормальным отношениям как с Бельгией, так и с другими западными государствами.

В 1972 году под воздействием Запада Садат отказался от услуг советских советников. В этом же году США нормализовали свои отношения с Китаем, стремясь воспользоваться кризисом во взаимоотношениях Советского Союза с КНР и разыгрывая китайскую карту.

Это лишь те отдельные эпизоды, которые свидетельствовали о напряженности международной обстановки и отражали накал "холодной войны".

Как выразился один из западных журналистов, два противостоящих блока стояли во всеоружии грудь в грудь и искали друг у друга уязвимые места, по которым можно было бы нанести наиболее болезненные удары. Таким уязвимым местом Варшавского Договора, безусловно, была Польша, где и затевалась, шла все нарастающая, но пока не явная схватка прозападных сил с социалистическим режимом.

Если государства как на Западе, так и на Востоке в своих явных действиях друг против друга вынуждены были пользоваться более или менее цивилизованными методами, прикрывая свои агрессивные выпады, как фиговым листом, международным правом, то специальные службы этих государств не стеснялись в средствах и путях исполнения порученных им служебных задач. Тайные операции и удары по противнику в этот период совершались наиболее яростно, без оглядки на нормы межгосударственных отношений. Проявлениями этих схваток на арене тайных операций и явились организованная ЦРУ и позорно провалившаяся агрессия против Кубы в апреле 1961 года, полет шпионского самолета У-2 с Гарри Пауэрсом в мае того же года, затем карибский кризис в октябре 1962 года, участие всех основных западных спецслужб в подогревании внутренней обстановки в ЧССР.

"Холодная война" Запада против Востока трансформировалась в бесконечные схватки и ожесточенные столкновения, подчас переходившие в настоящую "горячую войну". В Польше этот агрессивный напор западных специальных служб проявлялся в небывалой активизации ЦРУ, БНД, СИС.

От польских коллег мы получали оперативную информацию о попытках Запада использовать польскую территорию для враждебных операций против нашей страны. Это прежде всего шло по линии таких зарубежных антисоветских организаций как НТС - Народно-Трудовой Союз и ОУН - Организация украинских националистов.

Польские органы безопасности были заинтересованы в организации совместного с нами противодействия этим эмигрантским организациям в Польше, тем более что они блокировались в своей антисоциалистической деятельности с польскими эмигрантскими организациями.

По имевшимся у нас и польской разведки сведениям, как антисоветские, так и антипольские эмигрантские организации были связаны с западными спецслужбами, активно использовавшими их в своих разведывательно-диверсионных планах. Нам было известно, что по каналам нелегальньк связей западные спецслужбы засылали под видом эмиссаров и связников НТС и ОУН своих разведчиков и агентов на нашу территорию. О посещениях Польши такими эмиссарами знали и наши польские коллеги.

В связи с этими фактами я вспомнил, как в первые послевоенные годы английские и шведские спецслужбы, последние явно под воздействием британской СИС, развернули активную работу по засылке своей агентуры в наши прибалтийские республики.

Британская СИС забрасывала своих агентов пачками, снабжала их денежными и техническими средствами, ставя задачи по инспирированию подпольного националистического сопротивления народным властям в этих странах. При этом СИС, не стесняясь, восстанавливала связь с бывшими нацистскими агентами, заброшенными германскими службами Канариса и Шелленберга, ставшими известными английским спецслужбам из захваченных нацистских архивов. Как и следовало ожидать, СИС считала, что иезуитский принцип "цель оправдывает средства" вполне им подходит.

Так, благодаря Филби была разоблачена обширная шпионская сеть в Прибалтике, созданная в 40-е и 50-е годы шведской разведкой по поручению британских и американских спецслужб.

В этих подрывных акциях послевоенного времени против Советского Союза СИС пригодился опыт шведской разведки военного времени, когда на деньги британских и американских спецслужб шведская военная разведка "Бюро С" забросила с декабря 1943 по март 1945 года в Прибалтику с острова Готланд не менее 1200 своих агентов из числа уроженцев балтийских стран.

Несмотря на то что об этой антисоветской деятельности шведских спецслужб общественности стало известно в 1986 году, когда были рассекречены шведские архивные

данные, шведское правительство лицемерно заявило протест советскому правительству в связи с делом Берглинга, бывшего советского агента, бежавшего из шведской тюрьмы в 1987 году и якобы с помощью СССР выехавшего из страны (Лукьянов Ф. Ким Филби разоблачил шведских разведчиков в Прибалтике. Сегодня. 1994, 26 августа).

Вспомнил я и успешную операцию британских спецслужб против немецкой агентуры, проводившуюся во время войны под кодовым названием "Два креста"

Тогда англичанам удалось успешно противопоставить активной заброске немецкой агентуры на Британские острова систему перевербовки забрасывавшихся нацистских лазутчиков. Те из них, которые подходили для осуществления дезинформации немецкого командования и соглашались на сотрудничество, оставались в живых, остальных англичане казнили. Благодаря этой системе "Двух крестов" вся создававшаяся немцами агентурная сеть в Англии оказалась под контролем британских спецслужб, а дезинформация через агентов-двойников существенно снизила эффективность бомбардировок Англии немецкой авиацией.

И вот, организуя теперь свою собственную агентурную сеть в прибалтийских советских республиках путем нелегальной заброски туда своих разведчиков и агентов, СИС, казалось, начисто забыла свой военный опыт. А советские органы безопасности этот британский опыт, хотя и мало известный им до появления книги Мастермана, активно применили на практике и не только сумели полностью нейтрализовать всех забрасывавшихся британских агентов, но и, организуя оперативную дезинформацию британцев от имени их агентов, перевербованных КГБ, стали получать от СИС валюту, технические средства и "гостеприимно" встречать новых агентов, которые запрашивались агентами-двойниками для укрепления якобы созданных ими боевых отрядов.

Таким образом, очень правильный тезис англичан о том, что "как в мирное время, так и во время войны, тщательно поддерживаемая система агентов-двойников является самым надежным оружием контрразведки и оружием, наиболее легко приспосабливаемым к изменяющимся условиям, изменяющимся проблемам и даже изменяющимся противником" (Мастерман Д. Система двух крестов во время войны 1939-1945 годов. Англия, 1972) не уберег британские спецслужбы от втягивания их с нашей стороны в оперативные игры в первые послевоенные годы.

При этом КГБ с помощью СИС удалось обнаружить и обезвредить многих бывших агентов немецкой разведки, которых СИС намеревалось использовать в антисоветских подрывных целях.

Теперь, когда в 1973 году в поле моего внимания попали сигналы о попытках СИС и ЦРУ засылать своих агентов в нашу страну по каналам НТС и ОУН, у меня и возникли мысли о возможности организации с помощью польских спецслужб оперативник игр с этими западными разведками. Так зародились настоящие разведывательные операции, участвовать в которых мне так хотелось лично, используя свой разведывательный опыт.

ОПЕРАЦИЯ ТФП "НАЕМНИКИ"

Разведывательное внедрение в эмигрантские политические организации террористического типа, ставящие своей официальной целью борьбу против режима на родине, причем с использованием любых средств, представляет особые трудности, даже по сравнению с операциями ТФП в спецслужбы.

При внедрении в спецслужбы от агента или разведчика требуется главным образом способность пройти тщательную проверку, а в дальнейшем строго соблюдать установленный в спецслужбе режим поведения. Ему не нужно с самого начала обладать теми профессиональными знаниями и опытом, которые требуются для сотрудников такой службы. Своих кандидатов в сотрудники спецслужба обучает и натаскивает в нужном ей направлении и объеме.

При внедрении же в строго законспирированную организацию типа НТС от кандидата на участие в ее деятельности, помимо очень тщательной проверки и неоднократных перепроверок, требуется наличие опыта подпольной, "революционной", то есть контрреволюционной деятельности. Сама же проверка их надежности коренным образом отличается от строго регламентированных проверочных мероприятий, проводимых спецслужбами. Она определяется, как правило, индивидуально для каждого кандидата в зависимости от его прошлого, отличается изобретательностью, отсутствием шаблона и широким набором средств: от участия в специальных операциях, подстав агентов из числа окружения до создания экстремальных ситуаций, представляющих угрозу жизни, для проверки декларируемой готовности пожертвовать жизнью ради "дела".

В случае с НТС все еще больше осложнялось наличием у главарей этой организации большого разведывательного и контрразведывательного опыта, заимствованного у тех спецслужб, с которыми эта организация была связана на различных этапах своего существования. Так, это были нацистские органы безопасности и разведки, затем БНД, СИС, ЦРУ. От каждой из этих служб руководители НТС набирались специфических знаний и опыта в области обеспечения своей безопасности и обнаружения возможных агентов нашей внешней разведки или внутренних органов КГБ.

Кроме того, в состав руководителей НТС вливались отдельные изменники из числа бывших сотрудников наших спецслужб и их агенты, которые передавали опыт агентурной разведывательной и контрразведывательной работы наших спецслужб.

Вот почему, начиная оперативную игру с НТС с задачи перехвата и установления контроля за его нелегальными каналами связи в Советском Союзе, главная наша задача состояла в подборе агентов, способных преодолеть предварительную проверку, а затем сыграть роль активных, уже имеющих опыт нелегальной работы сторонников идеи и программы этой организации.

Соответственно после обсуждения с польскими коллегами мы договорились, что они подберут одного-двух опытных агентов из числа русских, постоянно проживающих в Польше, либо поляков, имеющих связи в Советском Союзе. Агенты должны иметь возможности выезда на Запад и располагать там знакомыми из числа русских эмигрантов.

В свою очередь, по нашей просьбе соответствующее подразделение КГБ подобрало несколько кандидатов на подставу эмиссарам НТС из числа своих агентов, уже имеющих связи и контакты среди лиц, подозреваемых в причастности к антисоветской деятельности националистического характера. Дальнейшее развитие задуманной оперативной игры с руководящим центром НТС, находившимся в Германии, во Франкфурте, строилось исходя из уже известной нам информации о деятельности этой организации.

Народно-Трудовой Союз российских солидаристов является старейшей антисоветской организацией, был задуман, создан и действовал как закордонная организация, ставившая своей целью свержение государственного строя, созданного нашим народом после Октябрьской революции. В своей борьбе против советской власти НТС блокировался с любыми антисоветскими силами, в том числе и с западными специальными службами, выполняя их подрывные и разведывательные поручения.

В годы войны многие руководящие энтээсовцы выступали на стороне гитлеровской Германии. Они служили в изменнических власовских частях, причем некоторые члены НТС были близки к самому генералу Власову.

Так, один из вожаков НТС - Владимир Порембский - до войны служил во французской полиции, во время войны тесно сотрудничал в оккупированном Париже с гестапо, затем в Берлине работал в гитлеровских пропагандистских органах.

После разгрома фашизма Порембский оказался в британскоп тюрьме, но быстро был освобожден как нужный Западу специалист по Советскому Союзу.

Вот с таким прошлым в 1956 году Порембский был избран председателем НТС. Исходя из одного этого факта можно представить программную направленность НТС в период развернувшейся "холодной войны".

Чтобы окончательно снять вопрос, кому же служил НТС, достаточно ознакомиться с циркуляром, разосланным в 1956 году руководством английской разведки в ее резидентуры в США, ФРГ, Турции и Швеции, то есть в те страны, откуда СИС вела наиболее активную работу против СССР. В циркуляре, добытом внешней разведкой, сообщалось, что СИС прекращает свое сотрудничество с НТС и оплату его услуг, передавая связь и дальнейшую работу с этой организацией в распоряжение ЦРУ.

Из приложенной к циркуляру справки следовало, что между СИС и ЦРУ состоялось 28 и 29 февраля 1956 года совещание, на котором СИС подвела итоги семилетнего использования НТС в разведывательных целях против СССР. То есть, уже в 1949 году СИС включила НТС в выполнение своих задач и взяло эту организацию на свое содержание. По оценке СИС, разведывательные результаты деятельности НТС не оправдывали затрат средств и времени английской разведки.

Руководство СИС давало указание резидентурам представить ЦРУ данные о работе членов НТС, которых англичане использовали для выполнения разведывательных задач, и сообщить

американцам о всех денежных вознаграждениях, выплаченных энтээсовским группам и отдельным лицам. Другими словами, предлагалось передать всех английских агентов из числа членов НТС для дальнейшей работы с ними ЦРУ.

Из циркуляра и справки при нем с определенной ясностью следует, что НТС являлся инструментом в руках сначала СИС, затем ЦРУ, то есть фактически одним из филиалов спецслужбы, удобно прикрывающей ее разведывательную деятельность идеологической окраской. Отсюда и вытекала актуальная задача внешней разведки по вскрытию деятельности этой злобной, враждебной нам организации, как опасного канала диверсионно-разведывательной деятельности американской разведки против Советского Союза.

Уже в современное время, когда происшедшие изменения в мире позволили энтээсовцам легально приезжать в Россию, тщетно пытаются активисты НТС выдавать себя за инакомыслящих, якобы проводивших в прошлом только политическую борьбу с советским режимом. Сами же они вынуждены признавать, что западные службы "помогали" им. В чем эта "помощь" выражалась, наглядно свидетельствует энтээсовка Наталья Макова, дочь активного энтээсовца - шпиона ЦРУ Александра Макова, разоблаченного в 1953 году и осужденного как диверсант-агент ЦРУ в том же году, сразу после выброски группы американских шпионов с американского самолета. Его дочь в июне 1993 г. подала ходатайство в Верховный суд РФ о реабилитации отца, подтверждая, что он действительно прошел полную шпионскую подготовку в Германии в американском лагере вблизи Регенсбурга для подрывной работы в Советском Союзе. Об этом сам Маков дал подробные показания еще в 1953 году. Кроме того, шпионско-диверсионные задачи, поставленные ЦРУ перед ним, подкреплялись целым ассортиментом шпионского снаряжения, захваченного нашими органами при его аресте, от радиостанции, шифрдокументов до средств тайнописи и валюты.

Естественно, что ходатайство Маковой было отклонено с заключением, что вина А. Макова в незаконном нахождении на территории СССР для проведения шпионско-диверсионной деятельности доказана неоспоримо. Не помогло и направленное в Генпрокуратуру РФ письмо с подтверждением "глубокого патриотизма" А. Макова епископа англикано-протестантской церкви Уильяма Слоуна Коффина из главного собора Нью-Йорка, бывшего в 50-е годы одним из высших офицеров ЦРУ (Известия. 1995, 14 июня).

Естественно, что бывший црувец не мог не прийти на помощь в этом деле.

Более того, в ноябре 1996 года по нашему телевидению была показана телелента "ЦРУ", явно подготовленная к 50-летию этого ведомства, которое отмечалось в Америке в 1997 году. Не буду давать оценку этому, как выразилась А. Боженкова в своей рецензии, "параду победителей", но был удивлен вместе с нею необычной для ЦРУ "обнаженностью и сверхоткровенностью" повествования о деятельности американской разведки.

Так вот, в первой ленте были показаны, например, сюжеты о заброске агентов-диверсантов на советскую территорию, об использовании Народно-Трудового Союза в качестве вербовщика "борцов за свободу", отмечены попытки создания цепочки нелегальных разведывательных

радиопередатчиков от Берлина до Урала. То есть как раз о таких операциях, в которых участвовал и

А. Маков (Боженкова А. ЦРУ: игра без правил. Новости разведки и контрразведки. 1996. N 24).

Общая схема нашего плана продвижения подобранных агентов для ТФП в среду руководства НТС сводилась к тому, чтобы опытный агент польских органов "X" совершил поездку в СССР, где будет сведен с нашим агентом "Y", пока без расшифровки факта его сотрудничества с КГБ. "Y" сообщит "X" о наличии у него антисоветских настроений в духе идей НТС и знакомых с аналогичными настроениями. После возвращения в Польшу он будет направлен в Германию, где расскажет свои впечатления от поездки в Союз своим знакомым, имеющим выходы на членов НТС. При этом укрепит впечатление о своих прозападных чувствах выражением поддержки настроений "русских антисоветчиков", среди которых "окажутся" и люди, работающие на интересных для ЦРУ постах. Дальнейший ход игры будет зависеть от реакции со стороны НТС.

Поскольку агенту "X" на этом этапе предстояла наиболее ответственная роль, мы вместе с польскими коллегами уделили большое внимание его подготовке. Его легенда-биография строилась в основном на действительных фактах его жизни плюс некоторые нюансы, дававшие основание верить его "прозападным" настроениям. В частности, добавили, что его родители якобы были репрессированы.

При этом мы исходили из возможности, что знакомые "X" сразу же доведут до сведения НТС наличие такого подходящего "связника" на территории СССР, хотя и полагали, что это произойдет, вероятнее всего, позже.

Чтобы создать такую возможность, "X" приглашает когонибудь из своих западных знакомых в гости в Польшу, обмолвившись, что скоро еще раз поедет в Союз по своим делам.

Как оказалось, мы правильно исходили из возможности встречи "X" с кем-либо из энтээсовских активистов. Проведенная тщательная не только оперативная, но и психологическая подготовка агента помогла "X" произвести нужное впечатление на представителя НТС, и он договорился с "X" о встрече в Польше. Это было явным признаком начала его тщательной проверки.

Не буду утомлять читателя подробностями развития этой игры. Знакомый "X" посетил его в Польше дважды, прежде чем высказал желание встретиться лично с его русскими друзьями, которых "X" должен был пригласить в Польшу. На эту встречу прибыл агент "Y", и с этого момента развитие игры с НТС пошло довольно быстро. Через пару лет НТС уже хвалился своим хозяевам в ЦРУ о наличии у него своих людей в СССР, которые могут начать поставлять интересующую американцев информацию (то есть нашу дезинформацию). Естественно, ЦРУ ухватилось за эту возможность, но прежде всего занялось своей перепроверкой надежности людей "Y", к чему мы были хорошо подготовлены.

В итоге этой оперативной игры нам удалось не только получить обширную информацию о деятельности НТС, устремлениях и объектах их интереса, конкретных участниках антисоветской нелегальной деятельности как на территории Польши, так и в Советском Союзе, но и поставить под контроль каналы посещения СССР эмиссарами и связниками НТС. Хотя эта игра еще не была завершена до моего отъезда из Польши в октябре 1984 года, к этому времени органами безопасности Польши и КГБ был захвачен ряд эмиссаров НТС, получены важные материалы об оперативной заинтересованности ЦРУ секретными объектами в СССР, инструкции для проведения разведывательной работы в интересах ЦРУ и денежные и технические средства, необходимые для этого.

Поскольку игра продолжалась и после моего отъезда, я, естественно, не могу более детально рассказать о ее участниках и конкретных действиях наших и польских органов безопасности. Но коль скоро мне довелось стоять у зарождения этой интересной операции ТФП в НТС и участвовать в подготовке агентов-исполнителей наших совместных с поляками планов, я хочу остановиться на некоторых моментах психологической стороны подготовки агентов для этой ответственной роли.

В период своей работы в штабе внешней разведки в первой половине 60-х годов, когда я как заместитель начальника курировал подразделение внешней контрразведки, мне приходилось сталкиваться с острыми разведывательными операциями, связанными с внедрением наших агентов в специальные службы противника. Эти операции всегда вызывали необходимость тщательной подготовки внедряемого агента к специальной проверке его противником, в том числе и психологической.

Меня интересовала прежде всего как раз психологическая сторона таких проверок, а также, что испытывает агент в период его подготовки к внедрению, в процессе его проверки, а затем в текущей работе по добыче наиболее оберегаемых спецслужбами секретов. Например, в работе внедренных в СИС Кима Филби и его "пятерки" или Джорджа Блейка, агента Прайма, внедренного в самую засекреченную британскую службу, занимающуюся расшифровкой чужих шифров.

Сейчас, когда мы готовились к операции ТФП в НТС, так тесно связанному с ЦРУ, а следовательно, практикующего присущие этой американской спецслужбе приемы и методы тщательной и всесторонней проверки наших агентов, опыт и квалифицированные советы таких знатоков западных спецслужб, как Филби и Блейк, были крайне полезны. Особенно бесценными оказались консультации по ЦРУ Кима Филби, досконально изучившего эту службу, ее нравы и обычаи, постановку ее системы безопасности, о которой его откровенно информировал самым подробным образом "лучший американский контрразведчик" Энглтон.

Учитывая хорошо известные внешней разведке методы проверки со стороны службы безопасности НТС вновь вступающих в эту организацию или вербуемых ею для конкретных подрывных целей, царящую там атмосферу подозрительности и боязнь проникновения в ее ряды агентов КГБ, мы уделили, как я указывал, особое внимание психологической подготовке наших основных агентов "X" и "Y".

Должен признать, что на тот период наша служба была еще слабо вооружена в психологическом отношении. За время моей краткой работы в Краснознаменном Институте перед отъездом в Польшу мы только начали разработку проблем прикладной оперативной психологии.

Тогда я безуспешно пытался найти хотя бы некоторые исследования в этой области в системе КГБ. Да их и не могло быть, так как такую исследовательскую работу можно было бы проводить, только ставя соответствующие эксперименты в процессе практической деятельности сотрудников внешней разведки, причем в основном за кордоном, то есть там, где решаются конкретные разведывательные задачи. Но таких попыток в 60-е годы наша служба даже не предпринимала. Не было аналогичных психологических разработок и в других гражданских вузах.

Тогда у меня возникла мысль: а не следует ли поискать психологические исследования, проводимые в других областях профессиональной деятельности, которые могут быть аналогичными в отдельных своих элементах, тогда эти исследования могли бы быть экстраполированы и на разведку. По крайней мере, до тех пор пока наши спецслужбы смогут начать такую исследовательскую работу в области прикладной психологии разведывательной службы.

Знакомясь с разработками в области прикладной спортивной психологии, я обнаружил много общего между спортивными соревнованиями, особенно на высшем уровне, и разведкой. Это общность нервного напряжения и переживаемых спортсменом эмоций с теми нервными и эмоциональными нагрузками, которые испытывает разведчик в повседневной работе, особенно при вербовочных операциях и конечно же во время всех видов ТФП.

Вот несколько примеров.

На ответственных соревнованиях от спортсмена требуется большая точность оценки ситуации, тонкость ощущений и восприятия обстановки, то же и в разведке, особенно в экстремальных ситуациях (например, при вербовке сотрудников или агентов других спецслужб или при прохождении проверок при внедрении в другие спецслужбы). Анализ спортивными психологами так называемых специализированных восприятий ("чувства мяча" у футболиста, "чувства воды" у пловца и т. д.) вполне правомерно применить и к разведке, где также возникают аналогичные специализированные восприятия ("чувство искренности" у беседующего с изучаемым человеком разведчика, "чувство опасности" или "чувство постоянного наблюдения" и т. д.).

Другое отмечаемое и исследованное спортивными психологами эмоциональное "состояние беспомощности" также может быть применено к разведке для характеристики аналогичных состояний разведчика или агента перед выполнением ответственных заданий. Например, типичный для спортсмена компонент этого состояния - опасение поражения, сомнение в успешном исходе соревнования. Здесь есть аналогия с противостоянием разведчика представителям спецслужб противника.

В большом спорте у спортсменов, идущих на ответственные соревнования, задействованы все без исключения психические функции, как и в разведке при выполнении разведчиком ответственных операций.

Эти примеры позволяют сделать вывод, что разработанные в спорте методы управления эмоциями перед и во время соревнований могут быть применимы и в разведке.

Данные психологических исследований указывают, что человек часто не замечает совершенно обыденных вещей. В оперативных играх же, когда от агента требуется максимальная осмотрительность, ему всегда нужно считаться с возможностью провала, он должен уметь видеть все, что может быть увиденным, все понять и запомнить. Тем более что записывать что-либо он не имеет права. Возможности же человеческого зрения, как известно, в сто раз превосходят то, что можно услышать.

В обычной жизни через зрительный канал мы получаем более 80 процентов информации о происходящем вокруг нас. Вот и необходимо учить агента видеть, наблюдать и понимать то, что наблюдается.

Как говорят психологи, нельзя рассматривать наблюдательность только как способность детально видеть предмет, явление, событие. Наблюдательность включает и умение проникать в сущность того, что видишь. Замечать характерное, особенное, связь различных сторон события с другими явлениями.

Вот почему, готовя агентов к встречам с главарями НТС, когда "X", а затем и "Y" выезжали на Запад по их приглашению, мы уделяли особое внимание ознакомлению наших агентов со специфическими сторонами деятельности и поведения энтээсовцев. Без знания этих особенностей, они могли не заметить, не увидеть опасные признаки недоверия к себе, оставить без внимания важные элементы информации.

Важным элементом психологической подготовки агентов к встречам с опытнейшими конспираторами, какими были вожди НТС, являлось настраивание их на "доброжелательный лад" по отношению к этой организации и ее целям, так, чтобы опытные разведчики и контрразведчики не могли почувствовать внутреннего негативного отношения к ним наших агентов. В общем, в этой работе по осуществлению оперативной игры с НТС для меня оказалось много интересного и полезного.

ОПЕРАЦИЯ "БУМЕРАНГ"

Другая возможность поучаствовать в разведывательной работе совместно с польскими коллегами представилась мне, когда польская контрразведка получила сигналы о попытках западных спецслужб использовать территорию Польши в своих разведывательных целях. Британская разведка проявила интерес к колонии украинцев, постоянно проживающих в Польской республике, и их возможностям часто посещать Советскую Украину. Этот сигнал поступил от польского агентаукраинца Вацека, к которому приехал из-за границы знакомый оуновец - член Организации украинских националистов (ОУН), назовем его "Гном". Последний

интересовался, имеются ли у Вацека знакомые на Украине, приезжает ли кто-либо из советских украинцев к нему в Польшу и как они настроены. Была явно видна целенаправленная заинтересованность "Гнома" и его вероятных хозяев.

Зная о том, что ОУН так же, как и НТС, прошла тот же путь сотрудничества во время войны с немецкими спецслужбами, затем с британской СИС, передавшей свою агентуру для дальнейшего использования в ЦРУ, мы договорились с польскими коллегами предпринять совместные оперативные мероприятия с целью противодействовать подрывной деятельности ЦРУ на польской и нашей территории. По моему предложению Центр согласился начать операцию, имеющую целью не только срыв планов ЦРУ по засылке своей агентуры на Украину, но и ТФП нашей агентуры в "центральный провод ОУН" - руководящий центр этой организации - и выявление конкретных разведывательных целей ЦРУ в использовании каналов ОУН.

Соответственно на Украине были подобраны надежные агенты "Пилот" и "Болек".

Главная роль в намечавшейся оперативной игре с ОУН, а через нее - с ЦРУ, предназначалась "Пилоту", который был выходцем из львовской украинской интеллигенции, врач по специальности, пользовался доверием местных львовских националистов, а через них и был известен в киевских кругах. Это доверие основывалось на его "националистических" корнях - его дядя в свое время входил в пресловутое украинское правительство, так называемое Украинское государственное правление, созданное Миколой Бандерой. Хотя сам он воздерживался от активного участия в националистической деятельности, ссылаясь на профессиональную занятость.

Поскольку "Гном" проявил интерес и даже предложил Вацеку поездку на Украину к его знакомым во Львове, польские коллеги поручили Вацеку познакомиться с известными польским органам националистами во Львове, назвав ему несколько фамилий, среди них и "Пилота", пока не раскрывая перед ним факта сотрудничества "Пилота" с органами КГБ. В свою очередь, "Пилот" во Львове был ориентирован о предстоявшем визите Вацека во Львов по просьбе оуновца "Гнома", и ему было поручено установить контакт с Вацеком с тем, чтобы через него выйти на "Гнома".

Дальнейшая игра развивалась, как мы и предполагали. "Пилот" познакомился с Вацеком, произвел на него нужное нам впечатление человека, ищущего связи на Западе. Вацек доложил "Гному" о результатах поездки на Украину и был вызван "Гномом" в Германию, где тот подробно расспросил его о положении во Львове и о его знакомых. Кандидатура "Пилота" сразу же заинтересовала руководство ОУН, и с Вацеком было договорено, что он постарается пригласить "Пилота" в Польшу, куда для встречи с ним прибудет "Гном", а может быть, и еще кто-нибудь, заметил "Гном". Из этого замечания следовало, что нельзя было исключать приезд кого-либо из "центрального провода ОУН", либо даже сотрудника ЦРУ.

При подготовке к предстоявшей встрече с "Пилотом" во Львове были разработаны возможные его предложения о "создании на Украине боевой группы ОУН" под его руководством. В качестве своего связника "Пилот" должен назвать агента "Болека" из Киева.

Однако, поскольку следовало ожидать тщательной проверки "Пилота", а затем и "Болека", наши агенты не должны были делать поспешных предложений, проявить определенные "сомнения" в надежности "польского контакта" в лице Вацека и так далее. Высказать пожелание связаться напрямую с ОУН.

Первая встреча "Пилота" с ответственным представителем ОУН, приехавшим в Польшу, проходила с участием "Гнома". В дальнейшем, как и ожидалось нами, "Пилот" был сам приглашен в Германию, поездка в которую была организована с помощью Вацека (то есть польских органов). Для обеспечения безопасности как нашего, так и польского агентов, для того чтобы уберечь от расшифровки в результате какой-либо несогласованности в действиях, "Пилот" был раскрыт перед Вацеком как наш агент, и в дальнейшем они тщательно отрабатывали линию своего поведения с эмиссарами ОУН с учетом, что те действовали по указаниям и поручению ЦРУ.

Умелые рекомендации Вацека оуновцам, опытность и хорошее знание среды украинских националистов во Львове и Киеве "Пилота" способствовали завоеванию ими полного доверия "центрального провода ОУН", а следовательно, и ЦРУ.

Свидетельством тому первые конкретные поручения "Пилоту" по созданию "боевой группы" на Украине, способной собирать нужную ОУН (то есть ЦРУ) разведывательную информацию о воинских подразделениях, ракетных установках и других подобных объектах разведывательной заинтересованности американцев.

Дальнейшее развитие этой операции агентурного ТФП в "центральный провод ОУН", а через него и в агентурную сеть ЦРУ привело к тому, что установилась надежно действовавшая линия связи якобы созданной "Пилотом" на Украине подпольной группы ОУН во главе с "Болеком".

"Пилот" произвел на руководство ОУН большое впечатление своими организаторскими способностями, "центральный провод" стал направлять ему инструкции и информационные материалы о деятельности ОУН, денежные и технические средства и чисто разведывательную аппаратуру (фото- и радиоаппаратуру, множительную технику). Началась настоящая "разведывательная" работа, по каналам которой пошел поток дезинформационных материалов, предназначавшихся органами КГБ для ЦРУ.

Меня радовало, что эта оперативная игра с ОУН удалась, а также тот факт, что я продолжал вести активную разведывательную деятельность против ЦРУ, которое я не без основания считал не только главным противником внешней разведки, но и моим личным. Я не мог смириться с провалом нелегала Абеля в 1957 году, хотя ЦРУ, не удалось выявить ни одного агента этой нелегальной резидентуры, руководитель которой был выдан американцам изменником Виком. Но все же на судебном процессе над Абелем фигурировала и моя фамилия, а в приговоре Абелю я назывался его соучастником.

Я был доволен, что в Польше нам совместно с польскими коллегами удалось начать водить ЦРУ за нос и игра эта успешно продолжалась не только все годы моей работы в Польше, а и

позже, более 15 лет. Это помогало выявлять и обезвреживать многих эмиссаров ОУН, забрасывавшихся на Украину с явно разведывательными целями, способствовало успешной нейтрализации деятельности буржуазных украинских националистов в самом ее зародыше.

Так удалась вторая успешная оперативная игра, благодаря агентурному проникновению в "центральный провод ОУН" опытного агента КГБ "Пилота". Его умелая деятельность, высокая бдительность и проницательность способствовали продвижению его в состав самого законспирированного руководящего органа ОУН - "центрального провода", где ему было поручено руководить всей нелегальной деятельностью ОУН по созданию нелегальных групп на Украине. В результате агент смог выявить конкретных американских разведчиков и агентов ЦРУ, руководивших этой организацией и направлявших ее разведывательную работу против СССР.

Важность этой игры определялась и тем, что наши контрразведывательные службы своевременно получали информацию о замыслах американской разведки и могли принимать соответственные меры по защите государственных секретов от ее посягательств.

Одновременно эта совместная игра способствовала укреплению нашего сотрудничества с польскими спецслужбами, они также получали сведения о разведывательных и подрывных замыслах ЦРУ против Польши. Информация, получаемая "Пилотом", давала представление о намерениях западных спецслужб по объединению деятельности украинских националистов с враждебными народному режиму в Польше польскими эмигрантскими организациями.

Подводя итоги этим двум оперативным играм, я лишний раз убедился в особой специфичности этих операций, когда участвующим в них разведчикам и агентам приходится не просто найти путь проникновения и выдержать проверку, как это бывает при ТФП в официальные объекты или учреждения, в том числе и в спецслужбы. Здесь недостаточно соблюсти все установленные процедуры и правила, отвечать твердо сформулированным требованиям.

Нет, в неформальные организации, преследующие какие-то политические цели, объединяющие единомышленников или даже политических авантюристов, какими, безусловно, были члены НТС и ОУН, четких правил для приема новых участников не бывает. Для этого, помимо всего прочего, требуется хорошо знать их внутренние нравы, их представление о своих сторонниках, не декларируемые, а конкретные доказательства готовности сотрудничать. В данном случае движущим стремлением членов НТС и ОУН была лютая ненависть к социализму, принадлежность к фашистским организациям, сотрудничество с нацистскими спецслужбами или, уже в послевоенное время, готовность служить любым западным хозяевам, которые хорошо вознаграждают за услуги.

"Пилот" преуспел в ТФП в ОУН благодаря имевшейся у него практике сотрудничества с нашими внутренними органами по выявлению и оперативной разработке украинских националистов. Он хорошо знал эти круги и уже сам давно играл роль буржуазного националиста, ему были хорошо известны приемы и методы проверки надежности кандидатов на сотрудничество.

Кроме того, высокая грамотность, интеллигентность и проницательность помогли ему в довольно короткое время преодолеть недоверчивость опытных агентов ЦРУ, занимавших руководящие позиции в "центральном проводе ОУН".

В процессе этих операций я часто представлял оперативную игру, как своеобразную шахматную операцию, в которой роль ферзя у противника играло ЦРУ. Обе партии получались действительно захватывающими. В процессе их я ясно представлял себе, какие чувства испытывали сотрудники британских спецслужб, когда они вели оперативные игры с нацистскими спецслужбами по системе "двух крестов" во время войны.

У читателя может возникнуть вопрос, не провоцировали ли эти оперативные игры у руководства НТС и ОУН стремления к дальнейшей активизации враждебной деятельности против нас?

Нет. Как раз наоборот. Важная информация от наших агентов, внедрившихся в НТС и ОУН, помогала нашим контрразведывательным органам успешно бороться не только с НТС и ОУН, но и с другими зарубежными подрывными организациями, использовавшими те же методы и руководимыми теми же западными спецслужбами.

У НТС и ОУН создавалось ложное впечатление о наличии у них в России и на Украине подпольных организаций. В этом же они убеждали своих хозяев в ЦРУ. Это снимало необходимость искать новые возможности на нашей территории, то есть наши игры препятствовали расширению враждебной деятельности этих двух антисоветских организаций. В этом плане операция ТФП в ОУН, получившая кодовое название "Бумеранг", принесла результаты, аналогичные тем, что преследовала операция "Трест", проводившаяся в первые годы советской власти под руководством Ф. Э. Дзержинского с задачей сдерживания террористической деятельности зарубежных белогвардейских организаций. Она помогла задержать более 20 зарубежных эмиссаров ОУН, проникших на территорию СССР.

Две приведенные оперативные игры носят характер комплексных, направленных как на выяснение разведывательных и подрывных планов противника, так и на активное противодействие им.

Значительно чаще спецслужбы проводят более ограниченные игры, преследующие какие-то локальные конкретные цели и, как правило, для осуществления той или иной дезинформационной цели.

Вот одна из сравнительно недавних оперативных игр, проводившаяся санкт-петербургской контрразведкой против американских разведчиков, действовавших под "крышей" своего генерального консульства в Петербурге.

Инженер одного из закрытых научно-исследовательских институтов решился на установление преступной связи с американской разведкой. При попытке переслать свое инициативное предложение он был засечен контрразведкой, чистосердечно признался в своих

намерениях и, коль скоро ЦРУ положительно среагировало на его предложение, согласился помочь контрразведке в выявлении, чем эта разведка будет интересоваться и кто из разведчиков будет поддерживать с ним связь.

Началась игра, продолжавшаяся несколько лет, в течение которых американским разведчикам передавалась дезинформация, а их оперативная деятельность находилась под контролем (Краюхин С. Российский инженер водил ЦРУ за нос. Известия. 1995, 22 июня).

Чтобы закончить разговор об оперативных играх, приведу совсем свежий пример из практики зарубежных спецслужб.

В начале 1997 года в Ираке по телевидению демонстрировался 24-серийный фильм, рассказывавший об успешной оперативной игре иранских спецслужб с целью дезинформации израильской разведки "Моссад". Игра продолжалась с 1980-х по 1990-е годы. Суть ее сводилась к подставе разведке "Моссад" египетского агента - специалиста оборонной промышленности, направленного с этой целью "на стажировку" в Париж, где его и "завербовали" израильские разведчики, подослав к нему своего агента-женщину.

В результате иракская контрразведка начала игру с "Моссад", снабжая эту службу ложной информацией об оборонной промышленности Ирака.

Вся эта история убеждает зрителей, что все действующие в Ираке шпионские сети находятся "под колпаком" местных контрразведчиков (Бабкин С. Человек тени. Новости разведки и контрразведки. 1997, N 7).

Прежде чем перейти к рассказу о других видах операций ТФП, которые с моим участием проводились в Польше, хочу остановить внимание читателя на тех операциях из области агентурного ТФП, с которыми мне довелось вплотную соприкасаться в своей прошлой деятельности в различных частях света. Опишу только наиболее характерные и, на мой взгляд, интересные разведывательные операции, проводившиеся как с легальных, так и нелегальных позиций.

ОПЕРАЦИЯ "ТЕРРА ИНКОГНИТА"

В начале 50-х годов внешняя разведка отмечала усиление по всем возможным и невозможным направлениям подрывной деятельности спецслужб западных держав против нашего государства. В нашу страну засылалась всевозможная ультрасовременная электронная аппаратура, с помощью которой иностранные разведчики и агенты стремились прослушивать засекреченные линии коммуникаций, похищать наши государственные секреты.

К тому времени, в силу определенного отставания в области электроники, КГБ и, естественно, его внешняя разведка еще не имели достаточного опыта в борьбе с попытками противника вклиниваться в наши линии связи и предотвращать перехват передаваемой по ним информации. В то же время внешней разведке удавалось получать самые строго охраняемые западными спецслужбами сведения о таких операциях противника. Примеры этому

- деятельность агента Прайма, внедренного внешней разведкой в британский "главный штаб связи", работа агента Пелтона из американского АНБ, агентов группы Уокера и других. Наиболее нашумевшим в мире делом было вскрытие разведчиком Джорджем Блейком, работавшим до 1961 года в британской разведке МИ-6, так называемого "Берлинского тоннеля". Об этой операции ТФП расскажу подробнее, а пока небольшое отступление.

Уважаемый мною разведчик Блейк, описывая свою жизнь и деятельность в разведке (Блейк Д. Иного выбора нет. М., 1991), высказывает свое мнение о том, что участие в перманентном обмане окружающих, на который обречен каждый разведчик, является хотя и неизбежным, но злом, так же, как и само существование спецслужб.

Но так ли это на самом деле? Является ли разведчик и его деятельность на данном этапе исторического развития человеческого общества злом, хотя и неизбежным? Ведь так рассуждая, мы вынуждены будем считать злом многие сферы человеческой деятельности.

Участвуя в производстве смертоносного оружия, сотни тысяч людей способствуют убийству других людей, то есть, по сути дела, также творят зло. Не говоря уже о миллионах солдат, обучающихся наиболее эффективному убийству других солдат.

Пограничники, охраняющие пределы своего государства, не колеблясь стреляют в нарушителя границы, то есть тоже совершают зло.

А что делает лазутчик во время войны? Он принимает максимальные меры к тому, чтобы обмануть противника и узнать его секреты с тем, чтобы спасти жизни солдат его армии. Но ведь это "безнравственный обман"!

А на какие обманы и безнравственные в обычном смысле действия идут целые государства, стремясь достичь своих целей во взаимоотношениях с другими государствами.

Посмотрите, как поступало в 1994 году самое мощное и богатое в мире государство - Соединенные Штаты - с небольшим островом Кубой, население которого хочет жить по своим собственным законам, а не по шаблону, навязываемому ему американцами. Под гнетом тяжелейшей блокады, которую никак нельзя назвать иначе, как действительно безнравственной, сотни тысяч кубинских беженцев искали спасения на территории США.

И что же? Их встречали пограничные катера и суда военно-морского флота США отнюдь не для спасения гибнущих на утлых суденышках и плотах людей, а чтобы не допустить воспользоваться благами этой богатой страны, "изнывающей" от изобилия продуктов и товаров. Бороться с такими глубоко безнравственными явлениями, в том числе и средствами разведки, разве это можно считать хоть в малейшей мере безнравственным, хотя вести разведку без обмана невозможно.

А ведь США, ратуя громогласно и повсюду за права человека, одновременно требуют от других народов отказаться от их образа жизни и следовать американскому. А если нет - берегитесь. Тут и блокада, и насилие, подобное совершенному американцами над островом

Гренада. Разве это зло лучше той "безнравственности", которую совершает разведчик во имя устранения несправедливости в мире и устранения угрозы всеобщего уничтожения?

Нет, пока существуют государства, с различным общественным устройством и образом жизни, все указанные "безнравственности" будут сохраняться, в том числе и разведывательные службы. И едва ли разведывательную профессию следует считать неизбежным злом. Более того, думаю, что как раз разведывательным службам суждено исчезнуть из этого мира в последнюю очередь, ибо они стоят на страже того, чтобы все договоренности и соглашения, в том числе и по устранению всех несправедливостей и их первопричин, неуклонно соблюдались всеми и везде.

Естественно, я имею в виду государственные разведывательные службы, действующие по цивилизированным законам и под строгим общественным контролем. Что касается политических убийств, устранения нежелательных лиц, применения антигуманных средств воздействия на людей (так называемое "управление умами" и применение психотропных веществ), то их можно считать только злом, причем никак не неизбежным, а подлежащим немедленному устранению из арсенала человеческих взаимоотношений.

Так что, уважаемый Джордж Блейк, не стоит корить себя за выполненный вами высокий, истинно человеческий долг. Кстати, выполнение которого было направлено на разоблачение грубого обмана в общечеловеческом масштабе. Разве не вы вскрывали чудовищный обман британских спецслужб, когда разоблачали более 400 агентов-диверсантов, забрасывавшихся в эти страны социалистического содружества британской разведкой? Не вы ли вскрыли вопиющее нарушение международного права и суверенитета другого государства английской и американской спецслужбами, когда они совершили подкоп в Западном Берлине и вторглись на территорию ГДР?

О том, как была осуществлена эта подземная операция ТФП западными службами, и намерен я рассказать. Вернее сказать, как она была блестяще сорвана внешней разведкой с помощью Д. Блейка.

"БЕРЛИНСКИЙ ТОННЕЛЬ"

Из английской истории у меня сохранился в памяти эпизод о так называемом "Пороховом заговоре" 1604 года. Тогда пятеро заговорщиков задумали взорвать английский парламент во время открытия его очередной сессии, на которой должен был присутствовать ненавистный им король.

Заговорщики сняли дом по соседству с Вестминстером, как раз в той его части, где должно было состояться открытие сессии парламента. Из этого дома был прорыт тоннель в подвал Вестминстера. Туда было заложено большое количество бочек с порохом, взрыв которых неизбежно похоронил бы под обломками здания парламента английского короля и многих его сторонников. Однако, благодаря действиям полиции, заговор был раскрыт и взрыва не состоялось. Эта неудавшаяся попытка ТФП под землей и получила название "Порохового заговора".

В детские годы все увлекались похождениями героев Дюма, и среди них, конечно же, запомнился граф Монте-Кристо, который смог сбежать из неприступной крепости-тюрьмы благодаря прорытому другим пленником подкопу. Не раз слышали о бегстве заключенных из нацистских концентрационных лагерей, из различных тюрем таким же образом, по проложенным под землей тоннелям. И в сегодняшней жизни часто узнаем из криминальной хроники об ограблениях ювелирных магазинов и складов путем подкопа.

Этот метод проникновения оказался не чужд и разведывательным службам.

Первой такой операцией подземного ТФП явилась блестящая операция, получившая широчайшую известность в западных средствах массовой информации как "Берлинский тоннель", осуществленная совместно британской и американской спецслужбами в 1953-1956 годах.

Операцию эту я называю "блестящей", так как она была с огромным успехом использована внешней разведкой для нанесения встречного удара двум ее антиподам.

Так как об этой операции было написано много, остановлюсь на главном, а именно на роли разведчика Блейка, благодаря которому опаснейший замысел противника был превращен в нашу крупную победу.

Джордж Блейк, фактически только что начавший свою разведывательную деятельность в недрах британской разведывательной службы МИ-6, в 1953 году оказался свидетелем и в качестве ведущего протокол участником совещания ряда ответственных представителей СИС и ЦРУ, на котором обсуждался план дерзкой операции ТФП под землей из Западного Берлина на территорию Восточного Берлина с целью перехвата и прослушивания закрытых советских и восточногерманских линий связи, проходящих по трем телефонным кабелям, связывавшим Москву и Берлин.

Тоннель протяженностью более 150 метров должен был начинаться в американском секторе Берлина, что и обусловило участие в этой операции ЦРУ. Кстати, на совещании в СИС присутствовали не только руководитель советского отдела ЦРУ Роулетт, но и резидент этой разведки в Берлине Билл Харви, о котором я уже несколько раз упоминал в этой книге.

После указанного совещания в СИС Блейк передал через советского разведчика-связника из резидентуры внешней разведки в Лондоне в московский Центр все материалы по операции "Берлинский тоннель", и они оказались на столе начальника внешней разведки еще до того, как Блейк передал отпечатанные им протоколы совещания своему шефу в СИС.

Таким образом, операция ТФП по подземным каналам с самого своего зарождения не оказалась тайной для внешней разведки и была обречена на поражение.

Но просто помешать ее осуществлению с нашей стороны было бы опасно для положения Блейка, поскольку в ЦРУ и в СИС о ней были осведомлены только несколько сотрудников и тень подозрений с неизбежностью пала бы и на Блейка.

Внешняя разведка распорядилась полученной информацией поистине блестяще. Было решено прекратить наиболее важные переговоры по намеченным к перехвату противником каналам связи, переключив их на другие линии связи. Однако часть менее серьезных секретных переговоров все же оставить и проводить по этим кабельным каналам, чтобы не породить подозрения у западных служб. Одновременно был намечен план широкомасштабной дезинформации по военным и политическим проблемам.

Итак, ситуация, которая, не будь Блейка, грозила серьезнейшим провалом, обернулась не менее, а скорее еще большим провалом сразу двух мощных наших противников - СИС и ЦРУ.

Эти службы в течение восьми лет трудились в поте лица, обрабатывая огромный поток перехватываемой ими информации. Сотни переводчиков с русского языка работали, специалисты высокой квалификации анализировали эти материалы, затрачивая многие десятки миллионов долларов. СИС и ЦРУ ни о чем не подозревали и тогда, когда в 1956 году наши службы решили прекратить действие "Берлинского тоннеля", инсценировав "случайное" обнаружение его связистами-ремонтниками.

В результате западные разведки продолжали верить всему, что они получили по этому перехвату, вплоть до ареста Блейка в 1961 году, то есть еще пять последующих лет.

Американский публицист Д. Мартин писал, что внешняя разведка не спешила с ликвидацией "Берлинского тоннеля", давая возможность СИС и ЦРУ затрачивать усилия и деньги на перехват и обработку передававшейся русскими информации, не имеющей никакой практической ценности (Мартин Д. Зеркальный лабиринт. Нью-Йорк, Балламтай Вукс, 1981).

Что касается последнего утверждения, то Мартин глубоко ошибался. Для внешней разведки этот "поток информации" имел значительную "практическую ценность" для дезинформирования Запада о планах и деятельности советских учреждений в ГДР, намерений в отношении Западного Берлина и по другим германским проблемам.

Таким образом, почти восемь лет "Берлинский тоннель" был источником дезинформации. Эта операция достаточно ярко характеризует эффективность разведывательной деятельности "крота" внешней разведки внутри СИС.

Но Блейк, командированный СИС для работы в берлинской резидентуре этой разведки в 1955 году, внес еще один весьма ценный вклад в борьбу с активно действовавшей в Берлине британской разведслужбой.

Резидентура СИС в Западном Берлине, насчитывавшая в то время около ста сотрудников, главной задачей имела вербовку агентов из числа советских граждан, работавших в ГДР.

Учитывая это, внешняя разведка предприняла операцию по созданию через Блейка канала дезинформации британской спецслужбы в области экономики. С этой целью с ведома Блейка ему был подставлен опытный агент "Борис", специалист из экономического аппарата, работавший в ГДР. Блейк завербовал "Бориса" как ценного источника, видного чиновника СЭВ

и стал в резидентуре "единственным британским разведчиком в Берлине, добившимся такого выдающегося результата". Эта операция внешней разведки, получившая кодовое название "Борис", проводившаяся на самом высоком профессиональном уровне, позволила снабжать Запад, в дополнение к военной и политической дезинформации, шедшей по каналу "Берлинского тоннеля", также и экономической целенаправленной дезинформацией. Через "Бориса" Запад дезинформировался об экономических планах и намерениях СЭВ в отношении внутренней и внешней экономической политики стран социалистического содружества. Поступавшую по этому каналу информацию весьма высоко оценивали как в Лондоне, так и в Вашингтоне. Все это поднимало и личный авторитет Блейка.

Как отметил английский писатель Ф. Найтли, хорошо известный в Англии как специалист по вопросам разведки, обе эти операции, осуществленные внешней разведкой с участием Блейка, были таковы, что любая из них была способна подтвердить высказанные на суде в его адрес слова о том, что он "во многом свел на нет усилия британской разведки в послевоенный период... Ибо они позволили КГБ навязать западной разведке желательный для него образ мышления и оставались нераскрытыми так долго, что дезинформация, предоставленная западным агентствам, просто вылилась в повседневную работу разведки, извращая ее и делая бесполезной" (Санди Таймс. 1990, август).

Для убедительности этого утверждения скажу, что наш разведчик за менее чем восемь лет активной работы во внешней разведке передал ей сведения на более чем 400 британских агентов в СССР и других социалистических странах. Ведь когда действовал этот уникальный разведчик в СИС, мир стоял на грани войны. Запад бросал против Советского Союза все силы своих тайных служб и их агентуры, а Блейк делал все, чтобы эти западные тайны становились для нас явными, разрушая враждебные замыслы противника.

Резидентуры СИС вербовали граждан стран бывшего социалистического сотрудничества, а Блейк немедленно сообщал об этих людях еще до того, как они становились активными британскими агентами. Это позволяло внешней разведке принимать меры к нейтрализации их возможной подрывной деятельности. Сообщал он и о тех матерых британских разведчиках и агентах, которых СИС нелегально забрасывала за "железный занавес".

Теперь, читатель, представь себе, как в условиях жесткого контроля и конспирации, царивших в британской разведке, должен был хладнокровно и безошибочно действовать Блейк, чтобы из месяца в месяц, в течение всех восьми лет знакомиться с секретными материалами не менее чем на 10-20 агентов ежемесячно, секретно их фотографировать, таясь от возможных свидетелей, и затем передавать нашему связнику, встречался с которым под постоянной угрозой возможного наблюдения контрразведки.

Ведь это адская нервная перегрузка, помимо того, что разведчик должен был исполнять, и вполне успешно, свои "основные обязанности" в СИС.

Думаю, что сказанного вполне достаточно, чтобы охарактеризовать способности и высокий профессионализм Блейка.

О целостности и убежденности личности Блейка, его сильной воле говорит и поведение его при допросах в СИС после ареста, когда он предпочел осуждение на долгое тюремное заключение отказу от своих принципов. И конечно же его необыкновенное бегство из британской темницы, где он, вместо 42 лет по приговору, отсидел всего шесть лет.

Не могу удержаться от упоминания о том, в каком деликатном и позорном положении оказались СИС и ЦРУ, когда в 1961 году для всего мира стало ясно, что их так долго водила за нос наша внешняя разведка. Ведь в 1953 году, когда СИС и ЦРУ задействовали "Берлинский тоннель", они тайно радовались и хвалили друг друга за крупный разведывательный успех. А что творилось в западной прессе, когда в 1956 году после "обнаружения" тоннеля самому факту осуществления такой "выдающейся" операции ТФП на территорию другого суверенного государства было придано значение "небывалого в истории разведок" успеха Запада и поражения Востока.

И вот ошеломляющий крах! Оказывается, музыку-то заказывала внешняя разведка, а СИС и ЦРУ послушно плясали под нее.

ОПЕРАЦИЯ ТФП В ЦАРСТВО ПОСЕЙДОНА

Операция ТФП "Берлинский тоннель" имела аналог - другую операцию ЦРУ, но уже не на суше, а в морской глубине. В 1980 году агент внешней разведки, бывший сотрудник американской специальной службы АНБ Рональд Уильям Пелтон сообщил об организованном американцами перехвате советского канала связи по кабелю, проложенному по дну Охотского моря. Тогда ЦРУ долго гадало о том, как спецслужбам Советского Союза удалось обнаружить эту их сверхсекретную операцию ТФП. На этот раз нам также помог агент, хотя для конспирации источника этой информации успех обнаружения взяли на себя наши контрразведывательные службы, гласно объявившие о "наглом провокационном акте американцев".

Вот и подумаем, что если бы у внешней разведки не было ни Блейка, ни Пелтона, какие бы стратегические и иные секреты государства узнали на Западе. Эти два примера показывают значение операции ТФП для обеспечения государственной безопасности.

ОПЕРАЦИЯ "УТОПЛЕННЫЙ ТОННЕЛЬ"

Оказывается, подземные операции ТФП использовались и для подхода к секретам дипломатических представительств со стороны наших контрразведывательных органов и некоторыми другими спецслужбами. С тремя такими примерами мне удалось ознакомиться только по печатным изданиям, попавшимся мне в 1994 году. Начну с такой же "подводной" операции.

Руководство израильской разведки, очевидно, решило не отставать от моды на гласность и довело до широкой общественности ряд эпизодов из жизни своей спецслужбы (Деннис А., Дан У., Ландау Э. Моссад. М., 1993).

Один из рассказанных авторами эпизодов поразил меня: это было первое сообщение о неудавшейся попытке ТФП якобы со стороны КГБ во вновь отстроенное посольство Израиля в Москве путем прокладки подземного тоннеля, дававшего свободный доступ в посольство.

Такая попытка имела место, по версии авторов, в начале 60-х годов, когда израильтяне обнаружили под их новым посольством тоннель, прорытый с территории невдалеке расположенной усадьбы КГБ. Тоннель был достаточно широк для обеспечения ТФП в посольство, а также для эффективного электронного наблюдения за деятельностью внутри посольства.

В данном случае обнаружение произошло якобы совершенно случайно в первые же дни вселения израильских дипломатов в новое здание. Так что операция ТФП сорвалась, еще не начавшись. Однако, учитывая наш собственный опыт в случае с инсценировкой обнаружения "Берлинского тоннеля", а также зашифровкой источника Пелтона в другом случае, я допускаю возможность получения израильской разведкой информации и из органов КГБ.

Как утверждает израильская разведка, КГБ для скрытия факта подкопа затопила тоннель. В результате израильское посольство также оказалось подтопленным и вызванные послом "пожарники" сумели заблокировать подкоп. Как видите, и эта операция бесславно завершилась "под водой".

Однако огласка израильскими дипломатами этой неудавшейся операции ТФП среди московского дипкорпуса закрыла этот путь возможного доступа в иностранные объекты. По крайней мере, на какое-то время, пока этот эпизод не забудется.

ОПЕРАЦИИ ТФП ИЗ СЕРИИ СКАЗОК ШЕХЕРЕЗАДЫ

Бывший сотрудник 8-го Главного управления КГБ, изменник В. Шеймов, в своем опусе, выпущенном не без содействия американской спецслужбы (Шеймов В. Башня секретов. Нью-Йорк, 1993), рассказывает о двух примерах операции ТФП в иностранные дипломатические посольства в Пекине, ставшие ему известными во время служебной командировки в Китай. Не могу ручаться за достоверность его сообщения, но коль скоро речь идет о событиях, отвечающих теме моих воспоминаний, счел полезным привести и эти "китайские истории".

В первой из них речь идет об успешной операции ТФП китайских спецслужб в посольство ГДР в Пекине. В этой операции китайцам удалось незаметно проложить не только тоннель, но и мастерски сделать выход из него в подвал посольства, а оттуда и в кабинет посла.

Прорыв тоннель под фундаментом здания посольства, они пробили вход в подвал. Все было сделано так искусно, что, когда крышка входа в тоннель находилась на месте, она была совершенно незаметна.

Когда нужно было проникнуть в посольство, китайцы просто поднимали бетонную крышку при помощи гидравлического подъемника, управляемого из тоннеля. Затем таким же образом по ночам был проделан вход на первый этаж.

Опять же крышка входа из подвала была совершенно незаметна, как при осмотре из подвала, так и на паркетном полу первого этажа, где ее края были тщательно подогнаны под рисунок паркета. Так китайцы попадали в кабинет посла, который, однако, был полностью изолирован от остальных частей посольства, и они не могли получить доступ в другие части посольского здания, о чем китайцы знали заранее и довольствовались тем, что могли найти у посла. Здесь они собирали все использованные черновики и черпали из них информацию.

Когда посольство обнаружило подкоп, оно не стало поднимать шума и даже не сочло нужным проинформировать своих коллег-дипломатов из других стран соцсодружества.

Тот же автор не без саморекламы расписывает, как он сумел раскрыть систему акустических каналов, построенных китайцами из советского посольства с целью подслушивания разговоров советских дипломатов.

Оба эти примера свидетельствуют о том, что операции ТФП активно проводятся иностранными спецслужбами против дипломатических представительств на территориях бывших социалистических стран, в том числе и против наших посольств.

Мне не удалось найти другой информации о проводимых западными спецслужбами подземных операциях ТФП. Но приведенные сообщения, очевидно, имеют под собой реальную основу. Возникает вопрос: имеются ли перспективы у этого вида операций? Думаю, что да. И в этом плане хочу прокомментировать недавно попавшуюся мне газетную заметку о производстве техники для прокладки тоннелей для нужд связи. В японской прессе появилось сообщение о новом землеройном аппарате для прокладки тоннелей (Фукомото Т. Тоннель под прямым углом. Никкей Уикли Токио. 1994, июнь). Особенностью этого аппарата является способность прокладывать тоннели на большие расстояния по изгибающейся трассе без строительства вертикальных выходов на поверхность в пунктах поворота трассы для перенаправления аппарата. Инженеры давно мечтали о таком проходном щите, который может поворачиваться сам на 90 градусов и прокладывать тоннели под плотно застроенными городскими поверхностями. Теперь труд прокладки тоннелей на большой глубине практически и в любых рельефных условиях будет упрощаться.

Думаю, что это изобретение открывает новые возможности для подземных операций ТФП, тем более что многие наиболее желанные для разведки объекты все сильнее укрепляются и ограждаются на уровне земной поверхности и выше. Может статься, что придется в поисках путей ТФП чаще заглядывать и под газоны.

Правда, остается еще путь по воздуху, но пока такого рода "воздушных операций" с целью ТФП, кажется, еще не было. Но один сигнал как-то проскочил в американской прессе, сообщавшей мельком о проникновении с воздуха агента ФБР в помещение советского посольства с целью закладки там микрофона подслушивания, но никаких других подробностей не сообщалось.

В заключение о "подземных" ТФП можно отметить их общий недостаток: после раскрытия неизбежный след от подкопа свидетельствует о имевшем место проникновении к секретам, что

позволяет владельцам оных делать соответствующие выводы о том, что конкретно из хранившихся в их объекте секретов стало известно противной стороне. Правда, немым "следам" ТФП вопросов не задашь, что затрудняет анализ, тогда как при провале агента в большинстве случаев спецслужбам противника удается многое у него выведать. Как это случилось, например, с агентом Джонсоном в операции "Карфаген" или Паком из НАТО.

Оперативные игры "Наемники" и "Бумеранг" напомнили мне о другой игре, которую во время второй мировой войны проводил, правда, вынужденно Треппер против нацистских спецслужб. Об этом я впервые узнал из рассказа моего бывшего начальника по нелегальной разведке генерала Александра Короткова, имевшего непосредственное отношение к разведывательной организации, получившей на Западе название "Красная капелла". Затем, в 1966 и 1968 годах, в западногерманской прессе появились обширные статьи об этой организации (Ди Вельт. 1966, 17 октября; Дер Шпигель. 1968, N 21), в связи с расследованием, проведенным французским журналистом Жилем Перро и появлением его книги (Перро Ж. Красная капелла. Гамбург, 1968). Вскоре после прибытия в Польшу, где-то в конце 1973 года, польские коллеги обратились ко мне с просьбой выяснить в Москве, возражают ли еще наши спецслужбы против разрешения Трепперу выехать из Польши на Запад. Тогда я узнал, что после окончания войны Трепперу удалось вернуться в Советский Союз, где в "благодарность" за его самоотверженную разведывательную работу против нацистской Германии он был осужден бериевско-сталинским режимом "только" на 10 лет тюрьмы "по подозрению в предательстве". Этот незаурядный военный разведчик, история о подвигах которого обошла все спецслужбы Запада как поучительная, отсидел весь срок, после чего ему разрешили с семьей выехать в Польшу, которая была его родиной.

Но одновременно польские спецслужбы получили просьбу КГБ ни в коем случае не выпускать его на Запад.

С тех пор Треппер неоднократно обращался к польским властям за разрешением на поездку во Францию, где проживали все его родственники, в том числе и сыновья, однако получал отказ.

Польские коллеги пояснили, что на них постоянно оказывают давление сионистские круги, тем более что Треппер возглавляет еврейскую организацию в Варшаве.

Мне было любопытно познакомиться с этим легендарным разведчиком, и польские коллеги организовали мне встречу с ним. Не расшифровывая своего положения и принадлежности к КГБ, чтобы не вызывать у Треппера неприятных воспоминаний, я поинтересовался его планами на будущее, в том числе и о том, не собирается ли он изложить историю своей деятельности в качестве военного разведчика. Он откровенно сказал, что хотел бы закончить свою жизнь в кругу своих родных, а что касается мемуаров, то все будет зависеть от здоровья. Ведь ему уже 70 лет, добавил он, хотя чувствует себя, несмотря на все испытания, еще достаточно хорошо, а память его прочно хранит все события. Но, поспешил он заверить, не собирается что-либо выдумывать и тем более чернить свою вторую родину - Советский Союз, которому так долго и верно служил.

Расставаясь с Леопольдом Треппером, я обещал сделать все возможное, чтобы ему разрешили выехать к семье.

Направляя запрос польских коллег, я высказал мнение, что дальнейшее задержание Треппера не имеет смысла, тем более то, что он знает о военной разведке, относится к далекому прошлому. Кроме того, по имевшимся у меня сведениям, добавил я, он не собирается писать что-либо негативное о нашей стране.

Вскоре пришел положительный ответ о том, что ГРУ не имеет возражений, и я был рад сообщить об этом полякам.

Через год на моем столе лежала книга Треппера о его "Большой игре" с нацистами, изданная в Париже. Когда же я вернулся домой, то вновь имел возможность, теперь уже в русском переводе, в спокойной обстановке, находясь в отставке, перечитать его изумительную, полную напряженных моментов историю состязания с немецкими спецслужбами в том, кто кого перехитрит.

Суть "Большой игры" сводилась к тому, что, оказавшись из-за предательства одного из своих радистов-шифровальщиков в руках гестапо, Треппер воспользовался заинтересованностью нацистских главарей в проведении оперативной игры с советским военным руководством через ГРУ, дал согласие на сотрудничество с ними. Одновременно использовав нераскрытый немцами канал его связи с руководством в Москве, он известил, что произошел провал всей его организации и он будет работать в дальнейшем под контролем немцев. Однако в Москве этот сигнал не был зафиксирован, и в этом трагедия "Кенти".

Так в 1943 году началась двойная оперативная игра: немцев с ГРУ, а ГРУ - с немцами.

Можно представить, по какому тонкому льду все это время ходил разведчик, водя за нос опытнейших контрразведчиков, пока ему удалось, добившись доверия, организовать свой побег.

Полагаю, что жизнь Трепперу уже в Союзе спасло то, что он, хотя и дал согласие на сотрудничество с немцами, затем сумел в значительной мере искупить часть вины, в том числе выявил и настоящего изменника. Плюс он завербовал гестаповца, который вел его допрос. А за остающуюся часть - получил 10 лет тюрьмы, хотя я лично считаю это бесчеловечным бериевским произволом.

Ведь Треппер, судя по его книге, долгие годы, являясь агентом ГРУ, успешно выполнял разведывательные задания, выезжая нелегально в Европу. С 1938 года, действуя из Бельгии, приступил к организации обширной разведывательной сети. К началу второй мировой войны он уже располагал хорошо организованной разведывательной группой и многими агентами - источниками информации о военных действиях германских войск в Европе, затем о подготовке к войне против нашей страны. С началом Великой Отечественной войны от него пошел поток важной военной информации. Провал произошел в конце 1942 года, как я уже упоминал, в результате измены одного из его сотрудников.

Ведя острейшую игру с нацистской спецслужбой, Треппер смог спасти ряд своих сотрудников и уберечь от провала отдельных агентов.

Благодаря находчивости, богатому личному опыту "Большого босса", как прозвали Треппера немцы, ему удалось перевести неизбежное поражение в успешную оперативную дезинформацию немцев, завершившую поистине героическую страницу деятельности советской военной разведки во время второй мировой войны.

В Польше Треппер еще раз напомнил о себе, когда я совершал одну из ознакомительных поездок по стране. Мне тогда довелось проезжать городок Новый Тарг, на юге страны. Я вспомнил, что как раз в этом районе родился Леопольд Треппер в 1904 году в семье мелкого торговца, насчитывавшей десять детей.

Оставшись в 12-летнем возрасте без отца, он был чернорабочим, год проучился в университете, в Польше времен Пилсудского стал безработным. Он сидел в тюрьме, боролся в Палестине против британского колониализма, участие в революционной борьбе во Франции.

Уже крепко обтертым бойцом вступал он на путь разведывательной деятельности, сбежав из Франции в Советский Союз, где ему помогли завершить высшее образование и подготовили к ответственному заданию, которое он выполнил по любым, даже самым жестким меркам отлично.

ГЛАВА X. ПЕРВЫЕ ПОЛЬСКИЕ "ЗАГАДКИ"

Жизнь - не те дни, что прошли, а те, что запомнились.

П. Павленко

Прежде чем выехать в Польшу, я, естественно, ознакомился с нашей оценкой обстановки в этой стране и вокруг нее, с отношением в капиталистическом мире к польским проблемам. Как мне представилось, в области внешней политики наиважнейшей оставалась "немецкая" проблема, которая за все послевоенное время не переставала беспокоить польское общественное мнение, считавшее, что сохранялись в потенциале немецкие притязания на ту часть польского государства, которая как часть издревле польских земель вернулась к Польше. Кроме того, и, пожалуй, еще острее воспринимались реваншистские настроения в ФРГ в связи с болезненными воспоминаниями о гитлеровской оккупации и жестокостях, творившихся фашистами над польским народом. В этом плане можно было быть уверенным и рассчитывать на то, что поляки никогда не примут выдвигавшиеся западногерманскими историками домыслы о "виновности" Советского Союза в развязывании второй мировой войны. О том, что якобы Сталин хладнокровно толкал германское государство к войне и поэтому несет за нее ответственность. Ведь каждому поляку было хорошо известно, что новая, народно-демократическая Польша получила западные земли и собственный выход к морю как раз только благодаря решительной настойчивости Сталина, вопреки сопротивлению Черчилля.

Но реваншизм в ФРГ не только питался настроениями немецких переселенцев с польских западных земель, но и активно поддерживался правительственными кругами, агрессивные притязания на территории Восточной Европы и, в первую очередь, Польши оказались в центре западногерманской государственной политики. Консервативные круги ФРГ превращали это государство в бастион сил реакции на Европейском континенте.

Для Польши растущие силы реваншизма в ФРГ, поддерживаемые правительством в Бонне, являли реальную угрозу. Поляки понимали, что надежным гарантом безопасности для их страны был Советский Союз.

Только заключение соглашения с ФРГ в декабре 1970 года, закреплявшее западные границы Польши как нерушимые, сняло в известной мере остроту проблемы. К моменту моего прибытия в Польшу шла завершающая работа по созыву Хельсинкского совещания по вопросам безопасности в Европе, состоявшегося в июне 1973 г. Завершение этого форума произошло во время моей деятельности в Польше, в 1975 году, подписанием Хельсинкского соглашения по ОБСЕ, закрепившего существующие границы в Европе и соответственно западные границы Польши.

Однако сказать, что это окончательно устранило "немецкий" вопрос из числа актуальных проблем для поляков, не могу, так как польско-немецкие отношения были далеки от безоблачных из-за продолжавшихся антипольских реваншистских выступлений в ФРГ, да и не особо доброжелательного отношения в целом немцев не только в ФРГ, но даже и в ГДР к полякам.

До конца 80-х годов наличие немецкого социалистического государства, входившего в оборонительный союз ОВД, было в какой-то мере гарантией безопасности западных польских границ. Образование мощной объединенной Германии, какие бы гарантии НАТО ни обещало Польше, у большинства поляков неизбежно должно возродить недоверие и настороженность по отношению к ней.

Несмотря на происшедшие в мире изменения, то поколение поляков, которое пережило немецкую оккупацию, острее всего помнит об извечной угрозе со стороны Германии, как бы извратители истории ни пытались изменить ее. Уместно вспомнить, что Польшу привело к поражению ее прозападное довоенное правительство. А ведь и тогда были клятвенные гарантии Англии и Франции.

Я пишу настоящие воспоминания, когда ситуация кардинально изменилась, а касаются они совершенно иных политических условий, но я не могу не рассматривать былое с позиций сегодняшнего дня. Особенно в части своих оценок, давая их с учетом новых обстоятельств, как внутренних, так и международных.

Так, наши совместные с польскими коллегами разведывательные мероприятия имели четко выраженную антиамериканскую направленность, это объяснялось тем простым фактом, что в то время именно США - а для нас, разведчиков, ЦРУ - были главным противником. Да и

практически вся моя деятельность во внешней разведке прежде всего имела эту направленность.

Сейчас, когда "конфликт целей" США и нашей страны исчезает и провозглашаются цели общечеловеческие, партнерство в общеполитическом отношении, у многих людей меняется представление о "холодной войне", часто искажаются мотивы и цели деятельности разведок.

Тем важнее рассматривать приводимые мною примеры с позиций не сегодняшнего дня, а в ракурсе тех конкретных ситуаций в мире, которые существовали в период наибольшей напряженности и остроты "конфликта целей".

Я знал, что гораздо труднее увидеть проблему, чем найти ее решение. Ведь для первого требуется воображение, а для второго только умение. Вот и искал я те практические проблемы, и в этом "поиске возможностей" мне пригодился личный разведывательный опыт.

Во время руководства резидентурой внешней разведки в Австрии мне довелось, как видно из предыдущих глав, проводить интересные, исключительно сложные разведывательные операции по проникновению в объекты, представлявшие информационный интерес для нашей службы. Такими объектами, естественно, прежде всего были учреждения так называемого главного противника, а также иностранные дипломатические представительства.

Работа резидентуры в этой области и положительные ее результаты очень пригодились в новых, более благоприятных условиях. Ведь в Австрии мы готовили необходимые условия и осуществляли ТФП в сложных условиях возможного наблюдения за нами не только со стороны местной госполиции, но и ЦРУ и БНД.

В Польше же не только не было такой угрозы, а, наоборот, наши совместные с польскими коллегами операции поддерживались силами правопорядка и контрразведки, а сами поляки имели все возможности "править бал" в области создания необходимой обстановки вокруг объектов проникновения.

Мы и наши польские коллеги отдавали себе отчет в том, что сотрудничество и, особенно, взаимодействие наших служб по конкретным оперативным делам, создавая явные преимущества, в то же время имели и ряд серьезных подводных камней, на которые, если их не учитывать, могли наскочить наши самые надежные операции.

Так, во многих случаях объединение наших агентурных и других оперативных средств позволяло решать самые сложные контрразведывательные и разведывательные задачи.

Но если в контрразведке соприкосновение наших агентов и неизбежная взаиморасшифровка не влекли опасных последствий, то в разведке это грозило серьезными провалами. Вот почему установленный по обоюдному согласию наших служб принцип не допускать раскрытия конкретных агентурных возможностей строго соблюдался. Только в отдельных случаях, при наличии особой заинтересованности и возможностей получения сверхважных разведывательных результатов, по инициативе службы, располагающей

соответствующим агентом, такая расшифровка допускалась. Так было в приведенных примерах с агентами Беллом и Харпером.

В том, что этот принцип был необходим и должен строго соблюдаться, мы имели возможность убедиться на примере измены польского сотрудника Голеневского, повлекшей провал нашей нелегальной резидентуры в Англии, приведенный в операции "Портлендское дело".

Итак, какие же трудности придется преодолевать при проведении операций ТФП в условиях Польши? Любой объект проникновения, будь то дипломатические вализы или специальные хранилища секретных материалов и информации, таких, как шифры, шифровальные машины, совершенно секретные доклады и отчеты о деятельности иностранных представительств, спецслужб, архивы и текущие материалы специальных органов, всегда защищены сейфами со сложными устройствами, замками и упаковками. Вокруг них создается зона бдительной охраны, устанавливаются различные системы сигнализации. Подступ к таким хранилищам либо круглосуточно охраняется вооруженной охраной или дежурными, либо входные двери в них изготовлены из неподдающихся физическому воздействию и разрушению материалов, на которых устанавливаются секретные запоры и замки, требующие знания и опыта их вскрытия.

Проникновение к таким материалам может осуществляться двумя путями: путем внедрения в такой объект агентов или вербовки агента из числа работающих на объекте сотрудников либо путем физического проникновения в такое хранилище специалистов, располагающих средствами и опытом преодоления охранных приспособлений. В отдельных случаях операций ТФП применяются и тот и другой путь, как, например, в описанной операции "Олимп", проводившейся в Австрии, или в операции "Карфаген", в которых ТФП решалось с помощью агентов и с участием специалистов Центра.

Таким образом, каждая такая операция требует тщательной подготовки, прежде всего всестороннего изучения обстановки вокруг объекта ТФП и внутри его.

В любом случае операция значительно облегчается при наличии агента, имеющего доступ на объект, но приобретение такого агента всегда проблематично и в лучшем случае требует очень длительного времени.

Итак, выбор объектов ТФП мог быть успешно осуществлен самими польскими разведчиками, которые консультировались с нами по поводу актуальности предполагаемой разведывательной информации. В том, что польские коллеги уже хорошо знают ряд объектов, я не сомневался.

Учитывая особый интерес поляков к информации по Западной Германии и помня свой далекий опыт ТФП в японские дипломатические вализы, я поинтересовался у них, что им известно о доставке дипломатической почты из ФРГ в их представительство в Варшаве и обратно. Они обещали собрать информацию в своей контрразведывательной службе.

При этом я имел в виду и то, что сразу ставить перед центром вопрос о совместном с польскими специалистами ТФП в какое-либо диппредставительство едва ли целесообразно. Центр, как я знал уже по австрийскому опыту, очень осторожно подходил к таким решениям.

Дело осложнялось тем, что подобные операции ТФП всегда содержат элемент неожиданности, возможной неудачи и даже провала, влекущие серьезные общеполитические или, по крайней мере, дипломатические последствия. Поэтому решение об участии в совместных операциях принималось только при наличии доверия к способностям партнеров, к их мерам по обеспечению безопасности, а также и доверия к автору соответствующего предложения, то есть ко мне как руководителю представительства КГБ в Варшаве. Что касается последнего, то сложностей не предвиделось. Решающее слово принадлежало начальнику 2-го Главного управления КГБ, хорошо знавшего меня по совместной работе. Чтобы проверить польских коллег, для начала требовалось подобрать наиболее легкий объект, каковым, как читатель увидит, и оказалась дипломатическая почта ФРГ.

Поскольку в разведке ни в каких операциях нельзя рассчитывать на совершенно безошибочные решения, без промахов и ошибок, приходится учитывать и самые неблагоприятные ситуации, при которых стечение обстоятельств может завершиться громким скандалом. Поэтому все подобные операции ТФП предпринимались нашими спецслужбами только с санкции высоких инстанций. Такую процедуру мы рекомендовали и польским коллегам. Если у нас, как правило, требовалось согласие председателя КГБ на оказание помощи сотрудничающей с нами спецслужбе, связанной с входом наших специалистов в иностранное учреждение, то у них это решал руководитель разведки или контрразведки. Это, естественно, повышало ответственность исполнителей, но и позволяло более оперативно решать все возникавшие по ходу операции вопросы и проблемы.

Хотя в нашей службе внешней разведки принцип доверия Центра к периферийным точкам, их руководителям-резидентам является, как правило, действующим на всех уровнях, подчас приходилось встречаться с проявлениями перестраховки со стороны отдельных руководителей Центра. Такие перестраховщики стремились заслониться вышестоящими подписями или такими оговорками, которые в случае срыва или неудачи операции вину за это полностью возлагали на исполнителей. Вот почему иногда приходилось лишний раз испрашивать согласия, хотя я был готов полностью отвечать за.

Наиболее явно элементы перестраховки проявлялись в различных инструкциях, авторы которых так просто формулируют текст, что, как говорится, намертво защищают себя от ответственности в случае неудач при их исполнении. Примерно так, как страхует себя гадалка-цыганка, добавляя время от времени "если": "если" будешь правильно действовать, "если" соблюдать осторожность и так далее. Естественно, такие "мудрые и осторожные" сотрудники в разведывательной службе долго не задерживаются, ибо в разведке основой основ является взаимное доверие как между совместно работающими разведчиками, так и вниз и вверх по иерархической лестнице подчиненности. Это наша своеобразная "парадигма", если позволительно применять здесь этот научный термин. Но если в науке парадигмы иногда становятся препятствием к дальнейшему научному развитию и смелому ученому приходится

ломать их, что считается естественным в смене гипотез и теорий, то в разведке парадигма доверия является незыблемой установкой, без которой разведка жить не может.

Другое дело - старые традиции, а также устаревающий опыт. Как высказался бывший сотрудник ЦРУ, ныне преподаватель Гарвардского университета, оценивая современное состояние ЦРУ, "старые традиции этой организации не хотят умирать, и привнести в эту службу стремление к новому будет трудно". Вот почему трудно ожидать, что ЦРУ так легко откажется от своего излюбленного метода - провокаций.

Но и традиции, как и опыт, бывают разные. Во внешней разведке замечательные традиции, установленные ее ветеранами, служить беззаветно защите Отечества живут и будут жить вечно. Богатый опыт прошлого также помогает новому поколению разведчиков преодолевать сложные препятствия, неизбежно возникающие на их пути становления профессионалами. Весь вопрос, как применять этот опыт. Если творчески, то он может только приносить пользу. Если же механически, шаблонно, то не могу не согласиться с одним из высказывании бывшего начальника внешней разведки Л. В. Шебаршина о том, что такой опыт, "как тяжелые доспехи, мешающие человеку двигаться". Однако истинно опытный разведчик учится даже на отрицательном опыте, и это оберегает его от многих неприятностей. Потому "тяжелыми доспехами" становится только то, что ошибочно принимается за положительный опыт, это ложный псевдоопыт, также, как устаревшие традиции могут тянуть только назад, мешая развитию разведывательного дела.

Считаю опыт, особенно лично пережитый, вновь обдуманный и глубоко осмысленный, великим достоянием разведчика. Когда передо мною встала задача организации ТФП в Польше, в моей памяти встали не только хорошо известные мне детали операции "Карфаген" во Франции, но, пожалуй, в первую очередь, операция "Олимп", которую я лично готовил и руководил ее осуществлением, все мысли, сомнения и, наконец, уверенность в успехе, рождавшиеся у меня в то время. Вот и получалось, что прошлый опыт не только не мешал двигаться, а, наоборот, подталкивал меня вперед.

ИСКУССТВО ИЛИ РЕМЕСЛО

В разведке в обычных условиях решает обычные задачи добывания информации, разведчики в большей или меньшей степени являются мастерами своего дела. Однако часто разведывательная деятельность приобретает характер скорее искусства, чем простого мастерства, а иногда требует от разведчика тех же качеств, что наука от ученого.

В наиболее сложных случаях решения задач ТФП эти две крайности разведывательной деятельности как бы соединяются. От мастера ТФП требуются научный, творческий подход и ученого и художника, способность решать внезапно возникающие неординарные задачи. И решать их быстро, в условиях острого недостатка времени и инструментов, иначе грозит реальная перспектива провала всей операции.

По моим наблюдениям, в такие минуты, а они возникали в нашей совместной с поляками работе неоднократно, кто-то из участников вдруг "озарялся" внезапным решением.

Подчас, по простоте или из-за недостатка нашего личного опыта и знакомства с тонкостями операций ТФП, мы воспринимали эти "озарения" не как действительно внезапно возникающие "из ничего", а как навеянные воспоминанием об аналогичных ситуациях. Тем более что наиболее часто "озарялись" те из участников оперативной бригады, которые имели опыт участия в десятках подобных операций и пережили немало сложных ситуаций.

Примеры удачного выхода из, казалось бы, безвыходного положения демонстрировали силу интуиции опытных разведчиков, способность мобилизовать накопленный ранее опыт тогда, когда сознание отказывается подсказать решение.

Академик А. Б. Мигдал говорил о творческом процессе: "Кто хотя бы однажды делал работу, лежащую за границей возможностей, знает, что есть только один путь - упорными и неотступными усилиями, решением вспомогательных задач, подходами с разных сторон, отметая все препятствия, отбрасывая все посторонние мысли, довести себя до сознания, которое можно назвать состоянием экстаза (или вдохновения), когда смешивается сознание и подсознание, когда сознательное мышление продолжается и во сне, а подсознательная работа делается наяву" (Наука и жизнь. 1983, N 4). Вот именно так и работают, мыслят настоящие мастера ТФП.

Для иллюстрации приведу один пример. Специальная бригада, работавшая по осуществлению операции ТФП в один важный объект, после сложных усилий открыла очень изощренный замок и, преодолев еще одну электронную преграду, вошла в зону безопасности объекта, где находились сейфы. Оставалось вскрыть сейфы, изъять и сфотографировать их содержимое и, закрыв все, удалиться, не оставив никаких следов своего визита. И вдруг зоркий глаз одного из участников операции заметил на внутренней стороне преодоленной входной двери прикрепленное небольшое устройство. Ознакомление с ним бросило всех в пот: это был электронный счетчик открытий и закрытий двери.

Вскрыть его на месте оказалось невозможным, внести изменения в показатель счетчика, где уже зафиксировано открытие двери бригадой - нельзя. Что делать? Проходят дорогие минуты, нужно скоро покидать объект, оставаться там более запланированного времени невозможно.

В этот критический момент один из членов бригады предлагает отделить счетчик от двери, на которой он прикреплен только двумя шурупами и бросить его на пол около двери. Его идея - инсценировать его случайное падение. Тот, кто будет открывать дверь, может посчитать, что счетчик был непрочно прикреплен и упал при резком закрытии двери. Тем более что его показания были лишь на одну единицу больше тех, что зафиксированы в регистрационном реестре шифровальщиком при выходе из помещения.

Так и поступили в соответствии с этой довольно банальной инсценировкой.

Когда я спросил автора такого решения, как он пришел к нему, он сказал, что в его сознании за те пару десятков секунд промелькнули многие ситуации, с которыми он ранее встречался, но ни одна из них не давала нужного ответа. Пока вдруг откуда-то из подсознания не возник образ из далекого детства, когда он получил крепкую взбучку за порчу амбарного

замка. Тогда он так резко и сильно хлопнул дверью, что замок оторвался и упал в траву. Там он долго искал его, но вешать замок на место пришлось уже отцу. Вот так "озарение", пришедшее из далекого прошлого, помогло найти выход.

Как потом было установлено, инсценировка паления счетчика была так и воспринята шифровальщиком, более тщательно укрепившим счетчик на двери.

Приведенный пример показывает роль интуиции при проведении операций ТФП. Их участники и особенно их руководитель зачастую руководствуются при принятии решений какими-то глубинными и не поддающимися объяснению ощущениями. То есть решение подсказывает интуиция, которую один ученый назвал "переваренным опытом", но не подвластным нашему сознанию.

Этот наш "внутренний голос" оказывается очень важным для разведчика вообще и для тех, кто осуществляет операции ТФП, в особенности. Однако объяснить природу этого "голоса", механику его действия пока никто не смог.

В научной деятельности под интуицией понимают способность непосредственного, прямого постижения истины, которое дается сразу, без видимых рассуждений и обоснований (Сухотин А. Парадоксы науки. М., 1978).

В обычном понимании интуиция - это всегда гибкость. То есть речь идет о том, чтобы вслушиваться и вглядываться в то, что происходит, чтобы быть готовым на ходу менять направление. Это определение роли интуиции хорошо укладывается в практику разведывательной работы, в действия и образ мышления разведчика.

Сколько раз я испытывал какой-то внутренний толчок, требовавший резкого изменения поведения, отказа от ранее составленного плана, изменение тактики достижения намеченной цели. И всегда оказывалось, что это внутреннее чувство не обманывало, хотя и трудно было порою понять, что именно вызывало его.

В известной мере хочу согласиться, что интуицию рождает элемент неопределенности, которая, кстати, очень часто сопутствует разведывательным операциям. Например, в ТФП всегда есть элемент неопределенности, и поэтому, очевидно, все специалисты, осуществляющие такие операции, обладают высоким чувством интуиции.

Ясно, что эта способность основывается на большом опыте, который эти люди приобрели в условиях острого дефицита времени при наличии многих элементов неопределенности во внутренней обстановке объекта ТФП, куда они входят. Ведь интуитивное решение - решение задач при ограниченных исходных данных, поскольку интуиция как подсознательный итог предыдущего опыта является результатом мыслительного процесса на основе глубокого знания обстоятельств дела, большого профессионального мастерства и воображения.

В своих высших достижениях разведчик поднимается до художника, от творческого воображения часто зависит успех оперативной операции. Но поднимается он и до уровня научного работника, исследующего неизведанное.

Ведь по словам академика А. Мигдала, ученый действует "...между тем, что есть, и тем, что быть не может, где лежит область возможного, но неизученного" (Неделя. 1984, N 4).

Так работает ученый, так действует разведчик. Особенно в операциях ТФП. В них часто, почти всегда имеется область неизученного. Стремясь все же познать и эту область (а без такого стремления не может быть успешной разведки), мы и определяем, что есть (не только в смысле того, что хранится в сейфах) и чего по нашему убеждению не может быть (прежде всего с точки зрения защиты этих сокровищ). Вот тогда, "твердо отделив область достоверного и невозможного, отделив догадки от проверенных утверждений, доверяя мнению специалистов", мы можем указать путь, ведущий к успеху (Неделя. 1984, N 4).

Все вышеприведенные соображения я изложил прежде самих операций безагентурного ТФП с тем, чтобы читатель мог лучше представить ту атмосферу, тот микроклимат, в котором действуют эти мастера разведки - полухудожники и полуученые.

ОПЕРАЦИЯ ТФП "ЗАГАДОЧНАЯ ШКАТУЛКА"

Исходя из особой заинтересованности польских спецслужб в разведывательном освещении позиций Западной Германии в отношении Польши, ее политических и экономических намерений и действий в европейском регионе и в составе НАТО, я счел наиболее подходящим предложение о проведении совместных операций ТФП как раз по объектам ФРГ.

К этому времени шел уже второй год моей работы в качестве руководителя представительства КГБ в Польше, я довольно хорошо ознакомился с положением в стране и узнал польских коллег, со многими из которых сблизился на деловой, профессиональной основе, а с некоторыми из руководителей спецслужб и в личном плане. Поэтому мне было легко находить с ними общий язык и взаимопонимание.

Нам уже было известно, что польские коллеги успешно проводят операции ТФП в дипломатическую почту ФРГ, как и в ряд других иностранных объектов, не представлявших особых трудностей. Вализы с дипломатической почтой посольство ФРГ в Варшаве отправляло на родину обычной авиапочтой, но, конечно же, в тщательно упакованном и защищенном виде. Вскрытие этих вализ поляки осуществляли уже в течение продолжительного времени и приобрели в этом хороший опыт. Описание операции ТФП "Вализа" дает представление о том, что легко еще не означает просто, процесс вскрытия всегда требует большого мастерства и соответствующего высокого уровня оперативно-технических средств. У наших польских коллег хватало и того и другого, правда, до определенного момента, который вскоре и наступил.

При очередной операции ТФП в вализу ФРГ поляки вдруг обнаружили внутри нее специальную металлическую шкатулку-кассету, закрытую специальным шифровым замком.

Стало понятно, что все самые секретные документы находятся в этой "шкатулке" размером со средней величины дипломат.

Все попытки польских специалистов открыть замок окончились неудачей. Поляки тщательно изучили этот замок и дали указание своим сотрудникам в ФРГ попытаться приобрести его в специализированном магазине. Это им удалось, из приобретенных нескольких штук два были переданы нам для изучения в нашем спецотделе.

Однако наличие замка мало помогло полякам, его устройство оказалось настолько сложным, что, даже зная шифр, трудно было без навыка пользоваться им. А шифра как раз и не было.

Наступил благоприятный момент для подключения к этим операциям ТФП в дипломатическиие почты ФРГ наших возможностей.

По моему предложению польские коллеги подготовили подробную информацию с описанием внешнего вида, размеров и материала, из которого изготовлена шкатулка, и вместе с их предложением проводить дальнейшие операции совместно с нашей службой все это было направлено в Центр для изучения.

Как сохранилось у меня в памяти, "шкатулка" представляла из себя цельнометаллический продолговатый ящик, длиной примерно в 40-45 сантиметров и шириной более 30 сантиметров, толщиною, как я уже сказал, со средний дипломат. В эту шкатулку вполне могло вмещаться пару сотен документов и большое количество непроявленной фотопленки с заснятыми материалами. "Шкатулка" открывалась с торца, где и размешался шифровой замок.

Поскольку в данном случае ТФП не требовалось, чтобы наш специалист входил в иностранное посольство, Центр без дальнейших уточнений обстоятельств быстро согласился на доведение операции ТФП до конца и сообщил, что готов в нужный момент направить в Варшаву специалиста по шифрзамкам для вскрытия "шкатулки".

Поскольку поляки знали расписание отправки посольством ФРГ дипломатической почты, они за несколько дней предупредили меня о дате очередной операции ТФП, и наш специалист прибыл вместе со специальным миниатюрным рентгеновским аппаратом для просвечивания замка "шкатулки". При этом Центр предупредил нас, что замок оказался настолько сложным и уникальным, что для разгадки его шифра потребовалось разработать специальную методику, которой владел наш специалист. Эта методика оставалась его профессиональным секретом и не подлежала передаче кому-либо, тем более что ее сложность требовала длительного освоения, а использование рентгеновского аппарата было небезопасным для здоровья неопытного оператора.

В день операции ТФП, после вскрытия вализ, польские коллеги предоставили закрытую шкатулку в распоряжение нашего специалиста.

Через два часа он смог назвать полякам шифр замка и они вскрыли шкатулку. Однако там их ожидал еще один сюрприз. Внутри шкатулки оказался счетчик открытий и закрытий ее. Возник вопрос, как быть дальше. Ведь один раз несовпадение показаний счетчика может и пройти незамеченным, но в дальнейшем он грозил провалом операции.

Изучение счетчика обнаружило, что он прикреплен к внутренней стенке шкатулки винтами, которые легко поддавались откручиванию. Снятый счетчик подвергли срочному интенсивному исследованию и смогли, хотя и с трудом, изменить его показание на нужное. Правда, пришлось задержать отправку вализы в ФРГ, для чего потребовалось легендировать опоздание отлета самолета.

Сразу после этого эпизода, доставившего и полякам, и нам много волнении, польские коллеги срочно поручили приобрести в ФРГ счетчики, имея в виду в будущем подменять их в очередных шкатулках.

Резидентуре польской разведки удалось купить несколько счетчиков, но, к их удивлению, шифрзамков, ранее закупленных ими, в продаже уже не оказалось. Как выяснилось, замок был взят на вооружение НАТО и, соответственно, засекречен с ограничением продажи его только по специальным разрешениям.

Вскрытый нашим специалистом шифр замка "шкатулки", как стало ясно полякам позже, менялся довольно часто, поэтому по истечении срока его действия поляки вновь приглашали нашего специалиста для очередной разгадки загадочной "шкатулки". Таких визитов, если не изменяет мне память, состоялось около десяти.

Но в процессе дальнейших операций ТФП по этой линии поляки еще раз встретились с неожиданностью. При вскрытии очередной "шкатулки" и попытке заменить счетчик вдруг обнаружилось, что головки винтов, которыми он крепился к стенке "шкатулки", оказались заваренными металлом.

Вновь возникла проблема. Как они вышли из положения с показателем счетчика, я не помню, но знаю, что их умелец-мастеровой разработал метод расплавления сварки и освобождения винтов без оставления каких-либо следов. Это позволило продолжать операции ТФП и далее.

Чем завершилась эта линия получения весьма актуальной информации, мне неизвестно, но наша разведка долго и плодотворно использовала ту информацию по ФРГ, которая передавалась нашей внешней разведке в порядке действовавшей договоренности об обмене информацией.

Направляя эти информационные материалы в Центр, мы знали источник их получения поляками и испытывали удовлетворение от сознания, что там есть доля и наших усилий.

КЛЮЧ - ТОЖЕ ПРОБЛЕМА

Как видно из операции "Загадочная шкатулка", основная трудность при проведении операции ТФП в дипломатические вализы возникла из-за замка, правда, шифрованного, но требующего ключа, - не обычного, кодового.

Во всех операциях ТФП приходится, как правило, сталкиваться с шифрованными замками, наряду, конечно, с простыми металлическими замками и ключами разной степени сложности. Как, например, это было в операции "Карфаген".

Но не только шифровые ключи могут доставлять неожиданные неприятности при проведении ТФП.

Вот пример одной такой, весьма, кстати, несложной и притом агентурной операции ТФП.

В разгар "холодной войны" у Советского Союза начали налаживаться торгово-экономические отношения с одной из западноевропейских стран, игравшей не последнюю скрипку в НАТО, но находившуюся в трудном экономическом положении. Внешняя разведка, следуя одной из основных задач содействовать созданию благоприятных условий для внешней политики СССР, делала все, чтобы нейтрализовать враждебные акции и мероприятия противников ослабления напряженности, направленные на срыв намечавшегося улучшения отношений Советского Союза с указанной страной. Особую активность в этом отношении проявляли спецслужбы США, в первую очередь ЦРУ.

Принимая меры к выяввлению планов и намерений противника в этой области, наша служба получила сведения о том, что ЦРУ разработало подробный план конкретных мер по срыву улучшения отношений страны с Советским Союзом. Этот план был передан для согласования в местную спецслужбу, которая была тесно связана с ЦРУ и следовала указаниям этого американского ведомства. Полученные нами сведения свидетельствовали, что план находится в одном из сейфов местной спецслужбы, доступ к которому мог иметь один из наших надежных агентов "Жорж", который еще ранее передал нам слепок с ключа от сейфа. "Жорж" находился на связи у нашего разведчика-нелегала Артема.

Используя сложившуюся ситуацию и тот факт, что "Жорж" периодически дежурил в спецслужбе как раз в том помещении, где находился сейф, ему через Артема был передан изготовленный в центре по слепку ключ и тщательно разработанный план ТФП в сейф с целью изъятия оттуда интересовавшего нас документа.

В плане операции особое внимание агента "Жоржа" обращалось на то, чтобы он смог временно остаться у сейфа один, отправив своего напарника по дежурству "попить пива", так как дежурство в службе осуществлялось всегда двумя сотрудниками. Оставшись в одиночестве и закрыв на ключ входную дверь, "Жорж" должен был вскрыть сейф, сфотографировать переданным ему "миноксом" нужный документ, аккуратно вернуть его на прежнее место и закрыть сейф. На период проведения этой операции Артем оговорил с "Жоржем" место встречи, где он будет постоянно дежурить.

Все шло как будто нормально, и мы с напряжением ожидали известии от Артема, сознавая, какому риску подвергался агент, если бы его застали при вскрытии сейфа.

Осложнение операции произошло внезапно, в самый ответственный момент. "Жорж" появился перед Артемом и сообщил, что он сломал ключ во время открытия сейфа и в сейфе торчит обломок ключа, который "Жорж" не смог изъять.

Артем не растерялся, вместе с "Жоржем" подошел к своей автомашине, которую предусмотрительно припарковал поблизости, достал из нее плоскогубцы и предложил агенту попытаться изъять остатки ключа, осторожно действуя плоскогубцами, чтобы не оставить каких-либо следов на поверхности сейфа.

Как немедленно доложил нам Артем, агент "Жорж" действовал хладнокровно в создавшейся экстремальной ситуации, смог изъять обломок ключа, который вместе с отломившейся головкой вернул Артему. Так, хорошо задуманная операция оказалась сорванной из-за плохо изготовленного ключа. Оказалось, что не только из-за непредвиденных преград, ошибок участников, но и в результате небрежности технического работника могут возникать чреватые провалом ситуации. К нашему большому удовлетворению, агент "Жорж", несмотря на пережитую опасность, согласился повторить попытку во время следующего дежурства. Соответственно, нами были приняты меры к качественному изготовлению нового ключа.

По данным "Жоржа", интересующий нас план должен был находиться в сейфе, так как начальник спецслужбы возвращался из отпуска только через десять дней, а без него никто в службе не имел доступа к содержимому сейфа.

Вторая операция прошла гладко. Напарник "Жоржа", теперь уже другой сотрудник, отпросился у него на свидание к любовнице и не мешал открытию сейфа, и "Жорж" в относительно спокойной обстановке сфотографировал не только план, но и все другие документы, находившиеся в сейфе.

Ознакомление с планом позволило предотвратить многие подрывные акции противника, в том числе путем придания гласности ряда документов, изъятых из сейфа, но якобы полученных в других странах, из кругов, близких к ЦРУ. Документы для этого были отобраны так, чтобы не подвергать опасности агента "Жоржа", и такие, которые имели отношение к совместным действиям ЦРУ с другими спецслужбами. Никаких добавлений или исправлений их нами не допускалось.

Другие документы местной спецслужбы, изъятые "Жоржем", оказались очень полезными для срыва различных враждебных действий с ее стороны. Там были сведения об агентах, которых спецслужба подставляла к советским людям, работавшим в этой стране, сама или помогала в этих провокационных акциях ЦРУ.

Этот эпизод из своей нелегальной разведывательной деятельности Артем всегда вспоминал, демонстрируя локон седых волос, который у него появился в "ночь сломанного ключа", как он говаривал, усмехаясь.

Главные его переживания, так же, как и наши, были за судьбу "Жоржа", который рисковал всем, идя на эту операцию: своей карьерой в спецслужбе, всем своим благосостоянием, своей свободой. Естественно, никакие наши награды не могли компенсировать пережитые им волнения. Но такова и вся разведывательная работа - от одного риска к другому. Важно сохранять хладнокровие, которого "Жоржу" не пришлось занимать.

Теперь на минуту представим ту обстановку, в которой действовал нелегал Артем. Была безлунная ночь, город мирно спал, лишь отдельные ночные кафе светились своими окнами, не нарушая общего мрака и безмолвия.

Артем проехал по безлюдным улицам города, подъехал к удобному, заранее подобранному месту в тени жилого дома в небольшой боковой улочке и припарковал свой "фольксваген", очертания которого слились с тенью дома.

Выйдя из машины, он медленно прошел, держась ближе к стенам домов, до той улицы, на которой располагалось ведомство, где работал "Жорж".

Выбрав удобную позицию, Артем стал ждать, когда появится "Жорж". В эту темную летнюю ночь Артем волновался за судьбу "Жоржа", если что-то в их плане пойдет не так, как они рассчитывали, рискованная операция ТФП потенциально таила опасность для него самого. Однако риск этот не был равнозначным. Для агента это был неминуемый крах всей его жизни, Артему же, в самом худшем случае, если "Жорж" вынужден будет рассказать о нем, даст его внешнее описание, придется выехать из страны, по крайней мере, на время. Никаких других данных об Артеме агент не знает, и это гарантирует от немедленной опасности провала. Но и уезжать из страны крайне нежелательно, когда у Артема идут неплохо другие дела. Раздумывая так, Артем вдруг заметил силуэт приближавшегося поспешно человека, это был "Жорж".

Можно только приблизительно представить, какие чувства обуревали нелегала Артема. Может быть, на ум ему приходили слова колумбийского поэта Гильеро Валенсиа:

Бывает, в сумраке вечернем
Подступит к горлу тишина,
Но напряженная округа
Под стать пружине взведена.

И вот эта пружина чуть не вызвала взрыв, который мог окончиться печально и для агента "Жоржа", и для разведчика Артема.

То, что "Жорж" сообщил, было как раз тем обстоятельством, которое резко повышало опасность не только для агента, но и для Артема, ведь "Жорж" уже мог быть под наблюдением, хотя заверял, что пока у него на работе все спокойно, а напарник, как правило, пьет пиво, как минимум, пару часов.

Быстро дав "Жоржу" необходимые указания и снабдив инструментом, Артем договорился о сигнале "все благополучно", если обломок ключа будет успешно извлечен "Жоржем" из сейфа.

На случай неудачи еще раз подсказал агенту, как пользоваться "отступной легендой", то есть версией о том, почему он хотел заглянуть в сейф, и ни в коем случае не признаваться, в интересах собственной безопасности, в сотрудничестве с советской внешней разведкой. На этом Артем расстался с "Жоржем", с тяжестью на душе и крайне обострившимся беспокойством за судьбу агента.

Повторная операция ТФП прошла благополучно и с меньшими переживаниями.

ГЛАВА XI. МИР "ЭНИГМЫ"

Qui ambulat in tenebris, no seit quo vadit!

Кто бродит в темноте, не знает, куда идет (лат.)!

Общеизвестно, что разведывательная работа в информационной области, как правило, складывается из трех этапов: добыча информации, оценка добываемых сведений и материалов и, наконец, реализация их. Последний этап в основном осуществляется в Центре спецслужбы, в ее информационно-аналитическом подразделении, исключение составляет оперативная информация, реализуемая как в резидентурах, так и в оперативных подразделениях Центра. Первичная оценка разведывательной информации осуществляется на месте ее добычи (в резидентуре), причем оценка оперативной информации, добываемой в агентурных операциях ТФП, может и реализоваться на месте, в то время как получаемая в результате безагентурных или только частично агентурных операций ТФП, как правило, оценивается и реализуется только в Центре, куда она направляется без анализа, а подчас и без ознакомления с нею на месте.

Операции безагентурного ТФП являются такой областью разведывательной деятельности, в которой концентрируются усилия всех других участков работы разведслужбы.

Помимо активного и непосредственного участия технических специалистов и научно-технических подразделений, вся разведка и, если операция проводится в своей стране, контрразведка постоянно ведут сбор необходимой специфической информации, без которой ТФП оказалось бы невозможным.

Так, любой агент, имеющий хоть малейший доступ к секретам или осведомленный о системах хранения и обеспечения безопасности секретных материалов в любом учреждении или организации, представляющих интерес для разведки, используется для выяснения, где обычно сосредоточиваются самые важные секреты, как они хранятся (в делах, папках, на проявленной и непроявленной пленке, на микрофишах, электронных дисках, дискетах, в зашифрованном виде или открытым текстом и т. д.).

Разведку интересует, кто имеет доступ официально в такие места или хранилища, кто может получить такой доступ официально или неофициально; каков пропускной режим, средства защиты: замки и запоры, электронная защита, шифрокоды, специальные средства контроля (электронного, физико-биологического и иного); характеристика защитных средств

(фирма-изготовитель, материал, аппаратура и принципы ее действия), образцы применяемой аппаратуры.

Например, Ким Филби представлял внешней разведке очень важную информацию об американских охранных системах, способах и приемах защиты в их спецслужбах - ЦРУ, ФБР, АНБ. В этом ему оказался полезен шеф контрразведывательной службы ЦРУ Д. Энглтон и другие его связи в этих службах, с готовностью представлявших ему интересовавшие его сведения в порядке обмена информацией с союзной британской спецслужбой.

После получения такой информации от американцев Филби представил внешней разведке подробный анализ систем защиты, применявшихся в британских спецслужбах, и дал сравнительный анализ их надежности.

Такую же информацию по ЦРУ и АНБ внешняя разведка получала от агентов Ховарда, Пелтона, Митчела и Мартина, Бойса и Ли, Гамильтона. По оборонным объектам США - от Уокера и других. По ШПС - британскому аналогу АНБ - и СИС исчерпывающую информацию давали агенты Кернкрос и Прайм, Берджес, Блейк и другие.

Самый незначительный агент внешней разведки, занимающий пост электрика, как, например, "Гермес" в операции "Олимп", или простой дежурный по объекту, как агент Джонсон в операции "Карфаген", может оказать неоценимую помощь по выявлению сигнализации, получению слепков с ключей от сейфа. В этом отношении наиболее показательна роль агента Джонсона.

С точки зрения эффективности самыми ценными операциями ТФП и, пожалуй, наиболее сложными являются те, в результате которых разведка получает в свое распоряжение шифрдокументы противника. Поэтому именно о шифрах и их значимости среди разведывательных целей и пойдет речь далее.

В главе четвертой при описании операции "Олимп" уже упоминалось три вида операций ТФП с целью добычи шифрдокументов: классические операции без участия агентов, операции смешанного типа ("Карфаген" или "Олимп") и чисто агентурные.

Сейчас хочу лишний раз расшифровать значение употребляемого мною определения ТФП - тайного физического проникновения в объекты, где могут находиться нужные разведке шифровальные документы.

"Тайное" потому, что ни одно учреждение ни одного государства не позволит не только оказаться вблизи их шифровальных аппаратов и документов, но даже приблизиться к хранилищу их и немедленно пресечет любые попытки явно проявить интерес к секретно-шифровальным помещениям и их защите.

"Физическое" потому, что требуется личное соприкосновение специалистов с упаковками шифров, их ключами и специальными шифровальными аппаратами, вскрытие весьма хитроумных сейфов и упаковок, снятие с документов копий и затем возвращение всех

изымавшихся материалов на свои прежние места без оставления каких-либо следов знакомства с ними.

"Проникновение" потому, что все хранилища секретношифровальных материалов специально охраняются и защищены самым тщательным образом.

Такие проникновения как правило, связаны с открыванием стальных дверей в хранилище и сейфов, в которых находятся шифры, оборудованные сложнейшими запорами и электронной сигнализацией. При этом весь процесс проникновения в такое помещение, так же, как и в находящиеся там сейфы, проводится таким образом, чтобы не только не оставалось следов "чужого", несанкционированного проникновения в эти помещения, но и не возникало никаких подозрений на этот счет.

Этим требованиям отвечают лишь операции ТФП "чистого", безагентурного вида, то есть такие, в которых участвуют только специалисты

- кадровые сотрудники спецслужб - и никакая агентура не привлекается к их выполнению. Такие операции являются наиболее ответственными, требуют больших усилий и связаны со значительным риском. Применяются они главным образом для добывания шифров, как правило, не доступных для получения их агентурным путем.

Когда появляются возможности привлечь отдельных агентов для выполнения какого-то элемента таких операций ТФП, они значительно облегчаются. Как это было в операциях "Карфаген", "Олимп". Особый случай - исключительно благоприятные условия, позволившие в течение длительного времени агентурным путем добывать шифрдокументы, - деятельность группы Уокеров, как увидит читатель в следующей главе.

Наряду с указанными операциями, для добывания шифрматериалов в разведке применяется и метод специального внедрения подготовленных агентов в шифровальные службы. Таковыми были операции внешней разведки по внедрению членов разведывательной группы К. Филби в английский секретно-шифровальный центр (ШМС) и позже туда же агента "Прайма" (см. главу V). Но этот метод, как правило, связан с потерей времени на внедрение агента и опасностью расшифровки такой операции ТФП в случае его провала. Одной из разновидностей операций ТФП с целью получения шифровальных секретов, как увидит читатель, является внедрение электронной техники для подслушивания или перехвата излучений шифрмашин.

НЕМНОГО ПРЕДЫСТОРИИ

Шифрование текстов и сообщений имеет давнюю историю. Криптография играла важную роль не только в военном и дипломатическом деле, но и в литературе и философии, причем именно там она, пожалуй, и зародилась впервые.

Зашифровкой своих сокровенных мыслей и суждений пользовались древние и средневековые философы. При этом они использовали различные системы зашифровки: буквенный шифр, картинный шифр, акроматический притч и аллегории, нумерический шифр, музыкальный, произвольный и, наконец, кодовые шифры.

Эдгар По, считавшийся среди писателей "великим криптографом", уделял внимание анализу систем зашифровки букв цифрами, например, в своей новелле "Золотой жук".

Еще во второй половине XV века по поручению Римского Папы известный деятель итальянского Возрождения Альберти написал "Трактат о криптографии".

Естественно, первые шифры были несложными. Но разработке их и расшифровке "чужих" шифров уделялось все большее внимание. Так зародилась наука криптография.

В елизаветинское правление в Англии (1570-1590) английскую разведку возглавлял главный секретарь Уолсингэм. У него имелись два специалиста: личные секретари Френсис Миллс и Томас Фелиппес, знающие несколько иностранных языков. Фелиппес был непревзойденным мастером в чтении зашифрованных текстов, а также в подделке чужих почерков, вскрытии писем без нарушения печатей. Третьим доверенным экспертом Уолсингэма был Артур Грегори, специалист по незаметному вскрытию пакетов и изготовлению поддельных печатей. Все эти мастера, естественно, участвовали в операциях ТФП в чужие секреты и, как таковые, вошли в историю британских спецслужб.

В конце 80-х - начале 90-х годов XVI века знаменитый математик Франсуа Виет помог французскому королю Генриху IV раскрыть испанский шифр, позволивший читать всю секретную испанскую корреспонденцию. А за 30 лет до этого сотрудник папской службы Джованни Батиста Арженти раскрыл тот же шифр, что позволило папе знать секреты испанского королевства.

В XVII веке при французском короле Людовике XIII, когда фактическим главой государства был кардинал Ришелье, последний успешно пользовался услугами Антуана Россиньоля, которого считают основателем современной криптографии, для расшифровки интересовавшей кардинала шифрованной корреспонденции гугенотов. Такую же службу в кромвелевской разведке в том же веке исполнял профессор геометрии в Оксфордском университете Джон Уоллис. Говорили, что не было шифра, который он не смог бы раскрыть. В частности, перед ним не могли устоять шифры роялистов (Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. М., 1996. с. 47, 105, 118).

Таким образом, ставшее сейчас обычным кодирование переписки было известно и применялось на практике уже в то далекое время, при этом искусство вскрытия шифров не отставало от их совершенствования и часто становилось грозным оружием в руках противоборствующих в войне или мире сторон.

Так, перед первой мировой войной немецкой и австрийской разведкам удалось расшифровать русский военный код. Это позволило им во время войны читать приказы и донесения царских штабов, передававшиеся по радио (Черняк
Е. Б. Пять столетий тайной войны. М., 1996. с. 495).

О том, что злоупотребление в наше время не только открытой перепиской, но и тщательно шифруемой может приводить к провалам в разведывательной работе, свидетельствует такой пример.

Хотя в разведке причин возможных провалов агентов может быть много, но, очевидно, нельзя допускать таких легкомысленных ошибок, которые привели к расшифровке ценных агентов разведки ГДР Гюнтера Гийома и его жены Кристель, работавших в аппарате канцлера ФРГ Вилли Брандта.

По свидетельству американского автора Пинчера, оба эти агента регулярно к дням их рождения получали из своего Центра в ГДР зашифрованные поздравления. Расшифровка этих телеграмм западногерманской разведкой, наряду с другими косвенными данными, дала ей возможность установить обоих агентов.

Интересно отметить, что выдающийся английский государственный деятель У. Черчилль уделял большое внимание криптографии и организации британской службы радиоперехвата и дешифровки иностранных коммуникаций. Он был первым в Англии, кто в полной мере оценил значение этой линии разведывательной деятельности.

У. Черчилль еще в 1914 году в качестве главы британского Адмиралтейства был инициатором организации английской дешифровальной службы. Он способствовал созданию в составе военно-морских сил Британии криптоаналитической группы, которая вошла в историю радиошпионажа как "комната 40". Позже эта группа была включена в спецслужбу ВМС Британии, и добываемые ею по немецким каналам связи данные стали грозным оружием против планов противника (Сырков Б. Шпионская лихорадка. Новости разведки и контрразведки, N 23-24).

Опыт успешного радиошпионажа против Германии британской спецслужбы получил интересное развитие в 1917 году в борьбе английских вооруженных сил против Турции на Ближнем Востоке. Так, английская разведка стала использовать шифры для дезинформации противника. Когда англичане узнали о том, что один из их шифров, которым они передавали сообщения о разминировании минных полей, устанавливавшихся немецкими подлодками, попал в руки немцев, они специально сообщили по этому каналу связи о якобы разминировании одного участка моря. Немцы сразу же послали свою подлодку для установки новых мин, и подлодка подорвалась на своих же, немецких минах. В дальнейшем на Ближнем Востоке англичане развили эту практику. Они целенаправленно ознакомили турецкое командование с британскими шифрами, которыми стали передавать ложные, дезинформационные сведения. Используя намеренно скомпрометированный шифр, англичане передавали по радио наряду с маловажными достоверными сведениями специально вводящие в заблуждение турок сообщения. При этом они активно использовали сведения, получаемые английской дешифровальной службой из турецкой шифровальной переписки. Турки, в свою очередь, получая информацию из дешифруемых английских телеграмм, всецело доверяли ей и не подозревали о их дезинформационном содержании. В сочетании с другими, подкрепляющими мерами, эта операция через шифры способствовала разгрому турок. Так зародившаяся по

инициативе Черчилля криптографическая разведка получила свое дальнейшее развитие (Сырков Б. Чисто английское трюкачество. Новости разведки и контрразведки.
1995. N 5-6).

В этой связи я вспомнил недавно прочитанное об этом человеке, прожившим жизнь долгую, наполненную необыкновенной энергичной деятельностью на всех важных государственных постах, включая пост премьер-министра Британии в сложные годы второй мировой войны.

Когда Черчилля попросили объяснить свое долголетие, он ответил так: "Я никогда не стоял, когда можно было сидеть, и никогда не сидел, когда можно было лежать"

У меня вызывают искреннее уважение к Черчиллю его прямолинейная решительность и готовность брать на себя ответственность. Ведь когда он был морским министром и 1 августа 1914 года Германия объявила войну России, Черчилль под свою ответственность, не дожидаясь согласия правительства, отдал приказ о полной мобилизации флота. Еще более показательны его действия в июне 1941 года. Получив известие 22 июня 1941 года о том, что Гитлер напал на СССР, он просто поставил всех перед свершившимся фактом, когда выступил в тот же день по радио и твердо заявил о полной поддержке России. Вот что он говорил: "За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которые я сказал о нем. Но все это бледнеет перед разворачивающимся сейчас зрелищем. Мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только можно" (Путинцев А. Гусар в кресле премьера. Сегодня. 1994, 30 ноября).

За такие действия нельзя не уважать этого государственного деятеля, хотя тот же Черчилль в марте 1946 года в Фултоне выступил инициатором и теоретиком "холодной войны" против СССР. Но ведь он никогда и не переставал быть последовательным защитником Запада.

Так почему же главной целью безагентурных операций ТФП является добыча шифровальных документов и других секретов криптографии, а сами эти операции проводятся в дипломатические и иные представительства, а также другие иностранные объекты, где эти шифры готовятся, хранятся либо находятся на пути к потребителю?

Постараюсь показать это.

Кто из нас не увлекался в детстве занимательной игрой в "казаки-разбойники" или свирепой борьбой с пиратами, не "ходил в разведку" в "тылы" противников, изобретая при этом самые хитрющие способы условных сообщений, выдумывая коды, от простейших, с заменою букв знаками, действительно походивших на настоящие шифры, и других, успешно скрывавших содержание от наших воображаемых противников, хотя и самые наивные и легкочитаемые. Но тайна расшифрования чужих посланий, загадочных надписей уже тогда постоянно манила нас.

Когда мы выросли, мы уже понимали, читая детективные истории и исторические повествования о деяниях славных разведчиков, значение зашифровки сообщаемых сведений, предназначенных только определенным людям.

О служебном предназначении шифрпереписки в разведке я лично узнал уже в самом начале своей разведывательной карьеры. В 1938 году нас, группу молодых сотрудников, отобрали для работы в нелегальной разведке. В числе обязательных предметов было умение и пользоваться кодами и шифрами. До нашего сознания доводилось, что разведчик, находясь за границей под видом иностранца, постоянно окруженный местными жителями, от которых он должен скрывать свою истинную национальность и тем более принадлежность к иностранной разведке, должен тщательно защищать содержание своих сообщений и добываемых им разведывательных материалов от окружающего мира, в котором спецслужбы и их информаторы являются самыми опасными противниками.

Одним из наиболее эффективных средств защиты сообщений и являются шифры и коды. Они могут предназначаться для текущих нужд, не требующих особой длительной "стойкости" против вскрытия их специалистами, например, для связи внутри разведывательного подразделения, такого, как резидентура. Или, например, в процессе практической разведывательной работы между разведчиком и агентом могут обусловливаться кодированные слова и фразы, простейшие зашифровки времени, дат под видом счетов, на случай условных вызовов на встречу по телефону, записок "от знакомых", передаваемых через третьи руки, например, через квартирохозяйку, клерка в гостинице, путем направления по почте открыток и так далее.

Но для разведывательных сообщений в Центр, для докладов о ходе оперативных операций и получения из Центра указаний требуются уже специально разработанные шифры.

Одним из простейших в употреблении и относительно стойким шифром является книжный, когда адресаты пользуются одной и той же книгой одного издания.

Если книга не доступна противнику, то даже специалисты высочайшего класса в области криптографии не смогут вскрыть такой шифр, особенно если им пользоваться редко. Но такой шифр уязвим из-за необходимости хранить книгу.

На смену книжному шифру в разведке пришли специальные коды и разовые таблицы шифрования (дешифрования), составляемые из набора совершенно случайных цифр. Без наличия такой таблицы никакими, даже самыми сверхсовременными средствами зашифрованные тексты прочесть нельзя. Этот принцип положен в основу всех наиболее стойких шифров, используемых в дипломатической и разведывательной переписке в наиболее развитых государствах.

Кстати, после того как в результате налета на англо-советское торговое общество "Аркос" в мае 1927 года англичанам удалось "расколоть" шифр, которым пользовалось советское посольство в Лондоне, Советский Союз ввел систему зашифровки телеграфной переписки с помощью одноразовых блокнотов (Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М., 1995. С. 98).

Вот почему добывание таких разовых "случайных наборов" цифр в виде таблиц либо по-другому оформленных ключей для шифровальных машин, которыми пользуются дипломатические представительства, военные штабы и разведывательные заграничные точки со своими Центрами, и является главной целью безагентурных операций ТФП.

Важнейшим преимуществом таких операций ТФП является то, что они позволяют не оставлять никаких признаков того, что с шифровальными документами познакомится кто-то посторонний. В противном случае, даже самая малоквалифицированная служба немедленно выведет из действия такой скомпрометированный шифр. Следовательно, вся работа по его добыванию будет сведена на нет.

Именно из-за этого решающего преимущества операциям безагентурного ТФП придается большое значение и главной задачею ставится добывание шифрдокументов.

Это не означает, что разведки отказываются от добывания шифров через агентуру, они, например, упорно охотятся за шифровальщиками, но этот путь всегда ставит ценность добываемых шифров в зависимость от агента-исполнителя, судьба и положение которого становятся постоянным фактором риска.

Значение своевременного получения к шифрам (таблиц, во многих случаях исполненных в виде сменяющихся частей шифрмашин, дисков специальных шифровальных аппаратов) постараюсь проиллюстрировать на ряде примеров.

Думаю, что ясно, почему бывает важно вовремя расшифровать депешу того или иного дипломатического представительства. Это позволяет знать, какие задачи ставит и какие меры предполагает предпринять МИД иностранного государства и чем занимается его посольство, или, если читается переписка иностранной спецслужбы, то появляется возможность своевременного ограждения интересов государства против действий такой спецслужбы и раскрытия ее агентуры.

Возможность читать зашифрованную переписку противника имеет большое значение и для оперативной деятельности внешней разведки. Вот несколько примеров.

В 1921 году ИНО добыл шифры антисоветских организаций в Лондоне и Париже. Перехваченные и расшифрованные телеграммы этих центров оказали серьезную помощь в выявлении и обезвреживании врагов молодой республики (Красные и белые. Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 2, с. 84).

В 30-е годы внешняя разведка на Дальнем Востоке имела ценного агента "Кротова", через которого, помимо большого объема важной информации, добывала "шифровальные таблицы и кодовые книги не только японской военной разведки, но и США, Китая, Германии" (Военные планы Японии. Очерки истории Российской внешней разведки. Т. 2. с. 259).

В плане оперативного использования информации, получаемой из дешифровки сообщений, передававшихся противником во время второй мировой войны, представляет интерес история потопления американцами японской подлодки И-52.

Эта подлодка выполняла секретнейшее задание по транспортировке более двух тонн золота, сотни тонн других металлов (олова, молибдена и вольфрама) и сырья (54 тонны каучука-сырца и три тонны хинина) для нацистской военной машины. На ее борту находились 109 человек, в том числе 14 специалистов японских военных концернов, направлявшиеся в Германию для ознакомления с немецкой технологией.

Подлодка покинула Японию в марте 1944 года. Ни Токио, ни Берлин не подозревали, что путь следования И-52 и ее груз были известны союзникам, которые дешифровали многие радиограммы держав оси, включая немецкие военные инструкции и кодированные радиограммы японских ВМС.

Заранее спланированная операция по уничтожению И-52 была успешно завершена 23 июня 1944 года потоплением подлодки в середине Атлантики (За рубежом. 1995. N 27).

Рассматривая операции ТФП в иностранные центры хранения самых важных тайн и государственных секретов, приходится учитывать, что результаты, которые они приносят, к сожалению, далеко не всегда оказываются адекватными затрачиваемым на их подготовку и осуществление усилиям, средствам и времени, не говоря уже об огромном риске, сопряженном с ними.

Размышляя на эту тему, я вспоминал обстоятельства многих оперативных дел, которые в 50-80-е годы завершились раскрытием их противником и арестами наших агентов или поспешной эвакуацией их в Советский Союз.

Я имею в виду громко прозвучавшие в западных СМИ дела агентов внешней разведки Прайма, Мартина и Митчела, Гамильтона, Пелтона, Бойса и агентурной группы Уокера. О Прайме и Уокерах, как наиболее результативных в области криптологии агентах, внесших важную лепту в деятельность КГБ в этой области, расскажу особо несколько позже.

Ход истории, вся наша теперешняя жизнь, все взламывающее и все разоблачающее время показывает, что все более или менее значительные тайны, в том числе и в разведках, со временем становятся широко известными, ибо: "Вседержатель все знает и все видит, - глаголет пророк Матфей, - нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано".

О ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ФАКТОРЕ

О средствах оперативной техники, используемой в разведке вообще и в операциях ТФП в частности, я уже высказывался в главе третьей. Сейчас есть необходимость вернуться к этой проблеме в связи с соотношением ее роли с ролью человека - разведчика и агента.

С первых лет моей работы во внешней разведке я проникся уважением к различным техническим средствам, способным помогать разведчику в его трудном деле. По мере освоения разведывательной профессии, я все глубже и заинтересованнее постигал возможности применения в разведке достижений науки и техники, от самых простых приспособлений и устройств для сокрытия, камуфляжа и конспирации материалов и действий разведчика до самых совершенных приборов и аппаратов, без которых, в частности, в операциях ТФП нельзя обойтись. Последнее в современное время становилось все важнее, ибо компьютеризация и создание невиданных ранее хранилищ секретной информации в электронных банках создает новые возможности проникновения в них, но и требует новой сверхсовременной техники, знаний и навыков.

В американской прессе стали все чаще раздаваться голоса о том, что поскольку новейшие шифровальные технологии позволяют одинаково хорошо защищать передаваемые по информационным сетям послания друзей и расшифровывать их, на соответствующее программное обеспечение персональных компьютеров должен распространяться самый жесткий контроль. В связи с этим АНБ пытается всячески ограничить использование передовых шифровальных технологий, которые, по мнению экспертов, позволяют обратить их против безопасности секретных линий связи. Серьезность этих возможностей ТФП в новой, электронной области подчеркивается тем, что американское правительство в судебном порядке пытается предотвратить распространение одной из новых, высокоэффективных программ - изобретений Ф. Циммермана (Цит. по газ.: За рубежом).

Казалось бы, человек все больше уступает место машинам, технике, науке, в том числе и в разведке, но это далеко не так.

С первых шагов в разведке я убеждался, что как бы ни были совершенны технические средства, они не способны, не могут заменить живых разведчиков, даже во второстепенных областях разведки, невозможно без участия человека решать целый ряд важных разведывательных задач. Таких, например, как выявление, что замышляет противник, какие планы вынашивает, к чему готовится, или понять, какие чувства обуревают, что за тайные мысли отражаются на лице вашего собеседника.

Вспоминаю, как на одном заседании коллегии КГБ, на котором в 1971 году мне довелось присутствовать, председатель КГБ Андропов, проводивший заседание, высказал по поводу использования средств оперативной техники в работе Комитета государственной безопасности мысли, которые были так созвучны с моими.

На коллегии тогда обсуждался вопрос о положении с воспитательной работой в Высшей школе КГБ. Начальник ВШ докладывал о подготовке новых кадров для Комитета и пожаловался на недостаток современных технических средств. В школе было мало компьютеров и другой электронной аппаратуры, что, по его словам, затрудняло не только учебно-педагогическую, но и воспитательную работу с молодыми чекистами.

Я заметил, как Андропов среагировал на такую постановку вопроса. Сразу же после выступления докладчика Юрий Владимирович довольно резко сделал замечание, которое

сводилось к тому, что принципиально неверно оправдывать серьезные недостатки в воспитательной работе со слушателями нехваткой средств оперативной техники. В таком важном деле, как воспитание молодых кадров, ничто не может заменить живое воздействие на воспитываемых их наставников разговаривать со слушателями посредством бесчувственного компьютера означает только одно: отказ от личной ответственности воспитателя и превращение слушателя в такого же бесчувственного робота, как компьютер.

Любое техническое средство, продолжал председатель, может быть только инструментом в руках человека, расширяющим его личные возможности.

Эти слова полностью соответствовали моему пониманию роли средств оперативной техники в разведывательной работе.

Никакой робот не сможет заменить вербовщика, нет и не может быть такой техники, которая смогла бы заменить разведчика в работе с агентом. Разве слово, записанное на магнитофон, может заменить живое впечатление разведчика от встречи с агентом, его внимательное наблюдение за поведением агента в процессе беседы с ним, замеченные переживания и различные эмоциональные проявления, позы, жесты, интонация? Стоит только сравнить справку разведчика о беседе по памяти с "бесчувственной" записью ее магнитофоном, и разница сразу же подчеркивает слабость технического воспроизводства живой речи.

Вспоминаю, как отдельные разведчики в венской резидентуре, возвращаясь после встреч с агентом, иногда пытались отделаться распечаткой секретарем магнитофонной записи беседы с агентом, не насыщая ее своими наблюдениями и впечатлением о поведении и психологическом состоянии агента. Приходилось давать таким горе-руководителям предметный урок. Одному из них сразу после его встречи с агентом я поручил составить отчет о встрече без использования магнитофонной записи. Собрав затем совещание сотрудников резидентуры, мы рассмотрели существенные недочеты магнитофонной записи по сравнению с "живой" справкой, составленной по памяти разведчиком. Всем было ясно, что техническое воспроизведение было точным по объему, но "мертвым" изложением того, что обсуждалось на встрече, и не более. Ценность такой записи была ничтожна по сравнению с записью по памяти, хотя и страдавшей отдельными неточностями.

Это сравнение наглядно иллюстрировало, к чему может приводить как недооценка применения средств оперативной техники в разведке, так и переоценка их роли.

ЗАГАДОЧНЫЕ "ДВОРЦЫ КРИПТОЛОГИИ"

Из приведенных ранее операций ТФП в наиболее засекреченные объекты западных спецслужб читатель уже знает о существовании АНБ в США и ШПС в Англии.

Как стало совсем недавно известно, в США с I960 года существует еще один, до последнего времени сохранявшийся в абсолютной тайне объект космической электронной разведки НРО - Национальный разведывательный офис - созданный и руководимый совместно министерством обороны и ЦРУ.

Поскольку в настоящей главе речь идет главным образом о шифрах, остановлюсь кратко на характеристике этих объектов, которые были и, полагаю, остаются главными целями операций ТФП российской внешней разведки.

Агентство национальной безопасности - АНБ - долгое время считалось самым секретным и загадочным учреждением США, о деятельности которого вообще было запрещено чтолибо говорить или писать.

Но активная деятельность внешней разведки по ТФП в это учреждение, разоблачение ряда иностранных агентов, сумевших проникнуть в АНБ, бегство отдельных сотрудников этого агентства на Восток и ставшее известным американской общественности участие в этом внешней разведки способствовали тому, что об АНБ взялись писать средства массовой информации США и ряд западных авторов. Их публикации встретили резкие возражения со стороны АНБ, но в создавшихся условиях остановить появление новых книг на тему АНБ не удалось.

Первым американцем, осмелившимся взяться за тему о содержании работы АНБ, был Дэвид Кан, опубликовавший книгу "Взломщики кодов", против издания которой АНБ усиленно, но безуспешно боролось. Затем с подробным описанием и попыткой анализа деятельности АНБ выступил Джеймс Бамфорд в книге "Дворец головоломок", который прямо утверждал, что, хотя секретность этого учреждения представляется близкой к герметической, большая часть ее является не чем иным, как иллюзией.

Два сотрудника АНБ Б. Митчел и В. Мартин, работавшие на этом объекте в 1958-1960 годах, наиболее полно раскрыли деятельность АНБ по перехвату и дешифровке иностранных линий секретных коммуникаций. Они назвали более 40 "наблюдаемых и читаемых" АНБ иностранных шифров, в том числе и используемых многими союзниками США. Оба затем долгие годы были ценными консультантами для советских спецслужб по вопросам, касающимся АНБ. Периодически и на страницах американской прессы проскальзывает та или иная информация об АНБ. Так, в феврале 1981 г. интересная заметка появилась в журнале "Ньюсуик" ("С" - новый супершпион. Ньюсуик. 1981, 16 февраля). В ней говорилось, что между АНБ и ЦРУ существовало сильное соперничество и неприязнь. Это находило выражение в том, что в АНБ, размещавшемся в 20 милях от штаба ЦРУ - Лэнгли, в Форт-Миде, говоря о ЦРУ, называли это ведомство TBAR, сокращенно от "Those bastards across the River", в переводе с английского звучащее как "Те ублюдки из-за реки" (ЦРУ находится на другом берегу реки Потомак).

Вероятно, высказывается предположение в статье, в целях преодоления этой отчужденности, которая только вредна взаимодействию этих разведывательных служб, бывший директор АНБ Бобби Рей Инман был назначен заместителем директора ЦРУ и стал там фактически вторым человеком.

Прежде чем говорить об АНБ, нужно кратко вспомнить о предыстории этого агентства.

В мае 1919 года в США возникла так называемая "Черная камера" - секретная организация для перехватов "чужих" зашифрованных коммуникаций и дешифрования их.

Первый успешный опыт "Черной камеры" - дешифровка шифртелеграмм японской делегации на международной конференции по военно-морским ограничениям, в ноябре 1921 года.

По состоянию на май 1929 года "Черная камера" раскрыла коды Аргентины, Бразилии, Китая, Пуэрто-Рико, Кубы, Германии, Японии, Либерии, Мексики, Никарагуа, Панамы, Перу, Эль-Сальвадора, Санто-Доминго (Доминиканской республики), Испании, Франции, Англии и даже изучала коды Ватикана. Частично был раскрыт ею код и СССР. При всем том в "Черной камере" было всего шесть сотрудников.

В октябре 1929 года "Черная камера" была закрыта, но работа по перехвату и дешифровке была продолжена в армии США в составе "Сигнального корпуса".

В апреле 1930 года в американской армии была создана новая служба Сигнал интеллидженс сервис (СИС), которая в 1935 г. раскрыла новый действовавший японский шифр, и американцы стали читать практически все японские телеграммы.

В 1939 году японцы сменили шифр на новый, который, однако, уже к 25 сентября следующего года вновь был раскрыт СИС. Именно это позволило американцам знать заранее о подготовке Японии к нападению на США.

Так, из расшифрованной за семь часов до нападения на Перл-Харбор телеграммы японскому послу в Вашингтоне американцы узнали, что в ответ на ноту США, переданную японцам в конце ноября, японцы прерывают переговоры и дают указание послу о срочной подготовке посольства к разрыву отношений и объявлению войны США.

Но из-за халатности, допущенной чиновниками министерства обороны, по словам Бамфорда, "дезорганизация и разделение ответственности стоили США очень дорого".

Эти события декабря 1941 года явились предметом специального расследования после окончания войны. Они подтолкнули американскую администрацию к созданию АНБ.

АНБ было создано 4 декабря 1952 года и довольно быстро превратилось в важнейшую службу в системе разведывательного сообщества США. Этому способствовало то, что в деятельности всех разведывательных служб организация перехвата линии коммуникаций противника - радиорелейных, космических, телеграфных и телефонных - занимает важнейшее место. В то же время дело это чрезвычайно сложное и дорогостоящее.

Действительно, АНБ тратит львиную долю всех ассигнований на разведывательные нужды. Эта служба имеет свои космические системы со спутниками-шпионами, перехватчиками линий коммуникаций, сотни перехватывающих наземных станций и пунктов по всему миру, тысячи квалифицированных специалистов-дешифровальщиков, криптоаналитиков, переводчиков.

В 1947 году американские спецслужбы, занимавшиеся радиошпионажем, заключили секретное соглашение со спецслужбами других государств, которое продолжало действовать и в 60-е годы.

Участников соглашения американская сторона разделила на три группы. К первой относились только сами Соединенные Штаты. Во вторую попали англосаксонские страны: Англия, Австралия, Канада и Новая Зеландия. Страны третьей категории - Италия, Франция, ФРГ, Япония и несколько азиатских государств - союзников США - присоединились позже. Американцы считали, что по этому соглашению страны первой и второй категории не должны были скрывать друг от друга никаких секретов, которые становились им известными в ходе их шпионской деятельности. Странам же третьей группы США предоставляли значительно меньше информации, получая от них все необходимые им сведения.

На практике США не только нарушали соглашение, но и активно шпионили за всеми без разбору его участниками. Станции перехвата АНБ в Италии, Турции, в Каире и в Западной Германии работали не только против СССР и других странучастниц Варшавского Договора, но и против тех государств, на территории которых располагались. Не была в этом плане исключением и Англия.

http://kiev-security.org.ua
САМЫЙ БОЛЬШОЙ В СЕТИ ОБЪЕМ ОНЛАЙН ИНФОРМАЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ
на rus

Кстати, из стран-союзниц США больше всех пострадала Франция. Когда АНБ столкнулось с невозможностью вскрыть французский шифр, ему на помощь пришли ЦРУ и ФБР. ЦРУ завербовало одного ответственного сотрудника посольства Франции в Вашингтоне, и он "просто дважды повернулся спиной: один раз, когда сотрудник ФБР, тайно проникший в посольство, изымал на время посольский шифр, и другой раз, когда тот возвращал шифр на место, сняв с него копию" (Анин Б. Против своих же союзников. Новости разведки и контрразведки. 1997, N 7, со ссылкой на статью в американской газете "Перри Феллвок" середины 70-х годов).

Много интересных актов и сведений о работе АНБ содержится в книге Бамфорда. В начале 80-х годов в АНБ работали 10 тысяч гражданских сотрудников. Кроме того, использовались почти 45 000 солдат, матросов, летчиков, которые занимались перехватом коммуникаций по всему миру.

Из опыта АНБ, да и нашего собственного, а также других западных служб перехвата и дешифровки хорошо известно, что решить эту задачу - чтение иностранных шифров - усилиями дешифровальных служб невозможно. Поэтому все основные мировые спецслужбы занимаются добычей шифров через агентуру и путем проведения операций ТФП в тщательно охраняемые объекты их хранения и работы с ними.

Эта часть разведывательной работы относится к наиболее законспирированной и наименее афишируемой, в том числе и у нас, во внешней разведке. Но все же сведения об отдельных успешных операциях ТФП время от времени появляются в прессе. Например, в начале 80-х годов американский журнал "Ньюсуик" откликнулся пространной статьей на книгу Бамфорда, в которой упоминал о проделанной ФБР по заказу АНБ операции ТФП во французское посольство в Вашингтоне и добыче французских шифров. Кстати, "Ньюсуик" отмечает, что Бамфорд сам однажды работал клерком в группе военно-морской безопасности, которая курировала многие радиоперехватывающие посты АНБ, а также являлся информатором Сенатского комитета конгресса США по разведке в течение расследования практики подслушивания американских граждан. Это объясняет довольно заметную профессиональную компетентность автора в области разведки, о которой он пишет (Мартин Д. Раскрывая секреты АНБ. Ньюсуик. 1982, 6 сентября).

Интересно, что по моим наблюдениям и по свидетельству западных официальных и разведывательных источников, западные сверхзасекреченные учреждения типа АНБ доводят до абсурда системы пропускных режимов и ограничений допуска в них. Это весьма красочно проиллюстрировал тот же Бамфорд.

Различные многоцветные бляхи и жетоны, развешанные на груди, на шее или прикрепленные на лацкане пиджака, означают степень допуска, статус их владельца, зону здания, куда разрешен доступ. Плюс к тому нанесенные на них прорези (В этом месте в оригинале - стр. 403 - 404 - пропуск. Прим. сканмастера) для электронного опознавания личности и так далее, и тому подобное. Автор приводит анекдотический пример, как один сотрудник использовал цветную пачку сигарет, прицепив ее на грудь, и смог беспрепятственно пройти все пункты контроля внутри здания. Та же свистопляска имеет место с постоянной сменой кодовых обозначений степени секретности важных документов.

Читая эти описания строгих ограничений допуска даже внутри АНБ, я вспомнил, как простой курьер - сержант Данлоп - свободно бродил по всем закоулкам этого "сверхсекретного" объекта и собирал нужные для ГРУ разведывательные сведения и материалы.

Или вот очень развеселившие многих читателей в Англии сообщения о новом здании британской разведки МИ-6, переоборудование которого обошлось в 45,5 миллиона фунтов стерлингов. Вокруг этого нового штаба разведки, как сообщал лондонский "Тайм" в августе 1993 года, рьяные охранники МИ-6 соорудили два рва - один наполнили водой и частично замаскировали под фонтаны, другой - сухой. Ну прямо как феодальная крепость. Проведена экранировка помещений, чтобы защитить чувствительные компьютерные системы, содержащие данные о разведывательных и контрразведывательных операциях, от электронного шпионажа. Для доступа во внутренние помещения планируется, помимо пропусков, применять систему идентификации по отпечаткам пальцев, голосу и чертам лица. Принимаются и другие меры защиты.

Спрашивается: неужели руководители МИ-6 полагают, что, отгораживая себя феодальными крепостными укреплениями, они гарантируют сохранность своих секретов?

Опыт показывает, что на любое новое средство защиты почти одновременно придумываются новые средства их преодоления. Так что и этот "Замок на Темзе", как его окрестил "Тайм", как и любая другая крепость, может быть атакована негласно и все его водяные и сухие рвы преодолены.

Думаю, что при всех современных и будущих, еще более изощренных средствах защиты и нападения главным всегда остается человеческий фактор. Именно при помощи его были достигнуты нужные результаты в операциях, о которых еще пойдет речь.

Вернемся к главным объектам интереса внешней разведки с позиций добычи криптологической информации - АНБ в США и ШПС в Англии.

Проникновение в АНБ, хотя и было делом сложным, но как показали результаты в период начала 60-х годов по середину 80-х, вполне реальным.

С помощью своих агентов-сотрудников АНБ Митчела и Мартина, Пелтона и Гамильтона, внешняя разведка получила богатые материалы о деятельности этой спецслужбы, оказавшие большое влияние на организацию успешного перехвата и дешифровки специальной службой КГБ западных коммуникаций, в том числе и тех, что использовались АНБ.

Кроме того, сотрудничество указанных агентов облегчило дальнейшие операции ТФП внешней разведки в АНБ и аналогичные ей другие западные спецслужбы.

Совсем недавно еще одна американская спецслужба, занимавшаяся перехватом, на этот раз космическим, выступила из покрова таинственности на поверхность, причем вынужденно.

В августе 1994 года в средствах массовой информации США вспыхнула широкая кампания возмущения огромными тратами денег налогоплательщиков на сооружение центра для Национального разведывательного офиса (НРО), который под совместным руководством сразу двух спецслужб - АНБ и ЦРУ - ведет космический перехват линий коммуникаций. Скандал возник вокруг строительства под Вашингтоном начиная с 1990 года нового комплекса НРО, стоимостью в 300 миллионов долларов. Толчком к тому, что об этой сверхсекретной спецслужбе заговорили вслух, явилось убийство в ноябре 1993 года на стройке охранника. В связи с началом следствия все и всплыло на поверхность. Большой стоимостью нового комплекса возмутились и в конгрессе США, обманутые неверной, заведомо заниженной почти в два раза сметой стоимости, на которую были санкционированы ассигнования. Конгрессмены направили гневное письмо тогдашнему директору ЦРУ Джеймсу Вулси и министру обороны США Уильяму Перри, которые совместно ведают НРО. Как следует из сообщений американской прессы, НРО был создан в 1960 году, он строит и запускает спутники-шпионы, которые способны регистрировать на земле мельчайшие объекты, вплоть до номера автомашины, осуществляют перехват линий коммуникаций по заказам АНБ и ЦРУ. Объем разведывательных операций из космоса характеризуется огромным бюджетом в 6 миллиардов долларов из общего разведывательного бюджета в 28 миллиардов долларов. Например, ЦРУ отпускается в два раза меньше средств.

НРО оставался до сих пор глубокой тайной для всех, кроме министерства обороны, АНБ и ЦРУ. Даже в конгрессе, санкционировавшем огромные суммы на содержание этой спецслужбы, о ней был осведомлен лишь узкий круг конгрессменов.

Этот пример показывает, что все меньше в мире остается совершенно тайных организаций, спецслужб и других учреждений, проводящих разведывательную деятельность. В условиях, когда технические средства позволяют устанавливать с огромной космической высоты любые новые объекты, как это делает НРО, а агентурная разведка выясняет цель и предназначение их существования, очевидно, теряет смысл чисто внешнее засекречивание. Другое дело - внутренняя охрана секретов всеми возможными средствами. Но и здесь, как я уже пытался показать, агентурные и безагентурные ТФП могут преодолевать практически любые преграды.

Очевидно, поэтому даже славящиеся своей секретностью британские спецслужбы начинают все громче заявлять о себе в средствах массовой информации. То же самое можно сказать и об израильской спецслужбе "Моссад".

Уже позже, в 1993 году, в США появилась книга изменника В. Шеймова об аналоге АНБ у нас в КГБ, о 8-м Главном управлении, сотрудником которого он был до 1980 года. Правда, книга Шеймова не содержит какой-либо существенной информации из области криптологии. Она является скорее саморекламой автора, в которую втиснуты антисоветские и антирусские аспекты, носящие, как правило, голословный и клеветнический характер.

Но и этот автор на отдельных примерах из практики КГБ пытается утверждать об особом режиме засекречивания этой спецслужбы, из которой он явился для США как дар божий, нашпигованный этими "особыми" секретами.

Наивно выглядит приводимый Шеймовым пример о якобы изощренности 8-го ГУ в защите своих сейфов. По его описанию, ключ от рабочих сейфов сотрудников этого управления изготовлен из очень тонкой специальной стальной пластинки и имеет две бородки. Сделан так, что его якобы невозможно подделать, с деликатными бородками толщиной около 0,5 миллиметра, причем на одной из них нанесена едва заметная щербинка сверху. В остальном обе бородки одинаково симметричны. Указанная щербинка - показатель того, как следует вставлять ключ в замок. В случае неверной позиции ключ застревает в замке, и его невозможно изъять. Тогда требуется заменять замок, что является очень дорогостоящим удовольствием из-за сложности замка.

Замечу на эту фантастику автора, что едва ли такой замок не поддастся искусству мастеров ТФП, даже без наличия ключа. Но конечно же самое верное средство проникновения в такой сейф - через агента из числа сотрудников, работающих в учреждении. Ведь тот же Шеймов, если бы он стал "кротом" ЦРУ в КГБ, мог бы либо сам лазить в нужные ЦРУ сейфы, либо содействовал бы в этом специалистам ЦРУ.

То же самое соображение относительно так называемой "разгороженности" внутри спецслужбы, не позволяющее якобы посещать одному сотруднику рабочие места других. Один пример агента ГРУ в АНБ сержанта Данлопа показывает, что всегда можно найти способы

преодоления агентом таких преград. Агент-"крот" в таких случаях является тем "сезамом", с помощью которого открываются двери и доступ ко всем секретам.

Конечно же не любой агент может решать такие задачи. Не случайно Ле Карре высказывается в пользу французских спецслужб в противовес американским. Французы предпочитают, говорил Ле Карре, иметь агентов-секретарей или помощников больших начальников, тогда как ЦРУ гонится за крупными деятелями, занимающими видное место, ведь то, что сподручно делать мелкому клерку, не всегда удобно и даже доступно для руководящего чиновника. Недаром разведка ГДР добилась больших успехов в добыче важнейших разведывательных материалов в ФРГ и НАТО, действуя именно через дюжину секретарш, завербовав их из числа тех, кто обслуживал видных чиновников различных государственных ведомств ФРГ.

Английским аналогом АНБ на британских островах является не менее, если не более законспирированная спецслужба - Штаб Правительственной Связи (ШПС). Выйти из подполья в смысле гласности этой службе опять же "помогла" внешняя разведка, успешно проникнув в нее во время второй мировой войны через агента Кернкросса и других членов агентурной группы "пятерки" Кима Филби, а затем - в 60-80-е годы - через агента Прайма.

Естественно, агенты внешней разведки самым подробным образом вскрыли внутреннее содержание АНБ и как в части структуры, так и выполняемых функций различными их секторами и подразделениями. Так же, как сбежавший на Запад изменник В. Шеймов наверняка подробно рассказал американцам о структуре и функциях 8-го ГУ КГБ.

Кроме того, на Западе в послевоенный период оказались еще ряд изменников, рядовых шифровальщиков, начиная с И. Гузенко, сбежавшего в Канаде в 1945 году. Однако эти последние могли раскрыть противнику лишь сведения о своих конкретных рабочих местах. Думаю, что, поскольку 8-го ГУ теперь уже нет, оно превратилось в Федеральное агентство правительственной связи и информации (ФАПСИ), старая структура этой службы подверглась существенному изменению так же, как и многие функции, в связи с выходом ее из состава КГБ. В этой части сведения Шеймова во многом потеряли свое значение.

Сложнее обстоит дело с защитой заграничных шифровальных служб в представительствах России. Правда, за прошедшее с измены Шеймова время, без сомнения, многое удалось пересмотреть и в этом плане. Но дело в том, что этот изменник работал в 8-м ГУ как раз на участке защиты шифровальных секретов, и я не исключаю, что американские спецслужбы могли воспользоваться его сведениями во вред нашей Родине.

Итак, не будем говорить о структуре, а лишь о главном: чем ШПС был и может дальше быть интересен внешней разведке в части криптографических секретов?

Это действительно самая засекреченная британская спецслужба, решающая такие же задачи, что и АНБ в США.

Родилась она в современном виде в самом начале второй мировой войны. Но еще раньше, как я отмечал, функции перехвата и дешифрования иностранных коммуникаций выполняла так называемая "комната 40". К ее возникновению имел непосредственное отношение тогдашний министр ВМС будущий премьер-министр Великобритании Черчилль.

Наша внешняя разведка вплотную познакомилась с ШПС с началом Великой Отечественной войны, когда внедренный туда агент Кернкросс добывал информацию о дешифровке англичанами немецких линий связи, в том числе и о конкретных военных действиях германских вооруженных сил на Восточном фронте, о перебросках конкретных воинских подразделений, подготовке наступательных операций. Ценность этих материалов ШПС была тем более велика, что передававшиеся нам официально британским правительством отдельные из указанных материалов были максимально обезличены и настолько обобщены, что вполне могли быть дезинформацией.

В послевоенное время ШПС предстал перед внешней разведкой в полном объеме, благодаря приобретению, затем внедрению туда агента Прайма, который в течение 14 долгих лет, с 1968 по 1982 год, исключительно добросовестно сотрудничал с внешней разведкой. Можно сказать, что он не оставил ни одного, даже маленького уголка этой спецслужбы темным для нас. Прайм помог досконально изучить ШПС и роль этой британской спецслужбы в системе британских правительственных органов.

ШПС и в настоящее время остается одной из глубочайших тайн Великобритании. Как космическая "черная дыра", ШПС впитывает все в себя, выпуская наружу лишь бесценные кусочки информации для весьма узкого круга руководителей страны.

Лишь ряд успешных ТФП внешней разведки в тайны ШПС позволили нам быть в курсе деятельности не только британских, но и американских спецслужб, поскольку АНБ и ШПС работали в тесном взаимодействии.

Естественно, о Прайме узнали и англичане, и американцы и смогли оценить нанесенный им этим агентом вред достаточно полно. Но было бы наивно с их стороны полагать, что внешняя разведка не имеет и другие источники по этим спецслужбам и их деятельности.

Как и в АНБ, положение с пропускным режимом в ШПС, по словам Бамфорда, походило на анекдот. Вход в это учреждение был огражден целой серией преград, преодолеть которые ловкому человеку не представляло труда. В то же время территория ШПС была окружена забором из колючей проволоки, сигнализацией и стальными "рогами". Внутрь пропускали только тех, кто имел висящие на шеях жетоны с указанием, куда они имеют доступ, и имена лиц, к кому идет их владелец. На жетонах имелись фотографии их владельцев.

Но все это, по словам Бамфорда, скорее было рекламой прежней секретности, чем реальными мерами защиты. Сами сотрудники ШПС считали пропускную систему сплошным анекдотом. В книге Бамфорда приводится пример, как один сотрудник прогуливался по ШПС с чужим жетоном и никто его не остановил. В другом случае сотрудник поместил на жетоне картинку с Микки Маусом вместо своей фотографии и прошел беспрепятственно контроль.

Автор заключает, что если войти в ШПС не представляло труда, то выйти было еще легче, причем можно было вынести с собой самые секретные материалы.

ПРИМЕРЫ ДОБЫЧИ ШИФРОВ

Интерес к зашифровке текстов в истории прослеживается издревле. Такая защита содержания документов развивалась вместе с развитием государственности и институтами человеческого общества.

Особое значение шифры приобрели в жизни современных государств в связи с невиданным размахом использования таких средств коммуникации, как телефон, телеграф и радио, легко подверженных перехвату и контролю со стороны любых иностранных служб и организаций. Соответственно развивалась и криптология.

Однако, несмотря на такое широкое применение шифров и кодов, тема этих областей деятельности человека не нашла адекватного отражения ни в литературе о разведке, ни в средствах массовой информации. Даже в близкой к разведывательной деятельности детективной литературе можно лишь изредка встретить упоминание о шифре как средстве сокрытия информации.

То, что в разведывательной литературе, в мемуарах разведчиков и агентов мало внимания уделяется криптографии, можно, очевидно, объяснить той секретностью, с которой связана практика работы с шифрами, а также отчасти со сложностью понимания принципов зашифровки и особенно расшифровки, разгадывания чужих шифров и кодов. Играет роль и исключительная сдержанность самих пользователей шифров - спецслужб - и, особенно, их изготовителей, таких организации, как АНБ, ШПС, ФАПСИ, которые не заинтересованы в распространении знаний и информации в этой области. Свидетельством тому упорное сохранение в тайне учреждений, занимающихся работой в этой области, и строжайшее засекречивание фактов чтения ими чужих шифров.

Поэтому не так легко найти сообщения о фактах похищения иностранных шифровальных документов и секретов, расшифровывания спецслужбами добытых документов.

Вот несколько сообщений из того, что удалось автору найти в литературе.

В XVIII веке в большинстве ведущих европейских держав, включая Россию, имелись так называемые "черные кабинеты", занимавшиеся перехватом и дешифровкой частной и дипломатической корреспонденции. В то время как в других государствах деятельность этих кабинетов в XIX веке ограничивали под воздействием общественного мнения, например, в Англии они были даже полностью закрыты в 1844 году, в России "черные кабинеты" действовали беспрепятственно как в "охранке", так и в Министерстве иностранных дел. Причем "охранка" стала первой спецслужбой, поставившей и решавшей задачу выкрадывания иностранных кодов и шифров.

Использование телеграфа для дипломатической переписки в конце XIX века способствовало развитию деятельности "черных кабинетов" по перехвату и дешифровке ее. Известен выдающийся криптолог-аналитик "охранки" Иван Зыбин, работавший в ее московском отделении. В области перехвата и дешифровки дипломатических сообщений российская "охранка" на всем протяжении царствования Николая II занимала лидирующее положение в мире, в то время как в Германии, США, Великобритании и ряде других ведущих государств вплоть до первой мировой войны не было таких служб.

Службы Франции, ее Сюртэ и МИД, также находились на высоком уровне активности. Они успешно работали над дешифровкой дипломатических кодов и шифров других крупных государств. Интересно, что, несмотря на это, французским криптологам не удалось раскрыть российские коды и шифры, тогда как русским удалось взломать некоторые французские шифры.

Известно, что русским и французским дешифровальщикам удавалось читать немецкий и японский шифры. Практически для русских спецслужб были доступны шифры всех других ведущих государств в два предшествующих первой мировой войне года, за исключением Германии из-за смены всех немецких кодов и шифров.

Только с началом первой мировой войны британская служба дешифровки, ее "комната 40", возобновила свою деятельность и добилась успехов в чтении германских шифртелеграмм.

Из архивных материалов Великобритании известно, что в феврале 1906 года английское посольство в России жаловалось в свой МИД на то, что русские спецслужбы имели доступ к их сейфам и документам. Несмотря на смену замков и другие меры зашиты, из посольства продолжалась утечка секретных материалов. Это подтверждает мнение историков о том, что российские спецслужбы были первыми в мире в этой области, успешно перехватывали и дешифровывали, оказывали помощь своим дешифровальщикам путем агентурной добычи вспомогательных материалов в виде оригиналов телеграмм, открытых текстов, кодов и шифров (Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. М., 1990).

Вот еще несколько исторических эпизодов, связанных с шифрами, из истории первой мировой войны.

Английским криптологам удалось раскрыть германский шифр, и они могли читать многие немецкие телеграммы, перехватываемые их службой, упомянутой "комнатой 40". С этим успехом связан ряд эпизодов.

Первый эпизод. В самый разгар войны английский агент "Флора", свободно разъезжавшая по всей Германии с голландским паспортом, сумела, заведя любовную связь с несколькими морскими немецкими офицерами, похитить у одного из них секретный код ВМС Германии, причем ее назадачливый любовник побоялся сообщить об этом своему начальству.

Этот немецкий военно-морской код сыграл, однако, негативную роль для англичан на завершающей стадии известного Ютландского сражения в конце мая - начале июня 1916 года

из-за возникшего недоразумения с расшифровкой немецких сообщений. Криптологи из "комнаты 40" располагали правильной информацией о местонахождении немецкого флота. Из перехваченных ими и расшифрованных шестнадцати немецких депеш, имевших отношение к Ютландскому сражению, о трех было доложено командованию британским флотом. Но одно из них содержало очевидную ошибку, хотя и не имевшую существенного значения, но командующий не поверил и двум другим расшифровкам. В результате английский флот не смог завершить победой это сражение.

Второй эпизод. Читая немецкие шифры в начале войны и знакомясь со всеми телеграммами германского министра иностранных дел Циммермана, англичане обратили внимание на указание немецкому посланнику в Мексике. Ему предписывалось сделать предложение Мексике выступить на стороне Германии против США и воздействовать через японское представительство на Японию с тем, чтобы она покинула Антанту и вступила в Тройственный союз. Это позволило союзникам предпринять профилактические меры.

Кстати, в добыче для англичан указанного немецкого шифра участвовали русские водолазы, извлекшие книгу кодов и другие криптографические документы из затопленного в Балтийском море германского крейсера "Магдебург" 25 августа 1914 года. Переданный Англии код помог в расшифровке немецких телеграмм.

Третий эпизод. В начале 1916 года германские учреждения, в том числе МИД Германии, обменялись с германским дипломатическим представительством в США серией шифрованных телеграмм, которые были прочитаны в "комнате 40". В одной из них настоятельно предлагалось оказывать всемерную поддержку всеми возможными для Германии средствами бывшему британскому консулу Роджеру Кейсменту, который намеревался поднять восстание в Ирландии. В другой телеграмме сообщалось о намечавшейся переброске Кейсмента в Ирландию на подводной лодке.

12 апреля англичане расшифровали телеграмму с кодовым сообщением об отправке Кейсмента, и к моменту его высадки в Ирландии он был там арестован. 3 августа он был повешен как немецкий шпион.

Другим активным немецким разведчиком, проходившим по расшифрованным сообщениям, был капитан германского флота Франц Ринтелен, являвшийся организатором знаменитой диверсионной атаки Германии против США в ходе первой мировой войны. Эта атака состояла из ударов по судам любой государственной принадлежности, перевозивших грузы, предназначенные на военные нужды. Ринтелен был захвачен англичанами, благодаря прочитанным ими сообщениям германского военного атташе в Вашингтоне фон Папена, извещавшего о том, под какой "нейтральной" личиной и каким путем он возвращается домой в Германию.

Между прочим, Ринтелен получил от своей американской агентуры сведения о том, что англичане читают немецкие шифры, и просил принять срочные меры. Однако этому сообщению, на беду Ринтелена, в Берлине не придали значения.

После окончания войны установлено, что немцы частично читали шифрпереписку США и Англии, а также знали шифры Испании, Франции (Виши), Ирландии, Египта, Ирана, Швеции, Швейцарии, Португалии и эмигрантского польского правительства в Лондоне. Из подслушанного ими разговора Черчилля с Рузвельтом немцам стало известно о готовящейся капитуляции Италии. Это позволило им своевременно подтянуть войска для оккупации большей части Италии (Ирвинг Д. Разглашение тайны. Советское досье немецкой разведки о событиях, ведущих ко второй мировой войне. Лондон, Кимер, 1968).

Но не всегда действенность информации, полученной дешифровальщиками, зависит только от своевременной дешифровки. Как видно из примера по Фолклендскому сражению, неправильное отношение к такой сверхсекретной информации может свести на нет всю сложную работу криптографов.

Разительный пример этому - нападение японцев на Перл-Харбор. В тот период американские криптологи читали японские шифры. Когда японское командование приняло решение начать войну против США, в дипломатическое представительство Японии в США было направлено соответствующее указание о необходимости срочно подготовить посольство к эвакуации. Из прочитанной японской телеграммы американцы узнали о грядущем внезапном нападении японских вооруженных сил, в том числе и на самую крупную военно-морскую базу Перл-Харбор на Гавайских островах.

Время для предупреждения командования базы в Перл-Харборе и приведения американских сил там в боевую готовность было, но из-за бюрократических неувязок предупреждение поступило к командующему базой в Перл-Харборе тогда, когда уже рвались японские бомбы и многие грозные американские боевые корабли были потоплены или выведены из строя.

В итоге могучая военно-морская база не только не смогла отразить атаку японских кораблей и авиации и нанести им сокрушительный удар, на что имелись все средства, а оказалась выведенной из строя на долгое время. Это поражение американцев в самом начале войны в Тихом океане обусловило другие неудачи американских вооруженных сил и, безусловно, сказалось на сроках достижения победы.

После создания АНБ в декабре 1952 года эта служба достигла многих успехов. Во время Фолклендской войны с Аргентиной в 1982 году АНБ раскрыло аргентинский код, что позволило снабжать Англию важной актуальной военной информацией.

Однако в борьбе с советскими шифрами, по свидетельству агентов внешней разведки из числа сотрудников этой спецслужбы, американцы потерпели полное фиаско, только после войны им удалось достичь некоторых позитивных результатов.

В конце второй мировой войны американским криптологам повезло с советским шифром. В их распоряжение попала обгоревшая кодовая книга советского посольства в Финляндии.

Используя эту книгу, американцы на основе агентурно добытых из Амторга документов, среди которых оказались оригиналы телеграмм этого советского торгового представительства по ошибке зашифрованных теми же индивидуальными таблицами, которые использовались в шифрпереписке нью-йоркской резидентуры, приступили к расшифровке нескольких шифртелеграмм, направлявшихся из посольства СССР в Москву в годы войны. Этот строго засекреченный проект, получивший кодовое имя "Венона", позволил американским спецслужбам через несколько лет, к 1948 году, частично расшифровать отдельные сообщения из нью-йоркской резидентуры внешней разведки. Из отрывочных расшифровок американская контрразведка сделала некоторые выводы о значительном количестве имевшейся в годы войны у внешней разведки в США агентуры. Она попыталась разыскивать тех из этих агентов, псевдонимы которых могли фигурировать в расшифрованном частично тексте. Так, например, американцам удалось определить, что якобы четырнадцать наших агентов работали в американском Управлении стратегических служб (УСС), предшественнице ЦРУ, а пять якобы имели доступ к Белому дому (Надеин В. Даже разгадав советские шифры, США не уберегли свой атом от шпионов. Известия. 1995, 13 июня).

Американцы также смогли прочесть содержание телеграммы, посланной резидентурой внешней разведки на основании важного информационного сообщения агента Маклина. Результат этого успеха американских дешифровальщиков для внешней разведки был печальным. Маклину и другому агенту группы Филби Берджесу пришлось спасаться бегством в Москву, а позже, через десять лет, и самому Филби покинуть Англию.

Частичная расшифровка другой телеграммы той же резидентуры внешней разведки помогла американской контрразведке установить причастность к атомному шпионажу другого ценного агента, "Фукса", арестовать его и ряд агентов, бывших у него на связи.

Таким образом, в результате ошибочного использования дважды разовых шифртаблиц был нанесен удар сразу по двум важнейшим агентурным группам внешней разведки, что подчеркивает важность сторого обращения с шифрами (Лебедев И. "Досье "Веноны". Новости разведки и контрразведки. 1996, N8).

Как пишет английский контрразведчик Питер Райт в своих мемуарах, американцы считали наиболее опасными агентов советской внешней разведки, занимавшихся атомным шпионажем. В общем, как заявляли американцы, им удалось раскрыть около 1200 кличек, из которых около 700 относились, по их оценкам, к низким уровням контактов с американцами, что естественно для любой разведки как массовая, первичная база.

Полагаю, что американские криптологи сознательно создавали впечатление успешности своей работы. Тем более что это касалось советских шифров, никогда ранее не поддававшихся вскрытию.

Но в известной мере уже в первые послевоенные годы им все же удалось получить опасную информацию для положения и деятельности резидентуры внешней разведки в США, однако многого они не могли добиться.

Еще в самом начале работы американцев над советскими шифрами, в 1950 году, находившийся в США в качестве представителя СИС при ЦРУ и ФБР Ким Филби получил от американцев подробную информацию по проекту "Венона". Его даже ознакомили с расшифровками отдельных кусочков советских телеграмм.

Кроме того, агент внешней разведки Руперт, работавший в американской службе криптографов, еще раньше, в 1945 году, предупредил нас о том, что американцы пытались решить задачу разгадки советского шифра, используя добытый код. Как сообщал Руперт, еще в феврале 1945 года американцы бросили большие силы на расшифровку советских шифрованных телеграмм периода 1941-1942 годов, когда им удалось добыть одну незашифрованную телеграмму Амторга. Тогда же Руперт сообщил, что США были в курсе всех сообщений японского военно-морского флота, читая японские шифры. Благодаря этому их флоту своевременно становилось известно о планах и перемещениях японского флота и удавалось добиваться победы во всех последних сражениях на море с японцами. Кроме того, читая все телеграммы японского посла в Москве, они могли лишний раз убедиться в том, что Москва вела с ними честную игру, что касалось ее отношений с Японией (Феклисов А. За океаном и на острове. М.: ДЭМ, 1994).

Об этой истории с нашей кодовой книгой писали и другие бывшие сотрудники американских спецслужб в своих мемуарах (Райт П., Гринглас П. Ловец шпионов. Нью-Йорк, 1987).

Могу отметить, что, как только поступили первые сигналы о наличии в распоряжении американцев советской кодовой книги, все такие книги были заменены в советских учреждениях на новые. Что касается самих шифров, то, поскольку используются так называемые разовые таблицы, им никакой опасности не грозило. Только попадание отдельных разовых таблиц, которыми зашифрована какая-то телеграмма, в руки противника могло бы дать ему возможность прочитать опять же только такую отдельную телеграмму. Код же, являясь чисто техническим инструментом, не дает сам по себе никаких возможностей для чтения зашифрованных текстов, хотя и значительно облегчает задачи расшифровки.

Как сообщали агенты внешней разведки Мартин и Митчел на пресс-конференции в Москве в 1960 году, АНБ добилось успехов в раскрытии шифров многих стран мира. Агентство читало шифрпереписку более 50 государств, в том числе и ряда своих союзников, что облегчало США ведение переговоров по политическим, экономическим, военным и другим проблемам. Мартин назвал Италию, Турцию, Францию, Югославию, Египет, Индонезию, Уругвай.

АНБ, как и аналогичные спецслужбы в других странах, активно пользовалось помощью других специальных служб, в частности ЦРУ и ФБР, в тех случаях, когда оно сталкивалось с незнакомым шифром, вводимым заново в каких-либо государствах. Так, по сообщению Леруа-Фэнвилля, повторенном в американском журнале "Ньюсуик" в 1982 году, когда АНБ потребовалось добыть французские шифры, ЦРУ завербовало французского разведчика, работавшего в посольстве Франции в Вашингтоне, и с его помощью агенты ФБР провели операцию ТФП в это посольство, изъяли и скопировали все шифровальные документы и затем возвратили их на место, не оставив никаких следов. АНБ получило таким образом ключи к

французским шифрам (Ньюсуик. 1982, 6 сентября). В том же журнале со ссылкой на Леруа-Фэнвилля сообщалось, что французская разведка осуществляла операции ТФП в американские посольства в Африке, вскрывая их сейфы, и, надо полагать, добывала, в свою очередь, американские криптографические документы.

В своей книге Леруа-Фэнвилль утверждает, что задачи специалистов "Службы 7" французской разведки состояли в проведении операций ТФП, постоянными объектами которых были иностранные посольства. "Мы, - писал автор, - пытались проникать в них, перехватывать их курьеров, их секреты и другие секреты. Рутинной обязанностью "Службы 7" являлась незаметная проверка содержания дипломатических почт" (Леруа-Фэнвилль М. СДЕСЕ. Служба 7. Париж, 1980).

Помимо тех кратких эпизодов, связанных с добычей иностранных шифров нашими спецслужбами, которые приводят западные авторы со ссылками на изменников, небольших заметок о подобных же операциях западных спецслужб, в том числе наиболее подробных и содержательных описаний в указанной книге Леруа-Финвилля. Наиболее откровенным рассказом деятельности британских спецслужб в области добычи и вскрытия чужих шифров явились откровения бывшего английского контрразведчика Питера Райта.

Он рассказывает в своих мемуарах, как британские спецслужбы и он лично с несколькими агентами контрразведки, работавшими в чехословацком посольстве, осуществляли операции ТФП в шифровальное бюро этого посольства и изымали оттуда шифрдокументы. Слепки с ключей от сейфов они получали через своих агентов. Это изъятие шифров позволило ШПС читать чехословацкую шифрованную переписку, однако только 6 месяцев, после чего шифры были заменены, а английские агенты уволены из посольства. В связи с этим можно предположить, что чехословацким спецслужбам стало известно о компрометации чехословацких шифров.

Райт приводит и другой пример о том, как британским спецслужбам, также с его участием, удалось провести аналогичную операцию в египетском посольстве. Это произошло как раз перед Суэцкой войной Франции, Англии и Израиля против Египта, что позволило британским спецслужбам в период войны своевременно добывать информацию из шифрпереписки египтян, которая оказалась очень актуальной для указанных стран-противников Египта.

При этом англичане читали не только переписку Египта с посольством в Лондоне, но и с посольством в Москве и других странах. Это позволило им быть в курсе советско-египетских отношений в этот критический период.

Наиболее важным успехом британских спецслужб, по словам П. Райта, было вскрытие французских шифров, благодаря разработанному новому методу перехвата линий коммуникаций, получившему кодовое название "Стокэйд", то есть по-русски что-то вроде "перехватчик". Этот метод позволял раскрывать шифр по перехваченным излучениям шифровальных машин при зашифровке или расшифровке телеграфных сообщений. Используя метод "Стокэйд", англичане успешно читали шифрованную переписку французского посольства в Лондоне в течение трех лет - с 1960 по 1963 год. С их же подачи этот метод

применило АНБ и также получило доступ к чтению шифртелеграмм французского посольства в Вашингтоне. Так продолжалось до тех пор, пока французы не обнаружили слабую защищенность своих шифрмашин и усилили экранизацию их излучения. Рассказывает Райт и о том, как английские спецслужбы, используя "Стокэйд", добывали секреты шифров многих других государств, чьи шифровальные машины не были защищены надежными экранами. В том числе они читали шифрпереписку Греции, позволившую англичанам быть в курсе греческой политики в период обострения греко-турецких отношений из-за Кипра.

Подобного рода сообщения о получении чужих шифровальных секретов имеются и у других авторов книг на темы о разведке. Хотя они и не отличаются такими подробностями, как у Леруа-Фэнвилля или П. Райта, по ним можно составить представление о том большом значении, которое все спецслужбы придают этой области разведывательной деятельности. При этом делаются попытки "разоблачений" внешней разведки и КГБ как чуть ли не единственных спецслужб, которые занимаются операциями ТФП, хотя, как видно из представленных примеров, западные спецслужбы, и американские, и британские, и французские, теперь не скрывают, что этот вид разведки давно и активно взят ими на вооружение и успешно используется.

Например, два автора одной книги - К. Эндрю и О. Гордиевский в основном пишут только о КГБ, распространяясь о том, что и как совершал Комитет в этой области. При этом, явно с подачи изменника Гордиевского, сообщается все то, о чем твердили в разное время другие изменники. Ведь сам-то Гордиевский был не особенно осведомлен об этой области разведывательной деятельности. Наиболее часто в их книге фигурируют изменники Ю. Носенко и П. Дерябин, причем по большей части их "позиций" в изложении этих двух авторов представлены неточно и в основном являются пересказом давно прошедших и недостоверных событий, ничем другим, кроме доносов указанных изменников, не подтвержденных.

Так, утверждается, что КГБ широко проводил операции ТФП почти во все иностранные посольства в Москве. Наиболее часто и успешно добывались японские шифры из посольства Японии, где якобы шифровальщиком работал агент КГБ, который имел возможность делать слепки с ключей от всех посольских сейфов. Имея ключи, специалисты КГБ получали доступ к японским шифрдокументам, копии которых затем передавались в 8-е ГУ для чтения всей закрытой переписки японского посольства.

В книге пересказывается также сообщение Носенко о том, как КГБ осуществлял операцию ТФП в шведское посольство - также с целью добычи шифров. Об этом более подробно было сообщено еще в 1974 году в книге Д. Баррона с описанием о том, как КГБ смог преодолеть преграду в лице охранника и его злобной сторожевой собаки, отвлекая их внимание от охраняемого объекта с помощью любовницы и большого куска мяса, скормленного, пока шло проникновение в здание посольства.

Ссылаясь на другого изменника, Илью Джерквелова, сбежавшего на Запад в 50-е годы, авторы констатируют, что КГБ проникал в посольства Турции, Ирана, Сирии, Египта и других ближневосточных государств.

Конечно, надо полагать, что этого "дыма" не могло быть "без огня", о чем был осведомлен Ю. Носенко, будучи руководящим работником 2-го Главного управления КГБ, ведавшего такими операциями. Чего-либо более определенного сказать не могу, так как в те годы не имел никакого отношения к операциям ТФП и ничего о них не знал.

Одно могу утверждать: иностранные шифры советская внешняя разведка умела добывать и добывала успешно, о чем свидетельствуют операции "Олимп" и конечно же "Карфаген". Видно это будет и на других примерах, которые смогу описать с большей определенностью дальше.

Подытоживая сказанное об АНБ, еще несколько слов об этой самой мощной западной спецслужбе, занимающейся раскрытием шифров. Ее штаб расположен в Форт-Миде и представляет собой большое 9-этажное здание, окруженное трехэтажными строениями, в которых идет гигантская по объему и сложности компьютерная и аналитическая обработка перехватываемых по всему миру материалов. Математики и лингвисты с помощью грандиозных компьютерных систем, включающих два суперкомпьютера "Карилльон" и "Лоадстоун", размещенных в подземной части здания, выпускают до 40 тонн секретной бумажной продукции в день. Когда не удается "раздеть" перехваченные шифрованные сообщения и извлечь содержащиеся в них секреты при помощи компьютеров, совершающих миллиарды комбинаций, АНБ обращается, как уже упоминалось, к помощи других спецслужб, чтобы они своими средствами попытались добыть нужные шифры.

Что касается советских шифров, то после удачи с кодовой книгой, добытой в Финляндии, АНБ никаких успехов не имело. И это не только сведения Бамфорда, но и многочисленные свидетельства агентов внешней разведки, работавших в АНБ. Кроме того, как говорили ответственные сотрудники этой службы, она испытывала и другие большие затруднения с перехватом и незашифрованных линий связи Советского Союза. По их словам, до 75% советских линий связи хорошо защищены и замаскированы и не поддаются перехвату. Остальные же советское руководство не считало нужным защищать из-за их малой значимости. Действительно, как свидетельствует американская пресса, тот же журнал "Ньюсуик", операции АНБ в этой области были чрезвычайно малоэффективными и не оправдывали большие затраты на них.

В этой связи хочу напомнить операцию "Берлинский тоннель", когда в течение нескольких лет АНБ впустую работало по перехвату советских линий коммуникаций, по которым вся активная секретная связь была прекращена. Это стоило АНБ многих десятков миллионов долларов, затраченных на перевод и анализ по существу бумажной макулатуры. Очевидно, трудно ожидать эффекта от таких перехватов. Другие аналогичные трудности АНБ проистекали также из-за успешной работы советской разведки по агентурному ТФП в эту службу. Так, Бамфорд сетует на то, что два агента внешней разведки - Д. Бойс и Х. Ли - информировали внешнюю разведку о перехватах американцами советских космических линий связи. В результате коммуникации советских спутников были переведены на слаботочную аппаратуру, которая перестала поддаваться перехвату.

ГЛАВА XII. ВСЕ ТЕ ЖЕ ШИФРЫ И КОДЫ

Если подходить к операциям ТФП с позиций только или главным образом добычи шифровальных документов, что, безусловно, в прейскуранте ценностей разведывательной информации стоит на одном из первых мест, то в работе внешней разведки в послевоенный период три агентурных операции ТФП должны считаться наиболее важными и ценными: операция "Карфаген" в начале 60-х годов и операции с участием агентов Прайма и Уокера.

С точки зрения значения их для успешной деятельности электронной разведки (ЭР) Советского Союза, все они равнозначны по своим принципиальным результатам. Все три давали такую массу ценнейших криптологических сведений и информационных материалов, что трудно предпочесть значение одной из них.

Операция "Карфаген", подробно описанная в главе IV, снабдила нашу ЭР такими материалами, которые имели как текущее значение для чтения современных тому периоду коммуникаций по линии военных ведомств США и НАТО, так и долговременный характер, то есть в течение ряда лет наши специалисты были в курсе развития американской криптологии и практических усовершенствований в этой области, в том числе современной шифровальной аппаратуры.

Операции Прайма и Уокера в определенной степени явились как бы продолжением операции "Карфаген". В связи с этим вернусь еще раз к операции Прайма, но теперь с точки зрения добычи шифрдокументов, а затем подробно остановлюсь на операции Уокера.

ОПЕРАЦИЯ ПРАЙМА

О том, как внешняя разведка завербовала и осуществила операцию ТФП в британскую спецслужбу ШПС, кратко было описано в главе V. Сейчас, говоря только о шифрах, можно подробнее остановиться на этом выдающемся разведывательном успехе внешней разведки в Англии. Уже из опыта работы агента Джона Кернкросса внешняя разведка имела возможность полностью оценить значение такой спецслужбы, как ШПС, поэтому постоянно нацеливала свои усилия на ТФП в нее своих агентов.

Для лучшего представления о том, что из себя представляет ШПС, небольшое отступление в его предысторию.

Действующий в настоящее время ШПС является продолжателем операций, начатых упоминавшейся "комнатой 40", осуществлявшей перехват и дешифровку "чужих" коммуникаций. Она явилась прообразом Правительственной школы шифровки и дешифровки при Оперативном разведывательном центре, созданном в 1937 году.

В 1939 году ПШШД выделилась из ОРЦ и переехала в загородное здание в Блэули-Парк, тогда и стали ее именовать БП.

Начиная с конца мая 1941 года ОРЦ ежедневно получала из БП по телексу расшированные немецкие радиограммы.

К концу войны БП вырос в учреждение со штатом в 10 000 человек, в нем уже широко использовались счетные машины. Работа по расшифровке немецких шифров была налажена так, что, например, при расшифровке радиотелеграмм с немецких подлодок англичане "испытывали не больше трудностей, чем их получатели".

В этот именно период материалы, содержащие расшифрованные немецкие телеграммы, внешняя разведка получала через группу Филби, которые добывались сначала Э. Блантом, а затем агентом Д. Кернкроссом. Интересно, что Блант, наряду с материалами БП, передавал и материалы британского агента в абвере Пауля Тюннеля. После того как в марте 1942 года в БП удалось устроиться Кернкроссу, через него пошел большой поток важной информации о действиях немцев на советском фронте. Именно этот агент внешней разведки каждую неделю приносил работавшему с ним советскому разведчику большую пачку расшифрованных немецких телеграмм. Летом 1943 года он своевременно передал немецкие сообщения о подготовке операции "Цитадель" на Курской дуге, что позволило советскому командованию нанести сокрушительные упреждающие удары по немецким аэродромам и скоплениям танков. За эту информацию Кернкроссу была выражена благодарность Москвы.

Для характеристики БП как источника важной военной информации во время второй мировой войны для внешней разведки показатель цифра 15.000 немецких телеграмм, расшифрованных в БП.

После войны БП было переименовано в ШПС - Штаб Правительственной Связи, куда и устремился новый агент внешней разведки Прайм (Бизли П. Разведка особого назначения. М.: Прогресс, 1991). Для того чтобы проникнуть туда, ему потребовалось шесть лет целенаправленной работы.

Агент Прайм был завербован внешней разведкой в самом начале января 1968 года в Берлине, когда он работал переводчиком на британской базе электронной разведки в Гатово, в Западном Берлине. Его вербовка была проведена на идейной основе, поскольку он разочаровался в западной демократии и готов был служить делу социалистического преобразования мира. С учетом его данных: знание русского языка, молодость и уже имеющаяся связь с исключительно интересовавшими внешнюю разведку системами британской ЭР, в работе с ним сразу же была взята установка на ТФП в ШПС.

Интересно отметить, что внедрения Прайма в ШПС по времени совпало с началом работы советской внешней разведки с агентом Уокером США с той же целевой направленностью ТФП в американские криптологические секреты.

Кроме того, у нашей службы появились еще два ценных агента в США, работавших в АНБ: Эндрю Дальтон Ли и его партнер Кристофер Джон Бойс. Последний занимался обслуживанием шифрованной связи с космическими спутниками и имел доступ к самым "чувствительным", то есть строжайше охраняемым секретам АНБ. Через его руки проходили ежедневно сменяемые ключи к шифровальным машинам, использовавшиеся на всех каналах связи в американских спецслужбах, в том числе от АНБ к ЦРУ и в обратном направлении.

Используя своего партнера Ли в качестве курьера, Бойс передавал внешней разведке шифровальные ключи заблаговременно, на месяц вперед, а также копии сообщений, содержавших наиболее важную разведывательную информацию, получаемую АНБ через спутники.

Поскольку Прайм к моменту вербовки заканчивал срок службы в британских ВВС, ему было поручено устроиться на работу в ШПС, поскольку имел опыт в обработке материалов перехвата на русском языке.

Судя по его характеристике в ВВС, можно было рассчитывать на удачу. Так и получилось, Прайм получил назначение в лондонскую группу обработки материалов.

Перед отъездом из Берлина Прайм прошел у нас краткую подготовку по оперативной линии, был обучен пользованию средствами оперативной техники для связи: шифрам, приему радиопередач, тайнописи, изготовлению микроточек, работе с фотоаппаратом "Минокс". Агент был снабжен всеми необходимыми аксессуарами для поддержания связи: программой радиопередач для него, копиркой с тайнописью, описанием тайников и набором одноразовых шифровальных таблиц. Все эти материалы были надежно замаскированы в дипломате Прайма.

Проработав около шести лет в специальном дешифровальном подразделении - лондонской группе обработки космического перехвата всех советских каналов связи, размещавшейся в Сент-Данстанз Хилл, - он достиг в марте 1976 года главной цели, поставленной перед ним. Сдав экзамены по окончании курса обучения, Прайм получил аттестат высококвалифицированного специалиста по русскому языку и в качестве шифровальщика-аналитика был переведен на работу в самое секретное ядро ШПС - в Челтнем.

Хотя первые шесть с половиной лет он давал внешней разведке меньше криптологических секретов, чем информации о практическом применении их в ШПС, но после 1975 года, когда он достиг поставленной цели, из Челтнема от него стали поступать такие материалы, что он превратился в полноценный источник знаний о британской криптологии и криптографии, а следовательно, и об американских секретах в этой области в силу самого тесного взаимодействия ШПС с АНБ.

Таким образом, с этого момента началось самое плодотворное для внешней разведки сотрудничество с агентом по раскрытию криптологических секретов британской ЭР, ради которого и велась вся целенаправленная работа с Праймом.

Связь с агентом осуществлялась только по конспиративным каналам - к нему через радиопередачи, от него - по почте с использованием тайнописи и микроточек. Изредка проводились личные встречи, но только в других странах, куда Прайм эпизодически выезжал.

Так, после начала работы в Челтнеме, к сентябрю 1976 года, Прайм привез на личную встречу в Вене большое количество заснятых им на фотопленку сверхсекретных материалов ШПС. С этого момента поток материалов от агента все увеличивался. Перерыв в агентурном

ТФП в ШПС, создавшийся после ухода оттуда агента Кернкросса, был ликвидирован, и до 1982 года, когда Прайм был арестован, в этом важном объекте постоянно находился наш "крот".

Провал Прайма никак не был связан с какими-либо ошибками и недочетами со стороны внешней разведки, его арестовали из-за отклонения от норм в его личном поведении. И только позже британская контрразведка, в результате доноса его второй жены, перед которой агент неосторожно расшифровался, узнала о его сотрудничестве с внешней разведкой.

До ареста Прайма в 1982 году британское правительство вообще отказывалось публично открыть истинное предназначение ШПС. В прессе же с конца 70-х годов именовали эту спецслужбу как "наш шпионский центр в Челтнеме".

Жесткие меры секретности не смогли после ареста Прайма сдержать увеличения интереса СМИ к этой спецслужбе. Начиная с 1984 года серия новых скандалов потрясла ШПС в связи с самоубийствами ряда его сотрудников.

В 1984 году британским властям пришлось даже конфисковать книгу о ШПС под названием "Благо под знаком минус" бывшего сотрудника ШПС Джона Кейна, изложившего сведения о взаимоотношениях ШПС и АНБ, в частности о том, что касалось фолклендского кризиса.

В результате английское правительство признало, что оно читало дипломатическую шифрованную переписку Аргентины в течение многих лет. Как оказалось, ШПС в этом помогало АНБ, категорически не желавшее публичной огласки своих тайн.

Стало известно и о причастности ШПС к судьбе их бывшего руководящего сотрудника Лесли Беннета, возглавлявшего в ШПС до 1954 года ближневосточный отдел. Эмигрировав в Канаду, он возглавил там советский отдел канадской службы безопасности. О том, как он под воздействием доносов изменника Голицина, описанных в главе VIII (см. операция "Мутант"), был, по существу, репрессирован, выброшен с работы, ШПС знал, но не счел нужным выступить в защиту своего бывшего сотрудника (Анин Б., Петрович А. Беспроволочная война. Новости разведки и контрразведки. 1996, N 7).

ДЕЛО УОКЕРА И ЕГО ГРУППЫ

Что касается агента Уокера, то его деятельность в течение целых 17 лет превосходит любые возможные оценки. Его информация не только способствовала решению важных оборонных задач, в частности, что касается противостояния мощному американскому военно-морскому флоту, он обеспечивал ЭР КГБ информацией о принципиальных направлениях развития криптологии и криптографии в США, их замыслах и конкретных мерах в этой области.

Прав американский публицист Д. Баррон, считающий операцию Уокера крупнейшим поражением ЦРУ и ФБР и, следовательно, важнейшей победой внешней разведки в XX веке (Д. Баррон. Раскрытие сети. Нью-Йорк, 1988).

Всего в США по делу Уокера было опубликовано четыре книги и много статей. Одна из книг, появившаяся уже в 1993 году, написана Питом Эрли, который лично подробно интервьюировал Уокера в процессе написания книги (Эрли Л. Семья шпионов. Нью-Йорк, 1993).

В момент вербовки внешней разведкой Уокер являлся старшим дежурным офицером по связи в штабе командующего подводным флотом США в Атланте. Это произошло впервые в октябре 1967 года в посольстве СССР в Вашингтоне, затем на встрече в январе 1968 года, когда он в качестве доказательства своих разведывательных возможностей передал сотруднику внешней разведки месячные ключи для шифровальных машин, использовавшихся на военно-морских судах США. Уже в феврале того же года, на встрече, состоявшейся за пределами Соединенных Штатов, Уокер вновь передал уже несколько ключей для шифра в виде специальных карточек. Передачу шифрключей Уокер производил систематически на всем протяжении своего сотрудничества с нами, и в целом количество их, по оценке американской спецслужбы после его ареста, было достаточно для раскрытия и прочтения более миллиона зашифрованных сообщений, проходивших по линиям коммуникаций ВМФ США.

Вербовка Д. Уоркера исключительно удачно совпала с поступлением в службу ЭР КГБ американской шифровальной машины "KL-7", которую северокорейские власти обнаружили на захваченном ими 23 января 1968 года вблизи их побережья американском судне "Пуэбло". В это же время Уокер передал внешней разведке ежедневные таблицы ключей к этой машине.

В связи с потерей шифрмашины "KL-7", Агентство национальной безопасности сочло вполне возможным использовать ее после внесения модификации и меняя ежедневно ключи.

Но АНБ не знало, что Джон Уокер уже стал регулярно снабжать КГБ ежедневными ключами к этой машине, а как только были разработаны модификации и разосланы по военным подразделениям соответствующие технические руководства, агент немедленно снял копии с этих документов и передал их советскому разведчику.

Следует добавить, что шифрмашина "KL-7" была основной и использовалась ВМС, ВВС, морской пехотой, армией США и ЦРУ.

Таким образом, благодаря Уокеру, по словам Пита Эрли, создалась ситуация, #"как если бы ВМС США открыли филиал своего центра коммуникаций прямо посреди Красной площади"# (За рубежом. 1995, N 37).

О том, какое значение имеет своевременная расшифровка коммуникаций военных ведомств, напоминает эпизод с расшифровкой американцами японских телеграмм перед японской атакой на Перл-Харбор. Тогда американцев подвела замедленная реакция на добытую информацию, что привело к трагедии. В части реализации добывавшейся через Уокера информации в нашей спецслужбе все было отработано четко.

Когда шел судебный процесс над Уокером, один из американских адмиралов, давая показания контрразведке, сетовал постфактум на то, что во время крупных военно-морских

учений американского флота, при самом строгом соблюдении конспирации и сохранении в строжайшей тайне места и обстоятельств их проведения, к моменту прибытия американских кораблей в район учений, их там всегда уже ждали советские корабли-наблюдатели. Теперь ясно, говорил адмирал, что в распоряжении русских были американские оперативные планы. Тогда же приходилось просто недоумевать и удивляться такой прозорливости.

То же самое происходило и с подводным флотом США. Благодаря материалам Уокера были раскрыты секретные средства слежения за американскими подлодками, и это позволяло точно знать местонахождение в любой данный момент всех американских субмарин, в том числе и с ядерными зарядами. Любое передвижение американской подлодки, выход ее из портов были известны нашим наблюдателям. Секретная шифрованная связь подлодок, которые сообщали своему командованию о местонахождении и направлении движения, все это находилось под контролем, благодаря добывавшимся внешней разведкой через Уокера шифрам и ключам к ним.

Теперь представь, читатель, что американские боевые корабли или подлодки, вооруженные ядерным оружием, направились бы с агрессивными целями к берегам нашей страны. Наши оборонные силы, заблаговременно зная об этом. были бы готовы встретить их там и дать соответствующий отпор. Вот что значит иметь одного, только одного такого агента в тылу противника.

Можно многое было бы рассказать из того, как работали наши разведчики с Уокером, а после того как он создал целую агентурную группу, завербовав своего друга Уитворта и сына Майкла, со всеми этими агентами. Подробно об этом пишет Баррон, правда, только на основе показаний тех агентов, которых арестовало ФБР. Полная картина деятельности этой агентурной группы остается тайной для американских спецслужб, и у меня нет оснований раскрывать ее. Могу только подтвердить, что работа с группой Уокера велась так высококвалифицированно, что за все 17 лет сотрудничества Уокера с внешней разведкой у американской контрразведки не могло и не возникало никаких подозрений на его счет. Раскрыта группа была исключительно из-за расшифровки Уокера перед его бывшей женой Барбарой, которая и выдала его ФБР.

Говоря о роли американской контрразведки в этом "раскрытии", не могу не отметить в высшей мере топорной работы этой службы.

Баррон и рецензенты его книги пытаются выдать работу ФБР по этому делу за "восхитительный пример контрразведывательной деятельности". В то же время сам Баррон, по ходу изложения истории об "агентурной сети Уокера", #вынужден привести такие факты бездарной работы ФБР, что их можно назвать восхитительным безобразием, а не успехом#.

Как оказалось, бывшая жена Уокера неоднократно пыталась сообщить ФРБ о том, что ее муж является русским шпионом, и лишь на третью ее попытку ФБР прореагировало и приступило к соответствующему расследованию.

Если бы ФБР действительно работало хотя бы удовлетворительно, то нельзя исключать, что из-за сложившейся обстановки вокруг Уокера внешняя разведка могла бы потерять этот источник на пару лет раньше.

В заключение об этом изумительном примере успешной агентурной операции ТФП в американскую спецслужбу приведу некоторые оценки этого дела американскими специалистами.

Сами американские криптологи считали, что материалы Уокеров, при их серьезном глубоком изучении советскими криптологами, могли самым подробным образом раскрыть перед ними как концепции американских шифровальных служб, так и принципы их работы с цифрами, этого было достаточно, по их мнению, для того, чтобы, даже не имея шифровальных ключей в дальнейшем, они смогли бы сами подобрать ключи к шифрам и читать их на основе того, что было скомпрометировано переданными Уокером материалами. В этой связи американских специалистов тревожило не только то, что стало уже известно нашим специалистам об американских шифрах, но в не меньшей мере будущее американской криптологии. АНБ затратило огромные средства на совершенствование действующих систем. Целых 17 лет советские специалисты тщательно анализировали ход развития американской криптографии, так что любые новые преобразования в этой области могут быть разгаданы советскими специалистами на основе этого долголетнего опыта. Тем более что все находящееся в АНБ оборудование можно считать заочно знакомым для советских специалистов.

Второй аспект оценки американцами ущерба от раскрытия их секретов внешней разведкой состоял в том, что эти агенты передали ей также практически все секреты военно-морских сил США. Эта разведывательная информация, по их мнению, неизбежно учитывалась в развитии советского современного военно-морского флота, способствовала подтягиванию его до уровня технического снаряжения лидирующего в мире флота США.

Интересна оценка американцами деятельности Майкла Уокера, который успел поработать на внешнюю разведку всего один год.

В заключении специалистов констатировалось, что #Майкл Уокер передал в распоряжение внешней разведки огромное количество совершенно секретных документов, инструкций и положений, действовавших на кораблях военно-морских сил США. Среди более 1500 таких документов имелись материалы, определявшие характер и обстоятельства применения американским военно-морским флотом ядерного оружия, показатели всех имевшихся и намеченных к поступлению средств вооружения, которыми располагали суда ВМФ. Из указанных материалов было также ясно, по каким конкретным объектам в военное время будут наносить удары те или иные боевые корабли, способ маскировки американских кораблей, сильные и слабые стороны их. В общем, самая секретная информация, способная облегчить задачу СССР в боевых условиях, его стратегическое и тактическое превосходство.#

Если учесть, что встречи с Уокером или членом его группы Уитвером назначались таким образом, чтобы у наших дешифровальных служб постоянно были действовавшие в период между встречами ключи, то можно считать, что дешифровальщики наших служб

расшифровывали проходившие по эфиру сообщения почти одновременно с американскими шифровальщиками.

Теперь представьте такую гипотетическую картину: американский флот находится в плавании по соседству с нашими сопровождающими его боевыми кораблями.

Радист-шифровальщик флагмана американского флота получает для передачи командирам других американских кораблей указание, быстро шифрует его и посылает по радио.

Радист флагмана советского флота теми же шифрованными ключами, полученными от Уокера, немедленно расшифровывает американскую депешу и одновременно с докладами радистов американских кораблей, докладывающих полученное указание своим командирам, докладывает текст этого указания своему командиру. Естественно, действия и маневры американских кораблей становятся ясными для советского флота и предоставляют в его распоряжение выбор для соответствующей реакции.

Стоит ли удивляться американскому адмиралу, сетующему на "прозорливость" советских военно-морских сил? Можно только удивляться тому, почему американцам не пришла мысль об утечке информации?

По правде говоря, хотел бы, чтобы такое отсутствие элементарной бдительности у американских спецслужб продолжалось и впредь, тогда внешней разведке можно было бы спокойнее продолжать свою работу. Хотя, впрочем, операция ТФП в ЦРУ агента Эймса, пожалуй, свидетельствует, что американская контрразведка так и не усвоила урок 1985 года, позволив этому нашему агенту, несмотря на допускавшиеся им серьезные ошибки, беспрепятственно снабжать внешнюю разведку самой важной информацией из ЦРУ.

Наши криптологи имели своевременно не только ключи к американским шифровальным машинам, но знали и все радиочастоты, действовавшие в ВМФ США, а также подробные описания и даже чертежи американских шифрмашин, использовавшихся на судах надводного и подводного флота.

У меня нет сомнения в том, что спецслужбы КГБ могли добыть или изготовить аналоги американских шифрмашин, необходимых для использования в полевых условиях. За долгие 17 лет сотрудничества с Уокером таких машин, безусловно, можно было изготовить столько, сколько потребовалось бы для претворения в жизнь приведенной мною воображаемой картины "взаимодействия" ВМФ нашей страны с ВМФ США.

Для характеристики материалов, поступавших от группы Уокера, интересно содержание последней тайниковой передачи, предназначавшейся для внешней разведки, но попавшей в руки американской контрразведки.

В мае 1985 года Д. Уокер заложил в тайник следующие материалы:

- толстое исследование на тему о технических трудностях с крылатой ракетой "Томагавк";

- подробное описание того, как будут действовать американские ВМС в случае возникновения войны в Центральной Америке;

- схемы систем ракетной защиты на линкоре "Нимиц" и ее слабые места;

- подробное исследование на тему о том, как можно вывести из строя американские спутники-разведчики, а также некоторые из действовавших еще кодов для запуска американских ядерных ракет.

Все 129 документов, заложенных в тайник, были похищены 22-летним сыном Джона Уокера - Майклом Уокером, который служил писарем на атомном авианосце "Нимиц" (Эрли П. Семья шпионов. Нью-Йорк, 1993).

Как показал Уокер на допросах в американской контрразведке, за период его сотрудничества с внешней разведкой, с 1967 по 1985 год, он передал КГБ важнейшие секреты США, касающиеся как шифровального дела, так и американского ВМФ. Он раскрыл точное местоположение чувствительных подводных микрофонов, которые США использовали для слежения за советскими подлодками; сообщил о наиболее вероятных местах укрытия американских подлодок в начальный период войны.

По заключению американских экспертов, #Уокер со своей агентурной группой нанес "беспрецедентный ущерб безопасности ВМС", способствовал укреплению советской обороноспособности тем, что поставил русских в известность о плане действий американских ВМС в случае возникновения войны между США и СССР.#

Вот один из эпизодов деятельности Уокера.

Командир атомной подводной лодки "Симон Боливар", на которой служил Уокер, позволил ему заглянуть в тайну из тайн: "Единый комплексный оперативный план". Это был тщательно разработанный Пентагоном план широкомасштабной войны против Советского Союза. В нем содержался перечень всех ядерных систем США и объектов, на которые они были нацелены.

Подводя итоги ущербу, нанесенному группой Уокера американской безопасности, эксперты США считали, что потребуются огромные средства для его преодоления не только в ВМФ США, но и в АНБ, снабжающего Пентагон шифрами и криптографической техникой. Эти расходы не укладывались даже в целый годовой бюджет и требовали не одного года работы.

Вот и подумалось мне, дорого ли стоит внешняя разведка нашему государству, когда она способна сократить огромные расходы на оборону и облегчить задачи обеспечения безопасности нашей Родины.

Действительно, многотысячный аппарат британского ШПС, работая с огромным напряжением сил все годы войны, как пишет П. Бизли, расшифровал 15 тысяч немецких радиограмм. А служба ЭР КГБ, благодаря деятельности одного агента и максимум двух

десятков разведчиков, в течение 17 лет обеспечивали чтение без каких-либо затруднений более одного миллиона американских секретных депеш.

Правда, я не хочу упрощать задачу работы с такими агентами, как Прайм и, особенно, Уокер. Она требовала необычной четкости и учета сложнейших условий режима особой секретности, в котором действовали эти агенты. Но тем и достойнее заслуги сотрудников нашей службы, что они не допустили за долгие годы ни одного оперативного промаха.

В заключение добавлю: до 1969 года вся деятельность в области ЭР сосредоточивалась в 8-м ГУ, которое наряду с прочими задачами ведало перехватом и дешифрованием иностранных коммуникаций.

В 1969 году в КГБ было создано новое, 16-е управление, специально для ведения ЭР. Одновременно существовавшая в ПГУ спецгруппа по проблемам ТФП была преобразована в 16-й отдел, который подчинялся ПГУ и одновременно поддерживал тесную связь с 16-м управлением по всем вопросам добычи новых шифров и ведения ЭР.

Не желая подтверждать или опровергать связь этой реорганизации с делами Прайма и Уокера, полагаю, что поток ценных материалов от этих агентов потребовал значительного расширения соответствующих управлений.

Когда эта глава была написана, в американском журнале "Вашингтон Пост Мэгазин" появилось интервью бывшего резидента внешней разведки в Вашингтоне Бориса Александровича Соломатина (За рубежом. 1995, 2-8 июня).

Б. Соломатин сыграл главную роль в вербовке Уокера, когда в октябре 1967 года он инициативно появился в посольстве СССР в Вашингтоне и предложил секреты ВМС США в области шифров. Соломатин пошел на риск и принял предложение. Если бы Уокер был провокатором, это дорого бы обошлось. В пользу искренности Уокера говорил наш опыт, люди, имеющие отношение к шифрам, не используются в качестве двойных агентов. Шифр и шифровальная техника слишком важны, чтобы рисковать их секретами, разумно посчитал резидент.

В интервью Соломатин высказал мнение, что "в истории шпионажа не было провала в области безопасности такого масштаба и такой продолжительности по времени". Что касается сроков, то это бесспорно, а в части масштаба, то, вероятно, операция Уокера вполне сравнима с операцией "Карфаген". Прав, по-моему, Соломатин, высказавший мнение, что "в определенной мере Уокер помог обеим странам избежать ядерной катастрофы". Действительно, информация Уокера и других источников позволяла принимать трезвые, взвешенные решения, а также профилактические меры против возможности внезапного нападения.

ДРУГИЕ ПРИМЕРЫ ДОБЫВАНИЯ ШИФРОВ

Охота за шифрами, как я уже неоднократно отмечал, из-за их особой роли в ознакомлении с "чужими" секретами, ведется всеми спецслужбами мира неустанно, с тех пор, как они появились и вошли в употребление в линиях связи секретного характера. Но наиболее

совершенную форму разведывательные операции по добыче шифров приобрели сравнительно недавно.

Вот, например, в 1904 году всего за насколько недель до начала русско-японской войны, агент русской охранки Манасевич-Мануйлов, действуя под прикрытием журналиста, сумел раздобыть экземпляр шифра, которым пользовалось японское посольство в Гааге (Родан Р. Очерки секретной службы. Из истории разведок. СПб.: Логос-СПБ, 1996).

Другой случай изъятия и копирования английского шифра путем операции ТФП в британское посольство в Петербурге, о котором я уже упоминал, относится к 1906 г. Тогда английское посольство знало о фактах проникновения к их секретным архивам и хранилищам, но так и не смогло надежно защитить от этого свои помещения, поскольку агенты русской "охранки" имели своих агентов, работающих в посольстве.

Одной из ранних операций ТФП с целью добычи шифра была операция по изъятию шифра из китайского посольства в 20-х годах, проведенная Петром Леонидовичем Поповым, талантливым разведчиком-самоучкой, по профессии судовым механиком с канонерской лодки "Манджур", охранявшей в царское время рыбные промыслы в районе Камчатки. Об этом оставшемся малоизвестным российском разведчике, обладавшем аналитическим складом ума и необыкновенной смелостью, поднявшемся до уровня высококвалифицированного профессионала, подробно рассказал В. Гоголь.

Пользуясь завоеванным авторитетом у китайских властей и посла Китая в СССР Ли Тьяо, Попов получил свободный доступ в китайское посольство в Москве. Изучив обстановку там, он составил план получения слепков с ключей от сейфа, в котором находились шифрдокументы. Отключив отопление здания посольства перед очередным визитом туда, Попов по просьбе хозяев занялся проверкой всей отопительной системы и получил доступ в зону безопасности. Проверяя там отопительные батареи, он улучил момент и снял нужные слепки с ключей, лежавших на столе шифровальщика. Имея ключи от сейфа, изъятие шифра было осуществлено без затруднений (Гоголь В. Бомба для Сталина. М., 1996).

Другой замечательный советский разведчик-нелегал Дмитрий Александрович Быстролетов в 1930 году наладил регулярное снабжение Центра шифрами и кодами трех европейских государств.

Внешняя разведка в 1935 году в Голландии, в 1938 году в Австрии, в 1940 году в Швейцарии добывала английский дипломатический шифр, который позволил ей иметь доступ к секретной переписке МИД Англии и британской разведки. Благодаря этому внешняя разведка смогла своевременно информировать советское правительство о подготовке "мюнхенского сговора" Англии и Франции с Германией и Италией за спиной СССР (Гоголь В. Бомба для Сталина. М., 1996).

Позже, в преддверии и во время второй мировой войны, вскрытие иностранных шифров превратилось в важнейшую задачу специальных служб.

Еще в первую мировую войну в этой области особыми успехами могли похвалиться дешифровальщики Англии. Я упоминал о том, как они раскрыли немецкий шифр с помощью документов, добытых русскими водолазами с потопленного германского крейсера. Что отличало англичан в ту пору, так это умение оперативно использовать в свою пользу добывавшуюся путем дешифрования разведывательную информацию.

Не меньшее искусство показала английская разведка и британская криптологическая служба в период второй мировой войны. В 1941 году они раскрыли секрет японского шифра и читали телеграммы, которыми Токио обменивалось со своим посольством в Берлине. Об этом свидетельствует получение англичанами телеграммы японского посла в Берлине в свой МИД в Токио, в которой сообщалось, что послу стало известно о предстоявшем нападении Германии на СССР.

Англичане сообщили об этом в общем виде, конечно, но без ссылки на источник, который они тщательно скрывали от советского руководства. Такое весьма общее сообщение от Черчилля, которому Сталин совершенно не поверил, было сочтено за провокационную дезинформацию, направленную на обострение советско-германских отношений.

Теперь представьте себе, как мог бы отреагировать Сталин, если бы ему сообщили об источнике и тем более показали расшифрованную телеграмму японского посла. Вот так недоверие часто делает самые надежные сведения бесполезными.

В то же время получение в ноябре 1941 года содержания телеграммы МИД Японии своему послу в Берлине с указанием сообщить Гитлеру, что Япония не намерена нападать на Советский Союз, так как имела другие, антиамериканские планы, позволило нашему правительству снять часть дальневосточных войск и перебросить их на германский фронт. Это укрепило оборону Москвы и ускорило начало первого мощного наступательного удара против немцев, окончившееся их сокрушительным поражением под Москвой.

В этом случае Сталин не имел оснований не верить информации, так как она была получена нашими спецслужбами путем самостоятельной расшифровки японского шифра в дополнение к сообщениям Зорге.

Вот еще ряд примеров из истории. В 1920 году между правительственными делегациями пяти военно-морских держав:

США, Великобритании, Франции, Италии и Японии, состоялись ответственные переговоры по поводу пакта, определяющего размеры их военно-морских сил. Пакт должен был определить соотношение между флотами, выраженное в тоннаже.

Американская делегация предложила принять равное соотношение своего флота с английским, а с Японией в отношении 10 к 6. При этом имелось в виду, что в этом соотношении каждый пункт означал 100 тысяч тонн водоизмещения основных судов (примерно 3 боевых корабля).

Японская делегация настаивала на соотношении 10 к 7 и не хотела уступать. Конференция оказалась в тупике.

В этот момент американские дешифровальщики, уже раскрывшие японский дипломатический шифр за год до указанной конференции, прочитали телеграфное указание Токио своей упорно сопротивлявшейся делегации внести предложение о соотношении 10 к 6,5. Но поскольку Япония не хотела бы идти на обострение отношений с США, то в конце концов делегации предлагалось соглашаться и на соотношения 10 к 6.

Получив такую важную информацию, американская делегация и добилась своего (Бамфорд Дж. Дворец головоломок. Лондон, 1983).

Американские криптологи в работе над японскими шифрами добивались, можно сказать, систематических успехов. Они сумели разгадать новый их шифр, когда в 1935 году он был введен, и снова стали читать практически всю японскую телеграфную переписку. В 1939 году японцы вновь сменили шифры, но уже 25 сентября 1940 года американские криптологи раскрыли и их. Таким образом, правительство США знало о намечавшейся японской агрессии против США заранее.

Кажется, в процессе американо-японской войны американцы многому научились на горьком опыте Перл-Харбора. Читая переговоры японских боевых кораблей, они упреждали все их действия, о которых узнавали заблаговременно.

Агент внешней разведки "Руперт", сотрудник американской криптографической службы, сообщал в феврале 1945 года, что американские специалисты уделяли большое внимание перехвату и расшифровке телеграмм, которыми обменивались МИД Японии и ее посол в СССР; последний часто встречался с Молотовым. Японский посол добивался от Москвы заключения договора о ненападении. Читая телеграммы посла, американские руководители убеждались в том, что Москва ведет честную игру в отношении США.

Агент добавлял, что правительство США было в курсе всех планов и дислокации вооруженных сил Японии. В частности, американцы узнали о перелетах главнокомандующего японских ВМС на Тихом океане Исороку Ямамото и сбили его самолет, мстя ему за налет на базу США в Перл-Харборе (Феклисов
А. На острове и за океаном. М., 1994).

Во вторую мировую войну англичанам удалось успешно организовать чтение всей германской шифрованной переписки и радиокоммуникаций прежде всего благодаря раскрытию самой современной германской шифрмашины "Энигма". История этого выдающегося достижения, в котором решающую роль сыграла польская разведка, кратко такова.

В середине 30-х годов польская спецслужба обнаружила завод в Юго-Восточной Германии, на границе с Польшей, где немцы производили "Энигму", которая явилась плодом многолетних трудов их специалистов по шифрам.

На заводе наряду с немцами работали и поляки, сохранившие свои немецкие имена и фамилии. В 1933 году один из таких поляков-подпольщиков начал изучать то, что изготовлялось на заводе. Пока он смог разобраться в принципах устройства "Энигмы", ее ключей и других деталях ее конструкции, прошло несколько лет. Наконец с помощью специалистов польского генштаба удалось разобраться в том, как работает эта шифровальная машина. Это произошло за несколько недель до нападения Германии на Польшу. 23 июля 1939 года все сведения по "Энигме", полученные поляками, были переданы ими англо-французским союзникам вместе с изготовленными двумя экземплярами этой машины.

Встретившись с трудностями при освоении "Энигмы", англичане с помощью польской разведки смогли за большие деньги подкупить одного из мастеров на немецком заводе и получить экземпляр действующей "Энигмы", которая была тайно вывезена из Германии и размещена в БП. Так был основан дешифровальный комплекс "Ультра".

Поскольку для ускорения дешифрования требовались дополнительные экземпляры "Энигмы", англичане занялись добычей их, и их ВМС смогли захватить еще несколько шифрмашин. Одну из них они даже передали американцам, так как японцы также использовали "Энигмы", полученные ими от немцев. Именно благодаря этому американцы стали читать японские шифрованные сообщения (Польский Г. Погоня за "Энигмой". Новости разведки и контрразведки, 1995, N 19).

С историей охоты за немецкими шифрами и ключами к ним затейливо переплетается имя британского романиста Яна Флеминга, прославившегося после войны произведениями о похождениях супершпиона Джеймса Бонда.

Ян Флеминг, будучи молодым офицером британской морской разведки, в 1941 году, когда вновь введенный немцами к модернизированной "Энигме" шифрключ "Тритон" создал непреодолимые трудности для БП, высказал идею: "Если шифр трудно вскрыть, его нужно выкрасть". Для претворения идеи Флеминга в жизнь английский флот стал искать ключи к модернизированной "Энигме" на немецких подводных лодках. Удача пришла в Средиземном море. 13 декабря 1942 года удалось добыть с потопленной англичанами немецкой подлодки шифрдокументы к новой "Энигме". При этом два английских моряка погибли вместе с подлодкой, с которой они успели передать шифрмашину и диск с ключами к ней.

После этого шифр "Тритон", которым активно пользовался немецкий подводный флот, стал читаться БП без труда, что позволяло британским ВМС оперативно наносить удары по немецким подлодкам, и потери союзного флота сократились вдвое.

Как следствие, 24 мая 1943 года ввиду понесенных немцами колоссальных потерь подлодок адмирал Дениц приказал всем своим субмаринам покинуть Северную Атлантику.

В победе, одержанной Британией на море, большая заслуга принадлежит английским криптологам (Анин Б., Петрович А. "Тритон" из фашистской субмарины. Новости разведки и контрразведки 1996, N 12).

Охота за шифрами сильно активизировалась в период второй мировой войны. Ряд интересных примеров стал известен уже спустя почти полвека после имевших тогда место событий. Привожу две операции добычи секрета немецких шифров шведскими криптологами.

Когда в 1940 году гитлеровские войска оккупировали соседние Данию и Норвегию, а также находились в Финляндии, для Швеции создалась реальная угроза немецкой агрессии. Шведские спецслужбы стали принимать лихорадочные меры к тому, чтобы знать о замыслах Гитлера.

Они проявили максимум усилий к раскрытию германских шифров, при помощи которых происходил напряженный радио- и телеграфный обмен сообщениями между Берлином и германским посольством в Осло. Шведскому профессору математики Арне Беурлингу удалось раскрыть секрет германской кодовой шифрмашины, изобретенной фон Сименсом и введенной в эксплуатацию в 30-е годы. Он не только разгадал очень сложное устройство этой машины, позволившей выдавать до 300 триллионов колебаний, но и помог сконструировать дешифровальное устройство, которое превращало набор цифр в нормальный текст. С этого момента шведы смогли следить за всем, что происходило у немцев по соседству с их границами.

В июне 1942 года немцы поняли, что шведам удалось расшифровать их код, и шифр был заменен.

Эта история раскрытия шведами германского шифра знаменательна еще и тем, что в этом деле участвовала советская разведка.

В марте 1994 года шведское телевидение выпустило в эфир передачу о гениальном подвиге математика А. Беурдинга. Тогда же стал известен сенсационный факт о том, что раскрывавшиеся шведскими криптологами германские телеграммы читали не только в Стокгольме, но и в Москве. Как это делала советская разведка?

Из службы ЭР Швеции, которая размещалась в неприметном здании, замаскированном под рыбный склад, расшифрованные немецкие телеграммы доставлялись по разным адресам курьером Нюбладом, действовавшим под видом почтальона. Он и был завербован нашей разведкой, которая научила его вскрывать замок портфеля, в котором лежали телеграммы, и быстро их фотографировать. Пленки тут же передавались советскому разведчику.

Таким образом, благодаря такой в общем-то элементарной операции ТФП в шведский портфель, германские депеши без особой задержки передавались в Москву.

Я полагаю, что наличие фотокопий расшифрованных телеграмм наверняка помогло нашим специалистам самостоятельно вскрыть немецкий шифр, располагая перехватом их линий связи. Не исключено, что им это удалось к моменту, когда шведы раскрыли факт сотрудничества Нюблада с внешней разведкой и он был арестован (Дагенс Нюхатер. 1994, март).

Недавно поведали шведские средства массовой информации еще об одном канале добычи немецких шифров шведами. После полувекового молчания заговорила шведская Мата Хари, а

вернее, просто бывший агент шведских спецслужб Эрика Швартце, действовавшая под кодовым именем "Дядя".

Вот этот "Дядя", двадцатилетняя немка, в 1942-1944 годах работала секретарем шефа гестапо в немецком посольстве в Швеции. С ее помощью шведам удалось вскрыть код, которым пользовалось немецкое посольство в Стокгольме.

Процесс этот проходил уникально. Каждый день, уходя на обед, "Дядя" отрывала небольшой кусочек от копии гестаповской телеграммы и, кладя его под язык, выносила из посольства. В случае опасности она легко могла проглотить этот кусочек. Операция продолжалась несколько недель, а шведские криптологи склеивали полученные бумажки и проводили дешифровку, накладывая полученный открытый текст на цифровой радиоперехват зашифрованной телеграммы.

Так был раскрыт немецкий шифр, и шведы стали читать все телеграммы, проходившие между Берлином и немецким посольством в Стокгольме (Вуколов Н. Агент, презиравший нацизм. Новости разведки и контрразведки. 1995, N 11-12).

Интересно отметить, что как раз в области добычи шифров очень успешно действовали агенты-женщины. В этой связи вспоминаю дело американского сержанта морской пехоты Клейтона Лаунтри, служившего в 1986 году в охране посольства США в Москве. Лаунтри в 1987 году был осужден на 30 лет тюрьмы за шпионаж в пользу СССР.

Сейчас, отсидев в тюрьме только 9 лет, он был досрочно освобожден в результате того, как предполагают СМИ США, что отпало подозрение о выдаче им двадцати американских агентов в России и других социалистических странах. Эта вина теперь вменяется осужденному Эймсу.

Завербован Лаунтри был с помощью русской сотрудницы американского посольства Виолетты Сейма, в которую он влюбился. После вербовки Лаунтри стал источником информации КГБ по американскому посольству как в Москве, так и в Вене, куда он был в 1987 году переведен. Естественно предполагать, что он открыл КГБ доступ в здания этих посольств США со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Правда, авторы книги о КГБ К. Эндрю и О. Гордиевский, сообщая о вербовке охранника американского посольства, высказывают мнение, что им "кажется, что КГБ не удалось проникнуть в шифровальную комнату", так как "усовершенствование средств безопасности, видимо, снизило ущерб, нанесенный Лаунтри" (Эндрю К.. Гордиевский О. КГБ. М., 1990; В. Скосырев. Иностранец в медовом капкане. Известия. 1997, 29 января).

Подобная же история на тему "шифры и любовь" произошла, когда молодая и симпатичная итальянская графиня влюбила в себя лейтенанта австро-венгерского генерального штаба и выкрала экземпляр шифровального кода.

Другой случай с итальянской же графиней и шифрами имел место, когда женщина явилась жертвой усилий советского разведчика.

Д. Быстролетов (псевдоним "Ганс"), получив указание добыть шифры фашистской Италии, влюбил в себя итальянскую графиню Фьероллу Империаль (имя вымышленное), единственную в истории фашистской Италии женщину-посла, и получил через нее шифры. Кстати, это было не первое такое задание, выполненное "Гансом". В 1927 году он успешно осуществил вербовочную разработку секретарши французского посла в Праге, имевшей доступ к секретной переписке посла. В 1928 году он получил через нее шифр и доклады посла (Чертопруд С. Приказано влюбиться в графиню. Новости разведки и контрразведки. 1997, N 5).

Тема "Женщины и шифры" может быть продолжена рассказом о женщине
- британском агенте, способствовавшей добыче двух шифров - итальянского и французского. Ее историю я узнал из увлекательного рассказа, прочитанного во французском журнале "Ле Пуэн" в 1980 году, затем из рецензий на книгу "Шпион" Ричарда Диксона и телевизионной передачи Би-би-си, посвященных жизни и деятельности "Синтии".

ОПЕРАЦИЯ "СИНТИЯ"

В данном случае речь шла не столько об агентурном проникновении, хотя было и оно, сколько о получении разового доступа к чужим шифрам, используя агента-женщину. Ею была очень красивая и высокообразованная американка Бетти Торп, завербованная британской службой под псевдонимом "Синтия" и действовавшая в Вашингтоне. Суть операции, поразившей меня не классическими, а, я бы сказал, исключительно авантюрными методами решения поставленной задачи и в то же время необыкновенно важными результатами, такова.

Когда началась вторая мировая война, Соединенные Штаты, как известно, оставались нейтральными и на их территории в большом количестве сосредоточивалась агентура фашистских государств. Для выполнения важных разведывательных заданий британской разведке потребовался способный агент-женщина, причем не англичанка, а именно американка. Начальник БКСБ - Британской координационной службы безопасности - Уильям Стефенсон вспомнил об агенте британской разведки, жене британского дипломата Артура Пака Бетти Торп, которая, будучи со своим мужем в Испании в канун гражданской войны, весьма успешно выполнила первое поручение британской разведки, завязав бурный роман с одним испанским офицером высшего ранга. В 1937 году Пак служил в Польше. Бетти, которой было уже 27 лет, выделялась среди варшавского дипломатического общества своей высокой культурой и светскостью, образованием и необыкновенным обаянием и красотой: волна каштановых волос, большие зеленые глаза и стройная фигура. Тогда она выполнила второе задание штаба разведки в Лондоне. Соблазнив помощника польского министра иностранных дел, она добыла шифровальные ключи к знаменитой германской шифрмашине "Энигма".

Стефенсон легко добился от Бетти согласия развестись с Паком и выехать на свою родину, в США, и поселиться в столице. С того момента ей и присвоили кодовое имя "Синтия".

Свою разведывательную деятельность в Вашингтоне "Синтия" начала с добычи итальянского шифра. Установив связь с итальянским военно-морским атташе, человеком уже в годах, она пошла на риск. После того как итальянский офицер признался ей, что не испытывает симпатий к тандему Гитлер-Муссолини, она рассказала ему о своем сотрудничестве с

разведкой, но не британской, а американской, учитывая, что Англия воевала с Италией. Итальянец под ее воздействием передал ей "для американцев" итальянский шифр. Так британский военно-морской флот получил средства для дешифровки всех сигналов итальянского средиземноморского флота и 28 марта 1941 года этот флот был разбит наголову британским флотом около мыса Матхиан, вблизи греческих берегов.

Британский шеф был очень доволен "Синтией", вызвал ее в Нью-Йорк и поставил перед ней новую, как он говорил, самую сложную задачу.

Ей надлежало найти путь к добыванию всей переписки - письменной и телеграфной - посольства вишистской Франции в Вашингтоне с Европой. Стефенсон вынужден был предупредить "Синтию" о том, что это очень опасная игра с огнем, так как вишисты отличались безжалостностью и в случае ее расшифровки уничтожили бы ее, в то время как ФБР не сможет оказать какую-либо помощь, так как глава этой американской спецслужбы не терпит, чтобы что-то делалось на его территории без его ведома. Кроме того, ФБР вообще неприязненно относилась к британским спецслужбам.

"Синтия" начала с того, что тщательно изучила личный состав посольства Виши и решила играть роль американской журналистки, не раскрывая своей связи с Англией и тем более с британской разведкой.

Для начала она явилась взять интервью у посла Виши, выдавая себя за симпатизирующую правительству Петена. Перед встречей с послом состоялась ее беседа с пресс-атташе посольства, капитаном Чарльзом Брюсом, о котором она уже знала, что он бывший пилот военно-морского перехватчика и что до начала войны он поддерживал хорошие отношения с британскими летчиками. С этой встречи и началась тесная связь "Синтии" с французским капитаном, закончившаяся его вербовкой от имени американской разведки и участием в выполнении задания английских спецслужб.

46-летний Чарльз Брюс был женат третий раз, "Синтии" шел 32-й год. У них вспыхивает взаимная любовь, что неудивительно: "Синтия" - в зените своей красоты и обаяния, Чарльз - красивый мужчина, сразу привлекший ее внимание.

После представления "Синтии" своему послу, уже на следующий день, Брюс проявляет инициативу, и у них устанавливается близкая связь. Но он вынужден скрывать эту связь от жены и окружения.

Британская разведка уверена, что посольство Виши снабжает германский подводный флот информацией о британских конвоях, сопровождающих торговые суда, доставляющие в Европу военную технику. Она хочет знать, что в действительности делается в этом посольстве. Поэтому требует от "Синтии" форсировать работу с Брюсом, тем более что у последнего возникли затруднения. Правительство Виши решило в целях экономии сократить дипломатические штаты, и посол объявил ему, что его должность подпадает под это сокращение. Если он настаивает, то может остаться на работе, но только на полставки. Брюс

считает это невозможным, у него семья, он привык к светской жизни. Брюс говорит с "Синтией", признается ей в настоящей любви и приглашает ее поехать с ним во Францию.

"Синтия" советуется со своим британским шефом, они решают предложить Брюсу финансовую поддержку от имени американской разведки. "Синтия" признается Чарльзу в связи с американцами, работе на их разведку. Он боится за судьбу своей любимой, говорит, что не хочет, чтобы ее тело "выбросили в реку Потомак" агенты Виши, отговаривает от продолжения сотрудничества с разведкой. "Синтия" в ответ говорит, что тоже полюбила его и просит его согласиться на связь с американской разведкой, это единственный путь остаться вместе. Ведь он ненавидит предателя Лаваля, является патриотом своего народа, который любит и она. Одним словом, "Синтия" проводит вербовочную беседу с Чарльзом. Он колеблется и не принимает никакого решения несколько дней.

"Синтия" понимает, что если бы он знал, что она работает не на американцев, а на британскую спецслужбу и от имени последних предложила ему сотрудничество, он бы немедленно отказался.

Как бы специально для того, чтобы подтолкнуть Брюса к согласию, на его служебный стол попадает телеграмма Дарлана с требованием информации от посольства обо всех британских судах, находившихся в американских портах. Брюс вне себя, шпионить для нацистов - это не дело французов, говорит он "Синтии". Не колеблясь более, он показывает ей текст поступившей телеграммы и содержание ответа военноморского атташе, указывающего, что крейсер "Репалз" находится в Филадельфии, авианосец "Иллюстриоз" в Норфолке и много крейсеров в Нью-Йорке. Прекрасный подарок немецким подлодкам, если американские спецслужбы не будут извещены вовремя, чтобы защитить свои суда.

Теперь для Брюса жребий брошен. С этого момента "Синтия" не только снимает копии со всей корреспонденции посольства Виши, но и получает ежедневный доклад о деятельности французских дипломатов.

Подарок "Синтии" для британской разведки неоценим, но одновременно возрастает опасность провала. ФБР, узнав, что "Синтия" часто бывает в обществе Брюса, может принять ее за немецкую шпионку, а выручать ее будет нелегко из-за плохих отношений британской разведки с этой контрразведывательной службой США.

"Синтия" принимает меры конспирации, снимает номер в той же гостинице, где проживает с семьей Брюс.

В декабре, после Перл-Харбора, США вступают в войну, но Виши сохраняет свое посольство в Вашингтоне, пока немцы не оккупировали свободную зону Франции.

С началом 1942 года Черчилль начинает думать о высадке союзных войск в Северной Африке. Для облегчения этой операции союзникам нужен военно-морской шифр Виши. Новое задание для "Синтии". Она говорит своему шефу в разведке:

"Это невозможно, но так как я обожаю невозможное, я это сделаю".

Она объясняет задание Брюсу, тот заявляет, что она сошла с ума. Шифровальные документы, говорит он, секретные и строго охраняются. Кроме того, они находятся в сейфе, шифровальную комбинацию от замка которого знают только посол и шифровальщик. Он не может даже ногой своей ступить в бюро шифров, где находится сейф.

"Синтия" интересуется шифровальщиком Бенуа, но, по словам Брюса, он уже пожилой человек и через несколько недель уйдет на пенсию. Кроме того, хотя он не любит немцев, он не предаст своего давнего шефа - посла.

Верная себе "Синтия" идет в открытую к Бенуа, который на ее просьбу о помощи со слезами на глазах ответил, что ничего не понимает в войне, но не предаст посла. "Синтия" убеждается, что соблазнить его невозможно, но просит сохранить разговор в тайне. Надеется, что Бенуа не выдаст ее.

Она и Брюс напряженно ожидают развязки, но ничего страшного не происходит.

Приближается смена шифровальщиков, и "Синтия" решается, ничего не говоря ни Брюсу, ни своему шефу в разведке, на новый, крайне авантюрный шаг: попытаться соблазнить нового шифровальщика графа Л. Она знает, что о нем говорят как о любителе красивых женщин. Его семьи пока нет в Вашингтоне, и она договаривается с ним о встрече, на которой говорит с ним без обиняков, предлагая передать шифры за "любую награду". Граф отвечает, что о шифрах должен подумать, а вот "награду" хочет вполне определенную. "Синтия" ставит категорическое условие: сначала шифры, а затем - "награда".

Через пару дней граф обманом получает от "Синтии" "награду", а шифра не передает и обещает о требовании "Синтии" рассказать послу. Уходя от "Синтии", он на подходе к ее номеру сталкивается с Брюсом. Брюс, который не столько был возмущен фактом измены, сколько тем, с кем "Синтия" ему изменила, очень встревожен. Они в тревоге обсуждают создавшуюся ситуацию, поскольку оба оказались в большой опасности: если граф сдержит угрозу, доложит послу не только о "Синтии", но и о связи с ней Брюса, будет негодовать на такое безумное поведение "Синтии" и шеф разведки.

Действительно, на другой день посол пригласил к себе Брюса, требуя объяснить свое поведение. К этому "Синтия" и Брюс были готовы. Брюс охарактеризовал графа Л. как плейбоя, который допустил возмутительные домогательства, но получил резкий отпор. Теперь, учитывая, что отец "Синтии" является видным и влиятельным морским офицером, могут возникнуть неприятности с американцами, портить отношения с которыми Виши никак нельзя.

Поскольку этих доводов оказалось недостаточно для недоверчивого посла, Брюс добавил, что граф вообще ведет себя недостойно, болтлив и распускает в дипкорпусе слухи о якобы связи посла с баронессой Зуйлен. Этим посол был заметно испуган, он боялся, что этот слух может дойти до его ревнивой жены, тем более что в его основе лежал действительный факт. В тот же день посол объявил графу Л. о том, что его услуги посольству больше не нужны.

Таким образом реальная угроза была преодолена, и "Синтия" спокойно проинформировала о случившемся своего шефа в разведке.

К этому времени Лондон все настойчивее требовал шифр. Поскольку Брюс уже перешел рубикон, приняв решение во всем помогать "Синтии", обсуждался вопрос только об одном оставшемся пути добычи шифра: операции ТФП в посольское бюро шифров, с чем согласился и шеф "Синтии".

Британская разведка, используя "Синтию" и Брюса, приступила к этой сложной операции, в ходе которой возникали самые неожиданные препятствия.

Поскольку Брюс мог помочь "Синтии" проникнуть в бюро шифров, но они оба были бессильны одолеть шифровальную комбинацию замка сейфа, их шеф обратился за помощью к американской спецслужбе УСС, последняя нашла специалиста по открытию сейфов, канадца по кличке "Взломщик из Джорджии", отбывавшего тюремное заключение. По внешнему описанию сейфа, составленному Брюсом, канадец сделал заключение о типе сейфа - "Мослер" - и сказал, что для вскрытия его комбинации ему потребуется 55 минут.

Далее операция ТФП проходила, я бы сказал, "а ля Синтия", с мгновенными импровизациями в ответ на внезапно создававшиеся ситуации. Но на этот раз ей и Брюсу помогали английская и американская разведки. Однако роль главного исполнителя по-прежнему играла "Синтия".

План был таков. Брюс, пользуясь своим служебным положением, имитирует большую занятость, начинает задерживаться в посольстве до ухода всех других сотрудников. Остается старик-сторож, делающий регулярные обходы всех помещений посольства.

Брюс находит предлог принять в посольстве, с ведома сторожа, свою подружку-любовницу. Далее решили действовать по обстановке с целью допустить специалиста-канадца в бюро шифров на время около одного часа.

События развивались полупланово, полустихийно. Брюс, ссылаясь на подозрительность жены, получил согласие сторожа впустить в посольство "Синтию", сопроводив свою просьбу хорошими чаевыми. Сторож, посочувствовав трудному положению Брюса, не стал возражать против его свидания с любовницей.

"Синтия" и Брюс, уже находясь в здании посольства, стали изучать поведение сторожа. С часами в руках они точно определили, что к зоне безопасности, то есть к месту расположения бюро шифров, он при обходах возвращается регулярно каждый час. Таким образом, времени для работы было в обрез. Тогда "Синтия" предложила угостить сторожа вином со снотворным "в честь их годового юбилея знакомства". План реализуется, хотя и не без длительных уговоров. Сторож выпивает стакан вина, поздравляет их и отправляется, как они полагают, поспать. Проверив осторожно, что он заснул на своем посту, они впускают через окно специалиста, который в течение часа одолевает комбинацию замка, но времени, достаточного

для изъятия и фотографирования шифра, не остается. Эта часть операции переносится на другой день.

Но повторять фокус с вином и снотворным уже нельзя, не вызывая подозрения сторожа. Весь расчет на то, что специалист и помогающие ему сотрудники УСС успеют справиться за час, который требуется сторожу на обход и возвращение в зону безопасности.

Начало операции проходит четко, специалист забирается в бюро шифров через окно, открытое ему Брюсом, моментально открывает сейф при помощи разгаданной им комбинации, "Синтия" и Брюс достают шифры и передают их через окно сотрудникам УСС, которые начинают быстро их фотографировать в автомашине, находящейся поблизости. Но копирование требует времени, в шифре много таблиц, время истекает, и "Синтия" с Брюсом с тревогой слышат шаги приближающегося сторожа.

Тут "Синтии" приходит в голову поистине гениальная мысль. Она командует Брюсу быстро раздеться, сама делает то же самое, и они инсценируют занятие любовью.

Старик подходит, освещает фонарем помещение около бюро шифров, внезапно видит раздетых любовников и с извинениями быстро удаляется. Теперь время выиграно, шифр возвращается на место, окно закрыто и никаких следов операции ТФП в бюро шифров и в сейф не остается.

Следуют нижайшие извинения перед сторожем, Брюс выражает ему глубокую признательность за его "мужское" понимание и обещает прекратить встречаться с "Синтией" в посольстве. По поведению сторожа Брюс убеждается, что тот все принял за чистую монету и никаких осложнений для него не будет.

Позже, вспоминая это дело, "Синтия" говорила, что мгновения, пережитые ею на полу перед бюро шифров, острота ситуации при осуществлении заключительной части операции ТФП "были самыми величественными".

Добытые с помощью "Синтии" французские шифры имели жизненно важное значение для союзников при высадке их войск в Алжире и Марокко.

8 ноября 1942 года "Синтия" встретилась с сотрудником УСС, который ее знал по той операции. Тот показал ей большой заголовок в газете "Союзные войска почти без сопротивления со стороны сил Виши высадились в Северной Африке". "Это, - сказал он, - благодаря вашему шифру. Вы изменили ход войны". Галантное преувеличение? Возможно, но шифр позволил союзникам знать планы и передвижения военноморских сил Виши в период высадки.

Эта история агента британской разведки, полная инициативы и авантюризма, которые спасали ее от поражения, завершилась браком "Синтии" с Брюсом в 1946 году. Совместная жизнь этих людей была счастливой вплоть до 1963 года, когда "Синтия" в возрасте 53 лет

скончалась от рака. Брюс пережил ее на 10 лет и скончался во время пожара в его замке во Франции.

Так закончилась эта необыкновенная история добычи одним агентом, притом женщиной, трех шифров: немецкого - "Энигмы", итальянского и французского. Подвиг ее не забыт. Совсем недавно, в 1996 году, немецкий журнал "Шпигель", описывая истории разведчиков и агентов из числа женщин, назвал "Синтию" талантливой продолжательницей подвига Мата Хари (Новости разведки и контрразведки. 1996. N 5).

В 1974 году Д. Баррон в своей первой книге о КГБ писал, что западные спецслужбы знали о ТФП КГБ в иностранные посольства в Москве. При этом им уже было известно о применении радиоактивных аппаратов для вскрытия шифровальных комбинаций сейфовых замков.

Со ссылкой на изменника Носенко, в своей книге К. Эндрю, О. Гордиевский рассказывают об операции КГБ по проникновению в японское посольство в Москве и изъятию дипломатических шифров. Тогда якобы КГБ помогал завербованный клерк шифровального отдела, который сообщил кодовые ключи к сейфам посольства. Но тут же авторы фактически опровергают это сообщение Носенко, правдиво утверждая, что "из всех шифров основных держав советским дешифровальщикам чаще всего удавалось раскрывать японские шифры, причем начиная с двадцатых годов". Раз КГБ раскрывал и читал японские шифры, а это, очевидно, так и было (автору известен факт наличия в КГБ информации о содержании японских шифртелеграмм, например, телеграммы МИД Японии своему послу в Берлине в ноябре 1941 года), то зачем же нужно было проводить еще рискованную операцию ТФП в японское посольство?

Далее указанные авторы опровергают нужду КГБ в операциях ТФП в японское посольство, сообщая, теперь уже со ссылкой на другого изменника Левченко, о том, что в семидесятых годах КГБ удалось завербовать клерка в шифровальном отделе японского министерства иностранных дел, который теперь мог снабжать КГБ шифрами не одного посольства в Москве, а любого.

Со ссылкой на все того же Носенко, Баррон пишет, что, помимо японского и шведского, КГБ добыл и канадский шифр, действуя через их шифровальщика, завербованного подставленной ему любовницей Ларисой Федоровной Дубановой. Таким образом, Запад знал, что КГБ и внешняя разведка охотились за иностранными шифрами, проводя различного рода операции ТФП.

Прочтя эти последние строки о канадском шифровальщике, я порадовался тому, что так была отомщена измена шифровальщика ГРУ Гузенко, перешедшего на Запад в Канаде в 1945 году. Правда, он украл много разных документов, но шифры ГРУ не могли быть использованы противником, так как были немедленно заменены. В случае же с канадским шифровальщиком об изъятии КГБ шифра канадцы смогли узнать только после 1964 года, когда изменил Носенко.

ПОДСЛУХ НА СЛУЖБЕ ДЕШИФРОВАНИЯ

Во второй половине нашего столетия спецслужбы стали активно использовать электронную аппаратуру для подслушивания и регистрации работы шифровальных машин с целью прочтения зашифровываемых и дешифруемых им сообщений. То есть, другими словами, такое подслушивание вело в конечном счете к разгадке шифра.

Впервые в западной прессе, насколько мне известно, об этом писал
Д. Баррон в 1974 году. Тогда он описал случай использования метода дешифровки путем перехвата излучений шифрмашин западногерманского посольства в Москве в 1964 году.

Однако Баррон умалчивает, что еще раньше, в 50-е годы, этот способ был использован на практике британской спецслужбой, как позже писал бывший британский контрразведчик П. Райт в своих воспоминаниях (Райт П., Грингласс П. Ловец шпионов. Берлин, 1988).

Правда, Баррон мог и не знать об этом до публичного признания Райта. Этот автор впервые откровенно описывает операции ТФП с целью организации такого подслушивания шифрованных машин различных иностранных посольств в Англии.

Еще раньше Баррона краткие сообщения об этом методе вскрытия шифров проскальзывали в прессе со ссылками на изменников - бывших сотрудников КГБ. Один такой случай упоминался со ссылкой на Носенко.

Позже об этом заговорили шире. В 1986 году французский автор Тьерри Вольтон приводит случай такого подслушивания французского посольства в Москве (Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993).

Изменники В. Шеймов и О. Гордиевский упоминают все о той же операции ТФП во французское посольство.

Из весьма скудных данных вырисовывается четкое представление о том, именно что британские спецслужбы стали новаторами этого метода. Но судя по тому, что Райт сетует на неудачу попыток использовать этот метод для подслушивания советских шифровальных машин из-за их надежных экранов, можно предполагать, что к этому времени специалисты-криптографы КГБ уже знали о такой возможности. В пользу этого вывода говорят и раскрытые изменниками операции ТФП КГБ и чтение при помощи этого метода телеграфной и радиошифрованной переписки японского, французского и западногерманского посольств.

В этой связи полагаю, что краткое ознакомление с упомянутыми операциями ТФП представит интерес для читателя.

ЗАПАДНОГЕРМАНСКИЕ ШИФРЫ

В сентябре 1964 года западногерманское посольство в Москве проверял на предмет выявления возможного подслушивания прибывший из ФРГ специалист Хорст Шваркманн. Он обнаружил, как пишет Баррон, остроумное электронное приспособление, прикрепленное тайно к шифровальной машине. Во время работы машины, которая автоматически печатала

сообщения и затем в зашифрованном виде передавала по телетайпу в Бонн или наоборот, поступающее в зашифрованном виде по телетайпу выдает открытый текст.

Еще до того, как текст сообщения зашифрован машиной, печатный его текст от внедренного электронного устройства поступал на приемное устройство вне здания посольства. Таким образом, готовое сообщение в Бонн или расшифрованные указания из Бонна оказывались на столе советских руководителей. Но поскольку копии всех шифрсообщений посольства по радио, телеграфу и телексу автоматически поступали в распоряжение наших криптографических служб, оставалось только наложить уже известные открытые тексты телеграмм на зашифрованные, и ключ к шифрмашине получен.

Если машина работает с однодневным шифром, то достаточно разового получения открытого текста для того, чтобы все остальные сообщения этого дня просто расшифровывались путем применения полученного разовой накладкой ключа. Еще удобнее для дешифровки, когда используется ключ недельный или даже месячный. Тогда процесс получения содержания всех передаваемых из посольства и поступающих в его адрес шифрованных телеграмм вообще упрощался.

Понятно, как были удивлены и крайне возмущены и Хорст Шваркманн, и посол ФРГ этим открытием, но изменить то, что уже совершилось, они не могли. У специалистов сразу же возникла проблема специального экранирования шифровальных машин (Баррон Д. КГБ. Нью-Йорк, 1974).

Очевидно, на Западе никто не сможет отвергать того факта, что применение этого метода было значительным достижением наших специалистов в деле раскрытия иностранных шифров.

Как следует из мемуаров Райта, когда британские спецслужбы открыли для себя возможность получения разведывательной информации путем приема излучений от шифрованных машин, американские спецслужбы и АНБ, в частности, долго не верили этому и только значительно позже взяли этот метод на вооруженние. Когда Баррон описывал в 1974 году эпизод с подслушиванием шифрмашин ФРГ, американцы уже знали, что британские спецслужбы успешно использовали этот метод для раскрытия иностранных шифров, в том числе западногерманского, французского, египетского и других.

Баррон не уточняет, что внедрение соответствующих электронных устройств в шифровальные машины может проходить либо путем ТФП в иностранные посольства, либо путем легальных визитов специалистов под соответствующим прикрытием, как это делали британские спецслужбы, либо еще до установки шифровальных машин в шифрбюро, на их пути, в процессе доставки в посольство. Но последнее стало маловероятным, так как перед вводом шифрмашин в действие их тщательно проверяют специалисты обнаружения подслушивающих устройств.

Вот как представил в своих мемуарах Райт изобретение и внедрение британской спецслужбой метода подслушивания работы шифровальной машины на расстоянии, названного им кодовым именем "Энгольф", что можно перевести как "Захват" или "Бросок".

Почтовая служба по поручению британской спецслужбы вывела из строя телефонную связь у египетского посольства с тем, чтобы египтяне обратились к ним с просьбой найти и устранить неисправность. Специалисты спецслужбы, во главе с Райтом, который предложил испробовать новый метод подслушивания, оделись под связистов и отправились осматривать телефонную проводку посольства. Они знали, что шифровальные машины "Хагельм" были установлены в шифрбюро, в специальной пристройке к зданию посольства.

Когда они под строгим надзором вошли в это помещение, египетские сотрудники были заняты работой на телетайпе. Воспользовавшись просьбой одного из них перенести поближе к его рабочему месту около шифрмашины аппарат телефона, Райт, как только наблюдавший за ним египтянин отвлекся разговором с другими сотрудниками, быстро разместил в телефонном аппарате малозаметное электронное устройство, которое должно было улавливать колебание корпуса шифрмашины во время ее работы. Устранив "неполадки" в телефонной связи посольства и получив искреннюю благодарность от оператора шифрмашины за любезную услугу, Райт про себя еще с большей благодарностью подумал о его удачной просьбе.

Поспешив на приемный пункт спецслужбы, размещенный в соседнем с египетским посольством доме, он смог с удовлетворением убедиться, что "Энгольф" действовал исправно. Через несколько дней из ШПС поступило первое подтверждение расшифровки египетских шифртелеграмм. Так метод Райта был принят на вооружение британских спецслужб, которые применили его затем против чехословацкого посольства, затем французского и западногерманского.

Райт отмечает, что благодаря "Энгольфу" ШПС смог обеспечить поступление британскому правительству полной информации по суэцкому кризису путем чтения сообщений, поступавших в египетское посольство в Лондоне, которое Каир информировал о ходе развитии кризиса, в том числе и о переговорах Египта с СССР, проводившихся египетским посольством в Москве. То есть это позволило британскому правительству быть полностью в курсе советских позиций в этот критический период. Таким образом, уже к концу 50-х годов британские спецслужбы использовали метод "Энгольф", который получил широкое применение не столько на Западе, сколько в наших спецслужбах, если верить западным источникам (Рант П., Грингласс П. Ловец шпионов. Берлин, 1988).

Другой пример использования метода перехвата излучений шифрмашины, относящийся к периоду до середины 70-х годов, приводит изменник, бывший сотрудник 8-го ГУ КГБ В. Шеймов, в своей книге, появившейся в США в 1993 году (Шеймов В. Башня секретов. Нью-Йорк, 1993).

ШЕПОТ ЯПОНСКИХ ШИФРМАШИН

Японское посольство в Москве проводило замену своих шифровальных машин. Зная об этом, специалисты КГБ внимательно следили за тем, как новые машины будут транспортироваться, так как из-за их громоздкости посылать машины диппочтой было невозможно.

За считанные часы КГБ стало известно, что опечатанный дипломатическими печатями грузовой автомобиль доставит машины из Финляндии через Выборг вблизи от Ленинграда и проследует без остановки в Москву, то есть на расстояние 600 километров.

Но на этом относительно долгом пути ни водитель грузовика, ни сопровождающие груз японские дипломаты не следили за тем, что происходит сзади них. А там опытные специалисты ТФП вскрыли печати на грузовике, проникли к шифрмашинам и установили на них электронные устройства. После этого все следы проникновения в грузовик были аккуратно устранены.

Теперь, пишет автор, можно было слушать шифрованную переписку японцев, по крайней мере, десять лет.

Конечно же, бежавший в 1980 году изменник Шеймов, работавший в 8-м ГУ как раз в подразделении, контролировавшем соблюдение мер безопасности во всех бюро шифров советских заграничных учреждений, выдал американцам все подобные устройства и известные ему методы, использовавшиеся до этого нашими спецслужбами.

Но инерция мышления, да и отсутствие полного доверия между западными спецслужбами не способствовали тому, что полученная одними спецслужбами информация сразу же доводилась до сведения спецслужб союзных государств. Тем более что и британские службы, и американские продолжали и, думаю, продолжают не упускать возможностей использовать этот метод и против своих союзников, как это было в случае с французами, о неведении которых об этом методе до 1983 года свидетельствует следующий пример.

ТЕЛЕКС ЗАГОВОРИЛ

В январе 1983 года, после того как установленный в шифр-бюро французского посольства в Москве еще в 1976 году телекс потребовал ремонта, в корпусе одного из его конденсаторов было обнаружено электронное устройство, которое, по мнению шифровальщика, передавало шифрованную информацию из посольства. Такое же устройство было найдено во всех других телексах, использовавшихся в посольстве для связи с Парижем.

Дальнейшее изучение французами этих устройств показало, что от каждого из них отходило по два тонких проводка, которые непосредственно соединялись через силовой кабель телекса с внешней электрической сетью. По этой сети сигналы работающего телекса передавались в КГБ, в результате наши спецслужбы дешифровки могли получать открытые тексты передаваемых по телексу сообщений еще до их зашифровки. Таким образом, этот случай получения ключей к французской зашифрованной информации был полностью аналогичен тому, что еще в 1964 году, то есть почти двадцатью годами раньше, раскрыт западногерманскими спецслужбами.

Французы, согласно Т. Волтону, полагали, что беспрепятственное получение советскими спецслужбами разведывательной информации из французского посольства в течение почти 7 лет оказалось возможным только из-за небрежности службы безопасности министерства

иностранных дел Франции. Об этом говорит тот факт, что шесть аппаратов телекса были направлены в 1976 году и в начале 1977 года по железной дороге без всякого сопровождения и находились на советской территории без какой-либо защиты. Как раз в этот период спецслужбы КГБ и смогли провести операцию ТФП, аккуратно вскрыть опечатанные ящики и подменить конденсаторы телексов другими, специально оборудованными электронными приспособлениями.

Другая вопиющая ошибка служб безопасности, по мнению автора, состояла в том, что ни при установке, ни позже, в процессе использования телексов, никто во французском посольстве не заглянул внутрь корпусов конденсаторов, пока один из телексов не вышел из строя (Вольтон Т. КГБ во Франции. М., 1993).

Так, наконец, французским спецслужбам стала известна подобная система электронного снятия сверхсекретной информации и вскрытия шифров.

Специальные службы шли к освоению этого метода путем совершенствования электронного подслушивания голосовых сигналов, добычи разведывательной информации путем внедрения в помещения специальных электронных микрофонов.

Очевидно, рассматривая тему ТФП, нельзя не остановиться хотя бы кратко и на этой области ЭР.

"ЭР" В ОБЛАСТИ ГОЛОСОВОГО ПОДСЛУШИВАНИЯ

Не в пример операциям ТФП в различные объекты с целью добычи из них шифров, проблеме добычи обычной разведывательной информации путем подслушивания, то есть перехвата и записи голосовых бесед и разговоров, в средствах массовой информации на Западе да и у нас в последнее время уделялось и уделяется много внимания.

Вокруг нарушения элементарных прав человека на личную тайну в его жизненных отношениях с другими людьми то и дело вспыхивают общественные скандалы, парламентские запросы и обсуждения, иногда влекущие за собой не только компрометацию политических и государственных деятелей, но и отставку отдельных из них с правительственных постов.

Вот, например, в феврале 1995 года вспыхнул такой скандал во Франции, где обнаружилось, что в 1983-1990-е годы прослушивались и записывались частные беседы Пьера Жокса во время пребывания его на посту министра внутренних дел, а также будущего премьер-министра Пьера Береговуа и еще более 110 известных деятелей, политиков и журналистов. Контроль за их мыслями и беседами вела созданная при президенте так называемая "антитеррористическая ячейка" во главе с жандармским майором Кристианом Пруто. Следствие по этому делу началось после того, как женщина-аноним передала следствию пять дискет с записями более 5 тысяч разговоров, перехваченных в рамках тайной операции "Гермес". И это происходит во Франции, где по закону подслушивание разрешается специальным органам только в исключительных случаях, когда прежде всего затрагивается безопасность страны.

При раскручивании этого скандала прессой выяснилось, что если президентская администрация занималась этим делом десять лет назад, то "резиденция" премьер-министра "провалилась" с организацией незаконного подслушивания сейчас, в 1995 году. Глава правительства Эдуард Балладюр, кстати, кандидат на пост президента, оказался вынужденным признать, что он дал согласие на подслушивание с целью дискредитации некоего доктора Жан-Пьера Марешаля, чтобы повлиять на прекращение его родственником, следователем Э. Альфеном, дела о финансовых махинациях правящей партии Объединение в поддержку республики.

Все это происходит, несмотря на то что сам президент Франсуа Миттеран назвал идиотами тех, кто стремился установить "диктатуру микрофонов", когда в 1973 году подслушивающее устройство было обнаружено в редакции сатирического журнала "Канар Аншене".

Если иметь в виду не профессиональное подслушивание с целью добычи разведывательной информации, в принципе имеющее прямое отношение к обеспечению государственной безопасности, то нельзя не согласиться с французским президентом.

Помимо обвинений в адрес "антитеррористической ячейки", в послужном списке которой оказались более 200 французов, скандал захватил также и французские спецслужбы. Как сообщали СМИ, директор редакции французской газеты "Монд" Эдви Пленель вместе с другими журналистами, писателями, политиками и адвокатами с 1989 по 1993 год был в списке тех, кого подслушивали как контрразведка - Управление безопасности территории (ДСТ), так и военная разведка - Главное управление внешней безопасности (ГУВБ).

За последние годы аналогичные скандалы один за другим следуют в различных странах.

В конце мая 1995 года в Австралии произошло шумное разоблачение фактов подслушивания спецслужбами иностранных дипломатических представительств. В частности, индонезийского посольства.

В июне этого же года в Испании возник громкий скандал из-за подслушивания военной контрразведкой видных политиков, бизнесменов, банкиров и даже главы государства - короля Хуана Карлоса. Был арестован полковник, начальник отдела подслушивания, который вынес со службы и скопировал 1200 документов, часть из которых попала в прессу.

Не избегла скандалов и Эстония, где разоблачение фактов подслушивания видных деятелей, в том числе и членов правительства, вызвало правительственный кризис, отставку правительства в октябре 1995 года.

Стремление слушать всех и вся, что делает, как считает Бамфорд, например, АНБ, действительно, похоже на "диктатуру микрофонов", лишающую всех граждан права неприкосновенности их частной жизни.

В этом отношении весьма интересен пример Мексики, где подслушивание получило необычайно широкое распространение в последние годы. Здесь подслушивают телефон не

только любого мексиканца, но и высокопоставленных должностных лиц, включая президента. Этот вид шпионажа достиг невиданных масштабов, подслушивается почти каждый пятый телефон.

Летом 1995 г. возник очередной большой скандал, когда одна из мексиканских газет опубликовала содержание подслушанных телефонных разговоров президента страны с руководителем его аппарата Хозе Кордобой.

Подслушивание превратилось в выгодный бизнес. За хорошую плату специалисты установят подслушивающие "жучки" даже в квартире самого шефа безопасности. Таких специалистов развелось много, профессионалов подслушивания называют здесь "птички на проводах". Они продают заинтересованным лицами подслушанную конфиденциальную информацию.

Поэтому солидные дельцы пользуются для связи портативными компьютерами со встроенными телефонами и "детекторами лжи", свободно умещающимися в атташе-кейсе. Если человек, с которым ведется разговор, выдает себя за другого, на экране загорается лампочка и надпись: "Он лжет". Если разговор подслушивается, появляется: "Не болтайте лишнего! Вас подслушивают" (Известия. 1995. 8 июня).

Но нельзя забывать, что подслушивание всех и вся даже для спецслужб дело дорогое и, как отмечали американские оппоненты Бамфорда, даже такая мощная спецслужба, как АНБ, не в силах обеспечить слишком широкий фронт деятельности в этой области. Ведь записать можно все автоматически, но проанализировать эти записи никакой автомат не может. Следовательно, требуются "уши человека", возможности которого весьма ограничены. На практике получается, что на каждого прослушиваемого требуется много обслуживающих специалистов, переводчиков, аналитиков. "Продукция" же их труда ничтожна, ибо запись беседы может длиться часами, а нужный смысл ее заключаться в нескольких словах.

Совсем иное дело - подслушивание с разведывательными целями, которое организуется там и тогда, где и когда оно может дать нужный разведывательный эффект.

В разведке наиболее частыми объектами проведения операции ТФП с целью подслушивания являются дипломатические представительства иностранных государств. Естественно, что спецслужбы КГБ также при каждом удобном случае не упускали возможности внедрения микрофонов в такие объекты.

Думаю, что не случайно изменник Носенко, бывший сотрудник 2-го ГУ КГБ, которое и могло организовать такие операции, заявлял о тотальном подслушивании иностранцев в Москве. Он якобы, как заявляет Баррон, указал американцам на 44 микрофона, встроенных в здание американского посольства в 1952 году, когда оно возводилось.

Небезынтересно другое сообщение Носенко, на которое ссылаются в своей книге Эндрю и Гордиевский. По их утверждению, в период "холодной войны" большинство иностранных посольств в Москве подслушивалось, в том числе и посольство ФРГ. Носенко утверждал, что в

конце 50-х годов западногерманский посол ежевечерне диктовал отчет о событиях дня, в том числе и о том, что писалось посольством в Бонн, и об отношениях и разговорах с другими послами стран НАТО. То, что представляло наибольший интерес из этих "мемуаров" немецкого посла, уже через пару часов докладывалось Хрущеву.

Западные средства массовой информации, я бы сказал, с большим удовольствием сообщают о том, как западные спецслужбы ухитрялись обмануть бдительность советских, теперь российских стражей секретов и внедрять микрофоны в наши объекты либо организовывать подслушивание иным образом. На вооружении у них находится обширный арсенал средств: от сверхминиатюрных микрофонов, предназначенных для внедрения в конструкции зданий либо в различные веши и предметы, заносимые в помещения, до направленных микрофонов, улавливающих человеческую речь с большого расстояния, лазерных уловителей колебания оконных стекол и так далее.

Вот несколько примеров операций западных спецслужб по организации подслушивания советских учреждений за границей.

После происшедшего в 1956 году пожара в советском посольстве в Канаде восстановление здания посольства было использовано канадской контрразведкой с участием британской СИС для внедрения микрофонов подслушивания. В этих целях контрразведка завербовала контрактора по восстановительным работам и с его помощью устроила в его фирме своих сотрудников под видом рабочих для получения доступа к местам намечавшейся закладки подслушивающих устройств.

Другой случай. В разгар "холодной войны" в середине 50-х годов греческие спецслужбы предпринимали всевозможные попытки внедрения в советское посольство в Афинах своей подслушивающей техники. В этих целях они даже выстроили гостиницу вплотную к зданию посольства.

В примыкающей к гостинице стене здания посольства на всех трех этажах с выходом в рабочие, служебные помещения специалисты внешней разведки выявили скрытые отверстия, ведущие к заделанным в стене микрофонам.

Далее произошел казус: наши специалисты начали вытягивать за провода заложенную аппаратуру, а греческие с другой стороны тянули их к себе. Но наши сотрудники ухитрились захватить большие трофеи (Новости разведки и контрразведки. 1996, N 7).

Как пишет в своих воспоминаниях бывший начальник внешней разведки
Л. Шебаршин, несмотря на то что ранее уже обнаруживались в советском посольстве в Вашингтоне западные послушивающие микрофоны, уже в конце 80-х годов в результате нового специального обследования здания посольства вновь было обнаружено несколько подслушивающих устройств.

Тот же П. Райт без стеснения описывает, как он, начиная работать в качестве инженера-электронщика в МИ-5, организовал внедрение микрофонов подслушивания в советское

посольство в Лондоне, затем чехословацкое, венгерское, в отель "Кларидж", в помещения, где останавливался Хрущев во время визита в Англию; как британские спецслужбы безуспешно пытались перехватить разговоры на крейсере "Орджоникидзе".

Операции ТФП с целью внедрения подслушивающих устройств в советские внешнедипломатические представительства предпринимали как британские, так и, особенно, американские спецслужбы. Райт описывает внедрение такой техники в советские посольства в Австралии и Канаде. В Австралии британские спецслужбы пользовались консультациями изменника Петрова, а в Канаде - другого изменника Гузенко.

В обоих случаях внешняя разведка своевременно раскрыла замысел противника и, зная местонахождение внедренных микрофонов, питала западные спецслужбы дезинформационными разговорами. После определенного времени советские представительства предали гласности факт обнаружения подслушивания, устроив пресс-конференции с демонстрацией изъятых электронных устройств.

Аналогичные случаи имели место и в США, в посольстве СССР в Вашингтоне и консульстве СССР в Сан-Франциско, при этом микрофоны американских спецслужб в течение ряда месяцев также успешно использовались для целенаправленной дезинформации американцев.

Однако, учитывая многообразие средств подслушивания, которые все время совершенствуются, обнаружение каких-то микрофонов еще не делает дальнейшие разговоры в помещении безопасными. Однако наряду с совершенствованием средств подслушивания совершенствуются и средства защиты от него.

Вот один интересный пример, ставший известным совсем недавно из книги Майкла Фроста, бывшего сотрудника канадского центра связи по обеспечению безопасности, аналога американского АНБ (Фрост М. Мир шпионов. Канада, 1995).

Он описывает то, как АНБ использовало для подслушивания посольств СССР и КНР обычных голубей. Орнитологи АНБ снабжали тайно отловленных у особняка посольства СССР голубей специально изготовленной миниатюрной аппаратурой: в их грудки под перышками вживлялись микрофоны-передатчики, а под крылья помещались почти неуловимые для глаза антенны. Фрост пишет об этом необычном виде подслушивания со знанием дела. Он рассказывает, как однажды при посещении секретного объекта АНБ он с удивлением увидел на столе американского коллеги чучело голубя. Увидев удивленное выражение лица канадца, американец пояснил, что эта птица из тех, что постоянно дежурят у советского посольства. Фрост узнал, что снабженные микрофонами-передатчиками голуби возвращаются на свои привычные карнизы облюбованного особняка, который находился в центре Вашингтона, и становятся "слухачами", принося очень важную для АНБ информацию.

Этот перехват был особенно успешным в летнее время, когда сотрудники посольства открывают окна.

Автор газетной рецензии на книгу Фроста задается вопросом, продолжает ли эта система подслушивания действовать сейчас, после окончания "холодной войны" и смены посольства СССР на российское. Думаю, что это чисто риторический вопрос, конечно же, американцы откажутся от использования голубей разве только после этой публикации, а не потому, что они стали теперь якобы нашими партнерами.

Интересен и другой метод подслушивания, применяемый АНБ для перехвата бесед нашего посла, а также китайского, а быть может, и других иностранцев, во время их отдыха на скамьях парка и мирных разговоров на чистом воздухе со своими сотрудниками и знакомыми.

Для этого агенты АНБ в "художественном" беспорядке разбрасывали фиберглассовые веточки, снабженные специальной аппаратурой, около "любимых" послами скамеек. Это якобы также давало хорошие результаты. Вот и получается, что и свежий воздух оказывается в США довольно сильно загрязненным спецслужбами.

Не обходит Фрост вниманием и факты сотрудничества и соперничества союзных спецслужб. Он упоминает, что когда советские "глушители" в 1987 году вывели из строя аппаратуру перехвата телефонных разговоров посольствами США и Англии в Москве, то канадское посольство взяло на себя функции основного центра подслушивания в СССР.

Как видно из этого примера, негоже канадцам жаловаться на якобы "советский шпионаж" в Канаде, когда они сами цинично помогали шпионить против СССР.

Другой приводимый Фростом пример свидетельствует о том, что канадские спецслужбы активно ведут разведку и против своих союзников, когда речь заходит об охране канадских интересов. История, рассказанная автором, касалась перехвата в эфире беседы двух американских дипломатов, в результате полученная разведывательная информация позволила отбить у американцев контракт на поставку Китаю пшеницы стоимостью в 2,5 миллиарда долларов (Известия. 1995, февраль).

Зная об активности западных спецслужб в организации ТФП в наши дипломатические и иные представительства за границей с целью подслушивания, было бы наивно полагать, что внешняя разведка отказывается от этого эффективного средства получения разведывательной информации. Не только мой личный опыт, но и воспоминания других представителей нашей службы подтверждают, что внешняя разведка активно ищет возможности и создает условия для использования перехвата разговоров в интересующих ее объектах. Об этом, в частности, пишет и бывший начальник внешней разведки Леонид Шебаршин: "Внедрение техники подслушивания - задача несравненно более сложная и рискованная (чем перехват телефонных разговоров. - Авт.). Но удачно проведенная операция может дать весомые результаты, особенно если удастся добраться до служебных кабинетов... Однажды установленное устройство может работать очень долго". Далее автор вспоминает, что здание американского посольства в Карачи привлекало в этом плане внимание резидентуры (Шебаршин Л. Рука Москвы. М., 1992).

Вообще говоря, операции ТФП с целью внедрения аппаратуры подслушивания не менее сложны, чем классические безагентурные операции с целью разовой добычи ценной

информации. Однако они отличаются двумя существенными факторами. При внедрении подслушивающих устройств в объекты ТФП остается существенный след в виде такого устройства, которое может в принципе раньше или позже быть обнаружено и явится свидетельством проникновения.

Во-вторых, если разовые ТФП проводятся в места, особо засекреченные и охраняемые, где хранятся сверхсекретные материалы, такие, как шифры, то при внедрении подслушивающей аппаратуры целью проникновения являются помещения, где либо проводятся важные служебные совещания, либо служебные кабинеты, в которых ведутся разговоры, интересующие разведку. Если первое отличие осложняет операции по внедрению подслушивающих устройств, то второе несколько облегчает их.

Лично я считаю такие операции близко приближающимися к пониманию разведывательного мастерства как искусства. Разведчику, осуществляющему ТФП в помещение объекта в поисках оптимального места и метода размещения микрофонов подслушивания, приходится иметь дело не с одним человеческим фактором, а и с оперативно-техническим. Ему нужно, с одной стороны, учитывать и безошибочно определять в условиях острого дефицита времени то, как люди, собственники обрабатываемого помещения, будут или могут решать задачу предохранения себя от подслушивания, то есть их психологию, знания и опыт. С другой, ясно представлять, какие самые современные технические средства могут быть применены для поиска аппаратуры подслушивания, выявления факта возможного подслушивания и защиты от него.

Вот, например, с какими неожиданными сюрпризами могут встретиться разведчики в объектах ТФП. Английские детективы разработали невидимый при обычном освещении краситель. Когда он попадает на тело или одежду тех, кто совершает несанкционированный вход в опрысканное помещение, остаются ничем не смываемые пятна, которые ярко светятся при ультрафиолетовом освещении. Разработаны и автоматические опрыскиватели, которые могут включаться при уходе персонала из помещения. После этого они опрыскивают каждого вошедшего. При этом для конкретного помещения может разрабатываться свой индивидуальный химический состав опрыскивателя. Важно, что у незваного гостя остается невидимая для него метка, свидетельствующая о пребывании его в неположенном месте или проникновении в защищенные помещения (Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт. 1994, декабрь).

Конечно же, зная о возможной защите, можно одеть специальный костюм, маску и перчатки, но не считаться с этим сейчас очень рискованно. И это далеко не самое страшное средство защиты. Наиболее распространенные современные средства защиты помещений - это системы электронных сигнализаций, скрытые телевизионные камеры и пр.

Например, самые изощренные средства защиты о несанкционированного ТФП применяются банками, в хранилищах которых есть сюрпризы, только и ожидающие взломщиков сейфов. При любом ошибочном действии они могут заблокировать всю систему, и взломщик оказывается пленником, не имея возможности спастись бегством.

Заканчивая краткий обзор разведывательной деятельности в области подслушивания, хотел бы отметить, что помимо всех прочих мер защиты есть одно универсальное и самое верное, известное всем, но легко всеми пренебрегаемое средство:

молчать всегда, когда можно не называть вещи своими именами, или пользоваться письменной речью. Еще Пифагор не начинал учить своих учеников ничему до тех пор, пока они не освоят дисциплину молчания, поскольку оно было необходимым условием размышлений.

Для разведчика же дисциплина молчания - жизненно необходимое условие. Кстати, молчание, как правило, является категорическим требованием во время осуществления операции ТФП.

В свете происшедших у нас событий и реорганизации специальных служб, когда внешняя разведка выделилась из бывшего КГБ в самостоятельную службу, а от контрразведывательных служб отделились бывшее 8-е ГУ и 16-е Управление, вопросы борьбы с возможным прослушиванием российских учреждений и организаций как внутри России, так и за границей стали решаться этими спецслужбами самостоятельно.

Однако управление линиями связи, по которым можно оперативно и без проблем связаться с любой точкой на Земле, возложены на Федеральное агентство правительственной связи и информации при президенте Российской Федерации - ФАПСИ. В распоряжении этого агентства находятся проводные, радио и космические каналы. От него же зависит обеспечение безопасности этих линий связи, то есть своевременное выявление подслушивающей и перехватывающей аппаратуры, ее блокирование, обезвреживание или изъятие.

Нет сомнения, что если бывшие спецслужбы КГБ - 8-е ГУ и 16-е Управление - работали без существенных проколов, за исключением нелегального бегства в 1980 году сотрудника 8-го ГУ Шеймова, то в современных условиях следует ожидать настойчивых попыток ТФП в ФАПСИ, где в силу самостоятельной деятельности во многих сферах, ранее осуществлявшейся другими службами КГБ, например ХОЗУ, увеличивается диапазон возможных подходов и оперативных решений для западных спецслужб. Тем более что, как сообщается в средствах массовой информации, ФАПСИ втягивается и в коммерческую деятельность как на российской территории, так и вне ее (Сегодня. 1993, 17 августа).

Внимание западных спецслужб к ФАПСИ теперь будет, надо полагать, все возрастать, поскольку это агентство превратилось в системе российских спецслужб в аналог американского АНБ. В его ведение входит активная разведка техническими средствами: это и перехват радио и телефонных коммуникаций, дешифровка их, разработка новых шифров и шифровальных машин, раскрытие иностранных кодов и шифров - одним словом, все, чем занимались три технических подразделения упраздненного КГБ и два его специальных гражданских предприятия.

В этой новой структуре, никому, по существу, не подчиняющейся, а следовательно, и никем не контролируемой, сосредоточена масса государственных секретов и тайн. Разве это не соблазн для западных специальных служб - пытаться проникнуть туда?

Вот и "первая ласточка" не заставила долго себя ждать. Руководящий сотрудник ФСБ РФ генерал-майор Н. Волабуев подтвердил, что в 1996 году арестован один из сотрудников ФАПСИ, разоблаченный как агент иностранной спецслужбы (Московский комсомолец. 1997, 7 мая).

И последнее соображение. Сегодня, в условиях, когда западные разведки активизируют усилия по добыванию "чужих" секретов, а у молодых республик, возникших после распада СССР, нет еще ни должного опыта, ни необходимых материальных и технических средств для защиты своих дипломатических, торговых и иных представительств, настоятельно необходимо, чтобы они ясно представляли себе, что может грозить их секретам со стороны иностранных спецслужб.

Развитие глобальной электронной связи, делающее возможным доступ к самым засекреченным хранилищам информации, в соединении с быстро развивающейся и совершенствующейся компьютерной техникой открывают новые, пока еще плохо изученные возможности добывания ценной разведывательной информации.

Об этом свидетельствуют все увеличивающиеся случаи несанкционированного проникновения в такие закрытые архисекретные компьютерные сети, как, например, центры Пентагона.

В марте 1997 года из Лондона пришло сообщение, что там состоялся суд над шестнадцатилетним учеником музыкальной школы Ричардом Прайсом. Этому предшествовали драматические события.

Эксперты в США установили факт несанкционированного проникновения в святая святых Пентагона: компьютерную систему данных о ракетах на двух американских базах и о работах над созданием искусственного мозга в военно-промышленной корпорации "Локхид". В США было решено, что это дело рук восточноевропейских шпионов и ФБР и ЦРУ начали лихорадочные поиски злоумышленников.

Только неосторожное раскрытие Прайсом своего имени и места обучения перед одним из детективов, выступавшим по "Интернет" под видом хакера, помогло установить малолетнего преступника.

Как оказалось, Прайс с помощью компьютера, модема и другого электронного оборудования расшифровал коды, которые охраняют секреты Пентагона, и смог прочитать секретные документы. На суде он пояснил, что просто питает жгучий интерес к военным тайнам. За это молодой музыкант был приговорен к штрафу в 1200 фунтов стерлингов и конфискации орудия правонарушения - компьютера.

Думаю, что такие операции тайного электронного проникновения, вероятно, уже взяты на вооружение разведывательных служб. Ведь недаром ФБР приняло вмешательство любителя-хакера за действия агентов КГБ (Известия. 1997, 29 марта).

В целях зашиты информации, накапливаемой в компьютерных системах, помимо законодательных мер, разрабатываемых на Западе, вводятся еще более изощренные защитные меры, а для передачи информации применяются надежные шифры. Как видно из приведенного примера, защитные меры и коды не обеспечивают неприкосновенность содержимого компьютерных систем даже от любителей, шифры же, защищающие передаваемую информацию, остаются целью разведывательных усилий, в том числе и путем осуществления операций ТФП туда, где они могут готовиться или храниться.

ГЛАВА XIII. ПОД ЗНАКОМ НОЧИ

Как площади эти обширны,
Как гулки и круты мосты!
Тяжелый, беззвездный и мирный
Над нами покров темноты.

А. Ахматова

После того как совместно с польскими коллегами мы успешно осуществили операцию ТФП в западногерманскую дипломатическую почту, передо мной встал вопрос: чем еще можно было бы заняться в области разведывательной деятельности?

Коль скоро я был ограничен в этом отношении возможностью участвовать в оперативных разведывательных делах только совместно с польскими спецслужбами, мне оставалось лишь активно искать области применения такого взаимодействия. Естественно, при этом можно было рассчитывать на готовность. Польские коллеги готовы были совместно проводить только такие разведывательные операции, в которых они самостоятельно не могли решить оперативные и, особенно, технические задачи. Как это и было в операции с диппочтой.

Являясь профессионалом-разведчиком, имевшим к моменту прибытия в Польшу 35-летний оперативный опыт, я привык к действовавшей во внешней разведке системе, при которой стратегические цели моей деятельности формировались не мной, а вышестоящим руководством. Достижение же их, пути решения и тактику моих действий определял я сам, исходя из конкретных условий и имевшихся в моем распоряжении средств и возможностей. Таким образом, мне всегда предоставлялось обширное поле самостоятельных решений и действий.

Надо сказать, что когда недостаточно компетентный или даже неумный руководитель в Центре - а такие попадались и на моем пути - пытался навязать издалека пути и способы решения поставленных принципиальных задач, ничего путного не получалось. Да я просто и не принимал их в расчет, игнорируя такие указания сверху, особенно если они не соответствовали существовавшим конкретным условиям.

В данном же случае у меня не было выбора. Заниматься разведывательной деятельностью в ее классическом виде я не мог. Был не только категорический приказ лично председателя КГБ, но я и сам понимал, что Польская Народная Республика, наш союзник, не может быть объектом

каких-либо оперативных действий внешней разведки, осуществляемых без ведома польских спецслужб. Это было бы грубейшим нарушением польского суверенитета и основ взаимодействия наших и польских органов государственной безопасности.

Но, как я уже подчеркивал, моя натура требовала приложения моего разведывательного опыта. Посему я активно изучал местную оперативную обстановку и, естественно, не мог не остановить свое внимание на большой заинтересованности моих польских коллег в операциях ТФП в иностранные представительства.

Внешнеполитическая обстановка вокруг Польши в первую половину 70-х годов была далеко не дружественной. Западные государства и прежде всего США и их специальные органы вели непрекращающуюся психологическую войну и осуществляли тайные операции по поддержке внутренней оппозиции в Польше и враждебных польскому руководству заграничных эмигрантских организаций.

Это требовало активизации противодействия им со стороны польских специальных служб. Поэтому наши предложения, открывавшие новые возможности получения разведывательной информации о планах и замыслах Запада в отношении Польши, встретили живой отклик у польских коллег.

В этом плане очень удачными были операции ТФП "Наемники" и "Бумеранг" и особенно "Загадочная шкатулка", давшие весьма ощутимый информационный результат для поляков.

Теперь внимательно анализируя вместе с руководством польской разведки конкретные возможности проведения операций ТФП, я тщательно отбирал те направления взаимной разведывательной заинтересованности, где я мог бы приложить свои опыт и знания, а Центр был бы готов оказать нам всемерное содействие и предоставить технические возможности и своих специалистов.

Изучая возможности ТФП получения иностранных шифров и других криптологических материалов, я руководствовался имевшейся у меня строго секретной и только лично для моего сведения ориентировкой Центра о тех государствах Запада, чьи шифрдокументы было бы желательно заполучить в текущем году.

Довольно быстро я обнаружил, что в Польше имелся целый ряд объектов, подходивших для осуществления в них ТФП. При этом для выполнения запроса Центра имелось несколько вариантов, обсуждением которых с польскими коллегами я и собирался заняться. Так в дело вступило мое alter ego.

Я не рассчитывал на легкую и быструю поддержку Центра, ибо там пока превалировала тенденция недоверия к польским спецслужбам в плане гарантии от утечки информации на Запад. Это мне предстояло преодолеть путем тщательной подготовки предложений и плана осуществления конкретной операции ТФП.

Я сам хорошо понимал настороженность Центра, зная о серьезном провале моих собственных дел по линии нелегальной разведки, когда из-за измены руководящего сотрудника польской спецслужбы М. Голеневского в 1961 году были арестованы и осуждены в Англии три наших разведчика-нелегала, о чем я рассказал в V главе, описывая операцию ТФП "Портлендское дело".

Но я знал также, что с тех пор польские коллеги основательно почистили свои кадры от ненадежных лиц и в 70-е годы добились ощутимых положительных разведывательных и контрразведывательных результатов.

Но, как говорили у нас, Центр - это монстр, он всегда прав и любит предупреждать, причем так, что если за операцией следует успех, то это является прежде всего его заслугой, а если неудача, то за нее несет ответственность инициатор операции, оправдывая поговорку: у успеха много родителей, а неудача - сирота.

Настало время сказать еще несколько слов об основе оперативного сотрудничества наших спецслужб с польскими. Тем более что измышлений в этой области высказано и написано на Западе много.

Это сотрудничество никогда, начиная с хорошо мне известного периода 60-х и в последующие годы, не действовало в противоречии с официальной линией руководства сотрудничавших стран.

Лживы измышления Д. Баррона о том, что бывшие союзники СССР по Варшавскому Договору якобы работали на нужды Советского Союза, их спецслужбы подчинялись приказам советских спецслужб. Внешняя разведка якобы расширяла в огромной степени свои оперативные возможности, Запад же "не учитывал, что разведывательные службы других социалистических стран являлись интегральной частью внешней разведки" (Баррон Д. КГБ. Нью-Йорк,
1974).

Баррон утверждает, что ресурсы КГБ и его внешней разведки возросли благодаря нелегальным службам Кубы, ЧССР, ГДР, Польши, Венгрии и, в известной мере, Румынии. "Советский Союз, - пишет он, - доминировал над этими службами, которые практически являлись его филиалами". Эти и подобные им лживые утверждения делались со ссылками на доносы изменников, в частности Носенко, который, кстати, никакого отношения к сотрудничеству КГБ со спецслужбами социалистических стран никогда не имел. Ему вторит другой изменник Гордиевский, утверждающий, что теперь, после распада СССР, КГБ уже больше не хозяин своих тайн. Демократическая революция в Восточной Европе якобы поставила КГБ перед риском обнародования его секретов через бывших союзников по советскому блоку (Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. М., 1990).

Эта несусветная чушь уже опровергнута жизнью. Никаких секретов КГБ бывшие наши союзники раскрыть не могли и не раскрыли до сих пор, ибо их не ведали. Что раскрывают отдельные бывшие сотрудники этих спецслужб, так это их собственные секреты.

Конечно же, происшедшие за последнее десятилетие кардинальные перемены в нашей стране и странах Восточной Европы существенно изменили обстановку и в области деятельности специальных служб. Теперь бывшие "братские" службы устанавливают сотрудничество с Западом против нас.

Но, как кто-то сказал недавно, жизнь не сводится к игре случайностей и следует глядеть на нынешнее смутное время как на продолжение и следствие предшествующего развития.

В этом плане характерно сообщение журнала "Темпо" о том, что ЦРУ активно участвует в реорганизации спецслужб бывших социалистических стран Европы. В последнее время у этой американской разведки появился конкурент - спецслужбы Германии, которые также активно оказывают восточноевропейским соседям небескорыстную помощь (Темпо. 1992, 17 февраля).

Из этого сообщения вытекает, во-первых, что и ЦРУ, и БНД, а также военные разведки США и Германии получают полный доступ к архивам восточноевропейских спецслужб, по крайней мере к материалам, касающимся прошлого сотрудничества с советскими спецслужбами. То есть для этих западных спецслужб не остается, надо полагать, секретов в этой области.

Во-вторых, весь наш опыт в области операций ТФП, ставший известным нашим бывшим партнерам по сотрудничеству, теперь может быть обращен против нас.

Наконец, в-третьих, для того чтобы воспрепятствовать западным спецслужбам воспользоваться нашими достижениями в этой важной области разведывательной деятельности и в целях объективного ознакомления широкой общественности с вопиющими провалами западных спецслужб, оказавшимися неспособными предотвратить наши ТФП, а следовательно, показать наше превосходство в этом, целесообразно огласить то, что они могут в удобный для них момент и с выгодными для них комментариями предать гласности.

Интересно, что бывшие директора ЦРУ Гейтс, затем Вулси предприняли поездки в бывшие социалистические страны для "изучения возможностей расширения деловых контактов с руководителями дружественных разведывательных организаций" (Интернейшнл Геральд Трибюн. 1992, 8-9 февраля).

Не упускает случая и британская пресса похвастаться наличием самой тесной связи и сотрудничества между британскими и польскими спецслужбами, благодаря которым успешно осуществляются совместные операции (Известия. 1993, 23 ноября).

Поскольку в число "дружащих" между собой ЦРУ, СИС и других западных спецслужб теперь входит и польская, я чувствую себя морально свободным писать о том, что и как мы с поляками делали и предпринимали в прошлом в борьбе с их нынешними "друзьями". Тем более что уверен в наличии, как пишут сами западные комментаторы, сугубо корыстных интересов у новых "друзей". Едва ли наши бывшие друзья в спецслужбах Польши увидят такую же готовность помогать им на взаимной основе, как это делали мы. Сейчас мы чувствуем на себе это "бескорыстие" Запада.

Не случайно и в нашу страну хлынули эмиссары ЦРУ, БНД с выражением готовности помочь КГБ разобраться с нашими архивами, как об этом заявил бывший диссидент Буковский. Тот, о котором сама американская пресса писала как об агенте ЦРУ.

Сейчас многие американские специалисты по проблемам безопасности рвутся к нам с предложениями о создании предприятий для совместной деятельности по обеспечению безопасности и защите как американских фирм в России, так и российских структур, против "проникновения в них представителей из сферы организованной преступности".

Что это, как не стремление легализовать возможность ведения разведки в России?

Наиболее явно это выразил бывший руководитель американской ЭР против СССР Д. Берк, возглавляющий фирму "Парвус компани", специализирующуюся на охране предприятий бизнеса. Он дал понять, что получает много предложений от бывших специалистов КГБ "помочь иностранным компаниям в России получить доступ к сотрудникам российского бюрократического аппарата". И хотя он подозревает в этих предложениях некий умысел внешней разведки в области промышленного шпионажа, он, судя по всему, не прочь использовать эту возможность в интересах американцев.

Внешняя разведка сама с готовностью откликнулась на призывы Запада к сотрудничеству с их спецслужбами в ряде областей общей заинтересованности: в борьбе с терроризмом, наркобизнесом. Но боюсь, что не все наши новые руководители, далеко не всегда опытные профессионалы, могут увидеть опасности, которые скрываются в предложениях Запада. Визит в Москву в феврале 1993 года директора ЦРУ Гейтса, позже - Вулси, визит в июле 1992 г. государственного министра Германии Б. Шмидбауэра, ведающего вопросами координации деятельности спецслужб, и другие консультации с нашим руководством внешней разведки и ФСБ порою приносят странные результаты.

Так, уже в 1995 году немецкие спецслужбы предприняли опасную провокацию с инсценировкой якобы утечки ядерных материалов из России в Германию, используя это для демонстрации исходящей из России опасности. На деле же подобные провокации являются не чем иным, как сугубо антироссийскими акциями, направленными на подрыв международного доверия к нашей стране и ее специальным службам.

Например, по инициативе спецслужбы Болгарии и вашингтонского Центра за демократию была организована международная конференция с участием представителей более 20 стран, в том числе России, Украины, Белоруссии, Казахстана, с той же скрытой целью добраться до наших секретов.

Думаю, что мы не ошибемся, если будем считать, что прежние главные цели ЦРУ и других западных спецслужб остаются существенно не изменившимися и в современных условиях в том, что касается проблемы проникновения. Хочу напомнить, что еще бывший в 70-е годы директором ЦРУ Колби, давая в мая 1993 г. интервью английскому журналисту, признал, что для американской разведки главную задачу всегда представляло проникновение в Кремль. Эта

же задача, хотя и прикрытая другими словами, звучала в устах Гейтса, Вулси и теперь нового директора ЦРУ Дейча.

Вслушиваясь в слова политиков, необходимо пристально вглядываться в действия тех основных государственных органов, которые определяют или отражают скрытие намерения.

О "мирных" намерениях американских милитаристов уже в 1991 году, как сообщала газета "Вашингтон Пост", свидетельствовал составленный Пентагоном новый план ядерного удара по нашей стране. Этот план назван умеренным, так как он включает только семь тысяч целей и газета радовалась, что количество целей уменьшилось на три тысячи по сравнению с тем, что предусматривалось предыдущим планом.

Судите сами, можно ли внешней разведке оставаться спокойной. Тем более что наш главный противник - ЦРУ - теперь еще в большей мере, чем раньше, мнит себя гегемоном в мире спецслужб и претендует на то, чтобы решать мировые проблемы за правительства суверенных государств, в том числе и за Россию.

Как ни стерегли свои секреты об операциях ТФП западные спецслужбы, за последние полтора десятилетия появился ряд публикаций, раскрывающих эту тему. Наиболее полно эта область разведывательной деятельности, как уже указывалось, представлена в мемуарах бывшего сотрудника СДЕСЕ ЛеруаФэнвилля.

Автор громогласно и, вероятно, к большому неудовольствию французских спецслужб без обиняков заявил, что иностранные посольства представляли постоянный фронт работы специальной "Службы 7", которой он руководил. Он описывает, как пытался проникать тайно в них, вскрывать их сейфы, копировал их шифры и похищал другие секреты. При этом он утверждает, что такую же активную работу проводят другие западные спецслужбы. Особо отмечает, что мощная американская разведка выделяется своими успехами в этой области, однако она не может похвалиться таким же высоким уровнем решения оперативных и технических задач по операциям ТФП, каковых удалось достичь СДЕСЕ.

Итак, кратко об операциях ТФП как они представлены бывшим руководителем французской специальной "Службы 7" полковником Марселем Леруа-Фэнвиллем.

"ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СЕМЕРКА"

Книга Леруа-Фэнвилля, быстро ставшая бестселлером была первой, да, пожалуй, и единственной в своем роде с таким подробным изложением той части деятельности разведывательной службы, которая тщательно, плотной тайной охранялась от гласности. Не случайно появление мемуаров ЛеруаФэнвилля вызвало резкое недовольство французских спецслужб, попытавшихся предотвратить ее распространение, но безуспешно. Отстоять свои позиции автору помогли быстро возникший интерес к его книге широкой общественности и сенсационные рецензии в ряде популярных солидных журналов, в том числе в "Пари-матч".

Автор воспоминаний о деятельности "Службы 7" исключительно красочно и обстоятельно рисует напряженную атмосферу, в которой работают специалисты по самым разнообразным операциям безагентурного ТФП. Читал я эти описания и удивлялся, как точно они совпадали с тем, что я знал из личного опыта.

Когда в середине 80-х годов после возвращения из Польши я попытался разыскать эту книгу, оказалось, что она таинственно исчезла с книжного рынка, и все мои усилия не увенчались успехом. Мне подумалось, что французские спецслужбы могли приложить свою руку к этому исчезновению, несмотря на то что книга была бестселлером, ибо многие факты ТФП французских спецслужб в "чужие", в том числе американские и иные иностранные объекты звучали в устах автора очень неприятными разоблачениями для французов.

Автор, как писала тогда французская пресса, поступил во французскую "Службу 7" в 1953 году. В его задачу входило добывать секретную разведывательную информацию всеми возможными техническими средствами. Речь шла о снабжении французского правительства секретными документами, которые можно было найти в "чужих" сейфах, иностранных дипломатических вализах или сумках, портфелях и дипломатах видных иностранных чиновников (Ле Пуэн. 1980, 1 декабря).

Уйдя в 1967 году в отставку по своему желанию, с большой обидой на службу на несправедливые обвинения, он пишет свои мемуары без обиняков, открыто заявляя, что французские агенты и разведчики в послевоенные годы шпионили за американскими правительственными чиновниками, проникали в посольства США и однажды даже рассматривали возможность похищения сверхсекретных американских атомных боеголовок и планировали похищение миниатюрной атомной бомбы с американской секретной базы в Германии (Ньюсуик. 1981, 26 января).

По утверждению автора, де Голль требовал от французских спецслужб считать все государства без исключения противниками, даже если отдельные из них были друзьями и союзниками.

Так, в 1964 году, правда, уже по указанию другого президента - Валери Жискар д'Эстена - "Служба 7" проводила изъятие секретных материалов и вскрытие личного портфеля заместителя государственного секретаря Джорджа Болла. Это, кстати, позволило французам во время переговоров министров иностранных дел по "Кеннеди Раунд" в Каннах знать заранее позиции американцев.

Таким образом, французская разведка не стеснялась проводить операции ТФП и по своим близким союзникам.

Автор пишет, что существовавшая в СДЕСЕ "Служба 7" была самой засекреченной. Ее рутинная работа состояла во вскрытии иностранных дипломатических почт, проходивших через аэропорт Орли, проверке содержания сейфов и других специальных хранилищ, то есть в проведении операций ТФП.

"Служба 7" действовала настолько широко и добывала такой большой объем секретных материалов, что ее знали как источник ценной и актуальной информации все министры французского правительства. Кстати, эта практика резко отличается от того порядка, который соблюдался в наших спецслужбах, тщательно скрывавших ТФП как источник добывавшейся информации, а доступ к таким материалам был крайне ограничен. При этом они тщательно обезличивались, чтобы нельзя было определить их бывших собственников.

Сфера оперативной деятельности "Службы 7", так называемый "Фронт", как ее именует автор, - понятие многозначное, подвижное, включающее как четко обозначенные места и объекты ТФП, так и не поддающиеся определению. Это те места, где появляются, общаются, проживают постоянно или временно, работают, а также куда приезжают и откуда уезжают иностранцы.

Постоянными объектами "Фронта" являются иностранные посольства. "Мы пытаемся, - пишет автор, - проникать в них, перехватывать их курьеров, их коды и шифры, их сейфы".

"Фронт" охватывает также вокзалы, где бывают известные иностранцы, государственные лидеры, ученые, промышленники, профдеятели, а также агенты, способные перевозить в вализах и сумках или на себе секреты, которые интересуют правительство.

"Служба 7" широко использовала обслуживающий персонал гостиниц, аэропортов, пансионатов, привлекала его к производству негласных обысков с целью выявления наличия секретов в сейфах, личном багаже.

Во всех крупных гостиницах "Служба 7" имела спецгруппы в составе трех высококвалифицированных специалистов в области ТФП. Эти отели были "наводнены" их агентурой, в том числе сами управляющие гостиниц были связаны с ними. Специалисты при гостиницах имели опыт вскрытия замков на дверях и личных вещах, умели обращаться с сейфами и обрабатывать сложно упакованные пакеты с документами и вализы.

Автор описывает, как он организовал плотное наблюдение за известным американским профдеятелем Ирвингом Брауном, являвшимся агентом ЦРУ. Французы не раз проникали в его гостиничный номер в его отсутствие и фотографировали его документы, в то время как их люди сторожили у входа в гостиницу, в лифте, на лестницах, блокируя его возможное появление.

"Фронту" принадлежали все те номера в гостиницах, в которых обычно останавливались видные персоны, и их местопребывание и жилье являлось "избранной целью" службы. В сферу деятельности "Фронта" входили аэропорты всей страны, вокзалы, морские и речные порты, "Служба 7" тесно сотрудничала с авиакомпаниями и почтовиками. Вся эта деятельность значительно расширилась с начала 50-х годов.

В конторах фрахтования судов, в таможенных пунктах и пунктах сортировки почт постоянно появляются дипломатические курьеры, направляющиеся за границу, сдаются и принимаются дипломатические вализы в виде герметически упакованных мешков и сумок. Они

регулярно доставляются туда представителями посольств и помещаются в "безопасные" хранилища, где как раз и находятся внедренные туда люди "Службы 7".

Автор с гордостью хвалится, что создал уникальную организацию для обращения с дипкурьерами и их багажом, которая функционировала автоматически.

"Служба 7" создала специальные лаборатории для обработки, вскрытия и запечатывания пакетов, вализ и проч., оснащенные ультрасовременной аппаратурой, располагающие всевозможными средствами и ведущие разработку новых методов ТФП.

Специальные бригады, замаскированные под носильщиков, обслуживают специальные багажные камеры хранения, личный состав которых состоит из высококвалифицированных взломщиков, способных проникать в любые надежные хранилища и доставлять в лаборатории "Службы 7" нужный ей багаж. Доставка такого багажа осуществлялась по строго разработанному графику, на основе точного хронометрирования пути, чтобы никакие случайности не могли помешать своевременной доставке багажа, чтобы было достаточно времени для его обработки и возвращения на место хранения вовремя.

В лаборатории, по красочному описанию автора, начинается та самая лихорадочная работа, которую я пытался показать на примере операции "Вализа".

Прежде всего исследуется внешний вид вализы, упаковки со всех сторон и со всех точек зрения (материал, метод упаковки и прочее). Каждая упаковка осматривается через увеличительную линзу, фиксируются любые особенности, царапины, помятости, надломы, которые могут служить признаками, специально нанесенными для обеспечения безопасности упаковок.

По внешнему виду обычная вализа является мешком из прочной ткани, надежно упакованным шнуром из разных материалов. Два конца шнура образуют первый узел, опечатанный пломбой. По выходе из пломбы оба конца снова завязываются во второй узел, такой же сложный, как и первый.

Зятем оба конца шнура заделываются в своеобразный чехол, который скрепляется сургучной печатью. Эта часть упаковки точно определяется и заделывается отправителем. Ясно, что наличие каких-либо отклонений в одном из узлов, в пломбе или концевом чехле может послужить подозрением со стороны владельца почты в возможном вскрытии ее посторонними лицами. Как следствие, сразу же будет известно, с чем мог ознакомиться вскрывший "чужую" почту. Это нарушает основной принцип ТФП.

Для того чтобы избежать этого, каждый шаг специалистов, вскрывающих вализу, скрупулезно фотографируется и пленка тут же проявляется, чтобы при обратной упаковке можно было сравнивать то, что получается, с тем, как это было первоначально.

После вскрытия вализы начинается очень осторожное извлечение ее содержания, также при фотографировании его внешнего вида. Любая мелочь, изменение положения документов в конвертах, новые изгибы на бумаге могут послужить признаком вскрытия.

Третья фаза ТФП - упаковка всего содержания и закрытие вализы. Постоянно идет сверка с фото, исследование под микроскопом получающихся печатей, чтобы не осталось на них ни одной ранее отсутствовавшей трещинки. И все это делается в лихорадочном темпе, ибо время не ждет, при соблюдении полной тишины, чтобы ничем не отвлекать сконцентрированного до предела внимания специалистов на том, что они делают. Лишь иногда звучит просьба-приказ дать иглу, нитку, сургуч и т. д. Прямо как при сложной хирургической операции. Да, можно сказать, что при операции ТФП в дипломатическую вализу требуется не меньшая, а может быть и большая точность движений и твердости руки, чем хирургу при операции на мозге.

В большинстве случаев закрытие и упаковка вализ проходят без проблем. Но бывают и большие сложности, как, например, при "кесаревом сечении" внешних мешков-вализ.

Автор приводит пример, когда однажды им попался мешок, не только упакованный шнурком, но еще запертый на висячий замок, не поддававшийся открытию. Вализа к тому же была без швов, цельной, и пришлось прибегнуть к разрезанию ее.

Вся сложность возникла при воссоздании разрезанной вализы. Потребовался самый высококвалифицированный мастер, который стал зашивать разрез под микроскопом и при ярком свете лампы, орудуя тончайшими иглами и протягивая ниточку за ниточкой так, чтобы от разреза не осталось никаких следов. Это была адская работа, требовавшая неимоверного напряжения всего организма и нервов от исполнителя. Тем более что надо было не только делать все точно, но и достаточно быстро, чтобы успеть сдать почту туда, откуда она была изъята нелегально.

Меня порадовало заключение автора, если оно правдиво, о том, что русские дипломатические вализы "Службе 7" вскрывать не удавалось, так умело и изощренно они упаковывались. Тогда якобы на вализу нередко наносились следы вскрытия в качестве дезинформационного мероприятия, чтобы вынудить русских действовать, исходя из того, что содержимое их вализ могло стать известным противнику.

О том, что "Служба 7" проводила огромную работу в широких масштабах, говорят заявления автора. Начав с вскрытия по одной вализе в день, служба довела производительность до 20 вализ в один день только в Париже. Лаборатории служба имела первоначально только в Париже, затем они возникли в других городах Франции, а потом и за границей.

Например, "Служба 7" активно работала в Касабланке, обрабатывая там американские почты. При этом французы знали, что все важнейшие указания из США для американских дипломатов в Африке, доклады и документы посольств в африканских странах, которые могли интересовать правительство Франции, государственный департамент США посылал и получал через Марокко.

По итальянцам "Служба 7" работала в Алжире, по бельгийцам - в Киншасе.

В Бельгии, где была организована одна из наиболее важных лабораторий, "Служба 7" работала по всем, кроме бельгийцев. Активно использовала служба Женеву, Бейрут, Ливию.

Автор собирался создать лабораторию и в США, вблизи ООН. При этом он вновь с гордостью заявляет, что хотя американцы в области ТФП работали так же активно, как "Служба 7", у них не было таких искусных "хирургов", способных вскрывать почти любые упаковки (400 операции "Службы 7". Мемуары Леруа-Фэнвилля, агента СДЕСЕ).

Практический интерес для исполнителей операции ТФП могут представить замечания автора о некоторых мерах безопасности, с которыми встречалась в своей работе "Служба 7".

Например, Ватикан в своей дипломатической переписке использовал специальную бумагу, которая при дневном свете засвечивалась. Поэтому ватиканские вализы приходилось вскрывать в темноте, что увеличивало трудность этого процесса.

Часто специалисты обнаруживали небольшие металлические скобочки, заделанные скрытно в печатях. Некоторые владельцы почт помещали под печать на мешке-вализе или в пакетах с письмами сверхтонкие металлические волоски или крючочки, которые легко ломались, если открывающие упаковку не знают о положении такого крючочка. Подобные ловушки находили и внутри сургучных печатей.

Привожу так подробно эту часть книги Леруа-Фэнвилля, поскольку это освобождает меня от повторения этих общих для любой операции ТФП деталей, о которых пойдет речь в моих мемуарах.

Многое, описанное этим автором, точно соответствует тому, что наблюдал и я. Но, конечно же, в его книге отсутствует атмосфера той напряженной работы различных подразделений спецслужб, которая предшествует любой операции, особенно если ТФП осуществляется в сложные объекты, какими являются посольства и другие иностранные представительства. Такие учреждения и конторы, как правило, сильно охраняются и обеспечиваются сложными защитными мерами.

РАЗВЕДКА БОЕМ

Зная по опыту требования Центра при рассмотрении предложений об операциях, связанных с вхождением наших специалистов в иностранные объекты и тем более посольства, я уделил особое внимание подготовке первой такой операции совместно с польскими спецслужбами.

Особо тщательно мы с польскими коллегами отрабатывали определение возможных опасностей и угроз срыва операции с тем, чтобы Центр, с одной стороны, мог положиться на мои оценки и соображения, а с другой, не смог бы отговориться, что чего-то не знал и о чем-то не ведал.

Мою задачу облегчало хорошее знание нашей канцелярской кухни в Центре, которое я приобрел за пятилетнее участие в руководстве внешней разведкой.

Хотя и мы, и наши польские коллеги были в первую очередь заинтересованы в проникновении в объекты главных участников блока НАТО, для проверки возможностей польских спецслужб и получения согласия Центра на участие в совместной операции, я намечал начать с операции ТФП в одно из латиноамериканских посольств.

Предпосылка для этого очень удачно возникла в связи с передачей нам еще в 1973 году в порядке взаимного обмена разведывательной информацией экземпляра шифрдокументов одной из латиноамериканских республик. Как пояснили тогда мне польские коллеги, этот шифр был добыт одним из их разведчиков.

Поскольку по информации Центра я знал, что в последнее время указанная латиноамериканская страна явно поддерживала агрессивную политику США, а ее посольство в Москве, по всем данным, использовалось ЦРУ для прикрытия его подрывной работы против СССР, наша служба была заинтересована в том, чтобы читать всю шифрованную переписку этого посольства с их МИДом. Однако срок действия ранее переданных поляками шифров закончился, и было желательно получить их новые шифрдокументы. Но такой возможности польская разведка больше не имела.

Мой вопрос к полякам о наличии возможностей добыть этот шифр путем операции ТФП в варшавское посольство этой страны получил положительный ответ. Как выяснилось, польские спецслужбы уже самостоятельно получили доступ в зону безопасности этого посольства, но не смогли преодолеть шифр замка сейфа, где хранились шифрдокументы. Таким образом, поляки были заинтересованы в участии наших специалистов.

Поскольку обо всех подготовительных мероприятиях вокруг объекта и внутри него подробно и с хорошим знанием дела описал в своих воспоминаниях наш контрразведчик В. Удилов (Удилов В. Записки контрразведчика. М., 1994), а также Леруа-Фэнвилль, я не буду останавливаться на этом. Эти мероприятия уже были тщательно отработаны польскими коллегами. Они подробно ознакомили представительство КГБ с проделанной ими работой по обеспечению безопасности операции ТФП.

Об этом было доложено в Центр вместе с просьбой польских коллег прислать специалиста по сейфовым замкам. Я присовокупил свое заключение о том, что в предлагаемой операции не вижу особого риска и уверен в надежности принимаемых поляками мер обеспечения безопасности операции.

Согласие Центра было получено, и примерно через месяц, в указанный поляками срок, к нам прибыл специалист, который без особых трудностей вскрыл сейф, в котором действительно оказались так нужные нам шифрдокументы.

Для закрепления достигнутого в совместной операции успеха я внес еще одно сравнительно несложное предложение предпринять операцию ТФП в культурный центр одной из

европейских стран, который по данным польской контрразведки, являлся прикрытием для разведывательной резидентуры этой страны.

ОПЕРАЦИЯ ТФП "ПОД ПОКРОВОМ КУЛЬТУРЫ"

Ночь хмурая, как зверь стоокий,
Глядит из каждого куста.

Ф. Тютчев

Как информировали меня польские коллеги, их контрразведка давно вела разработку резидента "Була", который занимал пост руководителя культурного центра, а некоторые сотрудники являлись его подчиненными по линии иностранной спецслужбы. Поляки установили, что "Бул", по всей вероятности, имел свой шифр, независимо от шифра службы в посольстве его страны. Они зафиксировали отправление им через польский телеграф зашифрованных телеграмм. Как им удалось установить, "Бул" большей частью работал в культурном центре и редко заглядывал в свое посольство. С ним работали только граждане его страны, за исключением сторожа у входа в здание в ночное время.

Поляки располагали планом центра и тщательно изучили все подходы к объекту. Теперь наступила очередь подготовки плана операции ТФП.

Объект размещался в многоквартирном жилом доме, на втором этаже. Вход в дом был общим, на второй этаж можно было подняться по лестнице или на лифте. Далее было небольшое помещение, похожее на прихожую, а из него вход в центр и отдельно в квартиру "Була". Входная дверь в центр была металлической со специальным сложным замком.

При входе с одной стороны находилась приемная, обставленная удобной мебелью, с другой - служебное помещение. Подробностей о внутреннем убранстве помещений и, в частности, рабочего кабинета "Була" и расположении возможного сейфа резидента поляки пока не имели.

Поскольку для постановки задач нашему специалисту необходимо было знать эти подробности, мы договорились, что поляки осуществят предварительную операцию ТФП самостоятельно, что не представляло для них особых сложностей.

Через несколько недель поляки проинформировали, что они обнаружили специальное хорошо защищенное помещение с хитрым электронным замком, не поддавшимся вскрытию. Следовательно, возникла необходимость в приезде нашего специалиста по сейфовым замкам, исходя из того, что за указанной дверью мог находиться кабинет "Була" и его сейф.

Подготовленное поляками подробное описание центра вместе с моим заключением о целесообразности удовлетворения просьбы о выезде специалиста было направлено в центр.

К материалам прилагалась справка о "Буле", об имевшихся подозрениях о его разведывательной деятельности и описание всех мероприятий по обеспечению безопасности операции ТФП, осуществляемых польскими спецслужбами.

Положительный ответ был получен на этот раз незамедлительно.

Когда прибыл наш специалист, он был доставлен до двери в кабинет "Була", замок которой был им открыт после расшифровки его кода при помощи привезенного устройства. За дверью действительно находился рабочий кабинет и размещался сейф.

Поскольку время не позволяло сразу же заняться расшифровкой сейфового замка, было решено повторить операцию на другой день, когда, по сведениям поляков, "Бул" будет отсутствовать в столице.

Бегло проведенный осмотр кабинета Була и его письменного стола с тщательно закрытыми на ключ ящиками подтвердил, что "Бул" очень аккуратен в обращении с документами и только содержание его сейфа может раскрыть его секреты.

На следующую ночь сейф был вскрыт, его содержимое оправдало ожидания поляков. Там находился шифр со всеми инструкциями к нему, а также ряд документов, касающихся деятельности в Польше разведслужбы, резидентом которой являлся "Бул".

Конкретное содержание этих документов перед нами поляки не раскрывали, а копию добытого шифра вместе с благодарностью поляков за оказанную помощь я с удовольствием направил в Центр.

После второй успешной операции я мог быть уверен в готовности Центра принять участие в дальнейших более ответственных операциях ТФП, связанных с входом в иностранные посольства.

ОПЕРАЦИЯ ТФП "ГАМЛЕТ"

Эта операция во многом являлась решающей для последующего взаимодействия с поляками по осуществлению операций ТФП в дипломатические и консульские представительства иностранных держав в Польше.

Правда, успешное в оперативно-техническом отношении ТФП в данном случае наткнулось на такое непредвиденное препятствие, которое чуть не нанесло фатальный удар по всем моим планам в этой области. Об этом скажу ниже.

А пока несколько слов об объекте.

Речь шла о посольстве европейской страны, члене НАТО, правда, страны не очень крупной, имевшей сравнительно небольшое по дипломатическому составу представительство в Варшаве.

Посольство размещалось в многоэтажном здании, в котором занимало третий и частично четвертый этажи. Зона безопасности размещалась на третьем, где находились основные служебные помещения, а на четвертом - квартиры посла и советника.

Зона безопасности с находившимся в ней шифрбюро размещалась в помещении, где окна были забраны решетками и, кроме того, закрывались на ночь сплошными металлическими ставнями. Обязанности шифровальщика исполняла женщина, жена одного из дипломатов.

Поскольку, как посольство страны НАТО, этот объект считался у нас из категории главных, Центр рекомендовал особо тщательно отработать с поляками все детали обеспечения безопасности.

На состоявшемся обсуждении с представителями второго департамента МВД (контрразведка), который возглавлял в то время полковник В. Пожога, были определены два срока приезда наших специалистов: первый - для участия в преодолении преград на пути в зону безопасности и второй - для вскрытия сейфов в шифрбюро и обработки шифрдокументов.

Первый визит нашего специалиста по замкам приурочивался к пасхальным праздникам, когда посол и советник, как правило, выезжали на несколько дней на родину. Второй - к летним отпускам посла или советника и поездке по стране того из них, кто оставался.

Было предусмотрено и отвлечение на'несколько дней из посольства шифровальщицы путем приглашения ее мужа-дипломата вместе с женой на охотничью прогулку, а также ночного дежурного у входа.

Меры по обеспечению безопасности предусматривали использовать силы милиции, ГАИ и оперативного состава подразделения наружного наблюдения. То есть все то, с чем польские службы уже сталкивались, проводя многочисленные самостоятельные операции ТФП в менее сложные объекты. В этом отношении я мог быть спокоен и заверил в этом Центр.

Полякам был известен детальный план размещения посольства и расположения зоны безопасности, где размещалось шифрбюро, находились сейфы с шифрдокументами и работала шифровалыдица.

Внешняя обстановка вокруг посольства позволяла незаметно под покровом ночи вплотную приблизиться к зданию и войти в него, не опасаясь привлечь внимание.

Первую преграду в виде специального замка на входной двери поляки преодолевали самостоятельно, им удалось установить марку замка и приобрести его в стране посольства. Работа над замком позволила им изготовить универсальную отмычку, которой могли пользоваться для открытия входной двери.

Внутри помещения посольства они обнаружили металлическую дверь с шифровым замком, судя по всему, имевшим показатель числа открытий и закрытий его. Последнее им удалось выяснить, когда завхоз посольства обратился в мастерскую по поводу сломанного замка. Завхоз

назвал тип замка, и ему рекомендовали обратиться в фирму-изготовитель, которой оказалась известная западногерманская компания. Попытки, однако, поляков приобрести такой замок в ФРГ не увенчались успехом, так как по полученной в фирме справке такие замки изготавливаются только по специальному заказу и в единственном экземпляре. В беседе со специалистом фирмы польский разведчик под предлогом заинтересованности в заказе смог выяснить, что, действительно, в отдельных замках имеются электронные счетчики открывания-закрывания дверей. Третья преграда - сейф или сейфы - оставалась пока неизвестной.

Поэтому было решено попросить прислать нашего специалиста пока что для открытия замка на двери в шифрбюро, не планируя вскрытия сейфов. Только после ознакомления с сейфами решить вопрос основной части операции.

Поскольку условия позволяли в пасхальные дни 1974 года провести первый вход в посольство, наш специалист прибыл и в намеченную ночь разгадал секрет замка, который был уже ранее известен нашей службе по аналогичной операции в другой стране. Наш специалист также показал полякам, как изменять показания счетчика замка, не нарушая его целости. Он осмотрел и сейфы и смог доложить в Центр, что они поддаются вскрытию, хотя на это и потребуется более длительное время.

Теперь польские коллеги стали готовить проведение остающейся главной части операции. День, вернее ночь ее проведения была назначена и Центр вновь направил того же специалиста по замкам и с ним мастера по вскрытию сложных упаковок, в которых могли храниться шифрдокументы посольства. Наступило лето, посол благополучно отъехал на целый месяц на родину, а советник-посланник, замещавший его, учитывая малоактивный летний сезон, большее время проводил на даче на лоне природы, внезапный приезд его в посольство исключался, так как дача находилась в часе езды от посольства. Кроме того, на дороге к посольству еще до въезда в столицу было предусмотрено на всякий случай несколько убедительньк задержек. Шифровалыдица чувствовала себя в нерабочее время свободно и выезжала с мужем на природу, в том числе иногда и к посланнику, с которым дружил ее муж.

В назначенную ночь "Х" все шло хорошо, сейфы были вскрыты, только в одном из них оказались шифрдокументы, которые и были вскрыты и сфотографированы. Но тут произошло ЧП, да такое, что грозило свести на нет всю проделанную работу.

Около четырех часов утра мне вдруг позвонил мой представитель в штабе операции и доложил, что наш специалист, возвращая шифрдокументы в сейф, обратил внимание на небольшой корпус какого-то предмета, прикрепленный внизу сейфа.

Оказалось, что это счетчик открытий и закрытий дверцы сейфа. Никаких признаков нахождения регистрационных записей показаний этого счетчика обнаружено не было ни в одном из сейфов. Сам счетчик был прикреплен так надежно, что снять его было невозможно.

Пришлось быстро сворачивать работу бригады, тем более что теперь, если шифровальщица заметит расхождение показаний счетчика, хозяева посольства узнают о несанкционированном

визите. Как следствие, все шифры будут немедленно заменены, а в них и был главный смысл операции.

Как показали последующие дни, на нашу беду шифровальщица оказалась такой дотошной и скрупулезной исполнительницей всех правил и инструкций, что немедленно доложила о случившемся руководителю посольства.

Как выяснили наши источники в стране посольства, во все посольства этой страны были даны указания усилить охрану зон безопасности. В Польше же, как отметили поляки, в зоне безопасности появились ночные дежурные, причем сразу двое.

Конечно же в данном случае никто не был повинен в срыве операции. Поэтому эта досадная неудача не отразилась на доверии нашего Центра к возможностям проведения дальнейших операций ТФП в иностранные объекты. Более того, начиная со следующего, 1975 года, такие операции проводились несколько раз в год, помогая мне накапливать бесценный опыт, который я не смог бы получить нигде больше.

После этой серьезной проверки способности польских спецслужб и наших специалистов во взаимодействии проводить сложные операции ТФП в иностранные посольства, причем не каких-то второстепенных или развивающихся стран, а основных государств-членов НАТО, я проникся еще большим уважением к спецслужбам вообще и гордостью, что принадлежу к советской внешней разведке.

В процессе участия в операциях ТФП у меня возникали сомнения в оправданности такой деятельности разведки с морально-нравственной стороны. Вербуя иностранца для решения разведывательных задач, мы фактически принуждаем его идти на нарушение законов своей страны, вплоть до прямой измены. Но это почему-то не вызывало у меня подобных мыслей. Я воспринимал агентуру и использование ее для добычи, то есть, с обыденной точки зрения, воровства чужих секретов, как нормальное явление, не сопоставляя действия агента с морально-этическими нормами.

Очевидно, это происходило потому, что я лично не участвовал в процессе совершения акта "воровства", это делал агент.

В операциях же ТФП мы вторгались в чужие владения, извлекали все, что нам было нужно, то есть "грабили" их и заметали свои следы.

Вспоминаю, как после первой операции ТФП в Австрии я утром решил прогуляться и посмотреть на тот объект, где наши специалисты славно поработали ночью. Подъехав к парку, рядом с которым находился "Олимп", я оставил машину и пешком, не торопясь, направился мимо особняков, издали наблюдая за тем из них, где размещалось посольство "Зевса". Его внешне ничем не примечательные стены скрывали, казалось, малодоступную внутреннюю жизнь, которая не должна касаться никого постороннего.

Невольно мои мысли завертелись вокруг того, что ни те, кто работает внутри этого добротного старинного здания, ни полицейские на ближайшем посту, охраняющие мир и покой дипломатов, ни многочисленные прохожие - никто из них и не подозревает, что я знаю, что там хранится за семью замками.

Эти мысли наполняли меня не то гордостью, не то каким-то смятением: ведь я, казалось бы, не имел морального права делать то, что делал, если судить об этом с позиции обычных нравственных принципов. Но сразу же возникала другая мысль: ведь там, запрятанные в железных сейфах, лежат сверхсекретные документы, возможно, представляющие угрозу Советскому Союзу и всему прогрессивному человечеству. Следовательно, мои действия вполне патриотичны и глубоко нравственны.

Вот и получается, что морально-этические принципы нашей деятельности надо оценивать по ее главной цели: не наносить ущерб другим, а защита, самооборона. Ведь не случайно в юриспруденции есть понятие "разумной самообороны", оправдывающее даже убийство с целью самообороны.

Действительно, защищаясь, мы не причиняем никакого вреда народу, государство которого представлял "Зевс", мы обезвреживали его правительство, которое само мало заботилось о благе своего народа, преследуя собственные цели и эгоистические интересы.

Вот и теперь, в Польше, после проведения очередной совместной операции ТФП, я любил утром следующего дня совершать утреннюю прогулку, обходя те объекты, где ночью шла напряженная работа над разными секретными бумагами и документами, содержавшими не менее злобные вымыслы и планы подрывных действий против нашей страны, Польши и других социалистических стран. Ведь "холодная война" не только не утихла, а разгорелась еще больше, превратившись в реальную угрозу всему миру.

Посмотрим, читатель, на наше разведывательное дело с другой, более широкой и, следовательно, более объективной стороны.

Еще только-только закончилась горячая, а уже началась "холодная война", во многих отношениях не менее ужасная.

Самый мощный наш союзник во второй мировой войне - США, - понесший самые малые потери, меньше даже, чем самые малые жертвы фашистов, такие, как Польша, Белоруссия, Югославия, стал нашим врагом номер один.

Еще не был подписан мир с Японией, даже не завершена с ней война, а администрация Трумэна уже рассматривала план будущего ядерного удара по СССР в случае... В каком случае? Советской агрессии? Нет, в случае, если американские милитаристы решат силой лишить нашу страну победных результатов. А далее пошло развитие людоедских, омерзительных планов в отношении миллионов невинных людей, обрекаемых погибнуть под американскими атомными бомбами.

Могут сказать, что и мы имели планы такого характера. Да, наше государство вынуждено было быть готовым к коварным действиям бывших наших союзников. Узнав с помощью разведки, в том числе и путем проникновения в американский центр (операция "Карфаген"), в западные дипломатические представительства и спецслужбы, о вполне конкретных, реальных угрозах, нашему руководству, и оборонному, и политическому, ничего другого не оставалось, как разрабатывать соответствующие контрпланы. Но хорошо известно, что никаких первых, упреждающих ударов у нашего государства в планах не было и нет.

Все мобилизационные директивы были только оборонного характера.

Вот и получается, без проникновения, то есть нарушения законов и принципа неприкосновенности узнать об этих коварных замыслов западных "стратегов" от агрессии, нам бы не удалось.

Да и вообще, говорить о безнравственности и аморальности любой разведывательной деятельности просто несерьезна Не осуждаем же мы наших боевых разведчиков за то, что, рискуя жизнью, во время войны они добывают необходимые сведения о противнике в его тылу, действуя с его точки зрения абсолютно незаконно.

Разведка же всегда находится в состоянии войны. Ее сотрудники с риском для жизни действуют в тылах потенциальных противников, да и сегодняшних друзей и союзников, которые завтра могут встать по другую сторону баррикады.

Вообще, понятие "обмана" относительно. Обманы существуют разные по своим целям и мотивам. Обман в разведке не абсолютен. Для одних это маскировка, вынужденное сокрытие своих целей.

Для своей службы, страны - это профессиональное качество, конспирация и умение создавать нужное впечатление, образ поведения, действия для того, чтобы иметь возможность выполнить свой патриотический долг.

Бывший начальник внешней разведки В. Крючков высказался по этому поводу, считая вынужденную маскировку разведчика (да и агента в его деятельности по выполнению заданий разведки, особенно в операциях ТФП), как нарушение библейских заповедей "чисто психологическим аспектом" разведывательной деятельности. При этом он умалчивает о таких важнейших обстоятельствах, где и перед кем совершаются эти нарушения "библейских заповедей" (Крючков В. Личное дело. Ч. 1. С. 87). Я же считаю, что как раз в том, что эти нарушения разведчик вынужден совершать в "чужом" для него мире, не перед своим окружением и тем более, не на Родине, составляет надежную защиту против того, чтобы "не превратиться в циника, сохранить чистоту души и веру в идеалы". Так же, как для воина, защищающего Родину, убийство врага не может превратить его в убийцу.

Итак, мы, разведчики, самой судьбой, нашей профессией обречены на то, чтобы пользоваться "обманом" - маскировкой и нарушать законы. Но чьи? Только противников. И ради чего? Ради выполнения своего долга служения Отечеству, его защиты.

Это никак не означает принятие нами принципа иезуита И. Лойолы: "Цель оправдывает средства". Все дело в том, какова наша цель и каковы средства ее достижения. Если цель - защита Родины, то ее необходимо отстаивать любыми средствами, если они не несут ущерба невинным людям.

Наша внешняя разведка принципиально отвергает использование террора и диверсий при достижении поставленных целей. Говоря это, я отнюдь не хочу оправдывать то, что делали Ежов и Берия в прошлом. Их методы - методы преступников - были отвергнуты после их разоблачения.

Утверждение Аристотеля о том, что "человек, живущий вне закона и права, наихудший из всех", нельзя рассматривать вне контекста того времени, эпохи рабовладения, когда этих "закона и права" как раз и были лишены рабы.

Для нас, разведчиков, как и для всех граждан нашего государства, его законы и его право - священны и непоколебимы. Если же рассматривать "чужие" для нас, "иностранные" законы, в условиях действия которых нам приходится работать, то тезис Аристотеля приемлем для нас только в той части, которая не противоречит нашим законам и нашему национальному праву.

Раньше мы действовали исходя из того, что нормы капиталистического мира не годятся не только для нас, но и для народов капиталистического Запада, ибо они несправедливы, классово чужды им. Возникает вопрос: а как теперь?

Прежней идеологической основы уже не стало. Но есть фундаментальный принцип патриотизма, преданности и любви к своей стране и своему народу, которые и должны определять и, я бы сказал, оправдывать нашу "незаконную" деятельность, прежде всего в наших собственных глазах. Но есть и политическая основа: обеспечение общечеловеческих интересов, сохранение мира и безопасности для всех народов.

Не могу не согласиться с высказыванием чиновника немецкого правительства Михаэля Мартеса о патриотизме: "не делай идола из своей страны, поскольку существуют общечеловеческие ценности для всех наций, включая твою" (Сегодня. 1994, 31 августа). То есть, оставаясь всегда глубоким патриотом, не становись слепым националистом, оправдывающим все, что бы ни происходило дома. Помни об определении нации, данное французским мыслителем Эрнестом Ренаном в 1882 году: "Жизнь нации есть ежедневный плебисцит". В этом определении для меня лежит глубокий смысл: патриотизм мой не исключает объективного критического отношения к своей стране, нации, исключая лишь предательство их.

А вот что говорит о разведке разведчик Д. Блейк: "...Считаю шпионаж "суровой необходимостью", или, скажем сильнее, "необходимым злом", навязанным государствам их соперничеством и конфронтацией, существованием острых конфликтов между странами, а также войнами или угрозами войны" (Цит. по газ.: За рубежом. 1990, N 40).

Ну, а как же, глубоко уважаемый мною Д. Блейк, обман, со сценических подмостков, когда талантливые артисты во всю силу своих способностей вводят в заблуждение зрителей, заставляют их верить в те образы, которые они представляют? Ведь это тоже обман, хотя и более кратковременный, но часто очень действенный. Обман во имя искусства? Значит, добро, а не зло? А почему разведка - зло?

Совершенно правильно сказал один из публицистов: стоит только подумать о том, что могло твориться в мире, в котором сталкивались бы безумные амбиции политических и военных руководителей, не осведомленных разведками о реальном положении дел! Авантюр и кровавых столкновений было бы значительно больше, так же, как и политических иллюзий и скандалов на государственном уровне.

Беда с разведками часто происходит тогда, когда эти службы из помощников правительств начинают стремиться к подмене их, к активному формированию политики государства.

В этом сыграла свою негативную роль атмосфера "холодной войны", в осуществлении которой роль разведок непомерно возрастала, что приводило к неоправданному росту их влияния на политику западных государств. Это было особенно заметно в США, где ЦРУ превратилось в "невидимое правительство", а также в ФРГ, где БНД стремилась определять не только внутреннюю, но и внешнюю политику.

Непонятно также, почему нужно доказывать полезность разведки для государства, а не требовать этого от, скажем, полиции, армии, дипломатов.

Тот факт, что разведки действуют всегда, во время войны и в мирное время, почему-то подвергается сомнению. Этому способствует, в частности, нарушение государственного статуса разведслужб, когда начинается борьба за контроль над ними между правительственными инстанциями страны.

Так, в некоторых государствах, где имеется противостояние главы государства в лице президента и парламента или руководителя правительства, начинается борьба, как во времена "Трех мушкетеров". Например, в 1995 году в Словакии спецслужба СИС, подчинявшаяся президенту, по принятому под давлением оппозиционных сил закону, перешла под руководство премьерминистра. Теперь СИС будет представлять свои секретные сведения премьеру, а не главе государства. И сможет собирать компрометирующие материалы на самого президента. Ясно, что это означает конфронтацию между главой государства и формально подчиненной ему исполнительной властью, что имело место и в других странах, например в Польше. Там это вылилось в скандальное "дело премьера Олексы", инспирированное бывшим президентом Лехом Валенсой (Ржевский В. Спецслужба выходит из подчинения президенту. Новости разведки и контрразведки. 1995. N 11, 12).

Столкнувшись в процессе совместной работы с польскими коллегами с проблемой проникновений в защищенные, практически неприступные с первого взгляда объекты, увидев сугубо специфические, особенно в психологическом плане, условия работы специалистов-"взломщиков", я порою погружался в размышления.

Невольно думалось о том, что же испытывают эти чудомастера своего дела, когда прокладывают себе путь через всевозможные явные и скрытые преграды, как воспринимают свою встречу с "чужим" хранилищем, которое таит угрозу, полно неожиданностями, скрытыми секретами защиты хранимых сокровищ.

Когда я писал об агентурных операциях ТФП, я упоминал, что агент или разведчик, решая разведывательные задачи, в соприкосновении с противником всегда неизбежно сталкивается с конфликтной деятельностью, которая подчиняется своим психологическим законам.

А как же разведчик, которому при проникновениях противостоят не живые противники, а расставленные ими неодушевленные сторожа? Ведь он, живой исполнитель, психологически настраивается на конфронтацию, можно сказать, на конфликт с заочным противником, представленным своими сторожами. И также обязан проникать в замыслы заочного противника, отгадка которых может облегчить преодоление поставленных им преград.

Хотя конфликтная деятельность предполагает участие в ней не менее двух явных противостоящих противников, в операциях ТФП одна из противоборствующих сторон явно не участвует в противостоянии. Более того, по замыслу и сути такой тайной операции может только априорно противостоять "взломщику", не зная конкретного противника, вступающего в конфликтную деятельность с нею.

Такая своеобразная конфликтная деятельность при операциях ТФП состоит в том, что противник заранее принимает всевозможные меры противодействия, исходя из известных ему сведений о методах, приемах и возможностях своего неизвестного оппонента.

При этом, естественно, принимаются в расчет психологические факторы и дефицит времени, являющиеся элементами конфликтной деятельности.

Мы же, осуществляя операцию ТФП, также априорно, с максимально доступной точностью учитываем его возможности защиты интересующего нас "сокровища" и практические меры противостояния нам.

Такая предварительная работа нашего мышления необходима для успешного практического противостояния во время самого процесса проникновения, когда приходится считаться с возможным появлением непредвиденных препятствий.

Если в обычной, явной конфликтной деятельности оба противника (или обе противные стороны) изменяют свои действия в соответствии с действиями противной стороны, то при ТФП позиция противника остается статической (не считая неучтенной нами неизвестной системы сигнализации, подчас сложной и загадочной). Она требует от нашей стороны всех тех качеств, которые необходимы для успеха в конфликтной деятельности при явном противостоянии. При этом, однако, задача проникающих облегчается отсутствием необходимости конспирирования своих действий (по крайней мере в процессе их совершения), но усложняется тем, что невозможно наблюдать признаки психологической рефлексии противника, готовящего для нас ту или иную ловушку.

Это как раз и произошло в операции "Гамлет", когда до вскрытия сейфа нельзя было "увидеть" на лице шифровальщицы замысел с подготовленным счетчиком внутри сейфа. Эта неожиданность нанесла решающий мат всем сложным мерам конспирации проникновения, принятым нами.

Всякая разведывательная деятельность постоянно сопряжена с конфликтными ситуациями. Однако в экстремальных условиях, в которых постоянно действуют исполнители операций ТФП, доминирующее значение приобретает особая надежность, устойчивость психики, способность управлять своими действиями, быстрой адаптацией к изменяющейся обстановке.

В таких условиях разведчик должен уметь быстро оценивать создающуюся конфликтную ситуацию, с ходу принимать правильные решения, предвидеть тенденцию развития событий, управлять своим внутренним состоянием. При этом требуется особая острота зрения, одним словом, как замечал Корнелий Тацит, "во всех сражениях глаза побеждают первыми".

Поскольку, как указывают психологи, анализ ситуации и учет данных о противнике и собственного состояния - процесс единый и неразрывный, который невозможно разложить на проценты, роль человеческого фактора, интуиции разведчика в выработке решения возрастает (Искусственный интеллект и психология. М.: Наука, 1976).

Когда я наблюдал внешнее, очень заметное нервное и психическое напряжение, которое сопровождало любые операции по проникновению, я благодарил природу, лишившую нас осознания видимости и слышимости того, как в экстремальные моменты нашей жизни работают наши внутренние органы и ткани. Какие титанические нагрузки накладывает на них необходимость совершать нечеловеческие усилия и самому нашему мозгу и сердцу и всем другим органам человека.

Стоит только представить себе, как мы чувствовали бы себя, если бы внешнее воздействие и реакция на него сопровождались бы еще и внутренней какофонией чувств, скрипом и лязгом мышц, шумом и ощущением движения легочных мехов и текущей и хлюпающей в сосудах и сердце крови.

Будь эта внутренняя, неосознаваемая часть нашего существования осознаваемой, едва ли человек мог оставаться разумным человеком. Думаю, что любая деятельность - в экстремальных условиях и обычная - при таком внутреннем вмешательстве стала бы просто невозможной.

Участие же в операциях ТФП даже на некотором расстоянии от места их осуществления для меня было не менее мучительно напряженным. Ведь всякое ожидание - трудное дело. А "предчувствие неприятности или радости подчас оказывает на человека гораздо более сильное воздействие, чем сами неприятности или радость" (Кесарев В. Мозг - его сила и слабость. Знание - сила. 1979, N 5).

Заканчивая эту главу, еще раз хочется высказаться о том, какое глубокое впечатление оказали на меня уже первые операции безагентурного ТФП, с которыми я вплотную соприкоснулся на второй год пребывания в Польше.

Во вполне реальном мире дипломатических представителей в Польше, или, скажем, в бытность мою в Австрии я встречался на приемах с иностранными дипломатами, хорошо воспитанными и умевшими вести себя в цивилизованном мире послами и их заместителями-посланниками и советниками, с уважением вел с ними дипломатические беседы, мы обсуждали с вполне лояльных позиций положение в их странах, культуру, искусство, нравы и обычаи. Приятное общество, уважающее законы и правила хорошего тона.

Иногда мы с интересом посещали их усадьбы-посольства, консульства, участвовали в их национальных праздниках, как и они - в наших.

И вот, как в чудесной сказке, один шаг в Зазеркалье, в мир разведки - и картина резко меняется.

В тайных хранилищах у всех уважаемых дипломатов оказывается много того, чего никак не ожидаешь увидеть у таких респектабельных джентльменов.

Тут, в секретных материалах, в докладах в их центры они, не стесняясь в выражениях, пишут, что думают о других государствах, особенно о тех, которые относятся к другому, противному лагерю, об их руководителях и представителях, политиках и, в целом, народах, намечают коварные планы или формулируют предложения по подрыву позиции тех, кто не нравится им или чьи действия не отвечают интересам их государств.

Их образы истинные личины обнажаются, правда, лишь для тех, кому доступны секреты, скрытые в их тайниках.

Но вот мы, сотрудники специальных служб, разгадываем тайный пароль, как сказочный "Сезам, откройся", и получаем несанкционированный доступ к их сокровищам-секретам.

Но какой же это сложный путь, сколько усилий, различных препятствий, изощренных хитростей приходится преодолевать для того, чтобы увидеть величественных политиков и философствующих королей в голом виде. Но плоды наших трудов, как правило, вознаграждают нас сторицей.

ГЛАВА XIV. "СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ"

Вот день поставил ночи шах.
Ночь дню объявила мат.

Джеймс Дуглас Моррисон

Эта чудесная сказка о скрытых в тайном хранилище сокровищах разбойников поражает воображение каждого ребенка да, наверное, и многих взрослых, мечтающих о чуде.

Под ее очарованием находился и я с того самого момента, когда впервые узнал эти загадочные слова "Сезам, откройся", раскрывавшие тщательно запрятанные тайны. Очевидно, возникшая тогда в моем воображении картина обнаруженных при помощи этого пароля сокровищ надолго засела в моей памяти, пока вдруг мне не представились реально существующие тайны, требующие для раскрытия своих секретных "сезамов".

Поиску разведывательных сокровищ я посвятил всю мою служебную карьеру. Постепенно осваивая разведывательную науку, ко мне приходили знания и практические навыки решения различных оперативных задач.

Собственно предыдущая и эта главы и посвящены этому практическому опыту, завершившему мое разведывательное образование. Я не могу да и не хочу уточнять те стороны этих операций, которые могли бы раскрыть или расшифровать национальную принадлежность объектов ТФП, их конкретное месторасположение и ряд некоторых особенностей, возникавших в процессе осуществления операций проникновения в них.

Хочу еще раз подчеркнуть, что не привожу многих деталей и подробностей, характерных для любой безагентурной операции, которые читатель достаточно ясно мог понять из описания таких операций, как "Вализа", "Карфаген", "Олимп", да и из информации, посвященной "Службе 7", описанной Леруа-Фэнвиллем в его мемуарах.

НА ПОДХОДАХ К ГЛАВНЫМ ОБЪЕКТАМ

Любая безагентурная операция ТФП очень сложна не только по ее осуществлению, но и по процессу подготовки всех необходимых условии для проникновения в намеченный объект. Особенно если речь идет об объектах главного противника или его основных союзников НАТО. При этом предварительно, можно сказать, на уровне чисто теоретическом, решается ряд принципиальных вопросов.

Во-первых, о целесообразности операции с точки зрения вероятности получения в результате ее интересующих нас разведывательных материалов. При этом оценивается вся имеющаяся информация о практике накопления и хранения секретных материалов в объекте, прибытия и отъезда дипломатических курьеров с очередными почтами, обстановка вокруг объекта и страны, представляемой им, с точки зрения активизации тайной деятельности в связи с какими-то внешнеполитическими акциями, возникновением напряженности со страной пребывания и т. п.

Обычно бывает достаточно, если в результате нашего заключения вероятность нахождения в объекте интересующей наши спецслужбы информации определяется весьма реальной. При этом нахождение в объекте нужных нам шифрдокументов является решающим фактором в пользу осуществления ТФП.

Во-вторых, тщательно взвешиваются все шансы безопасного проникновения в объект бригады специалистов. При этом принимаются во внимание факторы внешнего характера, такие, как возможность обеспечения надежного контроля обстановки вокруг объекта и за передвижением его обитателей, и внутреннего: наличие охраны, систем специальной защиты и сигнализации, возможности их преодоления.

Риск срыва операции или даже ее провала соразмеряется с вероятными результатами ее успешного завершения. Возможность добыть шифры играет при этой оценке важную роль.

В-третьих, исходя из предположения о наличии в объекте особо сложных систем защиты секретов, специальных электронных и шифровальных замков, рассматривается вопрос о возможностях преодоления таких преград.

Наших польских коллег интересовал вопрос, как я уже говорил, о возможности оказания им помощи нашими специалистами и оперативно-техническими средствами. Это последнее и определяло заинтересованность польских коллег в проведении совместных операций ТФП и, естественно, участие в них представительства КГБ.

После того как указанные теоретические вопросы были в принципе решены положительно, начинался процесс подготовки к осуществлению конкретных операций.

Поскольку, как я убедился, в Польше имелся довольно большой выбор таких объектов, которые интересовали как польские спецслужбы, так и нас, важно было, предпринимая наиболее сложные операции ТФП, сделать правильный выбор, для того чтобы у нашей службы была уверенность в успешном результате.

При этом я понимал, что две проведенные польскими коллегами с нашей частичной помощью операции были еще недостаточны для получения согласия руководства КГБ на вход наших специалистов в дипломатические представительства ведущих государств-членов НАТО без достаточной гарантии от возможной компрометации нашего участия.

ОПЕРАЦИЯ "ГРЕНАДА"

Обсуждая с польскими коллегами возможные объекты, учитывая нашу в них заинтересованность, я склонялся к предложению первую такую операцию предпринять не в столице, а на периферии. Такой важный объект и был нами совместно намечен.

Теперь предстояло тщательно отработать все необходимые меры безопасности. Прежде чем рассматриваать их, кратко опишу выбранный нами объект, назовем его "Гренада".

Трехэтажный особняк старинной постройки с претензией на готический стиль. От центральной двухэтажной части отходили два трехэтажных крыла, завершавшихся остроконечными крышами, производившими впечатление башенных шпилей. Вход в объект располагался в центре и был обрамлен двумя колоннами, подпиравшими крышу. Особняк располагался на тихой неширокой улочке, выходившей на проспект с двусторонним

движением. Особняк окружал небольшой сад. Участок огорожен невысоким металлическим забором. Перед усадьбой находился большой городской парк.

В центральной части особняка располагалась приемная. В правом трехэтажном крыле на втором этаже находилась квартира хозяина "Гренады", а над ней - зона безопасности, где работал шифровальщик.

В левом крыле на двух верхних этажах располагались рабочие помещения. На первом, сразу при входе была комната, где постоянно в ночное время дежурил сторож.

Как установили польские коллеги, помещение ЗБ представляло из себя две комнаты, вход в которые был защищен специальными металлическими дверями. Первая комната, очевидно, служила помещением для ознакомления сотрудников "Гренады" с секретными материалами, обработки поступающих почт и подготовки и отправлению своих.

Во второй, судя по тому, как при заселении "Гренады" ее хозяева произвели укрепление пола, можно было предполагать нахождение тяжелых сейфов. Там, вероятно, и работал шифровальщик. Вход в эту комнату мог быть защищен специальными запорами.

Попасть в ЗБ можно было по лестнице в центральной части особняка, так же, как и в квартиру хозяина "Гренады" и служебные помещения третьего и второго этажей.

Польские коллеги изучали обстановку вокруг "Гренады" и наблюдали за режимом работы и жизни ее обитателей последние два года, с тех пор как в ней разместился вновь прибывший хозяин объекта и началась его служебная деятельность.

Имея представление об объекте, мы приступили к рассмотрению плана проведения операции ТФП в течение нескольких ночей, которые могли потребоваться для этого. В плане предусматривалось:

- определение оптимальных сроков, удобных для ТФП, учитывая более или менее продолжительное отсутствие хозяина объекта (отпуск, отъезды из страны или многодневные поездки по стране);

- меры по отвлечению внимания шифровальщика, занятие его вне "Гренады" на время операции на нужное время;

- мероприятия по отвлечению ночного сторожа из "Гренады" на период ТФП;

- тщательное наблюдение за режимом работы сотрудников "Гренады", их поведением во внерабочее время;

- меры на случай возможного вмешательства сотрудников объекта, в первую очередь, исполняющего обязанности главы "Гренады" во время отсутствия хозяина и шифровальщика.

Польские коллеги наметили ряд мероприятий оперативного порядка для того, чтобы по возможности выяснить, какие хранилища, сейфы, замки на них предстоит вскрывать, типы замков на входных дверях ЗБ, наличие охранной сигнализации. Они должны были возможно максимально точно выяснить, какие преграды предстояло преодолевать на пути к сейфам.

Польская служба предусматривала, какие силы нужно будет задействовать на период осуществления операции: подразделение наружного наблюдения, милиции, ГАИ, оперативные возможности для отвлечения внимания "опасных" сотрудников, дипломатов (приглашения в гости, на приемы, в загородные поездки и т. д.).

Можно было бы продолжить этот перечень, но думаю, что уже ясно: подготовительная работа к операции ТФП может продолжаться очень долго, пока не будет достигнута полная ясность в отношении ее безопасного проведения.

Что касается других аспектов, то достичь полной ясности до того, как удалось вскрыть хранилище, открыть сейфы и увидеть, что там находится, нельзя. Риск сработать впустую остается всегда. Но статистика многих десятков операций ТФП, проходивших у меня на глазах, говорит, что такой риск почти полностью исключается при условии правильного выбора объекта.

Но планы, которые мы намечаем при подготовке операции, необходимы, хотя они еще не являются гарантией успеха.

На личном опыте я мог неоднократно убедиться, особенно в Польше и как раз на операциях ТФП, что каким бы ни был совершенным ранее разработанный план, он редко остается неизменным в процессе его выполнения, даже порою в главных его позициях. Детали же его, как правило, определяются уже в самом процессе осуществления плана.

Отсюда не следует, что план вообще излишен или излишна его тщательная заблаговременная разработка. Отнюдь нет. Как раз наоборот, чем тщательнее разработан план и обсуждена каждая мельчайшая деталь, тем легче ориентироваться в возможных конкретных ситуациях. Ведь работа над планом как бы запускает весь механизм нашего мышления на решение поставленного задания, способствуя более уверенным действиям, сообразуясь с возникающей ситуацией.

Это оказывается особенно важным в операциях ТФП, когда крайне ограничено время, жестко определено узкое поле маневра и на исполнителе лежит огромная ответственность за успех дела.

Вторая особенность планирования операций ТФП связана с учетом мелочей. Разведчики-профессионалы прекрасно знают, что в разведке нет мелочей. Многие провалы разведчиков и отдельных разведывательных операций как раз и являлись результатом мелких ошибок, отдельных небрежностей или легкомысленности исполнителя.

Особенно смертельную опасность, как я мог убедиться, занимаясь в ПГУ организацией нелегальной разведки, представляет неучет мелочей для разведчика-нелегала. Ведь его безопасность целиком зависит от того, как скрупулезно и надежно он будет себя вести во враждебном окружении, блюсти все мелочи быта этой чужой среды, избегая чем-либо выделяться из нее, вызвать даже малейшее недоумение.

Кстати, как показало расследование дела Эймса, как раз мелкие небрежности этого агента в обращении с разведывательными материалами, которые он готовил для нас, и послужили решающей причиной, ускорившей его арест.

Специалисты по операциям ТФП должны обладать способностью видеть все мелочи, связанные с их внедрением в чужие хранилища. Без этого качества невозможно было бы обеспечивать принципиальное требование к безагентурным операциям: не оставлять даже мельчайших следов своего пребывания в обрабатываемом объекте.

И еще одно наблюдение о важном для разведчика качестве: умение посмотреть на себя, свои действия со стороны. Критический взгляд на свои действия, как правило, помогает обнаруживать отдельные нестыковки, непродуманность планов, выявляет новые возможности достижения цели. Главное при этом опять же состоит в том, чтобы не упустить каких-то мелочей, которые могут порою решать участь всей операции.

Эти отступления не случайно пришли мне на ум при обсуждениях с польскими коллегами плана операции ТФП в "Гренаду". Именно тогда у нас при осуществлении операции появилось много неожиданных мелочей, а наши первоначальные наметки требовали критической переоценки.

Когда план и все необходимые пояснения к нему были направлены в Центр, там опытные специалисты, уже ранее не раз проводившие аналогичные операции, сделали ряд существенных поправок и дополнений, которые с признанием их обоснованности были приняты польской стороной.

Окончательный план операции "Гренада" предполагал осуществление ее в два этапа.

Первое проникновение в объект предполагало участие нашего специалиста в открытии двери в ЗБ и ознакомление с той дверью, которая предположительно должна преграждать вход в сейфовую комнату.

Второе проникновение, если не возникнет сомнений в доступности второй двери, должно быть основным и предполагало вскрытие сейфового помещения, сейфов и обработку их содержимого.

Обработку-вскрытие пакетов и фотографирование их содержимого было решено производить на месте, в чем должен участвовать, наряду со специалистами польской разведки, также и наш мастер по вскрытию особо сложных упаковок, например шифров, которые мы ожидали найти там.

Но этот первоначальный план пришлось по ходу операции изменить на работу в течение трех ночей, в связи с внезапно возникшими обстоятельствами.

В ночь операции мой сотрудник, работавший по координации взаимодействия нашего 2-го ГУ (контрразведка) со вторым департаментом МДВ Польши (также контрразведка), выехал вместе с польской бригадой и нашими специалистами в город "Гренады". Он был обязан постоянно находиться на командном пункте, откуда обеспечивалось руководство операцией, и поддерживать связь со мной. Естественно, эту ночь я почти не спал, тем более что от успеха операции зависел целый ряд других намечавшихся ТФП в такие же ответственные объекты.

Можно сказать, что от успеха этой ночи зависело мое дальнейшее участие в операциях ТФП, в которых я почувствовал весь разведывательный вкус, разведывательный азарт.

Первый звонок меня сильно встревожил. Как сообщил мой представитель, в назначенный час начала операции, при подходе к "Гренаде" бригада заметила на большой парковой поляне перед объектом много мелькающих огоньков, которые в наступившей темноте создавали впечатление, что там, практически в непосредственной близости от "Гренады", находятся какие-то люди с ручными фонарями и что-то делают. Немедленно поступила команда приостановить операцию до выяснения причин обнаруженного явления.

Польские коллеги довольно быстро выяснили, что "блуждающими" огнями были не глаза собаки Баскервилей, а безобидные фонари в руках любителей рыбалки, вышедших на сбор улиток для предстоящей ловли рыбы. Тогда операция была возобновлена, но с опозданием почти в два часа.

Дальше все шло по плану. "Гренада" была объята тишиной, так как единственно оставшийся ночной сторож покинул ее по приглашению его задушевного друга. Хозяин "Гренады" находился в пасхальном отпуске, заместитель его выехал в ознакомительную поездку на несколько дней по стране, разрешив своему шифровальщику свободные от работы праздничные дни проводить на даче. Создавалась максимально благоприятная обстановка для работы бригады, и она, несмотря на опоздание, смогла даже перевыполнить запланированную на первую ночь часть работы. Вход в зону безопасности был открыт нашим специалистом без особого труда, и раскрытый им шифр кодового замка на входной двери был передан полякам.

В первой комнате, как и ожидалось, ничего интересного для бригады не оказалось, там находилось несколько рабочих столов, за которыми, очевидно, сотрудники "Гренады" работали с секретными материалами и знакомились с приходящими шифртелеграммами.

Дверь в помещение шифровальщика была металлической, вероятно стальной. Ее замок также был с кодом и, кроме того, требовал еще специального ключа. Шифр, закрывающий замочную скважину, был разгадан нашим специалистом, а с ключом на редкость быстро разобрался польский специалист-"взломщик", подобравший соответствующую сложную отмычку из своего набора. Кстати, этот опыт поляков с открытием сложных замков оказался полезным для наших "взломщиков".

Открыв со всеми предосторожностями эту заветную дверь и убедившись в отсутствии на двери или в замке счетчика открытии-закрытии двери, наши специалисты определили, что сейфовые замки находившихся там двух сейфов им известны по другим операциям. Они были готовы во вторую ночь открыть их, продолжив операцию, как планировалось. На этом этапе операция была прервана.

Настоящий казус произошел на вторую ночь. Когда бригада подошла к "Гренаде", электрический свет погас во всем квартале. Поскольку для обработки содержимого сейфов да и открытия самих сейфов требовалось хорошее освещение, операцию пришлось отложить.

Как выяснилось, местные польские коллеги переусердствовали. Желая облегчить конспиративный вход в объект, они отключили электроэнергию во всем городском районе, где находилась "Гренада".

В связи с этим было принято решение перенести заключительную, основную часть операции на третью ночь, тем более что такая резервная возможность планировалась. Это оказалось очень кстати.

Третья ночь прошла спокойно, бригада по проторенной дороге быстро вошла в шифрбюро, тщательно зашторив окна имевшимися там плотными шторами, приступила к открытию сейфов.

Первый сейф был вскрыт нашими специалистами через полчаса с помощью аппарата "Р". Внутренний замок сейфа после вскрытия шифрзамка был открыт заранее подобранной нашим "взломщиком" универсальной отмычкой по известной ему по прошлому опыту методике.

Польский "взломщик" по ходу работы знакомился с опытом нашего специалиста с тем, чтобы в дальнейшем самостоятельно вскрывать сейфы. Внутри открытого сейфа оказался ключ от второго, шифровальный код которого также был разгадан с помощью спецаппарата за несколько минут. Оба кода к сейфовым замкам были переданы польским коллегам, как это и предусматривалось планом.

Далее началась обработка находившихся в сейфах документов, которых оказалось больше, чем ожидалось. Кроме того, были очень аккуратно вскрыты и скопированы находившиеся там шифрдокументы, текущего употребления и резервные. Особенно сложной оказалась упаковка резервных документов, к чему, однако, наш специалист был готов также на основе имевшегося у него опыта по аналогичному объекту в другой стране. Поэтому он смог справиться с задачей в установленное для него время.

Вся операция продолжалась с полуночи до четырех утра, когда бригада покинула "Гренаду", оставив ее внешне в прежней девственной чистоте и унося с собой на фотопленках добытые секреты.

Когда в пятом часу мой представитель доложил по телефону об успешном завершении операции, я поздравил его (и мысленно себя) с успехом.

Теперь оставалось ждать, что же из добытых в "Гренаде" материалов поляки передадут мне для отправки в Центр.

Наши коллеги находились под большим впечатлением от возможностей наших специалистов и явно были заинтересованы в дальнейшем развитии нашего сотрудничества. Это и понятно, ведь к операции "Гренада" они готовились более года, с момента нашего совместного успеха в операции "Гамлет".

Теперь, имея шифры дверных и сейфовых замков, они могли по проторенной дороге осуществлять повторные операции самостоятельно. Нам же предстояло переходить к другим, не менее сложным операциям, где полякам также требовалась помощь наших специалистов из Центра.

Надо отметить, что если после предыдущих совместных операций "Бул" и "Гамлет" поляки передали нам из добытых разведывательных материалов только то, что не касалось польских внутренних дел, то на этот раз они сделали явное исключение.

Через несколько дней на моем столе оказались копии шифрдокументов "Гренады" и целый ряд секретных отчетов сотрудников этого объекта об их работе в Польше, с оценками внутриполитического положения и даже доклад-письмо самого главы "Гренады" в свое посольство в Варшаве и в МИД страны.

Из этого многозначительного факта я сделал заключение о том, что они очень довольны результатами совместной операции.

Прежде чем перейти к другой операции, расскажу о чрезвычайном происшествии, возникшем у польских коллег, когда они самостоятельно проводили повторные операции ТФП в "Гренаду".

А произошло следующее.

Польские коллеги примерно через месяц после нашего совместного входа в "Гренаду" провели первую самостоятельную операцию вполне успешно и запланировали теперь уже регулярное проведение их раз в квартал.

Следующее проникновение было приурочено к весенним школьным каникулам, когда глава объекта, имевший двух детей-школьников, выезжал в отпуск на родину.

Операция развивалась нормально, и ничто не предвещало никаких неприятностей, как вдруг, в то время как польские специалисты уже достигли бюро шифров и открывали сейфы, собираясь начать обработку их содержимого, один из членов бригады обратил внимание на какие-то странные звуки. Все мгновенно прислушались и быстро установили, что звуки исходили из деревянного шкафа. Еще раньше при входе в бюро шифров поляки обратили внимание на то, что мебель была другая. Естественно, они ее внимательно проверили, но ничего необычного в ней не обнаружили.

Теперь же, тщательно исследовав то место, откуда слышался странный звук, они обнаружили аккуратно заделанную в верхней части шкафа миниатюрную кинокамеру, в которой крутилась пленка, издававшая шуршащие звуки.

Немедленно операция была приостановлена, и вся бригада стала проверять остальную мебель в бюро и вскоре обнаружила вторую кинокамеру. Обе камеры имели автоматический запуск и располагались так, что охватывали все помещение. Возник вопрос: что делать?

Коль скоро сейфы были уже открыты, их содержание было в быстром темпе обработано. Затем обе пленки в камерах были засвечены и возвращены в кинокамеры, а последние помещены на свои места так, что не было оставлено никаких следов их изъятия.

После этого бригада поспешно покинула "Гренаду". Было ясно, что операция ТФП в этот объект была провалена. Оставался вопрос, что послужило основанием для установления контроля за помещением бюро шифров.

Когда об этом чрезвычайном происшествии стало известно нашим специалистам в Центре, они пришли к однозначному выводу, что поляки допустили какой-то промах при самостоятельном посещении "Гренады". Поэтому твердо рекомендовали не проводить больше операций ТФП в этот объект, приняв меры к наблюдению за возможными признаками проявления тревоги в "Гренаде".

С этой рекомендацией наши польские коллеги согласились без колебаний, понимая всю серьезность сложившейся ситуации. Однако их самостоятельный анализ, а затем и тщательное рассмотрение всех обстоятельств проведения двух первых операций (совместной с нашими специалистами и самостоятельно), вместе с нашей бригадой, прибывшей в Польшу для участия в операции по другому объекту, не смогли выявить каких-либо причин, которые могли бы послужить основанием для принятия обнаруженных в "Гренаде" мер контроля за шифрбюро.

В дальнейшем польские коллеги якобы установили, что причиной были сугубо внутренние меры безопасности, направленные на предупреждение несанкционированного доступа в шифрбюро кого-то из сотрудников "Гренады". Насколько было известно полякам, никаких явных последствий засвечивания кинопленок не проявилось ни в поведении сотрудников "Гренады", ни во внешних мерах обеспечения охраны объекта, которые оставались прежними.

Однако это объяснение не давало основания для того, чтобы считать снятым возможность появления у хозяев "Гренады" подозрений о внешнем вмешательстве, тем более что это чрезвычайное событие совпало с началом наших операций ТФП. А в разведке не рекомендуется верить в такие совпадения, они, как правило, не бывают случайными.

Таким образом, "Гренада", как возможный объект новых операций ТФП, была исключена из нашего списка.

ОПЕРАЦИЯ "АМБАР"

Не знаю, как отразилось бы событие в "Гренаде" на готовности нашего Центра продолжить с поляками совместные операции ТФП, если бы оно произошло до того, как мы уже предприняли и успешно завершили новую совместную операцию по еще более сложному объекту, являвшемуся внешнеполитическим учреждением одного из ведущих государствчленов НАТО. Этой операции я присвоил кодовое название "Амбар", в связи с одним обстоятельством, которое станет ясным в дальнейшем.

Объект "Амбар" на этот раз размещался не в отдельно стоящем особняке, а являлся трехэтажным домом, находившимся в ряду плотно прилегающих друг к другу своими боковыми стенами зданий постройки XVIII-XIX веков.

Четыре окна фасада здания "Амбара" выходили на городскую площадь, где располагалась открытая стоянка для автомашин.

По обе стороны "Амбара" располагались: с одной стороны - также трехэтажное здание, с другой - четырехэтажный дом. Но по старинному признаку значимости хозяев этих домов они уступали четырехоконному фасаду "Амбара", имея с фасадной стороны только по три окна. Как мне объяснили эту разницу поляки, раньше купцы-владельцы домов обязаны были платить налог с количества окон по фасаду их домов. Так что прежний, довоенных лет владелец "Амбара" платил налог за свой дом на четверть больше, чем его соседи.

Помимо главного входа со стороны площади, "Амбар" имел арочный въезд во внутренний дворик, куда выходил черный ход.

Польские коллеги хорошо знали внутреннее устройство "Амбара", они имели точные схемы расположения его помещений, которые сумели сделать еще до въезда нынешнего хозяина "Амбара", когда узнали, что его арендует новый хозяин, учреждение которого будет представлять первостепенный интерес как потенциальный объект операций ТФП.

По их точным данным, ЗБ "Амбара" располагалась со стороны соседнего четырехэтажного дома, на втором этаже. Исходя из этого, они заранее сняли в этом доме весь второй этаж, устроив там пункт наблюдения и прослушивания того, что происходило за стеной. И почти двухлетнее изучение внутренней жизни и деятельности "Амбара" позволило с большой уверенностью планировать операцию ТФП в этот объект.

Поэтому сразу после нашего совместного ТФП в "Гренаду", в пасхальные дни 1975 года, мы засели с польскими коллегами за разработку оперативного плана по "Амбару".

После операции "Гренада" план обеспечения внешней безопасности был отработан без затруднения, тем более что его исполнители на этот раз были опытными сотрудниками польских спецслужб.

В основу плана операции входило два этапа: проникновение в основные помещения вплоть до ЗБ через черный ход и подготовка к преодолению входа в эту зону, оборудованного стальной дверью со специальным кодовым замком; разгадывание шифра кодового замка на двери ЗБ из

соседнего дома, где размещался наблюдательный пункт. Первый этап был знакомым и не представлял особых трудностей для поляков, при условии удаления из "Амбара" его хозяина, проживавшего на третьем этаже над ЗБ. Для этого было запланировано приглашение его на охоту на несколько дней.

Наиболее сложной задачей был этап преодоления шифрзамка на входе в ЗБ, в котором должны были участвовать наши специалисты из Москвы со спецаппаратом, так же, как и в открытии сейфов, требовавших раскрытия их шифров с помощью того же аппарата.

Для оценки выработанного плана и ознакомления на месте с условиями предстоявшей работы поляки попросили через меня приехать руководителя спецбригады, которого Центр и направил незамедлительно в Варшаву. Теперь, после совместной операции в "Гренаде", Центр поверил в способность польских спецслужб грамотно и надежно готовить операции ТФП и полностью полагался на мои оценки в этом отношении.

Прибывший руководитель нашей спецбригады на месте осмотрел стену со стороны соседнего с "Амбаром" дома и в соответствии со схемами расположения ЗБ и преграждавшей вход в нее двери со сложным шифрзамком договорился с польскими специалистами, как подготовить подход через стену для применения спецаппарата с целью расшифровки кода дверного замка. Были оговорены и сроки охоты хозяина "Амбара", намеченные на начало летнего охотничьего сезона.

Запланированная операция ТФП в "Амбар" требовала, как минимум, три ночных периода работы: одна ночь нужна была для разгадки шифра замка на двери ЗБ; вторая - для входа в "Амбар", открытия двери в ЗБ и ознакомления с сейфами и их замками; в третью ночь планировалось открытие сейфов и обработка их содержимого.

В первую ночь возникло небольшое затруднение. При апробировании возможного доступа спецаппарата к замку ЗБ, через заранее подготовленную нишу в кирпичной стене со стороны соседнего дома обнаружилось, что поляки допустили ошибку при расчете и лучи спецаппарата не могли достать до замка. Пришлось срочно прорубать новый подход через кирпичную стену, передвинув его на пару метров. Для этого два специалиста по "кирпичным" делам были засажены почти на всю ночь за работу.

В связи с этим польские коллеги, наблюдавшие за их работой, после завершения операции рассказали мне со смехом о таком эпизоде: работая по очереди в поте лица над осторожным пробиванием новой ниши в кирпичной кладке, оказавшейся очень прочной, один из "кирпичников" жаловался, что ему выпала доля целую ночь делать эту адскую работу. "Ну хорошо, пану Яцеку, - говорил он, - все равно, что ни делать, он пьяница, а за что страдаю я?"

Так или иначе, но нужная ниша была сделана в срок, и наш специалист смог теперь добраться через стену до замка и разгадать его шифр.

Не буду описывать дальнейший ход операции "Амбар", она была завершена успешно, о чем свидетельствовали переданные нам поляками разведывательные материалы и шифрдокументы, которые я с удовольствием направил в Центр.

Примерно через полгода шифры на сейфовых замках "Амбара" были заменены и потребовался новый визит наших специалистов со спецаппаратом. Вот тогда и произошло то событие, ради которого я описываю эту операцию ТФП.

Когда в соответствии с планом наш специалист вместе с польской спецбригадой вошел в ЗБ, первоначально никто не заметил каких-либо изменений. Все было, как и раньше, на своих прежних местах.

Наш специалист, однако, почувствовал какой-то дискомфорт, но приступил к работе с замками сейфов. Открыв их, он еще раз очень внимательно осмотрел ЗБ и бросил взгляд на входную дверь. И тут заметил какую-то небольшую коробочку на косяке двери.

Немедленно все взгляды сфокусировались на ней. Как оказалось, произошло наихудшее: это был счетчик открытий и закрытий двери, с прозрачным пластмассовым корпусом, через который четко были видны цифры, свидетельствующие хозяевам "Амбара" факт несанкционированного открытия двери в ЗБ.

Что делать? Счетчик был привинчен к косяку двери двумя шурупами. Сняв его, все участники операции могли убедиться, что вскрыть его в "полевых" условиях, без специальных технических средств было невозможно.

Вся бригада, приостановив другие операции, стала лихорадочно думать, искать выход из создавшегося, по существу, безвыходного положения. Очевидно, нужно было как-то завершить работу и уходить из объекта.

В такой напряженный до предела момент один из участников бригады вдруг заявил, что единственный выход - отвинтить винты, которыми счетчик был прикреплен, и бросить счетчик на пол около двери, имитируя, что он просто оторвался при открытии двери. Это предложение было принято, счетчик сняли, тщательно сфотографировали и обмерили, описав подробно все его внешние признаки.

Обработав содержимое сейфов, бригада покинула "Амбар" практически в намеченное время.

Естественно, что доклад польского бригадира своему руководству и нашего специалиста - нашему их не обрадовал.

Польские коллеги стали ожидать возможную реакцию шифровальщика "Амбара", внимательно прослушивая все, что происходило в объекте, со своего поста по соседству. Однако ничего чрезвычайного не отмечали. Можно было предполагать, что шифровальщик, войдя в ЗБ, счел, что счетчик действительно сам упал, будучи слабо закрепленным.

Теперь возникла необходимость преодоления этого препятствия.

Мне же было интересно узнать, как тому польскому "взломщику" замков пришла в голову спасительная мысль. Поэтому при первой же возможности я задал ему этот вопрос.

Он рассказал о случае из его детства, о чем я уже ранее упоминал. Оказывается, думая о счетчике, ему внезапно вспомнилось, как в детстве он так захлопнул дверь амбара, что замок на двери оторвался и упал на траву, где он долго не мог его найти. За порчу замка ему тогда крепко досталось от отца.

Вот это внезапное воспоминание и подсказало ему решение. Этот эпизод и подтолкнул меня присвоить кодовое название "Амбар" этой операции ТФП.

В дальнейшем счетчик заставил приостановить на пару лет операции по "Амбару", пока нашим специальным лабораториям не удалось изготовить аналог ему, по внешнему виду похожий процентов на 95 на оригинал. Это позволяло рассчитывать на то, что на расстоянии он не будет вызывать подозрений.

Получив счетчик-двойник, польские коллеги смогли продолжить операции в "Амбаре", подменяя им на несколько дней оригинал, который в это время в лабораторных условиях обрабатывали, ставя его показания в соответствие с числом открытий двери поляками.

В дальнейшем в одном из сейфов "Амбара" на задней стенке был обнаружен листок регистрации показаний счетчика. Польские коллеги, достав оперативным путем чистые бланки, стали заполнять их с указаниями тех показаний открываний двери, которые соответствовали зафиксированным оригинальным счетчиком. Это позволило полякам отказаться от подмены счетчика "Амбара" его двойником.

Как видит читатель, за довольно короткое время проведения совместно с поляками операций безагентурного ТФП в иностранные объекты накопился ряд инцидентов, которые. однако, не отразились, к счастью, на дальнейшем расширении фронта наших операций.

Правда, не удалось продолжать операции "Гамлет" и "Гренада". Но в Польше имелось много дипломатических и торговых представительств, посольств и консульств, других объектов, где можно было ожидать наличие разведывательных материалов, заслуживавших усилий и риска.

Несмотря на значительное число совместных операций, не считая еще большего количества проводившихся польскими спецслужбами самостоятельно, других серьезных сбоев или срывов, насколько мне известно, в Польше не было.

В завершение хочу весьма кратко остановиться еще только на одной операции, которая проводилась нами совместно с польскими спецслужбами уже почти в самом конце моего пребывания в Польше.

ОПЕРАЦИЯ "СЕЗАМ, ОТКРОЙСЯ"

По всем показателям это была коронная операция не только для меня и польских коллег, но и для наших многоопытных специалистов. Объектом ее было посольство европейского государства, игравшего не последнюю роль во взаимоотношениях Запада с Польшей. Значение этих отношений еще больше возросло в связи с разразившимся в Польше глубоким социально-политическим кризисом. Другим показателем важности этого объекта было то, что к проведению операции "Сезам" польские коллеги готовились, постоянно консультируясь с нашими специалистами, целых пять лет.

Срок ее проведения был ускорен введением военного положения в декабре 1981 года, когда создались наиболее благоприятные условия для обеспечения безопасности ее осуществления из-за введенного в Польше комендантского часа, исключавшего возможность появления кого-либо из сотрудников посольства, пока действует запрет передвижения по городу без специальных пропусков.

Кроме того, значение разведывательной информации, которая могла быть получена из недр "Сезама", сильно возросло и информация эта представляла куда больший интерес для польского правительства, чем сказочные сокровища разбойничьего "Сезама".

Наши службы, уже имевшие в прошлом опыт операций по посольствам страны "Сезама", предупреждали польских коллег о наличии ряда особенностей обеспечения охраны и защиты секретов в этом объекте. Были и облегчающие обстоятельства. Так, можно было ожидать, что, как и в других посольствах этой страны, ключи от основных сейфов могли находиться в специальном небольшом сейфе, поэтому в этом случае потребуется не вскрывать замки основных сейфов, а лишь открыть указанный сейф с ключами. Но шифркомбинации на сейфовых замках разгадывать все равно было нужно, для чего требовалось участие нашего специалиста-манипулятора с аппаратом "Р".

Сейчас пора дать справку об этом аппарате "Р" и почему нельзя было просто снабдить им польских коллег вместо того, чтобы каждый раз присылать нашего специалиста.

Во-первых, аппарат "Р" был уникальным изобретением наших специальных служб, он был изготовлен в единственном экземпляре, и им пользовались наши спецбригады не только в Польше, а и в других странах. То есть он постоянно требовался для других операций.

Во-вторых, устройство его было сложным и трудно воспроизводимым.

Наконец, применение его для разгадывания кодов шифрзамков требовало специальной методики, очень сложной в применении. Такую методику разработал один наш специалист, который один только и владел ею, поэтому и ездил повсюду со своим изобретением.

Итак, продолжим операцию "Сезам". Поскольку в посольстве постоянно проживал только посол, а он выехал на родину на рождественские праздники и должен был вернуться не ранее середины января 1982 года, операция была назначена на первую декаду января.

Дежурная охрана "Сезама" была нейтрализована по хорошо разработанному польскими коллегами методу, и ее вмешательство исключалось полностью. Короче, операция "Сезам" была осуществлена как по нотам, проникновение к секретам этого важного объекта дало крайне необходимые нам в создавшейся международной обстановке дипломатические шифры, а польским службам - актуальные разведывательные материалы о позициях и конкретных намерениях не только страны "Сезама", но и основных западных государств, включая США, по отношению к Польше.

Тогда, в начале 1982 года, в условиях военного положения, я почувствовал все исключительное значение для разведывательных служб безагентурных операций ТФП, которые предоставляют в их распоряжение возможности самого надежного контроля за деятельностью иностранных разведок.

Заканчивая на этом рассмотрение операций безагентурного проникновения, вспоминая всю гамму моих тогдашних переживаний, на память почему-то приходят прежде всего те события, которые возникали случайно, создавая порою критические ситуации, как это было в операции "Амбар" со счетчиком. В этой связи мне припомнились рассуждения различных авторов о случайностях в нашей жизни. Пожалуй, все они сходились во мнении, что случайности делают жизнь интереснее, дают больше свободы, чем постоянное и безнадежное подчинение необходимости.

Американский ученый Норберт Винер как-то заметил, что, будь во Вселенной все жестко детерминировано (предпослано, задано), мир развалился бы от перегрузок, как мост, в котором все детали плотно пригнаны друг к другу, то есть без тех зазоров, необходимых для температурного расширения металлов и прочих неизбежных вещей.

Вот так же при безагентурных операциях ТФП не только невозможно, но крайне вредно, опасно стремиться все жестко заранее предопределить. Нужно оставлять "зазоры", рассчитанные на случайности, которые исполнители должны быть готовы преодолевать своей волей и изобретательными находками.

Перед тем как закончить тему об операциях ТФП, хочу поделиться парой анекдотических случайностей из практики работы спецбригады, о которых мне поведали в свободное время между ночными походами за сокровищами "Сезама". Оба случая связаны с забывчивостью.

Однажды, когда в одной из бывших социалистических стран наши местные коллеги проводили операцию в одном из посольств стран НАТО, правда, второстепенной, спецбригада вернулась и отправилась на отдых, два ее сотрудника вдруг хватились: у них отсутствовал один из инструментов. Лихорадочно перебирая в памяти все их манипуляции с этим инструментом, они вспомнили, как, закончив операцию с ним, положили его на сейф в ЗБ объекта. Тут же решили, ничего не говоря об этом своему начальству, на следующую ночь, поскольку это происходило в праздничные дни, отправиться в посольство и забрать свой инструмент. Проникнув по проложенному пути в ЗБ, они с облегчением обнаружили забытую вещь, по-прежнему спокойно лежащую на сейфе.

Если бы один из виновников такой вопиющей недисциплинированности не проговорился позже, никто бы не узнал об этом случае.

Им повезло, что обрабатываемое ими посольство также, судя по всему, крайне легкомысленно относилось к охране своих секретов.

Второй случай еще более невообразим, ибо также наши бывшие коллеги забыли в иностранном посольстве человека - участника бригады по операции ТФП.

Когда завершилась операция в одном из европейских посольств, бригада тщательно устранила все возможные следы своего пребывания в его ЗБ, закрыла все замки и затворы, вернулась на свою базу, и сотрудники отправились на заслуженный отдых.

Только на следующее утро в бригаде хватились одного из своих "взломщиков" замков. Вскоре, однако, появился он сам и рассказал то, что с ним произошло.

Когда он, изрядно потрудившись над замками, освободился и бригада приступила к обработке содержимого сейфов, он вышел из ЗБ в соседнюю комнату и устроился на находившемся там диване отдохнуть. Как видно, он крепко заснул, а когда под утро проснулся, то с ужасом обнаружил, что ЗБ закрыта и он остался один в чужом посольстве. О нем забыли!

Что делать? Скоро начнется рабочий день и посольские работники обнаружат его. В мучительных размышлениях о том, что произойдет и каковы могут быть последствия, он стал ожидать этот страшный момент. Но и в таком безвыходном положении его спасла находчивость.

Когда в посольство стали приходить сотрудники, он, услышав приближающиеся шаги, быстро укрылся в туалете. Выждав там некоторое время, он вышел и, приняв вид одного из посетителей посольства, вышел из объекта, оставшись незамеченным.

Оба эти примера не особенно хорошо характеризуют состояние дисциплины и аккуратность действий специалистов бывших наших братских спецслужб при самостоятельном проведении сложных операций.

К моему глубокому удовлетворению, я мог быть уверенным, что подобные случайности, зависевшие целиком от уровня оперативной подготовки специалистов ТФП, для польских спецслужб были бы немыслимы. Их специалисты в этой области действовали безукоризненно, о чем свидетельствует многолетняя работа и многие десятки успешно проведенных ими операций без серьезных срывов или провалов.

По завершении затянувшегося рассказа о тайных разведывательных операциях специальных служб невольно возникает вопрос о гласности и осведомленности об этой деятельности широкой общественности. О некоторых аспектах такой гласности хочу высказать свои мысли.

Гласность не синоним лжи и извращений!

В моей повседневной деятельности во внешней разведке меня больше всего возмущали два человеческих качества: вопервых, подхалимство и, во-вторых, лень, паразитирование одних на достижениях других.

Обычно эти два недостатка у людей, с которыми приходилось соприкасаться во время совместной работы, довольно быстро давали о себе знать.

Сложнее было разобраться в наличии у работавших рядом сотрудников таких скрытых личностных недостатков, как неискренность, переходящая в обман, себялюбие и повышенное честолюбие, жадность. Все эти черты характера, присущие в разной степени многим, воспринимались, как неизбежное явление, результат предшествующего воспитания, которое только в случае перехода известных границ требовало "хирургического" вмешательства. А до этих границ с ними можно было бороться средствами воспитания и другими мерами воздействия. Вот только с подхалимами и лентяями я не находил действенных мер.

Итак, это были два моих непримиримых противника в области работы с кадрами. До поры.

Когда я впервые столкнулся с предательством в разведке, в конце 30-х годов, по оперативным сообщениям, проходившим через мои руки, я еще не чувствовал всей глубины человеческой подлости в таком акте.

Но вот в сентябре 1945 года на моих глазах в Канаде совершил измену Родине, только что добившейся победы над фашизмом и японскими милитаристами, шифровальщик ГРУ Игорь Гузенко, боявшийся отправки на фронт.

Это был для меня первый жгуче поучительный пример того, что на свете есть самое отвратительное, ничем не оправдываемое и подлейшее из подлейших качеств у отдельных людей - предательство, измена всему, чем человек может гордиться в своей жизни.

В дальнейшей своей разведывательной карьере я убедился, что в разведке, как на войне, когда обостряются все условия жизни и поведения человека, когда над ним постоянно висит опасность для жизни или благополучия, явления измены более часты, чем в обычной жизни.

Испытал я в дальнейшем горечь измены "Вика", предавшего в руки американской контрразведки разведчика-нелегала Абеля, измену сотрудника нелегальной разведки "Гарта", который понес заслуженное наказание, измену поляка Голеневского, повлекшую провал разведчика-нелегала "Бена" и его сотрудников Крогеров (см. дело "Снайпера"). Был свидетелем за мою полувековую работу во внешней разведке других предательств и измен. Но оказывается, помимо явных предательств и тайных измен, проявляющихся в разведке в виде секретного сотрудничества "кротов", есть еще вид измены, мало исследованный в нашей профессиональной среде, когда отдельные представители внешней разведки, оставаясь формально лояльными своей службе, не связывая себя какими-либо конкретными узами с

противником, становятся ее врагами, изощренными, порою прямо озверевшими, фанатично мстящими ей, одновременно скрывая свои действия под маской объективности.

Это своего рода перевертыши. Но если политические перевертыши, которых в наше смутное время появилось немало, не скрывают своего злобного отвержения всего прошлого, к которому они были не просто причастны, а активно и сознательно творили его, то наш разведывательный перевертыш стремится сохранить видимость объективного критика.

Не буду дальше развивать эту мысль. Кстати, таких нашинских перевертышей пока не так много, раз-два и обчелся. Приведу один пример.

Автор предисловия к книге Эндрю и Гордиевского, Калугин, перечислив ряд самых выдающихся советских разведчиков, назвав их шпионами (К. Филби, Х. Фельфе и других), как преступников, пишет: "Сказанное вовсе не означает, что шпионы - отпетые мерзавцы и бесталанные твари... Скорее напротив: жить многие годы двойной жизнью, постоянно ходить по острию ножа, носить личину лояльного гражданина и добропорядочного семьянина, аккуратно исполнять указания одного начальства и тут же тайно бежать с докладом к другому - дело непростое, требующее не только хорошего психического здоровья, но и незаурядных актерских способностей, дара перевоплощения, в котором виртуозный обман венчает все усилия игрока". Вот и подумай, читатель, что слова "не мерзавец" отнюдь не означают, будто автор исключает, что "игрок", то бишь наш разведчик, все же мерзавец, а добывание им с огромным нервным и физическим напряжением важных для защиты отечества, своего народа разведывательных материалов всего лишь "тайно бежать к другому"!

Следовательно, в определении автора, славный наш разведчик-нелегал, выступая в фашистской Германии под видом американца, как любой другой обманщик, скорее не мерзавец, а искусный актер, с риском для жизни добывавший сведения, важные для обороны страны, просто преступник.

И это пишет генерал, получивший высокое звание за работу во внешней разведке. Разве мог бы не перевертыш, а попросту изменник своему народу и своей службе так характеризовать разведку, в рядах которой он вырос, под "личиной" лояльного сотрудника заработавший это звание за организацию, по его словам, "искусных актерских обманов" со стороны засылавшихся им за кордон "не мерзавцев", а простых преступников? Тогда кто же сам Калугин?

Теперь он, как эксперт дает льстивую оценку другому, действительно настоящему преступнику, изменнику, сбросившему личину лояльности, вместе с ним клевещет не только на свое недавнее прошлое, но и на целую службу, подвергающуюся сейчас атакам не только со стороны своих естественных открытых противников, но и собственных политических перевертышей.

Вот и расхваливает наш перевертыш Олег Калугин родного ему по духу изменника Олега Гордиевского за "яркую подачу, сочное и достоверное изложение истории деятельности внешней разведки".

Теперь Калугин бросает обвинения руководству ПГУ в том, что оно разложило разведку, способствовало развитию атмосферы предательства и измены. А ведь сам он хвалит одного из самых матерых предателей, который как раз и проводил свою изменническую работу во внешней разведке, когда там за разоблачение изменников отвечал Калугин, возглавляя подразделение внешней контрразведки. К тому же в самом этом подразделении оказались еще два изменника, один из которых был рекомендован и принят на работу самим Калугиным.

По ложным утверждениям Калугина, "за последние 10-11 лет изменило России в форме бегства за границу или же перевербовки внутри страны в несколько раз больше людей, чем за всю историю советской разведки с 1940 года" (Московские новости. 1990, 24 июня). Как заврался экс-генерал! В Приложении 6 приведены сведения, из которых следует, что за указанный Калугиным срок (1980-1990 годы) во внешней разведке оказалось девять изменников из общего числа 31-го за все послевоенное время. Но лжец знает, что читатели не знают правды и могут поверить его авторитетному слову, и бессовестно пользуется этим неведением в своих грязных целях.

Так кого же следует винить за пресловутое разложение в разведке, не самого ли Калугина?

Между прочим, как раз эта черта перевертышей: обвинять службу в грехах, которые они допускали сами, доминирует во всех "критических" оценках внешней разведки как откровенных предателей и изменников, так и адвокатов гласности, основное содержание и цели которой они видят в максимальном опорочивании внешней разведки, возлагая на нее все пороки, приписываемые ими КГБ. При этом враждебная, не только антисоветская, но теперь и антироссийская пропаганда превращает КГБ в удобный жупел, которым можно запугивать международное общественное мнение.

За последнее десятилетие перевертышей в нашей службе появилось хотя и не так много, но достаточно для того, чтобы на базе их клеветнической критики западным спецслужбам можно было вести активную подрывную работу по дискредитации внешней разведки. Открыло же им зеленую улицу предательство перевертышей О. Калугина, Бакатина, Ю. Швеца и других.

Вот почему, говоря об этом виде предательства, считаю достаточным ограничиться оценкой активности в этой области Калугина. Тем более что этот активный пропагандист псевдогласности сейчас развивает настоящую подрывную работу против внешней разведки в международном масштабе. Это, однако, не означает, что он добился в этом каких-то существенных результатов.

Сотворив свой труд во славу свою, он начал разъезжать по свету, избрав первым этапом США, где не только, как писала американская пресса, популяризировал себя и делал рекламу своей книге, но занялся коммерческой деятельностью совместно с бывшим директором ЦРУ Колби.

Вторым этапом стал Австралийский континент, где Калугин оставил прозвучавший в мировых СМИ след в виде сенсационных намеков на каких-то мифических агентов внешней разведки.

Затем поразительный вояж в ЮАР, где невещий Олег пустился в восхваление бывшего режима апартеида и его деятелей, высказывая сомнительные даже для недружественной России западной прессы сравнения прошлого этой страны с тем, что творится на его бывшей родине (Пичугин Ю. ЮАР произвела на Калугина впечатление. Новости разведки и контрразведки. 1996, N 1).

Затем вдруг его образ появился на румынском горизонте, где он удосужился поставить себя в один ряд с Горбачевым, Яковлевым, Бакатиным, которых КГБ якобы считает агентами ЦРУ.

Но самым знаменательным было его признание: "Я горжусь, что был причастен к этой категории - #предателей советской системы#" (Самошкин В. Олег Калугин о КГБ, Румынии. НАТО и будущем России. Новости разведки и контрразведки. 1996, N 13).

При этом он, очевидно, считая себя уже полностью приобщившимся к западной культуре, не стесняясь приклеивает нашему народу ярлык "рабской, собачьей психологии", торопливо поясняя, что имеет в виду "тот комплекс неполноценности, который-де развился в нашей стране за последние десятилетия".

Вот вам еще один фортель настоящего предателя, не юридического, а реального. Хотя... Вот в 1996 году газета "Вашингтон Пост", сообщая об аресте в США бывшего двадцать лет тому назад сотрудника АНБ Роберта Стефана Липки, однозначно ссылалась на книгу Калугина "Первое управление КГБ: мои 32 года разведки и шпионажа против Запада", как на источник информации для ФБР, позволивший американской контрразведке вычислить Липку, которого Калугин описывал под его действительным псевдонимом во внешней разведке - "Рук", то есть по-английски "Ладья" (Надеин В. Бывшего агента КГБ "сдал" бывший генерал КГБ. Известия. 1996, 27 февраля).

Вот вам и реальное предательство, достаточное для юридического обвинения в измене. Правда, при наличии желания у Калугина вернуться домой.

Можно сказать, что Калугин стал неформальным лидером других перевертышей из числа бывших сотрудников КГБ. Ведь все же хоть бывший, но генерал внешней разведки! Его появлению на предательском горизонте обрадовались разные юрии швецы и другие мелкие поставщики дешевых сенсаций о нашей внешней разведке.

Поражает не то, что бывший сотрудник внешней разведки Юрий Швец, сбежавший из России в США после того, как его выгнали из нашей службы, и укрывшийся там явно не без содействия американских спецслужб, выступает с клеветой и измышлениями о деятельности внешней разведки в США. Удивляет, с какой легкостью предоставляют этому проходимцу и предателю трибуну на нашем телевидении. Ведь ясно, что честный критик наших недостатков не стал бы так воровски, из-под прикрытия ЦРУ произносить свои обличающие речи.

О том, что это подлец, можно судить по тому, как еще в 1990 году он разразился пасквилем по поводу 70-летия внешней разведки (Мир звезд. 1991, N 1).

Уже тогда его наглая клевета на внешнюю разведку, шедшая в унисон с компрометирующей дезинформацией ЦРУ, требовала решительного отпора. Теперь же, после показа его выступления по нашему телевидению из США, уже поздно возмущаться его воровскими повадками опорочивания постфактум деятельности резидентуры внешней разведки в США, которую он якобы сам наблюдал, будучи незаслуженно недооцененным ее руководством.

Считаю неизбежными отдельные перехлестывания гласности через край чрезмерной секретности, властвовавшей в спецслужбах. И не только у нас, но и повсюду на Западе. И выход в отдельных случаях за рамки допустимого в разглашении секретов, затрагивающий интересы безопасности как самих спецслужб, так и государств, начался раньше там, где СМИ оказались сильнее цензуры и влияния отдельных спецслужб.

Так, в США появились, вопреки желанию властей, публикации и целые исследования о ЦРУ, суперсекретном АНБ, затем разоблачительные статьи о террористических актах ЦРУ против нежелательных иностранных политических деятелей, о незаконных опытах над людьми с применением психотропных веществ.

В Британии, вопреки запрету властей, бывший контрразведчик СИС Питер Райт опубликовал свои мемуары, раскрывающие деликатные тайные операции этой службы.

Поскольку эти разоблачения касались действительно имевших место в прошлом фактов и не наносили особо серьезного ущерба безопасности деятельности этих спецслужб, они осуждали их, но, как правило, не преследовали авторов, предпочитая влиять на содержание их трудов, что, полагаю, соответствовало интересам ознакомления в благожелательном плане общественности с секретными службами, которые содержатся на деньги налогоплательщиков.

У нас после 1985 года процесс гласности в этой области набрал такие темпы, что вскоре со стороны некоторых спецслужб стали раздаваться обеспокоенные голоса о том, не опасно ли это для них. В известной мере эти опасения обоснованны. Ведь чем больше правды мы расскажем народу, тем труднее будет нашим недругам на Западе, да и внутри России, продолжать распространять ложь и клевету о внешней разведке, а лжеэкспертам типа Калугина, Гордиевского выступать со своими лживыми консультациями.

Но и перехлесты у нас тоже начались. Это и расшифровка наших сокровенных секретов Бакатиным, Калугиным, не говоря уже о таких изменниках, как Шеймов, Резун, Дерябин.

Встал в этот ряд, к моему великому сожалению, и ветеран КГБ П. А. Судоплатов, затронувший в своей книге тему деятельности внешней разведки в области атомного шпионажа в США. Не имея ни знания действительного положения дел на этом участке агентурной деятельности внешней разведки, ни оснований для утверждений, что он-де ведал этой деятельностью в США, Судоплатов допустил еще и грубые, совершенно безосновательные утверждения о принадлежности к агентуре внешней разведки ряда видных американских ученых, чем вызвал в США да и в других странах настоящую бурю негодования.

Своей книгой, ставшей плохой сенсацией, он нанес ущерб не только истине о деятельности внешней разведки, но и самой гласности о ее деятельности (Известия. 1994, 4 и 12 июня).

Можно было бы игнорировать отдельные отклонения от истины, если бы не большое влияние, которое приобрели на Западе да и у нас начинают приобретать вредные мифы о КГБ и внешней разведке, распространяемые СМИ.

Не секрет, что на Западе и, в первую очередь в США, методы использования гласности в интересах правящих кругов получили свое наибольшее развитие и, я бы сказал, совершенство. Сошлюсь на представителей американских СМИ.

#"Наши циничные утверждения о так называемой объективности, - говорил корреспондент "Коламбия Бродкастинг Систем" Э. Севард, - нагромождение всего того, что печатается в газетах и говорится по радио, наша плоская, однобокая подача новостей придает лжи такую же весомость и значительность, что и у правды"# (Кэйтер Д. Четвертая власть в государстве. Нью-Йорк, 1963).

Одним из методов дезинформации общественности западными СМИ, к которому с готовностью сейчас начинают прибегать и некоторые наши журналисты, является искажение либо замалчивание тех фактов и событий, широкое и объективное освещение которых невыгодно для правящих кругов. Особенно ярко это проявилось в шумной кампании в американских СМИ в связи с делом Эймса. У нас этот метод применяется недругами спецслужб и исказителями правды о внешней разведке.

Направленность таких публикаций очевидна. Газета "Вашингтон Таймс" не скрывала, что эти разоблачения помешают усилиям администрации Клинтона заручиться у конгресса поддержкой дальнейшей помощи для России. Было ясно, что умышленно допущенная утечка секретов, содержавшихся в докладе о результатах следствия по делу Эймса, могла сыграть на руку тем законодателям, которые занимали жесткую позицию в деле помощи России. В то же время не могу не отметить, что в прессу просочилась и положительно прозвучавшая часть этого доклада по адресу внешней разведки, а именно сообщалось, что "в целом (допросы Эймса) добавляют штрихи к картине осторожного, терпеливого КГБ, который использовал хорошо проверенные, сопряженные с малым риском, простые методы работы" (Чуксеев В. Как КГБ вел Эймса. Новости разведки и контрразведки. 1996, N 2).

Вот и думается, что горе-публицисты ошибочно полагают, что их измышлениям наш народ будет верить так, как это считает французский автор

М. Гаскот: "Человек массы - это оболочка человека, в которую тираны вливают то, что им нравится; человек массы послушен и так же способен на героизм, как и на низость. Одно ему не по силам: быть самим собой" (Гаскот

П. Сегодня. Тема и вариации. Париж, Файард, 1965).

Хотя наше недавнее прошлое и подтверждает в известной мере эту оценку масс, когда по мановению официальных СМИ, по словам историка А. Зиновьева, они могли возвеличить ничтожество (скажем, такое, как бывший генсек Черненко) и мешать с грязью великого ученого

(как это было с академиком Вавиловым и многими другими), в новой России общественное мнение дает отпор попыткам превратить человека в простую оболочку.

И все же думаю, что на руководство внешней разведки и на каждого разведчика ложится ответственность за то, чтобы ложь или искаженное представление о деятельности этой важной государственной службы, которые то и дело проскальзывают на страницах нашей прессы, не оставались безответными, создавая ложные представления у общественности.

Говоря о разведке и гласности, нельзя не отметить, что западные глашатаи псевдогласности прежде всего нацеливают свое внимание на опорочивание тех выдающихся советских разведчиков, которые составляют нашу гордость, прославляют нашу службу и ниспровергают западные спецслужбы с искусственно создаваемых пьедесталов непобедимости и совершенства.

В этом плане личность советского разведчика Кима Филби не перестает "дразнить" ниспровергателей давно признанного всеми авторитетами в области разведки мирового престижа этого разведчика.

Вот и додумались, ко всей прочей чепухе, приписываемой этому разведчику, добавить ему "предательство в крови". Для этого вытянули на свет яркую биографию его отца, сэра Сен-Джона Филби, который считался образцом служения британской короне, а проще - британскому империализму. Оказывается, сэр Сен-Джон под конец жизни, убедившись в коварстве британской дружбы с арабами, отказался от дальнейшей службы и остался доживать свой век в арабском мире, а значит - предал Британию. Вот и унаследовал-де Филби предательство в крови (кому интересен тот факт, что К. Филби родился в то время, когда его отец ходил в верных слугах Британской короны) (Известия. 1995, 8 февраля).

Вся эта чушь, рассчитанная на наивного читателя, к сожалению, находит и в наших периодических изданиях, бездумно их перепечатывающих, потребителя. Все эти сообщения из Лондона, Вашингтона и других западных столиц сопровождаются соответствующими комментариями российских журналистов или даже редакциями.

В подтверждение еще один пример, и касающийся все того же Филби, неопровержимая слава которого никак не дает покоя британским спецслужбам.

Британская журналистка Джин Вронская разразилась грязной, клеветнической статьей о Киме Филби и всей его героической группе под кричащим заголовком "Ким Филби и его товарищи. Они любили не Советский Союз, а друг друга". Автор пытается доказать недоказуемое, игнорируя широко известный факт, что как Филби, так и все четверо членов его героической группы были не просто агентами внешней разведки, а глубоко убежденными бойцами за дело перестройки мира на принципах, которые провозглашал Советский Союз. Уверен, что это хорошо известно и в редакции газеты "Известия", но ответственный за выпуск этой статьи на страницы газеты как будто радуется возможности еще раз облить героев помоями, очевидно, потому, что они относятся к внешней разведке (Известия. 1994, 21 сентября).

Вот до какого абсурда договариваются хулители всего, что связано с внешней разведкой. Еще более разительна не умирающая тенденция западных публицистов разоблачать КГБ, которого, кстати, уже нет пять лет. Поэтому, говоря о гласности, нельзя не уделить и этому внимания. Ведь одних только солидных книг под заголовком "КГБ" появилось на Западе уже более десятка (у одного только Баррона целых два "КГБ").

КГБ КАК ПУГАЛО

Западные публицисты упорно уклоняются в своих выступлениях на тему о КГБ от того, чтобы выделить российскую внешнюю разведку из этого ведомства, продолжая наделять ее всеми прошлыми и якобы продолжающимися действительными и надуманными пороками этого советского государственного ведомства, наследника и продолжателя деятельности ВЧК-ГПУ-НКВД.

Даже ученый-историк поддался этой тенденции и полностью слил деятельность органов государственной безопасности с деятельностью советской внешней разведки, хотя должен был бы увидеть, что, даже являясь составною частью аппарата КГБ, внешняя разведка действовала автономно, решая свои собственные задачи. Не случайно Берия безуспешно стремился полностью слить ее аппарат с аппаратом КГБ, а между тем внешняя разведка всегда сохраняла устойчивую отчужденность от внутренней контрразведки. Это отнюдь не означает желания отмежеваться от КГБ. Нет, лично считаю, что обе спецслужбы

- внешняя разведка и контрразведка - в силу общности их задач обеспечения государственной безопасности нашего отечества и совпадения специфических методов деятельности должны работать в тесной связи, настоящем содружестве и взаимодействии.

То, что Комитет государственной безопасности Советского Союза и его внешняя разведка и контрразведка являлись для западных спецслужб и, в первую очередь, для ЦРУ и ФБР главными объектами их подрывной деятельности на протяжении всей "холодной войны", вполне понятно. Ибо этот орган советского государства стоял на пути этих спецслужб и нередко наносил им ощутимые поражения. В этом отношении приводимые примеры операций ТФП внешней разведки достаточно убедительны.

Поэтому неудивительно, что все изменники из числа бывших сотрудников КГБ в своих воспоминаниях, заявлениях и различных свидетельствах набрасывались прежде всего на КГБ, использовали действительные факты прошлого беззакония и пороков, практиковавшихся в период культа Сталина кликой Ягоды, Ежова, Берии, но обязательно присовокупляли к ним домыслы и клевету о постсталинском периоде деятельности органов госбезопасносги СССР, в том числе и внешней разведки.

Используя сложную ситуацию в России, возникшую в последнее десятилетие, когда прежний режим коммунистической монополии на власть отошел в прошлое, специальные службы Запада, особенно ЦРУ, развернули активную разведывательную деятельность как в России, так и в других государствах, возникших на территории бывшего Советского Союза. Как ЦРУ, так и ФБР, несмотря на кардинальные изменения характера нашего государства и провозглашения партнерства с США вместо прежней конфронтации, не только не отказались от

вербовки российских граждан как в самой Российской Федерации, так и в США и на территории других государств, но и сохранили в своей профессиональной практике все прежние методы и приемы, включая провокации и шантаж.

При этом дезинформационная деятельность ЦРУ против ставшей независимой внешней разведки еще больше усилилась и стала проводиться без каких-либо сдерживающих моментов.

Можно ли рассматривать иначе, чем прямое вмешательство спецслужб США во внутренние дела нашего суверенного государства, действия ЦРУ, о которых сообщает из тюремной камеры Олдрич Эймс: "После попытки государственного переворота в Москве в августе 1991 года я возглавил в ЦРУ отдельную группу по КГБ. У меня было задание кончать с этим ведомством. Разрушить его. Мы считали, что в этот момент КГБ был очень уязвим с политической и финансовой точек зрения. Мы хотели, чтобы российский парламент уменьшил на 90 процентов бюджет управления, которое занимается внешней разведкой. Для этого нам надо было дискредитировать КГБ, распространять в России порочащую информацию" (Горенко С. Цит. по газ.: Труд. 1995, 31 мая).

Возникает вопрос об искренности партнерских предложений спецслужб США сотрудничать и взаимодействовать с российскими службами.

В связи с этим представляет интерес посмотреть, что высветило дело Эймса в деятельности ЦРУ и ФБР, выплеснув на страницы американских СМИ многие сокровенные тайны этого могущественного ведомства.

#Американский журнал "Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт" даже провел серьезное журналистское расследование положения дел в ЦРУ (За рубежом. 1994, N 35). В этом расследовании вскрыто много поражающих воображение пороков и провалов в деятельности ЦРУ, низкий моральный и профессиональный уровень разведывательных кадров.#

Но самое удивительное состоит в том, что некоторые офицеры ЦРУ винят в этом КГБ. Видите ли, после 45-летней тайной войны с коммунизмом секретная служба заразилась многими болезнями этого закрытого общества, падению которого она способствовала. А именно: леностью, бюрократической неповоротливостью, стремлением ограждать от неприятностей своих сотрудников.

Что касается "заразы" ЦРУ от КГБ, то, думаю, сотрудники этой американской разведки правы, но совершенно в другом смысле. ЦРУ заразилось предвзятыми, основанными на сплошной лжи оценками КГБ и внешней разведки, которыми ее пичкали изменники и предатели, такие, как Голицин, Носенко и иже с ними. За последнее время в России появился ряд книг о КГБ. Помимо мемуаров В. Удилова (Удилов В. Записки контрразведчика. М., Ягуар. 1994), выступили со своими воспоминаниями руководящие работники бывшего КГБ Ф. Бобков (Бобков Ф. КГБ и власть. М., Ветеран МП, 1995), В. Крючков (Крючков

В. Личное дело. М., Олимп, 1996), В. Широнин (Широнин В. Под колпаком контрразведки. М. Палей, 1996). Знакомство с этими книгами, безусловно, должно помочь нашей широкой общественности получить объективное представление о важном ведомстве бывшего

Советского Союза, долгие годы успешно обеспечивавшего государственную безопасность нашей Родины.

ГЛАВА XV. ИНФОРМАЦИЯ, ИНФОРМАЦИЯ...

Отклоняйся от дорог исхоженных,
Используй нехоженые пути.

Мэнли П. Холл

Знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов.

К. Гельвеций

По прибытии в Польшу одной из первоочередных задач, которая меня сильно заботила, являлось выполнение серьезного наказа председателя КГБ: "знать все, что происходит в этой стране". То есть наладить работу вверенного мне представительства КГБ, чтобы обеспечить систематическое поступление информации, отражающей действительное положение на всех уровнях политической, экономической и общественной жизни Польской республики.

Эта задача слагалась из двух основных направлений информационной работы: освещения, во-первых, внутриполитического положения с позиций обеспечения государственной безопасности и прогнозы на будущее и, во-вторых, положения в руководстве страной, в ее руководящих органах, основных общественно-политических организациях и выявление тенденций в их деятельности по принципиальным проблемам, в первую очередь, в отношениях с Советским Союзом и с Западом.

Первая часть задачи решалась и раньше достаточно удовлетворительно через взаимодействие с польскими органами госбезопасности и другими правоохранительными ведомствами на основе взаимного обмена оперативной информацией. Оставалось заполнить брешь в части отсутствовавшей достоверной информации о реакции на происходившие в стране события со стороны высшего руководства партии. Это можно было выполнить только развив второе направление информационной работы.

О том, как решить эту задачу, и задумывался я, изучая через все доступные официальные и неофициальные источники действовавшую в стране структуру управленческого аппарата и то, какие политические и государственные инстанции принимают решения, определяющие внутреннюю и внешнюю политику.

Только четко представляя, где и кто конкретно принимает решения или имеет решающее влияние, можно было определить и вероятные источники нужной нам информации. Это было необходимо и вполне возможно при условии ответа на вопрос: как можно получать эту информацию при наличии категорического запрета использовать классические разведывательные средства и методы?

Забегая вперед скажу, что мне удалось найти ответ, позволивший, я бы сказал, значительно перевыполнить поставленную задачу и обеспечить уже через год пребывания в стране резкое улучшение информационной работы и удовлетворения запросов Центра.

В результате моя осведомленность о происходивших в Польше событиях и деятельности основных партийно-политических и общественных деятелей стала позволять не только достоверно освещать действительное положение в стране и ее руководстве, но и готовить прогнозы его развития на ближайшие годы.

Эта осведомленность и позволила мне изложить картину положения в Польской Народной Республике на основе подробного анализа деятельности основных ее руководящих политиков в книге, изданной в Варшаве в 1994 году (Павлов В. Я был резидентом КГБ в Польше. Варшава, 1994). Но при этом я не делал акцента на том, как мне удавалось быть в курсе закрытых для общественности событий и информации, отмечая лишь наличие у меня многочисленных контактов и знакомств среди тех высокопоставленных польских деятелей, о которых я писал.

Поскольку применявшийся мною метод очень близко соответствует теме настоящих воспоминаний, представляю в этой главе его суть и особенности, которые я определил как заочное проникновение (ЗП) с целью получения устной информации.

Для того чтобы читателю было ясно, почему так называю применявшуюся мною систему получения информации, поясняю. В процессе бесед с любым собеседником я стремился представлять событие, заседание, принятие решения так, как будто я вместе с собеседником, рассказывавшим об этом, присутствовал там. Делал свои замечания, ставил недоуменные вопросы там и тогда, где и когда было желательно уточнить или определить позицию того или иного участника событий.

Как правило, с различными вариантами, в большей или меньшей мере мне удавалось реально представить ситуацию не только в ее оценке собеседником, но и по той реакции, которую проявляли другие участники.

Расскажу об этой интересной, хотя и чрезвычайно трудоемкой и хлопотливой части моей работы в Польше в течение почти 12 лет.

ПОДГОТОВКА УСЛОВИЙ ДЛЯ ЗП

Итак, эта глава не столько об информационной работе, сколько опять же о проникновении, но теперь не физическом, агентурном или безагентурном, а о заочном, о методе получения разведывательной информации без использования разведывательных средств. Прибегнуть к этому методу меня заставила сама действительность, с которой я столкнулся в Польше и которую должен был преодолеть.

Поскольку мне запрещалось не только вербовать агентов или просто источников информации, но и без вербовки приобретать секретных информаторов и вообще заниматься тайным сбором информации, я усиленно искал альтернативный путь.

Как мне казалось тогда, в начале 1973 года, передо мной был неразрешимый ребус. Но ведь в разведке не принято обсуждать приказы, их требуется исполнять, и исполнять на высококачественном уровне.

Изучая жизнь Польской Народной Республики, прогуливаясь по вечерним улицам Варшавы и размышляя о возможностях проведения информационной разведки не только безагентурно, но и без других атрибутов ее, я, естественно, отталкивался от возможных источников нужной мне информации. Определение их было первой настоятельной задачей.

Далее необходимо было решить, каким путем вступать в личный контакт с носителями информации, чтобы во внешне обычных, совсем не шпионских беседах получать сведения по конкретным вопросам и проблемам многообразной политической, государственной и общественной жизни страны.

Опыт работы под дипломатическим прикрытием в капиталистических странах, наблюдение за тем, как получают информацию сотрудники советского посольства в Варшаве, подсказывали, что метод официальных контактов и встреч, бесед с различными представителями партийных и государственных органов, руководителями наиболее важных общественных организаций являлся единственно доступным мне в сложившихся условиях.

Но эпизодические, нерегулярные встречи и беседы, без наличия условий планомерного использования такого канала получения информации меня не устраивали. Нужно было преодолеть этот недостаток "дипломатического метода".

Помню, как, сидя летним вечером на скамейке в варшавском парке Лазенки, что находился по соседству с квартирой, где я жил, я мысленно представлял себе различные варианты "безагентурного" получения информации. Должен же мой мысленный взор, способный охватить всю вселенную за какие-то секунды, помочь мне проникнуть в сокровенные тайны бытия польских руководителей, думал я.

При слове "проникнуть", которым я в известной мере был одержим, я вдруг представил себя как бы присутствующим на тех значимых для моей информационной осведомленности совещаниях, заседаниях, обсуждениях, конференциях и просто беседах между собой польских руководителей органов власти и управления. Ведь только так, кажется, я мог бы быть в курсе их дел.

Короче, я подумал о вполне реальной психологической задаче осуществлять мое личное присутствие глазами и ушами других. Можно ли, задавался я вопросом, максимально приближенно воссоздавать, мобилизуя свое воображение, картины происходящих событий на основании добровольных, заинтересованных рассказов самих участников этих событий.

Вот тогда и родилась идея заочного проникновения в интересовавшие меня объекты с помощью контактов, знакомств и связей, специально направленных бесед с ними, в осуществлении которых будут полностью отсутствовать разведывательные методы, хотя

разведывательный подход на основе личного опыта и будет присутствовать незримо и неощутимо. Ведь от этого я никак не мог бы избавиться, да никто и не мог мне запретить.

Для успешного применения метода ЗП требовалось создать ряд условий: прежде всего обеспечить заинтересованность нужных мне собеседников во встречах со мною; готовность их к откровенным беседам и обсуждению любых польских проблем; максимальный учет личностных особенностей каждого отдельного собеседника; доступность их для встреч и бесед в нужный момент и моя готовность к встрече с ними, когда у них возникает заинтересованность в беседе со мною.

Я понимал, что важно создать такие условия для бесед с носителями нужной информации, чтобы они также были заинтересованы во мне и вели себя откровенно, не опасаясь высказывать свои оценки и суждения о происходящих событиях, окружающих их людях, в том числе их начальниках и руководителях, включая и самых высших в партийной и государственной иерархии.

Придя к такому заключению, я сразу почувствовал облегчение, теперь есть конкретная цель и метод ее достижения. Буду приниматься за практическое ее осуществление. Настроение было боевым, вера в реальность решения задачи по-новому осветила окружавший меня мир. Даже парк Лазенки и гулявшие в нем люди показались мне другими... Мышление, вспомнил я слова Аристотеля, "верх блаженства и радости в жизни, доблестное занятие человека". И тут же далее: "В системе мира нам дан короткий срок пребывания - жизнь: этот дар прекрасен и высок". Вот и надо спешить, чтобы успеть сделать за этот короткий срок что-то значимое. Поэтому, сказал я себе, за дело, в Центре от меня ждут исчерпывающую информацию и мои размышления никого там не интересуют.

Приступив к выработке конкретных практических возможностей, я стал проверять приемлемость моих заключений, их действенность на встречах и беседах с уже имевшимися моими знакомыми из числа официальных представителей польских спецслужб, а также с теми польскими политическими и общественными деятелями, с которыми меня знакомили.

Первые положительные итоги применения метода ЗП позволили разработать систему планомерной информационной работы на основе целенаправленного приобретения контактов и знакомств, которая действовала безотказно на протяжении всего периода моей работы в Польше, вплоть до конца 1984 года.

Претворяя в жизнь намеченный план ЗП, я проделал большую подготовительную работу.

Во-первых, были определены те объекты, где могла возникать и находиться нужная информация, те "кухни, где варилась" политика, намечались планы, принимались решения и выражалась реакция на происходящие события в стране и на международной арене.

Очевидными такими объектами в стране, где во главе государства стояла партия ПОРП, являлись все ее основные органы: Политбюро и Секретариат ЦК, основные отделы аппарата

ЦК, воеводские комитеты партии. Все они могли быть интересными для получения информации о деятельности правящей партии.

Меньшее значение имел правительственный аппарат. В нем могли иметь большое значение деятельность кабинета премьера, министерства обороны, МВД, МИД, комитета радио и телевидения.

Среди общественных и иных организации первостепенными объектами были управляющие органы профсоюзов, католический епископат во главе с примасом Польши, творческие союзы, центральные органы партий-союзниц ПОРП.

Этот перечень объектов ЗП составлялся и дополнялся по ходу развития моей информационной работы.

Во-вторых, нужно было выявить тех носителей информации, которые могли располагать наибольшей осведомленностью, с которыми можно было бы контактировать, встречаться для бесед и обмена мнениями. Кроме того, для метода ЗП важно было, чтобы они имели личный постоянный доступ на "свои" объекты.

Естественно, что наиболее информированными могли быть члены высшего руководства партии - Политбюро и Секретариата, - их помощники, заведующие основных отделов ЦК, первые секретари воеводских комитетов партии.

В госаппарате - отдельные министры и их помощники, ведущие заместители и руководители главных департаментов и служб в МВД, МНО, МИД. И так далее. К концу 1973 года у меня набралось уже полтора десятка таких собеседников, кто начал проявлять постоянную заинтересованность во встречах со мною и с кем я мог практически в любое нужное время встретиться и побеседовать.

В дальнейшем круг таких лиц расширился значительно и достигал нескольких десятков представителей ведущих объектов в столице, и, кроме них, я располагал десятью - пятнадцатью знакомыми на периферии в основном из числа первых секретарей комитетов ПОРП в ведущих воеводствах страны.

В-третьих, самой сложной и особенно трудоемкой задачей была выработка метода бесед и применения его на практике. Тут мне пришлось полностью перестраиваться с имевшегося у меня опыта бесед в капиталистическом обществе на совершенно иной настрой. Если там я заводил связи и вел беседу с представителями "вражеского" стана, то здесь, в стране наших идеологических единомышленников, разговор мог идти не о вскрытии враждебных замыслов капиталистического мира против нашего государства, а о совместной заинтересованности в укреплении наших социалистических государств, их государственной безопасности и о выявлении всех тех явлений в жизни страны, которые мешают этому. Все это, конечно же, в беседах трансформировалось в заинтересованность в укреплении личных позиций собеседника.

Что касается взаимной заинтересованности собеседников, то важно и довольно сложно было определять индивидуальную заинтересованность каждого партнера таких бесед. Требовалось изучить его личность, положение, интересы еще до первой встречи через других лиц, знающих его, а также через все официальные и неофициальные источники. В этом мне хорошо помогали сотрудники МВД, которые, как правило, делились со мной и другими работниками представительства своими оценками перспективных собеседников, порою сообщая интересные подробности их жизни и деятельности.

Как я имел возможность убедиться, важную роль в создании атмосферы доверительности и взаимной симпатии играло знание частной жизни, трудностей и проблем собеседника. Вовремя и к месту высказанное сочувствие или одобрение оказывались плодотворными.

Вообще, в получении нужных мне результатов положительную роль играло знание психологических особенностей человеческого общения, которыми я активно занимался во время трехлетнего руководства Краснознаменным Институтом подготовки разведчиков.

Однако главное, что обеспечивало заинтересованность большинства моих партнеров в беседах со мной, состояло в том, что они быстро убеждались в моей осведомленности как в делах Польши, так и позициях советских государственных и партийных органов и их руководителей.

Эту осведомленность мне было легко соблюдать в силу знания текущих обстоятельств как политического, экономического и военного характера, связанных с Польшей, так и реакции на них советского руководства, начиная с посольства СССР в Варшаве и через него министра А. Громыко и кончая Комитетом государственной безопасности во главе с членом Политбюро ЦК КПСС Ю. Андроповым.

Постоянная связь с руководством внешней разведки, но и непосредственно с председателем КГБ по специальному телефону и при личных докладах ему во время поездок в Москву; тесный контакт с послом и информированность через него об оценках и указаниях другого влиятельного члена Политбюро А. Громыко; такая же информированность через представителя Главного командования Объединенными силами стран-членов Варшавского Договора генерала армии А. Щеглова о позициях и директивах третьего члена Политбюро Д. Устинова позволяли мне быть постоянно в курсе позиций нашего высшего партийного, политического и военного руководства, знать их текущие установки для внешнеполитических учреждений как в Польше, так и в других социалистических и капиталистических странах. Не говоря уже о КГБ и лично
Ю. Андропове, концентрировавших в своих текущих указаниях позиции всех других советских органов.

Помогало мне выступать перед собеседниками с позиций источника интересующей их информации и то, что мой опыт разведывательной работы, знание американской политики и методов ее проведения, в том числе таким разведывательным органом, как ЦРУ, проявлявшим наибольшую активность в Польше, позволяли мне давать аргументированную оценку антипольским акциям Запада, показывать закулисную их сторону. Мало того, я пользовался оценками, которые регулярно получал из Центра в ориентировках.

Очень важным условием для создания атмосферы доверия в беседах явилось то, что мои собеседники, в принципе встречаясь со мною как советником посольства, то есть таким же дипломатом, как другие, смогли убедиться, что в отличие от обычных дипломатов я гарантировал анонимность собеседника в своих докладах в Центр. Посол либо другой сотрудник посольства после каждой состоявшейся беседы с местным руководителем докладывает в Центр, обязательно указывая, с кем беседовал, что его собеседник важное сказал и т. д. Поскольку, как правило, МИД не делает секретов из авторства таких сообщений, они получают широкую огласку как в МИД, так и в аппарате ЦК КПСС, куда шли все основные сообщения посольств, а также в других ведомствах. В дальнейшем подчас в беседах с представителями польского руководства советские сотрудники в Москве или во время визитов в Польшу ссылались на того или иного польского "автора". Это создавало для последнего порою очень неприятные ситуации, особенно если их высказывания шли вразрез с официальной линией польского руководства.

О последствиях их искренности было широко известно полякам, поэтому они, как правило, в беседах с советскими дипломатами избегали полной откровенности.

Учитывая эти опасения, я стремился уже на первых встречах ясно дать понять своим собеседникам, что их инкогнито будет обеспечено, что они говорят или сообщают что-то деликатное только для моего сведения и что я надеюсь на такое же обращение с моими откровениями. Мой опыт показал, что это условие явилось решающим стимулом для взаимной откровенности наших бесед.

На пути совершенствования выработанного мною метода получения информации лежали трудности заведения нужных знакомств и постоянных контактов в намеченных объектах, расширения их с учетом постоянных кадровых изменений и перемещений.

Мне помог опыт прошлой разведывательной работы. При этом мне удалось не ошибиться в определении с самого начала пребывания в Польше тех польских деятелей, которые имели хорошие перспективы роста и продвижения в партийно-политической иерархии. Об этом, думаю, убедительно свидетельствует тот факт, что ряд моих знакомых, с которыми уже в 1973 году я постарался установить взаимно доброжелательный устойчивый контакт, используя свое положение как представителя КГБ, попали в высшие эшелоны власти. Так, мой близкий знакомый Станислав Каня через восемь лет нашего знакомства, в 1980 году, стал Первым секретарем ЦК ПОРП; министр обороны В. Ярузельский в 1981 году достиг поста премьера, затем в октябре того же года стал Первым секретарем ЦК, а позже, уже в 1989 году, стал даже первым послевоенным Президентом Польши. С ним мне довелось также много раз встречаться и подолгу беседовать, вплоть до 1984 года, когда я отбыл домой.

Два моих других хороших знакомых также с мая 1973 года Мирослав Милевский и Чеслав Кищак выросли на моих глазах до министров внутренних дел и членов Политбюро.

Эти и другие подобные примеры свидетельствуют не только о правильной оценке способностей и личных качеств этих польских деятелей, но и о том, что на протяжении всех

долгих 12 лет я мог рассчитывать на плодотворные встречи с ними и встречался, по моим скромным подсчетам, не десятки, а сотни раз.

Успешным путем приобретения полезных собеседников оказалось изучение периферийных кадров, имеющих перспективы на продвижение в центральные организации.

Совершая многочисленные поездки в воеводства, как правило, с кем-нибудь из руководства МВД (министром С. Ковальчиком, его заместителями Т. Петшаком, М. Милевским и другими), я знакомился с Первыми секретарями ЦК ПОРП, приглашал их посетить меня в Варшаве. При этом, учитывая их рейтинг у руководства ПОРП, стремился установить более прочные знакомства с теми, кто являлся наиболее вероятными кандидатами на выдвижение в Центр. Так появился ряд контактов среди вновь избранных членов Политбюро, Секретариата ЦК ПОРП.

Примерно такой же процесс происходил с выдвижением из нижестоящих сотрудников ЦК, МВД, МНО на руководящие позиции в интересовавших меня объектах. Из рядовых членов ЦК - в заведующие отделов аппарата ЦК, из директоров департаментов - в заместители министров и т. д.

Таким образом, база для получения многообразной информации о положении в стране, о намечавшихся важных решениях, о ходе их обсуждения в Политбюро и на заседаниях Секретариата ЦК ПОРП, на пленумах ЦК, о реакции польского руководства на деятельность внутренней оппозиции, на выступления трудящихся с протестами против социально-экономической политики правительства была создана.

Как практически использовался мною метод "заочного проникновения", покажу на ряде эпизодов.

ЭПИЗОД ПЕРВЫЙ - РАЗВЕНЧАНИЕ ФАВОРИТА

Когда в мае 1973 года я знакомился с положением в МВД ПНР, я узнал, что министр С. Ковальчик, его заместитель М. Милевский, Секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК ПОРП С. Каня, курировавший МВД, - все они в различной форме, но определенно дали мне понять, что член Политбюро и Секретарь ЦК ПОРП Ф. Шляхтиц, бывший одно время министром внутренних дел и затем Секретарем ЦК, курировавшим МВД до С. Кани, стая фактически "человеком N 2" в партии после Е. Герека. Используя свое преобладающее влияние на Первого секретаря ЦК, Шляхтиц бесцеремонно вмешивался в дела МВД через голову министра С. Ковальчика, вызывая возмущение последнего, а также стремился командовать и министерством национальной обороны, вызывая аналогичную реакцию у члена Политбюро, министра В. Ярузельского.

Поскольку для меня уже стало ясно, что Шляхтиц явно метит заменить на посту Первого секретаря Герека, а его приход к руководству партией и страной, по утверждению моих

собеседников, которое я разделял, не сулил ничего хорошего для развития советско-польских отношений, я стал уделять пристальное внимание фигуре Шляхтица.

Перипетии его "подъема к власти" и падения изложены мною в книге о Польше (Павлов В. Я был резидентом КГБ в Польше. Варшава, 1994). Думаю, что сейчас интересно вспомнить о том кульминационном эпизоде в середине 1974 года, который завершил его политическую карьеру.

В июне 1974 года состоялось очередное заседание Политбюро, на котором, как мне уже было известно из бесед с моими постоянными контактами из числа членов политического руководства (в том числе с министром Ковальчиком и Каней), должен был состояться серьезный разговор со Шляхтицем большинства членов руководства, недовольных его притязаниями на ведущую роль и подмену Первого секретаря в руководстве партией и страной.

Сразу после окончания заседания один из его участников, с которым мы перед тем беседовали на тему роли личности в истории и мой собеседник приводил действия Шляхтица как негативный пример, позвонил мне и мы встретились.

Мой знакомый был возбужден и сразу сказал, что с "нашим героем", имея в виду Шляхтица, все кончено и история забудет о нем. Не ожидая от меня недоуменных вопросов, он сообщил, что Шляхтиц, которому не откажешь в сообразительности и бойцовском характере, уже понявший, возможно, со слов своего "друга" Герека, что готовится решительный бой с ним, сам перешел в наступление. Он заявил, что хочет с согласия Герека доложить Политбюро свои оценки положения в стране, состояния экономики и политики в области внешнеэкономических отношений, в том числе и с Советским Союзом.

Говоря об этом докладе, мой собеседник весьма эмоционально представлял, как вел себя Шляхтиц - как настоящий прокурор, - обвиняя всех других в деяниях, которые на самом деле нужно было прежде всего отнести к самому себе. "Ведь он, - с возмущением сказал мой собеседник, - осмелился даже меня обвинить чуть ли не в антисоветизме". Действительно, здесь Шляхтиц переборщил, так как было известно, что мой собеседник всегда не только твердо ратовал за укрепление союза и дружбы с нашей страной, но и много делал для этого.

Зная, что мой собеседник был одним из инициаторов противостояния притязаниям амбициозного Шляхтица, я поздравил его с одержанной важной победой. Тут же, для того чтобы выяснить атмосферу прошедшего заседания и позицию, занятую Гереком (Шляхтиц был его фаворитом более трех лет), я задал вопрос, действительно ли Шляхтиц только демагогически взваливал на других необоснованные обвинения или все же говорил что-то правильное.

Мой собеседник ответил, что на самом деле все, о чем докладывал Шляхтиц, если не считать некоторых огульных преувеличений (например, в антисоветизме), было чистой правдой. Но использовал он действительные факты и их оценки крайне неудачно, явно переоценив свое влияние на Герека и недооценив назревшее недовольство его действиями и поведением в высшем руководстве.

К сожалению, все, о чем он говорил, действительно имело место в деятельности и Политбюро, и правительства, но прежде всего было правильным для оценки самого Шляхтица. "Если говорить об антисоветизме, - сказал мой собеседник, - то скрытным антисоветчиком и прозападником был как раз он сам".

"А как же Герек среагировал на обличительный доклад своего близкого друга?" - спросил я. Ответ на этот вопрос раскрыл передо мною еще одну черту польского вождя. Оказывается, он сам разрешил Шляхтицу сделать именно такой острый доклад на актуальную тему, зная со слов Бабюха и других активных оппонентов Шляхтица, что ему будет дан решительный бой за его клевету на деятельность Политбюро под руководством Герека, что все члены руководства настаивают на том, чтобы он понял, на кого замахивается его личный друг.

Таким образом, Герек сознательно подставил под удар бывшего самого близкого друга и заранее согласился с предложением убрать Шляхтица из Секретариата и перевести в правительство на должность вице-премьера.

Так и произошло. После бурных возмущенных выступлений большинства членов Политбюро единогласно было решено направить его "на исправление ошибок правительства в управлении страной", о которых он так убедительно говорил.

Рассказав об этом главном событии прошедшего заседания, мой собеседник не менее выразительно представил мне в лицах реакцию и высказывания других членов Политбюро, пополнив мои представления о них, их позициях и взаимоотношениях.

Кстати, в связи с этим заседанием меня порадовал министр Ковальчик, который до этого всячески уходил от разговоров на тему деятельности партийного руководства. На этот раз он сам заявился ко мне домой и подробно рассказал о поражении его личного противника. "Теперь, - заявил он, - я вычищу из МВД всех его ставленников, которые порядком мешали мне руководить министерством". Видно было, что Шляхтиц действительно достал его, неосторожно вмешиваясь в дела его ведомства, не учитывая, что Ковальчик пользовался полным доверием Герека и его жалобы на действия Шляхтица сильно воздействовали на усиление подозрений Первого секретаря по отношению к бывшему другу.

В состоявшихся позднее беседах с парой других участников заседания я смог получить дополнительное представление о том, что произошло на Политбюро. Таким образом, я как бы сам побывал на этом важном заседании, заочно проникнув туда с помощью моих очень откровенных (особенно когда речь идет о других) собеседников. С помощью их глаз, оценок и интерпретаций происходившего была получена почти стопроцентно достоверная картина. На основании этой информации в Центр и было доложено о принятом решении Политбюро об освобождении Шляхтица с поста Секретаря ЦК с тем, чтобы исключить дальнейшее участие Шляхтица в активном формировании польской политики. Помимо объективной важности этого события для оценки деятельности польского высшего партийного органа, оно имело и для меня, если можно так сказать, важное субъективное значение.

Дело в том, что, когда я выезжал в Польшу, меня ориентировали, что в лице Шляхтица мы имели в Польше самого верного друга нашей страны, сторонника укрепления союза и дружбы Польши с Советским Союзом.

Целый год мне пришлось доказывать Центру об ошибочности сложившегося мнения о Шляхтице. В связи с этим у меня складывались очень напряженные отношения с Центром, который подвергал сомнению не только мое утверждение, но и ряд других достоверных оценок.

Теперь над этим "диспутом" с Центром была поставлена точка, и Центр признал мою правоту.

В заключение о Шляхтице можно добавить, что в 1990 году он опубликовал свои мемуары под названием "Горький вкус власти", в которых пытается доказать, что никогда не стремился сменить Герека на посту Первого секретаря ЦК ПОРП (Шляхтиц Ф. Горький вкус власти. Варшава, Факт, 1990). Но это было беспомощной попыткой опровергнуть то, что в далеком 1974 году было очевидным и широко известным в польских партийных кругах.

ЭПИЗОД ВТОРОЙ - ШАБАШ ЦЕН

Этот эпизод связан с визитом в Польшу в августе 1975 года Председателя Совета Министров СССР А. Косыгина.

В течение всего 1975 года представительству КГБ становилось известно о все возраставшей тревоге МВД ПНР и министра Ковальчика, в частности, из-за назревавшего решения правительства и Политбюро искать преодоления трудностей в области снабжения населения продуктами питания на пути повышения цен. Мы докладывали в Центр, что такая мера может вызвать в стране весьма взрывоопасную ситуацию. При этом наши информации в Центр сопровождались конкретными фактами недовольства и забастовок, вызывавшимися перебоями в снабжении населения продуктами питания, требованиями повышения зарплаты. Растущая напряженность в обществе охватывала все более широкие массы рабочих.

Такую же тревогу высказывали мои собеседники вне МВД, в том числе и ряд членов партийного руководства. Они говорили, что пользующийся большим влиянием на Герека член Политбюро Бабюх и премьер Ярошевич настаивают на повышении цен, особенно первый, подталкивающий к этой опасной мере премьера.

Под влиянием нашей информации руководство КПСС поручило Косыгину во время визита в Польшу высказать "товарищеский совет" не принимать такого решения, задевающего злободневные интересы рабочего класса. По крайней мере, без соответствующей подготовки и разъяснительной работы, а также, предусмотрев компенсацию наиболее низкооплачиваемым рабочим. Поскольку эта дружеская рекомендация не возымела действия и, по нашим сведениям, Первый секретарь все больше склонялся к поддержке предложений Бабюха, который к этому времени полностью заменил Шляхтица на посту советника Герека, во время встречи Брежнева с Гереком в Берлине в начале 1976 года на совещании рабочих и

социалистических партий сам Брежнев высказал Гереку серьезное предостережение не играть с огнем с рабочим классом.

По возвращении из Берлина, в начале июня, Герек созвал членов Политбюро и поставил на обсуждение вопрос о ценах.

О том, что Бабюх и под его воздействием премьер Ярошевич намерены твердо требовать согласия на их предложение, нам было известно. Знали мы и то, что большинство членов Политбюро, за исключением министра обороны Ярузельского, министра внутренних дел Ковальчика и Секретаря ЦК Кани, а также в известной мере склонившегося к их мнению министра иностранных дел
О. Ольшовского, не будут возражать и поддержат Бабюха, если на это, конечно, согласится Герек.

О том, как проходило обсуждение вопроса о ценах, мне стало известно в тот же вечер. Интересно, что первый, кто поспешил известить меня о принятии решения, был не из числа тех, кто возражал против этой необоснованной и опасной меры польского правительства, а молчаливо проголосовавший за нее. Об этом он конечно же не сообщил и узнал я о его позиции позже.

Но он рассказал о крайне пренебрежительной оценке Гереком и Бабюхом высказанных советскими руководителями рекомендациях воздержаться от каких-либо мер, наносящих ущерб рабочему классу, в связи со сложившейся в стране обстановкой. Думаю, что его сообщение об этом было продиктовано сознательным стремлением через "утечку" информации поставить прежде всего Бабюха в уязвимое положение.

Зная отрицательное отношение собеседника к Бабюху, не так давно обидевшему его, я так поставил уточняющий вопрос о том, кто же был инициатором предложения о ценах, что вызвал у него эмоциональную реакцию и резкое высказывание о Бабюхе.

Из его рассказа следовало, что в ответ на советские рекомендации Бабюх сказал, что пусть советские, дескать, лучше думают о своих проблемах, а как решать польские, они знают без их советов.

Тут же, как мне рассказал уже другой мой собеседник, Герек добавил, что и Брежнев тоже советовал не торопиться с политикой цен. Вот они и покажут советским, как нужно строить социализм и решать важные экономические проблемы, пусть посмотрят и поучатся.

Вот такой диалог Бабюх и Герек не постеснялись продемонстрировать перед самыми бурными событиями, вспыхнувшими 25 и 26 июня 1976 года, когда "хорошо знающие, как нужно решать задачи социалистического хозяйствования", объявили о повышении цен.

Рабочие более 150 заводов объявили забастовку, в ряде городов вспыхнули волнения и уличные беспорядки. В ближайшем от столицы городе Радоме эти беспорядки приняли наиболее острую форму, там толпа разгромила комитет партии, были блокированы

железнодорожные пути на линии Москва-Берлин. Волнения грозили выйти из-под контроля властей.

На срочно собравшемся заседании Политбюро, по настоянию Ярузельского и Кани и поддержавших их других членов высшего руководства, по-настоящему напуганных размахом волнений и беспорядков, решение о повышении цен было отменено, о чем премьер Ярошевич объявил 26 июня вечером по радио и телевидению.

Итак, ряд моих собеседников, а их оказалось много, в эти дни все в один голос осуждали неразумность действий правительства и Бабюха, избегая, как правило, винить в этом и Герека. При этом явно улавливалось, что некоторые мои знакомые не просто знакомили меня с ситуацией, возникшей на заседании Политбюро, а, как и первый из них, допускали сознательно утечку деликатной информации о высказываниях Бабюха и Герека в адрес руководителей КПСС.

Вот тогда я вспомнил, что кто-то из серьезных западных исследователей писал, что одним из очень острых средств борьбы, особенно во властных структурах, является умышленно допускаемая утечка секретной информации о своих противниках или придание гласности сведений, подрывающих в той или иной степени позиции противников. Особенно часто этот метод применяется в межпарламентской борьбе и для компрометации неугодного правительства или отдельных членов правительства (Хильмен Р. Внутриполитическая подоплека разработки политики в области обороны и внешних сношении. Нью-Йорк: Харпер и Роу, 1971).

В данном случае речь шла о компрометации в наших глазах Бабюха, прежде всего, как выдвинувшегося на позиции кандидата для замены Герека на посту Первого секретаря ЦК ПОРП.

Но, кстати говоря, фигура Бабюха как прозападно настроенного члена польского руководства была уже полностью ясна для нас. То же, что сам Герек отважился на пренебрежительное отношение к советам наших руководителей, было новым в его поведении.

В то время я подумал, что та серьезная психологическая игра, которую начали проводить руководители капиталистических государств при личных встречах: канцлер ФРГ Шмидт, президент США Форд, президент Франции Жискар д'Эстен, заверявшие его в том, что он является самым выдающимся политическим деятелем в социалистическом содружестве, мудрым государственным мужем, отцом нации и т. д., начала давать свои плоды, вскружив ему голову.

В беседах, состоявшихся у меня по поводу цен с примерно десятком собеседников, я убедился в том, какую важную роль играет для понимания того, о чем тебе говорят и о чем умалчивают, знание психологии поведения человека в его общении с другими людьми. Я вспомнил слова Фрейда: "Человек, у которого есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, может убедиться, что ни один смертный не может сохранить тайну. Если молчат его губы, он выбалтывает тайну кончиками пальцев, он выдает себя каждой своей порой".

Интересное наблюдение, которое я отмечал при осуществлении заочных проникновений в мир мыслей моих собеседников и тех событий, о которых они мне рассказывали. Должен сказать, что мое хотя и самостоятельное, но обстоятельное знакомство с психологией, в частности человеческих отношений, помогало мне глубже понимать своих постоянных собеседников.

Согласно теории "доминанты", сформулированной А. Ухтомским, человек воспринимает в окружении и его элементах только то и тех, к чему и к кому подготовлено его поведение, определяющееся его "доминантами", то есть "главенствующим" рефлексом. Это означает, что любые, пусть самые важные и интересные области реального мира проходят незамеченными, не фиксируются нашим наблюдением, если наши органы восприятия, наши уши и глаза не подготовлены "доминантой" к тому, чтобы слышать и видеть. Другими словами, наше поведение и действия направлены сейчас в иные области.

Отсюда вытекает очень важный вывод для разведчиков, в частности тех, кто решает задачи ТФП, что требуется воспитывать в себе те "доминанты", которые необходимы для мобилизации усилий, внимания и всего мышления на решение специфических задач таких операций.

Это тем более необходимо, что вообще "бездоминантность" человека невозможна и важно, чтобы именно нужные "доминанты" сопровождали деятельность разведчика.

Ухтомский рекомендует культивировать "доминанты" и свое поведение "по Копернику", то есть ставить "центр тяготения" вне себя, на других лицах и явлениях реальной действительности, чтобы быть в любой момент готовым в любой открывающейся возможности видеть и понимать тех и то, что и кто находится вне тебя, разгадывать их предназначение (Ухтомский. А. Письма. Новыи мир. 1973. N 1).

Вот так, собираясь на беседу с таким сложным для понимания его мыслей и размышлений человеком, как, например, Ярузельский, для облегчения мысленного проникновения не только в его окружение, но и в его личное состояние, в не высказываемые вслух мысли, я заранее помещал "центр тяжести" на нем, его личности, жестах, обычно скупых эмоциональных проявлениях, мимике. И сразу то, о чем он говорил мне, наполнялось новым содержанием, приобретало дополнительное значение.

Действительно, сколько раз я убеждался, что молчание бывает красноречивее слов.

Завершился этот эпизод ЗП во внутреннюю "кухню" Политбюро получением информации о личности Герека, начавшего действительно мнить себя выдающимся отцом польской нации.

Через пару дней после разрешившейся кризисной вспышки недовольства польских трудящихся в Варшаву заехал мой хороший знакомый, Первый секретарь одного из воеводских комитетов партии на польском Побережье. Он пожелал повидаться со мною, обмолвившись, что привез любопытную весточку из своих краев.

Наша беседа началась с довольно бурного возмущения моего собеседника "этим эмигрантом". Сначала я не понял, о ком он говорил. Тогда он показал мне стенограмму выступления Герека на телесовещании со всеми воеводскими Первыми секретарями комитетов ПОРП по поводу событий 25-26 июня. Суть высказывания Герека сводилась к фразе, звучавшей так: "Я к ним относился как отец, заботился об их благополучии, а они ответили хулиганскими безобразиями. Это же не народ, а паршивые овцы".

"Итак, он отец нации, а мы стадо паршивых овец, - сказал мой собеседник с гневом. - И говорит это человек, просидевший полжизни за границей и не нюхавший ни пороху, не переживший невзгоды и несчастья гитлеровской оккупации. Разве можем мы уважать такого руководителя?" - задавал он вопрос. Подчеркиваю, что это говорил один из периферийных партийных вожаков, понимая, что через меня об этом станет известно Москве.

Как позже узнал я, Герек дал указание изъять все записи проведенного им совещания и уничтожить их. Понял он всю компрометирующую суть его запальчивых высказываний. Но ведь из памяти тех, кто тогда слышал его живые слова, устранить их он не мог. Вероятно, это тоже наложило свой отпечаток на то, как легко партия отказалась через четыре года от такого руководителя.

ЭПИЗОД ТРЕТИЙ - ШАПКА МОНОМАХА

Прошедший в феврале 1980 года VIII съезд партии ничего не изменил в неблагоприятно развивавшейся внутриполитической ситуации в стране, потихоньку накапливался гнев трудящихся против самодовольного высшего партийного руководства во главе с Гереком и его недальновидных приближен-

О том, какая ситуация складывалась с кандидатами перед заседанием Политбюро, я не только знал, но и успел доложить по телефону председателю КГБ Андропову. Она была достаточно тревожной.

На активную сцену выдвинулся, помимо двух возможных кандидатов - Ярузельского и Кани, третий - Ольшовский, личность которого вызывала не только у нас в представительстве, но и, насколько мне было известно, в Центре - в ЦК КПСС, большую настороженность. Короче, из всех трех кандидатов он был для нас самым нежелательным. Не пользовался авторитетом Ольшовский и в партии, где слыл за беспринципного "слаломиста", предпочитающего зигзаги прямой дороге.

Было известно, что шансы Кани и Ольшовского примерно равны. Многое зависело от того, согласится ли Ярузельский на свою рекомендацию Пленуму. В этом случае его шансы были бесспорными.

Если же Политбюро придется делать выбор между Каней и Ольшовским, ситуация будет крайне неопределенной, так как не все в Политбюро хотели бы иметь Первым секретарем такого напористого и эмоционального деятеля, как Каня. Эта ситуация создавала и для меня весьма большое напряжение.

Мне требовалось обеспечить поступление точных сведений о решении Политбюро в Центр немедленно, в любое время дня и ночи.

В такой обстановке проходила эта важная операция заочного проникновения.

Уже около 11 часов вечера мой первый знакомый позвонил, и я быстро подъехал к нему.

Он с ходу осудил Ярузельского, который уперся и не дал согласия на свою кандидатуру.

Несмотря на настойчивые убеждения Кани, который, судя по всему, играл первую скрипку на заседании, Ярузельский настаивал на кандидатуре самого Кани, а на отказы последнего даже называл С. Ольшовского, что особенно вызывало недовольство им моего собеседника.

Ситуация обострилась, когда после перерыва в затянувшемся заседании Герек вдруг высказался за Ольшовского как своего преемника. Стало ясно, что они о чем-то договорились. Соотношение сил стало патовым: пять голосов за Каню и пять - за Ольшовского. Оставался один решающий голос самого старейшего члена Политбюро, руководителя польских профсоюзов, имеющего опыт революционной борьбы В. Кручека. Он явно колебался не столько в пользу Ольшовского, сколько сомневался в Кане, как недостаточно проявившем себя в качестве зрелого политического руководителя государственного масштаба.

Забегая вперед, скажу, что сомнения Кручека были обоснованными, его опытное политическое чутье не обманывало. В этом мы смогли убедиться через год, когда Каня оказался политическим банкротом и вынужден был уступить место Ярузельскому.

Слушая первого, затем, уже под утро, другого участника заседания Политбюро, я очень явственно чувствовал весь драматизм сложившегося положения, как будто вместе с ними сам присутствовал там. Ведь теперь у меня выработался такой стиль ведения бесед, который стал привычным для моих собеседников и не вызывал у них недоумения. Особенно мои вопросы, как вел себя тот или иной участник события, с кем соглашался и кому возражал, где сидел (в помещении, например, где проходило Политбюро, я как-то побывал и хорошо ориентировался). Мои отдельные, казалось бы, не имеющие прямого отношения к делу вопросы создавали впечатление сопричастности моей к обсуждавшемуся вопросу и позволяли собеседнику расслабиться, они как бы забывали, что я все же посторонний, поэтому вспоминали многие детали, поначалу ускользнувшие от их внимания. Я научился подстраиваться под их эмоциональное состояние, и беседы проходили как непосредственный дружеский обмен мнениями.

Итак, в решающий момент Кручек высказался за Каню, не преминув сказать, что все же Ярузельский был бы лучше, что, как я понял из наблюдений обоих собеседников, нисколько не обидело Каню.

Политбюро большинством высказалось за рекомендацию Пленуму ЦК избрать новым Первым секретарем ЦК ПОРП Станислава Каню.

Зная очень хорошо этого польского деятеля, я в целом был доволен этим выбором, хотя у меня, как и у Кручека, сохранялись определенные сомнения. Но я надеялся, что Каня, как и раньше, будет опираться в своих делах на опыт и глубокое понимание создавшегося в Польше положения, которые имел его друг и единомышленник Ярузельский. Тем более что последний заверил Каню, что будет всемерно ему помогать.

К сожалению, я ошибался, Каня не оправдал наших надежд, что ускорило его уход с высокого поста.

Он был совершенно прав, когда убеждал Ярузельского согласиться занять этот пост, говоря, что для него "эта шапка Мономаха слишком велика, она не подходит для него".

Теперь мне было интересно, как мой друг Станислав поведет себя в беседах со мной, и был уверен, что хотя и значительно реже, но он не откажется послушать меня, да и сам поделиться своими проблемами. Так и было до самого завершения его политической карьеры в качестве Первого секретаря ЦК правящей польской партии.

Первая наша беседа состоялась практически почти сразу после его избрания, когда я искренне поздравил его с заслуженным успехом в противостоянии с Ольшовским, а он поделился своими переживаниями в связи с тем, что ему пришлось взять на себя такую, как он еще раз повторил, непомерную для него тяжесть и ответственность вместо Ярузельского, который по всем статьям должен был бы и, главное, способен выполнить эту роль в создавшееся сложное время в стране и партии.

В то же время я почувствовал, что Каня по-новому взглянул на себя и дышал уверенностью, что сможет справиться с ситуацией.

Что касается дел партии, то в них он ориентировался значительно лучше Ярузельского, но для меня было сомнительно, что он отдает полный отчет в положении дел в экономике и общегосударственных делах. Здесь его друг был более компетентным, и Каня надеялся уговорить его занять пост премьера.

Так для меня наступил новый этап информационной работы, когда вместо далекого для меня Герека во главе партии и страны встал мой хороший знакомый, весьма дружелюбно относившийся ко мне и никогда не отказывавший во встречах, когда я хотел о чем-то посоветоваться с ним или узнать его оценку событий. Главное состояло в том, что Каня был надежным другом нашей страны и КПСС, убежденным сторонником укрепления польско-советской дружбы и союза.

Можно было ожидать, что новый Первый секретарь ЦК ПОРП будет претворять в жизнь все те принципы партийной и государственной деятельности, за которые он на моих глазах отважно выступал в течение предшествующих десяти лет.

Однако действительность не подтвердила многие наши ожидания. Она показала, что "эта шапка Мономаха" была Кане не по плечу.

При всех своих положительных качествах, он не смог подняться выше смелого тактического бойца до уровня государственного деятеля, способного формировать и отстаивать стратегические цели и задачи правящей партии и государства, охваченного глубочайшим социально-политическим кризисом.

ЭПИЗОД ЧЕТВЕРТЫЙ - ГЕНЕРАЛ ВЫХОДИТ НА АВАНСЦЕНУ

Период руководства партией и страною, выпавший на долю Кани, был исключительно тяжелым. Шла упорная борьба новой нарождавшейся системы государственного устройства против старой, антисоциалистическая оппозиция все шире захватывала своим влиянием рабочий класс и интеллигенцию, выступая с антикоммунистических позиций, тесня монопольное правление партии, которая была вынуждена сдавать один важный рубеж за другим.

В этих условиях Каня не сумел найти путь к восстановлению доверия к партии польских трудящихся, не смог мобилизовать партийный актив вокруг четкой программы выхода из кризиса, которая нужна была как партии, так и всему польскому народу. По существу, у него и не было такой программы, в то время как оппозиция выступала с вполне конкретными лозунгами, привлекавшими прежде всего рабочий класс.

Единоборство Кани во главе все более сомневающейся в нем партии с Лехом Валенсой во главе оппозиции и идущим за ней большинством рабочего класса клонилось в пользу последних.

Для представительства КГБ и для меня лично важно было внимательно следить за развитием положения во всех основных очагах зарождавшихся социальных конфликтов, которые следовали с конца 1980 года один за другим.

Та информация, источники которой находились в партийном руководстве, по-прежнему имела первостепенное значение. Все остальные "очаги", такие, как окружение Леха Валенсы, другие руководящие центры оппозиции, деятельность клерикальных кругов и примаса Польши во главе с католическим епископатом, довольно полно освещались той информацией, которую получали правоохранительные органы и службы безопасности. Сотрудники представительства получали такую информацию на основе соглашения о взаимном обмене оперативными материалами, а также дополняя ее сведениями, получаемыми на доверительной основе в личных беседах с польскими коллегами. Это была та информация, на основе которой польские спецслужбы докладывали свои анализы и оценки положения в стране руководству партии и государства.

Для критической оценки этой информации нужно было знать реакцию руководства ПОРП на оценки спецслужб, а также перепроверять через моих собеседников соответствие этих оценок действительному положению дел в партии и стране. Тем более что они были не свободны от известной ведомственной тенденциозности и учета политической конъюнктуры.

Состоявшийся в середине 1981 года внеочередной IX съезд ПОРП не внес ожидавшегося коренного перелома в положении в партии. Скорее наоборот. Каня, сделав ставку на так называемых центристов, проявил присущую ему энергию и опыт в закулисных делах с тем, чтобы не допустить избрание на съезде в руководящие органы партии тех активных партийных деятелей, которые критиковали его стиль руководства. Так, способные политические руководители

Т. Грабский, С. Кочелек и ряд других принципиальных представителей внутрипартийной оппозиции не вошли в новый состав Политбюро и Секретариата ЦК ПОРП.

Таким образом, Каня лишился поддержки наиболее способных партийных деятелей, вместо которых около Первого секретаря оказались люди, подталкивавшие его на бесперспективные компромиссы и конъюнктурные решения, без четкой линии и какой-либо ясной программной установки на выход из кризиса как в стране в целом, так и в партии. В результате руководство партии проявляло растерянность перед стихийным развитием событий, умело направляемых антисоциалистической оппозицией в русло своей программы захвата власти.

Трехмесячный послесъездовский период, который характеризовался лихорадочными метаниями Кани из одной крайности в другую, привел к очередному фиаско его как Первого секретаря. Назрела новая смена руководящей команды в стране.

Решение об отставке Кани и избрании в качестве Первого секретаря ЦК ПОРП Ярузельского свершилось на IV Пленуме 18 октября 1981 года. Этому Пленуму предшествовало новое драматическое заседание Политбюро, на котором решался вопрос об отставке Кани и выборе кандидата для рекомендации Пленуму опять же из двух - Ярузельского и Ольшовского.

На этот раз мне пришлось столкнуться с еще более сложной ситуацией, чем в сентябре 1980 года. По моим достоверным сведениям, полученным перед заседанием Политбюро от ряда участников предстоявшего обсуждения, в том числе из бесед с Ярузельским и Каней, было ясно, что Каня, можно сказать, вошел во вкус положения первого лица в государстве и не имел никакого желания покидать свой пост, забыв начисто о своем прежнем заявлении о несоответствии для него "шапки Мономаха". Он явно не желал критически оценить результаты своего руководства партией.

Ярузельский, в свою очередь, который уже с февраля 1981 года был премьером и вдоволь вкусил неимоверных трудностей управления разрушенным хозяйством страны в условиях глубочайшего кризиса, по-прежнему не соглашался на предложение большинства членов Политбюро возглавить партию.

Третий кандидат - С. Ольшовский, - наоборот, горел желанием дорваться до власти, добиваясь реванша за поражение в сентябре 1980 г. от Кани.

Для нас было ясно, что уход Кани предрешен, предстоящий Пленум ЦК решит это однозначно. Настроение большинства членов Центрального комитета было таковым, что Каня должен был бы проявить инициативу и сам заявить об отставке. Но он так и не понял своего

действительного положения руководителя, потерявшего доверие партии, кризис в которой при нем только углубился.

При создавшемся положении шансы Ольшовского резко возрастали, если Политбюро не удастся добиться изменения позиции Ярузельского.

Поскольку в случае согласия В. Ярузельского избрание его было обеспечено, что хорошо понимал Ольшовский, он делал все, чтобы поддержать известную ему позицию Ярузельского, настраивал на это и своих сторонников.

Все должно было решиться на заседании Политбюро, исход которого был крайне небезразличен нам, поскольку негативное отношение к Ольшовскому за прошедший год его деятельности под руководством Кани не уменьшилось, а скорее возросло из-за его политических зигзагов.

Итак, мне было не только важно сразу же знать результаты заседания Политбюро, но и крайне интересно побывать заочно на этом заседании. В этом мне помогли как герой заседания, с которым я сумел перекинуться несколькими словами в основном по телефону, так и те члены руководства, с которыми мне удалось побеседовать перед началом Пленума, в ходе Пленума, во время перерыва его работы и по окончании.

На основании весьма выразительных, порою очень эмоциональных (С. Каня), сдержанно взвешенных (В. Ярузельский), остро критических (М. Милевский, Б. Стахура) и даже иронических (С. Ольшовский) рассказов мне удалось довольно подробно воссоздать ход обсуждения на Политбюро.

Оценивая возникавшую перед моим мысленным взором картину десяти озабоченных своими думами и размышлениями участников обсуждения, слушая в передаче моих собеседников их высказывания, я отбрасывал то, что явно было плодом субъективного отношения, продиктованного симпатией или антипатией к выступавшим на заседании. Из всего услышанного вытекало, во-первых, что Каня не ожидал, что все члены Политбюро легко согласятся с его отставкой. Во-вторых, Ярузельский почти до конца заседания оставался верен своей натуре, уклонялся от определенного "да", выдвигая разные аргументы, "выторговывая" оставление за собой всех предыдущих позиций - премьера и министра обороны.

По мере того как Ярузельский ослаблял твердость своего отказа, Ольшовский, понимая, куда ведет ход обсуждения, мрачнел. Тем более что большинство членов Политбюро явно отдавали предпочтение Ярузельскому, а с его кандидатурой может согласиться "на худой конец", если все же Ярузельский не даст согласия.

После каждого очередного отказа Ярузельского кто-то из сторонников Ольшовского высказывался за него, но эти выступления звучали слабо, внимание большинства сосредоточивалось на том, чтобы убедить Ярузельского взять на себя этот "огромный груз", в добавление к тому, что он уже "успешно несет". Эти позитивные слова в его адрес генерал воспринимал явно с удовольствием, однако, как показалось одному из собеседников,

Ярузельский вел себя, как царь Иван Грозный, которого бояре умоляли вернуться к управлению русской землей. Зная большую эрудированность Ярузельского в нашей истории, я мог поверить, что он про себя думал "просите, уговаривайте, а я покуражусь", с тем чтобы исключить в будущем жалобы на его генеральскую жесткость в управлении. Но думаю, что мой собеседник преувеличивал. Генерал, безусловно, мог быть неуверен в том, что ему удастся справиться с управлением страной, сотрясаемой социально-политическим и экономическим кризисом.

Однако, полагаю, что в его окончательном решении могла сыграть роль и доведенная до него позиция ЦК КПСС, который предпочел бы видеть Первым секретарем ЦК ПОРП не С. Каню, а его. Ему в Москве доверяют и верят в его способность найти выход из трудной ситуации, в которой оказалась Польша.

Пленум, узнав о единогласном решении Политбюро рекомендовать на пост Первого секретаря ЦК В. Ярузельского, также почти единогласно проголосовал за него.

Через два с половиной месяца Ярузельский, исчерпав возможности прийти к соглашению с "Солидарностью", нашел тот выход из чрезвычайно опасного, грозившего кровопролитием положения, на который надеялись и у нас: объявил о введении в стране военного положения. Он повел страну к постепенному оздоровлению обстановки и нормализации внутриполитического положения, преодолевая внешнюю блокаду Запада с помощью Советского Союза. В том, что предпринятые им крайние меры не разрешили основных проблем народной республики, а лишь отсрочили конец социалистического режима на 10 лет, едва ли можно винить Ярузельского.

Приведенные эпизоды ЗП показывают лишь некоторые кульминационные периоды из тех многих десятков и даже сотен аналогичных ситуаций, которые мне довелось пережить и в которых я действовал примерно так, как и описал.

Конечно же, не все мои беседы, многочисленные встречи были связаны с ЗП, этим методом я пользовался избирательно и естественно, когда речь шла не об одном-двух участниках интересовавших меня событий. Можно приблизительно сказать, что этот весьма трудоемкий и сложный психологический метод использовался мною в 10-15 процентах моих бесед, но он оказался крайне плодотворным.

Полученная мною в результате информация позволила ни разу не ошибиться в оценках и прогнозах развития событий в стране, действиях ее руководства, деятельности внутренней и внешней оппозиции.

При этом мне очень активно помогал личный состав представительства как наблюдением за обстановкой, так и многочисленными беседами, которые сотрудники проводили с польскими коллегами на службе и вне ее. Без их помощи одних моих ЗП было бы недостаточно, а некоторые из них я просто не смог бы осуществить. В тот период многочисленных ночных бдений я часами ожидал кардинальных решений или каких-то иных особо важных событий в Польше, а затем также часами вел беседы, основное содержание которых и возникавшие в

процессе их впечатления, выводы и догадки нужно было держать в памяти, чтобы затем извлечь их оттуда и сформулировать сжато и точно в информационной телеграмме в Центр, часто сразу же ночью или после бессонной ночи утром, так как в Центре ждали мою информацию. И я могу сейчас только удивляться, как это мне тогда удавалось.

Думаю, что при этом работала не только сознательная память, но и та, что является основой интуиции. Ведь в процессе нашего восприятия событий, окружения, разговоров всевозможная информация входит в нашу память и не только та, что мы хотели бы сознательно запомнить, но и все прочее, что видят глаза, слышат уши и воспринимают чувства. Все это "прочее" оседает в подсознании. И вот когда вспомнишь то, что хотел обязательно не забыть, вдруг в памяти всплывает такой эпизод беседы, который по-новому освещает создавшееся впечатление, что можно только удивляться. Мне в то далекое время эта поразительная способность нашего мозга помогала проникнуть в суть происходившего при ЗП, интуитивно понять то, о чем сознательно я и не подозревал. Последующая проверка подтверждала мои догадки.

Интуиция вообще и разведывательная в особенности способствовала повышению результативности бесед с целью ЗП. Знать, что ожидает собеседник от меня, а также на какие вопросы он будет готов реагировать спокойно, а какие лучше не задавать, было очень полезно.

Совсем неожиданное подкрепление моему методу добывания информации я получил от автора рассказа "Сенатор Браун сообщил" (Новости разведки и контрразведки. 1996, N 17), в котором автор точно определил принятое во внешней разведке понятие о методе получения информации "втемную". Правда, существенным отличием использовавшегося мною метода явилось то немаловажное обстоятельство, что все мои собеседники знали о том, что я разведчик. Кроме того, мои собеседники не были стихийно попадавшими в поле моего внимания людьми, встречи с ними планировались мною, и предпосылки для этого заранее создавались мною.

При этом у меня не только отсутствовали агентурные источники, но имелось и категорическое запрещение пользоваться разведывательными методами и приемами.

Вот что писал В. Кукушкин о методе "втемную". "Означает это на нашем жаргоне следующее: совершенно открыто, часто официально общаясь с каким-либо политиком, дипломатом или журналистом, так строить беседу, задавать такие вопросы и так реагировать на слова собеседника, чтобы он зачастую незаметно для себя самого рассказал нам все, что ему известно по обсуждаемому вопросу. По моему глубокому убеждению получение информации "втемную" - это своего рода высший пилотаж в разведывательной деятельности...

Конечно, было бы неверно считать этот способ добывания информации основным. Он никогда не заменит документов, полученных агентурным путем".

Однако должен признаться, что не так уж все и всегда проходило гладко в сложной работе по ЗП. Пришлось мне переживать неприятные минуты, когда отдельные мои собеседники, получая от меня то, что их интересовало, свои оценки ограничивали однозначным "да" или "нет", не позволяя мне проникнуть во внутренний мир события.

Вообще, пусть у тебя, читатель, не создается впечатления, что с информационной задачей у меня все складывалось только хорошо и безоблачно. Отнюдь нет.

За первые три года работы в качестве руководителя представительства КГБ отношения с Центром сложились для меня крайне неблагоприятно, в основном по двум направлениям.

Во-первых, мои оценки положения в стране, руководстве партии и об отдельных польских политических деятелях, включая Герека и Шляхтица, шли вразрез со сложившимися в Центре, в ЦК КПСС и в МИД СССР. Информация представительства КГБ опровергала прочно сложившиеся в Москве стереотипы.

У меня возник конфликт из-за расхождений в оценке фигуры Шляхтица, о чем я уже упоминал (эпизод первый).

Более серьезное противостояние с Центром возникло из-за информации и выводов представительства о положении в Польше и ошибочности социально-экономической политики Герека. В этом случае активные возражения против наших оценок выставляло посольство СССР во главе с послом С. А. Пилотовичем. Суть нашей позиции сводилась к тому, что после бурных событий декабря 1970 года положение в Польше не улучшилось, зрел новый социальный кризис, а руководство Герека отказывалось от трезвой оценки действительной ситуации и представляло положение перед ЦК КПСС в необоснованно оптимистическом виде. В этом плане шла и информация посла, который ограничивал свои связи только узкой группой приближенных Первого секретаря, избегая встреч и бесед с другими членами высшего руководства, критически настроенными к тандему Герек-Бабюх.

Поскольку информация посла вполне устраивала центральные инстанции, недовольство информацией представительства КГБ росло и создало к 1975 году реальную угрозу отзыва меня "как не обеспечивающего поставленные задачи". Только неприятные события июня 1976 года подтвердили правоту оценок и прогнозов представительства и опровергли благодушную позицию посольства. Можно сказать, не было бы счастья, да несчастье (поляки) помогло (смотри "эпизод второй").

В общем в работе по информационной линии мне пришлось с самого начала столкнуться не просто со стереотипами мышления в Центре, которые не отвечали действительности, которую я наблюдал в Польше. Если пользоваться научной терминологией, то можно сравнить сложившиеся устаревшие суждения, подходы к оценке событий и их участникам как настоящие парадигмы в науке, то есть устоявшиеся положения, с которыми ученые сливаются настолько, что и не мыслят иных возможностей, иных толкований, кроме тех, что их парадигма предполагает. Такой парадигмой вырабатывается психологическая установка, при которой проблемы искренности, достоверности отходят на второй план, и парадигма признается уже по инерции потому, что ее принимают другие, потому что ее принимали до нас (Сухотин А. Парадигмы науки. М., Молодая гвардия,
1978).

Вот и мне пришлось преодолевать такие "парадигмы" Центра, которых придерживались ЦК КПСС, МИД СССР и, следовательно, руководство КГБ в отношении оценок польского партийного руководства и, в частности, первого секретаря ЦК ПОРП Е. Герека, члена Политбюро ЦК Ф. Шляхтица и других.

Вот когда я понял все трудности, с которыми сталкиваются ученые-новаторы, и я искренне посочувствовал им, испытав на себе почти двухгодичное недовольство моей строптивостью в отстаивании новых оценок положения в Польше, ломавших прежние стереотипы.

Поскольку одним из главных критериев разведывательной информации является достоверность, получаемые сведения я передавал в Центр максимально точно, без внесения в них посторонних моментов, невзирая на то, расходится ли она со сложившимися в Центре оценками или в чем-то подтверждает их. Это и позволило мне добиваться максимальной достоверности и объективности.

Ошибочная позиция Пилотовича ускорила его отъезд из Польши. С новым послом Б. И. Аристовым у меня сразу же сложились не только хорошие личные отношения, но, что главное, полное единство в понимании задачи объективного анализа положения в стране. За пять лет совместной работы у нас только однажды возникло серьезное расхождение, но не в оценках, а в совершенно другом плане.

Это было то второе осложнение, возникшее в один из напряженнейших моментов процесса изменения в руководстве в партии, описанных в эпизоде третьем.

Поскольку посол знал о моих встречах со многими членами высшего польского руководства, чего ни я, ни польские деятели не скрывали от него, он посчитал это нарушением установленного порядка в дипломатической практике.

В один из вечеров, в канун IV Пленума ЦК ПОРП в сентябре 1980 года, Борис Иванович вдруг пригласил меня к себе и заявил, что мне следует прекратить встречи с польскими деятелями, занимавшими высшие посты в партии и правительстве, поскольку-де эта номенклатура входит в компетенцию посла и он один должен встречаться с ними. Естественно, я аргументирование отклонил притязания посла, заявив, что его тезис в принципе не верен и мне дано право встречаться с любым человеком, если он этого пожелает. Кроме того, заметил я, мое знакомство с этими деятелями началось давно, еще до его приезда, и если я вдруг перестану откликаться на их желание побеседовать со мной, это будет не только некрасиво, но и неестественно после многих лет общения и, очевидно, может быть воспринято с нежелательными последствиями и для посольства. Но посол не пожелал понять абсурдность своего требования. Тогда я предложил передать этот вопрос на рассмотрение наших руководителей: Громыко и Андропова, с чем он согласился.

На другой день Аристов сообщил мне, что в Москве решено все оставить так, как есть, сохранить статус кво, но я "должен информировать его о результатах бесед". Последнее не имело никакого значения для меня, так как о сути получаемой информации я и так сообщал

послу, правда, как правило, не называя авторов их, за исключением тех случаев, когда такой собеседник сам просил что-то передать послу.

В целом наше сотрудничество с послом было плодотворным и настолько хорошим взаимодействием, что многие наиболее ответственные оценки положения в Польше и наши предложения в Центр мы составляли и подписывали вместе.

Многочисленные операции заочного проникновения позволили сделать много любопытных наблюдений за личностями, в общем-то, незаурядными, видными политическими деятелями, игравшими на различных этапах польской истории 70-х и 80-х годов ведущие роли.

Например, я убедился, что многие из них не склонны были к анализу самих себя, к обстоятельной самооценке своей личности. А ведь это позволило бы корректировать свое поведение, уточнять свои жизненные цели, устранять многое из того, что порою искажает впечатление окружающих о них, снижает эффективность деятельности и даже портит жизнь.

Наиболее разительный пример тому мой постоянный собеседник Станислав Каня. Он, я думаю, никогда не смотрел на самого себя глазами других. Будучи исключительно энергичным человеком, деятельным политиком, особенно в области организации политических комбинаций, он всегда сам определял действия за других, поступал так, как подсказывал ему его самоуверенный характер, и допускал массу ошибок, будучи хорошим тактиком, оказывался подчас беспомощным в определении долговременных перспектив, был слабым стратегом.

Не умея критически подходить к самому себе, он не принимал и критику со стороны других, что усугубляло его ошибки.

Интересно в этой связи определение, данное американским психологом Майклом Розенбергом, наших представлений о самих себе. Он считает, что в них всегда содержатся многие "я": то, которое соответствует представлению личности о себе в данный момент; динамическое "я", то есть такое, каким личность хотела бы стать; "я" идеальное, то есть такое, каким личность могла бы стать при максимально благоприятных условиях; наконец, возможные в будущем "я", то есть реально доступные.

Кроме того, существует "я" такое, которым было бы приятно видеть себя, то есть идеализированное, являющееся комбинацией из истинного, идеального и будущего.

Помимо этих образов "я", у каждого человека имеется много показных "я", различных личин, представленных на обозрение с целью прикрыть негативные, сугубо интимные или болезненные черты и характеристики истинного "я".

Беседуя с разными по своим истинным "я" собеседниками, я пытался разобраться в тех возможных "я", которые могли и на самом деле определяли их поведение, действия, степень откровенности со мной.

Как отмечал в своем программном выступлении на заседании польского сейма в апреле 1981 года в связи с назначением на пост премьера Ярузельский, "польские проблемы оказались в орбите активной враждебной деятельности. Строятся расчеты... превратить нашу страну в "Троянского коня" в социалистическом содружестве".

В период кризиса 1980-1983 годов наша информация подтверждала этот тезис Ярузельского. Но чтобы вскрыть всю иезуитскую политику враждебных социализму сил не только, да и не столько против Польши, как против Советского Союза, приходилось использовать весь свой опыт и все доступные нам возможности получения информации. Кстати, уже упоминавшийся автор подчеркивал важность для правильного прогнозирования способности определять и взвешивать различные факторы, оказывающие влияние на развитие обстановки, и понимать динамическое переплетение этих факторов (Хильмен Р. Внутриполитическая подоплека разработки политики в области обороны и внешних сношении. Нью-Йорк, Харпер и Роу, 1971).

Так мы и поступали в представительстве, успешно решая одну из главных наших задач. Об этом свои свидетельства я изложил в книге, которую назвал "Кризисная Польша и ее руководители глазами разведчика", изданной в Варшаве (правда, под другим названием) (Павлов В. Я был резидентом КГБ в Польше. Варшава, 1994).

В заключении этой главы хочу отметить, что будучи совершенно легальными, никогда не выходя за рамки дипломатической практики, мои заочные проникновения обеспечивали получение не только общеполитической, но и разведывательной информации. Будучи безусловно безагентурными и никак не шпионскими, они строились не просто на выколачивании секретных сведений, как писали польские средства массовой информации в связи с необоснованными обвинениями в адрес бывшего премьера Польши Олексы в 1996 году. Нет, мои встречи и беседы основывались на взаимном интересе. При этом ни о каком угодничестве перед Советским Союзом и тем более КГБ, как оскорбительно для поляков писали отдельные комментаторы дела Олексы, со стороны моих польских собеседников не было и намека. Только взаимное уважение, общая заинтересованность в укреплении польско-советских отношений.

Как показали события 1996 года в Польше, а именно: абсурдное обвинение Олексы в шпионаже в пользу России только на основании того, что премьер встречался с россиянами, враждебные нам силы в современной Польше паразитируют на прежних заблуждениях, остающихся живучими в Западном мире со времен "холодной войны".

Прав был Гёте, говоривший, что "новой истине ничто так не вредит больше старого заблуждения" (Гёте И. В. Собр. соч. Т. 8. М., 1979, с. 413).

Если исходить из той посылки, что выдвигали в поддержку своих утверждений обвинители Олексы, то следует считать, что я был агентом польских руководителей различных рангов, а они, в свою очередь, моими, то есть агентами КГБ. При этом их набралось бы человек 35-40 из числа тогдашних членов Политбюро, Секретариата ЦК ПОРП, министров, первых секретарей

воеводских комитетов партии и других моих многочисленных знакомых. А в самом МВД таких было человек сто.

Описав свою не совсем обычную информационную деятельность в Польше, мне захотелось под конец своих настоящих воспоминаний поделиться мыслями о "разведывательной литературе", которая во многом помогала мне в нахождении наиболее оптимальных форм общения со своими собеседниками.

Но прежде хотел бы выразить глубокую признательность всем моим собеседникам, многие из которых стали моими близкими друзьями, за их искреннюю помощь мне в понимании Польши, ее замечательного народа, с богатой национальной культурой, нравами и обычаями, оказавшимися так близкими и понятными нам, русским. Помогая бескорыстно мне, они помогали сближению наших народов, их дружбе, которую хотели бы разрушить наши общие недруги.

МЫСЛИ О "РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ"

Западные специальные службы уделяют большое внимание использованию всех возможных средств для пропаганды деятельности своих служб, восхвалению их "высоких" миссий и подрыву престижа бывших восточноевропейских социалистических режимов и их спецслужб. Для этого хороши все средства, в том числе и литература.

Вот один из примеров.

Один из наиболее популярных во Франции да и за ее пределами "сказочник" на темы о шпионаже Жерар де Виллью создал собственного французского Джеймса Бонда - князя Линге, агента всех разведок по очереди, пользующегося благосклонным вниманием и поддержкой французской, английской и американской разведок. Автор открыто утверждает, что его книги, в которых советские спецслужбы фигурируют только в негативном, чаще зловещем облике, впервые попали в Советский Союз в 70-е годы. Тогда бывшее резко антисоветским издательство "Посев", которое финансировалось ЦРУ и западногерманской разведкой БНД, переводило на русский язык, издавало и нелегально переправляло труды Жерара де Виллью в нашу страну. Естественно, князю Линге противостояли и обязательно терпели сокрушительное поражение агенты КГБ - все, по утверждению автора, бабники и пьяницы.

Уже один тот факт, что издатели "Посева" и его хозяева в ЦРУ и БНД считали целесообразным затрачивать усилия и деньги для организации нелегальной доставки этой макулатуры в Союз говорит о том, какие расчеты на разлагающее влияние ее на наше общество возлагали эти западные спецслужбы.

Мне не хотелось бы, чтобы из этих слов создалось впечатление о моем якобы негативном отношении к шпионской литературе вообще. Ни в коем случае.

Я за хорошие художественные произведения любого жанра. Что касается книг на тему о разведке, то моими излюбленными авторами были и остаются Грэм Грин и Джон Ле Карре. И они отнюдь не просоветские или прокоммунистические писатели.

Но, во-первых, это действительно большие художники и реалисты, люди глубоких чувств и понимания той области человеческой деятельности, о которой они так интересно и многообразно писали и которой они сами не чуждались, разведка занимала определенное место в их жизни.

Во-вторых, они, как талантливые писатели, глубоко психологически проникают в мир переживаний разведчиков и описаниями этого психологического мира многому учат и самих разведчиков-практиков.

Наконец, их книги имеют большое общечеловеческое значение, они способствуют воспитанию чувства долга, благородства и патриотизма, а также ненависти ко всему несправедливому, злому, нечестному.

Не буду распространяться в оценке их произведений, оба эти писателя, каждый на свой творческий манер, представляют современный мир и деятельность в нем специальных служб достаточно объективно, не уклоняясь от откровенных разоблачений тех негативных явлений, которые свойственны спецслужбам и их сотрудникам, малоизвестных общественности в силу специфичности их деятельности и секретности, позволяющей скрывать свои пороки и ошибки, а часто беззаконие и жестокость.

Произведения обоих писателей так близки моим личным представлениям о спецслужбах, что часто я нахожу в их книгах высказывания и оценки, которые возникали и у меня в процессе разведывательной работы. Это и не удивительно, ибо эти писатели так прочно связаны с действительностью, что их часто цитируют в различных публикациях на страницах журналов и газет при обсуждении происходящих в мире событий.

Уход из жизни Грэма Грина не мешает оставаться ему действующим в современности, а Ле Карре пишет о новой России, о ее спецслужбе, на сотрудничество с которой, например, согласился агент МИ-6 в новом его романе "Русский дом". А в последней своей книге "Наша игра" он обрушивается со справедливой критикой в России и Запада в связи с событиями в Чечне и вокруг нее. Пусть не все правильно в устах писателя в этой книге, не все он знает и видит. Главное - его стремление к утверждению справедливости на земле и смелая решимость полным голосом взывать об этом к сильным мира сего.

В книге Ле Карре разведчики - не бездушные исполнители приказов, они личности со всеми присущими живому существу человеческими слабостями и сомнениями, сильными страстями. Но преобладает в них человечность, хотя порою и замаскированная грубостью и даже жестокостью. Ле Карре не остается равнодушным наблюдателем, но и не занимает крайних позиций, он скорее справедливый арбитр. Это очень наглядно показано в его романе "Русский дом".

Окончание "холодной войны" не застало его врасплох, как большую часть писателей на Западе, занимавших крайние позиции. Они потеряли врагов и оказались в тупике.

Интересно высказывание Ле Карре: "Война в Заливе и крах коммунизма, казалось, означают торжество Запада. Однако морально он оказался абсолютно не готовым к победе. Европа и Америка как никогда нуждаются в новых идеях. Между тем везде лишь апатия и опасное разочарование в политике" (Известия. 1994, 26 июля).

Несмотря на то что критики обвиняли Ле Карре в отсутствии патриотизма, в действительности его книги проникнуты чувством нужности и полезности разведки для его государства. При этом он не уклоняется от жесткой критики как своей разведки, так и других западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ.

Интересно его замечание, проникнутое глубоким смыслом, профессиональным пониманием разведывательного процесса, о разнице между британской разведкой СИС и американской ЦРУ: "Основное различие между СИС и ЦРУ состоит в том, что ЦРУ хочет заполучить Андропова, в то время как мы (то есть английская разведка) хотели бы иметь агентом его личную доверенную машинистку" (Ньюсуик, 1983, 7 марта).

С самого первого своего романа "Шпион, вернувшийся с холода" он превратился в популярного автора шпионских романов. Однако помимо читательского интереса к его книгам, меня привлекают его проникнутые профессиональным пониманием разведывательные проблемы, вокруг которых развертывается жизнь и деятельность его героев, таких, как ставший всемирно известным Смили, начавший свою литературную жизнь с первого романа Ле Карре.

Мой интерес к Ле Карре увеличивала сама биография этого писателя. Будучи призванным в армию, он приобщился к военной разведке в девятнадцатилетнем возрасте в Австрии.

Позже он хорошо узнал Германию и немцев, был свидетелем в августе 1961 года появления Берлинской стены.

В 1956 году, после окончания Оксфордского университета, Ле Карре был некоторое время на преподавательский работе, затем был зачислен на дипломатическую службу. Здесь два года в его биографии остаются незаполненными. Как можно предполагать, его взяла к себе МИ-5 и учила контрразведывательной профессии.

Поскольку он числился на дипломатической службе, он получил пост в Бонне и перешел в ведение разведслужбы МИ-6. Там он испробовал себя в качестве писателя, и после успеха романа "Шпион, вернувшийся с холода" покинул дипломатическую службу и стал профессиональным писателем.

Меня привлекает в его книгах склонность героев к размышлениям, они в его романах постоянно задавались вопросом, как отличить добро от зла в различных жизненных ситуациях, в которых они оказывались и действовали.

Говоря о том, как он стал писателем, Ле Карре утверждает, что им сделала его служба МИ-5, то есть британская контрразведка, о которой он отзывается не очень лестно. Вот что он говорил: "Наши начальники ненавидели друг друга в силу причин, которые нам, новичкам, не было дозволено знать. Еще больше они ненавидели нашу "сестрицу" МИ-6, то есть разведку. Они ненавидели политиков, коммунистов и многих журналистов" (Санди Телеграф, Лондон, апрель 1992).

Описывая своих коллег по спецслужбе, Ле Карре отмечал, что яркая одаренность тесно соседствовала с поразительной некомпетентностью. Похоже, трудно было ему, новичку, разобраться, когда и что ожидать от них. Порою он задавал себе вопрос: "А не притворяются ли они дураками из хитрости и, может, где-то существует настоящая, эффективная секретная служба? Позже, в своих произведениях я сочинил такую. Но, увы, реальностью была посредственность" (Санди Телеграф, 1992, апрель).

Как эти слова перекликаются с оценками другого французского мастера криминальных произведений Жюля Мегрэ: "Алчная погоня за деньгами, любовные обиды, преступная жестокость - вот судьба, общая для всех, не только преступников".

Полагаю, что не следует позволить, чтобы его резкая, но вполне справедливая, на мой взгляд, критика России за события в Чечне в 1994-1995 годах в его новой книге "Наша игра" набрасывала негативную тень на его творчество. Разве не прав он, говоря, что Запад, выиграв "холодную войну", просто не может позволить себе "уйти от последствий своей победы - ни в Боснии сегодня, ни в Чечне и Ингушетии завтра, ни на Кубе - послезавтра" (Известия. 1994, 21 декабря).

Ле Карре продолжает плодотворно трудиться. Вот уже появился новый его роман "Ночной администратор", в котором речь идет о новой, наиболее актуальной сейчас теме для разведки - о наркобизнесе и мафии. Надеюсь, что этот одаренный "глашатай разведки" подарит миру еще не одно свое произведение.

Что касается Грэма Грина, то мое знакомство с ним началось с его замечательного произведения "Наш человек в Гаване". Для того чтобы так тонко и беспощадно высмеять негативные стороны разведывательной службы, особенно в тех случаях, когда ею руководят бездарные карьеристы.

Но Грин не только критиковал, он и любил эту область человеческой деятельности, которая очень близко сочетается с писательским творчеством. Ведь и та и другая область имеет дело с человеческим фактором, роль которого в человеческом обществе автор так талантливо представил в одном из лучших своих романов под этим заголовком.

Не случайно и то, что Грин почти всю свою жизнь был связан со спецслужбой - британской разведкой МИ-6, которую он шутливо называл "лучшим туристическим бюро в мире". Вероятно потому, что в связи с поручениями МИ-6 он за счет этого "бюро" смог объездить почти все страны мира, мастерски используя знакомство с новыми уголками земного шара в своих "разведывательных" романах.

Однако по свидетельству его биографа Майка Шелдона, будучи связан с МИ-6 почти всю сознательную жизнь, штатным разведчиком он был всего три года - во время второй мировой войны под кодовым номером 59200 (Дейли Телеграф, 1994, июль). Именно под этим номером представил автор своего героя в романе "Наш человек в Гаване". Кстати, во время работы в МИ-6 начальником Грина был наш прославленный разведчик Ким Филби.

В 1968 году Грин написал блестящий рассказ о бегстве его начальника, Кима Филби, которого он считал своим другом. В этом рассказе он продолжил развитие своего тезиса о шпионаже, представленного им в романе "Человеческий фактор". Грин дает очень интересную оценку значения "бегства" Филби в Союз: "Шпионаж превратился в область психологической войны, главной целью которой стало вызывать недоверие союзников во враждебном лагере. Ценность Филби для Советского Союза состояла не столько в информации, которую он добывал, сколько в крушении доверия, вызванном его разоблачением. Шпион, которому позволяют делать свое дело без помехи, является менее опасным, чем шпион пойманный. Запад пострадал больше от бегства Филби, чем от его шпионажа" (Ньюсуик, 1978, 13 марта).

Это высказывание Г. Грина во многом объясняет для меня стремление руководителей британских спецслужб по тихому договариваться с разоблаченными агентами-"кротами" в их разведке, - А. Блант, член "пятерки" Филби, который, после того как сознался в сотрудничестве с внешней разведкой, не только не был наказан, но еще долгие годы занимал очень престижный пост "королевского эксперта" в области искусства.

Формально Грин расстался с МИ-6 в 1944 г., но продолжал выполнять отдельные поручения этой службы, с которыми только в конце 40-х и в 50-х годах побывал в Берлине и Праге, Сайгоне и Ханое, Москве, Варшаве, Гаване. Посетил в 60-е годы Восточный Берлин, Белград и Бухарест.

Интересно, что ставший в 1973 году Генеральным директором МИ-6 Морис Олдфилд, поддерживал связь с Грином с конца 50-х до конца 70-х годов.

Очевидно, помимо работы в МИ-6 продолжению многолетней связи Грэма Грина с британской разведкой способствовало и то, что ему легко было помогать этой службе. Часто отдельные поручения было сподручнее выполнить литератору. Так, он мог получить доступ к высокопоставленным лицам. "Лидерам, как Фидель Кастро на Кубе, Хо Ши Мин во Вьетнаме или Омар Торрихос в Панаме, не приходило в голову относиться к нему иначе, как к дружественному литератору" (Дейли Телеграф, 1994, июль).

Связь с МИ-6 не помешала Грину оставаться писателем прогрессивных взглядов, разоблачающего в своих произведениях амбициозные претензии Вашингтона на мировое господство.

Вот достойный пример выдающегося человека, писателя с мировым именем, не чуждого оказать посильное содействие своей отечественной разведке и считающего это своим патриотическим долгом. А некоторые наши писаки, порою еще не создавшие ни одного

достойного произведения, не устают искать "пособников" внешней разведки, силятся показать такую связь как "порочащую и вредную", в то же время восхваляя предателей и изменников.

Через пять лет после смерти величайший британский писатель, романы которого прочитаны миллионами людей с большим интересом и хорошо приняты, предстает сейчас в новых исследованиях некоторых критиков в несколько ином свете.

Это прежде всего касается его морально-нравственного облика. Его биограф Майкл Шелдон, совсем не уважающий писателя, полагает, что романы Грина о грехе "были всего лишь кокетливой игрой, порожденной его лживой жизнью и глубочайшим презрением к читателю" (За рубежом, 1996, N 49).

Мне было странно читать эти строки, принадлежащие человеку, который, казалось бы, должен понимать лучше и глубже всех сложную и насыщенную активной деятельностью жизнь писателя, в том числе на пользу Родине.

Почти всю свою сознательную жизнь, начиная с 20-летнего возраста, Грэм Грин помогал британской разведке, хотя и мог ее не уважать и подвергать жесткой критике в своих произведениях. Эта его активность, естественно, требовала неординарного поведения, связанного и с отклонениями в нравственном отношении и "лживостью", то есть конспирацией своей разведывательной деятельности. Но она же и давала ему богатейший материал для его романов.

В заключение об этом писателе хочется отметить недавнее событие, уже после его кончины в 1991 году.

В 1994 году его наследники собрались продать его библиотеку, насчитывавшую около 3 тысяч томов. Но, что характерно, в этой библиотеке не было книг в блестящих переплетах, ни одного дорогого издания, раритетов, но много простых книг, и в каждой тысячи его пометок, многие книги он использовал как записные книжки. Например, 13-томное издание Чехова, любимого из русских писателей, содержит сотни рукописных записей Грина, относящихся к работе над его романом "Комедианты", сюжеты для нескольких его рассказов.

Вся его квартира - свидетельство поразительной скромности писателя.

Автор романа "Наш человек в Гаване" получал много писем - до 200 ежемесячно - и на все аккуратно отвечал. За свою жизнь он написал их до 50 тысяч, а копии сохранил. Эта переписка, без сомнения, представит большой интерес для читателей, и я надеюсь еще ознакомиться с нею в недалеком будущем.

Должен сказать, что не только личности Джона Ле Карре и Грэма Грина, но их идеи, мысли и оценки разведывательной деятельности порой поражали меня своей точностью и проникновением в суть нашей профессии. Их произведения всегда будят новые мысли о разведке, о сущности ее целей и задач, о роли отдельных разведчиков и агентов. Совсем недавно я обратил внимание на интересное замечание французского журналиста Жан-Мари

Руара, сравнившего разведчика со священнослужителем (Фигаро. 1994, июль). При этом он отметил, что не случайно разведчик и служитель культа, как правило, являются героями романов крупнейшего английского писателя Грэма Грина.

Это замечание заставило меня задуматься, так ли правильно сравнение секретных служб с религиозными культами.

Действительно, и разведывательная служба, и религия основаны на строгой вере: у священника - в правоту церкви, у разведчиков - в руководство службы, представителей верховной власти в стране. Без такой веры не было бы религии, но без уверенности и преданности своей службе не было бы и разведки. И в обеих этих сферах человеческой деятельности строго соблюдается это условие.

Например, думал я, совсем недавно, когда один священник в Англии громогласно заявил о том, что Бога нет, верховная церковная власть немедленно отстранила его от руководства приходом.

Но и в разведке не верящие в правоту своего дела разведчики немыслимы, это потенциальные предатели или, по меньшей мере, ренегаты, такие, как появившиеся сейчас, задним числом, причисляющие себя к "борцам с системой", после того как их выбросили из разведки. Вот один такой недоумок в сентябре 1994 года разразился в газете "Известия" статьей, в которой тужится очернять разведку, которая его воспитала и дала возможность сделать карьеру, а затем, уличив в лживости и лицемерии, выбросила из своих рядов, как ранее некого генерала, ставшего врагом ведомства, присвоившего ему высокий титул и давшего многие награды. Правда, у этого перевертыша не хватает мужества отказаться от звания и наград, которые дала ему служба "нечестная, неправдивая".

Обе службы: и церковь, и разведка, не терпят отход от веры. Церковь ранее жестоко карала отступников, посылала их на костры. Сейчас в большинстве цивилизованных стран это осталось в прошлом. Но на Востоке и теперь еще религия часто жестоко наказывает нарушителей ее канонов. И не только своих верующих, но и тех, кто, по мнению мулл, раввинов и других ревнителей веры, оспаривает их принципы. Достаточно вспомнить "смертный приговор" со стороны иранских фундаменталистов писателю Салману Рушди.

Разведки всего мира тоже не склонны гладить по головке своих отступников. Многие из них при первой же возможности до сих пор карают их смертью. Так было и у нас при Ежове-Берии и даже несколько позже, в первые послевоенные годы, очевидно, по инерции, когда произошло известное дело Хохлова, в 1954 году. Но, к счастью, это давно уже в прошлом, и, надеюсь, безвозвратно.

Аналогия разведчика со священнослужителем усиливается и тем, что как священник, так и разведчик посвящаются в сокровенные тайны своих служб, доступ к которым простым верующим закрыт. Это "таинство" усиливает веру внешнего мира в особую роль этих человеческих институтов. Оба они всегда поддерживали государство, что усиливает их роль в

обществе. Правда, в современном мире в большинстве стран церковь отделена от государства, но это отнюдь не лишает ее поддержки со стороны правящих властей.

Вся нравственно-моральная политика в капиталистических государствах строится на укреплении религиозного влияния на население. В восточных же странах в большинстве случаев продолжает существовать единство государства и церкви.

Разведывательные службы не только являются частью государства, но, как правило, его особо важной частью, институт разведки всячески поддерживается, финансируется и оберегается законом.

Вот и получается, что разведчик очень похож на священника.

Но далеко не все постулаты и законы религии применимы к разведке. Главное отличие я вижу в том, что наша вера разведчиков в свою службу является не слепой, а рациональной; она не распространяется на все области нашей жизни, она действует в основном только в сфере служебной деятельности. Кроме того, она не является абсолютом, как в религии, а базируется на таких чувствах, как патриотизм, любовь к своему народу, его культуре, истории.

Верно, что, как и в религии, личность, судьба отдельных разведчиков не могут иметь первостепенное значение, предпочтение отдается делу, интересам, которым мы служим и которые порою требуют жертвы со стороны разведчика, включая и его жизнь.

Являясь, как и священники, посвященными в тайны наших служб, мы в то же время не являемся послушными пешками в какой-то грандиозной шахматной партии, в то время как, например, католические ксендзы, по моим наблюдениям в Польше, полностью послушны верховному "наместнику Бога на Земле", к тому же безгрешному. Папе Римскому и должны бездумно повиноваться ему.

Ведь именно такая самостоятельность разведки и была проявлена во время заговора ГКЧП: не следовать указаниям, которые не соответствуют представлению о наших служебных задачах государственным интересам страны.

Возникает вопрос у того же французского журналиста Руара, наступит ли время в жизни и деятельности разведчика, когда он невольно должен задаться вопросом: где та истина, ради которой он трудится и, если потребуется, готов умереть?

Признаюсь, я также задумывался над этим. Но у меня есть ответ: я жил и вкладывал душу, все свои способности ради блага своего народа, его безопасности и благополучия. Хотя об этом не мог знать мой народ, по крайней мере, до сих пор.

Вот те мысли, что были навеяны Руаром, неизвестным мне французским журналистом.

Возвращаясь к Грэму Грину и Джону Ле Карре, мне в завершение хочется отметить еще раз, что в их творчестве меня привлекает прежде всего глубина реализма, гуманность героев,

несмотря на жестокий мир, в котором они живут и действуют. В их романах нет и тени так модной в XX веке фантастической отвлеченности от тревожных проблем современности, стремления погрузить читателя в тот нереальный мир, где все решается только силой оружия и жестокими, все презирающими индивидуумами.

Завершая тему о "разведывательной литературе", хочу добавить несколько слов о широко известном у нас герое этой литературы Джеймсе Бонде. Мне показалась интересной интерпретация произведений Яна Флеминга о героических похождениях непобедимого разведчика Джеймса Бонда как "являющихся своеобразной реакцией, ответом "уязвленной в своей гордости" Британии после суэцкого кризиса и поражения британских спецслужб, нанесенного им группой советских разведчиков Филби, Берджесом и Маклином" (Провал агента 007. Санди Таймс. 1993, январь).

ГЛАВА XVI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вся Русь - костер,
Неугомонный пламень,
Из края в край.
Из века в век
Гудит, ревет...
И трескается камень,
И каждый факел - человек.

Максимилиан Волошин. "Китеж"

Представленная в воспоминаниях картина разведывательных операции не претендует на всеобщий охват деятельности внешней разведки в послевоенный период. Как заметил читатель, в ней почти полностью отсутствуют операции спецслужб в обширных африканском и азиатском регионах, за исключением операций "Лотос" и "Вализа". Нет и такого важного для разведок региона, как Средний и Ближний Восток. Кроме одного примера с "Прохиндеем", слабо представлена проводившаяся наиболее активно разведывательная деятельность в Европе, не считая тех операций, которые были связаны с США, Великобританией и НАТО. А ведь внешняя разведка очень активно работала во всех этих регионах. Что касается США и Великобритании, то в этой области в основном показаны те операции, которые получили ту или иную огласку, за исключением безагентурных операций ТФП внешней разведки.

В целом, приведенные операции внешней разведки - лишь малая толика имевших место и получивших огласку дел, они считаются только вершинкой огромного айсберга, большая часть которого остается погруженной в тайну. Это замечание имеет отношение и к оценке деятельности западных спецслужб, о полном объеме которой, естественно, судить по приведенным примерам невозможно. Но довольно правдоподобное представление получить можно как о внешней разведке, так и о западных спецслужбах.

Мне остается кратко рассмотреть, что же произошло в мире и у нас за последние полтора десятилетия. Ведь за 70 лет советской власти и моей жизни при ней во вселенной мало что

претерпело изменения, наполняющие ее звезды и целые галактики ничем особо примечательным за этот период не успели порадовать астрономов. Но за то же время невероятно много событий совершилось в нашем земном бытии, произошли кардинальные изменения в наших взглядах на мир, на события в политической жизни и на положение в нашей стране.

Как выразился один журналист, "революция сверху" привела в 1988 году к смене "варианта развития нашего общества, а если тогда руль был лишь повернут, то в 1991 году он оказался довернут до упора".

В то время когда мне довелось решать описанные задачи ТФП, мир был иным, чем сейчас. Тогда казалось, и не только нам, в бывшем Советском Союзе, а и многим в западном обществе, что угроза грядущего столкновения двух систем: социалистической во главе с СССР и капиталистической, возглавляемой США, неизбежна.

Две системы накапливали силы, задирали друг друга при каждом удобном и неудобном случае, устраивали провокации, переходя порою к таким конфликтам, при которых оставалось сделать лишь один шаг, чтобы вспыхнула третья, несомненно, последняя мировая война, ибо она неминуемо перешла бы в ядерную, которая похоронила бы все человечество.

В мировой атмосфере было очень зябко, шла "холодная война", пламя которой то разгоралось до опасного предела превращения в "горячую", то временно затухало.

Оглядываясь назад, в прошедшие одно-два десятилетия, можно было бы только облегченно вздохнуть, что кошмар постоянного противостояния закончился.

Но так ли это на самом деле? Или это нам только кажется, когда мы бросаем беглый взгляд на то время. А если заглянуть в глубь тех процессов, что шли начиная с первых дней Великой победы над фашистской чумой?

Может быть, не все, далеко не все корни прошлой полувековой борьбы за выживание нашего народа устранены, остаются в почве и на Западе, и на Востоке, ожидая момента, чтобы, получив новый питательный заряд, снова дать губительные ростки, но уже в новом мире и в новом облике? Быть может, поднимающаяся волна национализма, безумного мусульманского фундаментализма суть проявление тех самых ростков?

Чтобы понять причины прежних событий, заострить нашу бдительность на явления настоящего и не пропустить в будущее угрозу безопасности человеческого общества, очевидно, следует внимательно и беспристрастно оценить наше недалекое прошлое.

Исходя из того что настоящее вырастает из прошлого, думаю, что прежде всего следует осознать уроки минувшей "холодной войны". В противостоянии двух мировых систем специальным службам отводилась важная роль, они развивались, росли их людские и технические ресурсы, обогащался стратегический и тактический арсенал.

Ядром всех событий второй половины двадцатого века была "холодная война", вокруг которой и развивались взаимоотношения как двух основных систем, так и ситуация в третьем, неприсоединившемся мире.

Кто же был инициатором "холодной войны"?

Западная пропаганда на всем протяжении послевоенного периода, вплоть до конца 80-х годов, утверждала, да и сейчас многие западные историки продолжают поддерживать тезис, что начало "холодной войне" положил Советский Союз якобы своими экспансионистскими планами и действиями. Посмотрим на беспристрастные факты.

К концу апреля 1945 года отношения СССР с США, в результате позиции нового президента Г. Трумэна, достигли критической напряженности. Об этом пишет американский историк Мартин Шервин в книге "Разрушенный мир". Трумэн на коне "атомной бомбы", только что успешно испытанной в США, взял курс на запугивание русских. В конце апреля состоялся обмен телеграммами между Трумэном и Сталиным по польскому вопросу. Трумэн грозил, что отказ Сталина признать позиции США и Великобритании по польскому вопросу подорвет их доверие к русскому народу. Ответ Сталина был решителен и предельно ясен: Советскому Союзу нужна дружеская, а не враждебная Польша, на что наша страна имеет право, к этому призывает и "кровь, пролитая на полях Польши".

Полагаю, что прав Буш, заявивший уже в 1989 году во время визита в Польшу, что именно в Польше началась "холодная война". Более того, как считал британский историк Бертран Рассел, "доктрина Трумэна" 1947 года и создание НАТО в 1949 году ускорили сталинизацию Восточной Европы. Удаление коммунистов из состава правительств Франции и Италии предшествовало появлению однопартийных систем в Восточной Европе.

Можно добавить к этому, что теоретическое обоснование "холодной войны" заложил Уинстон Черчилль своей речью в Фултоне в марте 1946 года.

Для меня, разведчика-профессионала, абсолютно достаточно для определения инициаторов "холодной войны" военных фактов. Сразу после окончания второй мировой войны, американцы стали готовить планы атомного нападения на Советский Союз. Меморандум Объединенного разведывательного комитета (ОРК) Объединенного комитета начальников штабов США был составлен 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального окончания войны. За ним следовали уточняющие документы. Во всех них намечались "пока только" 20 целей для атомных ударов на территории СССР. Ясно, что появление таких документов могло явиться результатом работы американских милитаристов, проводившейся еще в ходе войны, когда Красная Армия помогала американцам в войне против Японии. Понятно также, что такие замыслы вынашивались ими не без ведома президента Трумэна.

В 1946 году появился уже план "Пинчер", в 1947 - план "Бройлер". В 1948 году Генштаб США имел целых восемь разработок (планы "Граббер", "Эразер", "Даблстар", "Лафмин", "Фролик", "Интермеццо", "Флитвуд", "Сиззл"). 1949 год родил мрачные планы тотального ядерного уничтожения нашей родины - "Дропшот", "Оффтэкл". И каждый план, каждая новая

разработка сценария внезапного нападения США на СССР увеличивали число целей, предназначавшихся к такому уничтожению.

Кто же после этого поверит в то, что американцы были не заинтересованы не только в "холодной войне", но и в превращении ее в "горячую", к грани которой мир не раз подходил вплотную: во время корейской войны в 50-е годы, берлинского кризиса конца 50-х - начала 60-х годов, карибского кризиса в 1962 году. Тогда в правительстве США серьезно обсуждалось и готовилось применение атомного оружия.

Сейчас можно с уверенностью утверждать: спасло мир от атомной катастрофы то, что Советский Союз смог, мобилизовав все силы, достичь с США ядерного паритета, создал реальную угрозу непременного сокрушительного возмездия в случае нанесения американцами ядерного удара.

Говоря об этом, я отнюдь не собираюсь утверждать, что советское руководство своей политикой и действиями не давало Западу поводов для подозрений в возможных враждебных замыслах против него. Далеко не всегда оправданной и адекватной была реакция СССР на провокационные действия западных союзников.

Более того, я убежден, что в 70-е - 80-е годы руководство СССР допустило грубый стратегический просчет, позволив Западу втянуть нашу страну в неоправданную гонку ядерных вооружений. Так же, как гитлеровская Германия, совершая нападение на СССР, не учла мощных внутренних ресурсов нашей страны и обрекла себя на поражение, так и мы, не считаясь с превосходящими экономическими возможностями Запада и США, в частности, переходя в области вооружения границу достаточности, слепо следовали за гонкой этой мощной державы. Вот только сейчас, когда многое из нерасчетливо накопленного вооружения приходится уничтожать, видна вся неразумность наличия многих тысяч ядерных зарядов, когда для соответствующего ответа было бы достаточно в десятки раз меньшее количество их.

Или, например, размещение ядерных ракет на Кубе без достаточного предварительного обеспечения этой акции в политическом плане, просто по инициативе Н. Хрущева, действовавшего, опираясь на вполне обоснованный принцип: в ответ на размещение американских ракетных баз вблизи границ СССР.

К чести Д. Кеннеди и самого Н. Хрущева, они нашли мирный вариант разрешения кризиса на компромиссной основе. И все же этот импульсивный шаг Хрущева, безусловно, опасный и в целом неоправданный, имел тот положительный эффект, что сдержал американских экстремистов от дальнейших попыток повторить авантюру с высадкой в Заливе свиней, оградив Кубу от угрозы открытой агрессии США. То, что такая возможность была реальной, показало наглое нападение американцев в 1983 году на суверенное государство

- остров Гренаду - под вымышленными предлогами, выдвинутыми президентом Р. Рейганом и высмеянными самой американской прессой (Ньюсуик, 1983, 16 апреля).

http://kiev-security.org.ua

САМЫЙ БОЛЬШОЙ В СЕТИ ОБЪЕМ ОНЛАЙН ИНФОРМАЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ
на rus

Движимое недоверием к замыслам Сталина как в Европе, так и Азии, правительство Трумэна сделало главной целью своей политики всемерное противодействие всеми возможными средствами советской экспансии. Для своих спецслужб Трумэн поставил в качестве цели проведение тайных операций и психологической войны против Советского Союза и его союзников, активизацию сбора разведывательной информации об их позициях, действиях, планах и намерениях.

Более того, в условиях развернутой "холодной войны" правительство США предоставило в их распоряжение возможности использования своих военных сил, фактически сняв какие-либо ограничения в этом, а такие огромные ассигнования для осуществления тайных операций.

Приход в администрацию США нового президента Р. Рейгана в 1980 году обозначил новый резкий виток "холодной войны", после определенного смягчения международной напряженности. Теперь Рейган определил нас как "империю зла", а следовательно, с его "христианских" позиций в борьбе против зла можно было применять любые средства. Возобладала концепция "с позиции силы", в которую логически вписалась активизация разведывательной деятельности ЦРУ.

Для того чтобы яснее понять провокационную роль американцев в "холодной войне", достаточно напомнить, как на всем ее протяжении они периодически совершали агрессивные выпады против нашей страны.

Вот только один пример. 1 мая I960 года в один из самых значительных праздников нашего народа разведывательный самолет У-2 пересек советскую границу и вел разведку, пока не был сбит советской ракетой. Американские власти, не зная, что пилот Пауэрс остался жив и дает показания, в течение целой недели пытались отпираться, уверяя, что нарушение границы было не преднамеренным, а случайным. Потом, перед лицом неопровержимых доказательств, сначала 9 мая госсекретарь Гертер, затем 11 мая президент Эйзенхауэр и 15 мая вице-президент Никсон, признали факт шпионажа и причастность к нему правительства США. Так они пытались испортить наш праздник (Велихов Л. Дважды испорченный американцами Первомай и другие даты. Сегодня. 1994, 2 апреля). Таких примеров было много: это и попытка вторжения на Кубу, оккупация Доминиканской Республики, захват Гренады и так далее.

Для преодоления этой мрачной политики потребовалось появление нового мышления и новых руководителей в нашей стране. Выдвигая новые принципы межгосударственных отношений, в целом вызывавшие широкое одобрение как на Западе, так и у нашего народа, обещавшие замену бесперспективной "холодной войны" на разрядку международной напряженности, приостановление гонки вооружения и большую открытость в международных отношениях, руководство во главе с Горбачевым оказалось полностью беспомощным, бессильным, чтобы наметить и приступить к осуществлению реальной, минимально

болезненной внутренней политики. Проявляло в ней шатания и неопределенность, приведшие к стихийному распаду Советского Союза и бедственному положению большинства трудящихся, сопровождавшемуся нерегулируемым переходом от полностью плановой сразу к рыночной экономике.

В новых условиях разрядки и ослабления глобальной напряженности, с исчезнованием угрозы со стороны бывшего социалистического содружества, которая использовалась Западом для оправдания гонки вооружений, ослабли позиции многих международных организаций, обеспечивавших безопасность. Распад Организации Варшавского Договора стал вызывать сомнение в целесообразности существования НАТО, по крайней мере, в его прежнем виде.

Но Запад и, в первую очередь, США никак не желают отказываться от такого удобного для их целей органа, считая, что этот блок должен заполнять вакуум в Восточной Европе в области безопасности (Одом У. Мировой порядок как категория американского мышления. За рубежом, 1993, 7 октября).

На деле же НАТО рассматривается американцами как инструмент ограничения влияния России в Европе, а также в СНГ.

Бывший директор внешней разведки Е. Примаков справедливо отмечал, что и сегодня на Западе есть силы, которые целенаправленно действуют, чтобы не допустить роста влияния России в странах СНГ. Эти силы способны помешать дальнейшему развитию процесса отхода человечества от прежнего ядерного противостояния, грозившего мировой катастрофой. Эти силы олицетворяют прежде всего правящие круги США, американский военно-промышленный комплекс, наиболее реакционные представители республиканской партии США. Для них насилие, как отмечал американский социолог Р. Миллз, "было и остается фундаментом американской политики".

В условиях, когда США остаются единственной сверхдержавой в мире, характерное для американцев, по словам известного политического деятеля У. Фулбрайта, "высокомерие силы" становится доминирующим фактором в мировой политике, когда отрицание права других народов идти своей дорогой, а не послушно следовать американскому образу жизни возводится в принцип государственной политики США.

В условиях новых международных отношений, когда закончилась "холодная война", исчезло острое противостояние двух враждовавших систем и "империя зла" превратилась в партнера США, а эта капиталистическая страна перестала быть нашим главным противником, произошли и другие кардинальные изменения в мире.

С распадом СССР и переходом бывших социалистических государств Восточной Европы на новые, демократические принципы общественного устройства и, естественно, сменой союзников, то есть превращением их позиций из антиамериканских в проамериканские, резко изменились и условия деятельности спецслужб. Это прежде всего касается российских, а также ряда служб вновь возникших независимых государствчленов СНГ, но не оставило без

существенных перемен и западные службы, особенно в том, что касается их стратегических целей и, в меньшей мере, тактических средств и методов.

Распад Советского Союза создал благоприятные условия для деятельности иностранных специальных служб против Российской Федерации, а также ряда государств, возникших из бывшего СССР. Об этом свидетельствуют более десятка иностранных агентов, деятельность которых в 1994 году была пресечена ФСБ РФ, а также предотвращение вербовки вдвое большего числа российских граждан, вступавших в соприкосновение с иностранными разведками. Выявлено большое количество иностранцев, осуществлявших разведывательную деятельность в интересах своих стран.

Уже по данным за 1996 год ФСБ отмечала дальнейшую активизацию деятельности иностранных разведок на территории России. Так, в 1996 году Федеральная служба безопасности России разоблачила 27 кадровых сотрудников зарубежных спецслужб, выявила более 60 российских граждан, сотрудничавших с иностранными разведками. Десять из них были арестованы, в том числе сотрудник ФАПСИ, один сотрудник ГРУ и два бывших сотрудника этой разведслужбы (Московский комсомолец. 1997, 7 мая).

Что касается отношений между внешней разведкой и ЦРУ, то диалог между этими спецслужбами достиг большой интенсивности, внешне в вполне дружелюбном плане, если не считать одного странного случая, связанного с делом Эймса, Но это последнее можно считать нетипичным рецидивом прежней враждебности.

Переход бывших социалистических стран в лагерь западных держав вызвал бурное стремление очиститься от прошлого. Началась умело направляемая западными спецслужбами, в первую очередь, ЦРУ и БНД, "охота на ведьм" в лице бывших сотрудников органов безопасности этих государств и их агентов на Западе.

В этих государствах, а также в ряде бывших советских республик, то в одной, то в другой вспыхивали скандалы вокруг архивов КГБ и бывших местных спецслужб.

Особенно активно действуют в пропагандистском плане спецслужбы в Германии, пытаясь создать впечатление, что КГБ и внешняя разведка не только использовали спецслужбы ГДР в своих целях, но и сохранили для себя многих агентов бывшей разведки ГДР, внедренных этой разведслужбой на Западе. При этом активно используются архивные материалы, попавшие в руки спецслужб.

В этой связи невольно возникает вопрос, почему эти архивы, в том числе и об иностранной агентуре, были оставлены и не эвакуированы своевременно в Москву? Ведь если это было трудно, хотя и возможно, сделать в ГДР, то уж оставлять их в Прибалтике похоже на злонамеренное дело либо полную близорукость тогдашних наших руководителей.

Необоснованность подавляющего числа случаев преследований за прошлое сотрудничество со спецслужбами наиболее характерно была продемонстрирована на примере судебного преследования бывшего начальника разведки ГДР М. Вольфа, в результате окончившегося

полным фиаско. Все это дело обернулось фарсом с беспомощной попыткой мести за успешную работу разведки ГДР против ФРГ и США. Ведь не случайно еще до начала преследования

М. Вольфа в Германии к нему обратился представитель ЦРУ с заманчивым предложением сотрудничества и обещанием избавить его от любых обвинений.

Характерно, что посетившие его црувцы заявили, что в ЦРУ имеется

- и немало - вопросов к нему, и главный из них: почему, по его мнению, в ЦРУ в последние годы произошло много неожиданных провалов ценной и проверенной агентуры? Неужели разведке ГДР удалось внедрить в Лэнгли своих "кротов"? Предложили подумать М. Вольфу над их предложением.

И он подумал, и ответ был один - нет. Как результат, начался длительный процесс (Войлуков В. Он слишком много знает. Правда. 1993, 9 июня).

Возникшая в конце 80-х - начале 90-х годов международная обстановка, когда с политического горизонта исчезла "холодная война" и противостояние двух сверхдержав сменилось партнерством нового государства - России - с оставшейся в одиночестве сверхдержавой - США, потребовала пересмотра многих устоявшихся концепций и привычных позиций. В том числе и для всех специальньк служб Запада и бывшего Востока.

То, что годилось в условиях воинственного противостояния, стало необходимо пересмотреть, отказаться от многих прежних канонов. Перестройка межгосударственных отношений потребовала свежих подходов к определению целей и задач спецслужб, и не только у нас, но и на Западе. Как ни парадоксально, но исчезновение главного врага вызвало на Западе известную растерянность, стремление сохранить старые позиции под покровом новых слов и определений. Это оказалось наиболее характерным для ЦРУ, разведывательной службы, воспитанной многими десятилетиями ненависти не только к коммунизму, но и ко всему советскому, к русскому народу и всему, что могло относиться к нашей стране, в отношении которой позволительны любые интриги и заговоры, грубое нарушение суверенитета, использование тайных операций, ведение лживой пропаганды, диверсии, саботаж.

В какой-то мере изменения во внутренней обстановке в ЦРУ нашли отражение в последовавших сменах руководства этой крупнейшей в мире разведки: Гейтс, затем Вулси, продержавшийся на посту директора до конца 1994 года, и теперь Дейч.

С общей переменой международного климата стали раздаваться все громче голоса о сокращении роли разведок, их отмирании, ненужности. Особенно много появилось выступлений о необходимости сокращения деятельности внешней разведки, стали раздаваться требования о прекращении русского шпионажа в США, Германии, Скандинавии и других странах.

При этом шумная критика внешней разведки прерывалась выступлениями против КГБ, преступная деятельность которого при Сталине преподносилась как якобы продолжавшаяся все последующее время, причем деятельность разведки идентифицировалась с КГБ.

В этих условиях выделение внешней разведки из КГБ, а также преобразование этого ведомства в ФСБ способствовали известной нейтрализации этой кампании, проходившей не без поддержки западных спецслужб и, в первую очередь, ЦРУ, СИС, БНД, заинтересованных в дискредитации внешней разведки и ее бывших союзных спецслужб, особенно разведки ГДР, наносившей им крайне болезненные поражения.

Интересно, что теперь стали вскрываться масштабы враждебной деятельности западных спецслужб против социалистических государств. Например, французская газета "Монд", сообщая о выводе из Берлина военного гарнизона, писала в июне 1993 года о том, что в этом городе находилось в общей сложности занятых в "шпионском деле" против ГДР и СССР около 450 французских специалистов военной контрразведки - Главного управления внешней безопасности (ГУВБ). В их распоряжении были новейшие электронные, технические и большие финансовые средства (Монд. 1993, июнь).

Итак, закончилась эпоха "холодной войны", не стало реальной угрозы ни Северной Америке, ни Европе. И почему-то в мире стали раздаваться голоса о какой-то растерянности, неуверенности в завтрашнем дне. Ее стало куда больше, чем в тот период, когда люди на Западе и Востоке жили в условиях взаимной ядерной угрозы.

Вот и бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт считает, что "мы возвращаемся к мировому беспорядку, какой существовал до 1914 года" (За рубежом. 1995, N 36). Он считает, его мир распадается на экономические блоки: европейский, североамериканский во главе с США, весьма вероятный японский с государствами АСЕАН, в ближайшей перспективе китайский.

Говоря о России, он отмечает, что "хотя она и перестала быть советской империалистической державой, тем не менее остается мировой державой". При этом Шмидт определенно высказывается против расширения НАТО на Восток, считая, что выход этой организации на российские границы Россия вполне может счесть "как провокацию и угрозу" для своей безопасности.

Но есть еще одна тревожная особенность современного мира. Происходят жесткие изменения не только в политике, но и в бизнесе. Военная конфронтация уступила место экономической. В этой области идет самая ожесточенная борьба, и специальные службы вовлекаются в нее все больше и больше.

Оценивая создавшееся положение в мире вокруг моей родины - современной России, я невольно начинаю думать, что прав американский историк Р. Эпперсон, пришедший к выводу о геополитическом заговоре международной корпорации весьма ограниченного числа кланов (не более 50 семейств), целью которого является мировое господство. Он утверждает, что международные ростовщические кланы накидывают на народы "кредитные удавки" путем искусственного создания противоречий между странами - их должниками, стравливая их, добиваются подчинения своему финансовому диктату некоторых из них (Эпперсон Р. Невидимая рука: Введение во взгляд на историю как заговор. США, 1985).

Его доводы показались мне убедительными, так как автору "неприемлемы в качестве долговременной перспективы ни реальный капитализм в его евроамериканской модели, ни исторически реальное марксистское прошлое Востока, известное мировой истории по опыту России и других стран" (Монастырский М. Л. Россия и геополитика. Известия. 1996, 17 апреля).

В контексте этого серьезного исследования Эпперсона обращает на себя внимание ряд западных публикаций о выходе на передний план в глобальном масштабе новых властных структур, обладающих господством в нематериальной экономике (научные знания, высокие технологии, информатика, связь, реклама, финансы). Они теснят власть, владеющую вещественными богатствами (земля, природные ресурсы, машины) (За рубежом. 1995. N 36).

Так, И. Рамоне в серьезном французском журнале "Монд дипломатик" подвергает анализу положение в мировой экономике. Вот ряд его тезисов, подтверждающих, по моему мнению, выводы Эпперсона:

- современных завоевателей мирового господства характеризует почти тотальное отречение от политических мотивов;

- эти завоеватели, которые благодаря своим финансовым мощностям проводят стратегию господства в масштабе планеты, как раз и есть подлинные хозяева земли. Это они решают вопросы разделения мировых ресурсов, определяют цены и ставки, выбирают приоритеты и утверждают правила;

- эти хозяева земли никогда не были так малочисленны. В области информации и СМИ их всего несколько сот человек. Четвертая часть их сосредоточена в Европе, столько же в Азии, остальные - в Америке;

- учитывая их взаимные союзы и связи, можно сказать, что десяток мировых сетей, более или менее объединенных, образуют поистине машины войны, исключительная цель которых - завоевание новых рынков и господство на них;

- поскольку "государству остается лишь роль беспомощного зрителя, политические деятели становятся чем-то вроде секретарей, регистрирующих решения, принятые в иных сферах";

- криминализация мировой экономики идет полным ходом. Подпольная торговля оружием и наркотиками, мафиозные фирмы, двойная бухгалтерия или черные кассы - все это, безусловно, старые явления.

Новизна - в их быстром распространении, особенно в результате глобализации систем производства, транспорта, информации и связи, а также либерализации финансовой системы.

Автор видит грозную опасность выхода новых хозяев планеты полностью из-под контроля (Рамоне И. Властелины мира на переломе века. Монд дипломатик. 1995, сентябрь).

Поскольку во всех мировых делах, и в экономике прежде всего, главную определяющую роль играют теперь единолично американцы, хочется высказать свое мнение об этой державе, ее народе.

Читая американскую современную литературу, в том числе и детективную, которая буквально захватывает внимание американцев своими примитивными идеями и образами жизни и деятельности, смотря на американские видеобоевики и телепередачи, невольно задумываешься, куда же идет человечество, если оно обречено следовать американскому образу жизни.

Ведь если передовая в технологическом и научном плане его часть, во многом сейчас определяющая жизнь других народов, все больше скатывается на примитивно прагматический подход к жизни, то неужели и мы все в остальном мире обречены на такое же духовно-культурное выхолащивание?

Вот и сами передовые люди Америки бьют тревогу. Исследователь из Сан-Францисского университета в Беркли Э. Хоффер считает, что человечество Земли вступило в "отроческий период" своего существования. А особенностью "отроческого" состояния человечества, по его утверждению, является то, что оно ведет к примитивизации всей жизни общества. Индивидуальность личности разрушается в массовом движении современной эпохи. Личность теряет свои ценности, собственное мнение. Она, как ребенок, доверчиво следует за лидерами и с готовностью становится составной единицей массы (Хоффер Э. Характер нашего времени. Нью-Йорк, 1967).

Действительно мало, чрезвычайно мало для такой многонаселенной державы, как США, выдвигается выдающихся личностей. Есть лидеры, их даже слишком много, но они не блещут оригинальностью мышления, скорее всего и они заражены тем самым примитивизмом, который позволил Гитлеру повести за собой, как овец, миллионы немцев.

Да и наша история в сталинские времена успешно шла по пути примитивизации, всеобщей нивелировки общества "под один гребень".

РОССИЯ, ПОЛЬША И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

В результате кардинальных перемен, исчезновения с политической карты мира СССР, появилось новое суверенное государство - Россия, как преемник многих международных позиций бывшей советской сверхдержавы. Главная из них - сохранение положения великой державы, продолжателя и гаранта многих международных соглашений, определяющих существенно новую теперь ситуацию в Европе и в мире.

После распада СССР руководители Запада заговорили о том, что Запад как единое целое фактически перестал существовать, вместо него возник тройственный или трехполюсный мир, в котором полюса представляют Европа, США и Япония. Очевидно, тогда и понятие "Восток" также теряет свой смысл. Так нужно ли продолжать пользоваться ими? Однако так легко отказываться от такого противопоставления государственных или национальных интересов

России интересам США и Западной Европы западные государства не спешат. Они это демонстрируют при каждом удобном случае и особенно на примере проблемы расширения НАТО на Восток.

Оценивая позиции и действия США на международной арене после исчезновения с нее главного их противника в лице СССР, наблюдая, как эта единственная теперь сверхдержава пускается в излишние попытки принизить мою страну, хотя и потерявшую звание и положение сверхдержавы, но остающуюся достаточно мощным фактором стабилизации в мире, невольно вспоминаю мудрые советы Генри Киссинджера о сдержанности после победы. Он разумно напоминал одержавшим дипломатическую победу о том, что период после победы бывает очень опасен, если победитель не сдержан в своих притязаниях на плоды ее, стремясь усилить унижение потерпевшей поражение стороны.

"Чем сильнее у одной стороны действительные позиции, тем меньше она нуждается в том, чтобы усиливать унижение другой. Очень редко бывает разумным сопровождать отступление дополнительными оскорблениями. Важным аспектом искусства дипломатии является то, чтобы делать то, что необходимо, без создания мотивов для ответных мер, оставляя открытым выбор для будущего сотрудничества" (Тайм. 1982, 15 марта).

Тем более что потерпевшая поражение сторона может располагать или подготовить в перспективе достойные меры ответа. Как Россия, например.

Этот совет видного американского дипломата и политика хорошо иллюстрируется позицией США по проблеме НАТО. Так определила эту позицию газета "Ойропеише Зихерхайт" в феврале 1995 года: "Москва восприняла бы как угрозу, если бы Восточная и Центральная Европа принадлежали к иной системе безопасности, нежели Россия".

"Россия, как великая держава, должна принадлежать к одной системе безопасности с Восточной и Центральной Европой" (За рубежом. 1995, N 8).

Однако определение "Восточная Европа" в географической терминологии американского госдепартамента исчезла, вновь появилась "Центральная Европа". И это не просто манипулирование словами, а стремление выделить этот регион Европы под знаком скорейшего его вовлечения в НАТО.

Расширение НАТО на восток воспринимается не только в России, но и многими на Западе негативно, исходя из того, что этот проект никак не будет содействовать укреплению безопасности в Европе. Но администрация Клинтона ухватилась за него, как за средство сохранить этот альянс после окончания "холодной войны", как удобный для них рычаг их влияния в Европе, поставив перед ним такую задачу.

Однако, как отмечают американские СМИ, этот маневр лишь наглядно свидетельствует о том, что Запад оказался неспособным в новых условиях найти пути вовлечения России в новую структуру безопасности в Европе. А ключом к такой безопасности как раз и является Россия (За рубежом. N 52. 1996, декабрь).

США ставят задачу скорейшей консолидации путем военной интеграции, а не какими-то соображениями безопасности государств бывшей Восточной Европы, якобы оказавшихся в вакууме после распада ОВД. Причем США спешат, "пока Россия еще находится в состоянии разброда и шатаний, изолировать ее на Европейском континенте" (За рубежом, 1995, N 36, 8-14 сентября).

Об этом трубят на разные голоса СМИ США и вторят им в странах бывшей Восточной Европы и Прибалтики, исходя из того, что членство в НАТО дало бы восточным европейцам "необычайно важную связь с Соединенными Штатами".

Вот и известный специалист по Восточной Европе, американский поляк, бывший помощник президента США по национальной безопасности Збигнев Бжезинский включился в агитацию за расширение НАТО на восток, заявляя: "НАТО: расширение или смерть", критикуя американскую администрацию за нерешительность, а Европу - за робость перед Россией (Нью-Йорк Таймс. 1995, февраль).

Но раздаются и трезвые голоса. Авторитетный специалист в области международной безопасности, главный редактор бюллетеня "Интернешнл секьюрити" Майкл Браун, анализируя выдвигаемые аргументы за расширение НАТО, убедительно опровергает их, заключая: "Иными словами, неопровержимых стратегических или политических аргументов в пользу расширения НАТО в данный момент не существует" (За рубежом. 1995. N 5, февраль).

Останавливаюсь на проблеме НАТО потому, что она является одной из наиболее злободневных тем польско-российских отношений, активно используемых враждебными нам силами в Польше.

В июле 1994 года в интервью журналу "Ньюсуик" перед визитом Клинтона в Польшу президент Л. Валенса, ратуя за скорейший прием Польши в НАТО, предельно ясно дал понять, что это было бы гарантом против возвращения коммунистов к власти в странах Восточной Европы. "Одного того факта, что мы разрушили Советский Союз, - заявил он, - и покончили с коммунизмом, достаточно, чтобы удовлетворить Запад" (Ньюсуик. 1994, июль).

В сентябре 1994 года в связи с первыми маневрами в рамках "Партнерства во имя мира" под эгидой НАТО на территории Польши тогдашний военный министр Петр Колодзейчик поспешил объявить это важным шагом в сторону НАТО, что "НАТО открылось для Восточной Европы". В этих маневрах под названием "Мост сотрудничества - 94" участвовали и немцы, сто вооруженных военных, которые впервые ступили на польскую землю после окончания войны.

Польша первая среди бывших наших восточноевропейских союзников приступила к практической перестройке своего оборонительного комплекса с ориентацией на Запад. Начата разработка нового поколения вооружения, многие узлы и агрегаты которых будут закупаться на Западе. Уже готовится к выпуску собственный танк "Горилла" (Селиванов Ю. Сегодня. 1994, 21 октября).

В 1995 году Валенса дал предварительное согласие своей страны на размещение на ее территории в случае необходимости натовского ядерного оружия (Красная звезда. 1996, 16 мая).

В мае 1996 года польская газета "Курьер польский" со ссылкой на Генштаб вооруженных сил Польши утверждала, что после вступления Польши в НАТО командование этого блока намерено разместить ядерное оружие и средства доставки его у восточных границ Польши.

Вновь избранный президент Польши А. Квасьневский во время визита в Москву в апреле 1996 г., объясняя позицию Польши, говорил: "Мы стремимся в НАТО не потому, что боимся чего-то, а потому, что для Польши это естественный процесс интеграции в Европу".

В то же время он заявил, что "восточная политика Польши должна быть не менее активной, чем ее стремление интегрироваться в европейские структуры". Эти слова создают благоприятную перспективу для развития действительно добрососедских отношений России с ее в недавнем прошлом ближайшим союзником.

Однако совсем недавнее прошлое из периода президенства Валенсы было удручающим.

Враждебные России силы в Польше в постперестроечный период использовали любую возможность для запугивания поляков "угрозой" с Востока.

В 1995 году по всей Польше прошло празднование 75-летия "Чуда на Висле", как поляки называют отступление Красной Армии от Варшавы в ходе войны 1919-1920 гг. Вокруг этой даты и были сосредоточены антироссийские выступления, в том числе и президента Леха Валенсы, полностью игнорируя тот факт, что именно Польша, поддерживаемая Антантой, первой начала эту войну. Валенса же утверждал, что Пилсудский якобы своим нападением лишь упредил неизбежное. По убеждению начальника государства Юзефа Пилсудского, по словам Валенсы, лучшей гарантией безопасности Польши было разрушение вечно враждебной им империи и участием Польши в борьбе за независимую Украину. Это объяснение звучит как попытка оживить доктрину Пилсудского, намеревавшегося создать буферную зону из Литвы, Белоруссии и Украины между Польшей и Россией (Новости разведки и контрразведки. 1995, N 17-18).

В том же году, 17 сентября в центре Варшавы при открытии мемориального комплекса, посвященного "Погибшим и уничтоженным на Востоке. Жертвам агрессии Советской Армии 17.IX.1939 г.", опять выступил Л. Валенса. В выступлениях вновь звучали призывы с требованием судебного процесса "по всем преступлениям против польского народа с 1939 по 1989 год, против юридического лица - российского государства". Вновь развернулась дикая кампания по обвинению Советского Союза в связи с советско-германским пактом 1939 года, доходящая до абсурдного объявления СССР зачинщиком второй мировой войны.

Говорить сейчас, что советско-германское соглашение привело к нападению Германии на Польшу, когда известны секретные немецкие архивы, свидетельствующие о другом, однозначно свидетельствует лишь о стремлении возродить в Польше тот антисоветизм

послевоенных (1918-1941) годов, который был похоронен войной против Германии и братством по оружию польского и нашего народов.

Поскольку далеко не всем известны факты подготовки Германии к нападению на Польшу, зафиксированные в немецких архивах, считаю полезным напомнить о них.

План агрессии против Польши под названием "Вайс" был подписан Гитлером 4 марта 1939 г., то есть более чем за пять месяцев до подписания советско-германского соглашения. Эта агрессия была предрешена независимо от позиции нашего государства. Более того, захват Польши гитлеровской Германией являлся актом подготовки нападения на СССР, диктовался уже формировавшимся в верховном германском командовании будущим планом "Барбаросса" (Безыменский Л. Альтернативы 1939 года вокруг советско-германского пакта 1939 г. М., 1995).

На фоне таких "исторических" толкований, антироссийские силы как в самой Польше, так и на Западе стремятся нагнетать атмосферу вокруг польско-российских отношений.

Так, в марте 1993 года известный американский журнал "Ньюсуик", задавая вопрос "Боятся ли поляки России?", подчеркивал, что пропасть между Россией и Польшей увеличивается, хотя прошлые страхи в отношении России сейчас ослабли. Это происходит якобы из-за сопротивления России проевропейским чаяниям поляков (Ньюсуик. 1993, март).

В тех же целях запугивания поляков ведущая польская "Газета выборча" опубликовала после победы левых сил на выборах 1993 года "Четыре сценария" возможного вторжения в Польшу российских вооруженных сил, явно стремясь закрепить в умах поляков мысль, что угроза Польше исходит только от нас (Правда. 1993, 22 декабря).

Поскольку развитие объективных нормальных польско-российских отношений идет вразрез с планами и намерениями антироссийских кругов в Польше, для подогревания враждебных России настроений, подпитывания страхов и опасений подрывных акций с нашей стороны, время от времени в средствах массовой информации и с различных трибун, в том числе и из уст бывшего президента Л. Валенсы, раздаются различные сенсации преимущественно шпионского характера.

В январе 1993 года в Варшаве начался процесс над "советским агентом", подполковником в отставке Адамом С. Как оказалось, он был обыкновенным уголовником, укравшим деньги в 1990 году, за что и был арестован. Через год следствия обвиняемый решил, что "лучше быть шпионом, чем просто вором", и стал сознаваться в шпионской работе для русских.

Очевидно, это и требовалось для всевозможных сенсационных домыслов и раздувания антироссийских слухов (Известия. 1993, 22 января и 2 ноября).

В результате же вор так и остался вором, не сумевшим ничем доказать свою шпионскую деятельность.

Сразу после парламентских выборов в сентябре 1993 года, на которых левые силы одержали победу, польские СМ И сообщили о следствии над Мареком Зелинским, полковником в отставке, бывшим сотрудником МВД Польши, по подозрению в шпионаже в пользу России. Одновременно Польшу покинул российский военный атташе В. Ломакин, а по сообщениям прессы, якобы в ответ из Москвы был выслан польский военный атташе генерал Роман Хармоза. Все это походило на очередную возню в интересах правых сил. Поскольку за этим последовала провокация с делом Олексы тех же правых сил, инспирируемая самим президентом Валенсой в декабре 1995 года, можно полагать, что спецслужбы подбрасывали эти сенсации СМИ не без поддержки президента (Известия. 1993, 8 октября и 16 ноября).

Коль скоро созданное по указанию Валенсы дело Олексы обвиняло непосредственно внешнюю разведку, расскажу о нем подробнее, хотя само обвинение бывшего премьера Польши в шпионаже не стоит и выеденного яйца. Но немаловажным является то, что скрывалось за ним.

Когда в 1993 году я писал книгу о моих наблюдениях за польским социально-экономическим кризисом 1980-1983 годов, я, давая оценку деятельности ряда видных польских деятелей того периода, высказал прогноз о том, что Леха Валенсу может ожидать та же судьба, конечно же, в современном варианте, что и доминиканского монаха во Флоренции в XV веке Джералина Савонаролу. Моя мысль сводилась к тому, что "Солидарность", приведшая его на вершину власти, сама же и низвергнет его. Так и случилось в декабре 1995 года.

Но Лех Валенса не был бы самим собой, если бы не попытался изменить результаты выборов в свою пользу.

Следствием явилась политическая провокация, подготовленная по его указанию польскими спецслужбами, которая вылилась в так называемое дело Олексы. Замысел ее был прост: перед вступлением на пост вновь избранного президента А. Квасьневского в декабре 1995 года мобилизовать все реакционные силы в стране с тем, чтобы признать выборы незаконными, обвинив, по существу, всю социалдемократическую партию, которую представлял новый президент, и премьера Юзефа Олексу в сотрудничестве с КГБ.

Но польский народ, судя по всему, уже разобрался в современном Савонароле, провокация обернулась через три месяца бумерангом, вызвав снятие с постов в спецслужбе четырех высокопоставленных чиновников, в том числе трех генералов, расследование их роли в провокации.

Меня в этом деле поразили два обстоятельства. Во-первых, участие в качестве главного исполнителя провокации, руководившего подготовкой компрометирующих материалов против Олексы, хорошо известного мне Мариана Захарского, в прошлом, в начале восьмидесятых годов, заслужившего нашу благодарность за операцию ТФП в США, а теперь за "чечевичную похлебку" в виде генеральского звания, пожалованного ему Валенсой, оказавшегося провокатором.

Во-вторых, не то, что в этой провокации почти явный след иностранного участия, как выразилась британская телекомпания Би-би-си, указавшая на ЦРУ, как на вероятного инициатора ее, а то, что пресловутый пособник любых клеветнических инициатив против КГБ и внешней разведки, постоянный адвокат иностранных спецслужб Калугин осмелился и в этом деле приложить свою предательскую руку, выступив на семинаре в Институте мировой политики и Католическом университете США под не менее провокационным названием "Дело Олексы, наследие КГБ в Центральной и Восточной Европе". То, что этот семинар имел целью оказать давление на расследование по делу Олексы, не вызывает сомнений, а участие в нем адвоката ЦРУ Калугина лишний раз усиливает достоверность причастности этого ведомства к провокации (Новости разведки и контрразведки. 1996, N 11).

Для ясности немного хронологии этого дела. Сразу после победы Квасьневского над Валенсой 21 декабря 1995 г. министр внутренних дел А. Мильчановский, с подачи спецслужб, выступил в сейме с обвинением премьера Олексы в шпионаже в пользу КГБ.

В январе 1996 года варшавская военная прокуратура начала следствие. Одновременно Олекса заявил об отставке, но не о капитуляции.

В апреле 1996 года прокуратура прекратила следствие, не найдя доказательств шпионажа. Одновременно было заявлено об отсутствии каких-либо претензий к российским дипломатам и разведчикам.

Однако новый премьер В. Чимошевич не счел дело Олексы закрытым до выяснения того, как могло дойти до безосновательного обвинения главы польского правительства. В этой связи было начато расследование правомерности действий польских спецслужб (Известия. 1996, 27 апреля).

В развитии этого дела в 1997 году в Польше была опубликована "Белая книга", содержащая документы военной прокуратуры в связи с провокацией по обвинению Олексы. Одновременно на пресс-конференции выступил министр юстиции Польши Лешек Куровский.

По заключению специалистов польской военной разведки, которым был поручен анализ магнитных пленок с записями компрометирующих Олексу бесед сотрудников польских спецслужб с советским источником, представленные пленки были исключительно плохого качества и приводимые в них фрагменты бесед явно скомплектованными, то есть, предположительно, специально смонтированными.

Из материалов "Белой книги" (всего 464 страницы) следует, что сотрудники польских спецслужб затеяли авантюру с обвинением премьера Олексы в шпионаже, выполняя заказ определенных политических сил в Польше, которые любой ценой стремились скомпрометировать Олексу и других лидеров правящего Союза левых сил.

Военный прокурор Славомир Тожкевич, принимавший решение о прекращении дела "за отсутствием состава преступления", так охарактеризовал методы и цели участников этой авантюры: "Они нахраписто, всеми возможными средствами (увещеванием, шантажом,

внушением, алкогольным прессингом, подкупом) стремились получить информацию или документы, компрометирующие ведущих представителей одной политической ориентации... Сейчас же они уверяют, что публикация "Белой книги" может лишь скомпрометировать службу безопасности Польши".

Именно в связи с этим министр внутренних дел Польши Сементковский отметил, что книга "является предостережением для всех тех, кто будет браться за такого рода дела" (Новости разведки и контрразведки. 1997, N 3).

Опять же невольно у меня возникает мысль, что не только какие-то силы внутри Польши были заинтересованы в этой авантюрной затее польских спецслужб. Как уже высказывалась британская телекомпания, в ней явно проглядывают уши ЦРУ, заинтересованном в превращении польских спецслужб в свою послушную креатуру, используя их для подрыва польско-российских отношений.

На фоне приведенных негативных примеров из области польско-российских отношений последних лет хочется сказать, что не они определяют долговременные интересы наших двух стран. Об этом как раз говорил и президент Польши Квасьневский во время его первого визита в Москву.

Определенные сложности в российско-польских отношениях постперестроечного периода возникли в области урегулирования проблем, оставшихся после вывода российских войск, находившихся на территории Польши. Они явились не столько результатом трудностей подсчета и определения взаимных экономических претензий, сколько из-за наслоения антирусских настроений, подогреваемых враждебными нам силами. По оценкам сторон, долг каждой друг другу составлял примерно семь миллиардов долларов США, как писала в августе 1993 года "Газета Выборча".

В этом плане было найдено удачное решение российскопольских расчетов - нулевое. В связи с этим мне вспомнилось утверждение математиков о том, что нуль - самая важная цифра. Ибо она богаче по своему содержанию всех иных чисел. Нельзя не согласиться, что в данном случае это определение оказалось и важным, и богатым по содержанию.

Состоялись визиты президента России Б. Ельцина в августе 1993 года, премьера Черномырдина в конце 1994 года и, наконец, после визита президента Польши в Москву в январе 1996 года - рабочая встреча министров обороны в апреле 1996 года.

Хотя перед визитом Черномырдина, в октябре 1994 года в Варшаве, произошел неприятный и негативный для наших взаимоотношений с Польшей инцидент с избиением российских пассажиров на Варшавском вокзале, из-за которого был задержан визит нашего премьера, эти визиты послужили заметному оздоровлению польско-российских отношений и стимулировали их положительное развитие.

Характерно, что здравомыслящую оценку польско-российские отношения находят и у тех польских государственных и политических деятелей, которые являлись близкими

сторонниками Валенсы, несмотря на его в целом не только не дружественное, а порою враждебное отношение к России.

Так, министр иностранных дел Анджей Олеховский в конце 1993 года говорил, что Россия не нуждается в Польше как политическом посреднике, Москве не нужны посредники в ее отношениях с Западом. Сильные позиции Польша может заиметь только как экономический партнер России.

Еще более многозначительными считаю выступления бывшего близкого соратника и советника Валенсы в период кризиса 1980-х годов Адама Михника. Его авторитетный призыв к полякам прозвучал в мае 1995 года, когда он выступил против безответственных заявлений президента, которые по его оценке "подрывают международный престиж Польши". Он писал в "Газете выборча", что и полякам, и россиянам надо отказаться первым - от антирусских, вторым - от антипольских комплексов (Известия. 1995, 5 мая). Надо переступить горизонт прошлого.

Однако, поскольку почти половина поляков поддержала Валенсу на выборах президента в конце 1995 года, целесообразно для трезвой оценки перспектив польско-российских отношений посмотреть хотя бы бегло на позиции этого экс-президента.

Когда в декабре 1990 года Валенса был избран президентом, польские СМИ писали, что выиграла "Солидарность", которая "похоронила коммунизм в нашей части мира". Газета "Трибуна" констатировала, что "перед ним сейчас самый высокий забор, через который он должен перепрыгнуть" (Валенса любил рассказывать, как в 1980 году он перепрыгнул забор гданьской верфи и организовал там забастовку, приведшую к возникновению "Солидарности"). Уже тогда было ясно, что далеко не большинство избирателей
- всего 11 миллионов из 27,5 - проголосовали за него.

Как показала жизнь, ни "Солидарность" не похоронила коммунизм, ни Валенса не смог "перепрыгнуть" забор.

В сентябре 1992 года, предвидя реальную угрозу для себя, правые силы в Польше, с подачи Валенсы, стали добиваться наказания за прошлое всех коммунистов, проводя шумную кампанию за "люстрацию", намереваясь в законодательном порядке провести тотальную "декоммунизацию". Эти замыслы правых потерпели поражение, встретив отпор даже со стороны видных деятелей "Солидарности". Даже выдвиженец правых министр обороны Я. Онишкевич, в прошлом один из лидеров "Солидарности", пригрозил отставкой, так как "декоммунизация" означала бы стопроцентную отставку командного состава армии, в прошлом состоявшего в ПОРП.

Демократическая пресса иронически заметила, что после такой "декоммунизации" необходимо будет провести "декретинизацию" страны, чтобы вернуться к нормальной жизни (Правда. 1992, 18 сентября).

В январе 1994 года, уже после поражения правых сил на парламентских выборах, Лех Валенса запугивает американцев мифической угрозой со стороны России. В интервью газете

"Вашингтон Пост" он говорит: "Американцы хотят приручить медведя, забыв, что в густом лесу сделать этого нельзя". И далее: "Россия никогда своего не упустит. Польша для нее всегда лишь лакомый кусочек..." (Известия. 1994, 5 января).

В марте-апреле 1994 года Валенса, после поражения на выборах, потерпел второе поражение при попытке объединить под своим руководством оппозицию. Имевшиеся к этому времени в Польше мелкие партии, а их насчитывалось уже до 200, не пожелали откликнуться на его призыв (Зюддойче цайтунг, Мюнхен).

В феврале 1995 года Адам Михник остро критикует Валенсу за его посягательства на польскую демократию и претензии на культ своей личности. Он писал: "Валенса - мастер деструкции. Его сила - в таланте разрушения, его драма - в неспособности к созиданию" (Газета Выборча. 1995, 8 февраля).

В июне 1995 года, перед президентскими выборами, намеченными на конец года, на VII съезде "Солидарности", на котором тон нападок на социал-демократов задавал Валенса, прозвучали угрозы: "если на выборах победят неокоммунисты, "Солидарность" выйдет на баррикады". По ходу предвыборной кампании в президенты политическая борьба между сторонниками безоглядного отказа от всего прошлого, которых возглавлял Валенса, и левыми силами во главе с А. Квасьневским, стремившимся найти взвешенное решение развития экономики и политики, обострилась до предела. Ее закономерным финалом явилась провокация с делом Олексы (Известия. 1995, 14 июня).

После победы "Солидарности" власти, представляемые этим профобъединением в 90-е годы, оказались в такой же затруднительной ситуации, что и коммунистическая партия в 80-е годы. "Солидарность", пришедшая к власти на волне забастовок, в июле 1992 года разгоняла бастующих бронетранспортерами и водометами. В самой "Солидарности" обозначился раскол, ее руководство обвиняли в отрыве от масс.

После победы левых сил в Польше последовали аналогичные сдвиги в Венгрии, где победила Социалистическая партия (ВСП), затем у нас в России, на Украине, в Белоруссии, Литве, Болгарии. Западные СМИ считают этот сдвиг влево результатом протеста против некомпетентных руководителей, коррупции, ухудшения социального положения трудящихся.

В июне 1995 года правительству в ходе президентской предвыборной кампании удалось провести в сейме принятие двух законов: об отмене срока давности в отношении преступлений в 1944-1989 годах, дававшее возможность судебного преследования бывших сотрудников госбезопасности, и закон о компенсации лицам, пострадавшим от депортации в СССР и в Германию. Эти законы дали пищу для антирусских выступлений и настроений (Известия. 1995, 5 июня).

В конце 1995 года все тот же Михник, подводя итог "эпохи Валенсы", констатировал, что "бархатная революция", которая совершилась в Польше, характеризовалась как "способ адаптации людей прежнего режима к условиям парламентской демократии и рыночной экономики" (Михник А. Конец эпохи Великого Электрика. Известия. 1995, 24 ноября).

Но вот наступил 1997 год и новая возможность для Валенсы попытаться вернуться к активной политической роли на волне вспыхнувшего недовольства рабочих Гданьской судоверфи, поддержанного профсоюзом "Солидарность".

В марте 1997 года рабочие этой верфи, явившейся колыбелью "Солидарности" в 1980 году, выступили против объявления верфи банкротом, с вытекающим из этого увольнением большинства работающих там. Начались бурные протесты профсоюза "Солидарность", поддержанные Валенсой. Если учесть, что как и в 1980 году, так и теперь вокруг "Солидарности" концентрируются многие политические силы центра и правого крыла, нельзя исключать, что за "Солидарностью" и политическими силами, которые сплотились вокруг нее, есть будущее (Эггерт К. "Солидарность" опять выводит народ на улицу. Мнение польского политолога Артура Михальского. Известия. 1997, 21 марта)

Новые руководители Польши во главе с президентом Квасьневским, судя по всему, понимают, что сегодня наиболее выгодный и емкий рынок для Польши - это Россия, СНГ. В этом смысле победа левых сил выгодна для обеих стран (Корнилов Л. К власти вернулись люди, которые понимают по-русски. Известия. 1995, 14 декабря).

Заключить раздел о польско-российских отношениях хочу словами польского писателя Станислава Лема, сказанными при встрече с российскими журналистами: "Хорошо, что еще осталась в мире такая страна, как Россия, где отношение к литературе, к книге в отличие от Запада остается самым осмысленным, трепетным и ненасытным" (Туровский В. Известия. 1996, 16 марта).

ЧТО СТАЛОСЬ С СОТРУДНИЧЕСТВОМ?

В целом, как уже показано во вступительной главе настоящих воспоминаний, сотрудничество КГБ и, в частности, внешней разведки со спецслужбами бывших социалистических стран было взаимовыгодным и чрезвычайно плодотворным как в области обеспечения государственной безопасности сотрудничавших стран.

Сейчас, оценивая итоги этого сотрудничества с позиций сегодняшнего дня, можно определенно сказать, что в области разведывательных результатов внешняя разведка многое потеряла в лице бывших братских служб, лишившись их ценных источников информации, существенно дополнявших возможности самой нашей службы. Эти потери особенно чувствительны по таким направлениям разведывательной работы, как США, НАТО, Германия.

Можно без преувеличения считать, что вклад в обеспечение безопасности всего бывшего соцсодружества разведки ГДР был наиболее существенным, хотя и разведслужбы Польши, Чехословакии, Венгрии, в меньшей мере Болгарии вносили свою долю, особенно в области добывания политической информации и оборонно-стратегических и научно-технических материалов.

О том, каких результатов добивалась разведка ГДР, можно судить по приведенным мною примерам успешных операций ТФП этой службы. Но особенно это видно из лихорадочной

деятельности западных спецслужб после объединения Германии и ликвидации ГДР, которую они развернули в области "разоблачения" конкретных случаев успешного агентурного ТФП разведки ГДР в западные спецслужбы и другие важные объекты США, Германии, НАТО.

Сейчас западные спецслужбы вынуждены признать, что восточногерманская разведка была самой эффективной, успешно действовавшей против Запада союзницей советской внешней разведки.

Не случайно западные спецслужбы упорно добивались склонения бывшего руководителя разведки ГДР Маркуса Вольфа и ряда других его коллег к сотрудничеству. Не добившись согласия, предприняли попытку судебного преследования.

Только в середине 1995 года, после длительного преследования и даже осуждения (например, Вольфа приговорили к 6 годам тюремного заключения), он и другие сотрудники Главного управления разведки ГДР, занимавшиеся разведкой против ФРГ, были решением Конституционного суда ФРГ освобождены от обвинения в шпионаже и измене.

Но при этом разведчики-нелегалы, работавшие на территории ФРГ, только частично амнистированы, они могут рассчитывать на смягчение приговоров, если явятся с повинной. Граждане же ФРГ, завербованные разведкой ГДР, от ответственности не освобождаются совсем (Лысенко Б. Бывшему шефу "Штази" и его агентам тюрьма больше не грозит. Известия. 1995, 25 мая).

#Американцы признают сейчас, что восточногерманская разведка, с четырьмя тысячами сотрудников, включая аналитиков, уступая по численности ЦРУ, с ее девятнадцатью тысячами сотрудников, по своим успехам, в том числе по проникновению в важные органы США, превосходила западные спецслужбы.#

В этой связи интересны признания американских средств массовой информации о начальнике 9 отдела разведки ГДР Харри Шютте, также отказавшемся от сотрудничества с ЦРУ. Думаю, что некоторые примеры деятельности этого отдела под руководством Шютта стоит упомянуть.

9 отдел отвечал за контрразведку и военную разведку в системе внешней разведки Восточной Германии. Он был нацелен на нейтрализацию зарубежных шпионских систем и действовал, внедряя своих агентов и разведчиков в разведслужбы противника. Вот ряд примеров, приводимых в американском журнале "Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт" (Маркс Джон. Супершпион жил в ГДР. Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт. N 17. Цит. по газ. За рубежом. 1993, 30 апреля).

В течение 9 лет до падения Берлинской стены в 1989 году были идентифицированы, разоблачены или скомпрометированы те люди, которых ЦРУ пыталось внедрить в восточной части Германии. #"Наш итог в общем и целом в 80-е годы в Восточной Германии равен нулю", признает высокий чин ЦРУ с немалым опытом работы в Европе.#

С 1982 по 1984 год сержант американских ВВС Джерри Карни, числившийся специалистом по коммуникационным проблемам и переводчиком при берлинском аэропорте Темпельхоф, работал на разведку ГДР. В течение двух с половиной лет Карни передавал копии всякого рода секретной информации и военного, и разведывательного характера. В 1985 году бежал в ГДР, где продолжал заниматься перехватом и расшифровкой переговоров между представителями высшего американского начальства, военными и разведчиками в Западном Берлине. В 1991 году был арестован американцами и осужден к 38 годам тюрьмы.

Завербованный 9-м отделом восточногерманской разведки сотрудник американской разведки Джеймс Холл, специалист по анализу в Западном Берлине, поставлял важную секретную информацию о "звездных войнах" Рональда Рейгана, на протяжении б лет обеспечивал содействие в нарушении, создании помех и выводе из строя американской системы электронного слежения в Восточной Европе.

Пожалуй, самым продуктивным агентом 9-го отдела оказался Альфред Шпюллер, эксперт западногерманской военной разведки, работавший с братом Людвигом, выполнявшим роль связника. Шпюллер передавал материалы о состоянии боевой готовности НАТО, мобилизационные планы. К нему попадали и материалы Пентагона, причем сверхсекретного характера.

9 отделом был завербован и стал "кротом" разведки ГДР один из руководителей контрразведки ФРГ Клаус Курон, при помощи которого удалось парализовать всю систему западногерманской агентуры, включая и "кротов" БНД в ГДР.

Я уже писал ранее об агентах 9 отдела супругах Лотаре и Ренате Лютце.

Упоминаются и другие агенты, например, агент ЦРУ в Бонне Альфред Тилеман, который был перевербован 9-м отделом и использовался против ЦРУ.

Признавая эти и другие факты успешной деятельности против США, уже раскрытые американцами, Харри Шютт отказался раскрывать другие детали, неизвестные им. Он заявил: "Мы выполняли свой долг перед страной, не меньше и не больше, выполняли свой долг перед своим суверенным государством, Восточной Германией".

Далее он сказал, что не смирился с происшедшими переменами в ГДР. "Этот горький опыт с демократией не убедил меня, - сказал он, - в справедливости и правоте моих противников" (Маркс Джон. Супершпион жил в ГДР. Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт. N 17. Цит. по газ. За рубежом. 1993, 30 апреля).

Эти примеры - только часть той большой и плодотворной деятельности, которую успешно проводила разведка ГДР. Для того чтобы подчеркнуть значение потери для внешней разведки такого союзника, приведу слова ее бывшего начальника Вольфа: "Внешняя разведка потеряла "свой главный источник - "Штази", поскольку не секрет, что информацию по Европе, по НАТО добывала и поставляла в основном ГДР".

В свою очередь, бывший начальник внешней разведки Шебаршин уточнил эту, быть может, несколько преувеличенную оценку роли восточногерманской разведки. "Разведки ГДР, разумеется, - сказал он, - были сильнее нас в ФРГ, мы были сильнее в других регионах планеты" (Новости разведки и контрразведки. 1995, N 23-24).

Думаю, что достаточно этой одной иллюстрации того, что было утрачено внешней разведкой, с исчезновением системы сотрудничества и взаимодействия спецслужб бывшего социалистического содружества. Жаль, конечно, но, как говаривали мудрые греки, "даже могущественные боги не могут сделать бывшее небывшим - даже боги".

Но негативные изменения в области сотрудничества не ограничивались только областью получения разведывательной информации традиционными методами разведки. Исчезла и возможность проведения операций безагентурного ТФП в особо благоприятных условиях дружественных союзных стран и содействия их спецслужб. Еще более существенный урон понесла наша внешняя разведка, потеряв друзей и приобретя вместо них противников. И особо неприятно то, что новые союзники западных спецслужб были хорошо осведомлены о методах и приемах нашей разведывательной деятельности, с которыми бывшие братские спецслужбы ознакомились в процессе взаимодействия с внешней разведкой.

Западные спецслужбы поспешили, нс теряя времени, устанавливать тесные контакты и взаимодействие с вновь приобретенными ими союзниками.

Не случайно руководители западных спецслужб начали совершать наезды в столицы бывших социалистических государств с целью обсуждения проблем и возможностей тесного сотрудничества спецслужб. Бывший директор ЦРУ Д. Вулси дважды, в 1993 и 1995 годах, совершал объезды столиц Восточной Европы, в том числе в Варшаве и Софии обсуждал перспективы "широкого сотрудничества разведок". Естественно задать вопрос: против кого? И ответ может быть только один: против нас, помимо взаимодействия в борьбе против организованной преступности, которой, кстати, удобно прикрывать все остальное.

С той же целью установления тесного сотрудничества руководители спецслужб в странах Восточной Европы приглашаются в западные столицы. Например, уже в 1996 году министр внутренних дел Польши Збигнев Самионковский выезжал в Вашингтон, после возвращения откуда заявил об открытии в Польше представительства американской контрразведки - ФБР - и договоренности относительно более тесного сотрудничества Управления охраны государства с ФБР и ЦРУ. Думаю, что в польских газетах не случайно одновременно появились сообщения о том, что Польша превратилась в место столкновения разных разведок Востока и Запада, а с ее территории осуществляется руководство агентуры в других странах. В этом контексте небезынтересно сообщение о том, что в польской разведывательной школе сейчас усиленно изучают русский язык, ибо "восточное направление операций польской разведки необходимо выстраивать практически с нуля", - сказал один из руководящих сотрудников польской разведки, у которой "не было много агентов в бывшем Советском Союзе" (Сообщение из Варшавы. 3а рубежом. 1994, 7 апреля).

Полагаю, что антироссийская провокация с делом Олексы достаточно ясно показала, как осторожно нужно относиться внешней разведке к польским спецслужбам, ныне активно сотрудничающим с ЦРУ и ФБР. И не только с ними, но и с бывшим заклятым врагом Польши - БНД, с британскими спецслужбами. Одним словом, если намеки на превращение Польши в международный центр разведывательной деятельности пока еще малоубедительны, то превращение польской территории в плацдарм деятельности западных разведок против нас не вызывает сомнений.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СНГ

Изменение международного положения и возникновение новых государственных режимов в бывших странах соцсодружества, появление после распада СССР на его бывшей территории независимых государств вызвало потребность в новых формах сотрудничества специальных служб России со спецслужбами этих государств.

Служба внешней разведки к 1994 году установила партнерские отношения практически со всеми разведками бывших стран соцсодружества, за исключением Албании. В основу сотрудничества с ними кладется совместная борьба с распространением оружия массового поражения, незаконным оборотом наркотиков, международной организованной преступностью и терроризмом.

Одновременно внешняя разведка, считая своим долгом оказание помощи и содействия молодым спецслужбам стран СНГ, к концу 1994 года провела переговоры и подписала соответствующие соглашения с разведками этих государств, последнее из которых было подписано в декабре 1994 года в Ашхабаде с председателем Комитета национальной безопасности Туркмении С. Саидовым. Туркмения стала десятым государством СНГ, с которым Россия подписала дружественное соглашение в области разведывательной деятельности.

В процессе установления взаимодействия с разведками стран СНГ уже в апреле 1992 года в Алма-Ате представители большинства этих стран подписали соглашение об основных принципах сотрудничества. Исходя из них, внешняя разведка в странах СНГ не ведет разведывательную деятельность. Так же, как и против третьих стран, на чужой территории (Красная звезда. 1995, 26 декабря). Однако, вопреки утверждениям западных СМИ, вне СНГ никто и никогда не обещал не вести разведки против других стран.

В аспекте сотрудничества спецслужб стран СНГ невольно возникает вопрос о тенденциях интеграции этих государств. Ибо и специальные службы должны думать о своем "интеграционном" будущем.

Важно, очевидно, что прежде чем переходить к следующему шагу в области объединения усилий в защите геопространства СНГ, нужно хорошо освоить первый достигнутый этап: сотрудничество в области взаимодействия по наиболее жизненно важным направлениям деятельности спецслужб. Таким, как противодействие проникновению иностранных, внешних для СНГ спецслужб с явно разведывательными целями, вытекающими из современного

положения в мире, захвату рынков, монополизации внешней торговли, а также в области борьбы с терроризмом, наркобизнесом и организованной преступностью (Сегодня. 1994, 26 августа).

Опыт успешного, плодотворного сотрудничества разведывательных служб бывших социалистических стран убедительно говорит в пользу скорейшего решения задачи налаживания действенного сотрудничества внешней разведки в рамках СНГ в первую очередь, в области укрепления деловых связей в борьбе за обеспечение мира и в интересах международного сотрудничества.

Важным развитием взаимодействия спецслужб стран СНГ явилось первое совещание руководителей спецслужб стран-участниц СНГ, состоявшееся в Москве в марте 1995 г. На нем был подписан итоговый документ, согласно которому совещание становится постоянно действующим органом. Утвержден его секретариат, на котором председательствует директор ФСБ России. Решено создать единый банк данных в Москве на компьютерной базе ФСБ.

Это объединение контрразведок стран СНГ является важной базой и для разведок этих стран (Новости разведки и контрразведки. 1995, N 5-6).

Актуальность согласованных действий спецслужб стран СНГ - разведывательных и контрразведывательных - диктуется теми усилиями Запада и западных специальных служб, которые они наращивают в целях воспрепятствовать процессу интеграции в рамках СНГ, максимально изолировать Россию от бывших республик Советского Союза, ставших независимыми государствами.

В этом плане, помимо практической деятельности западных спецслужб на территориях стран СНГ, обращает на себя внимание стремление западных монополистов играть на националистических настроениях, подогреваемых их службами в этих странах, соблазнять посулами большей выгодности для их развития экономических отношений с Западом, чем с Россией. Международные монополии хотели бы, чтобы эти новые молодые государства были оставлены без воздействия России, один на один с Западом, чтобы легче было установить контроль над доступом к колоссальным запасам энергоресурсов и ископаемым запасам Центральной Азии, представленной в СНГ Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, Туркменистаном и Таджикистаном, а также богатым нефтью мусульманским Азербайджаном.

Думаю, что и конфликт в Чечне имеет корни в этой эгоистической заинтересованности Запада, которой выгодно отвлекать силы и внимание России на эту болезненную для нее проблему при одновременно удобной возможности вести антироссийскую пропагандистскую кампанию.

СОТРУДНИЧЕСТВО С ЗАПАДОМ

После распада социалистического содружества и прекращения сотрудничества внешней разведки с союзными спецслужбами восточноевропейских стран, установление партнерства России с западными государствами поставило вопрос об установлении внешней разведкой

новых, также партнерских отношений с западными спецслужбами, ранее являвшимися враждебными нам.

Можно считать, что этот процесс налаживания сотрудничества с бывшими нашими непримиримыми противниками на "невидимом фронте" явился возобновлением того начального взаимодействия с западными спецслужбами, которое возникло во время второй мировой войны, в 1941 году, в рамках антигитлеровской коалиции.

Тогда англичане, после нападения Германии на Советский Союз, предложили объединить усилия английской и советской разведок против гитлеровской Германии. Это предложение, переданное через английского посла в Москве Крипса, было принято советским правительством. Последовали переговоры, в которых с советской стороны участвовал опытный разведчик В. Зарубин, от англичан - полковник Гинбсс.

В конце сентября 1941 года в Москву прибыл глава английской миссии Управления специальных операций Джордж Хилл, кстати, в прошлом коллега английского резидента в России Сиднея Рейли. Между указанным управлением и НКВД было достигнуто соглашение об обмене разведывательной информацией по Германии и заброске англичанами в тыл врага с диверсионными целями советских разведчиков и агентов, обеспечении англичанами для внешней разведки связи с этими разведчиками.

Как результат, на протяжении 1941 и 1942 годов двадцать подготовленных советских разведчиков и агентов были переброшены англичанами в оккупированную немцами Европу. Однако большинство из них не достигли намеченных пунктов действий, только семь смогли добраться до мест назначения, но связь с ними англичане так и не наладили для внешней разведки. Естественно, с нашей стороны возникли подозрения о по меньшей мере недобросовестном отношении со стороны английских спецслужб к операции НКВД. На этом и закончилась первая попытка налаживания сотрудничества с этой западной спецслужбой.

Более успешно взаимодействие британской и советской разведки развивалось в Иране, во время оккупации этой страны нашими и союзными войсками в 1941-1945 гг. Разгром гитлеровской агентуры и основного ядра антисоюзнических сил в Иране тогда в большой степени зависел от взаимопонимания и взаимодействия союзнических спецслужб, прежде всего советских и британских.

В то время претензий у обеих сторон накопилось много, и в ряде случаев они были небезосновательны. Но главная задача была общая - разгром гитлеровской Германии и ее союзников, она диктовала необходимость взаимодействия и сотрудничества во имя достижения главной цели. Соответствующие указания получили британская и советская разведки, в частности, их резидентуры в Иране. Так стала действовать система "Контакт".

В целом это сотрудничество состоялось. Совместные действия двух разведок позволяли успешнее и быстрее проникать в замыслы и действия антисоюзнических сил. Это было очень важно: советская и британская разведки как бы дополняли друг друга, поскольку каждая имела свои сильные стороны, несовпадающие традиции и опыт, различные источники информации.

Жизнь показала, что такое взаимодействие было вполне адекватным (Финансы и статистика. Москва, 1996).

Вторую попытку начать сотрудничество с внешней разведкой Запад предпринял также во время войны в 1943 году.

Поскольку у англичан ничего не получилось в основном из-за их нежелания что-либо конкретно делать для внешней разведки, теперь поступило предложение от американцев. Через посла США Гарримана было согласовано начать переговоры, на которые в декабре 1943 года в Москву прибыл начальник Управления стратегических служб США Уильям Донован. В результате переговоров с ним начальника внешней разведки П. Фитина было подписано соглашение о контактах двух разведок, обмене разведывательной информацией и о содействии в заброске агентуры в тыл противника, консультациях при проведении активных разведывательных операций. Активное сотрудничество продолжалось около полугода, затем стало ослабевать и после открытия второго фронта прекратилось по инициативе Запада. Он ведь не хотел усиления позиций СССР и внешней разведки в Европе. Кстати, как раз в этот последний период, в 1945 году, и была передана Фитину копия обгоревшей советской кодовой книги, правда, вопреки желанию УСС, по указанию президента Рузвельта.

Тогда сотрудничество не получило развития, поскольку мы были идеологическими противниками с Западом и, несмотря на военную коалицию, наши спецслужбы принадлежали к антагонистическим политическим системам.

Иное положение сложилось сейчас. По мере устранения в России коммунистической партии как единолично правящей силы, Запад, потеряв врага N 1, стал проявлять тенденцию к установлению партнерских отношений и по линии специальных служб. Правда, это стремление сводилось в основном к многообещающим заявлениям на словах, а на деле - к попыткам как можно больше получать информации о российских спецслужбах и как можно меньше раскрывать перед нами своих секретов.

Внешняя разведка с готовностью откликнулась на призыв к взаимодействию с западными разведками в борьбе с терроризмом, наркобизнесом, нелегальной торговлей оружием и прежде всего с опасностью распространения оружия массового уничтожения.

Такое плодотворное сотрудничество стало возможным и целесообразным. Рамки его, очевидно, должны определиться самим характером разведывательной деятельности каждой из сторон, при которой взаимодействующие разведки не могут до конца быть открытыми друг перед другом. Имеется в виду прежде всего наличие национальных интересов государств, которые они обязаны оберегать и обеспечивать, а также необходимость, в интересах безопасности сотрудничающих служб, сохранения в тайне оперативных и иных профессиональных секретов. Тем более на современном этапе отношений Запада с Россией, когда остаются серьезные проблемы и взаимные претензии, в том числе различный подход к обеспечению международной безопасности и к НАТО, в частности.

Нам приходится учитывать и тот факт, что, несмотря на смягчение международной обстановки, кардинальные изменения внутриполитического режима в России и улучшения российско-американских отношений, вокруг СНГ продолжают летать десятки иностранных самолетов-разведчиков, вдоль морских границ России снуют иностранные подлодки, а западные спецслужбы активизировали свою разведывательную работу на территории России.

Военное присутствие США у границ России остается и даже усиливается.

Именно поэтому, как считают российские военные, особенно моряки, "холодная война" пока полностью еще не закончилась (Огонек. N 29-30. 1992, 15 июня). К тому же военный бюджет США остается огромным. По данным на середину 1994 года он составлял почти столько же, сколько военные бюджеты всех остальных стран мира, вместе взятых (Нью-Йорк Таймс. 1994, июнь).

Процесс перестройки международных отношений, хотя "холодная война" уже объявлена законченной, еще далеко не завершился. От всех участников его требуется последовательное воплощение в жизнь нового подхода, свежего взгляда на все факторы, действующие в отношениях между государствами, в первую очередь, в области вооружения, действий военных сил и специальных служб. Ибо есть еще на Западе влиятельные силы, способные тормозить этот процесс, даже сорвать его, возвращая нас к прошлому пожару противостояния.

В этой связи мировая общественность не без тревоги наблюдает настроения наиболее радикальных республиканцев, которые пришли в конгресс США после крупной победы в 1994 году. Именно они грозятся многое пересмотреть теперь в отношениях США к России (Ньюсуик. 1994, декабрь).

Характерно в этом отношении заявление сенатора-республиканца Ричарда Лугара, выступившего в пользу выделения средств России, но только для реконверсии российских оборонных предприятий на производство народнохозяйственной продукции, в то время как о другой помощи республиканцы не желают и слышать. Республиканцы собирались помогать России, по словам Лугара, "чтобы выдернуть клыки советскому медведю" (Уолл-стрит Джорнал, Нью-Йорк. 1994, сентябрь).

Учитывая, что отношения России с Западом определяются прежде всего российско-американскими отношениями, которые не так давно формулировались американцами как отношения к "империи зла", взаимоотношения и российских спецслужб с западными также во многом зависят от отношения и позиций американских специальных служб. Поэтому целесообразно посмотреть на современное сотрудничество внешней разведки прежде всего с ЦРУ.

Поддержка со стороны ЦРУ идеи налаживания прямых связей разведок, выдвинутой директором внешней разведки Е. Примаковым, явилась, по словам "Уолл-стрит Джорнал", "резким поворотом в позиции этого ведомства". Исполнявший обязанности директора ЦРУ Ричард Керр говорил, что "до сих пор... управление в целом с крайней неохотой относилось к

тому, чтобы начать с КГБ прямые контакты, контакты на равных". "Мы не хотели, - продолжает он, - поднимать КГБ до нашего уровня" (Известия. 1991, 8 октября).

Это подтвердил и Эймс уже из тюремной камеры, когда заявил, что в 1991 году в ЦРУ действовала специальная группа, в задачу которой было поставлено покончить с КГБ и подорвать позиции внешней разведки, добиваясь в России сокращения ассигнований на нее. Ясно, что последнего ЦРУ могло добиваться через агентурные возможности, в том числе через агентов влияния в российском парламенте.

Соответственно, поддерживая и развивая сотрудничество с западными спецслужбами и, естественно, в первую очередь с ЦРУ, как службой, задающей тон в западном разведывательном сообществе, внешняя разведка, очевидно, должна исходить из того, что ЦРУ, а за ним и другие ведущие западные разведки далеко не отказались от своих давних целей подрыва позиций внешней разведки.

Известно, что ЦРУ, как и сами США, считают себя вправе диктовать свою волю всему миру, навязывать свои методы и подход к сотрудничеству с российской внешней разведкой с позиций силы, что наиболее явно проявилось в связи с делом Эймса, когда США пытались показать России и ее разведке, что позволительно им и ЦРУ, в частности, в их действиях против России и что не позволительно внешней разведке в ее действиях против США и ЦРУ.

В 1992 году директор ЦРУ Д. Гейтс посетил Москву и встретился с
Е. Примаковым для обсуждения проблем сотрудничества. В июне 1993 года Е. Примаков посетил ЦРУ, где в течение четырех дней провел переговоры с новым директором ЦРУ Д. Вулси. В августе того же года Примаков продолжил с Вулси, приехавшим в Москву, обсуждение проблем сотрудничества и возможности взаимодействия разведок по таким угрожающим всему миру явлениям, как терроризм, распространение оружия массового уничтожения, торговля наркотиками. Они исходили из того, что в условиях, когда дельцы международной организованной преступности становятся хозяевами целых стран, разведывательные службы превратятся в передовую линию обороны против этих возрастающих угроз.

Хотя Гейтс, затем Вулси утверждали, что тайные операции ЦРУ стали достоянием прошлого, этому противоречили факты событий в Сомали, на Гаити, Кубе.

С визитом Вулси в Москву в августе 1993 года совпало убийство в Грузии одного из ведущих сотрудников ЦРУ Фреда Вудраффа, которое "пролило свет на попытки США распространить свое влияние - как открыто, так и тайно
- в бывших советских республиках. Вудрафф был одним из ключевых участников тайной операции ЦРУ в Грузии (Правда. 1993, 18 августа). Вот и опровергло это событие утверждения Д. Вулси. Возникает вопрос: какую тайную операцию осуществляло ЦРУ, направив в Грузию своих разведчиков?

Усилия внешней разведки по налаживанию сотрудничества с ЦРУ и другими западными разведками проходили на фоне непрекращающейся деятельности этих служб в области шпионажа против России и ее позиций в мире.

В марте 1992 года был поднят пропагандистский шум после измены сотрудника внешней разведки в Бельгии В. Коноплева, когда из этой страны были выдворены четыре российских дипломата и арестованы три бельгийца как агенты внешней разведки. В октябре 1992 года аналогичная антироссийская кампания развернулась во Франции после бегства изменника В. Ощенко и выдворения из страны также четырех российских дипломатов, ареста французской контрразведкой агентов внешней разведки.

В августе 1994 года Федеральная разведывательная служба Германии (БНД) организовала провокационную инсценировку вывоза из России плутония. Немецкий журнал "Шпигель" назвал эту "операцию" "грандиозной аферой, одной из самых авантюрных акций БНД". Операция под кодовым названием "Царство мертвых" проводилась с целью продемонстрировать Западу опасность якобы существующей контрабанды из России расщепляющихся материалов и неспособности российских спецслужб обеспечить надежную охрану таких материалов (Новости разведки и контрразведки. 1995, N 9-10).

Одновременно германские спецслужбы кричали о российском шпионаже в Германии, а в это время в Москве был разоблачен агент БНД Лаврентьев, приговоренный в 1994 году к 10 годам тюрьмы, и был выдворен из России сотрудник этой разведки.

В январе 1994 года в России был разоблачен агент британской разведки, а в 1996 году - другой, арест которого повлек выдворение из России четырех разведчиков МИ-6.

Эта закономерная акция российских властей вызвала совершенно необоснованное ответное выдворение из Англии четырех российских дипломатов.

В этой связи британские власти продемонстрировали свое лицемерие, когда в марте 1996 года председатель британского парламентского Комитета по безопасности и разведке Том Кинг опубликовал доклад, где говорилось об активизации российской разведки в Англии. А в мае этого же года тот же самый Том Кинг в связи с разоблачением в России британского агента признал, что "национальные интересы Британии требуют, чтобы она была в курсе того, что происходит в России". Вот и судите, когда он прав.

Английские СМИ создавали впечатление, что в поднятом шпионском скандале виновата Россия, а не английская сторона. Представитель внешней разведки Ю. Кобаладзе охарактеризовал высылку из Англии четырех российских дипломатов как возвращение к прежним временам "холодной войны" по принципу око за око (Известия. 1996, 12 и 21 мая).

Федеральная служба контрразведки России в начале 1994 года отмечала в своем докладе широкое использование спецслужбами США американских политологических центров, университетов, неправительственных фондов и общественных организаций в разведывательно-подрывной деятельности на территории России. В этих целях используются все каналы

расширяющихся контактов, ставятся задачи проникновения в архивы и места сосредоточения интересующих американскую разведку материалов (Известия. 1994, 8 января).

Уже в 1997 году разоблачен и осужден на 12 лет как американский агент старший научный сотрудник одного из оборонных НИИ в Ленинграде М. Финкель.

Не без участия ЦРУ и других западных разведок периодически возникают кампании обвинений внешней разведки во вмешательстве в дела бывших стран-членов соцсодружества. Уже в 1995 году в Словакии в связи с гибелью Дубчека была инспирирована антироссийская кампания о якобы причастности российских спецслужб к автокатастрофе в сентябре 1992 г., в которую попал Дубчек. При этом делались намеки на аналогичную связь убийства в Польше бывшего премьера П. Ярошевича. Прослеживается возможная причастность ЦРУ к провокации против премьера Польши Олексы, обвинявшегося в сотрудничестве с КГБ.

Не ослабевает, а, наоборот, отмечается активизация военной и разведывательной деятельности вооруженных сил НАТО на Севере России. В этой связи характерен скандал в СМИ Норвегии и других западных стран в начале 1996 года из-за операции российской контрразведки по пресечению шпионской деятельности норвежской разведки под прикрытием экологической организации "Беллуна" (Новости разведки и контрразведки. 1996, N 2).

Вступая в сотрудничество с западными спецслужбами, внешняя разведка дала ясно понять, что она не делает ни в США, ни в других западных государствах ничего больше того, что делают ЦРУ и другие западные спецслужбы в России и против России. Она не собирается прекращать свою разведывательную деятельность в угоду ЦРУ, ФБР или кого бы то ни было, но не вмешиваясь во внутренние дела других государств, в противоположность ЦРУ, которое продолжает свою прежнюю практику.

Учитывая стремление ЦРУ действовать с позиций силы, внешняя разведка ясно дает понять своим западным партнерам, что готова к сотрудничеству только на равных. Коль скоро на равных разговаривают только с сильными партнерами, внешняя разведка не собирается ослаблять свои позиции.

Можно, кстати, отметить, что достаточным свидетельством силы внешней разведки является вербовка Эймса. Едва ли слабой разведке удалось бы привлечь к сотрудничеству такого высокопоставленного работника самой мощной на Западе разведки. О том же свидетельствует вербовка сотрудников ЦРУ Гарольда Никольсона и сотрудника ФБР Эрла Питтса, по утверждению западных СМИ, завербованных внешней разведкой и признавшихся в конце 1996 года в сотрудничестве с нею в течение ряда лет. Да и пример о технических возможностях внешней разведки - внедрение спецтехники в новое здание американского посольства в Москве - говорит о том же. Не будь предательского акта В. Бакатина, едва ли американским спецслужбам удалось раскрыть это уникальное достижение российских спецслужб.

К слову можно добавить, что и мой личный опыт операций ТФП в иностранные объекты, в том числе и американские, сильно, но безуспешно охраняемые, свидетельствует никак не о слабости, а, наоборот, об известном превосходстве внешней разведки.

Таким образом, готовность российских спецслужб сотрудничать с западными отнюдь не должна восприниматься ни на Западе, ни нашей общественностью как предоставление разведслужбам возможности безнаказанно действовать на российской территории или против России где бы то ни было.

Можно сказать, что сотрудничество с западными спецслужбами уже дает известные положительные результаты. Так, например, Генеральный директор британской службы МИ-5 Стелла Ремингтон считает, что "российские разведки будут не только продолжать шпионить, но и наращивать свою активность, тем не менее МИ-5 устанавливает сейчас связи не только с секретными службами бывших соцстран Восточной Европы, но и развивает контакты с российской разведкой по таким вопросам, как взаимный обмен разведданными по международному терроризму и распространению оружия массового уничтожения" (Новости разведки и контрразведки. N 21-22, 1995, декабрь).

Если такая засекреченная спецслужба, как британская, начинает поворот в сторону сотрудничества с внешней разведкой, то другие спецслужбы западных государств не только декларируют свою готовность к этому, но и делают конкретно практические шаги, которые встречают положительную реакцию внешней разведки.

ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

С точки зрения науки о разведке, внешняя разведка - это сложное оперативное, политическое и социально-психологическое. Будучи одним из проявлений политической борьбы, она, с одной стороны, есть противоборство российской разведки со спецслужбами противника, с другой - постоянный своеобразный психологический поединок российских разведчиков с иностранными объектами интереса разведки.

По своей роли в обществе, разведка - это необходимый механизм, решающий целый ряд важнейших государственных задач. Национальные интересы нашего государства, которые раньше очень часто отодвигались на задний план перед идеологическими, теперь стали первостепенными по своей значимости, вышли на авансцену.

Теперь наряду с патриотизмом как основным фактором, стимулом деятельности разведчика выдвигается, вместо прежней идеологической, политическая необходимость отстаивания интересов и позиций самостоятельной великой державы на международном поприще (Труд. 1991, 15 октября).

Внешняя разведка, не отказываясь в современных условиях смягчения международной напряженности от обеспечения российских национальных интересов, предложила всем специальным службам сотрудничество по тем вопросам, которые представляют обоюдный интерес или общую опасность: борьба с распространением оружия массового уничтожения,

международным терроризмом и организованной преступностью, а также обмен информацией о ситуациях в горячих точках мира.

Россия, выйдя из серьезных недавних перемен в международном положении, сохранила статус отнюдь не какой-то побежденной стороны с ограниченным суверенитетом, а великого государства, супердержавы - Советского Союза, который являлся одним из ведущих участников и гарантом многих международных соглашений, определяющих сегодня лик Европы и мира (Сегодня. 1994, 22 июня).

Национальные интересы России, с одной стороны, как европейского государства, требуют приобщения ее к Европе и ее делам. С другой - как азиатского, жизненные интересы которого требуют теснейшего сотрудничества со среднеазиатскими государствами, возникшими из СССР, и с капиталистическими странами Азии, в первую очередь Китаем и Японией.

Однако вопрос принадлежности России к Европе определенные круги как в самой Европе, так и в Америке пытаются ставить под сомнение. Даже бывший президент Франции Ф. Миттеран предпочитал не рассматривать Россию как европейскую державу, не говоря уже о враждебных антироссийских силах в странах Восточной Европы, в том числе о Лехе Валенсе, занимающем теперь, после поражения на выборах, все более резко антироссийские позиции.

А вот федеральный канцлер ФРГ Г. Коль и его страна, играющая в Европе ведущую роль, твердо высказывается за приобщение России к Европе. Думаю, что это не случайно. В позиции Коля видна обоснованная заинтересованность Германии в союзе с Россией. Ведь война и поражение в ней как раз от России многому научили немцев. Экономическое и политическое сотрудничество России с Германией, очевидно, взаимовыгодно. Необходимо, однако, учитывать некоторые устремления Германии, требующие контроля и соответствующего твердого отпора. Так, например, Коль является одним из активных европейских сторонников продвижения НАТО на восток, несмотря на возражения России (За рубежом. N 27. 1994, июнь).

В этой связи хочу высказать свою оценку того, как решалась судьба ГДР, иначе, чем "предательством века", назвать это не могу.

Судьба ГДР и вся проблема германского урегулирования была решена советским руководством в лице М. Горбачева и Э. Шеварднадзе, можно сказать, самым предательским образом по отношению к интересам нашего народа. При этом проблема НАТО для России была дополнительно усложнена легкомысленной позицией Горбачева в 1990 году при переговорах с западными руководителями, прежде всего с президентом США Бушем. Тогда, даже после первых капитулянтских шагов, у Горбачева и Шеварднадзе бьша возможность притормозить процесс и вести солидный торг как по вопросу участия объединенной Германии в НАТО, так и по вопросу материального возмещения за потерю стратегических, политических и экономических позиций СССР, добытых ценой огромных жертв со стороны нашего народа в войне с Германией.

Как свидетельствует в своих мемуарах бывший посол СССР в ФРГ Ю. Квицинский, московские руководители не имели определенной позиции по вопросу о германском

урегулировании даже в середине 1990 года, когда этот вопрос решался. А вот американский президент Буш, напротив, уже в конце 1988 года лично наставляя посла США В. Уолтера, подчеркивал, что наступает решительное время, в ФРГ будет поставлено на карту все. Действительно, союзники бились за то, чтобы новая, объединенная Германия была сразу же включена в НАТО, несмотря на упорное сопротивление с нашей стороны сделать ее нейтральной.

Горбачев же с Шеварднадзе даже не попытались получить что-либо серьезное за такую уступку, не говоря уже о том, что естественно было оговорить и закрепить в документах ограничение роли Германии в НАТО. Вместо этого Горбачев простым кивком головы не только дал согласие, а, по существу, безоговорочно аннулировал итоги Великой Отечественной войны, закрепленные в Потсдамском договоре.

Вот как повествует об этом американский журналист К. Уолш: "В июне 1990 года во время визита Горбачева в США за чашкой чая в кабинете президента Буша в присутствии советников обоих президентов и глав дипломатических посольств советский лидер заявил как бы мимоходом, что согласен признать членство объединенной Германии в НАТО, если этого захочет немецкий народ. Присутствующие были потрясены". Уолш отмечает, что Буш даже попросил Горбачева повторить то, что он сказал. После этого остальное было делом техники, закрепившей полную капитуляцию, полный отказ от потсдамских соглашений, от наших прав и ответственности в отношении Германии. В сентябре 1990 года в Москве был подписан договор об урегулировании отношений с Германией, а в октябре того же года состоялся торжественный акт ликвидации ГДР, а по существу, позорный акт сдачи ГДР.

В результате в новой ситуации, сложившейся вследствие безответственной политики Горбачева и развала Союза ССР, перед Россией возникло много сложных проблем. Одна из них: вместо определенных разумных ограничений участия Германии в НАТО, Германия не только превратилась в одного из новых полноправных участников этого блока, но еще и стала активным адвокатом продвижения НАТО на восток. Не случись этого "предательства века", Германия едва ли была бы теперь таким громогласным глашатаем за продвижение НАТО к российским границам (Сегодня. 1994, 15 июля).

Попытки отчуждения России от Европы, с использованием для этого и НАТО, явно преследуют так близкие устремлениям США цели сохранить за ней положение практически колониальное. При этом навязать России роль участника стабилизации Европы, как это случилось в Югославии, но не на равных и тем более не первых ролях, а на подхвате у НАТО, по указке американцев (Сегодня. 1994, 9 апреля).

Другим, помимо отношением к НАТО, противоречием с Западом на современном этапе являются отношения России со странами СНГ. Запад и, естественно, его спецслужбы стремятся пугать эти государства угрозой имперских намерений России, инспирируя там националистические настроения, прельщая богатыми посулами (Сегодня. 1994, 20 сентября).

Запад явно стремится, используя все возможные каналы, в том числе и международные институты - ЕС, МВФ, НАТО, не допустить полного российского доминирования в ближнем

зарубежье, а сам добивается ощутимых экономических и иных выгод от эксплуатации огромных природных богатств этих регионов бывшего Советского Союза (Сегодня. 1994, 4 ноября).

В своих проектах восточной политики Запад преследует вполне конкретные цели: блокировать и без того трудное движение стран СНГ навстречу друг другу; вероятным мотивом НАТО является отжим России от Европы, выталкивание ее из большой европейской политики, оттеснение России от развитого мира на Восток и Юг с тем, чтобы соблазнить ее идеями новых походов на Юг, где ее ожидают новые затяжные конфликты.

Возможно, НАТО имеет геополитическую цель в лице России поставить барьер перед исламским фактором в мировой политике.

На примере Афганистана, Таджикистана и Чечни можно предположить, что НАТО хотело бы противопоставить "волны нестабильности" постсоциалистического пространства и мусульманского мира" (Известия, 1996, 4 июня). Эта оценка нашего историка представляется мне реальной. Исходя из временного периода без конфронтаций мирового значения, который можно прогнозировать на 15-20 лет - конец XX века и начало будущего тысячелетия,

- внешней разведке предстоит решать, по моим предположениям, не менее сложные проблемы, чем те, с которыми пришлось иметь дело в годы "холодной войны".

Учитывая быстрое технологическое развитие, особенно в области информации, можно понять, что многие задачи нынешних "близких боев" уступают место "дальнему бою". Во всяком случае, это ожидает наши вооруженные силы и, в известном плане, экономику, все более связываемую с технологическим процессом.

Не обойдет это "информационное" насыщение будущее жизни на планете на всех ее уровнях разведывательной службы (Красная звезда. 1995, 23 декабря).

Но пока внешняя разведка должна решать те важнейшие задачи, которые уже сформулировала ей жизнь: обеспечение безопасности страны.

Россия, являясь одним из крупнейших государств мира, неизбежно связана со всеми уровнями безопасности: международным, региональным и национальным.

Независимо от уровня безопасности, все они должны преследовать цель "обеспечить жизненно важные интересы России, ее независимость, территориальную целостность, политическую стабильность, возможность устойчивого социальноэкономического развития общества".

В области политической безопасности задача состоит в "создании условий, в глобальном, региональном и внутреннем масштабах, обеспечивающих мирное развитие РФ". Одним из центральных моментов этого вида безопасности является "оценка и прогноз существующих и потенциальных угроз национальным интересам государства".

"Экономическая безопасность государства заключает в себе способность экономики страны обеспечить" все потребности как при мирном развитии страны, так и на случай войны.

"Военная безопасность как одна из составляющих безопасности страны остается важнейшей на ближайшие годы и более отдаленную перспективу".

Наконец, "экологическая безопасность среды обитания как один из элементов безопасности страны приобретает в современных условиях все большее и большее значение". Она стала сопоставимой с военной (Российские вести. N 25. 1992, 2 июля).

Указанные элементы безопасности формируют конкретные задачи внешней разведки в области борьбы с терроризмом.

За последние годы терроризм превратился в реальную угрозу безопасности на всех ее уровнях для большинства стран мира. Это потребовало не только объединения усилий спецслужб, но общего единого антитеррористического фронта основных государств мира, являющихся объектами террора.

В этом плане в феврале 1995 года эксперты по борьбе с терроризмом из десяти европейских стран собрались в Париже для обсуждения путей противодействия исламской террористической угрозе.

В декабре того же года в Канаде состоялось совещание руководителей внешнеполитических ведомств, правоохранительных органов и спецслужб семи ведущих стран Запада и России по вопросам борьбы с терроризмом. В начале 1996 года в Египте прошла международная встреча по борьбе с терроризмом.

Наконец, в июле 1996 года состоялась конференция "восьмерки" по борьбе с терроризмом, которая прошла за закрытыми дверями во французской столице с участием министров иностранных дел и глав ведомств, ответственных за безопасность.

Эта проблема фигурирует во всех соглашениях внешней разведки о партнерстве с иностранными разведками.

В связи с проблемой международного терроризма мне хочется обратить внимание на два важных момента.

Запад, и ЦРУ в частности, все более активно выступая за объединение усилий в борьбе с этим злом, однако избегает откровенно вскрывать причины бурного роста исламского терроризма и остается пассивным, имея возможности к тому, чтобы воспрепятствовать в ряде регионов его развитию.

Я уже упоминал в этой связи Афганистан и действия там ЦРУ, которые приводят к выступлениям террористов, подготовленных этим ведомством для борьбы с СССР, теперь против самих США. Известно, что базой для этой деятельности ЦРУ в годы афганской войны

являлся Пакистан. Сейчас в этой стране развернута широкая сеть лагерей и школ по подготовке исламских террористов. Правда, пока они не нацеливаются на западные государства и готовятся к священной войне "джихад", под знаменем ислама в Индии, Афганистане и на Филиппинах, но, как уже показал опыт Афганистана, были бы подготовлены кадры фанатиков-террористов, направить их не трудно против любого народа немусульманской веры. Вот и в Боснии и Чечне появились такие иностранные моджахеды.

Не пора ли давнишнему союзнику Пакистана - США - проявить инициативу и выступить на международной арене с осуждением опасной практики и потребовать закрыть "кузницу кадров террористов" (Красная звезда. 1966, 22 февраля).

Второй момент связан с книгой "Внутренняя война" под редакцией Г. Экштейна, в которой рассматриваются проблемы терроризма и подход к их решению (Внутренняя война. Нью-Йорк, Фри Пресс оф Гленко, 1964).

Мне представляются интересными для учета при организации разведывательных операций по борьбе с терроризмом следующие тезисы авторов этого сборника:

1. Объектами террора являются лица или группы лиц, представляющие максимум символичной ценности.

2. Проведением террористических актов террористы стремятся разрушить внутренние связи общества, добиться дестабилизации ситуации, чтобы индивиды чувствовали себя одинокими, незащищенными, а руководители оказывались дезориентированными и неспособными управлять положением.

3. Террор - наиболее экономичное средство борьбы с точки зрения сил, времени и материальных затрат.

4. Терроризм - показатель слабости, а не силы террористов.

5. В борьбе с терроризмом наиболее эффективным средством является агентурное проникновение.

6. Возможности террористических потрясений существуют в каждом обществе, ибо конфликт и потенциальное напряжение являются элементарными компонентами социальной структуры.

Эти выводы автора являются поразительно актуальными для нашего времени, хотя они сделаны более 30 лет тому назад.

Особенно хочется обратить внимание на агентурные проникновения как наиболее действенное средство борьбы с терроризмом; нельзя исключать и возможностей операций безагентурного ТФП в руководящие центры террористических группировок, в частности, исламских фундаменталистов и их учебно-тренировочных баз.

Подтверждением стремления террористов ко все более значимым актам в международном плане являются их действия, направленные не только против отдельных национальных институтов, но и по международным организациям. Так, в 1996 году были зафиксированы случаи террористических актов против ООН, куда было направлено несколько почтовых отправлений с заложенными в них взрывными устройствами. О том же свидетельствует захват заложников в японском посольстве в Перу, затронувший интересы многих государств, безопасность чьих послов и видных дипломатов оказалась под угрозой.

Кстати, интересно утверждение бразильского журнала "Исту а Синьор" о том, что ЦРУ инспирировало нападение боевиков на резиденцию японского посла в Лиме и захват заложников с целью показать Токио, что власти Перу не контролируют обстановку внутри страны, что с ними не стоит иметь никаких серьезных дел. Журнал не исключает и того, что американцы этой акцией хотели бы спровоцировать падение правительства Фухимори. Вашингтону не нравится его независимая политика.

В связи с укреплением роли ООН в мире, она будет становиться, как считают специалисты по борьбе с террором, все более лакомым куском для проведения акций с громким международным звучанием.

Поэтому предпринимаются усилия, направленные на создание в Секретариате ООН специальной службы, ведающей контрразведывательным обеспечением деятельности этой организации. Однако, хотя о намерении создать "разведслужбу ООН" было объявлено еще в 1993 году, особых успехов пока не заметно (Новости разведки и контрразведки. 1997, N 6).

Таким образом, в области взаимодействия внешней разведки с западными спецслужбами по борьбе с терроризмом нельзя забывать, что Запад в недалеком прошлом воспринимал эту проблему своеобразно - как угрозу только для себя, а что касается СССР, то не только был не против террора, но и сам использовал террористов и террористические школы в борьбе против нас. Нельзя поэтому полностью исключать, что ЦРУ и другие западные спецслужбы не будут прибегать к этим методам или потворствовать им в достижении антироссийских целей. Например, в Боснийском кризисе и в Чечне (Нью-Йорк Таймс. 1993, май).

Исходя из реалий сегодняшнего дня, перед внешней разведкой стоит серьезная задача усилить внимание к угрозе исламского фундаментализма, разоблачать роль отдельных исламских государств, например, Пакистана, как базу подготовки исламских фанатиков, мобилизовать совместные усилия иностранных спецслужб (ЦРУ, СИС, спецслужб Индии), требуя от них воздействовать в этом направлении на Турцию, Иран, Саудовскую Аравию.

В области обеспечения политической безопасности России перед внешней разведкой стоят задачи тщательно следить за деятельностью внешних сил, пытающихся углублять или просто сыграть на слабостях самой России, ее разногласиях с другими государствами СНГ. Приоритетная задача в настоящий период: нейтрализация усилий, предпринимаемых Западом с целью сорвать центростремительные тенденции как в России, так и в других странах СНГ. Постоянной обязанностью внешней разведки является задача помогать в проведении активной внешней политики.

В этой связи хочу напомнить о некоторых враждебных планах и мероприятиях Запада, которые могут продолжаться и в современных условиях.

Еще в пятидесятые годы британская СИС разработала долговременный план дезинформации, направленный на использование слабостей и трений в высших сферах руководства советского блока путем применения всех возможностей, имеющихся в распоряжении британского правительства. План под кодовым названием "Лиотэ" был утвержден приказом от 18 августа 1954 года.

Возникает вопрос: сейчас, когда прошлые отношения как будто бы канули в Лету и резко потеплели, изменилась ли в такой же степени деятельность британских и других западных спецслужб? Можно ли считать операцию "Лиотэ" фактом истории или она до сих пор остается действующей операцией СИС?

Сведения о деятельности британской разведки и некоторые факты последнего времени заставляют сомневаться в том, что ее сдали в архив. Эти сомнения, в частности, находят подтверждение в последнем разоблачении английского шпиона в 1996 году, положение которого и задания ему СИС перекликаются с целями "Лиотэ" (Правда. 1996, 16 января).

Задаче укрепления политической безопасности России соответствуют и стратегические цели внешней разведки, направленные на выявление слабостей в рядах противника, использование внутренних противоречий у него, на мобилизацию противодействия политике иностранных государств, наносящей ущерб национальным интересам России.

Выход на позиции партнерства с Западом ставит новую задачу: интересы безопасности государства требуют точного знания намерений новых партнеров, умения предсказать их действия и поступки (Новости разведки и контрразведки. 1995, N 21-22).

Так, например, заинтересованность западных монополистов в создании внутренних трудностей в России с тем, чтобы иметь более свободные руки в СНГ, демонстрируется на их отношении к Чечне. В середине 1996 года американский конгресс по инициативе сенатора Джесси Холмса принял поправку к законопроекту об иностранной помощи, которая увязывает оказание помощи России с ситуацией в Чечне, возлагая ответственность за положение там на российские власти (Известия. 1996, 3 августа).

Бывший президент Польши Л. Валенса, полагаю, не без подсказки своих американских патронов, обратился как лауреат Нобелевской премии ко всем лауреатам этой награды с призывом остановить "преступный геноцид", осуществляемый российским правительством, которому, по мнению Валенсы, нет места "на скамье цивилизованных наций".

Вот и явные действия в поддержку чеченским бандитским группировкам. Не случайно с этими акциями грубого вмешательства во внутренние дела России совпало резкое обострение ситуации в Чечне.

О том, что Запад и его спецслужбы не чурались поддержки преступных элементов, говорят примеры прошлого. Об этом напоминает сообщение агентства Ассошиэйтед Пресс в декабре 1994 г. "Говорят, наступит такое время, когда национальные интересы Америки самым серьезным образом начнут сталкиваться с интересами России или Китая, и тогда у некоторых деятелей в нашем правительстве может возникнуть искушение вступить в союз с организованной преступностью в этих странах, как сделали их предшественники в отношении сицилианской мафии в 40-х годах", - заявил сотрудник института стратегических исследований при Университете национальной обороны Брайн Салливан (За рубежом. 1994, 23 декабря).

Напоминаю, что, готовясь к вторжению в Италию В 1943 году, морская разведка США установила контакты с могущественной преступной организацией в Сицилии, в том числе с американскими преступниками итальянского происхождения, ранее высланными из США.

Вот и можно предвидеть такую же роль русской мафии в Соединенных Штатах, при возможном обращении к ее помощи ЦРУ. А сегодня ту же коварную роль для Запада играют чеченские и помогающие им исламские террористы.

В области военной безопасности современная ситуация в мире ставит перед российскими разведслужбами задачи отслеживать вероятность выхода бывших участников "холодной войны" на новые, дестабилизирующие системы вооружений, а также, в перспективе, пополнение рядов ядерных держав. Эти задачи, являясь приоритетными для военной разведки - ГРУ, являются важными постоянными задачами и внешней разведки. В области обеспечения как военной, так и, в не меньшей мере, на мой взгляд, экономической безопасности ставится задача наблюдать за развитием, возникающими новыми возможностями и угрозами со стороны электронных средств решения хозяйственных и оборонных проблем и реально вырисовывающейся сейчас угрозой воздействия информационными средствами на людей и их деятельность, включая и в процессе военных действий.

С учетом происшедшей технической революции в области электронной информации возникают серьезные проблемы национальной безопасности от угрозы информационных войн.

Перед внешней разведкой встает, очевидно, задача детального разведывательного изучения проблем, касающихся информационного оружия и информационной войны. В этом плане необходимо добывать прежде всего "количественную, качественную и психологическую" оценку информационного оружия, а также конкретную информацию о том, что делается в этом плане в странах с наиболее развитой информационной инфраструктурой - США, Англии, Японии. Разведка должна помогать внутренним структурам, занимающимся защитой информационных коммуникаций, в "поиске и устранении дыр безопасности и диверсионных программных закладок". При этом следует иметь в виду, что система Интернет может служить потенциальному агрессору как легальное средство для решения задач, предназначенных для информационного оружия (Новости разведки и контрразведки. 1996, N 2).

Среди задач внешней разведки на современном этапе пока не видно раздела о быстро набирающей развитие области электронной разведки (ЭР), по крайней мере у нас об этом не говорят. В то же время военно-политическое руководство США оценивает информацию как

стратегический ресурс и постоянно увеличивает ассигнования на развитие и совершенствование современных технологий в этой области. Если в 1980 году ими было истрачено на это 8 миллиардов долларов, то в 1994 году уже 24 миллиарда, причем эти ассигнования заняли первое место в военном бюджете, опередив ракетно-ядерные и космические программы (Красная звезда. 1995, 8 декабря).

Полагаю, что эта область должна интересовать внешнюю разведку с двух позиций: оборонной и наступательной.

В области оборонной реально встанет вопрос о задаче защиты российских коммуникаций, особенно выходящих за национальные границы. Здесь, помимо чисто защитных мер, все острее обозначаются проблемы угрозы использования современных средств ЭР для ТФП иностранных спецслужб в различные российские объекты, с одной стороны, и, с другой, использование этих средств иностранными разведками для передачи разведывательной информации, добываемой западной агентурой в России.

Что касается наступательных возможностей для внешней разведки по линии ЭР, то здесь открываются новые, неограниченные возможности получения разведывательной информации, а также использования средств ЭР для связи с агентами и разведчиками-нелегалами, находящимися на Западе, и передачи ими информации непосредственно в Москву.

Для иллюстрации один пример.

В 1994-1995 годах в США была проверена безопасность 757 военных информационных систем, умышленно допустив к ним так называемых хакеров - компьютерных разбойников.

Результат был ошеломляющим: хакерам удалось проникнуть в 362 системы. В 266 случаях они получили полный контроль над компьютерами. Причем только 117 из 362 проникновении были обнаружены (Красная звезда. 1996, 15 июня). И это при том, что в США уже действует свыше 500 законодательных актов по защите иформации и компьютерному праву (Известия. 1991, 26 марта).

Практика похищения секретной информации из компьютерных сетей зафиксирована уже давно. Еще в 1976 году федеральная прокуратура Германии обвинила двух немцев в краже детального описания новейшего в те времена истребителя-бомбардировщика "Торнадо" из компьютера производителя самолета концерна "Мессершмитт-Бельков-Блом".

В марте 1989 года в ФРГ была раскрыта группа немецких хакеров, которые регулярно проникали в вычислительные центры стратегических объектов США и некоторых европейских стран (Известия. 1995, 24 августа).

Совсем недавно, в сентябре 1995 года, в Лондоне началось слушание дела русского хакера Вл. Левина, компьютерщика из Санкт-Петербурга, сумевшего, действуя из России, ограбить "Ситибанк" при посредстве компьютерного проникновения в сильно защищенную сеть этого

банка. Опыт этого дела свидетельствует об относительной легкости проникновения в самые защищенные компьютерные сети.

Всемирное развитие сети Интернет позволяет использовать ее для анонимной связи, исключающей определение "авторов" сообщений, то есть для разведывательных целей и в этом плане.

В августе 1995 г. компания "Майкрософт" выпустила на рынок операционную систему Windows-95, позволяющую работать на компьютерах с операционной системой Windows-95 "любой домохозяйке", любому, не обремененному техническими познаниями человеку (Известия. 1995, 24 августа).

Уже в 1991 году АНБ готовилось переключить свою глобальную сеть ЭР на решение новых задач, в том числе на сбор сведений о мировой торговле и финансовых операциях. Об этом тогда писала газета "Нью-Йорк Таймс". То есть для такого важного направления деятельности, как научно-техническая разведка, злободневным является проведение ЭР всеми возможными средствами, содействуя таким образом повышению оборонного потенциала и ускорению социально-экономического развития России, то есть обеспечению экономической безопасности страны (Лидерс. Нью-Йорк. 1991, декабрь).

Задачи обеспечения экономической безопасности для внешней разведки вытекают сегодня из современной ситуации, при которой столкновение интересов на международной арене все больше выливается в борьбу за экономические и коммерческие выгоды, за получение контрактов, большую долю в экспортной торговле и на рынках. Усиливаются попытки выкрадывания друг у друга секретов высокой технологии и экономических тайн. Следовательно, возрастает роль научно-технической разведки.

Наконец, в аспекте обеспечения экологической безопасности, вышедшем по значению на уровень военной безопасности, получение секретной экологической информации для властных структур страны - одна из новых важных задач внешней разведки, которая определена в "Законе о разведке". Обмен такой информацией налаживается не только с ЦРУ, но и со спецслужбами других стран Запада, Среднего и Ближнего Востока и даже Африки. Но и это только начало, предстоит большая работа по освоению и развитию этого направления разведывательной работы. В этих целях внешняя разведка создает группу экспертов-экологов, которым предстоит налаживать сотрудничество со своими иностранными коллегами (Известия. 1993, 30 октября).

Посмотрим теперь, каково же положение самой внешней разведки?

С учетом происшедших в мире перемен, внешняя разведка отказалась от ведения разведки в глобальном масштабе и руководствуется принципом "разумной достаточности". Были проведены организационные изменения в ее структуре и сокращены на 30-40 процентов штаты центрального аппарата и зарубежных представительств. Однако, как мне представляется, это сокращение, особенно зарубежного аппарата, произошло, к сожалению, не только по соображениям достаточной целесообразности, но и под влиянием конъюнктурных факторов.

Западные спецслужбы после распада СССР и расформирования КГБ развернули шумную кампанию за резкое сокращение штатов внешней разведки, к которой присоединились и такие недальновидные и просто враждебные внешней разведке люди, как В. Бакатин, на волне перемен выскочивший на короткое время на руководящие позиции в КГБ, и такой же кратковременный министр иностранных дел, затем посол в Англии - Панкин. За свое короткое время властвования они преуспели навредить положению российских разведок.

В то же время западные спецслужбы и не собирались сокращать свои штаты.

Например, французская внешняя разведка - ГУВБ - уже в 1994 г. увеличила свои штаты на 400-500 сотрудников. При этом она исходила из перспективы создания общеевропейской разведки, проекты которой уже обсуждались с ее европейскими коллегами.

Политические деятели и правоохранные органы в странах Европейского Союза все более настойчиво добиваются создания европейской спецслужбы якобы для борьбы с уголовной преступностью, но ясно, что это только предлог для создания новой разведывательной службы, которая сможет объединить все разведки (Юропиан. 1994, декабрь).

Думаю, что внешней разведке следует считаться с перспективой появления новой мощной разведывательной службы, которая будет, без сомнения, действовать и вопреки интересам России, пока наша страна будет находиться вне европейского сообщества и НАТО. Об этом свидетельствует создание в 1994 году полиции Европы - Европола - с функциями европейской спецслужбы для обмена полицейской информацией между странами-членами ЕС о распространении наркотиков, о нелегальной иммиграции и контрабанде радиоактивных материалов. Проявляется явная тенденция превратить Европол в разведывательную службу (Сообщение агентства "Рейтер" из Гааги. 1995, 20 января, N 3). В этом случае эта организация, очевидно, станет объектом разведывательного интереса внешней разведки в интересах обеспечения политической безопасности России.

С 1990 года появились и другие направления разведывательной деятельности, такие, как обеспечение взаимодействия и взаимопомощи с молодыми разведками стран СНГ, проблемы партнерского сотрудничества с западными спецслужбами, усиление угрозы международного терроризма и исламского фундаментализма, требующие систематической разведывательной работы по линии организации ТФП в международные террористические организации. Все это неизбежно нуждается в новых кадрах, а следовательно, необходимо расширить штат внешней разведки.

И еще одно замечание. В связи с сообщением СМИ о закрытии в 1991 году 30 разведывательных пунктов и сокращении операций внешней разведки в большей части стран Африки, хотел бы напомнить, что французская разведка СДЕСЕ, как показано в главе XIII, наиболее успешно как раз действовала в этом регионе мира. Едва ли разумно отказываться от этой возможности внешней разведке.

Как говорил нынешний директор внешней разведки В. Трубников, внешнюю разведку удалось преобразовать из "вооруженного отряда партия" в мощный информационный центр,

действующий на благо всей России. Едва ли целесообразно ослаблять мощность этого центра, особенно в современных условиях нерешенности многих международных проблем, таких, как взаимоотношения с НАТО, региональные конфликты, поиск "полей совпадения национальных интересов, исходя из того, что у нас нет ни постоянных союзников, ни постоянных противников" (Коммерсант. 1991, 25 ноября, N 46).

Если на протяжении своего существования, с момента организации в 1920 году и до 1990 года, движущей силой в деятельности внешней разведки, наряду с патриотизмом, являлась идеологическая убежденность разведчиков, то в условиях деполитизации на передний план выходят чувства долга и патриотизма. Действуют теперь и соображения политического характера, однако они изменились в своей основе: от коммунистической убежденности к общечеловеческим интересам сохранения мира, борьбы с ядерной опасностью, противодействия милитаристским устремлениям и стремлению создать противовес опасностям однополюсного мира. Естественно, этот переход, перестройка основополагающих установок в работе внешней разведки проходит не без потерь.

В этой связи, возвращаясь к проблеме "кротов" западных спецслужб, о которой я писал в главе VII, хочу подчеркнуть, что эта опасность является самой грозной, особенно сейчас, после того как период наибольшей неопределенности в нашей стране - последние шесть лет - сопровождался возросшим числом явных предательств, то есть получивших огласку измен во внешней разведке. Разумно полагать, что одновременно какое-то количество изменников согласились стать "кротами" западных спецслужб и остались неизвестными, неся самую опасную угрозу дальнейшей успешной деятельности внешней разведки.

Ведь не случайно газета "Вашингтон Пост" писала в связи с делом Эймса, что "если бы ФБР не получило информацию от агента в России, Олдрич Эймс до сих пор ставил бы свой "ягуар" на служебной стоянке ЦРУ". Сам Эймс, как утверждали СМИ США, боялся утечки информации о себе из Москвы. Вот этот страх и понуждал его выдать нам сведения о 36 разведчиках из Советского Союза и его союзников по ОВД, которые перешли на сторону США и стали их "кротами". Сам же Эймс стал жертвой 37-го, о котором он ничего не знал.

Сведения о российском разоблачителе Эймсе, якобы содержащиеся в 400-страничном секретном докладе генерального инспектора ЦРУ Ф. Хитца, остаются недоступными СМИ (Известия. 1994, 4 октября).

Полагаю, что сама волна предательств в 1990-1993 годы связана с тем, что образовался известный вакуум в связи с исчезновением идеологического фактора в работе разведчиков при наличии возросшей сложности с моральным обоснованием труда разведчиков. Нарушая чужие законы при выполнении своего служебного долга перед Отечеством, разведчик не имел никакой правовой базы на родине, закрепленной законодательно, что, естественно, создавало ситуацию его определенной бесправности.

Принятие в июне 1992 года российским парламентом "Закона о разведке", развитого и дополненного в новом "Законе о разведке", утвержденного президентом РФ в начале 1996 года, изменили эту ситуацию, придав большую уверенность российским разведчикам в том, что не

только они, но и руководство внешней разведки и весь законодательный корпус страны несут ответственность за их деятельность. Как, между прочим, это существует и в ЦРУ с момента создания этой разведки в 1947 году.

Соответственно облегчились и задачи в области патриотического воспитания молодых разведчиков, которое наполнилось не только нравственно традиционным содержанием, но и юридической обоснованностью.

Теперь и предатели лишаются признаков идеологического протеста против существующего политического режима, и акт предательства оголяется как явно преступное деяние, правонарушение законов России.

Завершая настоящие воспоминания, которые отражают то, что встретилось на моем профессиональном пути во внешней разведке, хочу подчеркнуть, что наиболее, если можно так говорить о нашей профессии, интригующими, часто наполненными разведывательной романтикой были два периода, каждый продолжительностью в одиннадцать с половиною лет. Это работа по линии нелегальной разведки с 1949 по 1961 год и в Польше, с 1973 по 1984 год. Два периода наиболее полновесных, связанных с постоянным максимальным напряжением моих физических и умственных сил, завершившихся конкретными успехами.

Они составили практически половину моего жизненного пути в разведке и были настоящим взлетом моих возможностей. Для меня эти годы были именно той разведкой, ради которой стоило отдать все силы, чтобы оправдать мой жизненный вклад в дело благополучия Родины.

Сентябрь 1996 года

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

"Кроты" западных спецслужб в ГРУ (согласно тем сведениям, которые можно было почерпнуть из опубликованных сообщений)				
	Ф.И.О.	**Изменил**	**Разоблачен**	**Завербован**
1	Попов П.	1953 г.	1959 г.	ЦРУ
2	Федоров М.	1957 г.	1958 г.	ЦРУ
3	Поляков Д.	1961 г.	1988 г.	ЦРУ
4	Пеньковский О.	1961 г.	1963 г.	ЦРУ
5	Чернов Н.	1962 г.	1988 г.	ЦРУ
6	Сметанин Г.	1974 г.	1986 г.	ЦРУ
7	Резун В.	1977 г.	1978 г., бежал	СИС
8	Бохан С.	1980 г.	Бежал	ЦРУ

Приложение 2

"Кроты" внешней разведки в западных спецслужбах			
	Ф.И. (псевдоним)	**Время деятельности, до**	**Объект**
1	Филби К.	1963 г.	СИС
2	Блант Э.	1950 г.	СИС
3	Берджес Г.	1950 г.	СИС
4	Маклин Д.	1950 г.	СИС
5	Кернкросс Д.	1946 г.	ШПС
6	"Кито"	1949 г.	ФБР
7	Прайм Д.	1982 г.	ШПС
8	Фельфе Х.	1961 г.	БНД
9	Группа "Сапфир"	Не раскрыта	СДЕСЕ
10	Уокер Д.	1982 г.	ВМФ США
11	Уотворт Д.	1982 г.	ВМФ США
12	Митчел Б.	1960 г.	АНБ
13	Мартин В.	1960 г.	АНБ
14	Бойс Д.	1977 г.	АНБ
15	Ховард Л.	1985 г.	ЦРУ
16	Эймс О.	1994 г.	ЦРУ
17	Блейк Д.	1961 г.	СИС
18	Джонсон Л.	1964 г.	МО США
19	Пак Д.	1963 г.	НАТО
20	Хаблетон Д.	1961 г.	НАТО
21	Тидге Х.	1985 г.	ФВОН

Приложение 3

"Кроты" ГРУ в западных спецслужбах (согласно опубликованным сведениям)				
	Ф.И.	**Псевдоним**	**Время деятельности**	**Объект**
1	Веннерстрем С.	"Орел"	До 1963 г.	Разведка Генштаба Швеции
2	Берглинг С.	"Варяг"	До 1977 г.	СЕПО
3	Герхард Д.	"Феликс"	До 1983 г.	Спецслужба ЮАР
4	Даилоп Д.Е.		До 1963 г.	АНБ
5	Гамильтон В.М.		До 1963 г.	АНБ

Приложение 4

"Кроты" ГРУ в западных спецслужбах (согласно опубликованным сведениям)				
	Ф.И.	**Псевдоним**	**Время деятельности**	**Объект**
1	Веннерстрен С.	"Орел"	До 1963 г.	Разведка Генштаба Швеции
2	Берглинг С.	"Варяг"	До 1977 г.	СЕПО
3	Герхард Д.	"Феликс"	До 1983 г.	Спецслужба ЮАР
4	Даллоп Д.Е.		До 1963 г.	АНБ
5	Гамильтон В.М.		До 1963 г.	АНБ

Приложение 5

Неудавшиеся попытки превращения предателей в "кротов"				
	Предатель	**Кличка**	**Разоблачен**	**Спецслужба**
1		"Гарт"	В 1955 г.	ВР
2	Федоров М.		В 1958 г.	ГРУ
3	Логинов Ю.	"Густо"	В 1967 г.	ВР
4	Носенко Ю.	"Фокстрот"	В 1964 г.	КГБ
5	Сахаров В.	"Скорпион"	В 1971 г.	ВР
6	Лялин О.	"Фарисей"	В 1971 г.	ВР
7	Южин Б.		В 1986 г.	ВР
8	Резун В.	"Самозванец"	В 1980 г.	ГРУ
9	Шеймов В.		В 1980 г.	КГБ
10	Оценко В.		В 1992 г.	ВР

Приложение 6

Сотрудники КГБ, внешней разведки и ГРУ, изменившие Родине в период между 1945-1995 гг. включительно. Часть 1#3					
	Предатель	Спец. служба	Где предал	Год	Примечание
1	Гузенко И.	ГРУ	Канаде	1945 г.	
2	Волков К.	ВР	Швеция	1945 г.	Изменил в Турции, бегство предупреждено. См. Брук-Шеферд "Штормовые птицы", страницы XIV, 48-56, 199, 205.
3	Грановский А.	ВР	Швеция	1946 г.	Там же, стр. 67.
4	Скрипкин В.	ГРУ	Япония	1946 г.	Там же, стр. 60-61.
5	Бакланов Б.	ВР	Австрия	1947 г.	Там же, стр. 67.
6	Попов П.	ГРУ	Австрия	1953 г.	Там же, стр. 187-188; Уайз Д. "Охота на "кротов", стр. 171, 351-352.
7	Растворов Ю.	ВР	Япония	1954 г.	
8	Дерябин П.	ВР	Австрия	1954 г.	
9	Хохлов Н.	ВР	Германия	1954 г.	
10	"Тарт"	ВР	Канада	1954 г.	
11	Петров В.	ВР	Австралия	1954 г.	
12	Петрова Е.	ВР	Австралия	1954 г.	
13	"Вик"	ВР	США	1957 г.	Нелегал, изменивший в 1957 году и выдавший Абеля.
14	Федоров М.	ГРУ	Франция	1957 г.	Нелегал ГРУ, см. Уайз Д. "Охота на "кротов", стр. 170.
15	Поляков Д.	ГРУ	США	1961 г.	
16	Пеньковский О.	ГРУ	Москва	1961 г.	
17	Логинов Ю.	ВР	Финляндия	1961 г.	Нелегал, см. историю его вербовки там же, стр. 179-180, 225-230, 243-245.
18	Голицин А.	ВР	Финляндия	1961 г.	
19	Носенко Ю.	КГБ	Швейцария	1962 г.	
20	Чернов Н.	ГРУ	США	1962 г.	"Известия", 06.03.1992, Н. Бурбыга "Предательство не легкая работа"; "Правда", 16.03.1993, С. Горленко "О бедном шпионе замолвите слово".

Сотрудники КГБ, внешней разведки и ГРУ, изменившие Родине в период между 1945-1995 гг. включительно. Часть 2#3					
	Предатель	Спец. служба	Где предал	Год	Примечание
21	Рунге Е.	ВР	ФРГ	1968 г.	Нелегал, см. глава "Операция "Курт".
22	Сахаров В.	ВР	Кувейт	1971 г.	Баррон "КГБ", Нью-Йорк, 1974, стр. 29-61.
23	Лялин Ю.	ВР	Англия	1971 г.	
24	Чеботарев А.	ГРУ	Бельгия	1971 г.	Брук-Шеферд "Штормовые птицы", стр. 245-246. После измены через 3 месяца вернулся домой.
25	Петров Н.	ГРУ	Индонезия	1971 г.	Брук-Шеферд, стр. 246. После измены вернулся в СССР в ноябре 1973 г.
26	Сорокин Е.	ГРУ	Вьетнам	1972 г.	Брук-Шеферд, стр. 248. После измены вернулся в СССР в октябре 1973 г.
27	Органисян А.	ВР	Турция	1972 г.	Брук-Шеферд, стр. 277-278. После измены и бегства в Турцию, затем в США, в сентябре 1973 г. вернулся в СССР.
28	Гордиевский О.	ВР	Дания	1972 г.	
29	Сметанин Г.	ГРУ	Португалия	1974 г.	"Новости разведки и контрразведки", N 17-18, 1995 г. "Кого выдал Эймс"; "Совершенно секретно", N 4, 1996 г.
30	Южин Б.	ВР	США	1977 г.	
31	Резун В.	ГРУ	Швейцария	1978 г.	
32	Левченко В.	ВР	Япония	1979 г.	
33	Ветров В.	ВР	Москва	1980 г.	
34	Шеймов В.	8 ГУ КГБ	Москва	1980 г.	
35	Богатый А.	ВР	Марокко	1982 г.	В. Кирпиченко "Из архива разведки", "МО", Москва, 1993, стр. 246-248.
36	Варенник В.	ВР	ФРГ	1980-е	"Новости разведки и контрразведки", N 17-18, 1996, "Кого выдал Эймс".

Сотрудники КГБ, внешней разведки и ГРУ, изменившие Родине в период между 1945-1995 гг. включительно. Часть 3#3					
	Предатель	Спец. служба	Где предал	Год	Примечание
37	Мартынов В.	ВР	США	1982 г.	
38	Кузочкин В.	ВР	Иран	1982 г.	
39	Моторин С.	ВР	США	1983 г.	
40	Полещук Л.	ВР	Африка	1985 г.	
41	Гундарев В.	ВР	Греция	1986 г.	
42	Воронцов	КГБ	Москва	1986 г.	
43	Бохан С.	ГРУ	Греция	Конец 1980-х	Был завербован ЦРУ в Греции, где являлся "кротом" в резидентуре ГРУ, бежал в США.
44	Пигузов В.	ВР	Индонезия	Конец 1980-х	
45	Васильев В.	ГРУ	Венгрия	Конец 1980-х	
46	Баранов В.	ГРУ	Бангладеш	1989 г.	
47	Чернинский И.	ВР	Бельгия	1990 г.	"Совершенно секретно", N 9, 1996.
48	Илларионов	ВР	Италия	1991 г.	Устные сведения, полученные автором
49	Коноплев В.	ВР	Бельгия	1991 г.	"Известия", 14.04.1992, 15.04.1992, 26.10.1992, 05.11.1992, 03.08.1994.
50	Фоменко	ВР	ФРГ	1991 г.	"Известия", 04.10.1991, Бовкун Е. "Разведчик меняет хозяина".
51	Бутков М.	ВР	Норвегия	1991 г.	"Совершенно секретно". N 5, 1996.
52	Лаврентьев В.	КГБ	ГДР	1991 г.	
53	Ощенко В.	ВР	Франция	1994 г.	
54	Макеев И.	ВР	Тайланд	1994 г.	
55	Мягков	КГБ	Австрия		

Приложение 7

Иностранная литература об изменниках и "кротах"	
1	Уэст Р. "Новый смысл понятия государственной измены". "Викинг пресс". Нью-Йорк, 1964.
2	Аллен Т., Пальмер Н. "Торговцы изменой", Лондон, 1968.
3	Бовери Маргарет. "Предательство XX века". "Галлимар", Франция, 1971.
4	Блюм Р. "Обманщики и обманутые". "Чарльз Томас паблишерс", Спрингфилд, США, 1972.
5	Баррон Джон. "КГБ". США, 1974.
6	Мастерман Джон. "Система двойного креста". "Нью-Хэвен-Эйль Университет Пресс", 1975.
7	Бойл Андрю. "Атмосфера измены". "Каронет Букс", Лондон, 1980.
8	Мартин Д. "Зеркальный лабиринт". США, 1980.
9	ПинчерЧапмэн. "Их ремесло - измена". Лондон, 1981.
10	ПинчерЧапмэн. "Предатели. Анатомия измены". Нью-Йорк, 1987.
11	Вудворт Боб. "Завеса: секретные войны ЦРУ 1981-1987 гг.". "Симене энд Шустер", США, 1987.
12	Брук-Шеферд. "Штормовые птицы". "Оул Бук", Нью-Йорк, 1990.
13	Уайз Дэвид. "Охота на кротов". "Рэндом хауз", Нью-Йорк, 1992.
14	Волкман Эрнст. "Шпионы", Нью-Йорк, 1994.